Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Гуманитарный институт
Высшая школа международных отношений

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Сборник научных трудов

Выпуск 8

ПОЛИТЕХ-ПРЕСС
Санкт-Петербургский
политехнический университет
Петра Великого

Санкт-Петербург
2025

УДК 327
ББК 66.4
М43

Р е ц е н з е н т ы:
Доктор политических наук, профессор
Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
З. З. Бахтуридзе
Доктор исторических наук, профессор
Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
О. К. Павлова

Международные отношения в глобальном измерении : сборник научных трудов. Вып. 8 / под ред. А. С. Матвеевской. – СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025. – 399 с.

В сборнике представлены материалы научных исследований, рассматривающих современные тенденции мирополитических процессов, актуальные вопросы экологических трендов, проблемы социальных и политических практик в условиях глобализации. Сборник включает научные работы, освещающие вопросы международного сотрудничества и межкультурного диалога.

Предназначено для студентов, аспирантов, преподавателей и всех, кто интересуется современными проблемами международных отношений, социогуманитарного и политического знания.

Все материалы публикуются в авторской редакции, точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я:
Доктор исторических наук, профессор *С. Н. Погодин*
Кандидат философских наук, доцент *Л. И. Евсеева*
Кандидат экономических наук *Чжан Ваньтин*
Кандидат политических наук *Ван Цзюньтао*
Кандидат географических наук, доцент *А. С. Матвеевская*

О т в е т с т в е н н ы й р е д а к т о р – кандидат географических наук,
доцент кафедры мировой политики СПбГУ *А. С. Матвеевская*

Печатается по решению
Совета по издательской деятельности Ученого совета
Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

ISBN 978-5-7422-9029-2 (вып. 8)
ISBN 978-5-7422-7581-7

© Матвеевская А. С., научное редактирование, 2025
© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляем вашему вниманию восьмой выпуск сборника научных трудов «Международные отношения в глобальном измерении», инициированного к изданию Высшей школой международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. В сборнике представлены результаты теоретического осмысление и прогнозирования тенденций в политической, социальной и культурной сферах, а также в области международных отношений и геополитики.

В содержательном плане в сборнике представлены темы по различным направлениям исследований современных глобальных проблем международных отношений. Материалы научных трудов сборника систематизированы в пяти разделов, отражающих научный интерес авторов к различным сферам анализа современной общественной реальности: 1. Мир вокруг нас: история и практика международных отношений. 2. Мирополитические аспекты современного развития. 3. Международное сотрудничество и межгосударственное взаимодействие. 4. Межкультурный диалог: история и современность. 5. Актуальные вопросы международного права. 8. Тренды и практики социально-политических процессов.

Публикуемые материалы носят комплексный и междисциплинарный характер, отражают современный уровень научно-исследовательской работы и предложены к изданию в авторской редакции. Научные публикации могут быть использованы в учебном процессе и научно-исследовательской работе, при разработке спецкурсов по актуальным проблемам социо-гуманитарного знания и организации образовательного процесса.

Приглашаем познакомиться с материалами данного издания, а также анонсируем открывающуюся возможность публикаций и обсуждений результатов исследований на страницах следующего 9-го выпуска сборника научных трудов «Международные отношения в глобальном измерении» в 2025 году.

А. С. Матвеевская,
кандидат географических наук, доцент Кафедры мировой политики,
факультета международных отношений, Санкт-Петербургского
государственного университета

РАЗДЕЛ I. МИР ВОКРУГ НАС: ИСТОРИЯ И ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 327

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

ANALYSIS OF THE IMPACT OF MIGRATION ON THE EUROPEAN UNION'S COLLECTIVE IDENTITY

Е. И. Делеган,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
E. I. Delegan,
Saint Petersburg State University,
(Saint-Peterburg, Russia)
E-mail: edelegan@list.ru

Научный руководитель:
Матвеевская А. С.
E-mail: a.matveevskaya@spbu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния миграционных процессов на формирование коллективной идентичности Европейского союза. Автор исследует динамику внутриевропейской и международной миграции, раскрывая ее многогранное воздействие на политическую, институциональную и социокультурную сферы ЕС. Раскрываются противоречия между наднациональными амбициями и национальными интересами государств-членов в контексте миграционной политики. Автор анализирует институциональные механизмы регулирования миграции, новый Пакт о миграции и убежище, проблемы интеграции мигрантов и социальной напряженности. Особое внимание уделяется трансформации европейской идентичности под влиянием миграционных вызовов, росту правопопулистских настроений и секьюритизации миграционной повестки. Исследование базируется на статистических данных, официальных документах ЕС и современных научных источниках, используя комплексный подход к изучению миграционных процессов и их влияния на европейское самосознание.

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the impact of migration processes on the formation of the European Union's collective identity. The author examines the dynamics of intra-European and international migration, revealing its multifaceted effects on the EU's political, institutional, and sociocultural spheres. The study explores tensions between the supranational ambitions of EU institutions and the national interests of member states in the context of migration policy. It analyzes institutional mechanisms for migration regulation, including the new Pact on Migration and Asylum, alongside challenges related to migrant integration, social tensions, and the growing securitization of migration agendas. Particular attention is paid to the transformation of European identity under the influence of migration-related pressures, the rise of right-wing populist sentiments, and the framing of migration as a security issue. Grounded in statistical data, official EU documents, and contemporary academic research, the study adopts an interdisciplinary approach to understanding how migration shapes European self-perception and collective identity.

Ключевые слова: МИГРАЦИЯ, ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ, МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА, ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ, НАДНАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ, КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

Key words: MIGRATION, EUROPEAN IDENTITY, EUROPEAN UNION, MIGRATION POLICY, MIGRANT INTEGRATION, SUPRANATIONAL INSTITUTIONS, CULTURAL IDENTITY, TRANSNATIONAL MOBILITY

В современных международных отношениях миграционные процессы выступают одним из ключевых факторов трансформации социально-политического ландшафта Европейского союза (ЕС). Масштабные перемещения населения не только изменяют демографическую структуру европейских государств, но и оказывают существенное влияние на формирование коллективной идентичности ЕС, обнажая глубинные противоречия интеграционного проекта.

Внутриевропейская миграция, гарантированная статьей 21 Договора о функционировании ЕС [1] и Директивой 2004/38/ЕС [2], реализуемая в основном через Шенгенское соглашение, способствует созданию единого экономического и социального пространства. С 2000 по 2020 год число граждан ЕС, проживающих в других странах Союза, выросло с 27 до 44 миллионов [3]. Этот рост обусловлен расширением ЕС в 2004, 2007 и 2013 годах, либерализацией рынка труда и улучшением транспортной инфраструктуры. Подобная мобильность стимулирует формирование транснациональной идентичности: частые контакты между гражданами разных государств-членов способствуют положительному восприятию общих ценностей и целей.

Международная миграция, напротив, ставит перед ЕС вызовы, связанные с культурной и политической адаптацией. Согласно последним имеющимся данным, в ЕС проживает около 87 миллионов международных мигрантов, из которых примерно 40 миллионов прибыли из неевропейских стран [4]. Ключевыми факторами притяжения остаются экономические возможности и безопасность, однако кризисы в Сирии, Украине и секторе Газа привели к масштабным вынужденным перемещениям и существенно изменили миграционный ландшафт Европы. В то время как внутри-европейская миграция остается важным элементом экономической и социальной динамики ЕС, именно вынужденные перемещения из третьих стран во многом формируют дискурс общественных дебатов и политические решения в ЕС.

Миграция оказывает прямое воздействие на политическую и институциональную идентичность ЕС. Понятие «политической идентичности» ЕС включает в себя осознание гражданами принадлежности к единому политическому пространству, основанному на общих ценностях, институтах и механизмах принятия решений [5]. Это проявляется в европейском гражданстве, электоральных практиках и формировании транснациональной публичной сферы. В свою очередь, «институциональная идентичность» подразумевает целостность и согласованность функционирования наднациональных структур и институтов Европейского союза, их способность действовать как единый актор в соответствии с заявленными нормами и ценностями [6].

Размывание образа «европейца» под влиянием миграционных и культурных трансформаций препятствует укреплению обеих форм идентичности, подчеркивая их изначальную незавершенность и уязвимость [7]. Миграционные кризисы, такие как события 2015–2016 годов, обнажили противоречия между национальными и наднациональными подходами. Так, Германия, апеллируя к исторической ответственности, приняла политику открытости, тогда как Венгрия, ссылаясь на угрозы культурной самобытности, ввела жесткие ограничения [8]. Эти различия отражают отсутствие консенсуса в понимании европейской идентичности: для одних она базируется на универсальных гуманитарных ценностях, для других основывается на цивилизационных и религиозных категориях. Противоречивые интерпретации «европейскости» порождают принципиально различные моральные императивы в отношении миграции: либо обязательство защищать беженцев как проявление европейских ценностей, либо необходимость защищать европейскую цивилизацию от культурного размывания. Таким образом, миграционная политика становится не просто вопросом административного управления, но полем столкновения конкурирующих идентичностей.

Резкий рост миграционных потоков в 2015 и 2022 годах выявил разрыв между нормативной риторикой ЕС и реальными практиками государств-членов, что поставило под вопрос легитимность институциональной архитектуры Союза. Так, например, электоральные тренды, такие как рост правопопулистских партий, свидетельствуют о кризисе легитимности европейских институтов. Результаты национальных выборов в ряде европейских стран в 2022-2023 годах продемонстрировали укрепление правых и консервативных сил, использующих антимиграционную риторику. Это указывает на углубляющийся разрыв между космополитической концепцией ЕС, продвигаемой элитами в Брюсселе, и коммунитаристскими настроениями значительной части граждан. Выборы в Европарламент 2024 года подтвердили поляризацию: антимиграционная риторика стала инструментом воздействия на электорат, особенно в Восточной Европе, где явка в Европарламент остается низкой, а евроскептицизм — высоким [9].

Институциональная архитектура ЕС в сфере миграции характеризуется сложным переплетением наднациональных амбиций и национальных прерогатив. Хотя Лиссабонский договор предусматривает общую иммиграционную политику и применение принципа солидарности [10], практическая реализация этих положений остается проблематичной. Дублинская система, призванная определить ответственность за рассмотрение заявлений о предоставлении убежища, продемонстрировала свою неэффективность в условиях массового наплыва мигрантов, что усугубило асимметричное распределение ответственности между государствами-членами.

Новый пакт о миграции и убежище, официально принятый в 2024 году после четырех лет сложных переговоров, представляет собой попытку преодолеть институциональную фрагментацию. Ключевые компоненты Пакта включают:

1. Механизм обязательной солидарности с более гибкими формами участия (финансовый вклад, оперативная поддержка или перераспределение беженцев);

2. Улучшенные процедуры идентификации на внешних границах ЕС, включая создание единой европейской базы данных биометрических данных;

3. Ускоренные процедуры рассмотрения заявлений для лиц с низкой вероятностью получения убежища;

4. Усиление охраны внешних границ и расширение полномочий агентства Frontex;

5. Новые правила сотрудничества со странами происхождения и транзита мигрантов [11].

Однако имплементация Пакта сталкивается с серьезными вызовами. Польша и Венгрия заявили о неприемлемости ряда положений, считая их вмешательством в национальный суверенитет [12]. Это сопротивление отражает более глубокую институциональную проблему: европейская идентичность остается слабо институционализированной. Даже Европейский парламент, единственный напрямую избираемый орган ЕС, имеет ограниченное влияние на формирование и имплементацию миграционной политики, что подрывает демократическую легитимность наднациональных решений [13].

Дебаты вокруг миграционной политики ЕС усугубляются проблемами интеграции мигрантов в общество принимающих стран. Несмотря на экономический вклад иммигрантов (5,7% рабочей силы ЕС) [3], их интеграция остается неполной. Языковой барьер, дискриминация на рынке труда и низкое признание квалификаций способствуют маргинализации. Например, в гостиничном бизнесе и строительстве доля мигрантов из третьих стран достигает 11,3% и 9,1%, тогда как среди высококвалифицированных специалистов их представленность минимальна [14].

Обеспокоенность среди общественности вызывает и то, что иммигранты, являясь носителями отличающихся культурных традиций, зачастую демонстрируют крайне низкую способность к адаптации [15]. В результате происходит образование закрытых этнических сообществ, существующих обособленно. Значительные различия в менталитете и образе жизни создают почву для растущей напряженности между местными жителями и иммигрантскими общинами, что порождает серьезные социальные конфликты. В странах с высоким числом мигрантов (например, Франция, Германия, Польша) отмечаются эпизоды межэтнического напряжения и вспышки насилия, что подрывает доверие к институциональной системе и углубляет разрыв между группами населения [16].

Это усиливает восприятие мигрантов как «чужих», подпитывая секьюритизацию миграции — ее представление в качестве угрозы безопасности. На уровне риторики и политики наблюдается устойчивое смещение акцента с прав человека на защиту границ. В результате мигранты всё чаще воспринимаются не как носители трудового потенциала, а как потенциальная угроза общественному порядку, культурной идентичности и экономическим ресурсам. Секьюритизация проявляется через медийные образы, политические кампании, законодательные инициативы. Показательным является следующий пример: около 52% граждан ЕС согласны с тем, что миграция из стран Ближнего Востока и Африки повышает уровень угрозы терроризма, несмотря на отсутствие прямой корреляции [17]. Такое восприятие способствует отчуждению мигрантов, снижает доверие к ним и ослабляет возможности для их успешной интеграции.

Исследования выявляют парадокс европейской идентичности, которая сочетает космополитические ценности открытости и коммунитарную логику разграничения «своих» и «чужих». Граждане ЕС, идентифицирующие себя как «европейцы», демонстрируют более высокую толерантность к миграции в целом, однако при этом четко разделяют отношение к мигрантам из стран ЕС и третьих государств. Разрыв в восприятии достигает 35 процентных пунктов: 76% респондентов с двойной идентичностью («нация + Европа») положительно оценивают внутриевропейскую мобильность, тогда как к неевропейским мигрантам лояльны лишь 41,7%. Этот дисбаланс объясняется сочетанием социальных идентичностей. Граждане, для которых национальная принадлежность остается первичной (54% в ЕС), склонны рассматривать европейскую идентичность через призму «защиты общего дома», что усиливает предпочтение внутрисоюзной миграции. Напротив, те, кто идентифицирует себя в первую очередь как «европейцы» (6%), демонстрируют меньший разрыв в оценках, что отражает более универсалистский подход [18].

Попытки ЕС гармонизировать интеграционную политику сталкиваются с институциональными ограничениями. В соответствии с Договором о функционировании ЕС (часть 4 статьи 79), основная задача Евросоюза заключается в поддержке инициатив стран-участниц, а не в создании унифицированных правил [19]. Совет и Европарламент уполномочены принимать решения по стандартной законодательной процедуре для содействия государствам-членам в вопросах адаптации иностранцев, легально находящихся в этих странах. Такие полномочия не предусматривают унификацию национальных законов и нормативных актов государств-участников, а ограничиваются исключительно вспомогательной функцией. Это приводит к фрагментации и нарушениям принципа солидарности. Неудачи интеграции усиливают евроскептицизм и межкультурную напряженность.

Рассмотренные аспекты позволяют выявить комплексную динамику трансформации наднационального самосознания в условиях современных глобальных вызовов: миграция перестает быть исключительно демографическим или экономическим феноменом и становится ключевым фактором переопределения европейской идентичности.

Европейская идентичность представляет собой многомерный, динамичный конструкт, который формируется через постоянное взаимодействие национальных и наднациональных идентификационных практик. Миграционные процессы выступают катализатором этого сложного процесса, что проявляется через актуализацию дискуссий о базовых ценностях ЕС и обострение противоречий между открытостью и защитой культурной гомогенности.

Влияние миграции населения на европейскую идентичность имеет диалектическую природу: внутриевропейская мобильность укрепляет транснациональную идентичность, тогда как международная миграция обнажает структурные противоречия между национальными интересами и наднациональными амбициями. Отсутствие единого понимания концепции «европейскости», усиление правопопулистских движений и институциональные преграды ставят под вопрос устойчивость коллективной идентичности ЕС, что стимулирует переосмысление базовых оснований европейского единства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Договор о функционировании Европейского союза (Рим, 25 марта 1957 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) [Электронный ресурс] // Право Европейского Союза: [сайт]. URL: http://eulaw.ru/treaties/tfeu (дата обращения: 06.02.2025).
2. Директива 2004/38/ЕС Европейского Парламента и Совета от 29 апреля 2004 г. о праве граждан Союза и членов их семей свободно передвигаться и проживать на территории государств-членов [Электронный ресурс]. URL: https://www.vfsglobal.com/one-pager/belgium/russia/russian/pdf/visa-on-directive-ec-rus.pdf (дата обращения: 09.02.2025).
3. World Migration Report 2024 [Электронный ресурс] / International Organization for Migration. URL: https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2024 (дата обращения: 06.02.2025)
4. World Migration Report 2024 [Электронный ресурс] / International Organization for Migration. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf (дата обращения: 06.02.2025).
5. Янакова В.Р. Политическая идентичность: концептуализация понятия // Социально-политические науки. 2017. №5. С. 18-23 (дата обращения: 26.02.2025).
6. Берендеев М.В. «Европейская идентичность» сегодня: категория политической практики или дискурса? // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2012. №6. С. 70-79 (дата обращения: 26.02.2025).
7. Алонци Р. Миграционные процессы и идентичность ЕС // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. №1. С.28-47 (дата обращения: 24.03.2025).
8. The European migration crisis and Hungary [Электронный ресурс] / International Organization for Migration. URL: https://hungary.iom.int/european-migration-crisis-and-hungary (дата обращения: 19.03.2025).
9. Топорикова Я.М. Выборы в Европарламент-2024: эпохальное событие или череда закономерностей? [Электронный ресурс] // ИМЭМО РАН. 2024. URL: https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/vibori-v-evroparlament-2024-epohalynoe-sobitie-ili-chereda-zakonomernostey (дата обращения: 01.04.2025).
10. Лиссабонский договор [Электронный ресурс]. 2007. // Право Европейского Союза: [сайт]. URL: https://eulaw.ru/treaties/lisbon/ (дата обращения: 27.02.2025).
11. Европарламент утвердил пакет законов, ужесточающий контроль над мигрантами [Электронный ресурс] // Интерфакс. URL: https://www.interfax.ru/world/955201 (дата обращения: 20.03.2025).
12. Migration policy: Council agrees mandate on EU law dealing with crisis situations [Электронный ресурс] // Council of the EU. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/10/04/migration-policy-council-agrees-mandate-on-eu-law-dealing-with-crisis-situations/ (дата обращения: 30.03.2025).
13. Негров Е.О. Дискурсивные практики манифестирования идентичности в современной Европе: на примере избирательной кампании по выборам в Европейский парламент в 2019 году // Экономика, политика, право и СМИ. 2019. С. 116-129 (дата обращения: 07.04.2025).
14. The European Migration Network. Annual Report on Migration and Asylum 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/news/european-migration-network-releases-annual-report-migration-and-asylum-2023-2024-07-08_en (дата обращения: 06.03.2025).
15. Матвеевская А.С. Исследования миграционных процессов на кафедре мировой политики // Актуальные проблемы мировой политики. Научный альманах. Юбилейный выпуск. 30-лет кафедре мировой политики СПбГУ. СПб. 2024. – С. 101-109.
16. OECD. Indicators of Immigrant Integration 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2023/06/indicators-of-immigrant-integration-2023_70d202c4/1d5020a6-en.pdf (дата обращения: 20.02.2025).
17. Pew Research Center. Immigration & Migration 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.pewresearch.org/topic/immigration-migration/ (дата обращения: 17.03.2025).
18. Sojka A. Supranational identification and migration attitudes in the European Union // BACES Working Papers. 2021. № 02. P. 2-23 (дата обращения: 17.03.2025).
19. Договор о функционировании Европейского союза (Рим, 25 марта 1957 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.) [Электронный ресурс] // Право Европейского Союза: [сайт]. URL: http://eulaw.ru/treaties/tfeu (дата обращения: 06.02.2025).

УДК 327

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ АМЕРИКАНО-МЕКСИКАНСКОЙ ГРАНИЦЫ И ПОЛИТИКИ США В ОТНОШЕНИИ МЕКСИКАНСКИХ МИГРАНТОВ

THE HISTORY OF THE U.S.-MEXICO BORDER AND U.S. POLICY ON MEXICAN MIGRANTS

Н. Н. Есина,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
N. N. Esina,
Saint Petersburg State University,
(Saint-Peterburg, Russia)
E-mail: nina.esina25@gmail.com

Научный руководитель:
Матвеевская А. С.
E-mail: a.matveevskaya@spbu.ru

Аннотация. Данная статья посвящена истории формирования американо-мексиканского миграционного потока. В статье подробно рассмотрены этапы становления границы между США и Мексиканской республикой, так как именно этот процесс заложил основы отношений двух стран в сфере миграции и во многом объясняет столь большое количество мексиканских мигрантов в южных штатах США. Также в статье рассмотрены основные вехи формирования американской миграционной политики в отношении мексиканских мигрантов с середины XIX до начала XXI века, что заложило основы для миграционной политики США на современном этапе.

Abstract. This article is devoted to the history of the formation of the US-Mexican migration flow. The article examines in detail the stages of the establishment of the border between the USA and the Mexican Republic, since this process laid the foundations for the countries' relations in the field of migration and greatly explains such significant amount of Mexican migrants in south states of USA. The article also discusses the main milestones of the formation of the American migration policy towards Mexican migrants from the middle of the 19th to the beginning of the 21st century, which laid the foundations for the US migration policy nowadays.

Ключевые слова: ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА, США. МИГРАЦИЯ, МИГРАЦИОННЫЙ ПОТОК, МЕКСИКА, НЕЛЕГАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ, ГРАНИЦА

Key words: LATIN AMERICA, USA, MIGRATION, MIGRATION FLOW, MEXICO, ILLEGAL MIGRATION, BORDER

В 1821 году Мексика провозгласила свою независимость от Испании, именно с этого момента начинается процесс формирования американо-мексиканской границы, его можно условно разделить на четыре этапа. Первый период датируется 1821-1835 годами, в эти годы правительств США несколько раз выступало с инициативой покупки Техаса, американцы предлагали разнообразные варианты новой границы между странами. Однако Мексиканское

правительство было неуклончивым и отказалось рассматривать предложения США по поводу изменения границы. Однако в этот период началась активная миграция американцев в Техас. Уже к 1836 году на территории Техаса проживало в 10 раз больше американцев, чем мексиканцев. Мексиканское правительство пыталось ограничить права американцев на данных территориях и остановить американскую колонизацию, но никаких результатов это не принесло.

Второй период (1836-1843 годы) характеризуется усложнением конфликта, связано это было в первую очередь с выходом Техаса в 1835 году из состава Мексики. США были очень осторожны в своей политике в этот период, они признали независимость Техаса, однако просьбу Техасской республики о вхождении в состав США отклонили. Вопрос о вхождении Техаса в состав США вызывал немало проблем, так как против этого выступали северные – свободные от рабства штаты, и в то же время присоединение Техаса поддерживали южные – рабовладельческие штаты.

На третьем этапе (1844-1848) главной целью США в вопросе американо-мексиканской границы стала аннексия Техаса. В 1844 году был подписан договор о вхождении Техаса в состав США, который не был ратифицирован Сенатом, а на следующий год произошла аннексия этой территории. Ответом Мексики на действия США стало лишь выражение формального протеста. Таким образом, граница США была расширена до Рио-Гранде, США высказали желание включить в свой состав помимо Техаса также Верхнюю Калифорнию и часть Новой Мексики. Мексиканская сторона отказалась идти на подобные территориальные уступки. Американо-мексиканская война 1846-1848 годов завершилась полным разгромом Мексики и подписанием мирного договора Гуадалупе-Идальго на условиях США. Согласно этому договору, Мексика признавала вхождение в состав США Техаса, Верхней Калифорнии и части Новой Мексики, Мексика в свою очередь получала компенсацию в размере 15 млн долл.

Окончательно американо-мексиканская граница была установлена лишь договором 1853 года (вступил в силу летом 1854) [1]. Всего за этот период Мексика уступила США около 55% своей территории, в последствие присоединенные к США территории стали штатами: Техас, Юта, Невада, Нью-Мексико, Аризона, Калифорния и Колорадо.

Именно со второй половины XIX века, после аннексии частей Мексики США, начинается мексиканская миграция в Соединенные Штаты. Договор Гуадалупе-Идальго предоставлял мексиканцам, проживающим на территориях, присоединенных к США один год, для того чтобы перевезти свое имущество и самим переехать в Мексику, те кто это не сделал автоматически становились гражданами США. Считается, что около 31 000 человек вернулись в Мексику, согласно переписи населения 1850 года в США находилось около 86 000 этнических мексиканцев, большая часть которых проживала в Нью-Мексико [2].

Первая волна мексиканской миграции началась за несколько дней до подписания договора Гуаделупе-Идальго, когда на фабрике Джона Ситтера в северной Калифорнии было найдено золото. Мексиканские мужчины, имеющие

опыт работы в горнодобывающей промышленности, приехали на рудники Калифорнии, быстро увеличив численность этнических мексиканцев в США на 6500 человек.

Еще одной причиной миграции населения Мексики в США стал аграрный вопрос. Период правления Порфирио Диаса, начавшийся во второй половине XIX, стал временем относительной стабильности и экономического процветания Мексики, большое внимание уделялось развитию железнодорожного транспорта. Железные дороги в этот период строились в основном за счет привлечения обездоленных крестьян, которые затем стали постепенно покидать свои деревни и переезжать в города в поисках работы, постепенно по железнодорожным путям они мигрировали на север Мексики, а оттуда в США, где их привлекала более высокая заработная плата. Для Соединенных Штатов это было также выгодно, так как им требовалась рабочая сила для строительства железных дорог, поэтому железнодорожные компании активно нанимали мексиканцев [3].

В период с 1848 по 1930 год мексиканцы активно въезжали на территорию США, в основном это были рабочие мужчины, то есть сезонные мигранты, иногда они привозили с собой своих жен, однако лишь небольшой процент из них работали в США, в основном жены мексиканских рабочих занимались домашним хозяйством. Однако несмотря на то, что мексиканцы могли достаточно беспроблемно въезжать на территорию США, они не могли легально оформить контракты, получить официальные разрешения на въезд, получали сравнительно небольшую заработную плату, в следствие чего не могли платить налоги и визовые сборы.

Только в 1930-е годы с началом Великой депрессии мексиканские мигранты начали также восприниматься в США как угроза, именно с большим количеством мигрантов из Мексики связывали рост безработицы и других социально-экономических проблем. В связи с этим пересечение границы мексиканцами до 1940-х годов было также ограничено, более того в период с 1929 по 1939 годы, около 400 тысяч мексиканских иммигрантов были депортированы из США принудительно [4].

Вторая мировая война ознаменовала новый виток иммиграции из Мексики в США, в первую очередь это было связано с ростом спроса на рабочую силу. В 1942 году была начата программа «Брасеро» – так называлась серия дипломатических соглашений между Мексикой и США, в соответствии с которыми мексиканским мужчинам гарантировалась возможность легально работать в США по краткосрочным трудовым контрактам. В США программа «Брасеро» рассматривалась как чрезвычайная мера военного времени, необходимая для того, чтобы предотвратить сбои в сельскохозяйственном производстве и свести к минимуму инфляцию цен на продовольствие. В то время как Мексиканское правительство видело в этой программе возможность эффективно регулировать численность и региональное происхождение эмигрантов. Мексиканские рабочие играли ключевую роль в поддержании сельскохозяйственного производства на необходимом уровне, а также железнодорожных путей для перевозки товаров, людей и военных материалов. Программа же в свою очередь предоставляла рабочим защиту, минимальную

заработную плату, страховку и бесплатное жилье, однако это скорее было формальностью, так как на практике эти условия выполнялись далеко не всегда.

Программа действовала чуть больше 20 лет, и за это время было заключено более 4,5 миллионов контрактов. Стоит отметить, что программа не была эффективным инструментом для регулирования нелегального миграционного потока из Мексики в США, так как количество незаконно въехавших в США мексиканцев все равно оставалось высоким. За годы действия программы было задержано и депортировано около 5,5 миллионов нелегальных рабочих. Высокий уровень нелегальной миграции был связан с тем, что мексиканское правительство ограничивало количество брасеро, также были требования относительно географического происхождения и квалификации рабочих, поэтому многие рабочие нелегально пересекали границу и работали в США без документов и разрешения на работу. Американские же работодатели, считавшие программу Bracero громоздкой, медленной и дорогостоящей охотно нанимали на работу нелегальных мигрантов.

Следующий этап в истории формирования американского-мексиканского миграционного потока начинается с принятия в 1965 году закона Харта-Селлера. Этот закон устанавливал основные способы иммиграции в США. Что касается Западного полушария, то для него устанавливался лимит в 120 тысяч иммигрантов в год. Для Мексики принятие данного закона была особенно чувствительным, так как ещё в 1964 году в США въехало около 800 тысяч мексиканских рабочих, а теперь она должна была конкурировать с Канадой и странами Латинской Америки за 120 тысяч виз, выдаваемых США на страны Западного полушария. Теперь мексиканским рабочим стало сложнее легализоваться в США. В период с 1968 по 1976 год из США было депортировано около 780 тысяч человек, большая часть которых были мексиканцами [5].

Проблема нелегальной мексиканской миграции все ещё оставалась одной из основных в миграционном вопросе между странами, в 1976 году была внесена поправка в закон Харта-Селлера, согласно которой Мексика получала только 20 тысяч виз в год, также были ограничены основания для иммиграции мексиканцев в США, разрешив воссоединение семей только супругам, несовершеннолетним детям, не состоящим в браке и родителям совершеннолетних граждан США. Однако это привело лишь к ещё большему увеличению потока нелегальных мексиканских мигрантов в США. В период с 1965 по 1986 год в США прибыло более 5,5 миллионов мексиканских иммигрантов, из которых около 4,5 были нелегальными.

Рост нелегальной мексиканской миграции воспринимался в общественном мнении США как потенциальная угроза национальной безопасности, поэтому в 1986 был принят закон об иммиграционной реформе и контроле, согласно которому было предусмотрено введение санкций для работодателей, которые принимали на работу нелегальных иммигрантов. Также этот закон предусматривал усиление мер контроля и пограничного патрулирования на американо-мексиканской границе. Однако вместе с этим данный закон предусматривал право на амнистию и натурализацию нелегальных мигрантов.

Для того чтобы претендовать на легализацию в США, нелегальные мигранты должны были доказать, что они въехали в США до 1 января 1982 года, постоянно проживали в США, говорили по-английски и не имели судимостей. В результате более 1,5 миллиона человек смогли легализоваться в США, около 70% из них были мексиканцами.

В 1996 году была принята серия законов об иммиграции в США: Закон о реформе в области нелегальной миграции и ответственности иммигрантов (IIRIRA), и Закон о борьбе с терроризмом и эффективной смертной казни (AEDPA).

Согласно первому закону, создавался Пограничный патруль, который обладал полномочиями задерживать и депортировать без судебного разбирательства любое лицо, прибывающее на государственную границу, это распространялось в том числе на беженцев и лиц, ходатайствующих о предоставлении убежища. Этот закон ужесточил миграционное законодательство США, утвердив меры наказания для мигрантов без документов, которые совершают преступления в США. Закон AEDPA ограничил конституционные права, традиционного предоставляемые легальным иностранным резидентам.

Однако эти законы тоже не привели к сокращению мексиканского миграционного потока, причем увеличивалось количество как легальных, так и нелегальных мигрантов. Согласно переписи населения в 1990 г. в США было зарегистрировано 4,3 миллиона мексиканских мигрантов, к 2000 году их количество увеличилось до 9,2 миллионов. Что касается нелегальных мексиканских мигрантов, то если в 1990 году их было 2 миллиона, то уже к 2000 году их насчитывалось 4,8 миллиона. Подводя итог, можно сделать вывод, что несмотря на попытки правительства США контролировать и ограничивать мексиканский миграционный поток, количество мексиканцев, въезжающих на территорию США на протяжении XX века только увеличивалось.

В XXI США продолжали ограничение миграции. Толчок для ужесточения миграционного законодательства дали события 11 сентября 2001 года – террористические акты на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и здание Пентагона. Произошла реструктуризация Службы иммиграции и натурализации, которая была преобразована в 3 департамента: Департамент таможни и пограничного контроля, департамент иммиграции и таможенных расследований и департамент по вопросам гражданских и иммиграционных услуг. Несмотря на ужесточение иммиграционного законодательства в XXI веке, количество как легальных, так и нелегальных мексиканских мигрантов в США продолжает увеличиваться на протяжении XXI века [6].

Согласно статистике с 1850 года количество мексиканских мигрантов в США ежегодно увеличивалось. В период с 1850 по 2019 год своего пика мексиканская миграция достигла в 2010 году и составила около 11,7 млн человек, после чего постепенно пошла на спад. Большинство нелегальных мексиканских мигрантов приезжают в такие штаты как Луизиана, Мэриленд, Массачусетс, Северная Дакота и Южная Дакота [7].

После победы Дональда Трампа на выборах президента в 2024 году уровень миграции начал постепенно снижаться, в ноябре 2024 года пограничная

служба совершила 46 612 задержаний на границе, что является наименьшим ежемесячным числом задержаний с июля 2020 года. Однако в декабре был вновь зафиксирован рост миграции, связанный со стремлением мигрантов пересечь американо-мексиканскую границу до инаугурации Д. Трампа. Так если в ноябре в каждые выходные было задержано около 400-600 мигрантов, в декабре количество задержаний выросло более чем в 2 раза и составило 1276 случаев в период с 14 по 15 декабря 2024 [8].

Подводя итог, можно отметить, что миграционный поток из Мексики в США является одним из крупнейших в мире. Приблизительно каждый седьмой мигрант в США – мексиканец. Более того, именно мексиканские мигранты составляют подавляющее большинство нелегальных мигрантов в Соединенных Штатах. Формирование американо-мексиканского миграционного потока объясняется географической близостью стран, историческим прошлым, а также значительной разницей в уровне социально-экономического развития стан. Значительное количество мексиканских мигрантов в Соединенных Штатах способствует росту ряда экономических и социальных проблем, поэтому ограничение мексиканского миграционного потока является одной из приоритетных задач во внешней политике США.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Миньяр-Белоручев К.В. Экспансия США и формирование американо-мексиканской границы. 1821-1854 гг // Via in tempore. История. Политология. –2013. – № 77. – 25-33 с.

2. Oscar J.Martinez. On the Siza of the Chicano Population: New Estimates, 1850-1900 // Azltan: A Journal of Chicano Stidies. – 1975. – № 45. – 43-47 с.

3. Ramón A. Gutiérrez. Mexican Immigration to the United States // Oxford University Press. – 2019. [Электрон. ресурс] – URL: https://oxfordre.com/americanhistory/display/10.1093/acrefore/9780199329175.001.0001/acrefore-9780199329175-e-146 (Дата обращения: 25.02.2025)

4. Хабибуллина Л.Р., А.В. Закиров. Американский фронтир: к истории миграционной проблемы между США и Мексикой. // Казанский вестник молодых ученых. – 2021. – 47-48 с.

5. Акимова С.А. Правовое регулирование миграционной политики и деятельности миграционных служб Соединенных штатов Америки // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 4. – 12 с.

6. Чертина З.С. Мексиканская нелегальная иммиграция в XXI веке: вызов американской национальной идентичности // Латиноамериканский Исторический Альманах. – 2020. – № 25. – 149-151 с.

7. Statista. [Электрон. ресурс] – URL: https://www.statista.com/statistics/673350/mexican-immigrants-in-the-united-states/#:~:text=The%20number%20of%20Mexican%2Dborn,of%2011.7%20million%20in%202010 (Дата обращения 10.03.2025)

8. Adam Isacson. Weekly U.S.-Mexico Border Update: Migration trends, Mass deportation, Border wall parts // WOLA. –2024. [Электрон. ресурс] – URL: https://www.wola.org/2024/12/weekly-u-s-mexico-border-update-migration-trends-mass-deportation-border-wall-parts/ (Дата обращения 11.03.2025).

УДК 327

АФРИКАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ ИТАЛИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

ITALY'S MODERN STARTEGY ON AFRICA

М. К. Ефименко,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
M. K. Efimenko,
St. Petersburg State University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: st119918@student.spbu.ru

Научный руководитель:
Чихачев А. Ю.
E-mail: a.chikhachev@spbu.ru

Аннотация. В настоящее время, когда в мировой политике происходит становление новых центров силы, особую значимость приобретает Африканский континент. Данная статья посвящена эволюции внешней политики Италии на африканском направлении с момента политического объединения государства и состоянию африканской стратегии на современном этапе, после активизации итальянской внешней политики в Африке, начиная с 2013-2014 гг. Подробно рассматриваются сущность и значение представленного в 2024 г. Плана Маттеи. В статье отражены теоретические и практические основы Плана Маттеи, степень его преемственности африканской стратегии, существовавшей до него, а также изменениям, последовавшим после его запуска. Рассмотрено также, какую роль занимает Итальянская республика в общеевропейской стратегии по отношению к Африке, в каких сферах Италия и Евросоюз действуют совместно.

Abstract. Nowadays, when new centers of power are emerging in world politics, the African continent is becoming an increasingly significant actor. This article focuses on the evolution of Italy's foreign policy regarding Africa and its modern strategy that gained momentum in 2013-2014. The essence and the significance of Mattei Plan, launched in 2024, are considered in the article. Theoretical and practical basis of the Mattei Plan, its continuity in relation to the previous strategy on Africa and changes that were caused by the implementation of the Plan have been also investigated. Lastly, the article shows what role Italy is playing in the European strategy on Africa and in what areas Italy and the European Union act jointly.

Ключевые слова: ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИТАЛИИ, АФРИКА, ПЛАН МАТТЕИ, ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ, МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА, ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Key words: ITALY'S FOREIGN POLICY, AFRICA, MATTEI PLAN, EUROPEAN UNION, MIGRATION POLICY, ENERGY POLICY

Африканская стратегия Италии в своем развитии на протяжении истории прошла несколько этапов. Вскоре после политического объединения страна присоединилась к колониальному разделу Африканского континента. К концу XIX века во владения Италии вошли территории современных Эритреи и Сомали, а в результате итало-турецкой войны 1911-1912 гг. были получены ливийские провинции Триполитания и Киренаика. Так, на рубеже веков молодое

Итальянское государство стремилось занять те области Африки, в которых присутствие других европейских держав было минимально.

Для утвержденного в Италии в 1922 г. фашистского режима колонии в Африке имели принципиальное значение. Там стали проводиться реформы по централизации власти и установлению прямого управления. Вместе с этим строились планы по нападению на независимую Эфиопию, война с которой закончилась неудачей для итальянцев в 1896 г. Агрессия против Абиссинии началась в 1935 г., став воплощением подрыва системы международной безопасности и принципов Лиги Наций. Этот конфликт завершился уже в ходе Второй мировой войны: Эфиопия была освобождена силами сопротивления местных жителей и союзных англо-французских контингентов. С поражением во Второй мировой войне колониальная история Италии завершилась: Рим отказался от всех африканских территорий.

После Второй мировой войны взаимодействие Итальянской республики с Африканским континентом долгое время было весьма неактивным. Логика новой биполярной системы международных отношений обусловила ориентацию Италии на капиталистический блок и участие в процессах европейской и атлантической интеграции. Африка для Рима не являлась политическим приоритетом, хотя в 1950-е на континенте начали работать итальянские компании (например, нефтегазовый гигант ENI). Некоторый пересмотр этого подхода произошел в 1990-е, когда серьезные метаморфозы претерпевала и политическая жизнь Италии, и система международных отношений в целом. В этот период итальянские контингенты участвовали в миротворческих операциях в Африке, был запущен процесс средиземноморской интеграции, Рим стал важнейшим посредником в миростроительстве в Мозамбике, установились особые отношения с Ливией [1]. Однако взаимодействие все еще осуществлялось лишь с ограниченным кругом африканских государств, прежде всего со странами средиземноморского побережья.

Важный поворот в африканской стратегии Италии произошел в 2013-2014 гг. Африка и Апеннины столкнулись со схожими вызовами: политическая нестабильность в ряде государств, экономический и миграционный кризис [2]. Именно тогда итальянские премьер-министры впервые за несколько десятилетий стали осуществлять визиты в страны Африки южнее Сахары, были созданы учреждения по помощи развитию (например, AICS, чья деятельность во многом направлена на Африку), была открыта военная база в Джибути (единственная итальянская база на континенте). В 2016 г. был запущен важнейший формат политического диалога – министерская конференция «Италия – Африка». Тогда же наблюдался новый виток дипломатической активности: Италия открыла посольства в нескольких государствах Сахеля (Гвинея, Нигер, Мали, Буркина-Фасо). Наконец, в 2020 г. свет увидела полноценная внешнеполитическая стратегия «Партнерство с Африкой» («Il Partenariato con l’Africa»), в которой провозглашалось активное взаимодействие с континентом во всех сферах: безопасность, миграция и мобильность, экономика и инвестиции, устойчивое развитие и другие [3].

Итальянская стратегия в Африке приобрела новое звучание, когда в 2024 г. на саммите «Италия – Африка» глава правительства Джорджа Мелони объявила о запуске проекта «План Маттеи». Он охватывает 6 сфер (образование и обучение, здравоохранение, сельское хозяйство, вода, энергетика, а также материальная и цифровая инфраструктура) и представляет собой ряд инициатив и пилотных проектов в 14 африканских государствах. При презентации Плана подчеркивалось, что он имеет своей целью построить взаимовыгодное сотрудничество, используя анти-грабительские подходы [4].

Важно отметить, что, несмотря на широкую политическую огласку, План Маттеи в основе своей не является инновационным. Он базируется на уже имеющихся политических и экономических связях между государствами, углубляя их и придавая им новое значение как части этого масштабного проекта. Многие сферы также совпадают с теми, что были заявлены во внешнеполитической программе «Партнерство с Африкой». Итальянские эксперты подчеркивают, что с помощью Плана Маттеи Италия стремится стимулировать сотрудничество с Африкой ради достижения собственных целей: уменьшение объемов нелегальной миграции (подход Дж. Мелони в этом вопросе – необходимость взаимодействия со странами исхода и стремление искоренить глубинные причины миграции – политическую нестабильность, экономический кризис и социальную незащищенность населения), а также интенсификация энергетического сотрудничества с Африканским континентом, что приобрело особую важность для Италии и всей Европы после 2022 г., когда было заморожены поставки энергоресурсов из России [5].

Тем не менее, План Маттеи потенциально может столкнуться с рядом трудностей в своем воплощении. Во-первых, еще при его презентации председатель Африканского союза М. Факи отметил, что План изначально создавался лишь итальянской стороной, без консультаций с африканскими государствами, что уже ставит под сомнение его равноправный и взаимовыгодный характер [6]. Во-вторых, налицо весьма расплывчатая структура Плана: он представляет собой набор различных инициатив, не всегда ясны конкретные инструменты и механизмы их воплощения. В-третьих, финансирование Плана составляет 5.5 млрд евро, что выглядит недостаточным для столь масштабного проекта.

Так или иначе, важной чертой, которая отличает План Маттеи от предыдущих инициатив, являются значительные политические инвестиции. Сотрудничество с Африкой заявляется как один из наиболее приоритетных векторов внешней политики Италии, реализация Плана курируется напрямую премьер-министром. Не случайно также на саммит «Италия – Африка» 2024 г. были приглашены не только министры, но и лидеры африканских государств, а также представители Евросоюза и Африканского союза. Более того, впервые были организованы итало-африканские бизнес-форум и форум, посвященный сотрудничеству в космической сфере. Заметна и интенсивная дипломатическая активность Рима в Африке: по вступлении в должность первый официальный визит Дж. Мелони нанесла в африканскую страну – Алжир, впоследствии посетив также Ливию, Эфиопию, Тунис, Египет [7]. На протяжении 2024 г. президент

Итальянской Республики С. Маттарелла совершил важные поездки в Гану и Кот-д'Ивуар, расширив рамки официальных визитов за пределы региона Северной Африки.

По итогам первого года функционирования Плана Маттеи были достигнуты определенные успехи. Так, в начале 2025 г. состоялся еще один итало-африканский бизнес-форум, прошедший при активном участии ассоциации итальянских компаний Confindustria. Отмечалось, что в ходе работы удалось скоординировать действия внешнеполитического ведомства, частных компаний и финансовых учреждений, включая банк «Cassa Depositi i Prestiti» (CDP) и финансовые и страховые агентства SACE и SIMEST. Следующий шаг, по словам экспертов, работающих над Планом Маттеи, – расширить и интернационализировать его, подключив к работе институты Евросоюза и G7, что выводит его на качественно новый этап [8].

Для Евросоюза сотрудничество с Африкой имеет большое значение. Оно осуществляется через ряд политических, экономических, гуманитарных, военных институтов, и во многих сферах Италия играет значимую роль среди европейских стран. Например, в рамках инфраструктурных проектов Рим во многом встраивает свои инициативы, предусмотренные Планом Маттеи, в общеевропейский масштаб. Так, строительство транспортного коридора Лобиту на территории Замбии, Анголы и Демократической Республики Конго и прокладка подводного электрокабеля ELMED между Италией и Тунисом по сути являются не только итальянскими проектами, но и частью европейской инициативы «Global Gateway», что обеспечивает совместную координацию и финансирование [9]. Средиземноморское географическое положение Апеннинского полуострова способствует тому, что через него проходят транспортные и энергетические маршруты, что делает Италию одним из ключевых участников европейских логистических проектов.

Ввиду прекращения поставок природных ресурсов из России, тема энергетики также является одной из ключевых как для Евросоюза, так и для Италии. Была разработана стратегия диверсификации импорта энергоресурсов, и в ней не последнее место занимают африканские партнеры: Алжир, Египет, ЮАР и другие страны [10]. В контексте борьбы с изменениями климата и построения зеленой экономики в ЕС делают ставку на возобновляемые источники энергии. Однако, несмотря на наличие потенциала, на данный момент это направление развито меньше, чем традиционные нефть и газ. В Италии же также именно СПГ занимает центральное место в ряду статей энергетического импорта, а проекты, нацеленные на зеленый переход, пока развиваются не так динамично, хотя значимость этого трека, разумеется, не отвергается. Это предоставляет для Рима возможность играть все большую роль в сфере поставок газа в Европу.

В сфере миграционной политики интересы также пересекаются: у Рима уже на протяжении долгого времени существует необходимость искать новые решения проблемы и обсуждать эту тему в рамках Евросоюза. Ввиду сложности в формировании единого мнения всех стран объединения по этому вопросу, Италия выбрала путь экстернализации миграции, подписав соглашения с Египтом, Тунисом и Албанией [11]. В первых двух случаях Дж. Мелони действовала

совместно с У. фон дер Ляйен, таким образом привлекая ЕС к перенятию этой модели. Это показывает, что как Италия, так и Евросоюз акцентируют внимание на взаимодействии со странами исхода – этот тезис фигурирует у Дж. Мелони в контексте эффекта от Плана Маттеи: повышение экономического благосостояния позволит справиться с коренными причинами миграции [12]. Тем не менее, стоит учитывать, что при таком подходе весьма опрометчиво ждать быстрых результатов, а аутсорсинг миграционной проблемы также может столкнуться с определенными препятствиями.

Таким образом, План Маттеи, который сейчас становится не только односторонней итальянской инициативой, но и частью работы в ряде многосторонних форматов, отражает потребности Италии во взаимоотношениях с Африкой и является весьма масштабным и амбициозным проектом. Активность Рима в рамках этой инициативы действительно может позволить Италии стать одним из лидирующих голосов в диалоге между Африкой и Европой. Тем не менее, необходимо учитывать некоторые слабые стороны Плана: недостаточное финансирование, ограниченное участие африканских государств в разработке проектов, нехватка детализации и конкретики, что потенциально может привести к тому, что План Маттеи станет очередной амбициозной инициативой, призванной решить все проблемы, но не воплотившейся в жизнь [13]. Также стоит помнить о других глобальных игроках на Африканском континенте, развивающих свои масштабные проекты, что дает африканским государствам возможность выбирать политических и экономических партнеров, а не двигаться в фарватере традиционного взаимодействия с Европой. Поэтому только при должной доработке и воплощении Плана Маттеи, когда интересы обеих сторон будут учитываться в равной степени, он может принести успех и стать шагом к совместному плодотворному развитию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Маслова Е. А., Ушакова Н. В. Средиземноморская политика Италии (начало) // Вестник БГУ. 2018. №1 (35). С. 111-115.
2. Carbone G. Italy’s return to Africa: between external and domestic drivers // Dipartimento di scienze sociali and politiche, Università degli Studi di Milano and ISPI, Milano, 2023.
3. A Partnership with Africa // Ministry of Foreign Affairs and International Cooperation of Italy: [сайт]. URL: https://www.esteri.it/mae/resource/doc/2020/12/a_partnership_with_africa_en.pdf (дата обращения: 12.04.2025).
4. President Meloni’s opening address at the Italia-Africa Summit. 29.01.2024 // Italian Government: [сайт]. URL: https://www.governo.it/en/node/24861 (дата обращения: 12.04.2025).
5. Simonelli F., Fantappiè M. L., Goretti L. The Italy-Africa Summit 2024 and the Mattei Plan: Towards Cooperation between Equals? // IAI Commentaries 24 | 11 – March 2024.
6. African Union Commission calls for ‘paradigm shift’ at Italy-Africa summit 29.01.2024 // The Guardian: [сайт]. URL: https://www.theguardian.com/world/2024/jan/29/italy-africa-summit-moussa-faki-giorgia-meloni (дата обращения: 22.03.2025).

7. Mezran K., Pavia A. Giorgia Meloni’s Foreign Policy and the Mattei Plan for Africa: Balancing Development and Migration Concerns // Instituto Affari Internazionali. 27.07.2023.

8. Assemblea Pubblica di Confindustria Assafrica & Mediterraneo “L’imprenditorialità in Africa a un Anno dal Lancio del Piano Mattei | Progetti, opportunità e strumenti finanziari” 22.01.2025 // Confindustria Assafrica&Mediterraneo: [сайт]. URL: https://www.assafrica.it/assemblea-pubblica-di-confindustria-assafrica-mediterraneo-limprenditorialita-in-africa-a-un-anno-dal-lancio-del-piano-mattei-progetti-opportunita-e-strumenti-finanziari/ (дата обращения: 22.03.2025).

9. Connectivity Competition: The EU’s Global Gateway Initiative: Working Paper No.84 / 2023 [J. Melnikova, G. Famigli; edited by E. Karpinskaya, K. Trotskaya, S. Gavrilova]; Russian International Affairs Council (RIAC). Moscow, NP RSMD, 2023. — 60 p.

10. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions 18.05.2022 // European Commission: [сайт]. URL: eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52022JC0023 (дата обращения: 22.02.2025).

11. Алексеенкова Е. С. Проблема на аутсорсе? Кто и как будет отвечать на миграционный вызов ЕС 20.03.2024 // РСМД: [сайт]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/problema-na-autsorse-kto-i-kak-budet-otvechat-na-migratsionnyy-vyzov-es/?sphrase_id=179144985&ysclid=m7fymqnpno474979060 (дата обращения: 22.02.2025)

12. Migranti, Meloni: «Priorità non farli arrivare da noi». Conte: «Fallimento del governo» 14.09.2023 // SkyTG24: [сайт]. URL: https://tg24.sky.it/politica/2023/09/13/giorgia-meloni-migranti-intervista (дата обращения: 22.02.2025)

13. Carbone G., Ragazzi L. Rebooting Italy's Africa Policy: Making the Mattei Plan Work. // ISPI. November 2024.

УДК 327

ФАКТОР ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ НАТО В ЮГОСЛАВСКОМ КОНФЛИКТЕ

THE FACTOR OF NATO'S MILITARY POLICY IN THE YUGOSLAV CONFLICT

В. А. Злуницын,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
V. A. Zlunitsyn,
St. Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: volodislav2005@gmail.com

Аннотация. В данной статье автор анализирует роль военной операции НАТО «Союзная сила» в ходе решения югославского конфликта. Описывает причины и предпосылки начала проведения Североатлантическим альянсом бомбардировок Белграда. Обосновывает несостоятельность выдвинутых к Сербии претензий на момент начала операции. В статье рассматриваются «Рамбуйские соглашения» в качестве доказательств того, что НАТО не собиралось способствовать мирному урегулирования вопроса, а преследовало лишь цели по расширению своих территориальных сфер влияния. Автор выделяют основные статьи Устава ООН, которые были нарушены коалицией НАТО и анализирует действия сил западного блока с точки зрения международного права. В заключении автор дает оценку роли военной интервенции Североатлантического блока в решении конфликта на Балканах.

Abstract. In this article, the author analyzes the role of the NATO military operation «Allied Force» in resolving the Yugoslav conflict. Describes the reasons and prerequisites for the start of the bombing of Belgrade by the North Atlantic Alliance. Substantiates the inconsistency of the claims made against Serbia at the time of the start of the operation. The article considers the «Rambouillet Agreements» as evidence that NATO was not going to contribute to a peaceful settlement of the issue, but only pursued the goal of expanding its territorial spheres of influence. The author highlights the main articles of the UN Charter that were violated by the NATO coalition and analyzes the actions of the Western bloc forces from the point of view of international law. In conclusion, the author assesses the role of the North Atlantic Bloc's military intervention in resolving the conflict in the Balkans.

Ключевые слова: НАТО, ЮГОСЛАВИЯ, ООН, МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО, УСТАВ, «СОЮЗНАЯ СИЛА», ИНТЕРВЕНЦИЯ, ВОЕННЫЙ КОНФЛИКТ

Key words: NATO, YUGOSLAVIA, UN, INTERNATIONAL LAW, CHARTER, «THE ALLIED FORCE», INTERVENTION, MILITARY CONFLICT

Войны в Югославии – ряд конфликтов 1991–2001 годов между народами бывшей Югославии в период распада страны, представляющие собой столкновения между сербами, с одной стороны, и хорватами, словенцами, албанцами, боснийцами с другой. Существовали также отдельные стычки между хорватами и боснийцами. В основном конфликты происходили на основе национального и религиозного признака. К обострению конфликта вели попытки

определенных народов отсоединиться и выйти из состава Югославии, столицей которой на тот период времени являлся Белград, находящийся на территории современной Сербии. Ввиду того, что конфликты продолжались на протяжении довольно долгого периода времени, в войну ввязалось НАТО, начав, как заявили сами лидеры альянса, «гуманитарную интервенцию», чтобы положить конец противоречиям народов Югославии и решить их споры. Данное событие является особенно важным для нашего внимания. Впервые НАТО, позиционирующий себя как оборонный блок, приняло решение о проведении крупной военной операции и нанесении ударов по территории другой страны, а государства-члены ООН, ответственные за сохранения мира, не смогли договориться и принять коллективное решения, следуя, утвержденным ими самими нормам международного права. Стабильность международной системы была поставлена под угрозу.

Главной операцией сил НАТО на территории Югославии стала «Союзная сила». 24 марта НАТО объявило о начале военных действий, которые продлились до 10 июня 1999 года. Основными причинами начала бомбардировок и вторжения альянса в Косово по официальной версии, заявлениям самих представителей альянса является непрекращающаяся война между народами Югославии, где проводились массовые чистки по национальному признаку, а также стягивание около 40 000 военных Югославии на границу с территорией Косово [1].

Одной из предпосылок, которая послужила началом операции, был инцидент в деревне Рачак, где произошло массовое убийство 45 человек 15 января 1999 года [2]. НАТО обвинило в этом югославских военных, находившихся там, в то время как армия Союзной Республики Югославия заявила, что по их позициям вели огонь албанцы, которые сами незадолго до этого находились в деревне. Тогда югославские военные, состоящие преимущественно из сербов, штурмовали населенный пункт Рачак и отбросили «Армию освобождения Косова» (АОК), фактически повстанцев, с данного объекта, получив контроль над ним, а затем после некоторого времени оставили деревню [3]. Судмедэкспертиза не дала никаких весомых доказательств, указывающих на совершения террористического акта какой-то определенной стороной. Белорусские и югославские эксперты пришли к выводу, что следы казни были сделаны искусственно: убитым военным армии АОК могли просто поменять одежду, выдавая их за мирных, в то время как финские эксперты, действовавшие под эгидой ЕС, заявили, что такого произойти не могло ввиду пулевых отверстий в одежде [2]. Интересно, что, например, известные французские издания «Le Figaro» и «Le Monde» не исключают, что албанцы-мусульмане, находившееся в деревне, могли инсценировать резню и возложить вену на армию Югославии, создав повод для НАТО [4]. Важно понимать, что при отступлении албанцы вполне могли предпринять меры по тому, чтобы их же союзники не выдали тайной информации. В то же время не понятно какие мотивы были конкретно у сербов, исходя из заявлений НАТО и албанцев, совершать чистки простого населения, если они шли освобождать деревню. Вряд ли сербская полиция стала бы попросту расстреливать обычное население.

Точных доказательств того, что это были сербы или албанцы, ни одна сторона предоставить не смогла. Однако это не помешало НАТО использовать данный инцидент в качестве одной из причин для вторжения в Югославию.

Накануне начала проведения операции между Союзной Республикой Югославией и представителями территории Косова были проведены переговоры, в ходе которых Сербии было предложено подписать «Рамбуйское соглашение», составленное НАТО. Название данный документ получил в честь замка Рамбуйе, где и проходило обсуждение договора, который довольно неоднозначно воспринимается в кругу специалистов, т.к. его условия были составлены в пользу Косово и НАТО, полностью игнорируя интересы сербов.

По данному соглашению предполагалось создать в Косово отдельную систему органов власти, которая обладала бы полномочиями принимать законы, касающиеся вопросов налогов, экономического развития и внешней политики, не подлежащие пересмотру Сербией. То есть, к примеру, правительство Косово вполне могло дать разрешение на установление военных баз и развертыванию военной инфраструктуры на своей территории, не спрашивая разрешения у федеральных властей Союзной Республики Югославия. К слову, в будущем НАТО так и сделает: на территории Косово будет установлено две военные базы. Специалист по истории южнославянских народов Е. Ю. Гуськова по поводу размещения «иностранных представительств» в Косово пишет следующее: *«Это – грубейшее нарушение её [Югославии] суверенитета и положений Резолюции СБ 1244, а также действующего законодательства Республики Сербии и СР Югославии. Строительство иностранных баз без согласия принимающего государства несовместимо с характером и духом миротворческих миссий под эгидой ООН и представляет собой опасный прецедент, противоречащий основным принципам и целям ООН»* [5]. Фактически правительство Косово собирались наделить полномочиями, которые ничем не отличали бы этот край от обычного государства. Роль центральных властей Белграда по отношению к Косово была бы не просто снижена, она полностью ликвидировалась. По договору предусматривалось развертывание на территории Косова контингента KFOR («Kosovo Force»), который обладал бы правом применять силу для обеспечения соблюдения договора и поддержания нового режима. Помимо этого, в качестве международного гражданского сообщества создавалась «Гражданская имплементационная миссия» (CIM), формируемая полностью блоком НАТО. Глава данной миссии имел полномочия издавать по своему усмотрению директивы, обязательные для выполнения, включая назначение и отставку должностных лиц. НАТО имело право беспошлинно и в неограниченном количестве пользоваться инфраструктурой Югославии: аэропортами, железнодорожные узлами и морскими портами. Со стороны Косова и Югославии требовалась предоставить полный доступ к телекоммуникационным услугам и использованию радиосвязи по запросу альянса в случае проведения военной операции. Персонал НАТО, в частности KFOR, обладал доступом к беспрепятственному перемещению на всей территории СРЮ, мог свободно использовать свою авиацию, суда, транспорт и пр., а когда сочтет необходимым:

вводить войска, разворачивать военную инфраструктуру и проводить военные учения. Блок НАТО не мог быть привлечен к ответственности, его персонал обладал иммунитетом от судебного преследования, а также любых форм ареста со стороны представителей власти СРЮ [6]. Это давало международному контингенту Североатлантического альянса свободу действий на территории Косово и гарантировало их безнаказанность.

Все эти меры могли быть применены сразу после подписания соглашений, а не только в случае эскалации конфликта. Мы видим, что правительству Сербии предложили подписать договор на унизительных для нее условиях. Ряд учёных не отрицают того, что данное соглашение могло быть намерено подготовлено таким образом, чтобы сербская делегация при любом раскладе не подписали бы договор и у НАТО появился предлог, чтобы начать военную интервенцию. Знаменитейший американский дипломат, эксперт в области международных отношений, бывший советник по национальной безопасности и госсекретарь США Генри Киссинджер заявил: *«Соглашение в Рамбуйе, призывающее Сербию разрешить присутствие войск НАТО на всей территории Югославии, было провокацией, оправданием для начала бомбардировок. Такой документ, как Рамбуйское соглашение, не мог бы принять какой-либо серб. Это был ужасный дипломатический документ, который вообще не стоило представлять в такой форме»* [7].

Основной проблемой в переговорах были противоречия, которые заключались в том, что албанцы не хотели оставлять Косово в составе Югославии, а Сербы не собирались отдавать занятые позиции и передавать их в состав территории Косова. Однако сербская сторона все же была готова пойти на уступки и была согласна дать автономию властям Косова, что опровергает позицию НАТО относительного того, что решить вопрос мирно не было возможности. Так, заявления одних из представителей НАТО, британского и французского политиков, участвовавших в переговорах, Робина Кука и Юбера Ведрина 23 февраля 1999 года свидетельствуют о том, что сербская делегация была готова к компромиссу: *«переговоры привели к консенсусу в отношении существенной автономии для Косова, в том числе в отношении механизмов свободных и справедливых выборов при демократических институтах, для управления Косова, для защиты прав человека и прав членов национальных общин; и для создания справедливой судебной системы* [8]. Президент Союзной Республики Югославия Слобода Милошевич заявил, что текст документа перед его подписанием был переделан и несколько пунктов отличались от тех, что были представлены ранее [2]. Таким образом, НАТО принуждало подписать заранее переделанный документ, что равносильно ультиматуму, в результате чего российская и сербская сторона приняли решение об отказе подписания соглашения. 23 марта 1999 года парламент Сербии принял документ, признал автономию Косово и часть условий соглашения, которые не касаются военных вопросов: Сербия отказала войскам НАТО в разрешении войти на территории Косова и Метохии, однако, несмотря на это, НАТО решило следовать своему дальнейшему плану по урегулированию вопроса путем применения военной силы

и в тот же день вечером объявила о начале операции «Союзная сила». После чего Югославия подвела 40 000 своих военных к точке соприкосновения. НАТО использует факт мобилизации войск к границе с Косова, как оправдание для начала операции, однако со стороны Сербии было вполне разумно стянуть войска, чтобы подготовиться к возможному нападению и отодвинуть линию фронта как можно дальше от своих территорий [9]. Несостоятельность повода, который лидеры альянса пытаются представить в качестве обоснования необходимости начала «гуманитарной интервенции», доказывает тот факт, что сербская сторона признала ряд условий договора и автономию Косова, а значит возможность мирного урегулирования вполне имелась.

Существуют также и другие точки зрения касательно причин операции. Не исключено, что НАТО использовало свое военное преимущество, чтобы укрепить положение на Балканах, испытать оружие и распространить свое влияние на соседние государства. Доктор исторических наук, руководитель центра по изучению современного балканского кризиса «Института славяноведения РАН», член Сената Республики Сербской и эксперт по вопросу Югославии Е. Ю. Гуськова, работавшая научным экспертом по Балканам в штабе миротворческих сил ООН на территории бывшей Югославии в Загребе в 1994 году, в своей книге «Югославия. Необъявленная война. Агрессия НАТО и процесс мирного урегулирования» пишет о том, что реальные цели, которые ставило перед собой НАТО, были:

- смена руководства Сербии и Черногории, а также установление на этих территориях проамериканских лидеров, которые должны были взять курс своих стран на сближение с Западом;
- разделение Югославии: Черногория и Косово должны были отделиться от Сербии и стать протекторатом НАТО;
- полная демилитаризация Югославии: ликвидировать возможности армии Югославии оказывать всякое сопротивление и вынудить подписать мир на выгодных для НАТО условиях;
- использование НАТО Союзной Республики Югославия в качестве полигона для того, чтобы испытать новое оружие и сбыть старое.
- сплотить НАТО перед лицом общего врага и проверить готовность войск действовать в боевых условиях;
- создать прецедент, согласно которому венные силы НАТО можно использовать без согласия Совета Безопасности ООН [10].

Проведение «гуманитарной интервенции» силами Североатлантического альянса было совершено в обход международного права. Начало бомбардировок Белграда, в первую очередь, нарушило статью 33 пункт 1 Устава ООН, в которой сказано*: Стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны, прежде всего, стараться разрешить спор путем переговоров, обследования, посредничества, примирения, арбитража, судебного разбирательства, обращения к региональным органам или соглашениям или иными мирными средствами по своему выбору»* [11]. НАТО не предприняло никаких действий

для соблюдения прописанных в настоящей статье правил урегулирования спора, а конкретно: не привлекло комиссии ООН для анализа Рамбуйских соглашений и не продолжило переговоры с Югославией после признания сербами ряда условий договора в Рамбуйе, отказавшись от дальнейшего разрешения конфликта мирным путем несмотря на то, что со стороны Сербов действительно были подвижки и готовность продолжать переговоры. Помимо этого, существует статья 2 пункт 3 Устава ООН, которая говорит о том, что споры должны разрешаться мирным путем, не подвергая при этом угрозе международный мир и безопасность, в то время как действия НАТО ознаменовались де-факто ультиматумом и вводом войск без попыток пойти на компромисс [12]. Следующим важным моментом является то, что именно Совет Безопасности определяет и легализирует факт наличия реальной угрозы мировому порядку или населению страны, что закреплено в статье 39 Устава ООН: *«Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии…»* [13]. Поэтому заключения НАТО о том, что жителям Косово угрожает опасность, конфликт продолжиться, подрывая региональную стабильность в Европе, без признания этого Советом Безопасности не имеет никакой силы.

Согласно статье 24 Устава ООН, на Совет Безопасности возложена *«главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности»,* он является единственным и исключительным органом, который обладает правом предпринимать превентивные или принудительные действия от имени ООН, в том числе с применением вооруженных сил [14]. НАТО не получило передачу от Совета Безопасности таких полномочий, игнорируя положения настоящей статьи.

Исключением, дающим возможность помимо обычных санкций применять военную силу в международных отношениях, является статья 42 Устава ООН, в которой говориться, что, если Совет Безопасности посчитает меры экономического воздействия недостаточными, *«он уполномочивается предпринимать такие действия воздушными, морскими или сухопутными силами, какие окажутся необходимыми для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Такие действия могут включать демонстрации, блокаду другие операции воздушных, морских или сухопутных сил Членов организации»*, в том числе, при необходимости, ввод войск [15]. Именно Совет Безопасности принимает решение о том, что использование экономических санкций неэффективно и решать вопрос необходимо путем военно-силового принуждения. Западный блок отказался от применения невоенных методов и не стал дожидаться, когда Совет Безопасности *«сочтёт их недостаточными»,* чтобы легализировать свои действия, нарушив тем самым 42 статью: одно из самых главных положений Устава ООН.

Возможность защиты населения путем применения военной силы также закреплена в статье 51 Устава ООН, которая гарантирует право на индивидуальную или коллективную самооборону в случае «вооруженного нападения на Члена Организации», однако предусматривает, что для этого

требуется получить вынесение решения Совета Безопасности ООН [16]. Нападение армии Югославии на Косово в период перемирия не произошло. Таким образом, действия НАТО не могут быть оправданы 51 статьей Устава ООН, т. к. она может быть применима только в случае нападения на спорные территории, которое армия СРЮ не совершила.

В качестве главного аргумента о неправомерности действий НАТО стоит обязательно упомянуть, что сам по себе Североатлантический альянс — это оборонительный союз, действующий исключительно в пределах границ территорий стран-участниц НАТО. Данный блок является закрытым и не обладает компетенцией использовать силу против тех государств, которые не проявили агрессию по отношению к государствам-членам НАТО. Те есть предполагается, что НАТО не нацелен и не обладает правом на проведение военных операций, если конфликт происходит в странах, не подписавших соглашения с данным союзом. Были нарушены положения Вашингтонского договора 1949 г. о создании Североатлантического Альянса. В частности, статья 1 договора, согласно которой: *«стороны обязуются, в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, мирно решать все международные споры, участниками которых они могут стать, не ставя при этом под угрозу международные мир, безопасность и справедливость, а также воздерживаться от любого применения силы или угрозы ее применения в своих международных отношениях, если это противоречит целям ООН»* [17]. Члены Североатлантического альянса также нарушили известную 5 статью Устава НАТО, в которой говориться о том, что применение блока допускается только в том случае, если было совершено нападение на одну из стран-членов НАТО [18]. Такое нападение автоматически приравнивается к нападению на весь блок и равносильно атаке на любого из членов альянса. Только после этого НАТО может проводить военные операции, опираясь на положения своего договора. В случае с Югославией в 1999 году такого нападения на государства альянса совершено не было. НАТО нарушило свой Устав, продемонстрировав, что является вовсе не оборонительным, а наступательным блоком.

Бомбардировки Югославии стали ключевым моментом в изменении подхода к безопасности в Европе и во всем мире. НАТО показало, что готово действовать без санкции Совета Безопасности ООН в случаях гуманитарных кризисов. Тем самым альянс фактически окончательно отверг идею многополярности мировой политической системы и основных принципов международной системы.

Проанализировав основные моменты действий НАТО, автор пришел к выводу о несостоятельность проведения военных интервенций с целью урегулирования международных конфликтов в обход Организации Объединенных Наций. Североатлантический блок, нанося массовые авиационные удары и проводя бомбардировки Белграда, преследовал исключительно свои цели по расширению влияния на Балканах и установлению контроля над территориями Косова и Метохии. Пример войны в Югославии подтвердил необходимость следования международным установкам ООН, обеспечивающим возможность

мирного разрешения конфликта, и продемонстрировал, что военные методы не приносят пользы в преодолении гуманитарных проблем, касающихся прав человека и этнических сообществ.

Причины начала «гуманитарной интервенции», выдвинутые лидерами НАТО, являются полностью необоснованными, а в ряде случаях ложными. Со стороны Сербии в отношении Косова не имелось абсолютно никакой угрозы. Она была придуманы силами альянса, чтобы получить повод для реализации своих планов по территориальной экспансии.

Навязывание унизительных условий мирного договора для Сербии может говорить ни о чем иначе, как исключительно о попытке альянса поставить Союзную Республику Югославия в полную зависимость и установить протекторат на ее территории.

Действия НАТО ознаменовались грубейшим нарушением Устава ООН и принципов международного права, а также положений самого Североатлантического договора.

НАТО лишь усугубило ситуацию, прибегнув к использованию военной силы, что доказывает безрезультативность и неэффективность мер, примененных западной коалицией. Переговорный процесс между СРЮ и Косово оттягивал эскалацию конфликта, помогал снизить напряженность и стабилизировать ситуации, но, самое главное, давал надежду на мирное разрешение споров, что подтверждается многочисленными уступками со стороны правительства Югославии. Готовность сербских властей к диалогу служит главным доказательством того, что возможность урегулирования конфликта мирным путем все же имелась.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Jordan, Robert S. International organizations: A comparative approach to the management of cooperation. – Greenwood Publishing Group, 2001. – P. 129. – ISBN 9780275965495.
2. Коновалов И. П., Барабанов М. С., Куделев В. В., Целуйко В. А. Чужие войны. – Москва: Центр анализа стратегий и технологий, 2012. – 272 с. – ISBN 978-5-9902620-4-1.
3. Steven Haines. Review: Babak Bahador The CNN Effect in Action: How the News Media Pushed the West towards War in Kosovo Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. xxii + 235 pp. ISBN 978 1 4039 7519 5
4. Rene Girard. The images filmed during the attack on the village of Račak contradict the Albanians' and the OSCE's version. Kosovo: Obscure Areas of a Massacre 20.01.1999. – URL: https://alethonews.com/2010/12/18/the-racak-hoax/
5. Агрессия НАТО 1999 года против Югославии и процесс мирного урегулирования / Е. Ю. Гуськова – «Индрик», 2013 С. 262 – 265.
6. The Rambouillet text. Appendix B: Status of Multi-National Military Implementation Force. The Guardian. 28 Apr 1999. – URL: https://www.theguardian.com/world/1999/apr/28/balkans12 (Дата обращения 15.04.2025)
7. Ian Bancroft. Serbia's anniversary is a timely reminder. The Guardian. [Электронный ресурс]. Tue 24 Mar 2009. – URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/2009/mar/24/serbia-kosovo (Дата обращения 15.04.2025).

8. Office of the High Representatives. Contact group statement – Rambuillet, 23 February 1999. [Электронный ресурс]. 23.02.1999. – URL: https://www.ohr.int/ohr_archive/contact-group-statement-rambouillet-23-february-1999/ (Дата обращения 16.04.2025)

9. Suy, Eric. Leiden Journal of International Law. «NATO's Intervention in the Federal Republic of Yugoslavia» // Cambridge University Press. – 2000. – № 13. – P. 193-205. – doi:10.1017/S-09221-56500000133

10. Гуськова Е. Ю. Сербы в необъявленной войне конца XX века. «Сохраняйте улыбку – это стиль Белграда» // Славянский мир в третьем тысячелетии. – 2015. – № 10. – С. 136—137.

11. Организация Объединенных Наций: официальный сайт. Устав ООН (полный текст). Глава VI: Мирное разрешение споров, статья 33 пункт 1. – URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (Дата обращения 16.04.2025).

12. Организация Объединенных Наций: официальный сайт. Устав ООН (полный текст). Глава I: Цели и принципы, статья 2. – URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (Дата обращения 17.04.2025).

13. Организация Объединенных Наций: официальный сайт. Устав ООН (полный текст). Глава VII: Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии, статья 39. – URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (Дата обращения 17.04.2025).

14. Организация Объединенных Наций: официальный сайт. Устав ООН (полный текст). Глава V: Совет Безопасности. Функции и полномочия, статья 24. – URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (Дата обращения 18.04.2025).

15. Организация Объединенных Наций: официальный сайт. Устав ООН (полный текст). Глава VII: Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии, статья 42. – URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (Дата обращения 18.04.2025).

16. Организация Объединенных Наций: официальный сайт. Устав ООН (полный текст). Глава VII: Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии, статья 51. – URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (Дата обращения 19.04.2025).

17. Организация Североатлантического договора: официальный сайт. «Североатлантический договор Вашингтон, Федеральный округ Колумбия, 4 апреля 1949 г.». Статья 1. 20.10.2023. – URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm (Дата обращения 20.04.2025).

18. Организация Североатлантического договора: официальный сайт. «Североатлантический договор Вашингтон, Федеральный округ Колумбия, 4 апреля 1949 г.». Статья 5. 20.10.2023 – URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm (Дата обращения 20.04.2025).

УДК 327

ГИБРАЛТАРСКИЙ ВОПРОС ДО XXI ВЕКА

THE GIBRALTAR QUESTION BEFORE THE XXI CENTURY

Д. С. Капранов,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия)
D. S. Kapranov,
Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: kapranov.den7@yandex.ru
А. В. Цыб,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия)
A. V. Tsyb,
Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: alex.tsyb@gmail.com

Аннотация. Вопросы о принадлежности территорий возникают во всех частях света – в Азии, в Африке, в Южной Америке и даже в Европе. Одним из самых известных и продолжительных подобных споров, это спор между Испанией и Великобританией о принадлежности полуострова Гибралтар. Полемика по «Гибралтарскому вопросу» периодически возникает в диалоге между двумя государствами. Длящийся более трехсот лет и неразрешенный до сих пор конфликт примечателен еще и тем, что его стороны являются союзниками – членами блока НАТО, а до недавнего времени состояли в одной, крупнейшей в мире интеграционной группировке — Евросоюзе. Таким образом спор о принадлежности относительно небольшого Гибралтарского полуострова имеет возможность оказывать влияние и на всю европейскую политику. Новый виток испано-британского спора был заложен в 2016 году во время выхода Великобритании из ЕС. Так называемого «брексита». В статье рассматриваются истоки проблемы.

Abstract. Questions about the state ownership of territories exist in all parts of the world – in Asia, Africa, South America, and even Europe. One of the most renowned and enduring such disputes of this nature is the ongoing territorial ownership dispute between Spain and the United Kingdom concerning the Gibraltar Peninsula. The ongoing dialogue between the two States has been characterised by intermittent controversy surrounding the so-called “Gibraltar issue”. The conflict, which has lasted for more than three hundred years and has not been resolved so far, is also notable for the fact that its parties are allies – members of the NATO bloc, and until recently were members of one of the world's largest integration groups, the European Union. Thus the dispute over the ownership of the relatively small peninsula of Gibraltar has the potential to influence the whole of European politics. A new round of the Spanish-British dispute was initiated in 2016 during the UK’s exit from the EU. This was the so-called “BREXIT”. The article conducts an examination of the origins of the problem.

Ключевые слова: ИСТОРИЯ ИСПАНИИ, МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СПОРЫ, ГИБРАЛТАРСКИЙ ВОПРОС, УТРЕХТСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР, ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ, ЕВРОПЕЙСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Key words: SPANISH HISTORY, INTER-STATE TERRITORIAL DISPUTES, GIBRALTAR QUESTION, UTRECHT PEACE TREATY, DECOLONIZATION

Введение. Спор между Испанией и Англией о территориальной принадлежности Гибралтара уходит своими корнями еще в начало восемнадцатого века, а история полуострова начинается много раньше. Первые поселения появились на мысу еще более трех тысяч лет назад. В разные времена он принадлежал финикиянам, карфагенянам, Римской империи. В 1462 году испанцы заняли крепость в ходе Реконкисты и до самого XVIII века Гибралтар оставался в составе Испании.

Между Утрехтским миром и Наполеоновскими войнами. В 1704 году Гибралтар был занят Англией в ходе войны за Испанское наследство, а в 1713 году британская корона закрепила за собой территорию по Утрехтскому мирному договору. Потеря полуострова Гибралтар стала тяжелым ударом по геополитическому положению Испании. До утраты Гибралтара Испания, подобно Великобритании входила в число ведущих морских держав, имея выход и в Атлантику, и в Средиземное море, контролируя торговые пути из Леванта (восточного побережья Испании), ведущие далеко на юг в сторону мыса Новой надежды. Потеря полуострова и как следствие контроля над проливом привела к потере влияния на указанные торговые пути, а также создало преграду для взаимодействия двух частей испанского флота [1].

Относительно рассмотрения вопроса о принадлежности Гибралтара наибольший интерес несут первый и десятый пункты данного мирного договора: «На основании настоящего документа, католический Король, от имени себя, своих наследников и преемников, уступает короне Великобритании в полное ее владение город и замок Гибралтар вместе с портом, укреплениями и фортами, ему принадлежащими; он также отказывается от права владения, а также лишается абсолютной власти на этой территории, без каких-либо исключений. В случае, если в будущем королевская династия Великобритании решит даровать, продать или каким-либо другим образом исключить из своих владений город Гибралтар, настоящим устанавливается, что при продаже предпочтение будет отдано Испании, нежели каким-либо другим странам» [2; 3]. За время споров о принадлежности полуострова испанская сторона не раз и не два ссылалась на десятый пункт Утрехтского договора, который якобы закреплял за Испанией приоритетное право на владение полуостровом Гибралтар.

Потеря полуострова, как и Утрехтский договор в целом не устраивали ни Испанское общество, ни королевскую власть. Уже в 1717 году Испания силой вернула Сицилию, а в 1718 к Испании вернулась и Сардиния. Такое нарушение мира со стороны испанцев побудила Великобританию искать формы нового мирного договора. Британская сторона даже предложила вернуть Гибралтар в качестве жеста доброй воли, но получила отказ короля Испании, что привело к

формированию антииспанской коалиции и Войне за Французское наследство. Новый мирный договор 1720 года закрепил Гибралтар за Великобританией [4; 5].

За всю историю Гибралтарского вопроса Испания предприняла тринадцать попыток вернуть полуостров силой. Самая известная из них, в некоторых источниках именуемая Великой Осадой длилась с 1779 по 1783 годы. Длившаяся четыре года осада совместными силами испано-французской коалиции, несмотря на привлечение значительных ресурсов, окончилась поражением и Версальский договор 1783 года вновь утвердил власть Британской короны над Гибралтаром. Следует заметить, что декларируемой причиной нападения стало нарушение Великобританией пунктов Утрехтского и иных договоров, регулирующих количество и тип возводимых на полуострове фортификаций. После снятия Великой осады Британия не только восстановила, но и продолжила модернизировать и расширять укрепления.

Колония Великобритании. Стратегическое значение полуострова Гибралтар сыграло на руку Великобритании в эпоху Наполеоновских войн. Во время Континентальной Блокады, когда большая часть портов была закрыта для Британских кораблей, порт Гибралтара служил перевалочной базой для английский военных и торговых кораблей. Еще сильнее важность обладания Гибралтарской скалой возросло в 1869 году — после открытия Суэцкого канала, владычество над Гибралтаром позволяло контролировать средиземноморское судоходство [6].

Важным будет отметить то, что в 1830 году Гибралтар был в одностороннем порядке провозглашен колонией Великобритании. Испания отказалась признать новый статус полуострова, продолжая считать территорию незаконно оккупированной.

В конце XIX века Испания выступила с предложением обменять Гибралтар на г.Сеуту, имеющей схожее стратегическое положение, но получила отказ от Великобритании. Правительство Великобритании сочло, что потенциальные дивиденды от обладания Гибралтаром превосходят все возможные риски и уязвимость со стороны материка. Не менее важным является политическая и духовная значимость обладания Гибралтаром — в британском самосознании он является одним из символов величия Великобритании и созданной ей империи [7].

Начало XX века было отмечено укреплением британского влияния на Гибралтаре в целом и границ колонии в частности. Через посольство в Мадриде испанской стороне было передано, что Британия планирует отгородить принадлежащую ей территорию. Это, однако, привело к тому, что часть перешейка, принадлежащая Испании, была отделена от нее. Во избежание конфликтов, указанная территория была объявлена нейтральной зоной, однако вопрос Гибралтарского перешейка в будущем не раз становился камнем преткновения в процессе переговоров о судьбе полуострова.

Стратегическая значимость Гибралтара была вновь подтверждена в эпоху мировых войн. В годы Первой мировой войны Великобритания инвестировала в порт и верфь, значительно повысив пропускную способность полуострова [8].

При этом гражданское население Гибралтара почти не было затронуто войной. В британскую армию и ВМФ было завербовано не более сотни местных жителей.

Во время же Второй мировой войны Гибралтар стал полностью военным объектом и все гражданское население было вывезено с полуострова. Это ожидаемо привело к острой нехватке вспомогательного персонала и, по иронии судьбы, единственным населением острова кроме военнослужащих Соединенного Королевства были наемные рабочие из Испании, что безусловно усложнило работу английских спецслужб. Военная инфраструктура острова вновь была расширена.

После капитуляции Франции Гибралтар стал важнейшим узлом морского снабжения. С 1942 года он также стал перевалочным пунктом для конвоев из США, через Гибралтарский порт осуществлялось снабжение Мальты, он служил базой для флота и авиации союзников и через него же осуществлялось вторжение в Африку в рамках операции «Факел».

На британском морском сленге Гибралтар носил название «Скала» и числился одной из трех крепостей в ведомстве министерства обороны Великобритании. Точное количество вооружений и бойцов, размещенных в крепости, мало поддается подсчету ввиду особенностей организации британских вооруженных сил и наличия значительного количества нестроевых подразделений. Достоверно можно сказать, что еще в 1939 году численность пехотных частей на скале равнялась одной бригаде. Твердыня была укомплектована значительным количеством разнокалиберных артиллерийских орудий, изначально предназначенных для кораблей британского флота, однако после начала «дредноутной гонки» и перехода к концепции исключительно крупных калибров, орудия были установлены на крепости Гибралтара. Учитывая выгодное расположение главный калибр «Скалы» мог простреливать весь Гибралтарский пролив. При этом нельзя не отметить, что у крепостных орудий было значительное число слепых зон, особенно со стороны Гибралтарского перешейка. Итальянские боевые подводники совершали регулярные диверсии против боевых и грузовых кораблей в порту Гибралтара со стороны Альхесираса [9].

Долгое время крепость Гибралтар не была укомплектована какой-либо авиацией. Данный факт объясняется в первую очередь малым количеством доступного места и климатическими условиями имперского форпоста. Единственным благоприятным местом для взлетно-посадочной полосы был север полуострова, на самой границе с нейтральной зоной. В этой позиции взлету авиации могли бы помешать даже испанские пограничники при помощи легкого стрелкового оружия, не говоря уже о том, что теоретически секретная военная стройплощадка была на виду у жителей близлежащих испанских деревень и наблюдалась без какой-либо оптики. Лишь в 1934 году англичане начали обустройство насыпной взлетно-посадочной полосы длинной около полукилометра, которая, однако, могла принимать только легкую авиацию. Полноценная авиабаза была развернута на Скале только к 1943 году, но даже когда ВПП могла принимать не только штурмовики и с неполной боезагрузкой, постоянного авиаконтингента к крепости приписано не было. Ввиду

потенциальной уязвимости гибралтарский аэродром рассматривался скорее как транзитный пункт [10].

Не менее ироничным, чем наличие испанских наемных рабочих на «Скале», является факт того, что Франко видимо не только не собирался нападать на Гибралтар, но и сам ожил неприятностей со стороны англичан. Об этом говорит тот факт, что в непосредственной близости от британской крепости был расположен армейский корпус в составе трех пехотных дивизий со средствами усиления, в том числе крайне дефицитными для франкистской Испании специализированными зенитными пушками. В «Кампо Гибралтар» был возведен внушительный укрепрайон в лучших традициях гигантомании эпохи мировых войн. На 120 километров линии укреплений было возведено более пяти сотен долговременных огневых позиций. Для сравнения, на знаменитой линии Маннергейма на сходную длину фронта приходилось только около 130 долговременных огневых точек. И пусть условия строительства на Пиренейском полуострове не в пример лучше, чем в карельской тайге, а возведенные силами Франсиско Франко бункеры были не ровней финским укреплениям, строившимся с учетом возможного противостояния мощи Красной Армии, нельзя отрицать, что испанцы подготовились к теоретической атаке англичан основательно.

Взлетная полоса Гибралтара находилась в зоне постоянного поражения всех возможных огневых средств, а значительная часть пролива простреливалась испанской береговой артиллерией и судоходство осуществлялось по согласованию с испанцами. В случае полноценного вступления франкистской Испании в союз Оси и участия во Второй мировой войне «Скала» из удобного транзитного пункта могла стать смертельной западней. Однако каудильо решил проявить осторожность и, возможно, навсегда сделал невозможным военное решение Гибралтарского вопроса.

В новейшей истории XX века. После Второй мировой войны Испания вновь начала «качать лодку» стабильности в регионе и говорить о возвращении Гибралтара. Одним из поводов для накала отношений между Мадридом и Лондоном стало начавшееся в 1953 турне королевы Елизаветы II по заморским владениям Британии. Последней точкой маршрута королевы перед возвращением в Англию был полуостров Гибралтар, который она должна была посетить уже в 1954 г., знаменовавшем 250-летнюю годовщину захвата Гибралтара британским флотом, что не могло не вызвать острой реакции со стороны Испании. 1 мая 1954 испанское консульство на территории полуострова было закрыто, а перемещение между Гибралтаром и Испанией — ограничено. В следующем 1955 г. правительство Франко официально заявила свои права на Британскую колонию.

Следует отметить, что испано-британский диалог по Гибралтарскому вопросы второй половины пятидесятых был довольно вялотекущим. Британскую сторону устраивало сохранение статус-кво вокруг Гибралтарского вопроса, а внутренние экономические проблемы Испании не позволяли ее правительству сконцентрироваться на старом споре и ни одна из сторон не искала силового решения вопроса.

Не менее важным фактом, который не раз сыграет свою роль на протяжении спора, была противоречивая позиция испанского правительства. С одной стороны, Мадрид никогда напрямую не отказывался от диалога с жителями острова, но с другой — отказывал «гибралтарцам» в какой-либо форме национального самоопределения. Причиной подобной риторики был все-тот же утрехтский договор, опираясь на который Испанская сторона заявляла об отсутствии у Гибралтара какого-либо суверенитета.

В шестидесятых годах спор о принадлежности Гибралтара впервые вышел на уровень международных отношений и перестал быть элементом только лишь испано-британской политики [11]. Испанская сторона ввела ряд санкций против Британии, а также вынесла вопрос о Гибралтаре на рассмотрение генассамблеи ООН, с требованием решить его в пользу Испании. Испанская резолюция была поддержана странами Латинской Америки. Именно по рекомендации ООН в 1966 г. начался новый виток переговоров по Гибралтару, которые, однако ни к чему не привели. В своей аргументации Испания опиралась на договоры о деколонизации, а документах ООН вопрос о Гибралтаре соседствовал с вопросом об Британской Гвинее. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1968 г. гласила, что Великобритания должна передать Гибралтар Испании до конца 1969 г. В резолюции особенно подчеркивалось, что гибралтарская проблема является не проблемой самоопределения этноса или текущего населения полуострова, а проблемой восстановления территориальной целостности Испании, на территорию которой была внедрена иноземная колония [12].

Деколонизация и Конституция. Правительство Великобритании ушло от требований с поистине британским изяществом. Следует отметить, что еще в 1964 году Гибралтару была дарована первая Конституция, согласно которой в колонии был создан парламент. Как отметило правительство Великобритании, Конституция отвечала пожеланиям жителей Гибралтара, при этом Конституция не была шагом к независимости и сохранялся акцент на тесные связи с метрополией. Конституция Гибралтара была обновлена в 1969, что еще сильнее расширило самоуправление, оставив в ведении Великобритании только вопросы обороны и внешней. «Колония» Гибралтар переименована в «город» Гибралтар. Таким образом Великобритания добавила в спор о принадлежности полуострова новую сторону — сам Гибралтар, его население и правительство.

Отказ передать полуостров привел к новым санкциям со стороны Испании и в том же 1969 году Гибралтар оказался полностью заблокирован с суши. Позиция Испании продолжила опираться на то, что Британия незаконно аннексировала часть испанской территории, а также на Атлантическую Хартию [13]. Подобный статус-кво сохранялся до 1980 года. В этом году обе стороны встретились в Лиссабоне, где был подписан договор, положивший начало примирению Мадрида и Лондона. Стороны договаривались решать вопрос суверенитета Гибралтара в согласии с принципами ООН, а Испания соглашалась ослабить блокаду полуострова. Пусть пункты Лиссабонской декларации так и не были применены, они послужили основой последующих переговоров по Гибралтарскому вопросу.

После 1985 г. Значительные подвижки в споре произошли только после вступления Испании в Евросоюз в 1985, произошедшего несмотря на все угрозы Испании отказаться от вступления в ЕС и НАТО, если им не будет передан полуостров. Лишь после присоединения Испании к Евросоюзу, Великобритания дала согласие на дальнейшее обсуждение Гибралтарского вопроса. В том же 1985 г. в Женеве прошли первые переговоры, ставшие началом Брюссельского процесса [14].

В качестве своеобразного жеста доброй воли, начиная с 1989 г., Великобритания стала сокращать свое военное присутствие на территории Гибралтара. Были сокращены сухопутные и морские силы, полностью переданы под контроль местных властей база королевских ВВС и аэропорт. И пусть в Мадриде положительно восприняли указанные действия Лондона, ни одно из них не затрагивала сути конфликта между двумя государствами, а именно суверенитета над Гибралтаром.

Не менее примечательным аспектом Гибралтарского вопроса является тот факт, что Британия никогда не собиралась и не собирается непосредственно включать Гибралтар в своей состав. Британская сторона утверждает, что создала все условия независимости колонии, при этом ссылаясь на столь часто всплывающий в Испанской аргументации Утрехтский мирный договор, согласно которому Гибралтар может получить независимость только с согласия Испании. Пользуясь тем, что испанская сторона никогда не пойдет на такой шаг и прикрываясь населением полуострова, которое желает сохранить свой особенной статус, Великобритания сохраняет фактический контроль над Гибралтаром. Схожей тактики правительство Великобритании придерживалось и при переходе в новое тысячелетие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Морозов Е. В. Захват Англией Гибралтара и его последствия // Исторический бюллетень, Том 4, № 1, 2021. С. 97–99, URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=44875531
2. Peace and Friendship Treaty of Utrecht between Spain and Great Britain // A Collection of Treaties Between Great Britain and Other Powers, George Chalmers, Printed for J. Stockdale, 1790. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Peace_and_Friendship_Treaty_of_Utrecht_between_Spain_and_Great_Britain
3. Gold P. The Treaty of Utrecht: Extract from Article X. In: A Stone in Spain's Shoe: The Search for a Solution to the Problem of Gibraltar. Liverpool: Liverpool University Press, 1994. Pyp. 213-214.
4. Cela D.H. La Guerra de la Cuádruple Alianza (1717-1720). El teatro de operaciones catalán // Subdirección General de Publicaciones y Patrimonio Cultural, URL: https://publicaciones.defensa.gob.es/la-guerra-de-la-cuadruple-alianza-1717-1720-el-teatro-de-operaciones-catalan-libros-papel.html (Дата обращения 01.03.2025).
5. Pérez Samper M. Á. La Cuádruple Alianza de 1718: equilibrios y desequilibrios // Studia Historica: Historia Moderna, 2022, 44 (2). P. 80, https://doi.org/10.14201/shhmo20224426584.

6. Черкасова Е. Г. Гибралтар: нелегкие пути решения территориальной проблемы // Ибер американские тетради, 2014, № 4 (6). С. 87–97, URL: https://www.imemo.ru/publications/info/gibraltar-nelegkie-puti-resheniya-territorialynoy-problemi.

7. Сулима Е. Н., Акулька А. В. Гибралтарская проблема в контексте выхода Великобритании из ЕС // Вестник Московского университета, Серия 27. Глобалиста и геополитика, 2017, № 4. С.11–20.

8. Кузнецова М. В. Гибралтар в испанобританских отношениях: история вопроса // Вестник МГИМО, 2011, №3. С. 295–300, URL: https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-3-18-295-300 (Дата обращения 07.03.2025)

9. Pérez-Reverte A. El Italiano. Madrid: Alfaguara, 1921

10. Креленко Д. М. Отдельные элементы потенциала крепости Гибралтар в контексте стратегической роли данной позиции в 1940–1942 годах // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения, 2018, т. 18, вып. 4. С. 481–487, doi: https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-481-487

11. Черкасова Е. Г. Гибралтар, Сеута и Мелилья: территориальные проблемы Испании // Мировая экономика и международные отношения, 2017, т. 61, № 9. С. 89–99, doi:10.20542/0131-2227-2017-61-9-89-99

12. Аникеева Н. Е., Капитонова Н.К. Проблема Гибралтара в британо-испанских отношениях в контексте Брекзита // Современная Европа, 2020, №6. С. 64–75, URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-gibraltara-v-britano-ispanskih-otnosheniyah-v-kontekste-brekzita (дата обращения: 12.04.2025)

13. Англо-Американская Декларация (Атлантическая Хартия) // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной Войны. Документы и материалы. Т. 1 // М.: ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы, 1944. С. 147–148.

14. Зубрицкая У.И. Международно-правовой статус Гибралтара в контексте испанобританских отношений // Вопросы российского и международного права, 2022, т. 12, № 6А. С. 310-319, doi: 10.34670/AR.2022.76.52.037

УДК 327

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ: ОТ БНР ДО НЕЗАВИСИМОСТИ (1918-1991)

FORMATION AND DEVELOPMENT OF BELARUSIAN DIPLOMACY: FROM THE BNR TO INDEPENDENCE (1918-1991)

В. Киселев,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
V. Kiselyov,
St. Petersburg State University,
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: kiselv_vadim@internet.ru

Аннотация: Данная статья посвящена комплексному исследованию истории белорусской дипломатии, начиная от образования Белорусской Народной Республики в 1918 г., и заканчивая провозглашением государственного суверенитета Республики Беларусь в 1990 г. Исследование охватывает основные этапы формирования, а также дальнейшей эволюции белорусской дипломатии в этот период. Акцентируется внимание на дипломатической деятельности Белорусской Советской Социалистической Республики в период 1945-1990 гг. Рассматривается деятельность Белорусской Советской Социалистической Республики в рамках ООН, включая председательство в Совете Безопасности в 1975-1976 гг. Исследование завершается анализом Декларации о Государственном суверенитете Республики Беларусь от 1990 г., который служит отправной точкой для формирования полноценной независимой дипломатии Беларуси.

Abstract: This article is devoted to a comprehensive study of the history of Belarusian diplomacy, starting from the formation of the Belarusian People's Republic in 1918, and ending with the proclamation of state sovereignty of the Republic of Belarus in 1990. The study covers the main stages of the formation, as well as the further evolution of Belarusian diplomacy during this period. The article focuses on the diplomatic activity of the Belarusian Soviet Socialist Republic in the period 1945-1990. The article examines the activities of the Belarusian Soviet Socialist Republic within the framework of the United Nations, including the presidency of the Security Council in 1975-1976. The study concludes with an analysis of the Declaration of State Sovereignty of the Republic of Belarus of 1990, which serves as a starting point for the formation of a full-fledged independent diplomacy of Belarus.

Ключевые слова: БЕЛАРУСЬ, ДИПЛОМАТИЯ, ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ООН

Key words: BELARUS, DIPLOMACY, HISTORY OF DIPLOMACY, INTERNATIONAL RELATIONS, UN

История белорусской дипломатии, ровно, как и государственности, начинается в 1918 г. с образованием Белорусской Народной Республики (БНР) [1]. В этот короткий период её основной задачей являлось обеспечение международного признания молодого белорусского государства со стороны великих держав, а также установление дипломатических контактов и дружеских связей с соседними странами, которые, зачастую, представляли собой такие же недавно созданные государственные образования, такие Польша или страны

Балтийского региона. Делегации БНР принимали участие в Парижской и Генуэзской мирных конференциях 1919 и 1922 гг., пытаясь решить вопрос о признании и репарациях. Однако тяжелая внешнеполитическая обстановка на тот момент, а также последовательная занятие территории БНР сначала немецкими, а потом советскими и польскими войсками, не дали осуществиться этим замыслам. Верховная Рада БНР была изгнана с территории Беларуси, а её представители фактически утратили какие-либо полномочия, несмотря на то что этот орган власти еще продолжал формально существовать в качестве правительства в изгнании.

1 января 1919 г. На территории Белоруссии была установлена власть большевиков, в результате чего была образована Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР). На начальном этапе своего существования, правительство БССР передало право на ведение внешних сношений от своего имени к РСФСР. Так, например, Наркомат иностранных дел РСФСР вел переговоры от имени правительства БССР с Польшей в 1920-1921 гг. Их итогом стало подписание Рижского мирного договора 1921 г. и переход западной части БССР в состав Польского государства. Предложения прочим мировым державам о признании и установлении дипломатических отношений с БССР зачастую так и оставались без ответа.

Белорусская Советская Социалистическая Республика, совместно с РСФСР, УССР и ЗСФСР, встала у истоков создания СССР, подписав Договор об его образовании 29 декабря 1922 г. [2]. Согласно договору, советские республики, в том числе и Беларусь, фактически утратили свои внешнеполитические полномочия, за которые теперь отвечал новообразованный всесоюзный орган – Народный комиссариат по иностранным делам СССР. Впоследствии это положение было закреплено в первой конституции СССР от 1924 г, а также во второй, «Сталинской конституции» от 1936 г. В этот период, какая-либо дипломатическая деятельность со стороны БССР полностью прекратилась [3].

Однако по итогам Второй Мировой Войны ситуация коренным образом изменилась. Руководство Советского Союза опасалось численного перевеса капиталистических стран на конференциях по вопросам послевоенного мирнго урегулирования, а также в зарождающихся международных организациях, таких как ООН. Пытаясь решить эту проблему, советское руководство начало реализовывать идею о предоставлении в новых организациях и на конференциях права голоса для союзных республик СССР.

Первой попыткой осуществить эту задумку стала дипломатическая нота от 26 июля 1943 г. [4], направленная послу Великобритании в СССР А. К. Керру, о представлении места для 7 союзных республик в создаваемой Комиссии Объединенных Наций по военным преступлениям. Данное решение аргументировалось необходимостью дать представительство в Комиссии тем союзным республикам, которые перенесли на себе бремя немецкой оккупации, а также тем, что Великобритания предложила право на участие в комиссии своим доминионам [5].

Однако это предложение в итоге было отвергнуто Великобританией и поддержавшими их США. Английское правительство аргументировало свой ответ тем, что конституционное положение государств-членов Британского

содружества наций сильно отличается от советских республик СССР, которые не имеют международного статуса, а также не имеют права, в соответствии с конституцией от 1936 г., самостоятельно вести внешнюю политику не через общесоюзные органы [6].

В ответ на это, Верховный Совет СССР принял закон 1 февраля 1944 г. «О предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании, в связи с этим Народного комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский народный комиссариат» [7]. Благодаря этому решению союзные республики получили формальное право самостоятельно вести свои международные дела.

Эти изменения нашли положительный отклик в Великобритании, однако в целом они всё равно вызвали очень большое недоверие в Лондоне и Вашингтоне. 28 августа 1944 г., на конференции в Думбартон-Оксе, председатель советской делегации А. А. Громыко предложил допустить в числе первоначальных участников организации все союзные советские социалистические республики [8]. Представители делегаций США и Великобритании Эдвардом Стеттиниус и Александр Кадоган назвали это проблемой «множественного членства» СССР в ООН, и пытались не допустить такого исхода событий [9]. Президент США Ф. Рузвельт, в ответ на это предложение, заявил, что в случае принятия советских республик в международные организации, следом стоило бы рассматривать принятие туда всех 48 Штатов США [10]. В то время как американская делегация выступила резко против данной инициативы, позиция Великобритании была более гибкой и компромиссной, рассчитывая решить свой вопрос с членством доминионов в положительную для себя сторону. Так, например, 5 декабря 1944 г. Министерство иностранных дел Великобритании выпустило меморандум [11], согласно которому, советские республики смогут принимать участие в создании новых международных организаций, если к этому таким же образом будут допущены доминионы Британской империи.

В целом, вопрос о членстве каких-либо других советских республик в создании международных организаций так и не был решен на конференции в Думбартон-Оксе. В дальнейшем, по итогам Ялтинской конференции, Ф. Рузвельт и У. Черчилль поддержали предложение о допуске в качестве первоначальных членов ООН двух союзных республик – УССР и БССР [5]. Такой выбор объясняется значимостью этих республик для СССР, а также их ролью во время Великой Отечественной войны. Изменение позиций США и Великобритании по этому вопросу обуславливается советскими уступками по поводу включения в состав стран-основателей ООН Филиппин и Индии.

30 апреля, на конференции в Сан-Франциско, заседание глав делегаций одобрило предложение допустить украинских и белорусских представителей на конференцию. 6 мая делегация БССР, во главе с наркомом иностранных дел республики К. Киселевым, прибыла в Сан-Франциско [12]. 26 июня 1945 г. делегация БССР подписала Устав ООН, став одной из 50 стран-основательниц Организации Объединенных Наций [13]. Именно это событие стало основополагающим в истории белоруской дипломатии. С этого момента начался её путь на международной арене.

В первые десятилетия своего членства в ООН, делегация БССР делала акцент на расширении организации за счет новых членов из числа развивающихся социалистических государств, а также стран Азии и Африки. В 1955 г. Делегация БССР активно отстаивала права на вступление в ООН таких стран как Албания, Венгрия, Румыния. Белоруссия активно способствовала продвижению суверенитета образовавшихся в ходе процесса деколонизации африканских государств. Белорусская делегация в целом весьма активно поддерживала деколонизацию африканских государств. 14 декабря 1960 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Поддержку этой декларации в ходе сессии Генеральной Ассамблеи ООН выказал К. Т. Мазуров – первый секретарь ЦК КПБ, по совместительству являвшийся главой делегации БССР в ООН. В ходе своего выступления он заявил, что «Долг Генеральной Ассамблеи состоит в том, чтобы покончить раз и навсегда с колониализмом — этой позорной страницей в истории человечества. Белорусская делегация полностью поддерживает Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, внесенную на рассмотрение ООН советской делегацией, и призывает Делегации всех государств присоединиться к этому манифесту, открывающему новую эпоху в истории человечества – эпоху полного освобождения народов от колониальной зависимости» [14].

С началом периода «оттепели» увеличилась участие делегаций союзных республик в международных делах. В период с 1962 по 1980 гг. БССР подписала более 70 международных договоров, вступила в 15 межправительственных организаций, а также в 6 агентств ООН и в 50 международных межправительственных организаций, таких как ЮНИДО, ЮНЕСКО, МОТ, ВОЗ, МАГАТЭ и т. д. [15]. В этот же период укрепляется взаимодействие Республики с ООН и с соседними социалистическими государствами. Например, в 1958 г. открывается постоянное представительство БССР при ООН в Нью-Йорке и Женеве, в 1962 г. открывается представительство при ЮНЕСКО в Париже. В Минске начинают открываться консульства зарубежных государств, таких как Польша и ГДР, в 1972 г. [16].

Нельзя не отметить председательство БССР в Совете Безопасности ООН в 1974-1975 гг. в качестве непостоянного члена. Белорусские дипломаты проделали большую работу для претворения этого выдающегося достижения в жизнь. Из 123 делегаций Генеральной Ассамблеи 112 выступили за избрание БССР, в том числе делегации США и прочих западных государств, с которыми, предварительным образом, осуществлялась дипломатическая работа [17]. На годы председательства БССР в Совете Безопасности выпали Кипрский кризис 1974-1975 гг. а также пограничный спор между Ираком и Ираном 1975 г. Белорусские дипломаты выступали за деэскалацию конфликта на Кипре, а в процессе решения ирано-иракского пограничного спора удалось не только предотвратить военный конфликт, но и достигнуть общего консенсуса по этому вопросу между двумя противоборствующими сторонами. Всего, за два года своего председательства, Белорусские делегаты сделали 20 выступлений, участвовали в 109 официальных заседаниях Совета безопасности, а также более

чем в 150 неофициальных. Особенно важной темой для БССР стала продолжающаяся деколонизация [18]. Делегация Белорусской Социалистической Республики присутствовала на всех заседаниях Совбеза, касающихся этой темы, а также регулярно участвовала в прениях по вопросам, связанным с теми или иными аспектами этой проблемы.

Однако, несмотря на всю активность делегации БССР в ООН в период 1945-1991 гг., это не отменяет ключевой проблемы белорусской дипломатии в этот период. Министерство иностранных дел БССР продолжало оставаться подотчетным общесоюзному органу внешней дипломатии – Министерству иностранных дел СССР, и, фактически, оно было лишено независимой внешнеполитической линии. Политические органы Белорусской Социалистической Республики, такие как Верховный совет БССР и Президиум Верховного совета, оставались пассивными в решении вопросов, связанных с внешней политикой Республики. После сессий 1944-1945 гг, касающихся создания наркомата иностранных дел республики и её выхода на международную арену, внешнеполитические проблемы более не поднимались в Верховном совете БССР вплоть до 1990 г. Белоруссия не могла в полной мере проводить самостоятельную внешнюю политику, полагаясь в этом деле исключительно на Министерство Иностранных дел, которое, согласно конституции 1977 г., подчинялось порядку, установленному на основе принципов внешней политики СССР и согласно внешнеполитическому курсу КПСС. Именно это является главной отличительной чертой всей внешней политики БССР – жесткий контроль партийно-государственного аппарата над всеми формами зарубежных контактов и культурных обменов. Сотрудничество БССР с другими странами зачастую ограничивалось странами соседями, а также странами «социалистического сотрудничества» – государствами левой, просоветской ориентации, в более широком смысле сотрудничество затрагивало развивающиеся страны глобального Юга. Связи с западными капиталистическими странами, или государствами их поддерживающими, было жестко ограниченным, и носящим спорадический характер, не выходящим за пределы ООН. Голосование консенсусом, принятие решений без голосования, голосование подавляющим большинством – вот те сферы взаимодействия, в которых и выражались все связи внешней политики БССР со странами Запада, в то время как основные, ключевые решения принимались на основе общесоюзной платформы, находящейся в Москве. При этом стоит отметить те акценты, которые были установлены в белорусской внешнеполитической деятельности еще с 1945 г. В 1985 г., в ходе 45 сессии Генеральной Ассамблеи ООН БССР приняла более 40 резолюций по вопросам помощи развивающимся странам, а также деколонизации, при этом в 6 этих резолюциях Белоруссия выступала в качестве соавтора [16]. При этом касательно политических вопросов, белорусская делегация была намного более пассивной, отдавая приоритет в их решении общесоюзной делегации. Например, в тот же период 1947-1953 гг., Белоруссия внесла лишь три предложения, касающихся политических проблем, что лишь подчеркивает подчиненное по отношение к общесоюзному центру положение.

Тем не менее, это не отменяет всей активности и достижений белорусской дипломатии в советский период. Особенно стоит отметить заслуги в интенсификации советско-польских отношений, на которые БССР могла оказывать своё влияние. Начавшись с обсуждения демаркации границы, сотрудничество продолжило развиваться на полях Организации Объединенных Наций. Уже с самого начала, начиная с первой Генеральной Ассамблеи, польская делегация поддерживала решения БССР, например, касающиеся относительно принятия конкретных мер в целях реализации декларации о выдаче и наказании военных преступников. Обе делегации поддерживали резолюции и предложения друг друга относительно экономического и научного развития в ходе 2 и 14 сессии Генеральной ассамблеи ООН [19]. Помимо этого, делегации активно поддерживали совместные инициативы по разоружению, например, стоит упомянуть о поддержке делегацией БССР резолюции Польши об образовании в Центральной Европе безатомной зоны в ходе 12 сессии Генеральной ассамблеи. В 1972 г. открылось консульство ПНР в Минске [20], с чего началось более близкое двустороннее сотрудничество в правовом и экономическом пространстве, что оказывало положительное влияние на советско-польские отношения в целом.

Начиная с 1980 гг. в Минске начали проходить совещания представителей социалистических стран по вопросам совместной внешней политики на международной арене. Такие совещания проходили в 1981, 1986, 1987 гг. [21]. На последнем таком совещании, в 1989 г., присутствовали заместителей министров иностранных дел большинства стран социалистического лагеря, включая заместителей министров из МНР, Вьетнама и Северной Кореи. Однако, вопрос единой политической линии социалистических стран на протяжении всей Холодной войны решался в Москве. Исходя из этого, а также из вышеупомянутой зависимости всей дипломатии БССР в целом, следует ограниченность возможностей для Белоруссии даже в сфере внешнеполитических связей с союзниками по социалистическому блоку. Тем не менее, нельзя не отметить заслуги белорусских дипломатов, которые имели место быть даже с учетом такой ограниченности внешнеполитического инструментария.

27 июля 1990 г. Верховный Совет БССР принял Декларацию о государственном суверенитете Белорусской Социалистической Республики. Этот документ закреплял право Белоруссии на государственный суверенитет, а также на «независимость республики во внешних отношениях» [22]. Таким образом, это стало первое более чем за 40 лет рассмотрение Верховным советом БССР вопроса о внешней политике республики. Впервые в истории Белоруссии, она признавалась «полноправным и независимым членом мирового сообщества» [23]. С этого начинается история независимой дипломатии Республики Беларусь в качестве полноправного субъекта международных отношений.

Таким образом, история белорусской дипломатии — это пример поступательного развития и преодоления преград, возникающих при этом на пути. Беларусь проделала долгий путь, от фактического отсутствия субъектности, до членства в ООН и становления как полноценного игрока на международной арене. Благодаря изучению этого пути, мы можем проследить историю становления Республики Беларусь как независимого государства через призму её дипломатической деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ковкель И.И., Ярмусик Э.С. История Беларуси. – Минск: Аверсэв, 2000. – 592 с.
2. Сяргеева, Г. Г., Снапкоўскі, У. Е. Знешнепалітычныя аспекты суверэнітэту Беларусі: гістарычны агляд. // Весці Акадэміі навук Беларусі. Сер. гуманітар. нав. 1992. № 2. С. 48-49.
3. Снапковский В.Е. Внешняя политика Республики Беларусь: первые итоги первого десятилетия // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2000. № 4. С. 25-35.
4. Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 06. Оп. 5. П.17. Д. 166. Л. 1-3; СССР и германский вопрос. 1941-1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. В 2-х т. Т. 1: 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. М.,1996. С. 231-232.
5. Luard, E. A History of the United Nations. Vol. 2: The Age of Decolonization, 1955-1965. London, 1989. P. 1-2.
6. Майоров С. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. 1-е изд. М.: Госполитиздат, 1946. – 688 с.
7. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). 9-е изд., доп. и испр. Т. 7: 1938-1945. М., 1985. С. 490.
8. Внешняя политика Советского Союза Отечественной войны. Документы и материалы. Т. II (1 янв.-31 дек. 1944 г.). М., 1946. С. 442.
9. Stettinius, E. R. Roosevelt and the Russians: The Jalta Conference. New York, 1949. P. 17.
10. U.S.Relatons with Soviet: Value of Future Partnership // Times. 1944. 15. Febr.
11. Меморандум Форин оффиса от 30 августа 1943 г.
12. Крылов, С. Б. История создания Организации Объединенных Наций. Разработка текста Устава ООН (1944-1945). М., 1960. С. 11-13.
13. Устав ООН (полный текст) // Организация Объединённых Наций URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 02.04.2025).
14. Смирнов, В.С. по долгу интернациональной солидарности. Участие Белорусской ССР в борьбе прогрессивных сил ООН против колониализма. Минск, 1982. С. 139-141.
15. Архив МИД Республики Беларусь. Ф. 907/1. оп. 1. Д. 2015а. Л. 126-135.
16. Снапковский В.Е. Белорусская ССР в ООН отряд советской дипломатии в действии. – Минск: Белорусский государственный университет., 2021. – 318 с.
17. Советский Союз в Организации Объединенных Наций. Т. II. С. 164-167.
18. Смирнов, В.С. Беларусь в Совбезе ООН: Воспоминания белорусского посла // Беларуская думка. 2011. № 1. С. 67-68.
19. Kowalski, W. Wielka Koalicja. T. III: Rok 1945. Warszawa, 1980. S. 119.
20. Матерский, В. У истоков польско-советского сотрудничества в Организации Объединенных Наций // Советское славяноведение. 1980. № 5. С. 96.
21. Вестник Министерства иностранных дел СССР. 1987. № 6. С. 22.
22. Декларация «О государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики» 27 июля 1990 г. // Национальный архив Республики Беларусь URL: https://narb.by/ru. (дата обращения: 04.04.2025)
23. Документы по новейшей истории Беларуси „Дэкларацыя аб дзяржаўным суверэнітэце Беларускай ССР”, http://dakumenty.com/archives/3 Дата доступа: 29.09.2019.

УДК 327

ОПТИМИЗАЦИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ЛОГИСТИКИ КИТАЯ, КАЗАХСТАНА И РОССИИ В РАМКАХ «ОДНОГО ПОЯСА – ОДНОГО ПУТИ»

OPTIMIZING TRANSPORT LOGISTICS OF CHINA, KAZAKHSTAN, AND RUSSIA UNDER THE BELT AND ROAD INITIATIVE

Лу Фэн
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)
Lu Feng,
State Institute Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: boker809260921@gmail.com

Аннотация. Реализация стратегии «Один пояс – один путь» позволила внешней торговле Китая вступить в новый период развития, который расширил внешнеторговую сеть страны и продемонстрировал изменение ее структуры. В рамках предложенных материалов предлагается обсудить стратегии решения проблем транспортной логистики между Китаем, Казахстаном и Россией в контексте инициативы «Один пояс – один путь». На основе анализа текущей ситуации и проблем транспортной логистики, с которыми сталкиваются три страны, расширение возможностей для сотрудничества, в данной работе выдвигается ряд практических предложений по содействию экономическим и торговым обменам между странами и развитию региональных экономик.

Abstract The implementation of the “One Belt – One Road” strategy has allowed China's foreign trade to enter a new period of development, which has expanded the country's foreign trade network and demonstrated a change in its structure. In the framework of the proposed materials it is proposed to discuss strategies for solving problems of transportation logistics between China, Kazakhstan and Russia in the context of the “One Belt – One Road” initiative. Based on the analysis of the current situation and transport logistics problems faced by the three countries, the expansion of cooperation opportunities, this paper puts forward a series of practical proposals to promote economic and trade exchanges between the countries and the development of regional economies.

Ключевые слова: ИНИЦИАТИВА «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ», ЛОГИСТИКА, ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ, ИНТЕГРАЦИЯ КИТАЯ, КАЗАХСТАН И РОССИИ

Key words: “ONE BELT – ONE ROAD” INITIATIVE, LOGISTICS, FOREIGN ECONOMIC STRATEGIES, INTEGRATION OF CHINA, KAZAKHSTAN AND RUSSIA

Введение. С момента своего появления инициатива «Один пояс – один путь» стала важной платформой для продвижения глобальной экономической интеграции и общего развития стран, расположенных вдоль маршрута древнего Шелкового пути [1]. Как важные страны-участницы инициативы, Китай, Казахстан и Россия, обладают значительными преимуществами с точки зрения географического положения, обеспеченности ресурсами и рыночного спроса. Однако проблема транспортной логистики всегда была одним из ключевых факторов, сдерживающих глубокое развитие сотрудничества между тремя странами. Поэтому очень важно найти эффективные пути решения проблемы транспортной логистики, которая будет содействовать развитию сотрудничества между странами в рамках инициативы.

Методы исследования. Цель предлагаемого исследования предполагает поиск практических решений в развитии транспортной логистики между странами в современных условиях. Для решения задач и достижения цели использованы дескриптивный и исторический анализы, предложена гипотеза на основании результатов сравнительного анализа регионального развития трех стран. Исследование способствует более глубокому пониманию текущей ситуации, влиянию современных геополитических процессов и содействуют разработке стратегических рекомендаций для развития экономики Казахстана, Китая и России.

Материалы и результаты исследования

I. Анализ текущей ситуации в сфере транспортной логистики

Будучи инициатором проекта «Один пояс – один путь», Китай обладает совершенной транспортной сетью и передовыми логистическими технологиями, однако трансграничные перевозки по-прежнему сталкиваются с такими проблемами, как низкая эффективность таможенного оформления, информационная асимметрия и т. д. [2]. Казахстан, являясь важным транспортным узлом в Центральной Азии, обладает большим потенциалом в области железнодорожных и автомобильных перевозок, однако строительство инфраструктуры значительно отстает, что сказывается на эффективности перевозок [3]. **Россия,** как страна, расположенная на Евразийском континенте, имеет значительные преимущества в железнодорожном транспорте, но логистическая система все еще не совершенна и подвержена влиянию международных санкций и других факторов, связанных с современной ситуацией [4].

II. Проблемы

На основании анализа статистических и иных официальных данных [5] выделены следующие проблемы:

1. **Несоответствие инфраструктур транспортного обеспечения в России, Казахстане и Китае:** уровень строительства инфраструктуры в трех странах различается, что приводит к низкой эффективности перевозок и росту затрат. Несмотря на то, что транспортный коридор между тремя странами формируется, все еще существуют такие проблемы, как устаревшее оборудование и недостаточная пропускная способность на некоторых участках в каждом субъекте интеграции.

2. **Громоздкие процедуры таможенного оформления:** трансграничные перевозки связаны с законами и правилами многих стран и регионов, а процедуры таможенного оформления сложны, что увеличивает время и стоимость транспортировки.

3. **Асимметричная информация:** логистическая информация плохо передается между странами, что затрудняет координацию транспортных планов и увеличивает транспортные риски.

4. **Отсутствие единообразия стандартов**: существуют большие различия в стандартах железнодорожной колеи всех стран, логистической документации и информационных систем, что влияет на эффективность логистики и затраты.

5. **Геополитический риск:** сложная и нестабильная международная и региональная политическая ситуация может оказать негативное влияние на координацию и развитие логистического сотрудничества.

III. Решения

3.1. Механизм многостороннего сотрудничества

Создание стабильного механизма многостороннего сотрудничества является ключом к решению проблем транспортной логистики. Три страны должны совместно разработать долгосрочный план сотрудничества и создать специальное агентство по сотрудничеству, ответственное за координацию и решение различных проблем в области транспортной логистики. В то же время следует укреплять сотрудничество с международными организациями и другими странами, расположенными вдоль маршрута, чтобы сформировать более широкую сеть сотрудничества [6].

3.2. Культивирование и «обмен талантами» (развитие человеческого капитала)

Развитие транспортной логистики невозможно без поддержки профессиональных и компетентных специалистов. Три страны должны укреплять сотрудничество в области обучения и развивать обмен кадрами, совместно выращивать «логистические таланты» с международным видением и профессиональными навыками. Обмен знаниями и опытом должен продвигаться через учебные курсы, семинары и совместные исследовательские проекты и развитии программ подготовки специалистов в университетах трех стран.

3.3. Финансирование и инвестиции

Строительство и модернизация транспортной и логистической инфраструктуры требует значительной финансовой поддержки. Три страны должны активно изучать диверсифицированные каналы финансирования, включая государственные инвестиции, частный капитал, многосторонние банки развития и международные финансовые организации. В то же время необходимо создать разумный механизм возврата инвестиций, чтобы привлечь больше общественного капитала к участию в инвестициях в области транспортной логистики [7].

3.4. Усиление строительства и развития инфраструктуры

Расширение форм и увеличение объема инвестиций в инфраструктуру в Казахстане и России, улучшение пропускной способности транспорта и снижение логистических затрат.

Необходима разработка инвестиционной стратегии в трансграничные железные дороги, автомагистрали и другие объекты инфраструктуры, чтобы повысить пропускную способность и эффективность перевозок. В то же время, необходимо продвижение и строительство логистических парков, складских комплексов и других вспомогательных объектов для формирования всеобъемлющей логистической сети [8].

3.5. Содействие унификации стандартов

Анализ материалов исследования демонстрирует актуальность проблемы унификации стандартов, для чего необходимо усилить координацию разработки стандартов между тремя странами в области железнодорожной колеи, логистических документов, информационных систем и т. д., что в результате постепенно будет способствовать продвижению процесса стандартизации, чтобы снизить логистические затраты и повысить эффективность логистики.

З*.6. Создание платформы обмена информацией*

На основании использования и возможностей современных информационных технологий и развития искусственного интеллекта необходимо создать платформу обмена логистической информацией между тремя странами для

достижения координации и оптимизации транспортных планов [9]. В целях решения проблем транспортной логистики необходимо создание устойчивой системы обмена информацией по вопросам политики между тремя странами, а также обеспечение надежных гарантий для сотрудничества в области транспортной логистики.

IV. Результаты

В проанализированных научных публикациях и материалах [10] говорится о том, что решение транспортных и логистических проблем между Китаем, Казахстаном и Россией в рамках инициативы ««Один пояс – один путь» вполне осуществимо, но сталкивается с множеством проблем. Усиливая строительство инфраструктуры, способствуя унификации стандартов, укрепляя связь и координацию политики, используя современные технологические средства и другие меры, можно эффективно содействовать повышению эффективности и сотрудничеству в области логистики и транспорта между тремя странами, а также обеспечить мощную поддержку дальнейшему продвижению инициативы.

Заключение

В рамках инициативы «Один пояс – один путь» сотрудничество в области транспортной логистики между Китаем, Казахстаном и Россией сталкивается со многими проблемами, но также имеет большие возможности для развития. Такие меры, как усиление строительства инфраструктуры, упрощение процедур таможенного оформления, создание платформ для обмена информацией и продвижение политических коммуникаций, могут эффективно решить проблемы транспортной логистики и способствовать экономическим и торговым обменам между тремя странами и региональному экономическому развитию. В будущем три страны должны продолжать углублять сотрудничество и совместно строить эффективную, удобную и безопасную транспортно-логистическую систему, чтобы внести вклад в углубленную реализацию инициативы «Один пояс – один путь».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кравченко Л.И. Новый шелковый путь – не экономика, а геополитика // Центр Сулакшина, Центр научной политической мысли и идеологии. 08.2016. С. 196.

2. Гельбрас В.Г., Геоэкономическая стратегия Китая // Азия и Африка сегодня. 2016. № 1. С. 245.

3. Курылев К.П. Русско-китайские отношения в контексте реализации Пекином проекта «Шелкового пути» // Роль и место России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Материалы международного круглого стола молодых ученых: Сборник статей. Москва. 2016. С. 53–65.

4. China Trade in Value Added. URL: http://gvc.mofcom.gov.cn/en/ (дата обращения 05.09.2024).

5. Ghiasy R., Zhou J. The Silk Road Economic Belt: Considering Security Implications and EU//China Cooperation Prospects / SIPRI. 2017.

6. Курылев К.П., Серикбаева А.Г. Дипломатия Великого шелкового пути: Казахстан-Япония // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Выпуск 1(40). С. 133–141.

7. Лу Фэн. Экономические отношения Китая и Казахстана в рамках стратегии «Один пояс – один путь» (проблемы и перспективы) // Россия в глобальном мире/ 2023. том 26, № 3. С. 58–77.

8. Kennedy S. Made in China 2025 Center for Strategic and International Studies. URL: https://www.csis.org/analysis/made-china-2025 (дата обращения 05.09.2024).

9. Jingy C. BRI high on agenda at China's local governments' 2025 work reports // Global Times. 2017. URL: https://www.globaltimes.cn/page/202501/1327467.shtml (дата обращения 05.09.2024).

10. Hou J., Chen S. De Xiao Measuring the Benefits of the "One Belt, One Road" Initiative for Manufacturing Industries in China // Sustainability. 2018. № 10. P.12.

УДК 327.8

У ИСТОКОВ РАСШИРЕНИЯ НАТО: РОЛЬ АДМИНИСТРАЦИИ ПРЕЗИДЕНТА США У. КЛИНТОНА

AT THE ORIGINS OF NATO EXPANSION: THE ROLE OF THE ADMINISTRATION OF US PRESIDENT BILL CLINTON

И.А. Монахов,
Тверской государственный университет,
(Тверь, Россия)
I.A. Monakhov,
Tver State University,
(Tver, Russia)
E-mail: Monakhov.IA@tversu.ru

Аннотация. В статье на основе архивных материалов — стенограмм переговоров между руководством США и России, размещённых на сайте президентской библиотеки У. Клинтона, а также источников личного происхождения — мемуаров президента США, госсекретарей США — У. Кристофера и М. Олбрайт и заместителя госсекретаря США С. Тэлботта, рассматривается вопрос о вкладе представителей американского внешнеполитического истэблишмента в концептуальное обоснование и политику расширения НАТО на Восток в период после окончания холодной войны. Показано, что администрация президента США У. Клинтона предприняла попытку перевести тему продвижения Североатлантического альянса в плоскость дискурса о демократизации как тенденции мировых политических процессов в конце XX – начале XXI вв. Кроме того, выступая с сильных переговорных позиций, США удалось навязать российскому руководству условия сделки по расширению НАТО.

Abstract. The article, based on archival materials — transcripts of negotiations between the US and Russian leaders, posted on the website of the Clinton presidential library, as well as personal sources — memoirs of the US President, US Secretaries of State — Warren Christopher and Madeleine Albright and US Deputy Secretary of State Strobe Talbott, examines the issue of the contribution of representatives of the American foreign policy establishment to the conceptual justification and policy of NATO expansion to the East in the period after the end of the Cold War. It is shown that the administration of US President Bill Clinton attempted to transfer the topic of the promotion of the North Atlantic Alliance to the plane of discourse on democratization as a trend of world political processes in the late 20th — early 21st centuries. In addition, speaking from a strong negotiating position, the United States managed to impose the terms of the deal on NATO expansion on the Russian leaders.

Ключевые слова: РАСШИРЕНИЕ НАТО, У. КЛИНТОН, США, РОССИЯ
Key words: NATO EXPANSION, BILL CLINTON, USA, RUSSIA

Расширение НАТО — вопрос, который продолжает оставаться актуальным в повестке дня переговоров России и США на протяжении последних 30 лет. При этом официальная позиция российского руководства к процессу расширения блока также не претерпевала существенных изменений, и в целом продвижение НАТО к границам РФ рассматривалось в качестве угрозы национальной безопасности страны. Особенно острой критике подверглось намерение расширить географию НАТО за счет бывших советских республик. Так, например, в проекте Договора между Россией и США о гарантиях безопасности,

который обсуждался на высоком уровне в конце 2021 года, содержится статья об обязательстве США не принимать в блок новых членов из числа бывших стран СССР и не размещать на их территории военную инфраструктуру [1]. Аналогично в текущей повестке российско-американских переговоров по вопросу о завершении конфликта на Украине также поднимается тема гарантий, исключающих членство данной страны в НАТО [2].

Впервые тема расширения Североатлантического альянса в восточном направлении поднималась в рамках переговорного процесса между руководством СССР и западных стран по вопросу об объединении Германии. Статус объединенной Германии относительно принадлежности к НАТО неоднократно обсуждался в ходе переговоров Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с президентом США Дж Бушем-старшим, госсекретарем США Дж. Бейкером, федеральным канцлером Г. Колем и другими официальными лицами.

На сегодняшний день стенограммы переговоров представлены в открытом доступе на официальном сайте Архива национальной безопасности США. Как следует из представленных источников, для обоснования необходимости распространения на объединенную Германии гарантий безопасности со стороны НАТО американскими и западногерманскими политиками и дипломатами приводились различные аргументы, в частности, выражались опасения о перспективах милитаризации страны в случае ее нейтрального статуса [3], обращалось внимание на изменение приоритетов деятельности Североатлантического альянса, который, по их мнению, представлял не военную, а в большей степени политическую организацию, и, наконец, давались заверения об учете интересов и озабоченностей СССР в сфере безопасности и гарантиях нераспространения НАТО на Восток («Если мы сохраним присутствие в Германии как члена НАТО, то юрисдикция НАТО не продвинется ни на дюйм в восточном направлении») [4].

На то, что такие заверения давались советской стороне обращали внимание и зарубежные исследователи, в частности американский политолог, специалист по международным отношениям Джеймс Голдгейер (James Goldgeier). Однако, по его мнению, представителям СССР не удалось в холе переходов об объединении Германии в 1990 году закрепить эти обещания на бумаге [5, с. 15].

Объединение Германии, распад СССР, начало вооружённого конфликта на территории бывшей Югославии — эти и другие факторы развития системы международных отношений после окончания холодной войны привели к изменению подходов администрации избранного в 1992 году президента США У. Клинтона к политике в отношении евроатлантической безопасности в целом, и НАТО, в частности.

Так, например, в редакции Стратегии национальной безопасности США от 1994 года война на территории бывшей Югославии рассматривается как способ обеспечения главенствующей роли НАТО в Европе в период после окончания холодной войны. Кроме того, по мнению авторов Стратегии, именно Североатлантический альянс среди других международных институтов таких как ЕС, Западноевропейский союз, Совет Европы, СБСЕ и ООН, которые решают задачи, связанные с продвижением европейской интеграции и урегулированием

конфликтов, должен как «исторически наиболее крупный военно-политический союз» занимать центральное место [6, с. 21–22].

Дополнительным аргументом сторонников расширения НАТО стало стремление руководства ряда стран бывшего соцлагеря, войти в состав блока. Так, в течение 1992–1993 годов были поданы заявки на вступление в НАТО Албанией, а также странами Балтии [7, с. 149].

В целом вопрос расширения НАТО стал составляющей формирующегося президентом США У. Клинтоном и его ближайшим окружением дискурса о демократической природе процесса продвижения Североатлантического альянса на Восток, связанным не только с выбором стран-потенциальных кандидатов, но и его обеспечением демократических прав и свобод как условия вступления в блок.

С точки зрения внешнеполитических традиций, которые рассматривались в работе американского политолога У. Мида, подход администрации У. Клинтона к решению вопроса о будущем НАТО, следует отнести к идеологии вильсонианства, которая делает ставку на расширение глобальных обязательств США в сфере демократии и прав человека [8, с. 139].

В свою очередь, американский президент, по словам заместителя госсекретаря США С. Тэлботта, призывал своих советников по внешней политике рассматривать проблему развития европейской безопасности, расширения НАТО с концептуальной, а не технической точки зрения [9, с. 160].

Таким образом, в первый президентский срок У. Клинтона применительно к вопросу о расширении НАТО среди лиц, ответственных за формирование и реализацию внешней политики США из числа представителей органов исполнительной власти, получила развитие особая «дискурсивная реальность», в которой Североатлантический альянс рассматривался в качестве средства укрепления демократических институтов, прав человека в странах-кандидатах, а также урегулирования межгосударственных конфликтов.

Тем не менее «российский фактор» внес свою лепту в планы США и их потенциальных союзников по расширению НАТО. Для того, чтобы смягчить негативную реакцию руководства России к планам продвижения инфраструктуры альянса к российским границам, а также избежать неблагоприятного для США сценария повторения холодной войны, администрацией У. Клинтона были предприняты меры, которые позволяли решать данные задачи. В их числе следует отметить и предложенную председателем Объединённого комитета начальников штабов, генералом Джоном Шаликашвили программу «Партнёрство ради мира» [10].

Программа была призвана, с одной стороны, обеспечить подготовку кандидатов ко вступлению в альянс, о чём, в частности, было заявлено руководству Польши, Венгрии и Чехии во время проведения дипломатической миссии США в начале 1994 г. [11, с. 212], с другой стороны, повысить уровень доверия между бывшими противниками времен холодной войны посредством организации совместной деятельности в области европейской безопасности. Таким образом, процесс расширения, по заверениям американской стороны в переговорах с российским руководством, благодаря программе будет носить медленный и постепенный характер [12, с. 282 – 283].

Таким образом, менее чем за пять лет вопрос о расширении НАТО в повестке дня советско-американских, затем российско-американских отношений

от устных гарантий нераспространения блока сместился в сторону неизбежности данного процесса. Позиция России, внутриполитические процессы в стране вносили некоторые коррективы в планы по расширению, не отменяя их. В частности, некоторую озабоченность американского руководства вызывали перспективы президентских выборов в России, которые должны были состояться в июне 1996 года. В случае одобрения США заявок на вступление новых стран НАТО политические оппоненты президента России Б. Н. Ельцина получили бы дополнительные голоса избирателей. В этой связи У. Клинтон поручил вице-президенту Алберту Гору заверить Б.Н. Ельцина в том, что США не собираются форсировать данный вопрос [13, с. 713–714].

Однако в начале 1997 года вопрос расширения НАТО стал приобретать финализированный характер: определены кандидатуры стран для вступления в альянс, которые были утверждены на мадридском саммите НАТО в июле 1997 года, У. Клинтон и Б. Н. Ельцин были переизбраны на их вторые сроки в качестве президента США и России соответственно.

В феврале 1997 года в Москве прошли переговоры между госсекретарём США М. Олбрайт, с одной стороны, президентом России Б. Н. Ельциным и главой российского внешнеполитического ведомства Е. М. Примаковым, с другой. Переговорная позиция США в целом не изменилась. Её суть заключалась в неизбежности и безальтернативности процесса расширению НАТО в обмен на компенсационные механизмы в форме политических консультаций по линии Россия-НАТО. В свою очередь, российское руководство настаивало на необходимости ограничения географии расширения, гарантиях невступления в НАТО бывших союзных республик [14, с. 332–335].

Последней попыткой российского руководства накануне приёма новых членов в НАТО добиться от США гарантий нераспространения Североатлантического альянса на территорию бывшего СССР следует считать встречу лидеров России и США в Хельсинки в апреле 1997 года. Как следует из стенограммы переговоров, Б.Н. Ельцин призывал своего американского коллегу к сдержанности в развитии американо-украинских отношений, а также настаивал на ограничении планов расширения НАТО, исключив из них страны бывшего СССР, в особенности Украину. Однако добиться от У. Клинтона устных гарантий нераспространения НАТО на территорию бывшего СССР, и даже выполнить его просьбу о том, чтобы не включать их в первую «волну» расширения, Б. Н. Ельцину не удалось [15].

Таким образом, усилиями либеральных интервенционистов в лице У. Клинтона и его сторонников вопрос о расширении НАТО вышел за рамки контекста об обеспечении безопасности Европы после окончания холодной войны и был включен в дискурс о развитии демократических институтов в странах бывшего соцлагеря, работая, таким образом, над улучшением имиджа блока как инструмента демократизации. Однако попытки позиционировать НАТО, прежде всего, как политическую организацию не увенчались успехом вследствие последующих военных интервенций блока на территорию Союзной республики Югославия, Афганистана и Ирака.

В свою очередь, российское руководство, выступая со слабых переговорных позиций, было вынуждено пойти на те условия сделки по вопросу

о расширении, которые были разработаны в недрах администрации У. Клинтона — участие в программе «Партнёрство во имя мира», развитие механизма консультаций в рамках Основополагающего акта Россия – НАТО, а также зафиксированное в данном документе обещание не размещать ядерное оружие на территории новых стран-членов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о гарантиях безопасности [Электронный ресурс] / Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790818/ (дата обращения: 10.04.2025).
2. Копорушкин М. МИД: Россия будет добиваться гарантий того, что Украина не вступит в НАТО [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: https://rg.ru/2025/01/24/mid-rossiia-budet-dobivatsia-garantij-togo-chto-ukraina-ne-vstupit-v-nato.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 10.04.2025).
3. Memorandum of Conversation between James Baker and Eduard Shevardnadze in Moscow [Electronic resource] / National Security Archive. URL: https://nsarchive.gwu.edu/document/16115-document-04-memorandum-conversation-between (дата обращения: 10.04.2025).
4. Memorandum of conversation between Mikhail Gorbachev and James Baker in Moscow. [Electronic resource] / National Security Archive. URL: https://nsarchive.gwu.edu/document/16116-document-05-memorandum-conversation-between (дата обращения: 10.04.2025)
5. Goldgeier J. M. Not whether but when: the U.S. decision to enlarge NATO. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1999. 218 p.
6. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. July 1994 [Electronic resource] / Historical Office, Office of the Secretary of Defense // Washington, D.C.: The White House: U.S. G.P.O., 1994. 29 p. URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss1994.pdf (дата обращения: 12.04.2025).
7. Троицкий М.А. Трансатлантический союз. Модернизация системы американо-европейского партнерства после распада биполярности. 1991-2004. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2004. 252 с.
8. Mead W. R. Special providence: American foreign policy and how it changed the world. New York: Knopf, 2001. 374 p.
9. Тэлботт С. Билл и Борис: Записки о президент. дипломатии / Строуб Тэлботт; [пер. с англ. М. Немцова]. М.: Городец, 2003. 507 с.
10. Citation on the Presidential Medal of Freedom for General John M. Shalikashvili September 30, 1997 [Electronic resource] / United States Government Publishing Office. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/PPP-1997-book2/pdf/PPP-1997-book2-doc-pg1274.pdf (дата обращения: 12.04.2025)
11. Albright, M K. Madam Secretary / Madeleine Albright, with Bill Woodward. New York, N.Y.: Miramax Books, 2003. 562 p.
12. Christopher W. In the stream of history: shaping foreign policy for a new era. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1998. 586 p.
13. Клинтон Б. Моя жизнь / Билл Клинтон; [пер. с англ. М. Никольский и др.]. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 1087 с.
14. Олбрайт М. Госпожа госсекретарь: мемуары М. Олбрайт / Мадлен Олбрайт; при участии Б. Вудварда; [пер. с англ. А. Лисовского, А. Лисицыной, Е.Китаевой]. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. 687 с.
15. Morning Meeting with Russian President Yeltsin: NATO-Russia, START, ABM/TMD [Electronic resource] / The Clinton Digital Library. URL: https://clinton.presidentiallibraries.us/items/show/57569 (дата обращения: 10.04.2025).

УДК 327

СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ КАК ЛЕДОКОЛ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ КРИЗИСА В КРАСНОМ МОРЕ

THE NORTHERN SEA ROUTE AS AN ICEBREAKER OF GLOBAL INSTABILITY IN THE CONTEXT OF THE RED SEA CRISIS

А. Овчинникова,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
A. Ovchinnikova,
St. Petersburg University
(Sankt-Petersburg, Russia)
E-mail: av.ovchinnikova@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию растущей роли Северного морского пути в условиях усиливающейся нестабильности глобальной морской торговли, особенно в контексте кризиса в Красном море. Анализируется потенциал СМП как альтернативного и более безопасного маршрута между Европой и Азией в сравнении с традиционным Суэцким каналом в условиях кризиса в Красном море. Рассматриваются ключевые преимущества СМП, такие как сокращение расстояния, времени доставки и безопасность судоходства, а также существующие вызовы и риски, связанные с климатическими условиями Арктики, уровнем развития инфраструктуры, технологическим обеспечением и экономической целесообразностью использования СМП. На основе проведенного анализа предлагаются различные сценарии развития СМП в контексте текущей геополитической и экономической нестабильности в мировой торговле.

Abstract. The article studies the growing role of the Northern Sea Route in the context of increasing instability of global maritime trade, especially in the context of the crisis in the Red Sea. The potential of the NSR as an alternative and safer route between Europe and Asia is analyzed in comparison with the traditional Suez Canal in the context of the crisis in the Red Sea. The key advantages of the NSR, such as reduced distance, delivery time and safety of navigation, are considered, as well as the existing challenges and risks associated with the climatic conditions of the Arctic, the level of infrastructure development, technological support and economic feasibility of using the NSR. Based on the analysis, various scenarios for the development of the NSR are proposed in the context of the current geopolitical and economic instability in world trade.

Ключевые слова: СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ, КРИЗИС В КРАСНОМ МОРЕ, СУЭЦКИЙ КАНАЛ, ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ ПОСТАВОК, МОРСКАЯ ТОРГОВЛЯ, БЕЗОПАСНОСТЬ СУДОХОДСТВА, АРКТИКА, ЛОГИСТИКА

Key words: NORTHERN SEA ROUTE, RED SEA CRISIS, SUEZ CANAL, GLOBAL SUPPLY CHAINS, MARITIME TRADE, SHIPPING SAFETY, ARCTIC, LOGISTICS

Кризис глобальных цепочек поставок 2021-2022, украинский кризис 2022 года, обмеление Панамского канала из-за засухи, кризис в Красном море (т. е. одновременный сбой в работе двух основных глобальных морских торговых путей) — все это создало серьезные проблемы для морской торговли и осложнило судоходство. Суэцкий канал, пропускающий 12% мировой торговли (более 23 тыс. судов с 1,4 млрд тонн грузов в 2022 году) [1], и Панамский канал (5% мировой морской торговли, 518 млн тонн в 2022 году) [2] столкнулись с проблемами. Грузооборот СМП в 2022 году составил 34 млн тонн [3], но его

потенциал растет на фоне переоценки логистических цепочек из-за пандемии и санкций. Кризис в Красном море (15% мировой морской торговли) вызвал дополнительные препятствия, заставив искать альтернативные маршруты после атак йеменских хуситов (более 130 инцидентов с 2023 года, 27 атак в 2024 году, затронувших более 50 стран, более 2000 судов сменили курс) [4]. Нападения хуситов на суда привели к сокращению трафика через Аденский залив на 71% в 2024 году [5]. Многие суда вынуждены изменять маршрут, проходя через мыс Доброй Надежды, что увеличивает время в пути примерно на 10 дней и расходы на топливо на $1–2 млн на судно. По данным Portcast, африканские порты сталкиваются с трудностями в обработке возросшего грузопотока [6]. Кроме того, глава ИМО предупреждает о повышении угрозы пиратства на удлиненных африканских маршрутах [7]. Перенаправление судов из-за кризиса в Красном море нивелирует экологические выгоды «медленного хода», тем самым препятствуя усилиям по снижению углеродного следа из-за необходимости увеличения скорости на большем расстоянии. Таким образом, кризис в Красном море заставляет логистические компании и страны искать более безопасные и стабильные маршруты. СМП становится одним из таких вариантов, предлагая сокращение времени и повышение безопасности доставки.

Северный морской путь обеспечивает более короткий и безопасный путь между Европой и Азией и позволяет избежать рисков, особенно в условиях нестабильности, характерной для традиционных маршрутов. Одним из ключевых его преимуществ является значительное сокращение расстояния между азиатскими и европейскими портами. Например, путь из Роттердама в Йокогаму по СМП составляет всего 7345 морских миль, что существенно меньше 11205 миль через Суэцкий канал [8]. Расстояние от Роттердама до Шанхая сокращается на 2449 морских миль, а до Ванкувера – на 1932 морских миль. Сокращение пути влечет за собой целый ряд экономических выгод: снижение затрат на топливо, ускорение доставки грузов и, как следствие, уменьшение общих логистических издержек. Такая оперативность важна для скоропортящихся товаров и высокотехнологичной продукции, где своевременная доставка играет решающую роль. В условиях, когда каждый день простоя в таких ключевых маршрутах, как Суэцкий канал, оборачивается для судоходных компаний многомиллионными убытками, и экономическая привлекательность СМП становится очевидной. Несмотря на то, что стоимость транспортировки по Северному морскому пути может быть несколько выше из-за необходимости ледокольной проводки, выигрыш во времени и повышение безопасности делают его все более предпочтительным вариантом для компаний, стремящихся к оптимизации своей логистики. В отличие от подверженного рискам пиратства и военных конфликтов региона Красного моря, СМП предлагает относительно безопасный маршрут, во многом благодаря российскому контролю и наличию мощного ледокольного флота.

Таким образом, Северный морской путь не только обеспечивает более быструю связь между Европой и Азией, но и способствует диверсификации глобальных торговых маршрутов, снижая зависимость от традиционных, порой уязвимых, путей. События, подобные блокировке Суэцкого канала контейнеровозом Ever Given в 2021 году, наглядно демонстрируют потенциальные экономические последствия зависимости от единственной

транспортной артерии и подчеркивают стратегическую важность развития альтернативных маршрутов, таких как Северный морской путь. В 2021 году активное использование СМП подтверждается данными о наибольшем количестве рейсов, выполненных такими компаниями, как норвежская Golden Ocean Management (18 рейсов), китайская COSCO Shipping и немецкая United Heavy Lift (по 14 рейсов каждая) [9], что свидетельствует о растущем интересе и практическом применении Северного морского пути в международной торговле. В 2024 году «Росатом» и китайская судоходная компания Hainan Yangpu New Shipping подписали соглашение о возможной круглогодичной эксплуатации Северного морского пути через Арктику [10]. В рамках договора стороны также планируют сотрудничать в разработке и строительстве контейнеровозов ледового класса.

Обеспечение безопасности на Северном морском пути является приоритетом Российской Федерации, закрепленным в таких ключевых документах, как «Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года», Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» и План развития Северного морского пути (СМП) до 2035 года. В соответствии с этими документами, Правительство России предпринимает значительные усилия, включая существенные инвестиции в модернизацию портовой инфраструктуры и обновление флота.

Российский ледокольный флот, в том числе атомные ледоколы, играет определяющую роль в обеспечении круглогодичной и безопасной навигации по СМП даже в самых сложных ледовых условиях. Планы по дальнейшему развитию этого флота, включающие строительство значительного числа судов (37 единиц, среди которых 8 ледоколов, 16 аварийно-спасательных и 13 гидрографических), в том числе передовых проектов 22220 и «Лидер», подтверждают приоритетность этого направления [11]. Планируется также постановка на боевое дежурство боевых ледоколов проекта 23550. Первый боевой ледокол проекта 23550 «Иван Папанин» будет передан ВМФ летом 2025 года [12].

Наряду с развитием флота, Россия планирует к использованию ряд технологий для обеспечения безопасности судоходства на СМП. Помимо роли ледокольного флота в проводке судов, спутниковые системы обеспечивают мониторинг ледовой и погодной обстановки, а также отслеживание движения судов. Радиолокационные станции эффективно помогают в обнаружении ледовых образований и других потенциальных препятствий на пути следования. Важную роль в получении актуальных данных о состоянии морского льда играет дистанционное зондирование Земли (ДЗЗ) [13].

Значительным шагом вперед станет запуск единой платформы цифровых сервисов (ЕПЦС), которая объединит различные цифровые инструменты для управления мореплаванием, обеспечения морской безопасности, а также навигационно-гидрографического и гидрометеорологического обеспечения [14]. ЕПЦС является ключевым элементом цифровой экосистемы Севморпути, разрабатываемой «Росатомом» при участии «Гринатома» и Sitronics Group, которая будет включать портовые измерительные комплексы, наблюдающие беспилотники и единую базу данных. Платформа позволит оперативно оформлять разрешения на проход судов, получать актуальную информацию о

погодных условиях, местоположении судов и ледоколов, а также о загруженности портов.

Кроме того, планируется активное использование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) для оперативного мониторинга ледовой обстановки и проведения поисково-спасательных операций [15]. Ведется активная разработка специализированных арктических беспилотников и боевых роботов, способных эффективно функционировать в условиях экстремально низких температур.

Важным элементом обеспечения надежной связи на СМП станет спутниковая система связи и вещания «Экспресс-РВ», входящая в федеральный проект «Сфера» [16]. Целью данного проекта является обеспечение стабильной спутниковой связи для всего Северного морского пути, арктических регионов и пассажиров транспорта. Внедрение «Экспресс-РВ» обеспечит широкополосный доступ в интернет на всей территории России, включая СМП и Северный полюс, что, в соответствии с Морской доктриной Российской Федерации, откроет новую эру в эксплуатации СМП, создав единое информационное пространство для всех видов морской деятельности.

Таким образом, обеспечение безопасности на Северном морском пути представляет собой комплексную и многоуровневую задачу, решаемую Российской Федерацией посредством стратегического планирования, значительных инвестиций в развитие ледокольного флота и портовой инфраструктуры, а также активного внедрения и перспективного развития передовых технологий. Согласованное развитие всех этих направлений позволит не только минимизировать риски и повысить безопасность мореплавания, но и в полной мере реализовать экономический и транзитный потенциал Северного морского пути в качестве ключевой транспортной артерии Арктической зоны.

Вызовы и риски. Несмотря на привлекательность Северного морского пути как потенциально более короткого маршрута между Европой и Азией, особенно в условиях нестабильности судоходства в Красном море, его использование ограничено целым рядом рисков и вызовов, которые носят комплексный характер, затрагивая климатические особенности Арктики, уровень развития необходимой инфраструктуры, технологическое обеспечение безопасности навигации, геополитические аспекты и экономическую целесообразность грузоперевозок.

Одним из ключевых факторов, определяющих сложность эксплуатации СМП, являются климатические условия Арктического региона. Хотя потепление приводит к общему сокращению площади и толщины ледового покрова, что теоретически могло бы облегчить навигацию, эта тенденция сопровождается возрастающей нестабильностью ледовой обстановки. Прогнозирование ледовой ситуации остается сложной задачей, требующей постоянного совершенствования систем спутникового мониторинга и ледовой разведки. Кроме того, как отметил директор Научно-исследовательского института Арктики и Антарктики Александр Макаров на семинаре 11 марта 2025 года, посвященном перспективам «синей экономики», в акватории СМП наблюдается недостаток наземных и дистанционных наблюдательных систем.

Несмотря на постепенное увеличение навигационного периода на СМП, он все еще остается сезонно ограниченным по сравнению с круглогодичной навигацией в более южных широтах. Климатические изменения несут риски для береговой инфраструктуры, включая порты и терминалы, которые подвержены эрозии береговой линии и деформации, вызванной таянием вечной мерзлоты.

Другой существенной группой вызовов связана с состоянием инфраструктуры СМП. Несмотря на активное развитие в последние годы, инфраструктура все еще не в полной мере соответствует потенциальному росту грузопотока. Недостаточное количество современных и глубоководных портов и терминалов вдоль маршрута ограничивает возможности приема крупнотоннажных судов, что особенно важно в контексте сравнения с Суэцким каналом. Если недавнее увеличение вместимости контейнеровозов на маршруте Суэцкого канала до 20 000 TEU существенно снизило стоимость перевозок, то для СМП суда вместимостью 4000–5000 TEU считаются на данный момент предельными из-за глубин и размеров портовой инфраструктуры [17]. Кроме того, вдоль СМП ощущается недостаток развитой сервисной инфраструктуры, включая ремонтные доки, бункеровочные станции и пункты снабжения.

Также стоит отметить геополитические факторы и вопросы международного сотрудничества, связанные с использованием СМП. Статус маршрута и правила его использования являются предметом дискуссий в международном сообществе. Общая геополитическая напряженность в мире влияет на готовность различных государств и коммерческих организаций к активному использованию СМП. Кроме того, СМП конкурирует с другими альтернативными транспортными коридорами, развитие которых также активизируется в условиях кризиса в Красном море.

Экономическая целесообразность использования СМП является ключевым фактором для привлечения стабильного грузопотока. Несмотря на потенциальное сокращение расстояния, стоимость транспортировки по СМП может оказаться выше по сравнению с традиционными маршрутами из-за необходимости ледокольного сопровождения, повышенных страховых взносов, оплаты специфических навигационных сборов и дополнительных расходов, связанных с эксплуатацией судов в арктических условиях. Недостаточно конкурентоспособные тарифы могут стать серьезным препятствием для роста объемов перевозок. Хотя теоретически СМП может сократить время доставки, фактическое время в пути может варьироваться в зависимости от сложной ледовой обстановки, неблагоприятных погодных условий и необходимости ожидания ледокольного сопровождения, что также может влиять на стоимость страхования. Несмотря на возросший интерес к Северному морскому пути в условиях кризиса в Красном море, его полномасштабное использование в качестве надежной и безопасной альтернативы сопряжено с целым рядом серьезных рисков и вызовов.

Сравнение ключевых характеристик СМП и традиционно используемого Суэцкого канала представлено в Таблице 1, демонстрируя как преимущества, так и текущие ограничения СМП.

Таблица 1

Сравнение СМП и Суэцкого канала

Параметр	Северный морской путь	Суэцкий канал
Безопасность	Относительно высокий уровень безопасности благодаря контролю РФ и ледокольному флоту.	Высокие геополитические риски, подверженность атакам и блокировкам.
Время доставки	Значительно короче для маршрутов между Европой и Азией (на 7-10 дней). Зависимость от ледовой обстановки и времени ожидания ледокольной проводки.	Более длительное время доставки по сравнению с СМП для северо-восточных азиатских портов. Менее подвержен влиянию сезонных факторов.
Стоимость	Выше из-за необходимости ледокольной проводки. Потенциал снижения стоимости при увеличении грузопотока и развитии инфраструктуры.	Стоимость ниже. Рост страховых взносов и дополнительные расходы из-за задержек в условиях нестабильности.
Инфраструктура	Развивающаяся инфраструктура, недостаточное количество глубоководных портов и сервисных центров. Ограничения по размеру судов (до 4000-5000 TEU).	Развитая и устоявшаяся инфраструктура, большое количество портов и сервисных центров. Прием крупнотоннажных судов (до 20 000 TEU).
Климатические риски	Высокие климатические риски, непредсказуемость изменений климата в Арктике. Сезонные ограничения навигации (хотя и расширяющиеся).	Минимальные климатические риски, круглогодичная навигация.
Риски для окружающей среды	Потенциально более низкий углеродный след при оптимальном использовании маршрута за счет сокращения расстояния. Риски загрязнения Арктической зоны.	Увеличение углеродного следа при обходе через мыс Доброй Надежды.

Сценарии использования СМП. Анализ текущей ситуации и сравнительных характеристик позволяет перейти к рассмотрению возможных сценариев использования Северного морского пути в условиях нестабильности глобальной морской торговли. Первый сценарий предполагает умеренный рост использования. Часть судовладельцев, особенно перевозящих грузы, чувствительные к срокам доставки и безопасности, например, высокотехнологичная продукция, начнут активнее использовать СМП для обхода рискованного региона. Прогнозируется увеличение спроса на ледокольную проводку и портовые услуги на СМП. Суэцкий канал сохранит большую часть грузопотока благодаря более низкой стоимости и устоявшейся инфраструктуре, но столкнется с периодическими задержками и ростом страховых взносов. Второй сценарий включает в себя значительный рост использования СМП. Эскалация конфликта в Красном море приводит к существенным рискам и задержкам судоходства на длительный период. Происходит ускоренное развитие инфраструктуры СМП, в том числе за счет международного сотрудничества. Повышение конкурентоспособности СМП за счет оптимизации стоимости транспортировки и сокращения времени ожидания ледокольной проводки. На суэцком канале ожидается значительное снижение грузопотока, потеря части рынка в пользу СМП и маршрута через мыс Доброй Надежды. Третий сценарий предполагает нишевое использование СМП, который останется нишевым маршрутом, используемым преимущественно для специфических грузов и в определенные периоды года. Основными пользователями останутся компании, заинтересованные в сокращении расстояния и имеющие опыт работы в Арктике. Суэцкий канал восстановит свой доминирующий статус благодаря более низкой стоимости и развитой инфраструктуре.

Выводы. Кризис в Красном море создает благоприятные условия для повышения интереса и потенциального увеличения использования Северного морского пути в качестве альтернативного торгового маршрута между Европой и Азией. Безопасность, сокращение расстояния и времени доставки являются ключевыми преимуществами СМП в условиях нестабильности на традиционных морских путях. Однако для полной реализации транзитного потенциала СМП необходимо последовательно решать существующие вызовы, связанные с климатическими условиями, развитием инфраструктуры, технологическим обеспечением и экономической целесообразностью. Дальнейшее развитие СМП будет зависеть от продолжительности и интенсивности кризиса в Красном море, а также от усилий России по развитию инфраструктуры и обеспечению привлекательных условий для международного судоходства. Однако, если существующие вызовы и риски не будут преодолены, СМП останется нишевым маршрутом, не способным на равных конкурировать с традиционными морскими путями, такими как Суэцкий канал.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рекордный в истории годовой доход в размере $7 млрд получил за за 2021/22 финансовый год Суэцкий канал // Российское судоходство [Электронный ресурс]. URL: https://rus-shipping.ru/ru/flag/news/?id=47741 (дата обращения: 02.03.2025).

2. Администрация Панамского канала ожидает сокращения трафика // Морские вести России [Электронный ресурс]. URL: https://morvesti.ru/news/1679/101463/ (дата обращения: 02.03.2025).

3. Грузопоток по СМП в 2024 г. может превысить 70 млн т // Ведомости. Северо-Запад [Электронный ресурс]. URL: https://spb.vedomosti.ru/economics/news/2023/05/19/975988-gruzopotok-po-smp (дата обращения: 02.03.2025).

4. Байден объявил об ударах США и Великобритании по объектам хуситов в Йемене// Forbes [Электронный ресурс]. URL: https://www.forbes.ru/society/504116-bajden-ob-avil-ob-udarah-ssa-i-velikobritanii-po-ob-ektam-husitov-v-jemene (дата обращения: 24.03.2025).

5. Red Sea Disruption: Transit Trends Update – 27th February 2025 // Shipping intellegnce network [Электронный ресурс]. URL: https://sin.clarksons.net/News/Article/209269#sincustomhome (дата обращения: 24.03.2025).

6. Red Sea Attack Challenges: Port Congestion Updates // Portcast [Электронный ресурс]. URL: https://www.portcast.io/blog/red-sea-attack-challenges-port-congestion-updates (дата обращения: 24.03.2025).

7. В ООН опасаются активизации пиратов теперь уже у берегов Африки // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: https://www.interfax.ru/business/947277 (дата обращения: 24.03.2025).

8. Журавель В. П. Состояние и перспективы развития северного морского пути // Россия: тенденции и перспективы развития. 2020. №15-2. – С. 213-217

9. Северный морской путь наращивает обороты // Парламентская газета [Электронный ресурс]. URL: https://www.pnp.ru/top/site/severnyy-morskoyput-narashhivaet-oboroty.html (дата обращения: 05.04.2025).

10. Росатом подписал соглашение с китайской компанией по организации круглогодичных международных перевозок по Северному морскому пути // АТОМ Медиа [Электронный ресурс]. URL: https://atommedia.online/2024/06/06/rosatom-podpisal-soglashenie-s-kitajs/ (дата обращения: 05.04.2025).

11. В РФ разработают программу строительства судов ледового класса для развития Севморпути // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/ekonomika/15396543 (дата обращения: 05.04.2025).

12. Первый боевой ледокол «Иван Папанин» планируют передать ВМФ летом 2025 года // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/armiya-i-opk/22315135 (дата обращения: 05.04.2025).

13. Использование спутниковых данных для наблюдения за морским льдом // НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: https://olymp.hse.ru/mirror/pubs/share/418785841.pdf (дата обращения: 05.04.2025).

14. На Северном морском пути в 2025 году заработает Единая платформа цифровых сервисов // GoArctic [Электронный ресурс]. URL: https://goarctic.ru/work/na-severnom-morskom-puti-v-2025-godu-zarabotaet-edinaya-platforma-tsifrovykh-servisov-/ (дата обращения: 05.04.2025).

15. Гибридный БПЛА «Цимлянин» будет исследовать пограничный слой атмосферы в Арктике //Авиация России [Электронный ресурс]. URL: https://aviation21.ru/gibridnyj-bpla-cimlyanin-budet-issledovat-pogranichnyj-sloj-atmosfery-v-arktike/ (дата обращения: 05.04.2025).

16. Предприятие Роскосмоса продолжает создание спутниковой системы связи для проекта «Сфера» // Роскосмос [Электронный ресурс]. URL: https://www.roscosmos.ru/40414/ (дата обращения: 05.04.2025).

17. Sea change: How the Northern Sea Route could affect global supply chains // Financial Management [Электронный ресурс]. URL: https://www.fm-magazine.com/issues/2021/mar/northern-sea-route-could-affect-global-supply-chains/ (дата обращения: 05.04.2025).

УДК 327

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЧЛЕНСТВА КИТАЯ В ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ДО 1971 ГОДА

HISTORICAL CONDITIONS OF CHINA'S MEMBERSHIP IN THE UNITED NATIONS BEFORE 1971

М. А. Пешева,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
M. A. Pesheva,
Saint-Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: pesevamilana@gmail.com

Аннотация. В данной статье проводится подробный анализ исторических условий членства Китая в Организации Объединённых Наций до 1971 года. В контексте современного мирового порядка, этот период становится ключевым для понимания дальнейшего развития Китая как одного из ведущих мировых игроков. Статья рассматривает такие важные события, как идеологическая конфронтация, гражданская война в Китае и установление коммунистического режима, а также влияние великих держав на международное признание страны. Особое внимание автор уделяет влиянию резолюций и соглашений на процесс вступления Китая в Организацию Объединённых Наций. Статья акцентирует внимание на изменениях, произошедших в политическом ландшафте XX века, формировавших восприятие Китая как значимого участника международных отношений, чьи подходы в мировой политике продолжают определять мировые тенденции и сегодня.

*Abstract***.** This article provides a detailed analysis of the historical conditions of China's membership in the United Nations before 1971. In the context of the contemporary world order, this period becomes key to understanding China's further development as a major global player. The article examines such important events as ideological confrontation, the Chinese Civil War, and the establishment of the communist regime, as well as the influence of great powers on the country's international recognition. The author pays special attention to the influence of resolutions and agreements on the process of China's accession to the United Nations. The article focuses on the changes that occurred in the political landscape of the 20th century, shaping the perception of China as a significant participant in international relations, whose approaches to world politics continue to determine global trends today.

Ключевые слова: КНР, КИТАЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА, ООН, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Key words: PRC, REPUBLIC OF CHINA, UN, INTERNATIONAL RELATIONS

Предпосылки вступления Китая в Организацию Объединённых Наций

Становление переходного общества стало ключевым фактором, определяющим развитие Китая на рубеже XX века. В этот период в стране наблюдался бурный рост революционных антиманьчжурских и национально-освободительных настроений, свидетельствующих о неизбежных переменах и росте конфликтов внутри китайского общества.

К середине 1905 года в Китае действовали три известных революционных организации. Первая из них — Союз возрождения Китая (Синчжунхуэй). Вторая

— Союз возрождения славы Китая (Гуанфу). Третья организация — Союз обновления Китая (Хуасинхуэй). Летом 1905 года в Токио произошло объединение этих трех организаций, в результате чего возник Китайский революционный объединенный союз (Тунмэнхуэй). В основу программы Союзной Лиги были заложены три принципа: национализм (свержение маньчжурской династии), народовластие (фактическое правление, близкое к республике) и принцип народного благоденствия (уравнение прав на землю, введение прогрессивного налога на землю для создания системы фактического "государственного социализма"). Во главе стоял лидер буржуазных демократов Сунь Ятсен [1], который всю жизнь потратил на создание общества "народного благосостояния".

Одним из главных центров подготовки антиманьчжурских выступлений стал город Ухань. Планировалось, что движение в Ухане станет частью общекитайского восстания против династии Цин. Однако, власти, узнав о подготовке выступления, начали проводить на территории города массовые аресты и казни, что вынудило революционеров начать революционное движение в спешном порядке. 10 октября 1911 года, при содействии некоторых подразделений Хубэйской «Новой армии», восставшие сумели захватить город Учан. Успех восстания послужил источником вдохновения для протестных движений, которые начали разворачиваться по всей стране.

Князь-регент и Икуан предприняли попытку предложить Юань Шикаю (китайский военный лидер), возглавить подавление разгоревшегося бунта. Выдвинув ряд условий и воспользовавшись замешательством цинских властей, генерал стал премьер-министром и главнокомандующим всех вооруженных сил страны, превращаясь в самого влиятельного человека в Китае. Умело проводя свою политику и успешно балансируя между монархистами и республиканцами, в 1911 году он начал переговоры двух враждующих сторон [2].

По итогу, 9 декабря было подписано Ханькоуское соглашение, в результате чего бои под Учаном прекратились. В ходе переговоров, республиканцы пришли к выводу, что позволят Юань Шикаю занять пост главы республики в случае, если он согласится упразднить монархию. 13 февраля 1912 года Сунь Ятсен подает в отставку, а Юань Шикай официально вступает в должность президента, получив мандат доверия как от уходящей империи, так и от республиканских сил. Позже, Сунь Ятсеном создается новая политическая партия "Гоминьдан" ("Национальная партия"), которая объединила всех республиканцев, сражающихся против установления диктатуры Юань Шикая.

По окончанию Первой мировой войны, в стране с новой силой вспыхивают патриотические движения. В 1919 году, на мирной конференции держав-победительниц, Китай надеялся на упразднение соглашения, основанного на "21 требовании" [3]. Позже стало известно, что все требования китайской делегации были отклонены, что послужило предпосылкой для разворачивания на территории Китая масштабного антияпонского протестного движения. В истории оно получило название "Движение 4 мая" [4]. Попытки подавить многотысячную демонстрацию привели лишь к усилению антияпонского бойкота, который получил свое отражение в разных сферах Китая. Освободительный характер "Движения 4 мая" повлек за собой рост заинтересованности его участников к

опыту Октябрьской революции, к марксистской идеологии. Обсуждалась возможность практического применения такого же опыта на территории Китая. В июле 1919 года Советское правительство направляет “Обращение Правительства РСФСР к китайскому народу и Правительствам Южного и Северного Китая” [5]. С этого момента дружественные отношения между странами начинают стремительно расти, а коммунистические идеи все больше распространяться в народе. В 1924 году китайские коммунисты входят в число реорганизованного Гоминьдана. Основной движущей силой становится Национальная революционная армия на юге Китая, которая получила военную помощь от СССР. Однако, с самого начала создания единого фронта возникло антикоммунистически настроенное правое крыло. Политика, проводимая КПК, противоречила принципам Гоминьдана и по-настоящему проявилась лишь после смерти Сунь Ятсена. Именно тогда на месте военного лидера Гоминьдана оказывается Чан Кайши.

С началом Северного похода позиции коммунистов в Гоминьдане стали заметно усиливаться. Самым крупным выступлением, организованным КПК, было вооруженное восстание в Шанхае 21-22 марта 1927 года. На следующий день, 23 марта 1927 года, вооружённые силы под командованием Чан Кайши заняли Нанкин. В ходе сражений в городе произошли инциденты, в результате которых пострадало несколько иностранных граждан, что привлекло внимание международного сообщества. 11 апреля 1927 года пять стран – Англия, США, Япония, Франция и Италия – направили совместный ультиматум Чан Кайши. В документе они потребовали не только привлечь к ответственности виновных в инцидентах, но и принести официальные извинения, выплатить значительную компенсацию пострадавшим и принять меры по предотвращению антииностранных действий на подконтрольной территории. Это было воспринято Чан Кайши как настоятельный сигнал о необходимости принятия мер для ограничения влияния КПК в стране, что привело в 1927 году к организации на территории Шанхая массовых антикоммунистических акций и введению военного положения в городе [6].

Однако, в декабре 1936 года на фоне напряженной международной обстановки, Чан Кайши, проверяя состояние своих войск в Сиане, в результате захвата военными, оказывается перед тяжелым выбором: либо продолжать борьбу с коммунистами, либо объединиться с ними для создания антияпонского фронта. В результате чего он был вынужден вступить в союз с патриотическими силами, включая Коммунистическую партию Китая, с целью противодействия растущей японской агрессии [7].

Гражданская война 1946-1949 гг.

Вторая половина 1940-х годов ознаменовалась продолжением гражданской войны между двумя главенствующими сторонами: Коммунистической партией Китая (КПК) и армией Китайской Республики. В последствии она стала завершающим аккордом многолетнего внутреннего конфликта.

В 1946 году развернулись активные боевые действия, и началась полномасштабная Гражданская война. Основными театрами военных действий стали северо-восточный и юго-западный Китай, что отражало стратегическую значимость этих регионов. На начальных этапах войны Гоминьдан имел определенное преимущество, благодаря более мощной экономической поддержке

со стороны США, которые надеялись на создание союзного антикоммунистического правительства в Китае. Однако со временем ситуация изменилась. Коммунисты сосредоточили усилия на захвате стратегически важных районов, что обеспечивало им ресурсную базу и поддержку местного населения. В то же время КПК начинает активно укреплять свои отношения с СССР. Перелом в гражданской войне наступает в 1947 году и уже в 1949 НОАК (Народно-освободительная армия Китая) захватывает практически все территории материкового Китая.

После поражения Гоминьдана в ходе гражданской войны и создания Китайской Народной Республики в 1949 году [8], оставшиеся сторонники Гоминьдана бежали на Тайвань, где сформировали Китайскую Республику, фактически ставшую самостоятельным государственным образованием.

Влияние мирополитических процессов на членство Китая в Организации Объединенных Наций.

На Ялтинской конференции в 1945 году было принято решение о создании Организации Объединенных Наций [9]. Китайская Республика, тогда возглавляемая Гоминьданом с Чан Кайши, была признана одной из «пяти великих держав» (наряду с Соединенными Штатами, Советским Союзом, Великобританией и Францией). Но после того, как сторонники Гоминьдана были вынуждены бежать на остров Тайвань, а КПК, придя ко власти в 1949 году, заявила, что является единственным законным правительством Китая, в обществе возник серьезный вопрос о том, кто же должен представлять страну в ООН. В данном вопросе важную роль начинают играть противоречия США и СССР. Холодная война, которая началась в 1946 году, привела к глобальному расколу на два враждующих лагеря: западный, во главе с США, и восточный, под руководством СССР. В этом контексте поддержка той или иной китайской стороны определялась геополитическими интересами. Западные страны, включая Соединенные Штаты, продолжали признавать лишь Китайскую Республику (гоминьдановское правительство), ссылаясь на ее легитимность и историю. В свою очередь это удерживало КНР на краю международного признания, и затягивало процесс принятия решения о включении его в ООН. Также важным моментом стало то, что США стремились помешать установлению в Организации Объединенных Наций еще одной коммунистической державы в лице КНР.

15 ноября 1949 года министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай попытался оспорить это решение и получить возможность представлять Китай на международной арене. Так же в 1950 году СССР был подготовлен проект резолюции, направленной на замену представителей Китайской Республики делегатами от КНР. Но это не принесло ожидаемые плоды и Совет Безопасности ООН отверг все попытки коммунистических держав. В знак протеста, Советский Союз отказался принимать участие в работе Совета Безопасности на определенное время, но таким положением дел воспользовалась США и 25 июня 1950 года вторглись в Корею, определив это как миротворческую операцию ООН [10].

Принятие новых независимых развивающихся государств в 1960-х годах кардинально меняло состав Генеральной Ассамблеи. По итогам она превратилась в орган, где преобладали не западные державы, отстаивающие место Китайской Республики, а государства, поддерживающие КНР. Постепенно, такие

государства, как Великобритания, Швейцария, Швеция и Франция, изменили свои взгляды, перейдя от Китайской Республики к КНР. В начале 1970-х годов Канада и Турция начали устанавливать дипломатические отношения с КНР, при этом разрывая официальные связи с Китайской Республикой.

В результате интенсивных переговоров было принято важное решение. 23 ноября 1971 года Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию 2758 [11], которую поддержали 78 стран. Эта резолюция сыграла решающую роль в признании правительства КНР как единственного законного представителя Китая в рамках организации.

В заключение можно отметить, что исторический путь Китая к членству в Организации Объединенных Наций до 1971 года был сложным и многогранным, охватывающим десятилетия политических, социальных и экономических изменений. Принятие Китайской Народной Республики в ООН в 1971 году стало знаменательным моментом не только для Китая, но и для всей международной политической системы, обеспечивая Пекину возможность вновь заявить о себе на мировой арене.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мамаева Н.Л. Синьхайская революция и идея конституционного правления // Проблемы Дальнего Востока. – 2011. – № 5. – С. 128-138.

2. Кузьмин С.Л., Дмитриев С.В. Материалы архива внешней политики Российской Империи о попытке создания новой «Китайской династии» Юань Шикаем // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. -2020. -№3. – С. 93-107.

3. Двадцать одно требование, предъявленное японским правительством президенту Юань-Шикаю 18 янв. 1915 г. // URL: https://drevlit.ru/docs/kitay/XIX/1840-1860/Sb_dog_Dal_vost/81-100/82.php (дата обращения: 17.04.2025).

4. Мамаева Н.Л. К 100-летию «Движения 4 мая» 1919 г // Проблемы Дальнего Востока. – 2019. – № 6. – С. 125-131.

5. Обращение Правительства РСФСР к китайскому народу и Правительствам Южного и Северного Китая. 25 июля 1919 г. // Электронная библиотека исторических документов URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/283849-obraschenie-pravitelstva-rsfsr-k-kitayskomu-narodu-i-pravitelstvam-yuzhnogo-i-severnogo-kitaya-25-iyulya-1919-g#mode/inspect/page/1/zoom/4 (дата обращения: 17.04.2025).

6. Лапина И.Ю., Каргапольцев С.Ю. Синьхайская национальная революция в Китае и её итоги: два пути одного народа (историко-политологический аспект) (часть 1) // КЛИО. – 2023. – № 6(198). – С. 111-121.

7. Козырев В.А. Антияпонская война и китайское общества (1937-1945 годы) // Новая и новейшая история. – 2008. – № 1. – С. 5-26.

8. Кузнецов Д.В. Конституционные акты Китая. Хрестоматия – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет. – 2014. – 85 с. URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/RW8DhV5wyuU-aPMNrJalfHV3VmMHdOwX4INKIhDBtrSb_1-n0cBYguMp3HbWaHvLo8qVD2loZu7ehczRrhEiQe9dAvATK3jmdWD7uUXJbBDnl3sLoIVCTg/konstitucionnye_akty_kitaja.pdf (дата обращения: 18.01.2025).

9. Устав ООН // Организация Объединенных Наций URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter (дата обращения: 19.04.2025).

10. Корейская война 1950-1953 гг.: региональный конфликт с глобальными последствиями // Министерство обороны Российской Федерации URL: https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history/more.htm?id=11776564%40cmsArticle (дата обращения: 19.04.2025).

11. UN General Assembly Resolutions Tables // U.N. Library URL: https://research.un.org/en/docs/ga/quick/regular/26#s-lg-box-2748274 (date of access: 20.04.2025).

УДК 325.83

КОНФЛИКТ В ЗАПАДНОЙ САХАРЕ. ИСТОРИЯ И ИНИЦИАТИВЫ ПО РАЗРЕШЕНИЮ КОНФЛИКТА

THE CONFLICT IN WESTERN SAHARA. HISTORY AND INITIATIVES FOR CONFLICT RESOLUTION

Т. Л. Романов,
Санкт-петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)
T. L. Romanov,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: romanov.tl@edu.spbstu.ru

Научный руководитель:
Мохорова А. Ю.
E-mail: mokhorova@list.ru

Аннотация: Данная статья посвящена конфликту вокруг спорного региона Западная Сахара, возникшего в конце 20 века и продолжающегося до сих пор. Целью данного исследования является анализ исторических корней конфликта в Западной Сахаре и международных инициатив, направленных на его разрешение. Изучение этого конфликта важно не только для понимания его динамики, но и для разработки эффективных подходов к его разрешению, что делает данную тему актуальной для современного научного дискурса. В статье рассматриваются ключевые события, которые способствовали развитию конфликта и его разрешению. Это позволяет не только проанализировать существующие усилия, но и выявить перспективы для достижения устойчивого мира в регионе.

Abstract: This article is devoted to the conflict over the disputed region of Western Sahara, which arose at the end of the 20th century and continues to this day. The purpose of this study is to analyze the historical roots of the conflict in Western Sahara and international initiatives aimed at its resolution. Studying this conflict is important not only for understanding its dynamics, but also for developing effective approaches to its resolution, which makes this topic relevant to modern scientific discourse. The article examines the key events that contributed to the development of the conflict, and assesses the role of organizations such as the United Nations in the peacekeeping process. This allows us not only to analyze existing efforts, but also to identify prospects for achieving sustainable peace in the region.

Ключевые слова: ЗАПАДНАЯ САХАРА, МАРОККО, ПОЛИСАРИО, САДР, УРЕГУЛИРОВАНИЕ, РЕФЕРЕНДУМ, КОЛОНИАЛИЗМ

Key words: WESTERN SAHARA, MOROCCO, POLISARIO, SADR, REGULATION, REFERENDUM, COLONIALISM

Исторические корни конфликта в Западной Сахаре

Колониальное наследие и его влияние на конфликт

Начало колонизации Западной Сахары относится к 1884 году, когда Испания провозгласила эту территорию своей колонией на Берлинской конференции. Западная Сахара представляет собой пустынную территорию площадью около 266 тысяч квадратных километров в северо-западной Африке. Испания установила административное управление, но её влияние в регионе

оставалось ограниченным из-за сопротивления местных племен и географической удаленности [1].

После Второй мировой войны процесс деколонизации охватил многие регионы мира, включая Африку. В 1963 году Организация Объединенных Наций включила Западную Сахару в список несамоуправляющихся территорий, что предписывало необходимость проведения процесса деколонизации. Тем не менее, Испания медлила с выполнением этого обязательства. Нерешенные территориальные вопросы, связанные с претензиями Марокко и Мавритании на эту территорию, усугубили ситуацию и создали основу для длительного конфликта. Стремясь наладить отношения, Испания пошла на уступки марокканскому правительству, чтобы начать сотрудничество в других важных сферах.

Националистические движения и борьба за независимость

Националистические движения в Западной Сахаре начали формироваться как ответ на длительное колониальное господство Испании и усиливающиеся требования местного населения к самоопределению. Одним из важных событий стало создание Фронта Полисарио (POLISARIO) в 1973 году, который начал целенаправленно и организовано добиваться независимости. Эта организация, основанная группой сахарских националистов, поставила своей целью борьбу за независимость региона от испанского колониального правления. Фронт Полисарио, опираясь на поддержку местного населения, быстро стал основным представителем националистических стремлений Западной Сахары, организуя вооруженное сопротивление и привлекая внимание международного сообщества к проблемам региона [2].

Борьба за независимость Западной Сахары нашла отражение как в вооруженных действиях, так и в дипломатических усилиях. Важным моментом стало постановление Международного суда ООН в 1975 году, которое подтвердило, что Западная Сахара не является «ничейной территорией» и что Марокко и Мавритания не имеют суверенных прав на эту территорию. Это решение усилило позиции Фронта Полисарио на международной арене и подчеркнуло необходимость проведения референдума о самоопределении. Однако последующие события, включая отступление Испании и оккупацию территории Марокко, усложнили реализацию этого процесса [3].

Ключевые события и этапы конфликта

Война за независимость и ее последствия

Война за независимость Западной Сахары началась в 1975 году. Испания, долгое время контролировавшая эту территорию, к середине 1970-х годов столкнулась с растущим международным давлением и внутренними проблемами, что привело к отказу от колониального правления. В результате контроль над Западной Сахарой был передан Марокко и Мавритании, что вызвало протесты местного населения, стремившегося к самоопределению. Эти события стали катализатором вооружённого конфликта между новыми администрациями и фронтом Полисарио.

Война за независимость Западной Сахары имела значительные последствия для региона и его населения. Конфликт привёл к массовым перемещениям

сахрави, из которых более 100 000 человек вынуждены были покинуть свои дома и обосноваться в лагерях для беженцев в Алжире. Эти лагеря стали местом проживания для многих поколений, что создало гуманитарный кризис, который сохраняется до сих пор. Кроме того, война усугубила политическую нестабильность в регионе, привела к разрушению инфраструктуры и оставила глубокие социальные и экономические раны, которые продолжают влиять на жизнь местного населения.

Формирование Полисарио и его роль в конфликте

Фронт Народного Освобождения Сегиет эль-Хамра и Рио-де-Оро (Полисарио) был создан в 1973 году на фоне нарастающего недовольства колониальным правлением Испании в Западной Сахаре. Основатели стремились объединить сахрави, коренное население региона, для борьбы за независимость и самоопределение. На момент своего основания Полисарио ставил перед собой цель ликвидации испанского колониального контроля и создания независимого государства, что отражало стремления народа Сахары к свободе и суверенитету. Движение быстро приобрело популярность среди сахрави благодаря своей решимости и четкой программе действий, включающей как вооруженную борьбу, так и дипломатические усилия.

После ухода Испании из Западной Сахары в 1975 году Полисарио стал ключевым участником конфликта, выступая против притязаний Марокко и Мавритании на этот регион. В 1976 году организация провозгласила создание Сахарской Арабской Демократической Республики (САДР), что стало важным шагом в борьбе за международное признание права сахрави на самоопределение. САДР была признана более чем 80 странами и стала членом Организации Африканского Единства, что укрепило позиции Полисарио на международной арене [3][4].

Мирные соглашения и их эффективность

В 1991 году был заключен важный этап в истории конфликта в Западной Сахаре – соглашение о прекращении огня между Марокко и фронтом Полисарио, достигнутое при посредничестве Организации Объединенных Наций. Это соглашение стало результатом многолетних усилий международного сообщества по урегулированию конфликта, который продолжался с 1975 года. Основной целью соглашения было обеспечение мирного процесса через проведение референдума о самоопределении народа Западной Сахары. Референдум должен был предоставить сахрави выбор между независимостью и интеграцией с Марокко. Однако, несмотря на значимость этого соглашения, его реализация столкнулась с многочисленными препятствиями, включая разногласия в вопросах избирательного права народа сахрави и политическую волю обеих сторон. Эти трудности подчеркивают сложность достижения стабильного мира в регионе и необходимость дальнейших усилий международного сообщества [4][5].

Международные инициативы по разрешению конфликта

Роль ООН в мирном процессе

ООН начала проявлять активное участие в регионе Западной Сахары в 1960-х годах, когда Генеральная Ассамблея ООН включила этот регион в список несамоуправляющихся территорий, подлежащих деколонизации. После ухода

Испании из региона конфликт между Марокко, Мавританией и Фронтом ПОЛИСАРИО перерос в полномасштабные боевые действия. В ответ на это в 1980-х годах ООН начала предпринимать усилия по поиску мирного решения, что привело к созданию в 1991 году Миссии ООН для референдума в Западной Сахаре (MINURSO). В этом контексте «демонстранты передали МООНРЗС ряд требований, в том числе требование «провести референдум» и найти решение по статусу этой территории» [6].

Миссия MINURSO была учреждена для наблюдения за прекращением огня между Марокко и Фронтом ПОЛИСАРИО, а также для подготовки референдума о самоопределении народа Западной Сахары. Проведение референдума неоднократно откладывалось из-за разногласий между сторонами относительно критериев участия в голосовании. Вместе с тем, MINURSO продолжает свою деятельность, и Совет Безопасности ООН регулярно продлевает её мандат. Это подчеркивает как сложность конфликта, так и приверженность международного сообщества к поиску мирного решения. В этом контексте следует отметить, что «СССР практически всегда голосовал за принятие резолюций Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу Западной Сахары, в которых подтверждалось неотъемлемое право народа этого региона на свободу и также подтверждался законный характер его борьбы» [7].

Инициативы Африканского Союза и других международных организаций

Африканский Союз (АС) играет важную роль в поддержке процесса самоопределения народа Западной Сахары. Организация признаёт Сахарскую Арабскую Демократическую Республику (САДР) в качестве полноправного члена, что свидетельствует о её официальной позиции по данному вопросу. Этот шаг демонстрирует приверженность Африканского Союза принципам деколонизации и права народов на самоопределение. С момента своего создания АС активно выступает за мирное урегулирование конфликта, поддерживая дипломатические усилия и призывая стороны к диалогу. Признание САДР также оказывает давление на международное сообщество, побуждая его к активным действиям для разрешения конфликта [8].

Помимо Африканского Союза, другие международные организации также вносят вклад в разрешение конфликта в Западной Сахаре. Например, Европейский Союз (ЕС) акцентирует внимание на гуманитарных аспектах ситуации, предоставляя помощь беженцам и поддерживая проекты экономического развития в регионе. Организация Исламского Сотрудничества (ОИС) активно содействует мирному процессу, призывая к диалогу между сторонами конфликта. Эти инициативы подчеркивают осознание международным сообществом важности стабильности в этом регионе. При этом координация и согласованность действий остаются ключевыми вызовами. Формирование в 1975 году Экономического сообщества государств Западной Африки (ЭКОВАС) стало важным стимулом для развития сотрудничества между странами субрегиона, в том числе для противодействия рискам, связанным с безопасностью стран-членов [8][9].

Влияние внешних держав на разрешение конфликта

Западная Сахара, несмотря на свою небольшую территорию, привлекает внимание крупных мировых держав благодаря своему стратегическому

положению и природным ресурсам. Франция и США, в частности, проявляют устойчивый интерес к региону, что связано с их экономическими и геополитическими стратегиями. Франция, имея исторические и культурные связи с Марокко, традиционно поддерживает его позицию в конфликте, рассматривая стабильность в регионе как ключевой фактор для своих интересов в Северной Африке. США, в свою очередь, видят в Марокко стратегического партнера в борьбе с терроризмом и в обеспечении безопасности в регионе. Эти интересы определяют их политику в отношении конфликта и влияют на их участие в международных инициативах [7].

Современные вызовы и перспективы разрешения конфликта

Анализ текущей ситуации в регионе

Ситуация в Западной Сахаре остается сложной и характеризуется продолжающимся разделением территории между контролируемыми Марокко регионами и зоной, находящейся под управлением Фронта ПОЛИСАРИО. Этот территориальный конфликт сопровождается значительным гуманитарным кризисом. В частности, в лагерях беженцев в районе Тиндуфа, расположенных на территории Алжира, проживает около 173 600 человек, которые полностью зависят от международной гуманитарной помощи. ООН и другие международные организации продолжают оказывать поддержку этим лагерям, однако условия проживания остаются крайне тяжелыми. Разделение территории и отсутствие стабильного политического решения усиливают напряженность в регионе и создают препятствия на пути к мирному урегулированию конфликта [6].

Перспективы мирного разрешения конфликта

Международное сообщество продолжает прилагать значительные усилия для достижения мирного урегулирования конфликта в Западной Сахаре. Одним из ключевых шагов в этом направлении стало назначение в 2021 году нового специального представителя ООН по Западной Сахаре Стаффана де Мистуры. Его деятельность направлена на возобновление переговорного процесса между Марокко и Фронтом ПОЛИСАРИО, что является важным элементом в поиске мирного решения. Этот шаг был воспринят как попытка вдохнуть новую жизнь в переговоры, которые в последние годы сталкивались с множеством трудностей. Вместе с тем, в 2003 году Совет Безопасности ООН подтвердил план, чего не было сделано с первым проектом Бейкера, и единодушно призвал стороны к его реализации. Это подчеркивает, что для достижения успеха необходимо не только возобновление переговоров, но и активное участие всех сторон в процессе.

Заключение

Исследование конфликта в Западной Сахаре позволило выявить его сложную природу, обусловленную историческими, политическими и геополитическими факторами. Анализ исторических корней конфликта продемонстрировал, как колониальное наследие и борьба за независимость сформировали основы противостояния. Ключевые события и этапы конфликта, включая войну за независимость и роль международных организаций, показали, что несмотря на усилия, направленные на мирное разрешение спора, конфликт остается нерешенным и оказывает значительное влияние на региональную стабильность и жизнь местного населения.

Результаты исследования подчеркивают важность комплексного подхода к разрешению конфликта, который учитывает исторический контекст, текущие вызовы и интересы всех сторон. Перспективы дальнейших исследований включают анализ новых международных инициатив и их влияния на мирный процесс, а также изучение гуманитарных аспектов, связанных с жизнью населения в зоне конфликта и лагерях беженцев. Эти направления исследований могут способствовать более глубокому пониманию конфликта и разработке эффективных мер для его разрешения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Зайца Д. В. Западная Сахара (Сахарская Арабская Демократическая Республика) // География. – Москва: ВИНИТИ, 2005. – № 19. – С. 3–11.
2. Висенс Е. С. Западная Сахара: преданная независимость. Сборник исследований и документов по современной истории Сахарской Арабской Демократической Республики. – Москва: REGNUM, 2007. – 118 с.
3. Геращенко И. Д. Процесс деколонизации Западной Сахары. Создание фронта ПОЛИСАРИО // StudNet. – 2020. – №11.
4. Подгорнова Н. П. Проблема Западной Сахары. Миф и реальность. – Москва: Институт Ближнего Востока, 2013. – 236 с.
5. Салек А. М. Проблема Западной Сахары в международном и региональном контекстах: 1964–2002 гг.: дис. … канд. ист. наук.: 07.00.15 – Российский университет дружбы народов, Москва, 2003 – 159 с.
6. Организация Объединенных Наций. Доклад Генерального секретаря о вопросе о Западной Сахаре: докл. Генеральной Ассамблеи ООН. – 2021. – A/76/388.
7. Геращенко И. Д. Позиции США, СССР и РФ по западно-сахарскому вопросу (1970–1990-е гг.) // Научный аспект. – 2019. – Т. 8. – С. 938–949.
8. Медушевский Н. А. Сборник материалов Международной научной конференции «Восток и Африка в трансформации современной реальности». Москва, РГГУ, 19 декабря 2023 г. / Российский государственный гуманитарный университет. – Москва: Издатель Воробьев А. В., 2024. – 178 с.
9. Хаванова Д. Ю. Роль международных организаций в урегулировании межгосударственных конфликтов и поддержании мирового порядка // Теории и проблемы политических исследований. – 2024. – Т. 13, № 3А. – С. 42–50.
10. Стреха Н. Л. Непризнанные (самопровозглашенные) государства как объект современной политической географии // Брэсцкі геаграфічны веснік. – 2004. – Т. 4, № 1. – С. 119–126.
11. Чубуков М. Ю. Западно-сахарская проблема: территориально-политические и геополитические аспекты // Конференция «Ломоносов 2015». – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2015.
12. САДР. Дипломатические отношения. – URL: http://sadr-russia.ru/sadrdiplomaticheskie-otnosheniya/

УДК 323.173

ИСЛАМСКИЙ РАДИКАЛИЗМ КАК ФАКТОР ДИНАМИКИ КОНФЛИКТА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

ISLAMIC RADICALISM AS A FACTOR OF CONFLICT DYNAMICS IN NORTH CAUCASUS

Б. Е. Рулёв,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
B. E. Rulyov,
St. Petersburg State University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: st116656@student.spbu.ru

Научный руководитель:
Матвеевская А. С.
E-mail: annamatveevskaya@spbu.ru

Аннотация. Распад Советского Союза имел колоссальные политические последствия для постсоветских государств, приведя, в том числе, к множеству вооружённых конфликтов. Для постсоветской России конфликт на Северном Кавказе стал крупнейшей внутренней проблемой. Он повлёк за собой два масштабных военных конфликта в Чечне и многолетнюю войну с терроризмом, а также превратил регион на несколько десятилетий в главный очаг напряжённости внутри Российской Федерации. Данная статья посвящена тенденции радикальной исламизации части сепаратистского движения на Северном Кавказе и её влияния на развития конфликта в регионе. В работе рассматриваются исторические, политические и социально-экономические причины возникновения конфликта на Северном Кавказе. Также рассмотрены причины, особенности и последствия процесса распространения радикального исламизма. Вместе с этим статья отражает динамику и трансформацию конфликту в связи с процессами исламизации.

Abstract. The collapse of the Soviet Union had enormous political consequences for the post-Soviet states, leading, among other things, to many armed conflicts. For post-Soviet Russia, the conflict in the North Caucasus has become a major internal problem. It led to two large-scale military conflicts in Chechnya and a multi-year war on terrorism, and turned the region into a major hotbed of tension within the Russian Federation for several decades. This article is devoted to the trend of radical Islamization of a part of the separatist movement in the North Caucasus and its impact on the development of the conflict in the region. The paper examines the historical, political, and socio-economic causes of the conflict in the North Caucasus. The causes, features and consequences of the spread of radical Islamism are also considered. At the same time, the article reflects the dynamics and transformation of the conflict in connection with the processes of Islamization.

Ключевые слова: СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ, КОНФЛИКТ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ, ИСЛАМИЗМ, ТЕРРОРИЗМ, ДИНАМИКА КОНФЛИКТА

Key words: NORTH CAUCASUS, CONFLICT IN THE NORTH CAUCASUS, ISLAMISM, TERRORISM, CONFLICT DYNAMICS

Конфликт на Северном Кавказе является сложным и неоднородным и обусловленным целым рядом исторических процессов. Взаимоотношения российского государства и народов Северного Кавказа на протяжении многих веков имели непростой характер и обуславливали формирование острых противоречий и негативного отношения сторон друг к другу на основе исторического опыта. Ряд военных конфликтов, в ходе которых русские и кавказские горцы оказывались враждующими сторонами, формировали устойчиво отрицательное восприятие сторонами друг друга. Складывание подобного рода взаимного восприятия, своего рода «длинной» исторической памяти, было одним из факторов начала и обострения конфликтов, в том числе и в конце XX века [1].

Языковые, религиозные и социальные различия только усугубляли взаимное враждебное восприятие. Этот фактор являлся важным для мобилизации в первую очередь северокавказских горских обществ, что проявлялось в ходе множества конфликтов в регионе, таких как восстание под предводительством шейха Мансура, Кавказская война, Гражданская война в России, а также и в ходе конфликта на Северном Кавказе, начавшемся после распада Советского Союза. При этом события каждого предыдущего конфликта усугубляли враждебное отношение сторон, что становилось одним из факторов возникновения очередного конфликта, формирую своеобразную «память об обидах», прочно укоренившуюся в национальном сознании [2].

Конфликтная ситуация в регионе, приведшая к началу современного конфликта, стала складываться в период Перестройки в Советском Союзе, начиная с 1985 года. Этот политический процесс оказался по-настоящему судьбоносным, определившим колоссальные внутренние изменения в стране, затронувшие все без исключения сферы жизни в обществе. Постепенное нарастание экономического кризиса особенно остро отразилось на северокавказских регионах, бывших одними из беднейших в Советском Союзе, в особенности на Чечено-Ингушской АССР, где уровень урбанизации был одним из самых низких на Северном Кавказе [3]. Вместе с тем политика гласности обусловила развитие националистических движений, которые с этого момента могли беспрепятственно распространять свою точку зрения в средствах массовой информации, привлекая множество людей всё более и более неудовлетворённых нарастающими экономическими и социальными проблемами региона [4].

Наиболее активно националистическое движение развивалось на территории Чечено-Ингушетии, что было обусловлено как наиболее острыми социально-экономическими проблемами среди регионов Северного Кавказа, так и наиболее острой «памятью об обидах» [5]. С каждым годом Перестройки друг другу происходили процессы обострения экономического кризиса и усиления позиций националистов. Уже в 1990 году был образован Общенациональный конгресс чеченского народа (ОКЧН), который возглавил Джохар Дудаев. Данная организация поставила перед собой целью создание независимого чеченского государства путём выхода из состава Советского Союза [6].

Вместе с этим для понимания причин стремительного развития и укрепления сепаратизма в чеченском обществе следует рассмотреть такое

специфическое явление как тейповая система. Тейповая система представляет из себя созданную в период абсолютного господства родоплеменных отношений систему крупных межродовых объединений – тейпов. Тейпы, особые единицы организации некоторых нахских народов – чеченцев и ингушей – состоявшие из проживающих рядом с другом родов, объединившихся для защиты своих общих интересов, то есть своего рода этнические кланы. Тейпы объединяются в более крупные единицы – тукхумы. Существование данной системы обусловливало огромное значение родовых и клановых связей, которые, с одной стороны, позволяли сплотить и мобилизовать население, входившие в тейповую систему, а с другой стороны усилить размежевание и неприязнь в общественном сознании по отношению к населению, не входившему в тейповую систему [7].

Другой проблемой, подпитывавшей недовольство местного населения, было непропорциональное представительство выходцев из автохтонных народов и из числа русских, в органах власти и в высокооплачиваемых профессиях. На примере Чечено-Ингушской АССР можно было увидеть разделение на «русскую» нефтеперерабатывающую промышленность и «местную» экономику, основанную на мелкотоварном сельскохозяйственном производстве, сезонной трудовой миграции в более экономически развитые регионы РСФСР и строительстве [8].

Более того, для республики было характерно этническое расслоение в уровне образование – чеченцы и ингуши имели в среднем более низкое образование, чем русское население республики, и население Советского Союза в целом – и, как следствие, в представительстве среди партийной номенклатуры республики, в которой также доминировали русские [9].

Данные факторы обусловили как зарождение, так и обострение конфликта на Северном Кавказе во второй половине 1980-х годов. Социально-экономические проблемы автохтонного кавказского населения, обострившиеся во время Перестройки, приводили к крайнему недовольству кавказского населения и его политической мобилизации.

Начало открытого конфликта на Северном Кавказе произошло в наиболее проблемной точке регионе – Чечне. В июне-августе 1991 г. ОКЧН захватил власть в республике. Несмотря на наличие внутреннего сопротивления, Дудаев начал процесс укрепления собственной власти. Одним из важных инструментов сплочения чеченского общества вокруг совей фигуры он избрал жёсткую милитаристскую антироссийскую и антирусскую риторику. Центральное правительство отождествляли со всеми русскими и с травмирующими для чеченского национального самосознания событиями Кавказской войны и депортации 1944 года [10]. Одним из проявлений этого жёстко антирусского курса стало изгнание большинства русского населения из Чечни.

В ходе развития конфликта чеченцы объединялись именно на основе национальной идентичности, чему способствовали описанные выше факторы. При этом в данный момент религиозный фактор играл значительно меньшую роль, чем национальный [11]. При этом стремление чеченских сепаратистов к созданию собственного независимого государства позволяет охарактеризовать данный конфликт как этнонациональный.

По мере укрепления и стабилизации политической системы постсоветской России, укрепления власти настроенного резко антироссийски Дудаева в Чечне и активного распространения национализма в других регионах Северного Кавказа [12] вооружённое столкновение Москвы и сепаратистов становилось неизбежным. 29 ноября 1994 года же на заседании Совета Безопасности Российской Федерации было принято решение о вводе войск в Чечню [13]. Одним из важнейших факторов, повлиявших на принятие данного решения, был внутренний конфликт в Чечне, развивавшийся с 1993 года, который позволял Москве рассчитывать на поддержку антидудаевской оппозиции.

Однако Первая чеченская кампания оказалась неудачной для российского правительства. Сепаратистские формирования перешли к тактике партизанской войны. Вместе с этим разрушения, причинённые войной, только усилили антирусские настроения среди чеченцев, в том числе на основе уже не только национализма, но и религии. В ходе войны идеологами чеченских сепаратистов активно использовалась концепция газавата – священной войны против неверных – как инструмент социальной мобилизации [14]. Возрастание значимости религиозного фактора также происходило за счёт притока боевиков из арабских стран и других регионов Северного Кавказа, далёких от идеологии чеченского национализма.

Другим важным процессом, происходившим в период Первой Чеченской кампании, было распространение терроризма. Крупнейшими терактами стали захват больницы в Будённовске, осуществлённый Шамилем Басаевым, и захват заложников в Кизляре, осуществлённый Салманом Радуевым.

Несмотря на фактическую победу сепаратистов – по условиям Хасавюртовских соглашений 31 августа 1996 российские войска выводились с территории Чечни, а вопрос о её статусе откладывался до 31 декабря 2001 года, что де-факто означало независимость ЧРИ – ряд факторов обусловил развитие внутричеченского политического кризиса. Во-первых, 21 апреля 1996 года был ликвидирован Джохар Дудаев, что означало для чеченских сепаратистов потерю харизматичного лидера, бывшего своего рода консолидирующей фигурой для всех антиправительственных сил на территории Чечни. Во-вторых, произошло значительное усиление влияния исламистов, что в дальнейшем обусловило противостояние националистов во главе с Асланом Масхадовым и радикальных исламистов во главе с Шамилем Басаевым и лидером арабских наёмников Хаттабом. Из-за этого внутри Чечни развернулось противостояние между националистами, во главе с президентом ЧРИ Асланом Масхадовым, и исламистами, одним из ключевых представителей, которых являлся Арби Бараев.

Вместе с этим началось постепенное распространение исламского радикализма в других регионах Северного Кавказа. Фактическое поражение федерального правительства в Первой Чеченской кампании побудило антироссийски настроенную и недовольную социально-экономическим положением часть населения Северного Кавказа к началу развития сепаратистского движения. Подобные настроения распространялись в объединениях радикально настроенных мусульман – джамаатах.

Наиболее острой фазы распространение исламизма на Северном Кавказе достигло в момент начала вторжения боевиков под руководством Шамиля Басаева в Дагестан 7 августа 1999 года. Это событие ярко показало, что сохранение неконтролируемой федеральными силами Чечни означало бы риск распространения общекавказского вооружённого сепаратистского движения, основанного на исламском радикализме. При этом Масхадов начал отстраняться от данного вторжения, что стало очередным подтверждением раскола между националистами и исламистами в Чечне [15].

Факт того, что боевики Басаева базировались на территории Чечни, и рост террористической угрозы, выразившейся в террористических актах 6-14 сентября 1999 г. привёли к однозначному решению о вводе войск в Чечню, что и привело к началу Второй Чеченской кампании. При этом в ходе Второй Чеченской кампании сепаратистское движение приняло отчётливо исламистский и террористический характер, в этот момент религиозный характер сепаратистского движения окончательно возобладал над националистическим [16].

Таким образом, конфликт на Северном Кавказе в течение 1990-х годов прошёл эволюции от этнополитического конфликта, нацеленного на создание независимого государства чеченцев, то есть этнонационального конфликта, до конфликта этноконфессионального [17].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Семенова В.В. Травматическая память как мобилизационный ресурс коллективной идентичности // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. — М.: РОС, 2012. 1 CD ROM. URL: http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part57.pdf. – С. 7798–7818.
2. Sokirianskaia E. Ideology and Conflict: Chechen Political Nationalism prior to, and during, Ten Years of War. Ethno-Nationalism, Islam and the State in the Caucasus: Post-Soviet Disorder / Ed. by M. Gammer. New York: Routledge, 2008. P. 104.
3. Население СССР. По данным всесоюзной переписи населения 1989 г. Финансы и статистика. М. 1990.Treisman D.S. Russia’s “ethnic revival”: the separatist activ ism of regional leaders in a postcommunist order // World politics. 1997. Т. 49. No. 2. Pp. 212–249.
4. Treisman D.S. Russia’s “ethnic revival”: the separatist activ ism of regional leaders in a postcommunist order // World politics. 1997. Т. 49. No. 2. Pp. 212–249.
5. Albert C.D. The ethno-violence nexus: measuring ethnic group identity in Chechnya //East European Politics. 2014. Т. 30. No. 1. P. 123–146.
6. Соловьева, М. В. Теоретические основы начала Первой Чеченской войны / М. В. Соловьева // International scientific review of the problems of law, sociology and political science: XXII INTERNATIONAL CORRESPONDENCE SCIENTIFIC SPECIALIZED CONFERENCE, Boston, 07–08 июля 2022 года. – Boston: PROBLEMS OF SCIENCE, 2022. – С. 48-52.
7. Ловкий, Е. А. Причины и ход Первой Чеченской войны / Е. А. Ловкий // Аллея науки. – 2018. – Т. 5, № 6(22). – С. 309-312.
8. Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001. С. 116.

9. Тумов, А. А. Структурные факторы гражданских конфликтов: национальная политика на Северном Кавказе во второй половине XX в / А. А. Тумов // Народы Кавказа в XVIII-XXI вв.: история, политика, культура : Материалы XI Международного форума историков-кавказоведов, посвященного 100-летию принятия первой союзной Конституции и образования Северо-Кавказского края, Ростов-на-Дону, 16–19 октября 2024 года. – Ростов-на-Дону: Южный научный центр РАН, 2024. – С. 472-477.

10. Campana A. Collective memory and violence: The use of myths in the Chechen separatist ideology, 1991–1994 // Journal of Muslim Minority Affairs. 2009. Vol. 29. No 1. Pp. 43–56.

11. Меликова, С. Первая российско-чеченская война (1994-1996): источники и факторы этнической мобилизации / С. Меликова // Кавказ и глобализация. – 2012. – Т. 6, № 3. – С. 84-93.

Gökay B. Post-Soviet Disorder: war in Chechnya. The Turkish Yearbook of International Relations. 1994; p. 26.

12. Узлова, И. В. 1994: парламент России и начало войны в Чечне / И. В. Узлова // Информация–Коммуникация–Общество. – 2015. – Т. 1. – С. 12-14.

13. Souleimanov E., Ditrych O. The Internationalization of the Chechen Conflict: Myths and Reality // Europe- Asia Studies, 2008, Vol. 60, No. 7. P. 1209.

14. Тумаков, Д. В. Политика сепаратистского режима Чечни по отношению к войне в Дагестане в августе-сентябре 1999 года / Д. В. Тумаков // Самарский научный вестник. – 2021. – Т. 10, № 1. – С. 258-264.

15. Paul J. Murphy, The Wolves of Islam: Russia and the Faces of Chechen Terror, Washington, D.C. Brassey's Inc., 2004. P. 197.

16. Vidino L. The Arab foreign fighters and the sacralization of the Chechen conflict. al Nakhlah. 2006; 2. Available at: https:// ciaotest.cc.columbia.edu/olj/aln/aln_spring06/aln_spring06e. pdf.

УДК 327

ПЕРСПЕКТИВЫ АТОМНОГО РЕНЕССАНСА В ЕВРОПЕ

PROSPECTS OF NUCLEAR RENEAISSANCE IN EUROPE

Д. И. Сартакова,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
D. I. Sartakova,
St. Petersburg State University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: sartakovadaria@gmail.com

Научный руководитель:
Матвеевская А. С.
a.matveevskaya@spbu.ru

Аннотация. Данная статья посвящена обретающей большую популярность тенденции возрождения мирного использования атома в Европе. В статье рассматриваются перспективы так называемого «атомного ренессанса» в Европе на примере трех стран — Италии, Нидерландов и Германии. Эти государства в разные периоды принимали политические решения об отказе от использования атомной энергетики, мотивируя их экологическими, экономическими и социальными факторами. Однако в свете современных вызовов — энергетического кризиса, стремления к декарбонизации и обеспечения энергетической безопасности — наблюдается переоценка роли мирного атома. Статья анализирует изменения в государственной политике, общественном восприятии и стратегиях, свидетельствующих о возможном возвращении к развитию атомной энергетики. Делается акцент на мотивах возвращения к использованию атомной энергии и перспективах восстановления этой отрасли в Европе.

Abstract This article is dedicated to the increasingly prominent trend of reviving the peaceful use of nuclear energy in Europe. It explores the prospects of the so-called “nuclear renaissance” through the lens of three countries — Italy, the Netherlands, and Germany. These nations, at different times, made political decisions to phase out nuclear energy, citing environmental, economic, and social concerns. However, in light of current challenges — including the energy crisis, the pursuit of decarbonization, and the need for energy security — a reassessment of nuclear power’s role is taking place. The article analyzes shifts in government policy, public perception, and strategic approaches that indicate a potential return to nuclear development. Particular attention is paid to the motivations behind the renewed interest in nuclear energy and the prospects for rebuilding the nuclear sector in Europe.

Ключевые слова: АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА, МИРНЫЙ АТОМ, ЕВРОПА, ЕС, ГЕРМАНИЯ, НИДЕРЛАНДЫ, ИТАЛИЯ, ЯДЕРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, АЭС, АТОМНЫЙ РЕНЕССАНС, ПЕРСПЕКТИВЫ ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Key words: NUCLEAR ENERGY, PEACEFUL ATOM, EUROPE, EU, GERMANY, NETHERLANDS, ITALY, NUCLEAR SAFETY, NUCLEAR POWER PLANT, NUCLEAR RENAISSANCE, PROSPECTS OF NUCLEAR ENERGY

Отрасль атомной энергетики начала широко распространяться в мире с середины прошлого столетия. Сразу после открытия в 1954 году первой в мире Обнинской АЭС вопросы безопасности персонала и окружающей среды начали рассматриваться в атомной отрасли более углубленно. Однако, развитие отрасли сопровождалось с несколькими крупными авариями, которые до сих пор оказывают неблагоприятное влияние на уровень доверия к мирному атому.

Так, в 1979 году на АЭС Три-Майл-Айленд произошла авария, которая до сих пор остается крупнейшей аварией в коммерческой атомной энергетике США [1]. Позже, менее, чем через 10 лет случилась крупнейшая в истории атомной энергетики авария на Чернобыльской АЭС в СССР [2]. Эти события моментально вызвали рост количества противников использования атомной энергии и допущения существования АЭС в целом. С момента аварии на Чернобыльской АЭС до начала XXI-го века в Северной Америке, Западной Европе и на территории СССР не строились и не вводились в эксплуатацию новые АЭС. Последняя крупная авария на АЭС произошла в Японии в 2011 году. Происшествие было оценено по Международной шкале ядерных событий на максимальный уровень, и, несмотря на отсутствие человеческих жертв, последняя авария породила новую волну недоверия к АЭС.

Несмотря на постоянно развивающийся сектор безопасности атомной энергетики, усиливающиеся меры контроля на АЭС и международные разработки, направленные на повышение безопасности при эксплуатации АЭС, в середине 2010-х годов в некоторых странах, ранее эксплуатирующих АЭС, начался «закат» атомной отрасли.

Ещё одной причиной отказа стран от мирного атома является «зеленая повестка» — тенденция прекращения использования невозобновляемых источников энергии в пользу возобновляемых и переход к методам генерации энергии, наносящим наименьший вред окружающей среде. Несмотря на то, что «зеленая повестка» коснулась, прежде всего, вопросов декарбонизации, обсуждения по вопросам эксплуатации атомной энергии возникали в этом контексте. До включения Еврокомиссией атомной энергии в разряд «зеленых» видов основным аргументом «против» была «неэкологичность» данного вида энергии и, безусловно, масштаб урона, который может быть нанесен миру при ненадлежащей эксплуатации ядерных объектов. Сейчас атомная энергия считается одной из самых «чистых», а удельная потребность АЭС в основных энергоемких материалах (например, металлы и стекло) самая низкая среди остальных систем генерации энергии [3].

Невзирая на многочисленные преимущества, которые имеет мирный атом, есть обширный список стран, которые отказались, отказывались или отказываются от эксплуатации на своей территории АЭС. Преимущественно эти страны находятся в Европе, где экологическая повестка занимает крайне важную роль, а доверие к атомной энергетике относительно невысокое, что удивительно, учитывая, что в Европе находится страна-пример повсеместного использования АЭС — Франция.

Однако, как показывает практика, страны, отказавшиеся от АЭС, все чаще обсуждают перспективы возобновления атомной энергетики на своей территории,

что свидетельствует о так называемом «атомном ренессансе» — процессе возрождения мирного атома в государствах, которые от него отказывались.

Так, ядерная программа Италии была прекращена в начале 90-х годов прошлого века. На территории страны находились четыре АЭС, которые, после событий 1986 года, начали постепенно закрываться. Италия стала первой страной мира, которая полностью отказалась от ядерной энергетики и закрыла все эксплуатирующиеся станции. Этому поспособствовал референдум, проведенный после Чернобыльской аварии. Большинство проголосовавших выступили за прекращение использования атомной энергии. Но уже в начале следующего столетия правительство Сильвио Берлускони предприняло попытки возродить мирный атом в стране, однако, уже в 2011 году в республике на фоне вышеупомянутой аварии в Японии был проведен очередной референдум, который продемонстрировал, сопротивление населения Италии предложенным правительством идеям. Сейчас же правящие круги Италии начинают постепенно возвращаться к предложенной ранее идее Берлускони. В 2024 году министр окружающей среды и энергетической безопасности Италии Джилберто Пикетто-Фратин заявил, что правительство серьезно рассматривает пути для возвращения атомной энергетики в республику [4]. В начале 2025 года в Италии был одобрен законопроект, позволяющий строительство АЭС на территории государства. Этот пример ярко демонстрирует, что со временем даже те страны, которые отказались от атома в самом начале, могут к нему вернуться, особенно в условиях энергетического кризиса и «зеленого» перехода.

Не менее интересными являются страны, которые планировали отказ от атомной энергетики, но приостановили этот процесс. К таким странам можно отнести королевство Нидерланды. Ещё в 2006 году государство заявило, что АЭС “Борселе” (единственная станция в стране) будет эксплуатироваться лишь до 2033 года, позже будет произведен её вывод из эксплуатации. Соответственно, планировался уход страны от атомной энергии в пользу, в первую очередь, набирающей популярность в Европе ветряной электрогенерации. В последние годы в стране началась дискуссия по вопросам целесообразности отказа от атомной энергии. Главными причинами этой дискуссии послужили не только вопросы поиска альтернативного устойчивого (чего нельзя сказать о ветряных генераторах) источника энергии, но и демонтаж самой станции, который, конечно, освободит территорию, но только по прошествии немалого количества времени. На территории бывшей атомной станции нельзя будет ничего строить примерно 40-60 лет, поскольку именно такой срок требуется для полного долгосрочного демонтажа станции [5]. Учитывая такой срок, можно сделать вывод о колоссальных затратах на сам процесс демонтажа; не стоит забывать и о переработке отработавшего ядерного топлива, без которой закрытую станцию назвать безопасной будет нельзя. Всё это требует устойчивого финансирования в большом объеме.

В 2024 году в Нидерландах был утвержден план как по продолжению использования мирного атома после 2033 г., так и по возведению как минимум четырех новых энергоблоков АЭС “Борселе” [6]. Помимо вышеупомянутых причин, которые привели к такому решению, у Нидерландов была возможность

наблюдать за энергетическим сектором страны, полностью отказавшейся от атомной энергии. После того, как Германия закрыла последнюю АЭС, в стране практически сразу были повышены цены на электроснабжение в несколько раз, а на перестройку большинства энергосетей стране нужно будет тратить сотни миллиардов евро.

В ФРГ век атомной энергетики фактически завершился в 2022-2023 годах [7], когда были закрыты последние три АЭС [8]. Германия активно пытается перестроить энергетический сектор на возобновляемые источники энергии, в Энергетической стратегии ФРГ делается упор на полную декарбонизацию к 2038 году и повышение доли возобновляемых источников энергии до 80% к 2030 году [9]. Однако, масштабные энергетические планы практически сразу ввели страну в состояние кризиса. Попытки массового использования ветряных электростанций приводили Германию к ситуации, когда ради полного обеспечение энергетических нужд государства приходилось полагаться на уголь — главного противника «зеленой повестки». Безветрие на территории страны привело к резкому увеличению выбросов от ТЭС, с которыми Германия так долго борется. Подобные ситуации наряду с вопросами финансирования перестройки энергетической системы со временем стали разворачивать все больше немцев в сторону поддержки возобновления работы АЭС, поскольку на станциях такого типа цикл генерации энергии не зависит от погодных условий и не прерывается, а при соблюдении всех норм эксплуатации АЭС вред окружающей среде не наносится.

В 2024 году при публикации партийных программ к досрочным выборам в бундестаг, состоявшимся 23 февраля 2025 года [10], общественность заинтересовала программа консервативного блока ХДС\ХСС, а, точнее, пункт о возвращении атомной энергетики, а именно о возобновлении работы трёх АЭС, которые были закрыты в 2023 году. Стоит отметить, что консервативный блок ХДС\ХСС по результатам выборов обеспечил себе наибольшее количество мест в бундестаге, поэтому атомный ренессанс в Германии уже не кажется чем-то оторванным от реальности. Также за возврат к мирному атому выступает сопредседатель занявшей на выборах второе место партии «Альтернатива для Германии» Алис Вайдель [11]. Есть ли у атомной энергетики будущее в ФРГ — вопрос без ответа на данный момент, но эта тема всё чаще обсуждается в информационном поле страны, а 55% жителей Германии, согласно опросу [12], поддерживают возврат к использованию атомной энергии.

На данный момент перспективы атомного ренессанса в Европе трудно назвать ясными, но, как минимум, можно утверждать, что они есть. В условиях, когда атомная энергия стала считаться экологически приемлемой, а её вывод из страны может стоить примерно также, как и ввод, можно предположить, что в течение ближайших 10-15 лет мирный атом получит новый шанс на развитие на территории Европы. Возобновляемые источники энергии вряд ли смогут обеспечить Европу на 100%, а повторять опыт Германии в этом вопросе может быть опасно как для экономики стран, так и для окружающей среды. Ещё один пункт в пользу АЭС — они не занимают настолько большие площади, как требуют того те же ветрогенераторы, поэтому особенно для густонаселенных

стран с относительно небольшой площадью, каких в Европе достаточно, всё более привлекательным становится перспектива либо возобновить, либо начать использование атомной энергии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Walker, J. Samuel Three Mile Island: A Nuclear Crisis in Historical Perspective. – University of California Press, 2004
2. Yablokov, Alexey V.; Nesterenko, Vassily B.; Nesterenko, Alexey V. Chapter III. Consequences of the Chernobyl Catastrophe for the Environment. – Annals of the New York Academy of Sciences, 2009
3. Першуков В. А., Артисюк В. В., Каширский А. А. Путь к «зелёной» энергетике для ядерных энерготехнологий // ЭП. – 2021. – №9. – С. 163.
4. Nuclear Power in Italy // World Nuclear Association URL: https://world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-g-n/italy (дата обращения: 07.04.25).
5. Парламент Нидерландов утвердил план строительства к 2035 году четырёх новых энергоблоков АЭС // Атомная Энергия 2.0 URL: https://www.atomic-energy.ru/news/2024/03/21/144260 (дата обращения: 07.04.25).
6. Зимаков А. В. Демонтаж АЭС в Евросоюзе: проблемы финансирования // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – №1
7. Зимаков А.В. Политика отказа Германии от атомной энергетики: от конфликта к компромиссу // Научный диалог. – 2021.
8. Metz, L., Okamura, L., Weidner, H. The Ecological Modernization Capacity of Japan and Germany. Comparing Nuclear Energy, Renewables, Automobility and Rare Earth Policy // Springer Nature. – 2021
9. «Klimaschutzprogramm 2030 der Bundesregierung zur Umsetzung des Klimaschutzplans 2050». 11.10.2019 № 19/13900 // Bundesministerium für Umwelt, Naturschutz und nukleare Sicherheit (federführend).
10. 29 Parteien nehmen an der Bundestagswahl 2025 teil // Die Bundeswahlleiterin URL: https://www.bundeswahlleiterin.de/info/presse/mitteilungen/bundestagswahl-2025/10_25_parteien-wahlteilnahme.html (дата обращения: 07.04.25).
11. Лидер «АдГ» Алис Вайдель выступила за возврат Германии к развитию атомной отрасли // Атомная Энергия 2.0 URL: https://www.atomic-energy.ru/news/2024/09/12/149261 (дата обращения: 08.04.25).
12. Mehrheit der Deutschen will Atomkraft zurück // Verivox URL: https://www.verivox.de/strom/nachrichten/mehrheit-der-deutschen-will-atomkraft-zurueck-1121121/ (дата обращения: 08.04.2025).

УДК 341

ОТ BARKHANE ДО ВАГНЕРА: ПОЧЕМУ ФРАНЦИЯ ОТСТУПАЕТ, А РОССИЯ УКРЕПЛЯЕТСЯ В САХЕЛЕ?

FROM BARKHANE TO WAGNER: WHY FRANCE RETREATS WHILE RUSSIA ADVANTAGES IN SAHEL?

Е. С. Уйман,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
E. S. Uiman,
St. Petersburg State University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: lenau.2002@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу подходов России и Франции к обеспечению безопасности в регионе Сахель и изменениям в расстановке сил в регионе, где Франция постепенно утрачивает свое влияние, Россия в свою очередь его усиливает. В работе рассматривается исторический аспект развития отношений Москвы и Парижа со странами Сахеля, который помог выявить основные методы взаимодействия в области безопасности, основные причины изменения баланса сил. В конечном итоге, была дана оценка взаимодействию России и Франции в регионе, представлены дальнейшие перспективы их соперничества не только в Сахеле и Африке, но и за пределами континента.

Abstract. This article analyzes the approaches of Russia and France to ensuring security in the Sahel region and changes in the balance of power in the region, where France is gradually losing its influence, and Russia, in turn, is strengthening it. The paper considered the historical aspect of the development of relations between Moscow and Paris with the Sahel countries, which helped to identify the main methods of cooperation in the field of security, the main reasons for the change in the balance of power. In the end, an assessment was made of the interaction between Russia and France in the region, and further prospects for their rivalry were presented not only in the Sahel and Africa, but also outside the continent.

Ключевые слова: САХЕЛЬ, РОССИЯ, ФРАНЦИЯ, ЧВК «ВАГНЕР», ОПЕРАЦИЯ «БАРХАН», АФРИКА

Key words: SAHEL, RUSSIA, FRANCE, PMC WAGNER, OPERATION BARKHAN, AFRICA

Регион Сахель на сегодняшний день является одним из самых проблемных регионов на африканском континенте, в который входят следующие страны: Мавритания, Буркина-Фасо, Нигер, Мали и Чад.

Стоит отметить основные проблемы региона, которые влияют на развитие не только самого региона Сахель, но и на прилегающие страны. Прежде всего, быстрорастущее население. Данная проблема характерна для всей Африки, по прогнозам ООН, к 2050 году население Африки достигнет отметки 2,5 млрд человек, подавляющее большинство которого будет составлять работоспособная молодежь, что несомненно не может не отразиться в дальнейшем на экономическом развитии континента и его роли в мировой экономике [1].

Вторая проблема региона – это развитие и распространение террористической угрозы. Ввиду как раз таки бедности и угнетенности основной части населения, для которой образ жизни радикального исламизма был весьма привлекателен. Экстремистские группировки Аль-Каиды и ИГИЛ (признаны террористическими на территории РФ) пользуются отсталостью и слабостью местной власти, что несомненно является последствие колониального бремени континента, борются за влияние с национальными правительствами стран Сахеля и другими преступными сетями.

В свою очередь здесь можно обозначить третью проблемы – это превращение региона Сахель в зону борьбы против терроризма, где за влияние борются сверх державы, среди этих стран – Россия и Франция, о противостоянии которых и посвящена статья. Кроме терроризма, имеют место организационная преступность, контрабанда оружием, наркотиками, топлива и табачной продукции. Данные проблемы приводят к ряду последствий: во-первых, развивается теневая экономика, происходит борьба за контроль маршрутов контрабанды между преступными сетями; во-вторых, из стран Сахеля открыт поток нелегальной миграции в Магриб и страны Евросоюза. По данным Frontex (Европейское агентство пограничной и береговой охраны) по состоянию на 2023 год в ЕС в целом из Африки въехало около 50 тыс. человек, в числе которых 20% из мигрантов из Сахеля, в Тунис, и 30% через Алжир и Марокко. Более того, Eurostat зафиксировал 35 тыс. запросов на предоставление убежища. По состоянию на 2025 год прогнозируется, что из-за ужесточения контроля в Тунисе и Ливии, маршрут миграции может проходить через Мавританию или Сенегал, и увеличиться на 10-15% в случае продолжения деградации ситуации в сфере безопасности в регионе Сахель [2].

Для того, чтобы сделать прогнозы относительно дальнейшего положения дел в регионе, а также отношений и соперничества между Россией и Францией в рамках и за рамками региона, необходимо освятить историографию вопроса развития отношений России и Франции со странами Сахеля.

Для России, как в советский период, так и современный, Африка занимала отдельное место во внешнеполитической повестке, страны Сахеля в том числе. Наиболее развитыми областями в двусторонних отношениях являются военно-техническая сфера, дипломатическая поддержка и экономика.

Наиболее динамичный этап развития отношений можно отметить в эпоху Холодной войны, когда африканский континент был дополнительной сферой противостояния двух сверхдержав, двух блоков. СССР поддерживал антиколониальные настроения и социалистические движения для поиска союзника в лице африканских стран. Ярким примером является поддержка режимов в Мали в 1960-1968 годы правительства Модибо Кейты и в дальнейшем, после государственного переворота, Муссо Траоре. В Буркина-Фасо в 1980-х СССР оказывал содействие режиму Томаса Санкары путем поставок стрелкового оружия и техники. Кроме того, в Чаде поддерживали движение повстанцев-марксистов («Фролинат»). В регионе Сахель, в частности, это проявлялось в военно-технической помощи ряду стран, среди которых Мали, Нигер, Буркина-Фасо, кроме того, в военно-технической сфере, СССР оказывал содействие путем

подготовки квалифицированных африканских кадров в советских вузах. Активно велась пропаганда социализма через местные СМИ: радио «Москва» на французском и арабском языках. Тем самым СССР заложил основу для дальнейшего развития отношений, однако, внутриполитический кризис стал препятствием для российско-сахельских отношений.

В 1990-е годы оказались потерянным временем, интенсивность отношений между СССР и Сахелем снизилась ввиду внутреннего кризиса и последующего распада СССР. Во многих странах были закрыты дипломатические представительства за исключением компании «Зарубежгеология» в Нигере по разведки урана.

Возобновление отношений началось с Россией после 19991 года, как с правопреемницей СССР, в 2000-е года с возобновления дипломатических контактов, экономику, поставу оружия в Мали и Чад, а также в сфере добычи ресурсов.

Россия активно начала возвращаться через экономическое русло. В 2009 году был списан долг Чаду взамен на доступ к нефти, в этом же году с Нигером была подписана «Ядерная сделка», в рамках которой Росатом получил доступ к урановым рудникам. Однако, в данный период Россия уже утратила свои прежние позиции, из-за отсутствия свободные ниши были заняты Китаем, США и странами ЕС, с которыми теперь России сложно конкурировать.

С 2010-х годов по настоящее время Россия наращивает свое присутствия непосредственно путем военно-технического взаимодействия: поставки вооружения и присутствие ЧВК «Вагнер», что способствует решению ряда ключевых проблем региона, в первую очередь – терроризм и организованная преступность [3; 4].

Отдельной стратегией России, которой необходимо уделить внимание, является поддержка военных хунт. После 2010 года во многих странах Сахеля были совершены военные перевороты, которые были обусловлены ростом террористических образований (ИГИЛ, Джихамаат Нусрат аль-Ислам валь-Муслимин и др), недовольством властей и населения присутствием Франции, а также экономической обстановкой в странах Сахеля.

Россия поддерживала военные хунты по ряду причин: во-первых, это способствует укреплению влияния в Африке, во-вторых, поможет вытеснить основных конкурентов – США и Францию, а также предоставляет доступ к ресурсам, в-третьих, создание опорных пунктов – переговоры об открытии военных баз.

Переходя к конкретным примерам, стоит отметить ситуацию в Мали, развернувшуюся в 2020-2024 годах. После военного переворота 2020 года и свержения президента Кейты, Россия начала активно оказывать содействие второй хунте во главе с полковником Ассими Гоита через обучение армии Мали и оказание содействия группой ЧВК «Вагнер» в борьбе с джихадистами, поставки оружия и пропаганду, и критику Франции (RT France), в результате чего Франция в 2022 году вывела войска из страны по требованию правительства, которое в свою очередь разорвала договор с ЕС от 2024 года.

Можно обозначить механизмы поддержки России военных сахельских хунт: информационная пропаганда «борьба с неоколониализмом» через RT/Sputnik, визиты делегаций, списание долгов или реструктуризация долга.

Тем самым Россия закрепляется в Сахеле, но это зависит от успеха борьбы с террористическими группировками и способностью хунт удерживать власть и дальнейшая их политика. Для хунт также российская поддержка способствует укреплению их власти через получение оружия и сопровождение пропагандой. Однако нельзя не отметить рост насилия в странах из-за деятельности и методов ЧВК и местной армии, санкции как последствие изоляция (ЭКОВАС, ввод санкций США против нигерского урана).

Переходя к истории взаимодействия Франции со странами Сахеля, стоит отметить, что данный регион является и являлся зоной стратегических интересов республики с колониальных времен.

В колониальный период Франция активно создавала колонии в Сахеле: Французский Судан, Верхняя Вольта (сегодня – Буркина-Фасо), Нигер и Чад, которые являлись частью Французской Западной и Экваториальной Африки. Колонизация региона завершилась к 1920 году и характеризовалась прямой администрацией через губернаторов, экономической эксплуатацией: например, строительство железной дороги Дакар-Нигер в 1923 году, принудительный труд в Чаде на хлопковых плантациях и другие, а также имело место и военное подавление сопротивления, к примеру, в 1917 году в Нигере в результате подавления восстания туарегов было подавлено до 20 тыс. человек с потерями.

После провозглашения независимости в 1960-х годах, Париж сохранял свое присутствие в трех сферах: заключение военных соглашений (с Мали 1961 года «О сотрудничестве в области обороны», Нигере 1977 и Чадом 1986 и открытие военных баз в Сенегале, Чаде и Кот-д’Ивуаре), отличительной чертой политики Франции является проведение военных операций. В данный период проводилась операция «Эпервье» в Чаде в 1968-1987 года против Фролина, в Мали 1968 голу Франция поддержала переворот Муссы Траоре против социализма, а также стоит отметить экономическую зависимость стран, которая выражалась через контроль над ключевыми ресурсами: Компания Areva (Orano) осуществляла контроль над 75% добычи урана в Нигере и привязку франка CFA к евро, что обеспечивало гарантию конвертируемости французского казначейства, накладывало обязательства хранить половину валютных резервов в банках Франции (BNP, Societe Generale).

Колониальное господство Франции пошатнулось с окончанием Холодной войны, в связи с чем Франция сократила военной присутствие в 8 тыс. до 3 тыс. человек, была утрачена монополия на ресурсы по причине появление новых партнеров в регионе, в данный период начала устанавливаться экономическая монополия Китая, предпосылками чему послужили, и уход России из региона, и ослабление бывших метрополий, что позволило Поднебесной занять свободные ниши.

В данным период начался рост антифранцузских настроений: массовые протесты в Мали и Нигере в 1994 году, которые были вызваны решением о девальвации франка CFA 50 % без согласования с африканскими партнерами, что

привело к инфляции в странах Сахеля, снижению покупательской способности, по данным отчета МВФ в Мали зарплаты упали на 35% [5]. В долгосрочной перспективе, сформировалось движение «Африканское сопротивление франку CFA» в 1995 году.

Последней каплей в крахе влияния Франции стала неудачная операция «Бархан» 2013-2024 годы. Можно выделить некоторые причины неудач данной миссии: во-первых, ставка на точечные ликвидации, вместо контроля над территориями, недооценка этнического фактора, ярким примером является сотрудничество с президентом Мали И. Б. Кейтой, что усилило недовольство туарегов, во-вторых, культурная дистанция или колониальный имидж, которые выражался в отказах передачи тяжелой техники малийским военным, в-третьих, сотрудничество с коррумпированными местными элитами. В результате, в связи с растущим недовольством населения и военных хунт политикой Франции и ее неэффективности, Париж начал вывод войск из региона, в 2024 году контингент был выведен [6].

В результате французская политика может быть охарактеризована как типичная политика неоколониализма, а перспективы восстановления влияния остаются достаточно туманными, что безусловно создаёт вакуум безопасности, чем пользуются другие акторы – Россия, джихадисткие группировки, Китай, Турция, ОАЭ и другие.

На основе проведенного исторического анализа можно сопоставит подходы России и Франции с методами обеспечения безопасности. Для начала стоит отметить, что Россия использует гибкие методы: развертывание ЧВК, сделки, поддержка военных хунт, в то время как Франция заключает формальные соглашения, строит военные базы и проводит интеграцию в западную систему безопасности. Для большей наглядности, предлагаем обратиться к таблице 1 [7].

Таблица 1

Сравнение методов безопасности

	Юридические основы	Военное присутствие	Экономическая составляющая	Эффективность и результаты	Последствия для региона
Россия	Рамочные договоры (О военном сотрудничестве с Нигером 2021 г.), – поддержка военных хунт (Мали 2021, Нигер 2023), – отсутствие публичной	ЧВК «Вагнер», Африканский корпус МО РФ: – Мали – около 2 тыс. наемников, Буркина-Фасо около 200 военных инструкторов; Заключает точечные контракты: охрана	Бартерные сделки «ресурсы на оружие»: 2021-2023 Мали передала России до 20 тонн золота за услуги ЧВК; Поддержка как официальных	Тактические успехи: удержание городов в Мали; рост потерь среди местных жителей; развитие сотрудничества с Нигером и Мали, доступ к урану и золоту;	Быстрое развертыва-ние; гибридность; эскалация насилия; дестабилиза-ция

	отчетности по ЧВК «Вагнер».	рудников в Нигере и Мали; поддержка военных хунт; ведение параллельной антизападной пропаганды.	властей, так и военных хунт.	улучшение ситуации в некоторых города, например Бамако, но не в сельских районах	
Франция	Детальные соглашения (Оборонное соглашение с Мали 2014 г.), официальные мандаты, парламентс-кий контроль (одобрение операции «Бархан»)	Постоянные базы: Ниамей в Нигере, Нджамена в Чаде, интегра-ция с ЕС: совместные миссии EUCAP Sahel, Takuba; Масштабные операции («Сервал» и «Бархан»); сотрудничество с G5 Sahel, поддержка местных армий.	Прямое финансирова ние из бюджета, сохранение франка CFA; Игнорирова-ние местных реалий; Поддержка «законных» правительств	Борьба с отрядами джихадистов рост атак в Сахеле; потеря влияния в 3 странах (Мали, Буркина-Фасо, Нигер)	Соблюдение договоров, предсказуе-мость; подготовка местных кадров; «неоколо-ниализм»; привязка к павшим режимам

Кроме того, можно наглядно продемонстрировать военную помощь в виде поставок оружия и военной техники за 2020-2025 годы на основе данных сайта SIPRI (см. таблица 2,3) [8].

Таблица 2

Данные по поставке ЭВМ оружия и техники России в страны Сахеля

Россия	Мали	Буркина-Фасо	Нигер
2020	Су-25 (1 шт.), Ми-35М (4 шт.), Ми-17 (2 шт.)	Ми-17 (2 шт.)	Ми-17 (2 шт.)
2021	Ми-17 (4 шт.)		
2022	Су-25 (1 шт.), П-12 (1 шт.), 59Н6 Противник-ГЕ (1 шт.), Ми-17 (2 шт.), Ми-8Т (1 шт.), Ми-24П (3 шт.), Л-39С Альбатрос (6 шт.), СУ-25 (1 шт.), П-12 (1 шт.), 59Н6 Противник-ГЕ (1шт.),		
2023	Л-39С Альбатрос (5 шт.), Су-25 (1 шт.), Ми-8Т (2 шт.).		
2024	Ан-28 (1 шт.)		

Таблица 3

Данные по поставкам орудия и техники Франции в страны Сахеле

Франция	Мали	Буркина-Фасо	Чад	Мавритания	Нигер
2020	Bastion APS (13 шт.),	Bastion APS (6 шт.),	Bastion APS (7 шт.),		
2021			ERC-90 (12 шт.), vehicle engine (2 шт.)	ERC-90 (18 шт.)	
2022					VAB-VTT (2 шт.)

Исходя из всего вышеизложенного, стоит предположить, что Россия будет продолжать укреплять свое влияние посредством развертывания ЧВК и Африканского корпуса, поддержки военных хунт в Мали, Нигере и Буркина-Фасо. Военно-техническое сотрудничество будет только расширяться через заключение двусторонних соглашений по доступу к портам и строительству военных баз. В среднесрочной перспективе, Россия закрепиться в странах под властью военных хунт, расширит свое влияние на Чад и северные регионы Нигерии. Однако не стоит забывать об опыте Франции, которая не смогла должным образом обеспечить безопасность, в результате чего ее влияние было ослаблено, что может ждать и Россию в случае отсутствия результатов [9].

Франция в свою очередь для сохранения своего влияния будет концентрироваться на косвенных методах, к которым можно отнести взаимодействие с региональными организациями, такие как ECOWAS, и выстраивании сотрудничества с соседними государствами, например, с Алжиром и Марокко, Кот-д’Ивуаром, Сенегалом, где все еще сильны про французские настроения. Кроме того, стоит предположить, Франция будет делать ставку на развитие зеленой энергетики, цифровизации и других невоенных инициативах.

Стоит предположить, что конкуренция между Москвой и Парижем будет только усиливаться не только на континенте, но и в других регионах мира. Во-первых, в Центральной Африке, которая традиционно являлась зоной влияния Франции, и где сейчас Россия расширяет свое присутствие посредством ЧВК, Африканского корпуса и поставок оружия, установила контроль над добычей золота и алмазов. Можно предположить, что Франция пойдет на усиление давления через ООН или местные организации по обвинению России в нарушении прав человека.

Кроме Африки, стоит предположить, что конкуренция между странами разворачивается и будет усиливаться в других регионах. Ярким примером является Ближний Восток и Северная Африка. Две ключевые страны геополитического противостояния – Ливия и Сирия.

Разногласия в Ливии строятся вокруг поддержки двух противоборствующих групп: Россия поддерживает маршала Хафтара, Франция – Правительство национальной армии (ПНЕ). Конкуренция и усиление позиций России в Сахеле может подтолкнуть Францию к более активной поддержке ПНЕ в том числе за счет поставок оружия. Более того, нельзя исключить и возможность прямого столкновения российских ЧВК и французских спецподразделений.

Подводя итог, мы можем констатировать, что противоречия и соперничество России и Франции в Сахеле набирает все большие обороты, более того, это может стать катализатором противостояния России и Франции в других регионах, включая Африку, Ближний Восток, Арктику и АТР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Andrew Stanley. African Centuty// International Monetary Fund: Finance and development magazine. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2023/09/PT-african-century (дата обращения: 22.05.2025).

2. Frontex, Европейское агентство пограничной и береговой охраны: официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.frontex.europa.eu/(дата обращения: 18.05. 2025).

3. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Мали о военно-техническом сотрудничестве// МИД РФ: официальный сайт. – 2025. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46227/ (дата обращения: 22.05. 2025).

4. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Буркина-Фасо: МИД РФ: официальный сайт. – 2025. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45888/ (дата обращения: 22.05. 2025).

5. Архивы Банка Франции по решениям 1994 года// the Banque de France: an official website. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.banque-france.fr/en (дата обращения: 22.05. 2025).

6. Opération Barkhane: Bilan et enseignements. Отчёт о ходе операции «Бархан»// Министерство обороны Франции. – 2023. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.defense.gouv.fr/ (дата обращения: 22.05. 2025).

7. Соглашения о сотрудничестве с Mali (2014), Niger (2017), Chad (2021)// Сайт МИД Франции: официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/en/ (дата обращения: 24.05. 2025).

Cour des Comptes. (2023). Les coûts des opérations extérieures françaises en Afrique// COUR DES COMPTES – CHAMBRE DU CONTENTIEUX. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jufi/id/JUFITEXT000048493153?init=true&page=1&query=&searchField=ALL&tab_selection=jufi (дата обращения: 22.05. 2025).

8. Stockholm International Peace Research Institute: SIPRI Arms Transfers Database. – [Электронный ресурс] . – URL: https://www.sipri.org/databases/armstransfers (дата обращения: 22.05. 2025).

9. Ana Aguilera. Commentary: “The Sahel: A New Arena for Geopolitical Competition”// Navi Research Institute. – [Электронный ресурс]. – URL: https://nato-veterans.org/commentary-the-sahel-a-new-arena-for-geopolitical-competition/ (дата обращения: 22.05. 2025).

УДК 341.24

АСПЕКТЫ МИГРАЦИОННОГО КОНФЛИКТА МЕЖДУ США И МЕКСИКОЙ

ASPECTS OF MIGRATION CONFLICT BETWEEN USA AND MEXICO

А. Л. Хомякова,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
A. L. Khomyakova,
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: aenastasiiaa@gmail.com

Научный руководитель:
Маркушина Н. Ю.
nat-markushina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию конфликта между США и Мексикой по проблемам миграционных процессов, их истокам и решениям. Тема миграции волнует людей с тех пор, когда люди стали менять место своего пребывания по климатическим, экономическим, социальным, геополитическим причинам, в поисках безопасного, комфортного, места жительства. В настоящее время внимание к этой проблеме значительно выросло в связи с нехваткой продовольствия и водных ресурсов, ухудшением условий жизни населения стран Африки и Южной Америки, с одной стороны, и финансово-экономическим благополучием жителей Центральной Европы и США – с другой, что определяет актуальность рассматриваемой тематики.

Abstract. The article deals with the study of the conflict between the USA and Mexico on migration processes, their origins and solutions. Migration has appeared since the time immemorial, when people began to change their place of residence due to climatic, economic and social reasons, in search of a safe, comfortable, protected place of residence. The relevance of the discussed topic is determined by the severe living conditions of the population in modern Africa and South America, on the one hand, and the financial and economic well-being of the inhabitants of Central Europe and the United States, on the other.

Ключевые слова: МИГРАЦИЯ, КОНЦЕПТ, НАРКОТРАФИК, КРМИНИНОГЕННОСТЬ, БЕЗРАБОТИЦА, ДИСКУРС

Key words: MIGRATION, CONCEPT, NARCOTRAFIC, CRIMINOGENICITY, UNEMPLOYMENT, DISCOURSE

Анализ оценки миграционных процессов в рамках политического медиа-дискурса страны донора и страны-реципиента, а именно Мексики и США, изучение их мотивированности, а также используемых инструментов давления свидетельствуют об актуальности рассматриваемых вопросов. В первые десятилетия XXI века проблемы миграции вошли в кризисную фазу и были связаны с именем канцлера А. Меркель, которая проводила политику миграционной толерантности. В 2015-2016 году в ФРГ как в самую богатую страну Европы хлынул миграционный поток, который превысил миллион

человек. По времени это совпало с геополитическими и финансово-экономическими кризисами в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки, причинами которых были вооружённые конфликты, безработица, голод, болезни, наркотики и криминализация общества, что в 2015-2016 году с благословения А. Меркель, спровоцировало миграционный кризис, повлияв на экономику и внутриполитическую ситуацию в ФРГ и Европе, в целом.

Для западного полушария, а именно, для США миграционные процессы сыграли особую роль. Соединенные Штаты Америки образовались в результате объединения 13 британских колоний, чему предшествовал долгий процесс колонизации континента после 1600 года, когда испанцы и французы построили небольшие поселения во Флориде, вдоль Миссисипи и вдоль Мексиканского залива, а к 1770 году население британских колоний вдоль атлантического побережья составляло 2.5 миллионов человек. Таким образом, нельзя не согласиться с известным положением о том, что исторически США — это страна мигрантов. В настоящее время основными миграционными донорами США являются испаноговорящие граждане Мексики, Кубы, Пуэрто-Рико, Венесуэлы, Сальвадора. Проблема миграции активно обсуждается в трудах зарубежных и отечественных специалистов по международным отношениям, которые в своих работах пытаются определить истоки и причины современной миграции, ее влияние на экономическое развитие страны реципиента, на криминализацию общества, на такие экзистенциально и социально значимые сферы его жизнеустройства, как образование, медицинское обслуживание, безработица, предлагая пути решения и возможности предотвращения международных миграционных потоков [1, 2].

В новейшей истории США основным миграционным донором в США выступает Мексика, с которой исторически США тесно взаимодействовали несмотря на то, что история США насчитывает 250 лет, а Мексики — несколько тысячелетий. Развитие сельского хозяйства около 9 тысяч лек назад привело к появлению на ее территории больших городов, государства майи и империи ацтеков. Трехсотлетняя Колонизация Мексики испанцами в XVI веке завершилось освободительной войной, и после получения независимости от Испании, США и Мексиканская республика установили дипломатические отношения. В 1836 году в результате войны за независимость Техас вышел из состава Мексики, в 1845 был аннексирован США и по итогам Американо-мексиканской войны признан территорией США. Позднее США приобрели у Мексики другие территории, окончательно сформировав границу.

Говоря об экономических отношениях Мексики и США, следует подчеркнуть, что США всегда являлись одним из крупнейших торговых партнеров Мексики. В 1992 году США, Мексика и Канада подписали Североамериканское соглашение о свободной торговле (NAFTA), направленное на устранение барьеров в торговле и инвестициях. В 2013 году с целью создания новых рабочих мест и содействия взаимному экономическому росту президенты США и Мексики договорились о создании Экономического диалога высокого уровня (HLED), что позволило увеличить прямые инвестиции США в Мексику. В 2016 году США и Мексика вошли в число 12 стран, которые подписали

Договор о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), который предусматривал сокращение или отмену большинства таможенных пошлин на товары и услуги. Однако в период первого президентства Трампа в 2017 году, США вышли из ТТП, что свидетельствовало об охлаждении их экономического партнерства. Не последнюю роль в этом играли неконтролируемые миграционные процессы. Известно, что более 50% из 11 млн нелегальных иммигрантов, проживающих на территории США, прибыли именно из Мексики, а расходы США на охрану границы с Мексикой в 2005–2016 годах достигли $132 млрд. Бывший президент США Барак Обама, как позднее Джо Байден и Камала Харрис, акцентируя внимание на безопасности границ, поддерживал либеральную иммиграционную политику, не без оснований считая, что иммиграция является для США важным стимулом экономического роста [3; 4].

Дональд Трамп, который всегда более жестко подходил к вопросу миграционных потоков, для их остановки был намерен за счет своего южного соседа возвести на границе стену, об ошибочности строительстве которой в свое время говорил Папа Римский, подчеркивая, что тот, кто строит стены, в конечном итоге оказывается узником стен, напомнив, сколько страданий принесла стена, возведенная в Берлине [5]. Владимир Давыдов, директор Института Латинской Америки РАН отмечает, что, если господин Трамп воплотит в жизнь свои идеи в отношении Мексики, то это ей грозит экономическими и социальными ухудшениями и может привести к серьезному кризису в Мексике [6]. Трамп фактически приостановил действие закона США о предоставлении убежища до тех пор, пока не прекратится то, что он назвал «вторжением на южной границе». Он также приказал федеральным агентствам «отгонять, репатриировать или удалять» мигрантов, пересекающих границу.

Несмотря на то, что миграционный вопрос обсуждался в американском политическом дискурсе в период первого президенства Д. Трампа (2017-2021 гг.), его предвыборной кампании 2024 года и после инаугурации, эта тема продолжает оставаться для него актуальной. В настоящее время в США транслируется постепенное урегулирование проблем, связанных с мигрантами за счет жесткой экономической политики Д. Трампа, а также его диалога с президентом Мексики, К. Шейнбуам. Американские СМИ уделяют большое внимание введению новых институциональных баз, законов, которые вводятся для последующей депортации нелегальных мигрантов. Испанские СМИ, как, например, el país, RTVE, передают истории отдельных людей, пострадавших от американских санкций. Сравнивая дискурсивное пространство президентов обеих стран, следует отметить, что, если у К. Шейнбаум, у которой выборы на пост президента прошли в июне 2024 года, миграция и мигранты не входили в стратегию и тактику воздействия на аудиторию, то Д. Трамп активно использовал тему миграционной политики и сопровождающих ее проблем, к которым традиционно относят наркоторговлю, общую криминализацию общества, безработицу, образование, медицинское обслуживание, отношения между представителями разных наций и культур в рамках оппозиции «Свой–Чужой» [7, 8].

Для исследования специфики миграционных процессов, влияющих на условия жизни в Мексике и в Америке, предполагается провести анализ

содержания и структуры концепта МИГРАЦИЯ и таких связанных с ним субконцептов, как ПРЕСТУПНОСТЬ, НАРКОТИКИ, ТРУДОУСТРОЙСТВО, ОБРАЗОВАНИЕ с учетом их оценки в политическом дискурсе [9]. На первом этапе анализа рассмотрим содержание и структуру концепта MIGRATION с точки зрения его репрезентации в выступлениях Д. Трампа и губернатора пограничного с Мексикой штата Техас:

(1). And I will send troops to the southern border to repel ***the disastrous invasion*** *of our country. Under the orders I sign today, we will also be designating the cartels* ***as foreign terrorist organizations****. And by invoking the* ***Alien Enemies Act*** *of 1798, I will direct…****to eliminate*** *the presence of all* ***foreign gangs*** *and* ***criminal networks*** *bringing* ***devastating crime*** *to U.S. soil.*

[И я отправлю войска на южную границу, чтобы отразить ***катастрофическое вторжение*** *в нашу страну. В соответствии с приказами, которые я подпишу сегодня, мы также объявим картели* ***иностранными террористическими организациями****. И, ссылаясь на Закон о* ***врагах-иностранцах*** *от 1798 года, я дам указание…****ликвидировать*** *присутствие всех* ***иностранных банд*** *и* ***преступных сетей****, приносящих* ***ужасающую преступность*** *на территорию США]*.

В примере (1) Д. Трамп прибегают к использованию в языке негативного образа мигрантов из Мексики и Латинской Америки, делая акцент на их криминогенной деятельности, способствуя формированию стереотипа о мигрантах как о преступниках. Так, например, в своей инаугурационной речи, говоря об отношениях между Мексикой и США, он использует слова «вторжение» или «враждебная сила», подчеркивая угрозу со стороны мигрантов.

В декабре 2024 года губернатор Техаса Грег Эбботт объявил о запуске рекламной кампании на билбордах в Мексике и Центральной Америке на испанском, арабском, китайском и русском языках, направленной на предупреждение о рисках нелегальной миграции в Техас с целью категорично остановить мигрантов в начале их пути, информируя их о возможных последствиях нелегального пересечения границы, о чем говорит пример (2):

(2). «*Your wife and daughter will pay for the trip with their bodies. Coyotes lie.* ***Don't put your family at risk****» «Остановись. Если вы пересечете границу Техаса нелегально,* ***вы попадете в тюрьму****»*

[Ваши жена и дочь заплатят за поездку своими телами. Койоты лгут. Не подвергайте свою семью риску» «Остановись. Если вы пересечете границу Техаса нелегально, ***вы попадете в тюрьму****.]*

В следующем примере присутствует негативная оценка действий Д. Трампа, который намеревается активно проводить в США антимигрантскую кампанию:

(3). The Trump administration is waging ***a concerted pressure*** *campaign against* ***undocumented immigrants*** *— as well as hundreds of thousands here legally whose status it is trying to revoke. The measures threaten to* ***make daily life more untenable for millions*** *as President Donald Trump aims to carry out the immigrant purging, he promised during his campaign.*

[Администрация Трампа ведет ***согласованную кампанию давления*** *на* ***нелегальных иммигрантов****, а также на сотни тысяч людей, находящихся здесь*

на законных основаниях, чей статус она (администрация) пытается лишить. Эти меры угрожают ***сделать повседневную жизнь миллионов людей еще более невыносимой****, поскольку президент Дональд Трамп намерен провести чистку от иммигрантов, которую он обещал во время своей предвыборной кампании.]*

В данном примере американские СМИ дают двойственную оценку политики Трампа, акцентируя внимание на том, что новые меры лидера США лишь ухудшают условия жизни мигрантов, из чего следует, что границу с США нельзя пересекать во избежание эскалации миграционного конфликта.

На следующем этапе анализа рассмотрим репрезентацию в политическом дискурсе субконцептов, которые соотносятся с основным концептом МИГРАЦИЯ и обозначают понятия, представляющие наибольшую опасность для населения страны донора, в данном случае речь идет о распространении **наркотиков**, которое Д. Трамп обсуждал с президентом Мексики:

(4a). «We also talked about what can be done to stop the ***massive drug inflow into the United States****, and also, U.S.* ***consumption of these drugs»****. »It was a very productive conversation!»*

["Мы также обсудили, что можно сделать, чтобы остановить ***массовый приток наркотиков в Соединенные Штаты****, а также* ***потребление этих наркотиков*** *в США". "Это был очень продуктивный разговор!"]*

Трамп говорит об продуктивной беседе с К.Шейнбаум, предметом которой была остановка наркотрафика из Мексики и о том, как его можно остановить в пределах США. В ходе проведенного анализа было проведено сравнение американских и мексиканских СМИ с точки зрения их отношения к мигрантам и к борьбе с наркотиками:

(4b). Su estrategia central ha sido amenazar con imponer aranceles para presionar a México, así como a Canadá, exigiéndoles que ***refuercen la seguridad en la frontera y frenen la migración ilegal y el tráfico de drogas.***

[Его (Трампа) основная стратегия заключалась в том, чтобы угрожать введением тарифов, чтобы оказать давление на Мексику, а также на Канаду, требуя от них ***усилить безопасность границ и пресечь незаконную миграцию и торговлю наркотиками****].*

Как показывает анализ, в мексиканских СМИ даже в контексте борьбы с наркотиками авторы публикации основное внимание уделяют агрессивной тарифной политике Трампа и его давлению на Мексику и Канаду, которые должны, судя по его риторике, самостоятельно обезопасить границы, ограничить миграцию и остановить наркоторговлю.

Следующим понятием, которое тесно связано с миграцией и наркоторговлей является **преступность**, как важный субконцепт в структуре концепта МИГРАЦИЯ. Рассмотрим пример из выступления Д. Трампа, в котором он дает жесткую оценку криминализации общества, как результата миграционных процессов, с которыми он намерен бороться:

(5a) It (The number of illegal immigrants) is much higher because of them, they allowed ***criminals****, many many millions of criminals, they allowed* ***terrorists****, they allowed* ***common street criminals****, they allowed people to come in… And we have a*

*new form of crime – **migrant crime** happening at levels that no one thought was possible (2024 presidential debate).*

*[Число нелегальных иммигрантов намного больше из-за них, они допустили **преступников**, миллионы преступников, они допустили **террористов**, они допустили **обычных уличных преступников**, они позволили людям въезжать в страну… И у нас есть новая форма преступности – **преступность мигрантов**, которая достигает таких масштабов, о которых никто не думал, что это возможно]*

В данном примере мы видим, как Трамп во время предвыборных дебатов обвиняет оппонентов в резком росте преступности, однако, не приводя конкретных примеров, как о преступниках он говорит обо всех мигрантах. Мексиканские СМИ, в свою очередь, призывают США к координации действий в борьбе с наркоторговлей и связанной с ней преступностью:

(5b) "Se acordaron una serie de acciones coordinadas orientadas a fortalecer el combate al crimen organizado en ambos lados de la frontera, con el objetivo central de disminuir las muertes en ambos países por consumo de fentanilo ilegal y por uso de armas de fuego traficadas ilegalmente".

*[Мы договорились о ряде скоординированных действий: **борьба с преступностью, организованной на обоих берегах границы**, с главной целью – сократить число погибших в обеих странах в результате **незаконного использования огнестрельного оружия**»].*

Таким образом, Мексика призывает к скоординированным действиям в разрешении вопросов, связанных с преступностью на границе со Штатами, незаконной переправкой через границу и продажей оружия.

Одним из наиболее важных вопросов, связанных с миграционной политикой государства, является проблема **трудоустройства и безработицы**. По своему содержанию данные субконцепты органично входят в структуру концепта МИГРАЦИЯ и со временем не теряют своей значимости, ни для населения страны донора, ни для реципиента:

*(6a) The recession and enhanced border enforcement are factors that may explain the decrease in apprehensions of unauthorized immigrants in the United States. But if **diminished job prospects** in the United States have kept would-be immigrants in Mexico, **employment worries haven't increased the number** of Mexican migrants leaving the United States, the study found.*

*[Экономический спад и усиление пограничного контроля являются факторами, которые могут объяснить снижение числа случаев задержания нелегальных иммигрантов в Соединенных Штатах. Но если **снижение перспектив трудоустройства** в Соединенных Штатах удержало потенциальных иммигрантов в Мексике, то **проблемы с трудоустройством не привели к увеличению числа мексиканских мигрантов**, покидающих Соединенные Штаты, показало исследование].*

Следует отметить, что факт снижения ***возможностей устройства на работу*** в США никак не повлиял на решение мигрантов покинуть Америку, однако он заставил задуматься тех, кто планировал туда переехать ради получения высокой заработной платы. Для Мексики потеря рабочих рук имеет

ярко выраженную отрицательную коннотацию, особенно, если речь идет о людях с высшим образованием:

(6b) «Mexicanosmigran a EU por ***mejores salarios****,* ***no por falta de oportunidades****». Carlos Serrano también afirma que* ***el principal motivo de la migración*** *mexicana a Estados Unidos es* ***la oferta laboral*** *y* ***salarial*** *más* ***atractiva****, no necesariamente la falta de oportunidades en México.*

[«Мексиканцы мигрируют в США ***из-за повышения заработной платы****, а* ***не из – за отсутствия возможностей****». Карлос Серрано также утверждает,* ***что основной причиной миграции*** *мексиканцев в Соединенные Штаты является* ***более привлекательное предложение работы и заработной платы****, не обязательно отсутствие возможностей в Мексике]*.

Как свидетельствует пример, несмотря на все возможности найти работу в Мексике, мигранты продолжают покидать страну, рассчитывая получить большую зарплату в США, и как следствие, улучшить качество жизни.

Вопрос трудоустройства непосредственно связан с уровнем **образования**, которое получил соискатель, поэтому неудивительно стремление мексиканцев предоставить своим детям возможность обучаться в американских школах, что вызывает отрицательную реакцию со стороны американского руководства. В этой связи в американских СМИ речь идет о борьбе с предоставлением детям мексиканских мигрантов мест в школах, т. е. об отрицательном отношении к образованию на волне борьбы с миграцией. Рассмотрим, каким образом субконцепт ОБРАЗОВАНИЕ репрезентирован в англоязычных и испаноязычных СМИ:

(7a) As President Donald Trump cracks down on ***immigrants*** *in the U.S. illegally, some families* ***are wondering if it is safe to send their children to schoo****l. In many districts, educators have sought to reassure immigrant parents that schools are safe places for their kids, despite the president's campaign pledge to carry out mass deportations. But fears intensified for some when* ***the Trump administration announced*** *Tuesday it would* ***allow*** *federal immigration agencies* ***to make arrests at schools****, churches and hospitals, ending a policy that had been in effect since 2011.*

[Поскольку президент Дональд Трамп борется с ***нелегальными иммигрантами*** *в США, некоторые семьи* ***задаются вопросом, безопасно ли отправлять своих детей в школу****. Во многих округах педагоги пытались убедить родителей-иммигрантов в том, что школы являются безопасными местами для их детей, несмотря на предвыборное обещание президента проводить массовые депортации. Но* ***опасения некоторых усилились, когда администрация Трампа объявила*** *во вторник, что разрешит федеральным иммиграционным агентствам* ***проводить аресты в школах****, церквях и больницах, положив конец политике, действовавшей с 2011 года]*.

С одной стороны, население, проживающее в США, имеет равные права на получение образования, но, с другой стороны, дети мигрантов все чаще остаются дома из-за страха родителей быть депортированными.

(7b) **Sueldos de los mexicanos** en Estados Unidos son **'castigados'** por tener menos estudios».

*[****Мексиканцы*** *в Соединенных Штатах «****наказаны****» за то, что их образование хуже»]*.

Речь идет о том, что мексиканцы с неполным или невысоким уровнем образования сталкиваются с низкой заработной платой. Вместе с тем, как говорит мировая практика, именно образование является ключом к социальной мобильности, а отсутствие возможностей предоставить детям хорошее образование, удовлетворить естественные потребности в достойном уровне жизни способствует росту миграции населения Мексики в США.

Завершая проведенное исследование, можно заключить, что этнокультурный концепт МИГРАЦИЯ имеет сложную структуру, объединив субконцепты (НАРКОТОРГОВЛЯ, ПРЕСТУПНОСТЬ, РАБОТА, ОБРАЗОВАНИЕ), которые связаны между собой не только семантическими, но и причинно-следственными отношениями. Характер взаимодействия мигрантов и коренного населения можно охарактеризовать как соответствующие оппозиции «Свой-Чужой/Я-Другой», которые являются следствием репрезентации обозначенных выше понятий. Как показывает проведенный анализ миграционного дискурса, отношение руководства страны-донора и страны-реципиента к миграционному процессу нельзя назвать одинаковым, хотя обе стороны, обеспокоенные сложившимся положением и готовы ему противодействовать. Можно предположить, что миграционная ситуация имеет много общего в разных странах мира и для решения этой проблемы необходимы совместные усилия, направленные на упорядочивание социально-этнических, финансово-экономических условий жизни населения, его мобильности, которые были бы закреплены в законодательной системе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кудеярова Н.Ю. Европа – Латинская Америка: миграционные процессы на новом витке глобализации // Латинская Америка. – 2018. – № 5. – С. 45-58.

2. Domínguez J.I., Fernández de Castro R. Contemporary U.S.-Latin American Relations. – New York: Routledge, 2010. – 272 p.

3. Obama B. A Promised Land. – New York: Crown, 2020. – 768 p.

4. Biden J. Promise Me, Dad: A Year of Hope, Hardship and Purpose. – New York: Flatiron Books, 2017. – 272 p.

5. Папа Римский назвал стену на границе США и Мексики «величайшей жестокостью». URL: https://ria.ru/20190529/1555045672.html (дата обращения 19.04.2025)

6. Давыдов В.М. Повестка развития латиноамериканских стран на сегодня и завтра // Латинская Америка. – 2016. – № 6. – С. 6-18.

7. Баранов А.Н. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики. – М.: Фонд ИНДЕМ, 2004.

8. Гайкова О.В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации: автореф. канд. филол. наук. – Волгоград, 2003. – 20 с.

9. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: антология / под ред. В.Н. Нерознака. – М., 1997. – С. 28-37.

10. Официальное выступление (White House) The Inaugural Address // The White House. URL: https://www.whitehouse.gov/remarks/2025/01/the-inaugural-address/ (дата обращения: 19.04.2025).

11. Smith J. Texas billboards target Gov. Abbott over illegal immigration stance // Fox 4 News. – URL: https://www.fox4news.com/news/texas-billboards-abbott-illegal-immigration (дата обращения: 19.04.2025).

12. Gamboa S. Trump officials are using federal agencies to make life in U.S. untenable for immigrants, advocates say // NBC News. – URL: https://www.nbcnews.com/news/latino/trump-officials-are-using-federal-agencies-make-life-us-untenable-undo-rcna201365 (дата обращения: 19.04.2025).

13. Johnson M. Trump says Mexico's president has agreed to stop migrants from crossing the US border illegally // New York Post. – URL: https://nypost.com/2024/11/27/us-news/trump-says-mexicos-president-has-agreed-to-stop-migrants-from-crossing-the-us-border-illegally/ (дата обращения: 19.04.2025).

14. Rodríguez P.México y Estados Unidos: ¿Cómo están sus vínculos tras años de tensiones? // CNN en Español. – URL: https://cnnespanol.cnn.com/2025/03/03/eeuu/mexico-estados-unidos-vinculos-analisis-orix (дата обращения: 20.04.2025).

15. Harris K., Trump D. Presidential debate transcript //ABC News. – URL: https://abcnews.go.com/Politics/harris-trump-presidential-debate-transcript/story?id=113560542 (дата обращения: 20.04.2025).

16. Méndez L. México y EEUU acuerdan acciones coordinadas en seguridad// CNN en Español. – URL: https://cnnespanol.cnn.com/2025/02/27/mexico/mexico-eeuu-acuerdan-acciones-coordinadas-seguridad-orix (дата обращения: 20.04.2025).

17. Gorman A. Mexican immigrants in U.S. send less money home // CNN. – URL: https://edition.cnn.com/2009/WORLD/americas/07/22/mexico.immigrants/ (дата обращения: 20.04.2025).

18. Gómez R. Mexicanos migran a EU por mejores salarios, no por falta de oportunidades // La Jornada. – URL: https://www.jornada.com.mx/noticia/2024/12/03/economia/mexicanos-migran-a-eu-por-mejores-salarios-no-por-falta-de-oportunidades-9013 (дата обращения: 22.04.2025).

19. Spagat E. Trump administration ICE raids target schools, activists say // AP News. – URL: https://apnews.com/article/trump-immigration-ice-raids-school-2d899678264f44fe1021847ee385fd15 (дата обращения: 22.04.2025)

20. Hernández M. Sueldo de mexicanos en Estados Unidos sigue siendo bajo pese a estudios // URL: https://expansion.mx/economia/2024/12/09/sueldo-mexicanos-estados-unidos-bajos-estudios (дата обращения: 22.04.2025).

РАЗДЕЛ II. МИРОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ

УКД 341.24

ВЛИЯНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА РОЛЬ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ В XXI ВЕКЕ

THE INFLUENCE OF INTEGRATION PROCESSES ON THE ROLE OF THE EAST ASIAN REGION IN THE GLOBAL ECONOMY IN THE 21ST CENTURY

А. А. Арзуманян,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
A. A. Arzumanian,
St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: arzumanian_ari@mail.ru

Аннотация. В XXI веке Восточная Азия выступает в роли одного из ключевых центров глобального экономического развития. Ключевые страны рассматриваемого региона — в первую очередь Китай, Япония и Республика Корея — демонстрируют активное участие в региональных и трансрегиональных интеграционных проектах, таких как АСЕАН+3 и Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП). Данная статья посвящена комплексному анализу влияния указанных государств на формирование новой архитектуры мировой экономики, в условиях растущей взаимозависимости. Рассматриваются экономические интересы и стратегические приоритеты каждой страны, особенности их взаимодействия с партнерами в регионе, а также роли внешнеэкономических инициатив — включая «Один пояс — один путь» и FOIP — на процессы интеграции. Особое внимание уделено тому, как конкуренция и координация между странами «большой тройки» формируют комплексную систему регионального сотрудничества. На основе изученных материалов делается вывод о растущем влиянии Восточной Азии на трансформацию глобального экономического порядка, а также о перспективах дальнейшего укрепления её позиций в международной системе.

Abstract. In the 21st century, East Asia has emerged as one of the key centers of global economic development. The region’s major economies — particularly China, Japan, and the Republic of Korea — are actively engaged in both regional and transregional integration initiatives, such as ASEAN+3 and the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP). This article provides a comprehensive analysis of the influence these countries exert on shaping a new architecture of the global economy in an era of increasing interdependence. It explores the economic interests and strategic priorities of each country, the dynamics of their cooperation with regional partners, and the role of external economic strategies — including the Belt and Road Initiative and the Free and Open Indo-Pacific (FOIP) concept — in advancing integration processes. Special attention is paid to how competition and coordination among the “Big Three” contribute to the development of a complex system of regional cooperation. Based on the

examined material, the article concludes that East Asia is playing an increasingly significant role in the transformation of the global economic order and is poised to further strengthen its position within the international system.

Ключевые слова: МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА, РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ, АСЕАН+3, ВРЭП, КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА, ЯПОНИЯ, РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ, ТРАНСРЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ, АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН

Key words: GLOBAL ECONOMY, REGIONAL INTEGRATION, ASEAN+3, RCEP, PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA, JAPAN, REPUBLIC OF KOREA, TRANSREGIONAL INITIATIVES, ASIA-PACIFIC REGION

В условиях глобализации мировой экономики и усиления регионального экономического сотрудничества, страны Восточной Азии, в особенности КНР, Япония и Республика Корея, играют всё более значимую роль в системе международных экономических отношений. Их участие в региональных интеграционных объединениях и развитие трансрегиональных экономических связей существенно влияют на конфигурацию мировой экономики и определяют характер взаимодействия между странами региона.

АСЕАН+3 состоит из десяти государств-членов АСЕАН, а также включает в себя страны «большой тройки» — КНР, Японию и Республику Корея. Современный процесс сотрудничества в АРТ начался в декабре 1997 года и с тех пор стал основным средством продвижения долгосрочной цели — создания Восточноазиатского сообщества с АСЕАН в качестве движущей силы [1]. Для стран «тройки» данный формат представляет значительный интерес, поскольку открывает доступ к растущим рынкам и ресурсам АСЕАН, а также создает институциональную основу для продвижения собственных региональных инициатив.

Правительство КНР рассматривает АСЕАН+3 как важный механизм укрепления своего экономического и политического влияния в Юго-Восточной Азии. Экономическое и торговое взаимодействие между Китаем и странами АСЕАН демонстрирует устойчивую положительную динамику. В период с 2010 по 2023 год объем взаимной торговли заметно вырос, а Китай утвердился в статусе ключевого экономического партнёра АСЕАН. Уже три года подряд обе стороны сохраняют позиции крупнейших торговых партнёров друг для друга. По итогам 2022 года общий объём товарооборота между Китаем и АСЕАН превысил 970 миллиардов долларов США. Пекин активно использует данный формат для продвижения собственных инициатив, о чем в том числе свидетельствует лозунг двадцатого ЭКСПО Китай-АСЕАН: «Общее будущее через совместное созидание и гармонию — продвижение высококачественного развития инициативы “Один пояс — один путь” и формирование новой точки роста». Сама выставка служит важнейшей площадкой для укрепления партнерства между обеими сторонами, а также для стимулирования региональной экономической интеграции [2].

Для Японии АСЕАН+3 является инструментом сохранения экономического влияния в регионе в условиях растущей конкуренции со стороны Китая. Исторически страна восходящего солнца выступала крупнейшим инвестором и донором для стран АСЕАН. Согласно отчету JETRO о глобальной торговле и

инвестициях, общий объем прямых иностранных инвестиций в регион АСЕАН составил более 220 миллиардов долларов США в 2022 году [3]. Японские компании активно интегрируются в региональные производственные сети, размещая в странах ассоциации трудоемкие производства и используя преимущества более низких издержек на рабочую силу.

В рамках АСЕАН+3 Япония продвигает концепцию «качественной инфраструктуры», которая отличается низкими издержками на эксплуатацию, безопасностью, устойчивостью перед стихийными бедствиями. Она противопоставляется китайским инфраструктурным проектам, ориентированным преимущественно на скорость и масштаб строительства [4].

Республика Корея, имея меньшие экономические возможности по сравнению с Китаем и Японией, тем не менее активно использует формат АСЕАН+3 для диверсификации своих внешнеэкономических связей и снижения зависимости от китайского и американского рынков. «Новая Южная политика», объявленная в 2017 году президентом, Мун Чжэ Ином, ставила перед собой задачи на углубление связей в глобальной и региональной среде; в частности, внешнеполитическая стратегия была направлена на работу с АСЕАН. Согласно данным за 2023 год, объем двусторонней торговли между Республикой Корея и государствами-членами АСЕАН достиг 187,1 млрд долларов США, что свидетельствует о высокой степени экономической взаимозависимости сторон. Южнокорейские компании, такие как Samsung, LG и Hyundai, активно размещают производственные мощности в странах АСЕАН, формируя региональные цепочки создания стоимости [5].

Одним из ключевых достижений сотрудничества в формате АСЕАН+3 является формирование устойчивого механизма финансовой взаимопомощи, направленного на повышение экономической стабильности в регионе. Центральным элементом этого механизма выступает Многосторонняя инициатива по валютным свопам — Chiang Mai Initiative Multilateralization (CMIM), представляющая собой систему соглашений между государствами Восточной Азии, призванную предотвращать и смягчать последствия финансовых кризисов. Совокупный объем доступных ресурсов в рамках механизма составляет около 240 млрд долларов США, где на долю Китая, Японии и Республики Корея приходится около 80% общего объема финансирования. Это подчеркивает их стратегическое значение в вопросах региональной финансовой устойчивости и координации антикризисных мер.

Формат АСЕАН+3 служит инструментом углубления экономической интеграции Китая, Японии и Республики Корея в глобальные производственно-финансовые цепочки, одновременно укрепляя их позиции в системе глобального экономического управления. Значимость данного процесса возрастает в условиях трансформации мировой экономической архитектуры, сопровождающейся изменением баланса экономической мощи и смещением центра глобального роста в сторону Азии. Таким образом, АСЕАН+3 не только способствует укреплению региональной координации, но и выступает важным каналом влияния Восточной Азии на формирование новых правил глобального экономического порядка.

Заключение в ноябре 2020 года соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), в рамках которого было объединено 15 стран Азиатско-Тихоокеанского региона, включая Китай, Японию, Республику Корея, а также десять государств-членов АСЕАН, стало знаковым событием в процессе экономической интеграции Восточной Азии. Соглашение ознаменовало собой создание крупнейшей в мире зоны свободной торговли, охватывающей около 30% глобального валового внутреннего продукта и аналогичную долю мирового населения [6].

Для таких экономик, как Китай и Япония, участие во ВРЭП открывает значительные перспективы. Япония получает возможность усилить свои позиции на региональных рынках за счёт увеличения товарооборота, в то время как Китай, в дополнение к укреплению торговых связей, получает доступ к инвестициям и передовым технологиям, что особенно актуально в условиях необходимости ускоренной модернизации экономики. По предварительным оценкам Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), реализация положений ВРЭП в долгосрочной перспективе может привести к увеличению объема торговли между странами-участницами примерно на 40 млрд долларов США, что эквивалентно приблизительно 2% мировой торговли [7].

Республика Корея, обладая ярко выраженной экспортно-ориентированной моделью развития, также рассматривает участие во ВРЭП как стратегически важный шаг. По расчетам Корейского института международной экономической политики (KIEP), снижение тарифных барьеров в рамках соглашения может способствовать росту ВВП страны в диапазоне от 0,41% до 0,62%, в зависимости от степени адаптации внутренней экономики. Около половины общего объема корейского экспорта направляется в страны-участницы ВРЭП. При этом 25% приходится на Китай, а остальная часть – преимущественно на страны АСЕАН и Японию, доля которых составляет 17% и 5% соответственно [8].

В более широком контексте ВРЭП представляет собой попытку систематизировать процесс диверсификации производственных и торговых цепочек в Азиатско-Тихоокеанском регионе, формируя стабильный и упорядоченный торгово-экономический блок. В отличие от предшествующих десятилетий, когда торговые потоки стран региона преимущественно ориентировались на рынки Европейского союза и Северной Америки, современная архитектура взаимодействия всё в большей степени сосредоточена на внутригрупповой кооперации в рамках АТР. ВРЭП способствует преодолению институциональных барьеров интеграции посредством внедрения единых стандартов, упрощения регуляторных процедур, расширения доступа к национальным рынкам и гармонизации норм, что, в свою очередь, создаёт благоприятную среду для активизации торгово-инвестиционной активности и ускорения экономического роста.

Таким образом, ВРЭП представляет собой не просто соглашение о свободной торговле, а важнейший институциональный механизм, способствующий углублению региональной интеграции, перераспределению производственных мощностей, формированию внутрирегиональных цепочек добавленной стоимости и привлечению инвестиций. Эти процессы, в

совокупности, могут привести к значительным структурным изменениям в экономиках стран-участниц и укреплению их позиций в глобальной системе международной торговли [9].

Помимо участия в Региональном всеобъемлющем экономическом партнерстве страны «большой тройки» активно вовлечены в реализацию и других региональных и трансрегиональных экономических стратегий, а также интеграционных проектов. Эти инициативы, зачастую имеющие пересекающиеся цели, отражают стремление стран укрепить свои экономические и геополитические позиции не только в Азии, но и за её пределами.

Китай с начала 2010-х годов активно продвигает стратегию «Один пояс – один путь» (ОПОП), официально представленную председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 году. Данная инициатива, охватывающая более 140 стран на нескольких континентах, направлена на развитие инфраструктурных, транспортных, энергетических и цифровых связей между странами Евразии, Африки, Латинской Америки и даже Европы.

Геоэкономическая логика ОПОП заключается не только в укреплении торговых и инвестиционных связей Китая с развивающимися странами, но и в создании альтернативной архитектуры международного экономического взаимодействия, менее зависимой от существующих западных институтов, таких как Всемирный банк или Международный валютный фонд.

Япония, в свою очередь, в последние годы активно продвигает концепцию «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (Free and Open Indo-Pacific, FOIP). Впервые эта стратегия была официально озвучена премьер-министром Синдзо Абэ в 2016 году, и с тех пор она стала важным элементом японской внешнеэкономической и внешнеполитической повестки. FOIP основывается на идее обеспечения свободного судоходства, открытых рынков и верховенства международного права, в первую очередь в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, что делает её важным элементом стратегии сдерживания растущего влияния Китая.

Республика Корея, несмотря на более ограниченные ресурсы и геополитические амбиции по сравнению с Китаем и Японией, также активно разрабатывает собственные региональные стратегии. В 2017 году администрацией президента Мун Чжэ Ина были инициированы две внешнеэкономические концепции: «Новая северная политика» и «Новая южная политика». Первая из них направлена на развитие сотрудничества с Россией, странами Центральной Азии и, в перспективе, с КНДР, в целях создания совместных инфраструктурных проектов, энергетических коридоров и транспортных связей. Вторая политика акцентирует внимание на расширении экономического взаимодействия с странами АСЕАН и Индией, предполагая углубление сотрудничества в сфере торговли, инвестиций, технологий и культурного обмена [10].

Обе стратегии представляют собой попытку диверсифицировать внешнеэкономические связи страны и снизить зависимость от традиционных партнёров — Китая и Соединённых Штатов, с которыми Сеул имеет тесные, но порой уязвимые торгово-экономические и политические отношения. Эти

инициативы направлены на усиление автономности Республики Корея в условиях растущей глобальной конкуренции и нестабильности международной обстановки.

Следует подчеркнуть, что степень вовлеченности трёх стран в региональные и трансрегиональные интеграционные форматы существенно различается. Китай и Япония, как правило, выступают в роли инициаторов и ключевых игроков в продвижении масштабных экономических проектов, формируя повестку интеграции в АТР. В то же время Республика Корея чаще занимает позицию «посредника» или «стратегического балансировщика», стремясь адаптировать свою внешнеэкономическую политику к постоянно меняющимся условиям, варьируя степень участия в тех или иных инициативах с учётом национальных интересов, региональных альянсов и глобальных тенденций.

Таким образом, конкуренция и координация между указанными странами в рамках различных экономических инициатив отражают сложную структуру региональной интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где экономические приоритеты тесно переплетены с геополитическими интересами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ASEAN Plus Three. Официальный сайт – URL: https://aseanplusthree.asean.org (дата обращения: 05.04.2025).

2. Очередная пресс-конференция официального представителя МИД КНР Мао Нин (14 сентября 2023 г.) – URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/mtfw/ce_cegw_chn/lxjzhzhdh/202309/t20230917_11144174.html (дата обращения: 05.04.2025).

3. JETRO. Global Trade and Investment Report 2023 – Токио: Japan External Trade Organization (JETRO), 2023. – С. 14. – URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/white_paper/trade_invest_2023_rev2.pdf (дата обращения: 05.04.2025).

4. Partnership for Quality Infrastructure // Ministry of Foreign Affairs of Japan – URL: https://www.mofa.go.jp/files/000117998.pdf (дата обращения: 05.04.2025)

5. Министерство иностранных дел Республики Корея. Экономические отношения с АСЕАН – URL: https://www.mofa.go.kr/eng/wpge/m_5466/contents.do (дата обращения: 05.04.2025).

6. Милеев Д. А. Роль Японии в Восточноазиатском центре мировой экономики // Восточная аналитика. – 2022. – С. 13.

7. Влияние ВРЭП на торгово-экономические связи КНР и Японии // Научный результат. Экономические исследования. – 2022. – Т. 8, № 2. – С. 252.

8. Ferrier K., Joo S. What Will RCEP Mean for South Korea? // The Peninsula. – 2020. – 23 ноября. – URL: https://keia.org/the-peninsula/what-will-rcep-mean-for-south-korea/ (дата обращения: 05.04.2025).

9. Кавасаки К. Относительная значимость экономических партнерств в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Journal of Asian Economics. – 2015. – Т. 39. – С. 19–30.

10. Министерство иностранных дел Республики Корея. Economic Relations with ASEAN – URL: https://www.mofa.go.kr/eng/wpge/m_5466/contents.do (дата обращения: 05.04.2025).

УДК 327

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕМАРКАЦИИ И ДЕЛИМИТАЦИИ ГРАНИЦ ВО ФРАНКОФОННЫХ ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ ЗАПАДНОЙ АФРИКИ

CONSEQUENCES OG DEMARCATION AND DELIMITATION OF BORDERS IN FREANCOPHONE POST-COLONIAL OF WEST AFRICA

Р. И. Астров,
Санкт-Петербургский Государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
R. I. Astrov,
Saint Petersburg State University,
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: st109615@student.spbu.ru

Аннотация. В настоящей статье предпринята попытка осознать последствия деколонизационных процессов (важнейшим из которых является демаркация и делимитация границ по принципу uti possidetis) на территории Французской Западной Африки. Для осуществления поставленной цели, автором была изучена специфика антиколониальных процессов и настроений в регионе, а также последствия этих процессов, различимые в двадцать первом столетии.

Abstract. The present article attempts to realize the consequences of decolonization processes (the most important of which is the demarcation and delimitation of borders according to the principle uti possidetis) on the territory of French West Africa. To achieve this goal, the author has studied the specifics of anti-colonial processes and attitudes in the region, as well as aftermaths of these processes, visible in the 21st century.

Ключевые слова: ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ, КОЛОНИЯ, ФРАНЦУЗСКАЯ ЗАПАДАНАЯ АФРИКА, ДЕМАКРАЦИЯ, ДЕМИЛИТАЦИЯ

Key words: DECILINIZATION, COLONY, FRENCH WEST AFRICA, DEMARCATION, DELIMITATION

Политические процессы, которые начались во Французской Западной Африке (как, впрочем, и на всем континенте) в середине прошлого столетия оказывают существенное влияние на геополитику не только региональную, но и на мировую. В последние годы все больше крупных мировых держав включаются в борьбу за влияние на страны Французской Западной Африки. Управленческая и экономическая неэффективность французских колониальных администраций по сравнению с администрациями других колониальных держав (Британская Империи, Германской Империи, Бельгии), управлявшими территориями в Западной Африке, стала плохим подспорьем для независимых государств, возникавших на бывших территориях Франции. Вместе с социоэтническими, внешнеполитическими и внутриполитическими проблемами большинства стран Французской Западной Африки, это создало особые геополитические условия в регионе. Главным “спусковым крючком” для всех этих процессов стала деколонизация.

Цель настоящего исследования заключается в оценке влияния демаркации и делимитации границ на территории Французской Западной Африки на постколониальные политические и социоэтнические отношения и события региона.

Для достижения обозначенной цели автором были поставлены следующие задачи:

1. Рассмотреть процессы деколонизации на территории Французской Западной Африки

2. Обозначить районы, которые являлись или являются наибольшими точками как военно-политического, так и социоэтнического напряжения в регионе.

Деколонизация. Народный вопрос. Говоря о деколонизации Западной Африки, (включая Французскую Западную Африку) так и Африки в целом, стоит упомянуть, что главной причиной, сделавшей этот процесс возможным, стала 2-я Мировая война. В 1930–1940-е годы экономические и инфраструктурные возможности Западной Африки существенно выросли в силу необходимости обеспечения на раннем этапе войны и незадолго до нее – метрополии, а после капитуляции Франции в 1940 году – самих себя. Боевые действия во Вторую Мировую велись в основном в Северной и Северо-Восточной Африке. Французские же владения на территории Западной Африки были затронуты менее активным противостоянием режима Виши и сторонников “Свободной Франции” Шарля де Голля. Нарушение мировых торговых связей и системы власти по линии “метрополия-администрация”, а также повышение мировых цен на продовольствие неизбежно привели к интенсификации “внутриафриканской” торговли между колониями Союзников. Многие колониальные администрации установили тесные связи с США. В Западной Африке расцвет переживает легкая и обрабатывающая промышленность, работавшая на военные нужды Союзников. Увеличивается процент городского населения, проживающий в деревнях (хотя и до сих пор в большинстве стран региона уровень урбанизации составляет около 40 %) [1].

Все эти новые явления, наравне с относительно мирным существованием региона в то время, когда практически в каждой точке земного шара происходили ожесточенные сражения, не могли не повлиять на общественные тенденции и настроения в регионе. Африканцы, опираясь на подписанную лидерами США и Великобритании в 1941 Атлантическую хартию, вполне оправданно ожидали ее выполнения. В ней говорилось в основном о праве народа на самоопределение. В 1944 году во время конференции в Браззавиле делегатам, выбранным представлять народы колониальных владений Франции в Западной Африке, обещали проведение после войны демократических реформ, создание представительных органов и дозволения африканцам принимать участие в избирательном процессе.

Многие из этих обещаний были сделаны на пике популярности антифашистских и антирасистских настроений в мире, очевидных в контексте 2-й Мировой войны. Резко усилившиеся антиимпериалистические, антиколониальные настроения были близки теперь не только молодой

западноафриканской интеллектуальной элите, но и широким массам населения региона. Это сыграло огромную роль в эскалации процессов деколонизации после Второй мировой. Однако, непосредственно Вторая Мировая война слабо изменила политическую карту Африки. Подмандатные территории Лиги Наций в Западной Африке были переданы ООН тем же державам, что владели ими до этого [2]. Но в экономике н социальной структуре африканских стран произошли важные сдвиги.

После войны метрополии особенно остро нуждались в некоторых видах сырьевых и продовольственных ресурсов из африканских стран. Усиленной эксплуатацией колоний метрополии стремились восполнить материальные потери, понесенные в ходе войны. После Второй Мировой обострилось противостояние за Африку, как между странами Западного мира, так и между капиталистическим и нарождающимся социалистическим лагерем. Появляется значительное количество новых политических партий и культурно-просветительских организаций. Самой крупной из них была партия Демократического Объединения Африки, возникшая и функционировавшая на огромном пространстве французских владений в Африке южнее Сахары – от Сенегала до Сомали.

Вторая половина 1950-х годов стала временем жесткого противостояния колониальным режимам со стороны африканского населения при поддержке тех стран (в основном коммунистического лагеря), в чьих интересах было ослабление влияния колониальных режимов. Победы антиколониальных движений в Азии, а также первые бреши в колониальной системе в Африке, появившиеся после обретения независимости сначала Ганой в 1957, а затем Гвинее в октябре 1958, привели к росту популярности и возможностей сил антиколониальной борьбы.

Африканские организации, основанные местным населением, начали собирать собственные форумы и конференции для обсуждения важных проблем и вопросов. “От одной конференции к другой выявлялось стремление к все более активным методам борьбы. Если на I Конференции народов Африки (1945 г.) многие делегаты настаивали на тактике ненасилия как единственно приемлемой, то II Конференция, состоявшаяся в Тунисе в конце января 1960 года (знаменитого года Африки), рекомендовала сформировать корпус добровольцев для оказания помощи Алжиру и сражающимся народам других стран” [3].

Колонии получали независимость стремительно, в исторически короткие сроки. Большинство африканских государств обрели свободу менее чем за десятилетие, в период с 1957 по 1965 годы [4]. Но по-настоящему великим годом для Африки и процессов деколонизации как на ее территории, так и по всему свету стал 1960 [5]. В этот год на политической карте континента появилось 17 суверенных государств. Впоследствии в историографии, африканистике и геополитике укоренится термин “Год Африки”. Следует упомянуть те западноафриканские государства с французским колониальным прошлым, которые получили независимость и суверенные границы в тот судьбоносный для континента год. Первыми бывшими французскими владениями в регионе, получившими независимость, стали Нигер и Берег Слоновой Кости (ныне Кот Д’Ивуар).

Нигер стал суверенными государством 3 августа, а Берег Слоновой Кости – 7-го. В августе свою независимость провозгласила Федерация Мали. Однако вскоре из ее состава вышел Сенегал, так же заявивший о своей независимости. Французский Судан, под названием Республика Мали, провозгласил свою независимость. Панафриканские настроения и деятельность по сплочению новообразованных постколониальных государств были воплощены на новой многосторонней площадке сотрудничества африканских государств – ОАЕ (Организация африканского единства, в 2002 году переименована в Африканский Союз). Она была основана 25 мая 1963 года, и на тот момент ее участниками были все независимые африканские государства, кроме сохранявшего режим “апартеида” ЮАР. Однако, именно появление на континенте суверенных государств с определенными границами добавило остроты межплеменным культурным и политическим конфликтам и противоречиям.

Границы колониальных владений, сложившиеся в ходе активного процесса колонизации не учитывали таких факторов, как пределы государств, существовавших на захваченной, зачастую разными колониальными державами территории, ни, что более важно, границы проживания и этнокультурные особенности народов и племен, которые населяли эти земли задолго до прихода колонистов. Крупные племена и народы оказались разделены не только административными границами колониальных территорий, но и часто находились во владении разных европейских метрополий. “Так, земли хауса очутились в руках Англии в Нигерии и Франции в Нигере; земли конго – в руках Бельгии в Бельгийском Конго и Франции в Экваториальной Африке; земли народа две – в руках Германии в Того и Англии в Гане, Франции в Дагомее...” [3].

В особенности французские колониальные администрации даже не пытались интегрировать систему управления территориями, которая досталась им в наследство, а также не обращали практически никакого внимания на культурные особенности народов, живущих на их территориях, крайне радикально и активно продвигая среди местного “туземного” населения единственную, по их мнению, культуру, достойную упоминания – свою собственную.

«Поскольку владеете» Первые последствия независимости. Практически повсеместно бывшие колониальные территории, становясь государствами во второй половине XX века, получали границы согласно принципу, позаимствованному из римской юридической практики – uti possidetis (лат. поскольку владеете). Этот принцип, сложившийся в мировой политике, означал достаточно простую вещь – новые государства, ранее бывшие в зависимости или бывшие административной единицей других государств, получают ту же территорию, что имели ранее.

Таким образом, старые административные границы становятся границами международными. Во многом именно с внедрением этого принципа (его утверждение связано с проведением в 1964 в Каире форума ОАЕ, на котором была принята Резолюция 16(1) в которой закреплялось, что государства-участники берут на себя обязательства уважать колониальные границы, существовавшие до достижения ими национальной независимости [6]) и

применением его относительно административных границ колоний и межгосударственных границ новообразованных государств, не сопоставляясь с ареалами проживаниями племен и народов, их культурными особенностями и межплеменными отношениями.

С применением данного принципа связаны многие, если не большинство, территориальных споров и этнических конфликтов в постколониальной Африке. И особенно сильно это влияет на и без того сложную этническую обстановку Французской Западной Африки, Западной Африки в целом. К примеру, граница Нигерии и Камеруна разрезает ареалы расселения 14 племен, а границы Буркина-Фасо с соседями – 21 [7]. Проведенные таким образом границы нередко вызывают пограничные споры и конфликты, а в регионе обстановка может быть дополнительно ухудшена (в политическом смысле) неожиданным обнаружением полезных ресурсов на оспариваемой территории. Одним из известных примеров такого спора, в итоге разрешенного по принципу uti possidetis- пограничный конфликт Мали и Буркина-Фасо в 1985 году [8]. Он разгорелся из-за северной части провинции Удалан, не демаркированной вовремя получение государствами независимости. Область оказалась богата минеральными ресурсами (золото), поэтому каждая из сторон стремилась заполучить ее в свое распоряжение.

Противостояние, которое началось стычкой пограничников двух стран в 1974 г., достигло кульминации с началом боевых действий и “Рождественского наступления” ВС Мали в 1985г., после попытки властями Буркина-Фасо провести перепись в области, вошло в историю как Агашерская война [8]. В итоге в новом 1986 году дело было передано в Международный суд ООН, где спорную область размером почти 3000 квадратных километров поделили пополам. Суд заявил, что в ходе решения руководствовался принципом uti possidetis, которое, по их мнению, вытекает из норм международного права в целом, а значит может применяться в любом случае, когда имеет место отделение бывших административных областей от той или иной страны, а также в ходе распада суверенного государства.

На заре тысячелетия. В целом, Африка видела немало войн и вооруженных конфликтов со времен приобретения независимости большинством государств континента. На заре нового тысячелетия количество вызовов, вставших на пути к развитию и процветанию постколониальных государств Французской Западной Африки, только увеличивалось. Замороженные некогда конфликты вновь переходили в горячую фазу, новая угроза в лице роста активности глобального терроризма также очень серьезно затронули как Западную Африку, так и весь континент в целом.

Один из самых ярких примеров напряженности и нестабильности в регионе в XXI веке, ситуация в котором также осложнена этническими конфликтами и созданием “серых зон ответственности” на пограничье в период делимитации [9] – ситуация в районе “трех границ” Мали, Буркина-Фасо и Нигера. Этот регион стал ареной конфликта, связанного с деятельностью вооруженных групп, включая исламистские экстремистские организации, такие как «Аль-Каида в исламском Магрибе» (АКИМ), «Группировка поддержки ислама и мусульман» (ГСИМ) и «Исламское государство в Великой Сахаре»

(ИГВС). Указанные группы используют сложную геополитическую обстановку, характеризующуюся слабыми государственными институтами, коррупцией и крайней нищетой населения, для расширения своего влияния и вербовки новых сторонников. Для региона характерны частые террористические атаки, похищения и нападения на мирное население, военные и представителей международных организаций. Это вызывает значительные миграционные потоки и обострение гуманитарной ситуации в уже и так уязвимых районах. Наряду с исламистскими группировками, в регионе также действуют преступные сети, занимающиеся контрабандой, торговлей оружием и наркотиками, что способствует усилению насилия и незаконных действий. Помимо этого, ситуация обостряется противостоянием правительственных сил Мали с радикально настроенными туарегами-исламистами из группировки "Ансар-ад-Дин", аффилированной с Аль-Каидой, на севере страны, где ранее существовало непризнанное государство Азавад, после утраты контроля, над которым туареги заявили о необходимости предоставления региону автономии на этнических основаниях.

Во Французской Западной Африке в конце XX – начале XXI веков также частым явлением были мятежи военной элиты и других внутригосударственных политических групп, которые нередко приводили к гражданским войнам (Кот-д'Ивуар) [10] и обстановка в нем в начале 2010-х годов является тому ярчайшим примером). Международное сообщество, в лице ряда организаций – ООН, ЕС, Африканского союза и Группы пяти сахельских стран (G5 Сахель), предпринимает усилия по стабилизации ситуации в районе трех границ.

Важную роль в этом процессе играла французская операция "Бархан" [11], ставшая продолжением операции "Сервал", которую ВС Франции проводили в регионе с 2013 года. Однако 4 июня 2021 года, после произошедшего в Бамако военного переворота, правительство Франции прекратило военное сотрудничество с властями государствами и заявила о планах вывода контингента вооруженных сил с территории страны. Франция начала вывод войск 17 февраля 2022 года, при этом военный режим, временно управляющий страной попросил ускорить вывод войск в соответствии двухсторонних договоров между странами. Уже 15 августа 2022 г. французские войска полностью покинули Мали, а в ноябре того же года президент Пятой Республики Эммануэль Макрон заявил о прекращении операции "Бархан" на территории Сахеля [12]. Чуть позже он же заявил об окончании "эпохи французской Африки" [13]. А область "трех границ" остаётся источником споров, конфликтов и нестабильности в рассматриваемом регионе.

Демаркация и делимитация по принципу uti possidetis. Pro et contra. Демаркация, и последовавшая за ней делимитация с использованием принципа uti possidetis породила поводы и причины для будущих территориальных претензий африканских государств друг к другу, конфликтов на религиозной, этнической и ресурсной почвах, создала проблемы для использования естественных маршрутов местной сезонной трудовой миграции. Однако, принимая во внимание скорость падения колониальных администраций и стремительность политических процессов деколонизации в рассматриваемом регионе, территориальное

разграничение, согласованное с принципом uti possidetis, вероятно, выглядит предпочтительней, чем затянутый политический диалог о том, как именно стоит поделить территории между будущими государствами, что, вполне возможно, привело бы к еще большему хаосу на Африканском континенте.

Наиболее радикальные группировки сторонников деколонизации вряд ли бы стали смиренно дожидаться решения их “угнетателей”, и могли попытаться отбить у колониальных администраций территории, на которых проживал их народ или племя, с, казалось бы, благородной целью воссоединения национальности в рамках единого государства и превращение ее в нацию. Особенно сильны такие радикальные организации были на территории бывших французских колоний. При слабой исторической укорененности институтов национальных государств в Африке подобный вариант деколонизации имел очевидную перспективу тотальной и практически повсеместной межплеменной войны, то есть ситуации хуже любых из пограничных столкновений и гражданских войн, происходивших и к сожалению, происходящих по сей день как в Западной Африке, так и на континенте в целом. Выбор по вопросу демаркации и делимитации границ Франсафрики, да и большей части остальной Африки состоял из двух зол, и, по моему мнению, пал он на наименьшее из них.

Выводы. Процессы демаркации и делимитации границ в ходе раздела колониальных владений Франции (или иных европейских метрополий) оказали сильнейшее влияние на геополитическую, социальную, экономическую, социоэтническую обстановку в регионе. То, как был проведен раздел территорий между новообразованными государствами, (а проведен он был по уже не раз упомянутому выше негласному политическому принципу uti possidetis) создало целую плеяду проблем разного рода в государствах Французской Западной Африки (и не только там, схожий принцип применялся и при развале СССР, пусть и не был озвучен), и все же, он был и остается наиболее предположительным вариантом из возможных на тот момент.

С ростом доступности информации в XXI-м веке напряжение между разными религиозными и этническими группами лишь растет, а проникшие в регион СМИ (как местные, так и иностранные агенты влияния) подливают масла в огонь, политизируя зачастую малообразованное и бедное население и настраивая их в согласовании с собственными или спонсорскими интересами. Параллельно с этим, Французская Западная Африка остается важной геополитической и экономической (с точки зрения запасов природных ресурсов и рабочей силы) точкой, в борьбу за влияние над которой включается все больше держав. Проведенная в 1960-х демаркация и делимитация границ государств Французской Западной Африки навсегда изменила политический образ региона. В XXI веке обладатель наибольшего влияния на эту группу государств может изменить политический образ всего мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Файншмидт Р.И. Динамика урбанизации в Западной Африке в 1950–2010 годах: проект «Африкаполис» [URL]: https://globalcentre.hse.ru/nletter7.9 (дата обращения 17.04.2025).

2. United Nations. (n.d.). Office for West Africa and the Sahel| https://unowas.unmissions.org (дата обращения 23.04.2025).

3. Балезин А.С., Горшков В.Н. История Тропической и Южной Африки 1918-1988. – № 1. – М.: Наука, 1989.

4. Емельянов А.Л. Постколониальная история Африки южнее Сахары. – № 1. – М.: МГИМО-Университет – 2012.

5. Давидсон А.Б. Африка и отечественные историки. К 50-летию «Года Африки» // Новая и новейшая история. – 2010. – № 1. – С. 43–54.

6. Картаполов И.В. Кейта Мамаду. Разрешение международных споров в современном международном праве: на примере территориального спора между Республикой Мали и Республикой Буркина-Фасо: автореф. дис. канд. юр. наук наук: М., 2011. – 25 с.

7. Камеруно-нигерийская комиссия- United Nations Office for West Africa. URL: http://unowa/unmisssions.org (дата обращения 22.04.2025).

8. Gino J. Naldi Case concerning the Frontier Dispute between Burkina Faso and Mali: Provisional Measures of Protection // The International and Comparative Law Quarterly Vol. 35, No. 4 (Oct., 1986). – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – С. 970-975.

9. Burkina Faso and Niger settle border dispute, Durham University IBRU // durham.ac.uk [URL]: https://www.durham.ac.uk/research/institutes-and-centres/ibru-borders-research/?itemno (дата обращения – 17.04.2025).

10. Денисова Т.С. Мятеж военнослужащих в Кот-д'Ивуаре: причины и последствия // Институт Африки РАН. – 2017. [URL]: https://www.inafran.ru/node/1314 (дата обращения 23.04.2025).

11. Чихачев А.Ю., Бирон Ю.С. – Французская операция «Бархан»: Pro et Contra // Мировая политика. – 2018. – № 4. – С. 56–66. [URL]: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28394 (дата обращения 23.04.2025).

12. Макрон заявил о завершении операции «Бархан" в Сахеле. [URL]: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16282069 (дата обращения 23.04.2025).

13.Макрон заявил об окончании «эпохи французской Африки". [URL]: https://www.rbc.ru/politics/02/03/2023/6400cb699a79477d02064f24 (дата обращения 23.04.2025).

УДК 327

МЕЖДУНАРОДНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

INTERNATIONAL REGULATION IN THE FIELD OF INFORMATION SECURITY

К. К. Бурим,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)
K. K. Burim,
State Institute Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: 380254@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу международного регулирования в области информационной безопасности, а именно деятельности такой международной организации как ОДКБ и специализированного учреждения при ООН – МСЭ по обеспечению стабильности и сохранности информационной среды, рассмотрены подходы по решению проблемы киберпреступности. Особое внимание уделено взаимодействию государств и международных организаций в вопросах обеспечения безопасности информационного пространства, а также различным правовым механизмам борьбы с киберугрозами, рассмотрены основные инициативы, соглашения и стандарты, направленные на защиту информации в условиях усиливающейся цифровизации. Также оценен уровень информационной безопасности в России и выявлены причины его изменения. Более того, анализируются причины малой эффективности всех применимых актов по обеспечению информационной безопасности. Статья подчеркивает важность унификации правовых норм и стандартов в данной области для эффективной борьбы с глобальными информационными угрозами.

Abstract. The article is devoted to the analysis of international regulation in the field of information, namely the activities of such international organization as the CSTO and the specialized agency under the UN – ITU to ensure the stability and security of the information environment, and approaches to solving the problem of cybercrime are considered. Particular attention is paid to the interaction of states and international organizations in matters of ensuring the security of the information space, as well as various legal mechanisms for combating cyber threats, the main initiatives, agreements and standards aimed at protecting information in the context of increasing digitalization are considered. The level of information security in Russia is also assessed and the reasons for its change are identified. Moreover, the reasons for the low efficiency of all applicable acts on ensuring information security are analyzed. The article emphasizes the importance of unifying legal norms and standards in this area for an effective fight against global information threats.

Ключевые слова ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, КИБЕРПРОСТРАНСТВО, ЗАЩИТА ДАННЫХ, ИНФОРМАЦИОННЫЕ УГРОЗЫ, КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ, КИБЕРАТАКА, МСЭ, ОДКБ

Key words INFORMATION SECURITY, CYBERSPACE, DATA PROTECTION, INFORMATION THREATS, CYBERCRIME, CYBER ATTACK, ITU, CSTO

Отправной точкой появления таких понятий как киберпространство и начало информационной эпохи стала вторая половина XX века, когда в 1969 году группа ученых из Калифорнии и Стэнфордского университета смогла установить связь и передачу данных между собой с одного компьютера на другой. Однако в действительности такие термины как зона киберпространства и эпоха компьютеризации начинают активно использоваться и исследоваться учеными именно в XXI веке. Мировой интерес к средствам массовой информации, публикации новостных повесток, онлайн-конференции, международное участие и политическое общение еще больше расширили информационную сеть и потребность в ней. На протяжении многих десятилетий методы сокрытия сообщений и безопасности данных значительно менялись: от создания первых шифров до единых стандартов цифровой защиты, специальных комитетов по информационной безопасности и целых организаций. Развитие информационных технологий и рост киберсреды значительно облегчает общение не только между людьми, но и между целыми государствами, вместе с этим увеличивая риск информационных угроз, особенно если речь идет о киберпространстве в политике и на международной арене, ведь это также вопрос доверия и сохранения стабильных отношений и социально-коммуникативной среды в гражданском обществе и между государствами [1, с. 210]. Поэтому требуется постоянное улучшение и обновление средств и подходов по защите данных. Информационная безопасность обеспечивает сохранность данных, защиту от внешнего вмешательства, и, так как речь идет о международном уровне, в данном контексте она играет значительную роль, а развитые меры по стабильности киберсреды снижают вероятность кражи государственных данных, стратегически важной информации, взлома бизнес – порталов.

На сегодняшний день проблема информационной безопасности стала одной из главных. Существует множество организаций, главной целью которых является предотвращение кибератак и налаживание всей системы информационной среды. Такие организации как ООН (Организация Объединенных Наций) и его отдельное специализированное учреждение МСЭ (Международный Союз Электросвязи), IMPACT (Международное Многостороннее партнерство по борьбе с киберугрозами), ОДКБ (Организация Договора о Коллективной Безопасности), СНГ (Содружество Независимых Государств) в данном вопросе являются ключевыми и активно работают над устранением различных информационных угроз.

Рассмотрим более детально деятельность ОДКБ и МСЭ. Организация договора о коллективной безопасности ежегодно разрабатывает ряд мер и стратегий в первую очередь по осуществлению коллективной безопасности стран участниц. Но также важной составляющей является разработка мер касательно сферы информационной безопасности. Страны-участницы выражают «озабоченность нарастанием угроз, связанных с использованием ИКТ в целях, не совместимых с задачами обеспечения международного мира, безопасности и стратегической стабильности...» [2]. Государства – члены ОДКБ направлены на постоянное совершенствование механизмов по предотвращению конфликтов, вызванных противоправным использованием информационно –

коммуникативных технологий. В 2025 году в Секретариате ОДКБ состоялось заседание представителей по подтверждению проведения операции «ПРОКСИ» в минувшем году. Так как состояние информационной среды все же остается уязвимым, было принято направить основные усилия государств на противодействие распространению информации, наносящей политический ущерб национальным интересам, о деятельности преступных группировок и призывах в них, об электронном мошенничестве [3].

Государства-члены всегда призывают к тесному взаимодействию и обмену практиками с другими государствами и международными организациями в области информационной безопасности. Примечательным является масштабное сотрудничество с такими организациями как ООН, МККК, ОБСЕ, ШОС, СНГ, МОМ. Взаимодействие с данными организациями, как на национальном, так и международном уровне включает в себя разработку стратегий по коллективной безопасности и стабильности на международной арене. В рамках сотрудничества проходят встречи глав государств или их представителей, различные конференции и переговоры. Например, в начале 2023 года состоялась масштабная встреча генерального секретаря ОДКБ с главами исполнительных органов СНГ, ЕЭК и союзного государства [4]. Были предложены возможные пути улучшения и дальнейшего продвижения сотрудничества, обсуждены меры коллективной безопасности в регионах. За достаточно короткий период было разработано действительно много способов и стратегий защиты информационных сетей от проникновения угроз, наносящих значительный вред политическим и иным интересам. Недавно новые стратегии на 2025 были разработаны именно ОДКБ.

Важным шагом в развитии стабильной информационной среды и продвижении деятельности ОДКБ стало принятие новых модельных законов в конце 2023 года, о чем заявил председатель парламентской ассамблеи ОДКБ Анатолий Выборный: «Новые технологии требуют новых подходов в системе безопасности. Нет такой сферы, куда бы не пришел интернет и онлайн-услуги – госуправление, бизнес-процессы, СМИ, объекты информационной инфраструктуры... Это с особой остротой обусловливает необходимость обеспечения высочайшего уровня безопасности в информационной среде и активизации борьбы с киберпреступностью» [5]. Принятие таких актов будет способствовать противодействию кибератакам на государственные органы и службы, объекты информационной инфраструктуры государств.

Международный Союз Электросвязи, как специализированное международное учреждение ООН, также предпринимает ряд мер по обеспечению информационной безопасности. Так, деятельность МСЭ охватывает ряд следующих вопросов – содействие развитию средств электросвязи в целях повышения их эффективности, разработка более широкого подхода для решения проблем электросвязи и информационной безопасности на глобальном международном уровне и помощь в защите информационной среды технически неразвитым странам. При МСЭ, аналогично с ОДКБ, проводятся частые встречи не только стран-участниц, но и их партнеров, чтобы решение вопросов коллективной безопасности принимало более широкий характер и охват. Отличительным является сотрудничество МСЭ с IMPACT по защите

информационной среды. Международное сотрудничество МСЭ – IMPACT предоставляет широкие возможности помощи по охране информационных сетей в особенности для тех стран, которые в достаточной степени не имеют те технические средства и ресурсы, которые необходимы для обеспечения полной информационной безопасности. Союзное объединение МСЭ – IMPACT также помогает технически развитым странам, предоставляя им данные о реальных и потенциальных угрозах в мировом киберпространстве [6, с. 49]. Более того, союзное объединение занимается подготовкой специалистов в области информационной безопасности.

Самым знаменательным в деятельности МСЭ является создание Глобальной программы безопасности, которая показывает уровень развития информационной безопасности каждой страны. Данные исследования определяются по пяти группам факторов, таким как организационные меры, технические меры, сценарии развития потенциала и механизмы международного сотрудничества. В 2024 году МСЭ представил новые результаты индексов информационной безопасности каждой страны. Рассматривая индекс информационной безопасности в Российской Федерации, важно отметить значительную разницу в показателях между 2020 и 2024 годами. Если в 2020 году данный индекс в России составлял 98,06 процентов, и Россия занимала лидирующее пятое место, в 2024 году этот индекс снизился. По данным МСЭ ранее Россия входила в число стран с высоким показателем, тогда как в настоящее время потеряла этот статус и в 2024 году находится во втором списке стран из пяти градаций [7].

Однако еще раз отметим, что уровень информационной конфиденциальности все же не поменялся, а наоборот – значительно снизился. Это может быть связано с рядом следующих факторов. Во-первых, с ростом кибератак и киберпреступности значительно снижается весь успех исполнения принятых мер по информационной безопасности, ведь сейчас наш мир компьютеризировался практически во всех сферах и, возможно, принятые меры до какой-то степени «не дотягивают» до того уровня, на котором действует сейчас вся киберпреступность. Во-вторых, как заявил старший вице-президент Ростелекома Игорь Ляпунов, «…падает качество подготовки специалистов по информационной безопасности» [7]. По его словам, сейчас на рынке труда прослеживается дефицит специалистов именно в среде информационной безопасности. Самым важным фактором, по мнению автора, является формальный характер всех принятых мер и стратегий. Даже тот факт, что термины кибербезопасность и информационная безопасность используются как эквиваленты, при том, что это совершенно разные по своему значению и применению понятия. Проходит множество заседаний, собраний, конференций, принимаются различные пакты, обновляются и улучшаются меры по борьбе с информационными угрозами, но, как мы видим – на практике данные средства малоприменимы и, со временем, качество их также падает. Информационная безопасность – это довольно широкая сфера, которая включает в себя много других понятий, но у данной сферы нет ни единого применения, ни четкой организационной структуры или же правовой терминологии. Наш быстро

растущий информационный мир и развитие новых технологий в будущем могут привести даже к созданию отдельной науки и выделению ее в одну из наиболее важных.

Таким образом, проблема информационной безопасности в настоящее время рассмотрена широко и постоянно реализуются многочисленные программы, разрабатываются единые информационные стандарты, но не исследованы отдельные элементы, организация и все устройство сферы информационной безопасности, на примере Российской Федерации можно увидеть, что именно с этими характеристиками уровень информационной защищенности государства может значительно упасть. Для всей информационной среды нужна четкая организация, разграничение всех понятий, единая норма права, ну и, конечно же, действительное применение на практике, и, возможно, более сильный надзор за киберпреступностью и внедрение различных санкций и ограничений и усиление уголовного законодательства в данной сфере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Косов Ю.В. Информационная безопасность и международное право // Управленческое консультирование. 2016. №3. С. 209-211.

2. Совместное заявление «Совместное заявление министров иностранных дел государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности об активизации сотрудничества в области обеспечения международной информационной безопасности» от 23.11.2022 // Официальный сайт ОДКБ. – 2022 г. – с изм. и допол. в ред. от 24.11.2022.

3. В Секретариате ОДКБ обсуждены меры противодействия преступлениям в сфере информационных технологий // Официальный сайт ОДКБ URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-sekretariate-odkb-obsuzhdeny-mery-protivodeystviya-prestupleniyam-v-sfere-informatsionnykh-tekhnol/#loaded (дата обращения: 02.04.2025).

4. Генеральный секретарь ОДКБ принял участие во встрече Министра иностранных дел России с главами исполнительных органов СНГ, ОДКБ, ЕЭК и Союзного государства // Официальный сайт ОДКБ URL: https://moscow.er.ru/activity/news/prinyaty-novye-modelnye-zakony-odkb?ysclid=m8fry0mgd4670809289 (дата обращения: 02.04.2025).

5. Приняты новые модельные законы ОДКБ // Единая Россия URL: https://moscow.er.ru/activity/news/prinyaty-novye-modelnye-zakony-odkb?ysclid=m8fry0mgd4670809289 (дата обращения: 02.04.2025).

6. Мсэ делает информационную среду безопасной // Век качества. 2011. №6. С. 48-50.

7. Международный союз электросвязи опубликовал индекс стран по уровню кибербезопасности 2024, где РФ во втором эшелоне // Хабр URL: https://habr.com/ru/news/843390/ (дата обращения: 02.04.2025).

8. Россия заняла пятое место в рейтинге кибербезопасности Международного союза электросвязи // ТАСС URL: https://tass.ru/obschestvo/11780171?ysclid=m8gckcohrl188847592 (дата обращения: 02.04.2025).

9. Иванова К.А., Мылтыкбаев М.Ж., Штодина Д.Д. Понятие киберпространства в международном праве // Правоприменение. 2022. №4. С. 32-44.

10. Заявление «Заявление министров иностранных дел государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности о координации совместных усилий в сфере информационной безопасности, включая противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в террористических и других преступных целях» от 15.09.2021 // Официальный сайт ОДКБ. – 2021 г. – с изм. и допол. в ред. от 15.09.2021.

УДК 327

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ СТРАН БРИКС К ВИДЕНИЮ МИРОВОГО ПОРЯДКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

CONCEPTUAL APPROACHES OF THE BRICS COUNTRIES TO THE VISION OF WORLD ORDER: A COMPARATIVE ANALYSIS

Э. Вебер,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
E. Weber,
Saint Petersburg State University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: ella.weber00@gmail.com

Аннотация. Данная статья представляет собой сравнительный анализ концептуальных подходов стран БРИКС к мировому порядку, раскрывая, как культурно-исторические парадигмы Китая, России, Индии, Южной Африки и Бразилии трансформируются в предложения альтернативных моделей глобального управления. Важным вкладом автора в исследование стало составление таблицы сравнения ключевых критериев концепций стран БРИКС в отношении видения будущего мирового порядка. Это позволяет наглядно выявить как общие черты, так и различия в подходах государств объединения, а также оценить степень их совместимости и потенциал согласованного сотрудничества.

Abstract This article presents a comparative analysis of the conceptual approaches of BRICS countries to the world order, revealing how the cultural and historical paradigms of China, Russia, India, South Africa, and Brazil are transformed into proposals for alternative models of global governance. A significant contribution of the author is the development of a comparative table outlining key criteria of the BRICS countries' concepts regarding their visions of the future world order. This allows for a clear identification of both commonalities and differences in the member states' approaches, as well as an assessment of the degree of their compatibility and the potential for coordinated cooperation.

Ключевые слова: БРИКС, МИРОВОЙ ПОРЯДОК, ГЛОБАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ, КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ, СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ, АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ, СОВМЕСТИМОСТЬ КОНЦЕПЦИЙ, СООБЩЕСТВО ЕДИНОЙ СУДЬБЫ, МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИРОПОРЯДОК, ВАСУДХАИВА КУТУМБАКАМ, УБУНТУ, ЮЖНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Key words: BRICS, WORLD ORDER, GLOBAL GOVERNANCE, CONCEPTUAL APPROACHES, COMPARATIVE ANALYSIS, ALTERNATIVE MODELS, COMPATIBILITY OF CONCEPTS, COMMUNITY OF COMMON DESTINY, MULTIPOLAR WORLD ORDER, VASUDHAIVA KUTUMBAKAM, UBUNTU, SOUTH-SOUTH COOPERATION

Трансформация международной системы в XXI веке в значительной степени определялась коллективным восхождением стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР), каждая из которых выдвигает свои концептуальные рамки для переосмысления глобального порядка. Хотя в прошлом году блок расширился, данное исследование посвящено пяти его

первоначальным членам, чьи сформулированные видения – китайское *Сообщество общей судьбы*, российский *Многополярный мировой порядок* индийское *Васудхайва Кутумбакам* («Мир – одна семья»), южноафриканская философия *Убунту* и бразильская доктрина *сотрудничества Юг-Юг* – представляют собой наиболее институционализированные альтернативы управлению ориентированному на Запад. Эти концепции, несмотря на различия в культурном и геополитическом происхождении, сходятся в критике однополярности и отстаивании плюралистической многосторонности.

Для систематического сравнения этих подходов данное исследование опирается на основополагающую работу Карла Дойча [1] и его новаторскую разработку сравнительного анализа политических сообществ в международных отношениях. Система Дойча, в которой исследуется как общие нормы, институциональные практики и коммуникации формируют коллективные политические видения, служит методологическим якорем для сопоставления доктрин мирового порядка членов БРИКС. Его акцент на «плюралистических сообществах безопасности» [1, с. 65] особенно важен для анализа того, как БРИКС преодолевает напряженность между суверенитетом и коллективными действиями. Этот теоретический подход дополняется сравнительным цивилизационным подходом Адды Бозман [2], который подчеркивает, как исторические и культурные эпистемологии формируют государственные концепции международного общества, которая является жизненно важной перспективой для анализа незападных нормативных основ БРИКС.

Исследование состоит из двух частей: во-первых, анализ пяти концепций, их происхождения, основных представлений, реализации и критики; во-вторых, сравнительный анализ, выявление основных совпадений и различий и, таким образом, оценка их коллективных последствий для глобального управления.

Китайское *сообщество единой судьбы человечества* представляет собой наиболее институционализированное альтернативное видение, которое было впервые сформулировано Си Цзиньпином в 2013 году и формально признано как во внутренних, так и в международных рамках. Она была официально представлена в резолюции ООН 2017 года [3] и, впоследствии, включена в Конституцию Коммунистической партии и многочисленные белые документы. Концепция в значительной степени опирается на синтез, во-первых, древней китайской политической философии – конфуцианской идеи Тянься «все под небом» и, во-вторых, современных социалистических принципов. Китай представляет себе мирный, безопасный, процветающий, открытый, инклюзивный и экологически устойчивый мир будущего. Он делает акцент на взаимном уважении суверенитета, сотрудничестве, а не конфронтации, и беспроигрышном развитии, выступая против гегемонистского доминирования, технологического разделения и цивилизационного превосходства. Вместо того чтобы демонтировать существующую международную систему, Китай стремится реформировать глобальное управление, сделав его более справедливым, равноправным и демократичным, представляя свое видение как инклюзивную альтернативу мышлению времен холодной войны и геополитике с нулевой суммой [4]. Реализация происходит в основном через инициативу «Пояс и путь»,

Глобальную инициативу развития и растущее взаимодействие Китая с институтами ООН. Критики, такие как Стив Цанг, утверждают, что видение Си Цзиньпином *единой судьбы человечества* подразумевает иерархический мировой порядок, в котором Китай лидирует благодаря моральному авторитету и культурному превосходству, что противоречит его эгалитарной риторике [5].

Российская доктрина *многополярного мироустройства* наиболее четко сформулирована в Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года, но упомянута и в множестве других ключевых, стратегических документах России. Концепция имеет глубокие интеллектуальные корни как в балансе сил XIX века, так и в евразийских теориях. Они восходит к идеям Александра Гильфердинга [6] и позднее Николая Трубецкого [7], утверждавших уникальность русской цивилизации и необходимость многополярного мирового порядка, где разные культурно-исторические миры сосуществуют на равных. Доктрина отвергает однополярность и «идеологическую монополию Запада» [8], выступая за юридически плюралистическую международную систему с несколькими цивилизационными центрами. Она опирается на наследие доктрины многополярности Евгения Примакова 1990-х годов [9], подчеркивая при этом неотъемлемое право государств на выбор собственных моделей развития [10]. Доктрина настаивает на центральном положении Совета Безопасности ООН как единственного легитимного органа для санкционирования принудительных действий, подтверждая принцип государственного суверенитета против предполагаемого интервенционизма, и, в целом, признает Организацию Объединенных Наций в качестве ключевого координирующего органа [11]. Однако это говорит о необходимости глубоких преобразований, чтобы сохранить эту роль, стать более инклюзивной и адаптироваться к текущим глобальным изменениям. Среди институциональных проявлений России – Евразийский экономический союз и Организация Договора о коллективной безопасности. Андрей Кортунов [12] предупреждает, что многополярность без многосторонности рискует превратиться в раздробленный мир конкурирующих блоков, а не в более справедливый глобальный порядок.

Индийская философия *Васудхаива Кутумбакам*, что в переводе означает «Мир – одна семья», берет свое начало в ведической литературе, в частности в «Маха Упанишад», и вновь появилась в современной дипломатии как основополагающая ценность. Хотя ее ключевые принципы нашли неявные отражение в нескольких частях Конституции Индии и других основных документах, она, до сих пор, явно лишь упоминается в ежегодном отчете Министерства иностранных дел за 2023 год. Современная дипломатическая линия, включая принципы «Панчшел» Джавахарлала Неру, которые предложили универсальные рамки, подходящие для новых деколонизированных стран, сопротивляющихся поляризации времен холодной войны, подчеркивает мирное сосуществование, суверенитет и взаимную выгоду. *Васудхаива Кутумбакам* предлагает видение плоского международного порядка, в отличие от существующих иерархических моделей, где государства-цивилизации участвуют в качестве равноправных членов в общем мировом сообществе [13]. Эта концепция была использована во время председательства Индии в Совете

Безопасности ООН в 2022 году и стала официальным девизом ее председательства в G20 в 2023 году. Критики отмечают, что, хотя индийская концепция обладает риторической силой, ее практическая институционализация остается ограниченной. Поскольку в ней отсутствуют конкретные механизмы реализации в современных международных отношениях, ее эффективность в формировании структур глобального управления остается сомнительной [14].

Внешняя политика *Убунту* Южной Африки адаптирует философскую максиму нгуни «Umuntu ngumuntu ngabantu», означающую «человек является человеком через других людей», к международным отношениям. Заключительный доклад Комиссии по установлению истины и примирению 1998 года стал первым всеобъемлющим официальным документом, в котором *Убунту* был сформулирован как краеугольный камень политики национального примирения и правосудия в рамках пост-апартеида [15]. Затем она была официально сформулирована в Белой книге по внешней политике ЮАР 2011 года [16], где она превратилась из национальной в глобальную политическую концепцию. *Убунту* позиционирует государство как часть взаимозависимого и этичного мирового сообщества, где человеческое достоинство и взаимная ответственность являются основными принципами. Он ставит во главу угла связь между людьми и горизонтальное сотрудничество и проявляется в поддержке многостороннего подхода, посредничества в конфликтах и восстановительного правосудия, как это видно на примере роли Южной Африки в мирных процессах в Демократической Республике Конго и Эфиопии, а также ее содействия Африканскому механизму коллегиального обзора. Кроме того, *Убунту* интегрирован в более широкие стратегии, такие как Национальный план развития до 2020 года и «Африканское возрождение». Кроме того, Департамент международных отношений и сотрудничества публикует бюллетень Ubuntu NewsFlash [17], в котором рассказывается о внутренних и внешних инициативах и политике Южной Африки, которые соответствуют ценностям *Убунту*. Критики утверждают, что *Убунту* остается недостаточно институционализированным и часто символическим, с ограниченными измеримыми результатами, поскольку внешняя политика, основанная на моральной философии, может не иметь стратегической ясности, необходимой в сложных рамках глобального управления [18].

Подход Бразилии к *сотрудничеству Юг-Юг (СЮЮ)* основывается на конституционных принципах, которые предписывают невмешательство, мирное разрешение конфликтов и преобладание прав человека [19]. Хотя в Стратегии национальной обороны 2008 года и последующих документах по внешней политике позиция Бразилии описывается как «активное неприсоединение», подчеркивающее автономию от крупных блоков держав при конструктивном взаимодействии со всеми центрами влияния [20], ни в одном из них концепция *СЮЮ* не упоминается в явном виде. Только в документах, посвященных *СЮЮ*, концепция формулируется должным образом, где она предстает скорее как руководство к сотрудничеству, чем как цивилизационная парадигма [21]. Мотивационное видение, лежащее в основе инициативы, включает реформирование институтов глобального управления, таких как Совет

Безопасности ООН, преодоление асимметрии между Севером и Югом, а также продвижение легализма и горизонтального сотрудничества между развивающимися странами. Создание и руководство Бразилией Форума диалога ИБСА, который привел к созданию Фонда ИБСА по борьбе с бедностью и голодом, финансирующего проекты развития в других странах Юга, демонстрирует солидарность не только в дипломатии, но и в реальных действиях. Критики считают, что балансирование Бразилии иногда приводит к двусмысленности или отсутствию напористости, и, кроме того, эта концепция рассматривается как наиболее далекая от видения будущего мирового порядка, а скорее как определенный механизм внешней политики [22].

Таблица[*]

Сравнительные критерии концепций стран БРИКС к видению мирового порядка

Критерии	**Китай**	**Россия**	**Индия**	**ЮАР**	**Бразилия**
Название концепции	Сообщество единой судьбы человечества	Многополярный миропорядок	Васудхайва Кутумбакам («Мир – одна семья»)	Убунту (Ubuntu)	Южное сотрудничество (South–South Cooperation)
Идеологические корни	Конфуцианство (Тянься), социализм	Баланс сил XIX века, евразийство, Примаков	Ведическая философия, Панча Шила, Неруизм	Африканская философия (Нгуни)	Конституционные принципы, права человека, ненасилие
Основные принципы	Мир, взаимное уважение, win-win, инклюзия, суверенитет	Многоцентровость, правовой плюрализм, суверенитет, антиинтервенционизм, роль СБ ООН	Равенство цивилизаций, мирное сосуществование, отказ от иерархий	Взаимозависимость, достоинство, моральная солидарность, восстановительное правосудие	Мир, ненасилие, правовой подход, сотрудничество среди развивающихся стран
Механизмы реализации	Пояс и путь (BRI), Глобальная инициатива развития, активность в рамках ООН	ЕАЭС, ОДКБ, внешнеполитическое сотрудничество, поддержка реформы ООН	Председательство в СБ ООН (2022), девиз G20 (2023)	Миротворческие миссии, Африканский обзор, региональная дипломатия	Форум ИБСА, проекты развития, SSC-инструменты

Критерии	Китай	Россия	Индия	ЮАР	Бразилия
Цель по отношению к мировой системе	Реформа, а не демонтаж системы; справедливость, инклюзивность, отказ от гегемонии	Многоцентричность, усиление роли ООН, антизападный плюрализм	«Плоский» порядок — равенство цивилизаций без иерархий	Этичная многополярность, основанная на гуманизме и диалоге	Снижение неравенства, усиление Юга, правовая кооперация
Официальные документы с явным упоминанием концепции	Резолюция ГА ООН (2017), Конституция КПК (2017), Белые книги КНР (напр. 2023)	Концепция внешней политики РФ (2023), Национальная стратегия безопасности Российской Федерации (2021), другие стратегические документы РФ	Годовой отчет МИД Индии (2023)	Белая книга по внешней политике ЮАР (2011), NewsFlash	Документы по SSC — например, «Руководство по управлению техническим сотрудничеством Юг–Юг» (2017)

*Составлена автором.

Чтобы систематически сравнить доктрины мирового порядка членов БРИКС, в данном исследовании объединены основополагающие работы Карла Дойча и Адды Бозман, которые предлагают взаимодополняющие рамки для понимания международных отношений. Теории Дойча о политических сообществах и подход Бозмана к цивилизационным перспективам позволяют нам изучить противоречия между суверенитетом и коллективными действиями, особенно в рамках группы БРИКС, которая стремится к созданию более справедливого и многополярного мирового порядка.

Концепция Карла Дойча, в частности его концепция плюралистических сообществ безопасности [1, с. 65], очень важна для понимания того, как страны БРИКС, несмотря на свое разнообразие, стремятся создать коллективное политическое сообщество. По мнению Дойча, политические сообщества поддерживаются благодаря общим нормам, институциональным практикам и регулярной коммуникации, которые способствуют мирному сотрудничеству и разрешению конфликтов [1, с. 67]. Концепция плюралистических сообществ безопасности относится к группе государств, которые разделяют взаимные ожидания мирных перемен и приверженность совместным действиям, даже в условиях потенциальных конфликтов [1, с. 66]. Эта идея служит методологической опорой для анализа БРИКС, поскольку помогает понять усилия группы по

развитию многостороннего сотрудничества и институционализации норм мирного сосуществования и развития.

Для БРИКС создание плюралистического сообщества безопасности проявляется в растущей сети институциональных структур, таких как Новый банк развития и Соглашение об условных резервах. Эти платформы обеспечивают регулярное взаимодействие и общение, способствуя укреплению доверия и взаимозависимости. Приверженность БРИКС многостороннему подходу, проявляющаяся в продвижении системы ООН, Парижском соглашении по климату и поддержке Всемирной торговой организации (ВТО), отражает акцент Дойча на институционализации сотрудничества через общие нормы. Группа также стремится бросить вызов гегемонистскому господству западных держав, выступая за более инклюзивную и демократическую систему глобального управления, которая отражала бы интересы Глобального Юга. Однако концепция Дойча также напоминает нам о проблемах, с которыми сталкивается БРИКС при укреплении этих норм, особенно учитывая различную степень приверженности к глобальному лидерству и исторические различия между странами-участницами. Как выяснилось в ходе первой части исследования, подходы пяти стран наиболее существенно различаются в следующем аспекте: масштабе их видения. Если для Китая, России и Индии видение выходит далеко за рамки локального уровня и действительно отражает целостное видение будущего возможного миропорядка, то Бразилия и ЮАР скорее представляют его просто как инструмент внешней политики. Несмотря на то, что Убунту постепенно превращается в глобальную концепцию, сфера ее влияния, до сих пор, остается в основном сфокусированной на регионах. Кроме того, концепции сильно различаются по уровню институционализации. Если Китай, Россия и, в некоторой степени, Бразилия приложили немало усилий, чтобы сделать свои концепции конкретными и официальными, закрепив их в важнейших документах государственной политики и включив в основные политические инициативы, то концепции Индии и Южной Африки пока служат в основном философской и символической основой для направления их политики. Эти различия приводят нас к выводу, что именно уровень приверженности каждого государства к глобальному лидерству в значительной степени зависит от того, какие долгосрочные цели преследуют эти страны. Чем сильнее желание исполнять роль глобального лидера, тем больше приверженности и вовлеченности наблюдается в этот критический период трансформации. Уровень приверженности также может зависеть от исторического прошлого и культурного наследия страны.

Цивилизационный подход Адды Боземан предлагает критический взгляд, через который мы можем изучить, как историческое и культурное наследие стран БРИКС формирует их видение международного порядка. Боземан утверждает, что международные отношения не могут быть полностью поняты без учета культурной эпистемологии и исторического опыта, которые влияют на восприятие государствами своей роли в мире [2, с. 291]. Эта точка зрения особенно полезна при анализе незападных и антигегемонистских нарративов, которые лежат в основе коллективных действий стран БРИКС. Государства БРИКС – Китай, Россия, Индия, Бразилия и ЮАР находятся под глубоким

влиянием собственной цивилизационной истории, которая определяет их ценности суверенитета, самоопределения и экономической независимости. Например, конфуцианские ценности Китая, евразийские традиции России, ведическая философия Индии и этика убунту ЮАР являются важнейшими компонентами их внешней политики и международного мировоззрения, и, таким образом, по праву служили основой для их концепций видения будущего мирового порядка. Подход Бозмана подчеркивает, что эти культурные и исторические корни определяют то, как государства БРИКС смотрят на существующий мировой порядок и предлагаемые ими альтернативы. В то время как западные державы часто выступают за универсалистский подход к управлению, БРИКС выступает за более плюралистическую, юридически многообразную и диверсифицированную систему, в которой признаются и уважаются цивилизационные различия. Цивилизационная самобытность членов БРИКС делает мировоззрение группы заметно отличающимся от западных моделей глобального управления, отражая их общее неприятие однополярного мира, в котором доминируют западные державы. Вместо этого БРИКС выступает за многополярный мир, в котором сосуществуют несколько центров силы, руководствуясь принципами равенства и взаимного уважения. В совокупности акцент Дойча на институционализации общих норм и внимание Бозмана к цивилизационным контекстам позволяют понять, как БРИКС балансирует между своими историческими корнями и амбициями по реформированию глобального управления.

Заключение. Безусловно, между подходами пяти основных стран БРИКС существуют различия, в основном связанные с масштабами глобальности их видения. Эти различия могут служить источником непонимания и препятствием для плавного и слаженного сотрудничества между пятью странами. Однако сравнительный анализ позволил также признать, что, несмотря на различия в масштабах их видения и способах подхода к нему, пять стран действительно имеют общие важнейшие критерии: основные принципы их концепций мироустройства. Благодаря общей истории, в которой Запад доминировал в системе глобального управления и не было возможности занимать достойного места за столом переговоров, эти пять стран, хотя и исходят из разных идеологических источников, пришли к одному и тому же пониманию: будущему миру нужен более инклюзивный глобальный порядок, основанный на равенстве, справедливости и взаимном уважении. Эти общие принципы служат для БРИКС наиболее прочной основой для объединения каждого их мировоззрения в одно более сильное, общее видение и более целенаправленную кампанию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Deutsch K. Political Community and the North Atlantic Area // Princeton: Princeton University Press, 1957. С. 64-71.

2. Bozeman A. Politics and Culture in International History // Princeton: Princeton University Press, 1960. С. 289-297.

3. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 2344 от 23.03.2017. URL: https://undocs.org/A/RES/2344 (дата обращения: 24.04.2025).

4. A Global Community of Shared Future: China’s Proposals and Actions // The State Council Information Office of the People’s Republic of China. September 2023. URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202405/t20240530_11332291.html (дата обращения: 24.04.2025).

5. Tsang S. Understanding China Means Understanding Xi // IAI News. 08.02.2024. URL: https://iai.tv/articles/understanding-china-means-understanding-xi-steve-tsang-auid-2736 (дата обращения: 24.04.2025).

6. Гильфердинг А. Ф. Когда Европа была нашей: история балтийских славян // М.: Алгоритм, 2022. С. 24-57

7. Трубецкой Н. С. Европа и человечество // Прага, 1920. Переизд.: М.: Аграф, 1999. С. 55-78.

8. Речь Президента России В. В. Путина на пленарной сессии клуба «Валдай», 27.10.2022. URL: https://www.tatar-inform.ru/news/vlast-nad-mirom-kak-raz-to-cto-tak-nazyvaemyi-zapad-postavil-na-kon-v-svoei-igre-5884702 (дата обращения: 24.04.2025).

9. Примаков Е. М. Мир после 11 сентября и Россия // М.: Международные отношения, 2002. С. 145-162.

10. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 24.04.2025).

11. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Президентом РФ 31.03.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586 (дата обращения: 24.04.2025).

12. Кортунов А. Многополярность и многосторонность — два измерения будущего миропорядка // Российский совет по международным делам. 28.06.2024. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogopolyarnost-i-mnogostoronnost-dva-izmereniya-budushchego-miroporyadka/ (дата обращения: 24.04.2025).

13. Chikermane G. India’s Grand Strategy: A Framework for the Future // ORF. 26.06.2024. URL: https://www.orfonline.org/research/india-s-grand-strategy-a-framework-for-the-future-that-builds-on-bharat-s-ancient-statecraft-of-peace-prosperity-and-planet (дата обращения: 24.04.2025).

14. Soni A., Chakroborty D. Vasudhaiva Kutumbakam in India's Foreign Policy: A Historical and Contemporary Analysis// Amity University, Uttar Pradesh, Lucknow Campus, 2025. URL: https://www.researchgate.net/publication/390554197_Vasudhaiva_Kutumbakam_in_India's_Foreign_Policy_A_Historical_and_Contemporary_Analysis (дата обращения: 24.04.2025).

15. Truth and Reconciliation Commission of South Africa. TRC Final Report – Volume 1. 29.10.1998. URL: https://www.sahistory.org.za/archive/trc-final-report-volume-1 (дата обращения: 24.04.2025).

16. Building a Better World: The Diplomacy of Ubuntu – White Paper on South Africa’s Foreign Policy. 13.05.2011. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/final-draft-white-paper-sa-foreign-policy.pdf (дата обращения: 24.04.2025).

17. Department of International Relations & Cooperation Republic of South Africa. Ubuntu NewsFlash. URL: https://dirco.gov.za/ubuntu-newsflash/ (дата обращения: 24.04.2025).

18. Pere G. Ubuntu as Foreign Policy: The Ambiguities of South Africa's Brand Image and Identity // The Strategic Review for Southern Africa. 2021. Vol. 39. DOI: 10.35293/srsa.v39i1.324.

19. National Strategy of Defense. Ministry of Defense, Brazil. Decree No. 6703 of 18.12.2008. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/154868/Brazil_English2008.pdf (дата обращения: 24.04.2025).

20. Конституция Федеративной Республики Бразилия 1988 года. Статья 4.

21. Manual of South-South Technical Cooperation Management. ABC, 2017. URL: https://www.abc.gov.br/imprensa/mostrarconteudo/728 (дата обращения: 24.04.2025).

22. Burges S. How to Stay a Leader Without Followers: Brazil’s Foreign Policy Under Lula III // CEBRI-Journal. 2024. Vol. 3. No. 9. C. 38–57.

УДК 327.7

ВЛИЯНИЕ НАУЧНОГО ПРОГРЕССА НА ГЛОБАЛЬНЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

THE IMPACT OF SCIENTIFIC PROGRESS ON GLOBAL MIGRATION PROCESSES

Е. А. Винникова,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
E. A. Vinnikova,
St. Petersburg State University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: evinnikova518@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь научно-технического прогресса и миграционных процессов в глобальном масштабе. Анализируются изменения в структуре занятости, связанные с появлением новых технологий в сфере транспорта, развитием цифровых платформ и инструментов, упрощающих интеграцию мигрантов и беженцев. Уделено внимание использованию искусственного интеллекта и системам мониторинга в управлении миграционными потоками. Особое место отведено анализу проблем и вызовов, связанных с цифровым неравенством, кибербезопасностью и этическими аспектами автоматизации миграционного контроля.

Abstract. This article examines the interrelationship between scientific and technological progress and migration processes on a global scale. It analyzes changes in employment structures linked to the emergence of new transportation technologies, as well as the development of digital platforms and tools that facilitate the integration of migrants and refugees. Special attention is paid to the use of artificial intelligence, and monitoring systems in managing migration flows. Particular emphasis is placed on the problems and challenges related to digital inequality, cybersecurity, and the ethical aspects of automated migration control.

Ключевые слова: НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС, МИГРАЦИЯ, ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ, ТРАНСПОРТНЫЕ ИННОВАЦИИ, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, ПОГРАНИЧНЫЙ КОНТРОЛЬ, ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО, КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ, ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АВТОМАТИЗАЦИИ

Key words: SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL PROGRESS, MIGRATION, DIGITAL PLATFORMS, TRANSPORT INNOVATIONS, ARTIFICIAL INTELLIGENCE, BORDER CONTROL, DIGITAL INEQUALITY, CYBERSECURITY, ETHICAL ASPECTS OF AUTOMATION

Научно-технический прогресс (НТП) представляет собой долгий и качественный процесс изобретения и совершенствования техники, технологий, товаров и услуг путем использования результатов научных исследований [1]. В течение истории именно его достижения существенно меняли направления и скорость глобальных миграционных процессов, оказывая влияние на масштабы перемещений людей. В связи этим, целью работы является анализ данных перемен и выявление основных проблем и вызовов.

Первым и самым значимым катализатором массовой миграции стала промышленная революция (Industrial Revolution) XVIII–XIX веков. Этот термин

означает со-во-куп-ность кардинальных перемен во всех сферах жизни общества, свя-зан-ных с за-ме-ной руч-но-го тру-да ма-шин-ным [2]. Научные и практические достижения (станки, прялки, новые инструменты), а также аграрные новшества, усовершенствованное законодательство и культурные изменения дали толчок внутрирегиональным и межконтинентальным массовым перемещениям людей. Они уезжали из сельской местности, которую преследовал кризис и переизбыток рабочей силы, в города – новые производственные центры, где было больше рабочих мест за счет повышенного спроса предприятий тяжелой и легкой промышленности [3]. Так начался процесс урбанизации. Как следствие, например, население Лондона, главного центра промышленности, с 1801 по 1851 год удвоилось и впервые превысило сельское. [4,5]. Похожая тенденция наблюдалась и в других городах, таких как Ливерпуль и Глазго, где открывались новые заводы.

Также увеличивались перемещения и мобильность людей внутри Европы и эмиграция в Новый Свет. Это стало возможным благодаря изобретению новых видов транспорта, средств связи и электричества во время и после промышленной революции [6]. С начала 1850-х годов каждые 10 лет в США из Европы прибывало около двух миллионов человек, преимущественно ирландцев и немцев [7]. Внедрение в начале XX века в массовое пользование теплоходов, поездов, автомобилей, авиации, распространение книгопечатания и средств связи способствовали дальнейшему развитию НТП и ускорению промышленного производства, что упростило транспортные, коммуникационные и информационные процессы и привело к увеличению миграционных потоков.

В рамках цифровой революции конца XX и начала XXI веков или, согласно К. Швабу, «Индустрии 4.0» [8] явление миграции претерпело ряд изменений. Статистика Международного союза электросвязи показывает, что 67.5% жителей планеты имеют доступ к глобальной сети в 2025 году [9]. Поэтому именно Интернет выступил в роли катализатора новых волн миграции. Теперь к факторам переезда относят не только деньги, жилье, безработицу, но и информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), например, каналы, блоги, группы, сообщества, страницы в социальных сетях или сайты. Они освещают все сферы жизни и могут быть полезными в таких случаях, как сравнение цен на жилье, оформление документов, косвенное ознакомление с культурой новой страны. Также Интернет помогает мигрантам в поиске вакансий не только на местном рынке труда, но и на международном [10], что дает им гарантии не остаться безработными. Барьер, созданный из-за недостатка доступной информации, стремительно снижается. Благодаря технологиям, мигранты имеют возможность заранее найти жилье, работу и знакомых в пункте назначения, а также проконсультироваться у местных жителей или у тех, кто переехал раньше, о релевантности передвижений через границы. Миграция становится более осознанной.

Инновации упрощают процесс адаптации приезжих лиц, позволяя одновременно поддерживать связь с родиной и местом пребывания. Стоит отдельно выделить социальные сети, которые являются важным инструментом в преодолении изоляции для мигрантов. В России, например, такие социальные

сети, как ВКонтакте и Телеграмм, помогают новоприбывшим оставаться в курсе последних событий, наладить связь с местным миром и соотечественниками, что приводит к формированию «цифровых диаспор» [11]. Также само государство заинтересовано в интеграции мигрантов в общество. На правительственном уровне могут быть созданы специальные «школы адаптации» с использованием электронных платформ [12]. Более того, цифровая адаптация приезжих обеспечивается через программу «умные границы» [13]. Например, система «Въезд/выезд» (Entry/Exit System) в Европейском Союзе [14] и другие электронные сервисы, финансируемые на высшем или местном уровнях. Вследствие данных инициатив мигранты получают информацию о менталитете страны, а государству представляются отчеты о позитивных или негативных общественных настроениях в отношении приезжих.

Научно-технический прогресс изменил рынок труда. Произошло увеличение доли миграции квалифицированных кадров в общем объеме трудовых потоков передвижений. На сегодняшний день, ввиду развития искусственного интеллекта и программного обеспечения, больше всего перемещениям через границы подвержены специалисты цифровой индустрии, так как они более мобильны и востребованы, что формирует тенденцию усиления «утечки умов» из развивающихся регионов [15]. Более того, появляется новое явление – «телемиграция» или «виртуальная миграция». Работник, находясь на родине, получает место в зарубежной или транснациональной компании и трудится фактически на работодателя другой страны, используя технологии и онлайн-сервисы [16]. Также инновации дали толчок процессам роботизации и автоматизации труда, что сокращает потребность в традиционном ручном труде [17]. Ряд профессий, например, кассир и почтовый работник [18], находится на грани исчезновения, а многие отрасли требуют перепрофилирования. Как результат, мир столкнется с вынужденной миграцией низкоквалифицированных кадров.

Однако цифровые технологии могут не только приносить мигрантам пользу и выгоду, но и доставлять неудобства и проблемы. Результатом внедрения изобретений НТП становится еще и рост количества угроз человечеству, например, терроризм. Чтобы обезопасить свои границы и граждан, государства вводят строгие меры миграционного контроля. С одной стороны, это осложняет перемещения легальных мигрантов, так как нужно иметь большой набор документов, но, с другой стороны, это дает всем уверенность в безопасности и позволяет использовать все преимущества страны пребывания. К превентивным инструментам на основе использования новых технологий относят электронные визы, биометрические документы, системы контроля и идентификации пассажиров. Так, в России с 30 июня 2025 года вводится цифровой профиль въезжающих в Россию мигрантов с их личными и биометрическими данными [19]. В любом пропускном пункте им необходимо будет сдать отпечатки пальцев и свою фотографию, которые далее будут занесены в электронную базу. По словам Зампреда Совета безопасности РФ Дмитрия Медведева, это поможет четко следить за въездом мигрантов на территорию страны и сроками их пребывания в России [19]. Использование передовых технологий пограничного

контроля обеспечивает отбор нелегальных и криминальных лиц, которые могут представлять опасность для страны [20].

К другим вызовам и сложностям, вызванным применением продуктов научно-технического прогресса, прежде всего, стоит отнести цифровое неравенство, особенно в ряде стран, где доступ к Интернету затруднен или очень дорог. Соответственно их граждане, мигрируя в более развитые государства не обладают должными навыками владения компьютерами и телефонами, они не приспособлены к большим потокам информации и не могут отличить фейковые новости от правдивых. Также из-за отсутствия достаточной информации им сложно заранее изучить менталитет страны назначения, что в будущем вызовет проблемы с адаптацией. Более того, встает вопрос кибербезопасности и этики [21], так как внедрение биометрических методов контроля создает угрозу утечки данных. Большая часть мигрантов, спасающихся от бедности, не имеет возможности в полной мере пользоваться плюсами инноваций, например, транспортом, что свидетельствует о недостатках социальной системы.

Таким образом, НТП оказывает значительное влияние на глобальные миграционные процессы. Технологии способствуют интеграции в общество и адаптации к новым условиям жизни. Инновации не только создают новые профессии, определяют уровень необходимой квалификации работников, но и выступают инструментом контроля пересечения границ за счет высокотехнологичных систем мониторинга, ограничивая передвижения нелегальных мигрантов. Из-за наличия ряда проблем, перспективными направлениями развития могут стать совершенствование правовых норм, регулирующих использование биометрических данных, преодоление цифрового разрыва и подключение транснациональных корпораций для решения вопросов квалификации работников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бляхман Л. С. Научно-технический прогресс // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал [Электронный ресурс]. – URL: https://bigenc.ru/c/nauchno-tekhnicheskii-progress-ddda67/?v=6831398 (дата обращения: 04.04.2025).

2. Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал [Электронный ресурс]. – URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/3180201 (дата обращения: 04.04.2025).

3. Clark G. A Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World. – Princeton: Princeton University Press, 2007.

4. Де Врис, Ян. Промышленная революция и трудовая революция // Журнал экономической истории. – 2009. – Т. 54, № 2. – С. 249–270.

5. Hobsbawm, E. The Age of Revolution: Europe 1789–1848. – New York: Vintage Books, 1996. – 416 p.

6. Худокормов А.Г. История второй промышленной революции (в помощь лектору) // Научные исследования экономического факультета [Электронный ресурс]. – 2022. – № (46). – с. 24-41

7. Цветков И.В. Новые волны иммиграции в США на рубеже XIX—XX веков [Электронный ресурс]. – URL: https://ushistory.ru/konspekty-lektsij/1309-novye-volny-immigratsii-v-ssha-na-rubezhe-xix-xx-vekov (дата обращения: 08.04.2025).

8. Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – М.: Эксмо, 2016. – 208 с.

9. ITU Measuring digital development: Facts and figures [Электронный ресурс]. – URL: https://www.itu.int/hub/publication/d-ind-ict_mdd-2022/ (дата обращения: 08.04.2025).

10. Stevenson B. The Internet and job search // Studies of Labor Market Intermediation, National Bureau of Economic Research, Cambridge, MA, 2009, Pp. 67–86.

11. Кужелева-Саган И.П., Цифровые диаспоры мигрантов из Центральной Азии: виртуальная сетевая организация, дискурс «воображаемого сообщества» и конкуренция идентичностей / научн ред.: И.П.Кужелева-Саган Томск Издательский дом Томского гос университета (2016).

12. McGregor E., Siegel M. Social media and migration research: Working Paper No. 2013-068. – Maastricht, The Netherlands: United Nations University-Maastricht Economic and Social Research Institute on Innovation and Technology (MERIT), 2013. – 34 p.

13. Троицкая О.В. Будущее миграционного управления: «умные границы» и информационные технологии // Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта. – М.: МГИМО (Университет), 2017. – С. 262–266.

14. Smart Borders [Электронный ресурс]. – URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/schengen/smart-borders_en (дата обращения: 10.04.2025).

15. Таишева В.В. Цифровые номады и миграционные процессы в российской IT-сфере: политологический анализ // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2022. – № 3. – с. 460-479.

16. Цапенко И.П., Гришин И.В. Виртуализация трансграничной трудовой миграции // Вестник НИУ МЭиМО РАН [Электронный ресурс]. – Москва, Россия, 2022. – URL: https://sciencejournals.ru/view-article/?j=vestnik&y=2022&v=92&n=9&a=Vestnik2209010Tsapenko (дата обращения: 10.04.2025).

17. Юнда Д.Р. Влияние автоматизации и роботизации на рынок труда // Символ науки. – 2024. – № 12-1-1. – с. 194-196.

18. Global Economic Futures: Productivity in 2030 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.weforum.org/publications/global-economic-futures-productivity-in-2030/ (дата обращения: 11.04.2025).

19. В РФ начнут формировать цифровой профиль мигранта [Электронный ресурс]. – URL: https://tass.ru/obschestvo/22820301?ysclid=m9bq9or539396255867 (дата обращения: 12.04.2025).

20. Матвеев А.А. Миграционная безопасность в системе глобальной безопасности: механизмы, принципы, акторы // Философская мысль. – 2021. – № 3. – с. 66-80

21. Бурлака С.Н., Бельдина О.Г. Защита биометрических персональных данных: проблемы правового регулирования // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 10 (226). – с. 277-279.

УДК 327

ИНСТРУМЕНТ КОСМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ – ПРОЕКТ «ЧАНЪЭ»

SPACE DIPLOMACY TOOL – CHANG'E PROJECT

Дай Ли,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
Dai Li,
St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)
E-mail: st135173@student.spbu.ru

Аннотация. С момента запуска первого искусственного спутника Земли освоение космоса стало одним из проявлений всеобъемлющей национальной мощи страны. После окончания холодной войны, в связи с быстрым экономическим развитием незападных стран, все больше стран проявляют повышенный интерес к освоению космоса. Луна, как ближайшее к Земле небесное тело, приобретает все большее значение в освоении космоса человеком. В данной работе анализируется развитие китайской программы высадки на Луну и рассматривается как дипломатический инструмент Китая, призванный предоставить международному сообществу незападную программу освоения космоса. В конце работы приводится сравнение с американской программой высадки на Луну, что позволяет выявить различия и общие черты между западной и незападной программами.

Abstract. Since the launch of the first artificial satellite, space exploration has become one of the manifestations of a country's comprehensive national power. Since the end of the Cold War, due to the rapid economic development of non-Western countries, more and more countries have shown increased interest in space exploration. The moon, as the closest celestial body to the Earth, has become increasingly important in human space exploration. This paper analyzes the development of China's moon landing program and examines it as China's diplomatic tool to provide the international community with a non-Western space exploration program. The paper concludes with a comparison to the U.S. moon landing program, highlighting the differences and commonalities between the Western and non-Western programs.

Ключевые слова. ПРОЕКТ «ЧАНЪЭ», ПРОЕКТ «АРТЕМИДА», АМЕРИКАНСКАЯ ПРОЕКТ ВЫСАДКИ НА ЛУНУ, КИТАЙСКАЯ ПРОЕКТ ВЫСАДКИ НА ЛУНУ

Key words. PROJECT «CHANG'E», PROJECT «ARTEMIS», AMERICAN MOON LANDING PROJECT, CHINESE MOON LANDING PROJECT

Освоение космоса становится важным показателем сильной нации – внутри страны освоение космоса может укрепить чувство чести и сплоченность нации. На международном уровне освоение космоса может повысить международный престиж и влияние страны. Луна – самое близкое к нам небесное тело. Ее географическое положение сегодня приобретает первостепенное значение. Луна рассматривается как первый этап в начале освоения Солнечной системы.

С экономической точки зрения ученые считают, что, «на сегодняшний день самая модная цель – доставка высокоэффективного энергоносителя – изотопа гелий-3 для термоядерных реакторов. Эта цель уже получила солидное научное обоснование» [1]. В то время, когда планета сталкивается с загрязнением окружающей среды и энергетическим кризисом, способность освоить чистые и

эффективные источники энергии будет определять положение крупной страны в будущей системе международных отношений.

По мере нарастания технических трудностей, «в 2022 году только 16 агентств могли проводить космические запуски, а семь имели возможность отправлять зонды к Луне, Марсу или в дальний космос. И лишь три организации способны совершать пилотируемые космические полеты» [2]. Страна может получить большее влияние на участников на арене международных отношений или доказать превосходство своей системы только в том случае, если она может сделать то, что не может сделать ни одна другая страна. По словам Джона Ф. Кеннеди: «мы решили полететь на Луну в этом десятилетии и сделать другие вещи не потому, что это легко, а потому что это трудно» [3].

С точки зрения теории реализма Эверетт С. Долман распространил геополитическую теорию на исследование космоса и создал новую концепцию — Астрополитику. С научно-техническим развитием человечества космос стал новой областью сотрудничества и соперничества между великими державами. Луна, как самое близкое к Земле небесное тело, может служить транзитной станцией для исследования других небесных тел в Солнечной системе. В будущем Луна может стать ключевым узлом в астрополитике Солнечной системы.

Цель данной работы – определение значения китайской программы «Чанъэ» в рамках космической дипломатии. Методология: современное состояние китайских космических исследований определяется с помощью методов исторического анализа и сравнения с американской программой высадки на Луну.

Программа Чанъэ. В 2004 году был официально утвержден китайский проект освоения Луны – «Если Индия, как азиатская страна, выйдет на Луну раньше нас, мы столкнемся с определенной угрозой, как в научном освоении Луны, так и в политической ситуации» [4].

Таблица 1

Этапы запуска программы Чанъэ

Название	Дата запуска	Сотрудничество	Значение
Чанъэ-1	24 октября 2007 г.	-	Проверка текущего уровня китайских технологий, разработок
Чанъэ-2	1 октября 2010 г.	-	Проверка готовности к осуществлению посадки на Луне
Чанъэ-3	2 декабря 2013 г.	-	Проверка первого китайского лунохода, осуществление мягкой посадки на Луну

Чанъэ-4	3 января 2019 г.	Германия, Швеция, Нидерланды, Россия, Европейские космические агентства	Осуществить первую для человечества мягкую посадку и обследование обратной стороны Луны [5]
Чанъэ-5	24 ноября 2020 г.	Франция, Россия	Доставка лунного грунта на Землю (1731 грамм)
Чанъэ-6	3 мая 2024 г.	Европейский союз: Италия, Франция, Швеция; Пакистан	Доставка лунного грунта на Землю с обратной стороны Луны (1935,3 грамм) [6]

Чанъэ-7 и Чанъэ-8 еще не запущены. Основная их миссия заключается в проведении скачкообразного зондирования с целью поиска водяного льда на южном полюсе Луны [7]. Чанъэ-7 и Чанъэ-8 составят базовую форму лунной исследовательской станции.

Проект «Чанъэ» как инструмент космической дипломатии. Освоение космоса всегда было областью национальной безопасности и стратегии, и тот факт, что в этой области может быть налажено сотрудничество, свидетельствует о том, что между государствами уже создан первоначальный уровень взаимного доверия. Такой высокий уровень сотрудничества способствует повышению уровня стратегического взаимного доверия между государствами в будущем.

Бесперебойное осуществление миссии «Чанъэ-4» стало возможным благодаря вкладу многих стран-участниц. В 2022 году и 2023 году Китай передал по 1,5 грамма лунных образцов для научных целей России и Франции. Международная лунная исследовательская станция (ILRS) — это заключительный этап проекта «Чанъэ» и инструмент китайской космической дипломатии. Китай планирует создать беспилотную лунную исследовательскую базу к 2035 году, а немногие из нынешних участников проекта, за исключением России, обладают возможностями для исследования космоса.

По сравнению с проектом «Артемида». Программа «Артемида» состояла из четырех этапов: первый этап – Артемида- I – запуск беспилотного космического корабля «Орион». Его целью было испытание существующих систем НАСА для исследования дальнего космоса. Второй этап – Artemis II, когда космический корабль Orion с четырьмя астронавтами на борту будет отправлен на лунную орбиту для проверки работоспособности корабля в пилотируемой ситуации. Этап третий – отправка астронавтов на Луну. Четвертый этап – Артемида IV – посвящен созданию лунной космической станции Gateway.

В следующей таблице сравниваются данные о больших ракетах из Китая и США: SLS (Space Launch System) Block 1 выполнила первую программу запуска ракеты-носителя «Артемида» в 2022 году.

Таблица 2

Сравнительная характеристика SLS Block 1 и Чанчжэн-5

	Страна	**Длина**	**Стартовая масса**	**Масса полезной нагрузки на НОО**	**Масса полезной нагрузки на ТИ**	**Стоимость запуска**
SLS Block 1	США	98.3 м 322.4 ft [8]	2,603т [8]	95 т [8]	27 т [8]	2 миллиарда [9]
Чанчжэн-5	Китай	57 м [10]	845.5 т [10]	25 т [10]	8 т [10]	30-81 миллион [11]

НОО – Низкая опорная орбита, **ТИ –** Транслунарная инъекция Trans-lunar injection, **денежная единица:** доллар США

В настоящее время список стран, принимающих участие в китайской программе сотрудничества международных лунных исследовательских станций, состоит из: Россия, Венесуэла, Беларусь, Пакистан, Азербайджан, ЮАР, Египет, Никарагуа, Таиланд, Сербия и Казахстан [12]. Список стран, с которыми США подписали Соглашение по проекту Артемида, включает следующие страны: Великобритания, Франция, Италия, Германия, Финляндия, Австрия и др. [13].

Обе страны нацелены на южный полюс Луны, и есть много различий в их комических программах:

1. Американский проект миссии был намного проще и смелее благодаря мощному научно-техническому капиталу и технологиям, накопленным в ходе программы «Аполлон». Китайский проект миссии был похож на программу «Аполлон», с поэтапным увеличением сложности.

2. Конечной целью США является создание лунной космической станции как платформы для исследования Марса, в то время как конечной целью Китая является создание лунной исследовательской базы.

3. Американские космические корабли, пилотируемые посадочные аппараты частных компаний. В Китае, напротив, принят подход, подобный «Аполлону»: космическое оборудование проектируется и строится компаниями, находящимися под юрисдикцией Национального космического управления.

4. Программа США по высадке на Луну получила поддержку стран всего мира. Участники предлагаемого Китаем проекта Международной лунной исследовательской базы (ILRB), за исключением России, практически не имеют возможностей для освоения космоса. Список достаточно «слабый».

Заключение. Организация американской и китайской программ лунной посадки показывает, что между двумя странами существует огромный технологический разрыв, и что они занимают разные позиции на международной арене. Преимущество Китая – низкая стоимость запуска ракет благодаря дешевой рабочей силе.

Многие считают, что США и Китай сейчас участвуют в космической гонке, в том числе и директор НАСА [14]. Но мы не думаем, что это космическая гонка:

Китай реализует свои планы шаг за шагом в рамках своих возможностей. Независимо от того, высадятся ли США снова на Луне раньше Китая, или Китай завершит свой план раньше США, другая страна не откажется от своего собственного плана высадки на Луну. Китайские лидеры рассматривают этот проект важный инструмент для формирования будущего китайского господства.

Проект «Чанъэ» играет важную роль в развитии космической дипломатии, так как он является незападным вариантом освоения космического пространства для стран, находящимися под санкциями или имеющим другие идеологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рожкина Н.Р. Рымарчук А.А. Фомина Т.Е. Экономическое обоснование необходимости освоения Луны // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. Т. 2. № 7. 2011 – с. 119-120.
2. Кто в 2023-м лидирует в космической гонке и каковы шансы остальных стран URL https://trends.rbc.ru/trends/industry/64527ec99a7947423334313b?from=copy (дата обращения 04.04.2025).
3. Котов М. Новая лунная гонка: кто станет мировым космическим лидером URL https://iz.ru/830120/mikhail-kotov/novaia-lunnaia-gonka-kto-stanet-mirovym-kosmicheskim-liderom (дата обращения 04.04.2025).
4. 王晶金，李成智 中国嫦娥探月工程的实践历程与创新初探(Ван Цзинцзинь, Ли Чэнчжи Первый взгляд на практическую историю и инновации китайского лунного проекта Чанъэ) URL https://drive.google.com/file/d/1iad-A6ODNGXmbAbMuTAa-l7pAPmjgDK0/view?usp=sharing (дата обращения 04.04.2025).
5. 欧阳自远 中国月球探测计划——“嫦娥工程” (Оуян Цзыюань Китайская программа освоения Луны – «Проект Чанъэ») URL https://drive.google.com/file/d/1S2k8QjTmb-Zk1niVY90jnGjVGGd3IyGn/view?usp= обмен (дата обращения 04.04.2025).
6. 庞之浩 嫦娥六号任务及我国未来探月前景(Пан Чжихао Миссия «Чанъэ-6» и перспективы освоения Луны Китаем) URL https://drive.google.com/file/d/1GZj2sBhr4MrT19Zvhf0tgdNWVzU9_W-Q/view?usp=sharing (дата обращения 04.04.2025).
7. 目标月球南极！嫦娥七号任务有哪些特殊之处Цель – южный полюс Луны! Что особенного в миссии «Чанъэ-7» URL http://www.news.cn/politics/20250203/980755591b594aa181065fd4724efeb3/c.html (дата обращения 04.04.2025).
8. Космическая стартовая система НАСА. Справочное руководство. URL https://www3.nasa.gov/sites/default/files/atoms/files/sls_reference_guide_2022_v2_508_0.pdf (дата обращения 04.04.2025).
9. SLS vs Starship: Размер, запуск и стоимость URL https://impulso.space/tools/blog/posts/sls-and-starship (дата обращения 04.04.2025)
11. 长征五号Чанчжэн-5 (CZ-5) URL https://www.cnsa.gov.cn/n6758824/n6759008/n6759011/c6794064/content.html (дата обращения 04.04.2025)
12. Сколько стоит запуск ракеты? URL https://spaceinsider.tech/2023/08/16/how-much-does-it-cost-to-launch-a-rocket/ (дата обращения 04.04.2025).
13. China’s International Lunar Research Station URL https://spacesecurity.wse.jhu.edu/2024/07/28/chinas-international-lunar-research-station/ (дата обращения 04.04.2025).
14. Соглашения Артемиды (The Artemis accords) URL https://www.nasa.gov/artemis-accords/ (дата обращения 04.04.2025).
15. Глава NASA объявил о космической гонке США и Китая URL https://www.kp.ru/daily/27491.5/4701759/ (дата обращения 04.04.2025).

УДК 327

ГЛОБАЛЬНАЯ ГОНКА ЗА ЛИДЕРСТВО В ОБЛАСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ЛИДЕРЫ И АУТСАЙДЕРЫ

THE GLOBAL RACE FOR LEADERSHIP IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE: LEADERS AND OUTSIDERS

А. А. Песчанская,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
A. A. Peschanskaia,
Saint Petersburg State University,
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: alina_pes@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается развитие российско-китайского сотрудничества в области искусственного интеллекта (ИИ) в контексте современных геополитических и технологических трансформаций. Акцент сделан на сопоставлении стратегических подходов России и Китая, а также на выявлении потенциала и ограничений данного взаимодействия в условиях усиливающейся конкуренции с США. Анализ проводится через призму неореалистической и неолиберальной парадигм международных отношений, что позволяет отразить как соперический, так и кооперативный потенциал ИИ в глобальной политике. Особое внимание уделено институциональным механизмам регулирования, вопросам цифрового суверенитета, технологической независимости и этике применения ИИ. В статье также рассматриваются усилия международных организаций по формированию глобальной нормативной базы, отражающей двойственную природу ИИ как ресурса власти и объекта глобального управления. Работа направлена на осмысление роли искусственного интеллекта в формировании новой архитектуры международных отношений и выработку сбалансированных стратегий в эпоху цифровой конкуренции.

Abstract. The article examines the development of Russian-Chinese cooperation in the field of artificial intelligence (AI) in the context of modern geopolitical and technological transformations. The emphasis is placed on comparing the strategic approaches of Russia and China, as well as on identifying the potential and limitations of this interaction in the context of increasing competition with the United States. The analysis is conducted through the prism of the neorealist and neoliberal paradigms of international relations, which allows us to reflect both the competitive and cooperative potential of AI in global politics. Special attention is paid to institutional regulatory mechanisms, issues of digital sovereignty, technological independence and ethics of AI application. The article also examines the efforts of international organizations to form a global regulatory framework reflecting the dual nature of AI as a resource of power and an object of global governance. The work is aimed at understanding the role of artificial intelligence in shaping a new architecture of international relations and developing balanced strategies in the era of digital competition.

Ключевые слова: ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, РОССИЯ, КИТАЙ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ГЕОПОЛИТИКА, ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ, СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО, МЕЖДУНАРОДНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, ЭТИКА ИИ, ГЛОБАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ, ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Key words: ARTIFICIAL INTELLIGENCE, RUSSIA, CHINA, INTERNATIONAL RELATIONS, GEOPOLITICS, DIGITAL SOVEREIGNTY, STRATEGIC PARTNERSHIP, INTERNATIONAL REGULATION, ETHICS OF AI, GLOBAL SECURITY, TECHNOLOGICAL COMPETITION, DIGITAL DIPLOMACY

Изучение взаимодействия России и Китая в сфере искусственного интеллекта (ИИ) отражает как глобальные технологические тренды, так и внутреннюю стратегическую повестку обеих стран. Сотрудничество в этой области сулит значительные конкурентные преимущества: Китай стремится к технологическому лидерству, а Россия рассматривает ИИ как основу модернизации. Общие цели создают потенциал для укрепления партнёрства.

Однако геополитическая конкуренция, риски технологической зависимости и трансфера требуют критической оценки перспектив такого взаимодействия. Эти процессы имеют не только двустороннее, но и глобальное значение, влияя на разработку международных стандартов и стабильность мировой экономики.

ИИ становится важным фактором трансформации международных отношений и перераспределения власти. В неореалистической парадигме он трактуется как инструмент милитаризации, автономного вооружения и создания суверенных цифровых платформ. Согласно этой логике, ИИ усиливает структурную асимметрию и обостряет противоречия в системе международных отношений, выступая стратегическим ресурсом и фактором глобальной нестабильности [1].

С неолиберальной точки зрения, ИИ — это технология общего назначения, способная содействовать решению глобальных вызовов при эффективном международном регулировании. Здесь акцент сделан на этике, защите прав человека, инклюзивности и роли негосударственных акторов — корпораций, университетов и гражданского общества.

Геополитическое соперничество в области искусственного интеллекта (ИИ) приобретает всё более выраженные очертания. Одним из ключевых игроков в этой сфере выступает Китайская Народная Республика, которая в 2017 году представила масштабную «Программу развития ИИ нового поколения до 2030 года». Документ определяет поэтапную стратегию достижения глобального технологического лидерства [2].

Программа Китая по развитию искусственного интеллекта предполагает три этапа: достижение технологического паритета с США к 2020 году, значительный прорыв к 2025 году и мировое лидерство к 2030 году. Планируемые инвестиции составляют около 1,5 трлн долларов при ожидаемой капитализации рынка на уровне 150 млрд долларов. Эти показатели отражают стратегическую нацеленность Китая на закрепление статуса ведущей технологической державы и формирование глобальной повестки в сфере ИИ.

США активно продвигают развитие искусственного интеллекта (ИИ) в целях сохранения технологического лидерства. В 2018 году была реформирована структура Объединённого центра ИИ при Минобороны, усилив оборонную направленность. В 2019 году стартовала национальная программа развития ИИ, а в 2020 году принята «Национальная стратегия в области критических и развивающихся технологий», в которой зафиксированы принципы

технологического доминирования, международного сотрудничества и управления стратегическими рисками. Конгресс выделил на реализацию стратегии свыше 100 млрд долларов, включая инвестиции в ИИ, квантовые технологии и микроэлектронику.

Во внешнеполитической плоскости США применяют ограничительные меры в отношении компаний из Китая и России — включая запрет на ПО Huawei и Лаборатории Касперского, а также эмбарго на экспорт критически важных компонентов. Эти меры направлены на укрепление собственных позиций и ограничение доступа конкурентов к стратегическим технологиям [3].

На наднациональном уровне обсуждение ИИ охватывает безопасность, устойчивое развитие и этику. С 2013 года ведутся консультации по регулированию автономных вооружений, а с 2017 года — работа межправительственных экспертных групп при ООН. В том же году основан Центр ИИ и робототехники при ООН при участии ITU, CFI и IEEE. Ведутся дискуссии о роли ИИ в достижении Целей устойчивого развития, включая инициативу Второго комитета ГА ООН и ЭКОСОС — встречу «Будущее всего — устойчивое развитие в эпоху технологических трансформаций» [4].

Российская Федерация активно формирует собственную международную повестку в области ИИ, выступая организатором профильных конференций, экспертных форумов и круглых столов. Знаковым достижением стало принятие в 2021 году Национального кодекса этики в сфере искусственного интеллекта. Документ был подготовлен при участии Альянса в сфере ИИ, Аналитического центра при Правительстве РФ и Министерства экономического развития, с учетом ключевых нормативных актов, включая Конституцию РФ, Национальную стратегию развития ИИ, Стратегию национальной безопасности и международные обязательства России.

Особое внимание этическим вопросам ИИ уделяет ЮНЕСКО. В период с 2019 по 2021 годы международная группа экспертов разработала Рекомендации по этическим принципам разработки и применения ИИ, ставшие первой глобальной рамкой в данной области. Эти усилия свидетельствуют о растущей значимости создания универсальных стандартов, способных обеспечить ответственное и справедливое внедрение ИИ в глобальном масштабе.

Цифровая трансформация международных отношений оказывает существенное воздействие на функционирование дипломатических институтов и практик. Одним из проявлений этого процесса является формирование нового направления — дипломатии данных, в рамках которой искусственный интеллект (ИИ) и технологии анализа больших данных используются в качестве инструментов прогнозирования поведения пользователей цифровых платформ, на основе анализа их предпочтений и цифрового следа [5].

Современные исследования выделяют три ключевые роли ИИ в дипломатии: как предмет международных переговоров, как инструмент дипломатической деятельности и как фактор, трансформирующий переговорный процесс. ИИ способствует появлению новых тем переговоров (например, автономное оружие), меняет приоритеты и вызывает конфликты, связанные с алгоритмической предвзятостью и управлением данными.

ИИ становится центральным элементом глобального дискурса, затрагивающего вопросы информационного суверенитета, технологической конкуренции и субъектности в цифровую эпоху. Он влияет на перераспределение сил в международной системе и требует формирования международных механизмов регулирования.

Национальные стратегии и международные документы подчеркивают двойственную природу ИИ: он одновременно усиливает геополитические позиции и служит основой для коллективных инициатив в сфере устойчивого развития и цифровой этики. Внедрение ИИ в дипломатические ведомства сопровождается акцентом на информационную безопасность, защиту персональных данных и снижение рисков алгоритмической дискриминации. Учитывая масштабы влияния, необходим системный анализ, позволяющий отличать реальные последствия от гипотетических сценариев.

Соединённые Штаты, Китайская Народная Республика и Российская Федерация являются признанными лидерами в сфере искусственного интеллекта (ИИ), активно формируя как научную, так и нормативно-политическую повестку в данной области [6]. Согласно исследованию, проведённому Nikkei Asia совместно с издательством Elsevier, к 2021 году Китай превзошел США не только по количеству, но и по качеству научных публикаций в области ИИ. Китайские технологические корпорации — Tencent, Alibaba и Huawei — заняли ведущие позиции в глобальных рейтингах исследовательской активности, войдя в десятку мировых лидеров. Совместно на США и Китай приходится около 50% всех научных публикаций в сфере ИИ, причем их доля среди наиболее цитируемых работ является еще более значительной, что подчёркивает их научное и технологическое доминирование.

Эволюция политики США в сфере ИИ прослеживается через смену подходов трёх президентских администраций: Обамы, Трампа и Байдена. Несмотря на различия, сохраняется ориентация на свободный рынок, минимальное государственное вмешательство и стимулирование инноваций в частном секторе.

В 2016 году администрация Обамы утвердила стратегические документы Preparing for the Future of Artificial Intelligence и National AI R&D Strategic Plan, определив приоритеты саморегулирования и ограниченного участия государства.

При Трампе был сделан шаг к более активной государственной политике. В 2019 году он подписал указ Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence, запустив American AI Initiative — первый комплексный план по укреплению технологического лидерства в условиях конкуренции с Китаем [7].

Администрация Байдена придала ИИ-политике выраженный геополитический характер. В докладе NSCAI (2021) технологическое соперничество с Китаем трактовалось как «конкуренция ценностей». Политика сочетала рыночные механизмы с целевым финансированием и усилением регулирования.

Принятый в 2022 году CHIPS and Science Act выделил 52,7 млрд долларов на поддержку полупроводниковой отрасли [8]. Параллельно были введены экспортные ограничения в отношении Китая. В 2023 году США представили

план по регулированию ИИ с бюджетом 140 млн долларов, ориентированный на государственный контроль, прозрачность и безопасность ИИ-систем.

В отличие от США, стратегия КНР в сфере ИИ основана на централизованном управлении и долгосрочном планировании. Ключевой документ — Программа развития искусственного интеллекта нового поколения (2017), предусматривающая три этапа:

1. К 2020 году — достижение уровня развитых стран по науке, патентам и публикациям (инвестиции: $22,5 млрд).

2. К 2025 году — лидерство в ключевых направлениях ИИ ($60 млрд в отрасль, $745 млрд — в смежные индустрии).

3. К 2030 году — превращение Китая в глобальный центр ИИ ($150 млрд в фундаментальные исследования, до $1,5 трлн — в сопутствующие сферы) [9].

Цели ИИ были включены в 14-й пятилетний план цифровой экономики (2021) и План национального развития до 2035 года (2021), что подчёркивает интеграцию ИИ в национальную стратегию.

Особенность китайского подхода — активная роль регионов. Города вроде Пекина, Шанхая и Шэньчжэня реализуют собственные инициативы с многомиллиардными бюджетами, включая создание исследовательских центров и фондов [10].

Китайское регулирование опирается на ряд нормативных документов: Кодекс этики для ИИ нового поколения (2021), Правила управления алгоритмами рекомендаций (2022). В 2023 году было создано Национальное бюро данных для контроля информационных потоков. Модель Китая подчёркивает ведущую роль государства при активном участии частного сектора.

Российская Федерация оформила свою стратегическую линию в области искусственного интеллекта в рамках Национальной стратегии развития ИИ на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента №490 [11] от 10 октября 2019 года. Стратегия включает три приоритетные цели: обеспечение глобальной конкурентоспособности экономики, укрепление национальной безопасности и повышение качества жизни граждан.

Для достижения этих целей определены шесть ключевых задач, включая стимулирование научных исследований, развитие программных решений на базе ИИ, обеспечение доступа к данным и аппаратной инфраструктуре, подготовку кадров и формирование нормативно-правовой базы. Практическая реализация стратегии осуществляется через федеральный проект «Искусственный интеллект», запущенный в 2021 году с общим бюджетом в 24,1 млрд рублей [12]. Проект охватывает популяризацию ИИ, поддержку разработчиков, образовательные инициативы, совершенствование регулирования и научные исследования.

Анализ стратегий ведущих держав выявляет разные модели: в США приоритет отдается рыночным инструментам с минимальным государственным вмешательством, в Китае — централизованное планирование с долгосрочными целями, в ЕС — этика и защита прав человека в основе регулирования. Российский подход представляет собой гибридную модель, сочетающую стратегическое планирование и государственно-частное партнёрство, ограниченное ресурсами.

На глобальной арене ИИ выделяются несколько центров силы. США сохраняют лидерство благодаря венчурному капиталу, передовой науке и влиянию корпораций OpenAI, Google, Microsoft. Китай движется к цели стать мировым центром инноваций в ИИ к 2030 году [13]. ЕС выстраивает регуляторное лидерство, что находит отражение в разработке Закона об искусственном интеллекте (EU AI Act).

Россия входит в число стран с собственными платформами ИИ, включая GigaChat и Kandinsky от Сбера, YaLM от Яндекса, Saiga от МАГЛАБ. Однако развитие проходит в условиях санкционного давления и задач по технологическому суверенитету [14]. Примером уязвимости может служить кибератака на сайт СПбГУ, которая нанесла значительный урон.

Этическая рамка России в сфере ИИ была укреплена в 2021 году принятием Кодекса этики в области ИИ, поддержанного более чем 270 организациями. Параллельно разрабатывается законодательство, учитывающее особенности цифровой экономики.

ИИ активно внедряется в образование. По данным Skillfactory, 50% студентов уже используют нейросети, преимущественно для создания текстов [15]. Вузы применяют алгоритмы для персонализации обучения, оценки результатов и создают иммерсивные среды с цифровыми аватарами.

ИИ также используется в программном обеспечении, архитектуре и инженерии — для оптимизации проектирования и генерации кода. Современные чат-боты способны к контекстной адаптации, что улучшает клиентский опыт.

Следующий шаг — цифровые аватары с ИИ, способные к мультиязычному и эмоционально окрашенному взаимодействию. Они применяются в сервисе, образовании и робототехнике. Роботы с ИИ и речевыми интерфейсами становятся более автономными и функциональными.

Международные практики ИИ формируют многоуровневую систему — от регулирования до прикладных решений и этики. Конкурентоспособность государств будет зависеть от эффективности стратегий и способности адаптироваться к глобальным технологическим изменениям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гришанина Т. А. Искусственный интеллект в международных отношениях: роль и направления исследования // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2021. №4. – с. 10-18.

2. Ковачич Л. Китайский опыт развития отрасли искусственного интеллекта: стратегический подход // Carnegie Endowment. 2020. 7 июля. URL: https://carnegieendowment.org/2020/07/07/ru-pub-82172 (дата обращения 01.04.2025).

3. Бирюков П. Н. Деятельность США в сфере использования искусственного интеллекта // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. №3 (38). – с. 324-334.

4. Доклад сессии 2021 года Группы правительственных экспертов по новым технологиям в сфере создания смертоносных автономных систем вооружений. URL: https://docs-library.unoda.org/Convention_on_Certain_Conventional_Weapons_-_Seventh_Group_of_Governmental_Experts_(2021)/CCW-GGE.1-2021-3_Russian.pdf (дата обращения: 04.04.2025).

5. Цветкова 2020 – Цветкова Н.А. Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 2. С. 37-47.

6. Капустин, А. А. Сравнительный анализ особенностей стратегии развития искусственного интеллекта в США и КНР / А. А. Капустин // Экономические отношения. – 2023. – Т. 13, № 2. – С. 311-332. – DOI 10.18334/eo.13.2.118242

7. A Presidential Document by the Executive Office of the President on 02/14/2019. URL: URL: https://www.federalregister.gov/documents/2019/02/14/2019-02544/maintaining-american-leadership-in-artificial-intelligence/ (дата обращения: 04.04.2025).

8. В США принят "Закон о чипах и науке". URL: https://journal-neo.su/ru/2022/10/12/v-ssha-prinyat-zakon-o-chipah-i-nauke/ (дата обращения: 04.04.2025).

9. Китайский опыт развития отрасли искусственного интеллекта: стратегический подход. URL https://carnegie.ru/2020/07/07/ru-pub-82172 (дата обращения: 04.04.2025).

10. Chipman Koty A. Artificial Intelligence in China: Shenzhen Releases First Local Regulations. China Briefing. [Электронный ресурс]. URL: https://www.china-briefing.com/news/artificial-intelligence-china-shenzhen-first-local-ai-regulations-key-areas-coverage (дата обращения: 01.04.2025).

11. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации". URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (дата обращения: 06.04.2025).

12. Национальная стратегия. URL: https://ai.gov.ru/national-strategy/?ysclid=m95omk1s3196168508 (дата обращения: 06.04.2025)

13. Стратегия Китая в области ИИ: Как ИИ развивается в руках Восточной Азии. URL: https://www.bitrue.com/ru/blog/china-ai-development-strategy (дата обращения: 01.04.2025).

14. Конференция «Путешествие в мир искусственного интеллекта». Журнал «Коммерсантъ Наука». № 3 от 14.03.2024, с. 33 URL: https://www.kommersant.ru/doc/6559938 (дата обращения: 01.04.2025).

15. Терехова Е.С., Пучкова Н.Н., Новикова Л.В. Анализ востребованности использования нейросетей для решения учебных задач // Концепт. 2024. №8. – с. 1-17.

УДК 327

СПЕЦИФИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕЛОВОГО И КОНГРЕССНО-ВЫСТАВОЧНОГО ТУРИЗМА В РОССИИ

SPECIFICS AND PROSPECTS OF BUSINESS AND CONVENTION-EXHIBITION TOURISM IN RUSSIA

А. С. Федорова,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
A. S. Fedorova,
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: peachystasy@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития делового и конгрессно-выставочного туризма в России в контексте международных отношений. Анализируются эволюция отрасли, текущее состояние, инфраструктурные и культурные особенности, влияние пандемии COVID-19 и перспективы развития в рамках интеграционных форматов БРИКС и ШОС.

Abstract. The article examines the development of business and convention-exhibition tourism in Russia in the context of international relations. It analyzes the evolution of the industry, its current state, infrastructural and cultural specifics, the impact of the COVID-19 pandemic, and prospects for development within integration formats such as BRICS and SCO.

Ключевые слова. ДЕЛОВОЙ ТУРИЗМ, MICE, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, РОССИЯ, ПМЭФ, БРИКС, ИНФРАСТРУКТУРА, ФОРУМЫ

Key words. BUSINESS TOURISM, MICE, INTERNATIONAL RELATIONS, RUSSIA, SPIEF, BRICS, INFRASTRUCTURE, FORUMS

Индустрия делового и конгрессно-выставочного туризма (MICE — Meetings, Incentives, Conferences, Exhibitions) в России стала развиваться с конца XX века, пройдя путь от фрагментарных форм к интеграции в глобальную систему международных коммуникаций. С переходом к рыночной экономике и вхождением в международные рынки деловые поездки стали играть ключевую роль в экономической дипломатии. Настоящая статья посвящена специфике российского сегмента MICE и его роли в системе международных отношений.

Становление индустрии началось в 1990-е годы, когда появились первые ассоциации делового туризма и специализированные агентства. В 2000-х годах рост экономики и интеграция в мировую торговлю стимулировали развитие форумов и выставок международного масштаба. Петербургский международный экономический форум (ПМЭФ), Восточный экономический форум и другие события стали важными площадками международного взаимодействия. Несмотря на это, Россия по количеству международных мероприятий уступает не только западным странам, но и партнерам по БРИКС. По данным ICCA за 2023 год, РФ заняла 97-е место по числу очных мероприятий, тогда как Китай — 18-е. Чтобы

детально изучить вопрос, выявить специфику и перспективы направления в России обратимся к SWOT-анализу отрасли, который позволит выявить ее сильные и слабые стороны, возможности и угрозы.

Сильные стороны (Strengths). Одним из ключевых конкурентных преимуществ России в сфере MICE является её геостратегическое положение. Страна занимает уникальное пространство между Европой и Азией, а крупнейшие мегаполисы — Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург и другие — выступают важнейшими узлами международного транзита. Это создает благоприятные предпосылки для привлечения глобальных мероприятий различного масштаба. Дополнительным фактором является активное участие государства в развитии MICE-индустрии. Российская Федерация продемонстрировала способность к организации мегамероприятий на высоком уровне, включая саммиты АТЭС, Зимние Олимпийские игры 2014 года и чемпионат мира по футболу 2018 года [1]. Эти события оставили после себя не только развитую инфраструктуру, но и квалифицированные кадры, способные обеспечить проведение мероприятий мирового уровня.

Культурно-туристский потенциал также усиливает привлекательность России как деловой дестинации [2]. Присутствие всемирно признанных достопримечательностей, таких как Санкт-Петербург, маршруты Золотого кольца, а также разнообразные природные объекты, позволяет сочетать деловые поездки с насыщенной культурной программой [3]. Наконец, наблюдается институционализация отрасли: функционирование крупного организатора в лице Фонда «Росконгресс» и профильных ассоциаций способствует консолидации усилий участников рынка, что упрощает координацию и продвижение интересов сектора [4].

Слабые стороны (Weaknesses). Вместе с тем индустрия MICE в России сталкивается с рядом внутренних ограничений. Прежде всего, это выраженная инфраструктурная неравномерность: основная концентрация современных конгрессных и выставочных центров сосредоточена в Москве и Санкт-Петербурге, в то время как большинство регионов испытывают дефицит соответствующих объектов [5].

Имиджевые и визовые барьеры продолжают сдерживать развитие въездного сегмента. Политическая нестабильность и сохраняющийся визовый режим создают настороженность у части международной аудитории, несмотря на позитивные сдвиги, связанные с введением электронных виз. Также остро ощущается дефицит квалифицированных кадров, в частности профессиональных организаторов конгрессов (PCO) и компаний по управлению направлениями (DMC), способных оказывать услуги на международном уровне [6]. Образовательные программы по подготовке специалистов в области ивент-менеджмента пока находятся на стадии становления. Ограниченная представленность России в международных ассоциациях (например, ICCA, UFI) затрудняет включение российских городов в ротации проведения глобальных мероприятий, что снижает видимость страны на мировой MICE-карте [2].

Возможности (Opportunities). Среди стратегических направлений развития можно выделить активное инвестирование в инфраструктуру в

регионах, реализуемое в рамках национальных проектов и государственно-частного партнёрства. Строительство и модернизация выставочных и конгрессных объектов, запланированные, в частности, Российской союзной выставочной ярмаркой (РСВЯ), создадут условия для расширения географии делового туризма. Интеграция MICE-деятельности с национальными приоритетами — экспортом, наукой, образованием — открывает новые векторы роста [7]. Тематические форумы и выставки в области атомной, медицинской и агротехнологий способны не только продвигать отечественные разработки, но и привлекать профильную международную аудиторию.

Особую роль может сыграть углубление взаимодействия в рамках объединений БРИКС и ШОС. Формирование устойчивых брендовых событий, таких как спортивные или молодежные форумы на российской территории, будет способствовать укреплению позиций России как центра многосторонней дипломатии и сотрудничества [8]. Технологический потенциал страны также открывает возможности для цифровой трансформации сектора. Разработка и внедрение отечественных платформ для виртуальных мероприятий и цифрового управления ивентами могут не только повысить эффективность, но и стать объектом экспорта. Кроме того, развитие аналитических инструментов позволит глубже понимать поведение деловых путешественников и выстраивать наиболее эффективные маркетинговые стратегии [9].

Угрозы (Threats). Наиболее значимой угрозой для MICE-сектора остается геополитическая нестабильность. Продолжение санкционного давления и ограничение международных транспортных связей могут привести к снижению числа стран-участниц, уменьшению присутствия иностранных экспертов и спонсоров, а также к потере международного статуса ряда мероприятий. [10].

Кроме того, усиливается глобальная конкуренция. Альтернативные рынки — в частности, Турция и страны Персидского залива — активно развивают собственную MICE-инфраструктуру и ведут борьбу за международные события. С ростом стабильности за рубежом можно ожидать возврата интереса российских компаний к проведению мероприятий за границей [11].

Экономическая нестабильность также представляет риск. Снижение корпоративных прибылей и государственных бюджетов в условиях кризисов ведёт к сокращению расходов на командировки и мероприятия, поскольку деловой туризм чувствителен к макроэкономическим колебаниям [4]. Наконец, сохраняется риск возникновения новых пандемий или чрезвычайных ситуаций. Как показал опыт COVID-19, сектор MICE является одним из наиболее уязвимых. В случае повторения подобного кризиса потребуется быстрая адаптация — переход к гибридным или виртуальным форматам, наличие страховых механизмов и антикризисных планов [12].

Таким образом, MICE-индустрия в России, несмотря на текущие ограничения, обладает высоким потенциалом как инструмент «мягкой силы», экономической дипломатии и культурного обмена. Российская индустрия MICE развивается по направлению интеграции в международные процессы. При активной государственной и профессиональной поддержке она способна не только приносить экономическую отдачу, но и укреплять имидж страны как

центра многополярного сотрудничества, а реализация стратегий по развитию региональной инфраструктуры, профессионального образования, международного позиционирования позволит России укрепить свои позиции на глобальной карте делового туризма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Курылев К. П., Станис Д. В., Баранник М. А. Евразийская идеология во внешней политике современной России // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 151–165.
2. Матвеевская А.С. Исследования международного туризма как фактора мировой политики // Актуальные проблемы мировой политики. Научный альманах. Юбилейный выпуск. 30-лет кафедре мировой политики СПбГУ. СПб. 2024. – С. 110-118
3. ICCA Country & City Rankings 2023. – URL: https://www.slovenia-convention.com/wp-content/uploads/ICCA-Rankings-2023_080524.pdf (дата обращения: 20.04.2025).
4. Фонд «Росконгресс». Аналитические материалы. 2023–2024 гг.
5. Стратегия развития индустрии туризма в РФ до 2035 года. – URL: https://tourism.gov.ru/contents/strategiya2035 (дата обращения: 20.04.2025).
6. Путин В. В. Выступление на пленарной сессии ПМЭФ-2021. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/65805 (дата обращения: 20.04.2025).
7. Российский союз выставок и ярмарок (РСВЯ). Отчеты за 2022–2024 гг. – URL: https://www.ruef.ru/about/reports/ (дата обращения: 20.04.2025).
8. Государственная программа РФ «Развитие туризма» (ред. 2023). – URL :https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosprogramma_razvitie_turizma/ (дата обращения: 20.04.2025).
9. Событийный рынок России. – URL: https://russiacb.com/ upload/iblock/996/2lagcg1gr3fabsc9hnzrst1kvrsg6f1d.pdf (дата обращения: 20.04.2025).
10. Погодина В.Л., Матвеевская А.С. Событие как средство продвижения Санкт-Петербурга на мировой туристской рынок // Природное и культурное наследие: междисциплинарные исследования, сохранение и развитие. Коллективная монография по материалам VIII Международной научно-практической конференции. СПб. 2019. – с. 319-322.
11. ВНИЦ R&C: Ситуация в конгрессно-выставочной отрасли, связанная с отменой деловых мероприятий в 2022 году. URL: https://ruef. ru/ob-otrasli/analitika-i-issledovaniya-otrasli/vnits-r-n-s-situatsiya-v-kongressno vystavochnoy-otrasli-svyazannaya-s-otmenoy-delovyh-meropriyatiy-v-2022-godu. html (дата обращения: 20.04.2025).
12. Федосеева О.В. Трансформация российской конгрессно-выставочной индустрии в новых условиях современной экономики // Вестник евразийской науки. – 2023. – № 1.

УДК 327.8

ВЛИЯНИЕ «ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА» НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ США (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ)

THE IMPACT OF "TECHNOLOGICAL NATIONALISM" ON U.S. FOREIGN POLICY (USING SINO-U.S. RELATIONS AS AN EXAMPLE)

Чжан Цзинкай,
Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия)
Zhang Jinkai,
Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: zhangjinkai2021@yandex.ru

Аннотация. Анализ тенденций развития и истории «технологического национализма» в Соединенных Штатах на примере научно-технической американской политики в отношении Китая демонстрирует влияние технократии США на внешнюю политику. В статье рассматривается формирование концепции «технологического национализма» в США, причины ее возникновения и культурная почва, роль фактора американского «технологического национализма» в международных отношениях. На планирование научно-технической политики Соединенных Штатов в отношении Китая влияет множество факторов, что обусловлено не только стратегическими потребностями соперничества великих держав, но и многочисленными проблемами национальной безопасности, экономических перспектив и социальной стабильности. Предложенные результаты демонстрируют действующий механизм «технологического национализма» США, который предоставляет полезную аналитическую перспективу для понимания внешней научно-технической политики США.

Abstract. An analysis of the trends in the development and history of «technological nationalism» in the United States, using the example of US science and technocracy influence policy towards China, demonstrates the influence of US technological democracy on foreign policy. The article examines the formation of the concept of «technological nationalism» in the United States, the causes of its emergence and cultural background, the role of the factor of American «technological nationalism» in international relations. The planning of the United States' science and technology policy towards China is influenced by many factors, which are determined not only by the strategic needs of great Power rivalry, but also by numerous factors of national security, economic prospects, and social stability. The proposed results demonstrate the current mechanism of US «technological nationalism», which provides a useful analytical perspective for understanding US foreign science and technology policy.

Ключевые слова. ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ; ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США; СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ; КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ; ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ СДЕРЖИВАНИЕ; ЭКОНОМИЧЕСКИЕ САНКЦИИ

Key words. TECHNOLOGICAL NATIONALISM; US FOREIGN POLICY; STRATEGIC COMPETITION; SINO-AMERICAN RELATIONS; TECHNOLOGICAL DETERRENCE; ECONOMIC SANCTIONS

Введение. Национализм — это политическое течение, идеология и общественное движение, которое подчеркивает идентификацию граждан и лояльность к стране, различия в идентичности между их собственной страной и другими странами, а также бдительность по отношению к внешним угрозам [1]. С ростом популярности науки и техники технологическая конкуренция между странами становится все более ожесточенной, что привело к возникновению в 1980-х годах фактора технологического национализма. После почти полувекового развития коннотация и обозначение «технологического национализма» постоянно расширялись, с изменениями в субъектах, использующих дискурс, и референтах. Эмоции, которые он содержит, также изменились, но его основное содержание остается неизменным [2].

Во-первых, технологические националисты обычно рассматривают технологическое развитие со стратегической точки зрения, полагая, что в мире жесткой конкуренции технологии являются ключевым национальным достоянием, имеющим решающее значение для национальной безопасности и экономической конкурентоспособности [3]. Во-вторых, учитывая стратегическое значение технологий, технологическая конкуренция не может рассматриваться исключительно как рыночное поведение, и необходимо вмешательство государства, чтобы играть важную роль в международной технологической конкуренции [4]. В-третьих, цели технологических националистов последовательны, а именно: усилить внешнюю конкурентоспособность отечественных отраслей промышленности, расширить сравнительные преимущества и тем самым способствовать внутреннему экономическому процветанию, социальной стабильности и национальной безопасности. Таким образом, под термином «технологический национализм» нами понимается идеология и общественное движение, которых требуют различные слои общества для защиты особых технологических интересов своей страны.

Возрождение американского технологического национализма внесет неопределенность в глобализацию. В статье анализируются его характеристики и даются рекомендации по реагированию на изменения в современной внешней политике США. Рассматриваются проявления и функции технологического национализма в США, его исторические и культурные основы, чтобы понять причины изменений в современной американской политике.

Методы исследования. Используются общенаучные методы (анализ, синтез, индукция) и контент-анализ, с помощью которых исследованы официальные документы правительства США и академическая литература, изданная в Китае, России и США. В статье приводятся результаты анализа и характеристики, причины и следствия технологического национализма в Соединенных Штатах.

Материалы исследования. Исследовательскими материалами являются публикации в научных журналах, которые в той или иной степени связаны с темой исследования, а также отчеты правительства США и правительства Китая. На первом этапе был проведен поиск в Google Scholar по теме “технонационализм», и было получено 4490 результатов поиска, большинство из которых были представлены в виде монографий. Исследование включало определение, характеристики, состав и влияние феномена на внешнюю политику

США. В дополнение к статьям в научных журналах, ограничения на тематику публикаций (политология, международные отношения, национализм) и исключение публикаций, которые невозможно просмотреть, сузили поиск до релевантных источников, из которых 17 статей соответствуют теме исследования.

Результаты

1. Ключевые характеристики и политические проявления американского «технологического национализма»

Американское стратегическое мышление имеет традицию инструментальной рациональности, придерживаясь основной концепции и внешней политики инструментального рационализма, который верит в технологии и власть. Это естественное проявление и логическое продолжение стремления к безопасности через силу [5]. Поэтому американское стратегическое мышление уделяет большое внимание науке и технике, подчеркивая «технологическое превосходство» как в военной области, так и в национальной большой стратегии, придерживаясь прагматической концепции и инструментально-технологического мышления, которое стремится к абсолютному технологическому превосходству и поддерживает его.

1.1. Принятие американского технологического превосходства.

В отличие от национальной гордости, американцы твердо верят, что они «избранные», и считают американскую политическую систему, ценности и образ жизни оптимальным выбором для человечества. Американскому национализму присуще сильное чувство «американского превосходства», которое само по себе превратилось в особую «религию» [6]. Американский национализм подчеркивает «американское превосходство», а вера в «американское технологическое превосходство» является отражением американского национального превосходства в области технологий.

1.2. Внедрение технологий как ключ к международной конкуренции.

Одним из главных проявлений американского технологического национализма является экспансия. В своем обращении к Федеральному собранию в 2018 году Д. Трамп отметил: «Ни одна нация в мире не обладает таким бесстрашием, отвагой и настойчивостью, как американцы. Мы достигаем новых высот, пересекаем границы, преодолеваем вызовы и используем возможности» [7]. Наука и техника являются важными «границами», определенными Соединенными Штатами. Для закрепления лидирующих позиций в новом витке технологической революции, Конгресс США предложил в 2020 г. Закон о бесконечных границах, требующий увеличения инвестиций в фундаментальную науку и новейшие технологии. Осваивая бесконечные рубежи науки и техники, американский технологический национализм демонстрирует свою экспансивную природу.

1.3. Поддерживать ощущение кризиса в связи с перспективой технологической отсталости.

Американский народ придерживается принципа «Америка превыше всего», создавая внутреннее давление. Это побудило США создать политический механизм для управления технологическими вызовами. США активно развивают ключевые технологии и следят за прогрессом других стран, стремясь сохранить технологическое лидерство.

1.4. Интеграция технологий в идеологические нарративы.

Американский национализм проистекает из веры в общие политические идеалы и ценности и стремления к ним [8]. На формирование внешней политики Соединенных Штатов всегда сильно влияла идеология, которая стала для Соединенных Штатов инструментом привлечения «технологических друзей» и подавления «технологических врагов». «Технологический национализм» как идеология облегчает Соединенным Штатам включение иррациональных элементов при формулировании внешней политики.

2. Механизмы влияния на внешнюю политику

Под влиянием множества факторов, таких как эскалация идеологических конфликтов, нестабильная международная ситуация и быстрые технологические изменения, нынешний американский технологический национализм оказывает глубокое влияние на формулирование американской внешней политики с точки зрения оценки международной обстановки (см. Рис. 1).

2.1. Влияние на восприятие международной обстановки

Стремление к технологическому прогрессу является основным стремлением к технологическому национализму, но разные нации по-разному воспринимают технологическое превосходство, таким образом представляя разные формы технологического национализма. Умеренный технологический национализм считает, что нация обладает способностью развивать передовые технологии, но не подчеркивает превосходства над другими нациями и является относительно инклюзивной. Технологический национализм в США имеет правый популистский характер. Это усиливает чувствительность страны к изменениям в международном балансе сил. Снижение американской мощи ставит под угрозу чувство национального превосходства, что может привести к экстремальной внешней политике.

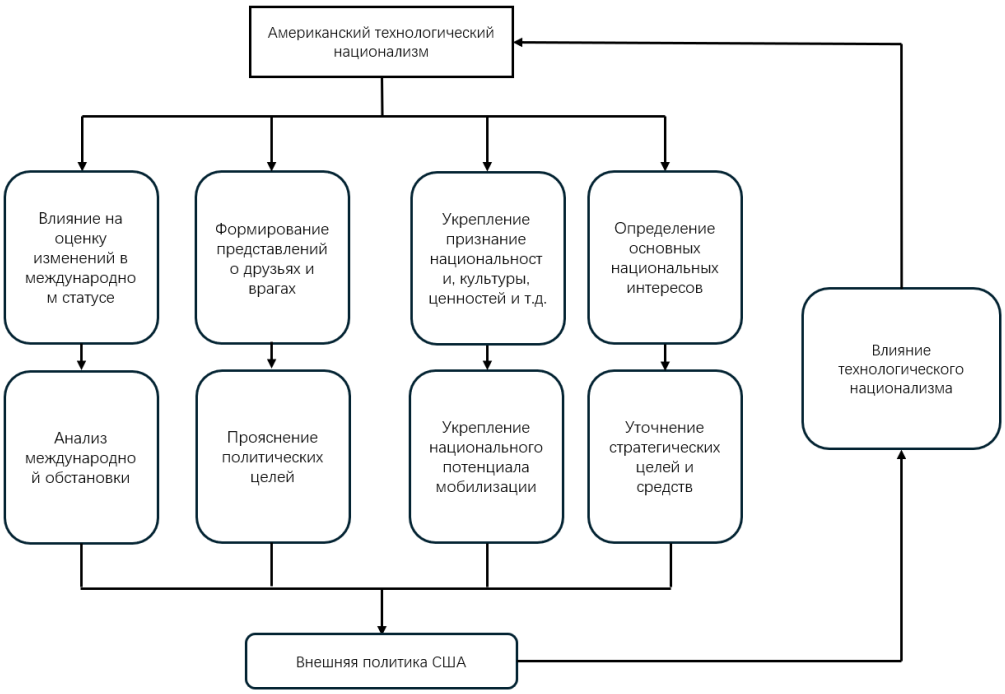

Рис. 1: Механизм, с помощью которого американский «технологический национализм» влияет на внешнюю политику

2.2. Формирование представления о политических целях

Национализм имеет конструктивистские черты, влияющие на восприятие международной обстановки и понимание национальных субъектов. Технологический национализм формирует политику через национальную идентичность. Национализм связывает сообщество через родство и культурные сходства, особенно в современной международной системе, акцентируя внимание на политических системах, традициях и идеологиях. Технологическая конкуренция между союзниками поддается контролю, но может обострить противоречия в неоднородных странах, особенно если вызов исходит от бывшей слабой страны. США используют националистические настроения для внутренней мобилизации, консенсуса и концентрации усилий на науке и технологиях.

2.3. Цели и средства, влияющие на внешнюю политику

Технологический национализм оказывает значительное влияние на формулирование целей внешней политики и выбор средств. Технические националисты рассматривают напряженные отношения между союзниками как разрешимые противоречия и используют умеренные средства для их разрешения при разработке внешней политики. Взаимодействуя со странами, не являющимися союзниками, они склонны к эмоциональным реакциям при решении проблем, что приводит к чрезмерным дипломатическим мерам. Американские технологические националисты рассматривают технологическую гегемонию как основной национальный интерес и будут уточнять цели технологической политики, исходя из источника, характера и степени вреда угрозы, и применять соответствующие средства [9].

3. Влияние американского «технологического национализма» на внешнюю политику США в отношении Китая

Столкнувшись с быстрым развитием Китая в области высоких технологий, передовые позиции американских технологий постепенно сужаются, бросая вызов чувству превосходства, воплощенному в американском технологическом превосходстве. Следовательно, американский технологический национализм набирает обороты, проявляя все более выраженные экспансионистские, исключительные и иррациональные характеристики. Это глубоко изменило интерпретацию Соединенными Штатами международной обстановки, их восприятие Китая, а также формулирование целей и выбор средств в их научно-технической политике, связанной с Китаем.

3.1. Китай как гипотетический враг, угрожающий национальной безопасности США

В 1995 г. Соединенные Штаты представили первую Научно-техническую стратегию национальной безопасности, включающую науку и технологии в сферу национальной безопасности [10]. С тех пор национальная безопасность США включает в себя не только политическую, военную и экономическую безопасность, но и технологическую безопасность, причем последняя играет ключевую роль в обеспечении первых трех. В последние годы Соединенные Штаты сфабриковали представление о том, что научно-технический прогресс Китая представляет собой всестороннюю угрозу его национальной безопасности, что, в частности, проявляется в следующем.

Во-первых, она связывает науку и технику с идеологией, выступая за противопоставление ценностей. В последние годы Соединенные Штаты постоянно нападали на Китай за пропаганду так называемого цифрового авторитаризма. В докладе Стратегия национальной безопасности за 2017 г. говорится: «Способность использовать мощь данных является основой для победы Соединенных Штатов над враждебными идеологиями» [11]. В докладе Института Рейгана за 2019 г. указывается, что исход инновационного соревнования между Китаем и Соединенными Штатами определит будущий облик мира, то есть будут ли страны взаимодействовать свободно, на равных и мирно или попадут в систему «легитимизирующего авторитаризма» [12]. Соединенные Штаты используют новые технологии в качестве оружия в идеологической борьбе, стоя на высоте противоположных ценностей, чтобы участвовать в технологической конкуренции с Китаем.

Во-вторых, существует обеспокоенность по поводу военно-технического прогресса Китая, ведущего к распространению «теории военной угрозы Китая». Политические и военные круги США в целом обеспокоены тем, что военный рост Китая представляет угрозу и вызов для США. В отчете о национальной разведывательной стратегии США за 2019 г. говорится, что технологические достижения Китая, особенно в области новейших технологий, создали проблемы для безопасности США [13]. Исследовательский отчет под названием «Китайско-американское военное соперничество», написанный командой профессора Гарвардского университета Грэма Эллисона, прямо указывает на то, что эпоха военного превосходства США закончилась [14]. Столкнувшись с динамикой развития Китая в области военных технологий, Джейк Салливан, советник по национальной безопасности администрации Байдена, считает, что главной задачей для США сейчас является сдерживание Китая, чтобы не дать ему вмешиваться в свободу действий США и «принуждать» союзников США [15].

В-третьих, наука и технологии рассматриваются как инструменты геополитической конкуренции. Согласно прогнозам западных СМИ, Китай превзойдет Соединенные Штаты и станет ведущей экономической державой мира к 2030 году [16]. Впечатляющие показатели экономики Китая во многом обусловлены возросшим вкладом науки и техники в экономический рост. Согласно данным, опубликованным Всемирной организацией интеллектуальной собственности, уровень вклада науки и технологий в экономику Китая вырос с 39% в 2001 году до 60% в 2020 г. [17]. В июне 2018 г. в политическом отчете, опубликованном Управлением торговли и производства США, Белый дом обвинил Китай в достижении быстрого экономического роста главным образом за счет «агрессивного» поведения, политики и практики, которые «нарушают» глобальные нормы и правила. По ее мнению, это угрожает не только экономике США, но и всему миру [18]. Внедрение стратегий развития Китая, таких как «Стандарты Китая до 2035 года», усилило беспокойство по поводу возможности потери США своего экономического лидерства. Чтобы подавить импульс экономического развития Китая, США используют технологии в качестве инструмента геополитической конкуренции между крупными державами, настаивая на ведении торговых и технологических войн против Китая.

3.2. Определение целей и средств технологической конкуренции между Соединенными Штатами и Китаем

Роль технологического национализма в формировании научно-технической политики США в отношении Китая проявляется на уровне выработки политики, предусматривающей цепочку действий от интерпретации стратегической обстановки до построения системы познания противника, формирования стратегических целей и, в конечном счете, влияния на стратегические средства.

Во-первых, Соединенные Штаты достигли консенсуса относительно цели всеобъемлющей технологической конкуренции с Китаем. Со времен администрации Трампа многочисленные стратегические отчеты или документы правительства США недвусмысленно определяли Китай как крупного стратегического конкурента, раздувая «китайскую угрозу» и подчеркивая необходимость и срочность участия во всеобъемлющей стратегической конкуренции с Китаем. Между двумя основными политическими партиями Соединенных Штатов был достигнут консенсус относительно участия во всеобъемлющей конкуренции с Китаем. В современности конкуренция великих держав — это прежде всего конкуренция инновационных возможностей. Сила инновационного потенциала во многом определит исход конкуренции [12]. Столкнувшись с растущим всесторонним «вызовом» Китая, Соединенные Штаты сосредоточили свое стратегическое соперничество с Китаем на сфере высоких технологий.

Во-вторых, это способствует созданию институциональной основы для всеобъемлющей технологической конкуренции с Китаем. В последние годы Конгресс США беспрецедентно активизировал свое законодательство, связанное с Китаем, предложив множество законопроектов, направленных на расширение собственных возможностей технологического развития и конкуренцию с Китаем в областях высоких технологий. Эти законопроекты охватывают не только программное законодательство, определяющее будущее технологическое развитие Соединенных Штатов, но и конкретное законодательство в отдельных технологических областях, включая Закон о Национальной инициативе в области искусственного интеллекта (2020 г.), Закон о стратегической конкуренции (2021 г.) и Американский закон об инновациях и конкурентоспособности (2021 г.). Кроме того, Соединенные Штаты улучшена институциональная структура Управления по научно-технической политике Белого дома, Национального совета по науке и технологиям и других учреждений, укрепив их общие координационные функции.

В-третьих, США приступили к повышению своей всеобъемлющей технологической конкурентоспособности по сравнению с Китаем как внутри страны, так и за ее пределами. Основываясь на широкой мобилизации общественного мнения и создании институциональных рамок, правительство США приступило к повышению своей всеобъемлющей технологической конкурентоспособности по сравнению с Китаем. Внутри страны Соединенные Штаты укрепили свой научно-технический инновационный потенциал. Руководство макроэкономической политикой и мер поддержки сосредоточено на совершенствовании построения базовых дисциплин, повышении уровня подготовки высококлассных специалистов и усилении интеграции промышленности, научных кругов, исследований и прикладных программ.

Объединив ресурсы для устойчивых технологических инноваций, сформирована полная цепочка развития новейших технологий как хорошо организованная стратегическая структура. США усилили контроль за импортом и экспортом высоких технологий, уделяя больше внимания усилению контроля за экспортом новых и базовых технологий конкурентам, таким как Китай. Американское правительство расширил сферу охвата и критерии оценки обзоров зарубежных слияний и поглощений, связанных с ключевыми технологиями, подавляя конкурентов и защищая при этом свой внутренний рынок. Во имя защиты идеологической и ценностной безопасности Соединенные Штаты готовятся к созданию «Технологического альянса демократических стран», пытаясь установить многосторонние и двусторонние механизмы координации, усилить диверсификацию и безопасность цепочек поставок [19].

Заключение. В основе американского технологического национализма лежат ярко выраженные особенности, характерные для США. Во-первых, Соединённые Штаты следуют принципу «Америка превыше всего» и стремятся к технологическому лидерству и доминированию. Во-вторых, в США считают, что технологии — это ключ к национальной борьбе за власть. Наконец, США включают технологии в свой идеологический нарратив, демонстрируя сильный конструктивистский подход.

Таким образом, сфера науки и техники — это ключевое поле битвы в конкуренции между Китаем и США американский «технологический национализм» — это стремление к технологической гегемонии. Американский «технологический национализм», направленный на сохранение гегемонии, будет оставаться актуальным в течение длительного времени. Это не только нарушит правила мировой торговли и глобальную торговую систему, но и может усилить конкуренцию между великими державами и геополитическую конфронтацию. Перед лицом американского технологического национализма любая страна, не являющаяся союзником США, должна быть готова к долгосрочной конкуренции в технологической сфере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ань дун ни · ши ми сы чжу , 安东尼·史密斯著, гун вэй бинь 、 лян цзин юй и.龚维斌、良警宇译: Национальность и национализм в эпоху глобализации, 《全球化时代的民族与民族主义. Издательство «Центральный сборник», 中央编译出版社, 2002. pp. 5.

2. Reich R. The Rise of Techno-nationalism. The Atlantic, Vol.259, May 1987, pp. 62－69.

3. Лю Гочжу 刘国柱 Анализ технологического национализма в администрации Трампа, 《特朗普政府技术民族主义论析》, Американистика, 《美国研究》, 2020 (04) pp. 47.

4. Krige J. Barth K.-H. Global Power Knowledge: Science and Technology in International Affairs, Osiris, Vol.21, No.1, 2006, pp. 1－21.

5. Ши Бинь.石斌. Идеологические корни Стратегии национальной безопасности США《美国国家安全战略的思想根源》, Международные политические исследования《国际政治研究》, 2021 (01) , pp. 20.

6. Chidester D. Patterns of Power: Religion and Politics in American Culture. New Jersey: Prentice Hall, 1988, pp. 94－95.

7. Full Text of the President Trump's First State of the Union Address // CBS News, 2018-01-30）.
URL：https://www.cbsnews.com/news/2018－state－of－the－union－address－trump－transcript－full－text/. (дата обращения: 27.03.2025).
8. Ван Лянь.王联. Мировой национализм《世界民族主义论》, Пекин: Издательство Пекинского университета. 北京大学出版社, 2002, 57 p.
9. Rosecrance R. Economics and National Security: The Evolutionary Process // Richard Schultz et al., eds., Security Studies for the 21st Century. Washington, D.C.: Brassey's Publishers, 1997, p.211.
10. National Security Science＆Technology Strategy－Introduction // The White House, URL：https://clintonwhitehouse4.archives.gov/WH/EOP/OSTP/nssts/html/chapt1.html. (дата обращения: 21.11.2024).
11. Countering Digital Authoritarianism // VOA, 2022-01-13 https://editorials.voa.gov/a/countering－digital－authoritarianism/6395770.html. (дата обращения: 21.11.2024).
12. The Contest for Innovation: Strengthening America's National Security Innovation Base in an Era of Strategic Competitionт // Ronald Reagan Institute, December 2019, p.9, URL：https://www.reaganfoundation.org/media/355297/the_contest_for_innovation_report.pdf. (дата обращения: 21.11.2024).
13. National Intelligence Strategy of the United States of America. Office of the Director of National Intelligence. 2019, p. 5.
URL：https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/National_Intelligence_Strategy_2019.pdf. (дата обращения: 21.11.2024).
14. Allison G., Glick-Unterman J. The Great Military Rivalry:China vs the U.S. //Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School, December 2021, p.1.URL：https://www.readkong.com/page/the－great－military－rivalry－china－vs－the－u－s－graham－5050873. (дата обращения: 21.11.2024).
15. Sullivan J., Campbell K. M. Competition Without Catastrophe: How America Can Both Challenge and Coexist with China // Foreign Affairs, Vol. 98, September/October 2019, URL：https://www.foreignaffairs.com/china/competition-with-china-catastrophe-sullivan-campbell (дата обращения: 21.11.2024).
16. China's Economy to Overtake That of the US by 2030 // Asia News, March 9, 2022, URL：https://www.asianews.it/news-en/China%E2%80%99s-economy-to-overtake-that-of-the-US-by-2030-(despite-the-Ukrainian-crisis)-55317.html (дата обращения: 21.11.2024).
17. Вклад Китая в научно-технический прогресс достиг 59,5%, а стратегия инновационного развития получила широкое распространение». 《我国科技进步贡献率已达59.5%创新驱动发展战略深入推进》, Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. 中华人民共和国中央人民政府网站, 2020-10-21. URL：http://www.gov.cn/xinwen/2020－10/21/content_5552877.htm (дата обращения: 21.11.2024).
18. How China's Economic Aggression Threatens the Technologies and Intellectual Property of the United States and the World //White House Office of Trade and Manufacturing Policy, June 2018, p. 1-2. URL：https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2018/06/FINAL-China-Technology-Report-6.18.18-PDF.pdf (дата обращения: 21.11.2024).
19. Лю Гочжу 刘国柱. Новые технологии и американский технологический национализм с геополитической точки зрения 《地缘政治视野下的新兴技术与美国技术民族主义. Современный мир《当代世界》, 2020 (10) , pp.35.

УДК 327

АНАЛИЗ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РФ И КНР В КОНТЕКСТЕ БРИКС

ANALYSIS OF THE GEOPOLITICAL INTERESTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND CHINA IN THE CONTEXT OF BRICS

М. А. Чурбанова,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
M. A. Churbanova,
Saint Petersburg State University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: mari.churbanova.03@mail.ru

Научный руководитель:
Матвеевская А. С.
E-mail: annamatveevskaya@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу интересов Российской Федерации и Китайской Народной Республики в БРИКС. В работе рассматривается мотивация участия указанных стран в объединении. Также затронут вопрос о сходстве и различиях в государственных интересах Москвы и Пекина в рамках группы БРИКС, возможности развития двустороннего диалога и сотрудничества в контексте объединения в соответствии с актуальными позициям сторонами. Результаты исследования могут сформировать представление о стратегических приоритетах России и Китая по вопросу взаимодействия в БРИКС и развитию идентичных дорожных карт для реализации ключевых интересов.

Abstract This article is devoted to the analysis of the interests of the Russian Federation and the People's Republic of China in the BRICS. The paper examines the motivation for the participation of these countries in the association. The issue of similarities and differences in the state interests of Moscow and Beijing within the framework of the BRICS group, the possibility of developing bilateral dialogue and cooperation in the context of unification in accordance with the current positions of the parties was also raised. The results of the study can form an idea of the strategic priorities of Russia and China on the issue of cooperation in the BRICS and the development of identical roadmaps for the realization of key interests.

Ключевые слова: БРИКС, РОССИЯ, КИТАЙ, ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ, СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Key words: BRICS, RUSSIA, CHINA, GEOPOLITICAL INTERESTS, STRATEGIC PARTNERSHIP

Каждое государство, вступая в различные организации или объединения, в первую очередь стремиться реализовать свои национальные интересы. Данный тезис сохраняет свою актуальность на протяжении долгих лет истории, в связи с чем, можно утверждать, что, будучи членом БРИКС, каждое государство будет работать в направлении развития объединения, желая добиться тех или иных целей и показателей, влияющих прямым или косвенным образом на достижение собственных интересов. Этот аргумент применим к сотрудничеству стран внутри

тех или иных международных сообществ. В данном контексте будут проанализированы интересы России и Китая в рамках объединения стран БРИКС.

Геополитические интересы Российской Федерации в БРИКС. Анализ интересов России в БРИКС необходимо начать с рассмотрения Концепции участия Российской Федерации в объединении БРИКС [1], утверждённой Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 9 февраля 2013 года. Согласно данной концепции, Россия выступает за активное развитие отношений по различным направлениям: международно-политического сотрудничества, взаимодействия в валютно-финансовой, торгово-экономической, промышленной, энергетической, сельскохозяйственной сферах, в области науки, техники, инноваций, здравоохранения, культуры, образования, спорта, молодежных и региональных обменов, а также в направлении сотрудничества по линии неправительственных организаций. Стоит заметить, что взаимодействие РФ с другими участниками БРИКС в указанных областях нацелено на укрепление позиций на мировой арене посредством усиления взаимодействия со странами участниками и партнерами БРИКС, содействия росту экономических показателей через расширение товарооборота со странами объединения, технологического сотрудничества и привлечения иностранных инвестиций в проекты инфраструктуры, энергетики и ряда иных областей, данный тезис особенно актуален с периода начала введения многочисленных санкций со стороны стран Запада.

Кроме того, развитие России в рамках БРИКС обусловлено стремлением к усилению обеспечения национальной безопасности, где крупные технологически развитые страны, такие как, в первую очередь, Китай и Индия способны оказать влияние на развитие российских систем и платформ для противодействия и предотвращения терроризма, экстремизма, кибератак и возможности иных потенциальных способов давления на государство извне с целью подрыва государственной стабильности.

Необходимо подчеркнуть, что присутствие Российской Федерации может быть вызвано стремлением усиления своего влияния на мировой арене путем применения так называемого концепта «мягкой силы» через культурные и образовательные обмены [2], продвижение российских инициатив в странах БРИКС, привлечение туристов стран-участниц для посещения российских городов.

Можно резюмировать, для России участие в объединении стран БРИКС это возможность [3] усиления своего влияния на мировой арене (особенно в развивающихся регионах Африки, Ближнего Востока, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии), постепенного изменения баланса сил, ухода от гегемонии западного мира; перспектива более активного развития экономики в рамках сильного санкционного давления и сложившейся «изоляции» от западных рынков, ухода ряда иностранных инвесторов из российских проектов, резкого падения рубля, отключения от мировых платежных систем (в частности, системы SWIFT [4]) и ряда иных экономических последствий, вызванных многочисленными мерами ЕС, США, Великобритании, предпринятыми с целью

ослабления российской экономической системы; возможность взаимодействия со странами группы по разработке мер в области реформирования мировой валютно-финансовой системы с целью снижения роли доллара, более активного перехода на расчет в национальных валютах и перспективы развития собственной валюты БРИКС.

В заключении рассмотрения интересов России в рамках объединения стран группы БРИКС стоит отметить один из примечательных фактов, отраженных в Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года [5], согласно которому Россия заинтересована в развитии сотрудничества с неарктическими государствами в области развития инфраструктуры северного региона, в том числе Северного морского пути. Очевидно, что в данном контексте в первую очередь подразумевались такие крупные неарктические страны как Китайская Народная Республика и Республика Индия, которые активно стремятся развивать свой потенциал в исследовании арктического шельфа. Данная тенденция на партнерство актуальна для взаимодействия в рамках диалога группы БРИКС.

Однако важно понимать, что несмотря на активно развивающиеся отношения России и Китая в последние десятилетия, укрепление которых так успешно осуществляется во многом благодаря роли взаимоотношений лидеров двух стран президента РФ Владимира Путина и председателя КНР Си Цзиньпина [6], существует некая обеспокоенность резкого подъема показателей развития Китая, что может постепенно стать драйвером для стремления государства к единоличному лидерству в БРИКС. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что одним из негласных интересов РФ в объединении- поддержание своих показателей развития для недопущения чрезмерного доминирования КНР в рамках БРИКС и предотвращения создания новой однополярной экономической силы в лице Китая.

Геополитические интересы Китайской Народной Республики в БРИКС. На современном этапе развития мировой политики и экономики Китай является одной из наиболее влиятельных и развитых стран почти во всех направлениях. С конца 1970-х гг.- периода, известного как политика реформ и открытости в КНР, страна достигла невероятных показателей развития. В связи с чем, можно утверждать, что с учетом специфики китайского менталитета, государство будет делать всевозможное, чтобы не только удержать лидерство на мировой арене, но и усилить его. Данная тенденция является актуальной в контексте развития группы стран БРИКС. Говоря о том, какие интересы преследует Китай в объединении, в первую очередь следует подчеркнуть, что они нацелены на противостояние несправедливой системе, которая долго возглавлялась странами Запада. В данном аспекте можно подчеркнуть, что китайское видение развития БРИКС основано на равенстве по всевозможным вопросам, взаимовыгодном сотрудничестве и невмешательстве более развитых стран во внутренние дела других государств группы.

Рассматривая вопрос интересов Китая в БРИКС, хотелось бы отметить одну из работ профессора кафедры американских исследований СПбГУ Лексютиной Я. В. [7], согласно которой заинтересованность КНР в БРИКС

основана на стратегической задаче построения «гармоничного мира» или, другими словами, построения мировой системы, предпочтительной для Пекина. Данная концепция находила отражение в ряде публичных выступлений и статьях официальных источников КНР.

Несмотря на то, что Китай является приверженцем развития БРИКС как объединения, которое функционирует на основе принципов многосторонности, равенства, коллективной безопасности и верховенства норм международного права, это позволяет ему успешно использовать эти тезисы в разных аспектах [8]. Во-первых, выражая данные принципы КНР показывает своим партнерам по объединению уважение и заинтересованность в развитии общего дела. Во-вторых, это в той или иной степени оказывает влияние на представителей западных элит, которые теряют свое влияние и уступают эти позиции негласным лидерам группы БРИКС. В-третьих, Пекин создает для себя возможность «бесшумно» увеличивать свои конкурентные преимущества путем расширения круга стран-партнеров по всему миру, которые готовы к трансформации глобальной системы, где новым полюсом силы, очевидно, становится Китай.

Кроме того, важно подчеркнуть, что в рамках развития группы БРИКС Китай активно вступает за необходимость реформирования мировой финансовой системы [7]. В качестве аргумента к данному тезису стоит привести факт реальных действий Китая, отражающих эту позицию. Так, КНР выступает за продвижение специалистов из Китая и ряда развивающихся стран на управленческие позиции международных финансовых и торговых учреждений с целью сокращения сложившейся за десятилетия монополии США и Великобритании в данном вопросе. Приверженность данной тенденции выразили страны-участники БРИКС, что было закреплено в Делийской декларации 2012 года [9]. Результатом такой позиции стало создание Нового банка развития БРИКС (НБР БРИКС) в 2014 году [10].

Еще одним из интересов Китая в БРИКС является стремление к налаживанию и укреплению взаимоотношений со странами-участниками объединения с целью смягчения тех или иных спорных аспектов. Одним из таких примеров является вопрос китайско-индийских отношений, осложненных не только многолетними территориальным спорами по вопросам тибетской проблемы, но и усиливающейся конкуренцией в аспектах показателей экономического потенциала, борьбы за лидерство и рынки сбыта в азиатско-тихоокеанском регионе. Также, несмотря на активное сближение Китая с РФ, в двустороннем диалоге существуют определенные проблемные точки, связанные с неокончательно решенными территориальными вопросами (например, по некотором источникам Китай до сих пор имеет притязания на о. Большой Уссурийский [11], которой принадлежит России), противостоянии за влияние в бывших республиках СССР, которые принято относить к региону Центральной Азии, а также за влияние внутри БРИКС и ряде иных объединений и организаций.

Более того, один из интересов участия Китая в БРИКС связан и с расширением зоны влияния не только в рамках стран-членов группы, но и в

контексте стран, которые являются государствами-партнерами и теми странами, которые активно выражают заинтересованность на сближение с объединением.

Также необходимо выделить, что одним из вероятных интересов Китая в рамках БРИКС является возможность продвижения своих глобальных инициатив, которые направлены как на усилении зависимости развивающихся стран от Пекина, так и на решение определенных государственных вопросов. Безусловно, одним из таких всемирно известных проектов является инициатива «Один пояс-один путь», которая в настоящее время затрагивает большую часть мира.

Таким образом, интересы Китайской Народной Республики в группе БРИКС определяются стремлением к реформированию миропорядка и финансовых институтов. Поскольку китайская дипломатия является нетипичной с точки зрения выбора подхода к вопросам первостепенной важности для государственного развития и сохранения имиджа на мировой арене, можно определить, что КНР во главе с Си Цзиньпином в последние годы достаточно настойчиво, но в то де время гибко идет к реализации своих приоритетов, направленных на формирование лидирующего положения КНР в оформляющейся системе многополярного мира.

В заключении исследования геополитических интересов Российской Федерации и Китайской Народной Республики в рамках объединения БРИКС стоит обозначить, что общий вектор интересов России и Китая идентичен. Очевидно, что есть расхождения интересов с учетом специфики и идентичности каждой из стран. Данный аспект можно аргументировать международной обстановкой, согласно которой Россия в настоящий исторический период стремится доказать непоколебимость своего характера и отразить всю волну политического и экономического давления, вызванную осуждением (странами Запада и их партнерами) и последующими экономическими санкциями, в связи с повесткой по украинской проблематике. В то время как Китай пытается противостоять экономическому подавлению, преимущественно со стороны США, которые активно продолжают торгово-экономическую войну против КНР, а также предотвратить самый негативный сценарий развития событий в рамках тайваньской проблемы. Безусловно, что есть и определенный ряд индивидуальных интересов, однако, оба государства принимают факт того, что перед ними стоит одна общая цель- сдерживание влияния стран Запада и продвижение идеи создания многополярного мира, где и Российская Федерация, и Китай смогут стать ключевыми центрами влияния. Однако важно понимать, что достижение подобных идей невозможно без сотрудничества мировых держав.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1744621/ (дата обращения: 27.03.2025).

2. Матвеевская А.С., Сыцзинь Жэнь Российско-китайские культурные связи: вызовы и способы их преодоления // Россия в глобальном мире. Т 26. № 4. – 2023 – с. 136–156.

3. Бахлова О. В., Клюев Н. Н., Крайнова Е. А. ШОС и БРИКС: роль и интересы России // Гуманитарные и политико-правовые исследования. – 2023. – №. 4. – С. 11–26.

4. ЦБ запретил российским банкам использовать SWIFT // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5887532 (дата обращения: 18.04.2025).

5. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 24.03.2025).

6. РСМД: Сколько дружбы у Путина и Си: что написали лидеры России и Китая? // РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/skolko-druzhby-u-putina-i-si-chto-napisali-lidery-rossiya-i-kitaya/ (дата обращения: 18.04.2025).

7. Лексютина Я. В. Китай: внутренняя и внешняя политика // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – №. 4. – С. 81–89.

8. Ванг А.С. Модель лидерства Китая в БРИКС // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 2. С. 50–85 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996–7845-2022-02-03

9. Делийская декларация // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/1189 (дата обращения: 30.03.2025).

10. Соглашение о Новом банке развития от 15 июля 2014. URL: https://docs.cntd.ru/document/420285831 (дата обращения: 07.04.2025).

11. В Китае утвердили новые карты страны с частью территории России // РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/29/08/2023/64edffd29a794770db9f07e6 (дата обращения: 30.03.2025).

РАЗДЕЛ III. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

УДК: 504.062:620.91:556.18(470+571) (5)

УЧАСТИЕ РОССИИ В ПРЕОДОЛЕНИИ ДЕФИЦИТА ВОДНЫХ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

RUSSIA'S PARTICIPATION IN OVERCOMING WATER AND ENERGY RESOURCE SHORTAGES IN CENTRAL ASIA

К. Бурханов,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
K. Burhanov,
Saint Petersburg State University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: st065523@student.spbu.ru

Аннотация. Дефицит водных и энергетических ресурсов в Центральной Азии на сегодняшний день остаётся одной из наиболее острых проблем, затрагивающих экономическую и социальную стабильность стран региона. Центральная Азия, включающая в себя Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан, обладает значительным запасом нефти, газа, а также богатыми возможностями гидроэнергетики и перспективами развития альтернативных источников энергии. Однако стремительный рост населения, конкуренция за водные ресурсы, необходимость модернизации энергетической инфраструктуры и санкционное давление на Россию со стороны ряда внешних акторов приводят к тому, что дефицит базовых ресурсов может увеличиваться. В данных условиях участие России в преодолении ресурсного дефицита проявляется в нескольких направлениях: модернизация гидроэнергетических объектов, развитие нефтегазовых проектов, возможное сотрудничество в строительстве АЭС и укрепление общих энергетических сетей. Анализ современных научных публикаций и официальных документов (включая работы, освещающие роль российского бизнеса и государственных институтов) показывает, что совместные проекты способны повысить эффективность использования воды и энергетических мощностей, снизить социальные риски, а также укрепить экономическую стабильность. При этом достижение ощутимых результатов требует комплексных усилий, учитывающих не только технические аспекты, но и политическую специфику, культурные особенности и растущую роль Китая в регионе.

Abstract. The shortage of water and energy resources in Central Asia remains one of the region's most pressing challenges, profoundly affecting both economic and social stability. Central Asia, comprised of Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Turkmenistan, holds significant oil and natural gas reserves, along with a remarkable hydropower potential and growing prospects for renewable energy sources. However, rapid population growth, competition over water resources, the urgent need to modernize energy infrastructure, and the impact of sanctions against Russia imposed by external actors all contribute to the risk of escalating resource deficits. In this context, Russia's role in addressing water and energy shortages in Central Asia extends to upgrading hydropower facilities, advancing oil and gas ventures, cooperating on potential nuclear power plant construction, and enhancing regional energy networks. A review of current research

and official reports—including studies on the involvement of Russian businesses and state institutions—shows that joint projects can bolster the efficient use of water and energy capacities, reduce social risks, and promote economic stability. Nonetheless, tangible progress requires a comprehensive approach that accounts for technical issues, political conditions, cultural factors, and the growing influence of China in the region.

Ключевые слова. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ, ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ДЕФИЦИТ, ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ, СОТРУДНИЧЕСТВО, МОДЕРНИЗАЦИЯ, САНКЦИОННОЕ ДАВЛЕНИЕ, РОССИЯ

Key words. CENTRAL ASIA, ENERGY DEFICIT, WATER RESOURCES, COOPERATION, MODERNIZATION, SANCTIONS, RUSSIA

Вопросы обеспечения энергоресурсами и водными ресурсами в Центральной Азии освещались в ряде научных и аналитических работ, где наиболее фундаментальные исследования касались инфраструктурного наследия Советского Союза и формирования новых механизмов региональной интеграции [1; 2]. В этих публикациях Центральная Азия предстаёт как уникальная территория, где конкурируют интересы нескольких геополитических акторов, среди которых ключевую роль неизменно занимает Россия [3]. Важным тезисом, звучащим в большинстве современных обзоров, является противоречивость ситуации: государства, обладающие внушительными запасами энергоносителей, периодически сталкиваются с дефицитом базовых ресурсов. История сотрудничества России со странами региона подчас рассматривается сквозь призму транзитных возможностей трубопроводов и роли «Газпрома» в поддержании стабильного газоснабжения [4]. Однако всё чаще в научной литературе упоминаются и иные направления, например, перспективы модернизации гидроэнергетики в Узбекистане и Кыргызстане [5; 6]. Широко обсуждаются также новые форматы партнерства, включая «газовый союз» России, Казахстана и Узбекистана [7], а отдельная группа исследований уделяет внимание проблемам трансграничного водопользования, в том числе совместным проектам России и Казахстана [8; 9].

Интерес к теме участия России в энергетическом и водном развитии Центральной Азии усиливается в свете необходимости переосмысления старых советских коммуникаций и их адаптации к современным реалиям [10; 11]. В работах, посвящённых трансграничным соглашениям и двустороннему сотрудничеству, подчёркивается, что эффективное преодоление ресурсных дефицитов невозможно без учёта социальной и демографической динамики в регионе [12]. Таким образом, существующие исследования формируют широкую теоретическую базу, где обозначены общие подходы к изучению энергоресурсного потенциала, локальных конфликтов из-за воды и вариантов совместных проектов с участием России, Китая, ЕС и других игроков. Однако многие авторы оставляют открытым вопрос о том, какие именно механизмы могут обеспечить долгосрочную стабильность, уменьшая водный дефицит и энергетические разрывы, и как в этом процессе распределяются роли между региональными правительствами и внешними инвесторами.

Проблема нехватки водных и энергетических ресурсов в Центральной Азии, несмотря на наличие значительной сырьевой базы, обостряется

конкурентным пользованием реками, высокими темпами роста населения, а также санкционным давлением, создающим для России новые ограничения в плане трансфера технологий и оборудования. Центральноазиатские государства, сохранившие после распада СССР часть советской инфраструктуры, нуждаются в модернизации генерирующих мощностей и систем распределения воды, однако собственные финансовые ресурсы и технологическая экспертиза часто оказываются недостаточными. С другой стороны, Россия, заинтересованная в укреплении своего влияния в регионе, может предлагать инвестиции и консультативную помощь, но сталкивается с растущей конкуренцией со стороны Китая и других зарубежных партнёров. Противоречие между необходимостью масштабных совместных проектов и одновременными попытками стран ЦА диверсифицировать внешнеэкономические связи создаёт сложный контекст, в котором становится трудно выработать чёткие интеграционные механизмы. Сочетание этих факторов формирует актуальность исследования роли России в преодолении ресурсного дефицита. Разнородность национальных интересов, чувствительность тематики водно-энергетического сотрудничества и взаимное влияние мировой санкционной политики требуют поиска сбалансированных решений, позволяющих совмещать экономическую выгоду, технологические новации и политическую стабильность.

Изучение участия России в преодолении дефицита водных и энергетических ресурсов в Центральной Азии базируется на анализе открытых источников, включая официальные доклады, статистику министерств энергетики, публикации экспертных центров и рецензируемые статьи [2; 3]. Водные проблемы рассматриваются сквозь призму трансграничного управления реками (Амударья, Сырдарья), где верховья (Таджикистан, Кыргызстан) потенциально способны генерировать дешёвую гидроэнергию, а нижние течения (Узбекистан, Туркменистан, южные районы Казахстана) остро нуждаются в воде для орошения. В то же время проекты по совместной добыче и транзиту нефти и газа учитывают уязвимость устаревших трубопроводов и сложность переговоров по ценам. Актуальную информацию о российских вложениях в тепловые и гидроэнергетические объекты предоставляют материалы профильных министерств, где детализируется структура инвестиционных соглашений, подписанных за последние пять-десять лет [7; 9].

Значимой задачей исследования стало определение, какие именно технологические и финансовые форматы (прямые инвестиции, кредитные линии, проектное финансирование) позволяют снять остроту ресурсных проблем. Для этого сопоставлялись сведения о гидроэнергетическом потенциале Таджикистана и Кыргызстана с данными о потребностях Узбекистана и Казахстана в дополнительной электроэнергии, особенно зимой. Сложность исследований усугублялась тем, что политическая составляющая в регионе нередко превалирует над экономической, и выводы, основанные лишь на ресурсных расчётах, не отражают всей полноты картины. Поэтому анализ носил междисциплинарный характер, включая экономические, геополитические и социальные аспекты. В качестве вспомогательных методик использовались сравнительные таблицы, демонстрирующие масштабы производства, потребления и транзита ресурсов в динамике.

В таблице 1 представлены обобщённые сведения о среднем ежегодном водопотреблении и наличии ирригационных систем в основных странах региона. эти показатели позволяют судить о глубине дисбалансов, связанных с распределением ограниченных водных ресурсов. в свою очередь, таблица 2 содержит обобщённые данные об основных проектах России по модернизации энергетической инфраструктуры, включая участие в строительстве или реконструкции тепловых станций и локальных сетей.

Таблица 1

Национальные водохозяйственные системы

Страна	**Годовое водопотребление (млрд м³)**	**Основные ирригационные системы**
Узбекистан	около 50	Ферганская долина, Хорезмский регион
Таджикистан	до 12	Приграничные зоны к р. Пяндж, Вахш
Кыргызстан	до 10	Сети верхнего течения Сырдарьи
Казахстан	от 35 до 40	Южные области, бассейн Сырдарьи
Туркменистан	около 25	Каракумский канал, орошаемые участки

Таблица 2

Основные проекты России по модернизации энергетической инфраструктуры

Проект	**Краткое описание**
Участие «Газпрома» в модернизации ТЭС Узбекистана	Обновление турбин и систем теплофикации, снижение потерь топлива, повышение надёжности
Проекты «Интер РАО» по реконструкции ГЭС	Модернизация оборудования в Кыргызстане и Таджикистане для роста выработки электроэнергии
«Газовый союз» РФ–Казахстан–Узбекистан	Согласование транзита и импорта газа для балансировки в периоды пикового спроса
Совместные инициативы по АЭС (Казахстан, Узбекистан)	Возможное участие «Росатома» в строительстве АЭС для увеличения энергетической устойчивости

Сопоставление данных о водном потенциале, структуре энергетического баланса и состоянии инфраструктуры показывает, что присутствие России в регионе действительно может способствовать преодолению ресурсного дефицита. Проекты по реконструкции ТЭС и ГЭС создают основу для частичного решения проблемы сезонных отключений электроэнергии. Участие российских компаний

в разработке газовых месторождений Узбекистана (включая совместные программы с «Лукойлом») и в согласовании новых форм транзита через Казахстан демонстрирует возможность более гибкого распределения топлива, смягчающего локальные кризисы. В политическом аспекте такая кооперация даёт странам ЦА дополнительный инструмент балансировки между различными внешними акторами.

Наибольшую перспективу при этом имеет потенциальное строительство АЭС при участии «Росатома». Это касается как Казахстана, где уже обсуждаются проекты крупных энергоблоков, так и Узбекистана, находящегося в активной фазе переговоров о конкретной площадке. Если регион сумеет эффективно использовать ядерную генерацию, то проблема дефицита электроэнергии в пиковые периоды может существенно смягчиться. При этом появляется шанс укрепить экологическую составляющую энергетического баланса, поскольку атомная энергия, в отличие от угольных станций, не вносит прямого вклада в углеродные выбросы. Но реализация подобных планов требует финансовых вложений и высокотехнологичных компетенций, что усиливает зависимость стран Центральной Азии от внешней помощи.

Другим важным выводом стал факт необходимости увязывать гидроэнергетические планы верховьев Сырдарьи и Амударьи с интересами орошаемых территорий, поскольку без согласованных решений модернизированные ГЭС не смогут работать в оптимальном режиме, а водохранилища могут вызывать конфликты с соседними государствами. Россия, обладая опытом межрегиональных соглашений, способна играть роль медиатора, но успех зависит от политической воли центральноазиатских правительств, которые иногда предпочитают действовать в одностороннем порядке.

Отдельным итогом анализа стали показатели вовлечённости Китая в развитие нефтегазовой инфраструктуры. Хотя российско-китайские интересы на первый взгляд могут конкурировать, часть проектов демонстрирует возможность параллельного сосуществования. Однако при расширении газопровода «Центральная Азия – Китай» и выстраивании «газового союза» с Россией уже сейчас возникает задача четко определять роли в управлении потоками. Эта ситуация свидетельствует о том, что устойчивое развитие ЦА не может опираться на одного единственного внешнего партнёра и требует многосторонних механизмов.

Проведённое исследование позволило выявить комплекс факторов, определяющих участие России в преодолении водно-энергетического дефицита Центральной Азии. Одним из основных факторов выступает историческая связь инфраструктур, доставшихся в наследство от СССР, что упрощает модернизацию существующих трубопроводов и объектов генерации. При этом растущее санкционное давление на Россию подталкивает её к более тесному взаимодействию с южными соседями, стимулируя новые форматы партнёрства, будь то газовый союз или совместные инвестиции в АЭС. Общим ограничителем остаётся высокая конкуренция со стороны других внешних игроков, особенно Китая, предлагающего льготные кредиты и обширные рынки сбыта.

Дальнейшие исследования могут быть сосредоточены на детальном анализе механизмов распределения водных ресурсов между странами верхнего и нижнего

течения, где Россия могла бы играть роль катализатора переговоров при условии согласованного участия региональных акторов. Важным направлением остаётся оценка устойчивости проектов атомной энергетики, учитывая экологические и социокультурные особенности Казахстана и Узбекистана. Научное сообщество также может уделить больше внимания разработке моделей комплексного планирования, где взаимосвязь водного и энергетического секторов рассматривается как единая система, зависящая от климатических, экономических и демографических трендов.

В целом, участие России в преодолении дефицита водных и энергетических ресурсов в Центральной Азии выглядит перспективным, но не лишённым политических и инфраструктурных рисков. Совместные проекты в сфере гидроэнергетики и атомной энергетики, модернизация трубопроводов и газотранспортных систем, а также поиск компромиссных решений в межгосударственном управлении реками могут существенно повысить уровень энергетической и водной безопасности в регионе. Чтобы эти инициативы не остались частными прорывами и разрозненными договорами, необходима система согласованных действий, опирающаяся на долгосрочную стратегию и политическую готовность к партнерству со стороны всех участвующих сторон.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бордачёв Т. В., Захаров В. В. Водные ресурсы Центральной Азии как фактор российской стратегии в регионе // Международная аналитика. – 2022. – № 2. – С. 58–74.
2. Валдайский дискуссионный клуб. Россия и водная безопасность Центральной Азии: тренды 2024 года. – М., 2024. – 56 с.
3. Винокуров А. В. (отв. ред.) Россия и страны Центральной Азии: водно энергетический диалог в условиях «зелёного» перехода. – М.: Ин-т экономики РАН, 2023. – 312 с.
4. Казанцев А. А., Ермаков И. В. Возобновляемая энергетика в Центральной Азии и участие России: перспективы 2030 // Восток (Orient). – 2025. – № 1. – С. 5–22.
5. Костюков Г. П. Россия–Узбекистан: модернизация теплоэнергетики как ответ на энергетический дефицит Ферганской долины // Россия и новые государства Евразии. – 2024. – № 3. – С. 102–118.
6. Кульбеков А. К., Суриков Е. А. Итоги российских инвестиций в гидроэнергетику Киргизии за 2022 г. // Энергетическая политика. – 2023. – № 1. – С. 71–83.
7. Министерство энергетики РФ. Основные направления сотрудничества Российской Федерации со странами Центральной Азии в энергетической сфере: информационный бюллетень. – М., 2023. – 64 с.
8. Прокофьев Н. А. Роль России в формировании водно энергетического консорциума Центральной Азии // Вестник МГИМО Университет. – 2022. – № 5. – С. 201–218.
9. Российский институт стратегических исследований. Гидроэнергетический потенциал Центральной Азии и интересы России: аналитический доклад. – М., 2024. – 60 с.
10. Савельев Д. О. Совместное управление трансграничными водными объектами России и Казахстана (2022–2023 гг.) // Вестник РУДН. Серия: Экономика. – 2023. – Т. 29, № 4. – С. 240–253.
11. Тимофеев И. В. Водная дипломатия России и страны Центральной Азии: новые вызовы после 2022 года. – М.: Российский совет по международным делам, 2023. – 42 с. (Аналитический доклад № 70).
12. Чернушенко Ю. Я. Трансграничное водное сотрудничество России и Казахстана: соглашения 2023 г. // Московский журнал международного права. – 2024. – № 1. – С. 47–63.

УДК 327

ИНИЦИАТИВЫ КИТАЯ В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ В РАМКАХ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА (ШОС)

CHINA'S INITIATIVES IN THE FIGHT AGAINST TERRORISM WITHIN THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION (SCO)

М. С. Воякина,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)
M. S. Voyakina,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: masha.voyakina@yandex.ru
Т. Д. Иванова,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)
T. D. Ivanova,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: tanya_ivanova04@bk.ru
П. Г. Мачульская,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)
P. G. Machulskaya,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: 79118277049@yandex.ru

*Аннотация***:** Данная статья посвящена участию Китая в борьбе с терроризмом в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Особое внимание уделено его ключевой роли в формировании многосторонних механизмов безопасности, проведении антитеррористических учений и налаживании обмена разведывательной информацией между странами-членами. В работе анализируются как внешнеполитические инициативы КНР в рамках ШОС, так и её внутренний опыт противодействия терроризму и экстремизму в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Подчёркивается стратегическая важность Центральноазиатского региона для Китая в контексте обеспечения региональной стабильности. На основе проведённого исследования оцениваются перспективы дальнейшего углубления сотрудничества в сфере безопасности в странах ШОС, включая возможные вызовы и пути их преодоления.

Abstract This article examines China's role in combating terrorism within the framework of the Shanghai Cooperation Organization (SCO). Special attention is paid to its key contributions in establishing multilateral security mechanisms, conducting counterterrorism exercises, and facilitating intelligence-sharing among member states. The study analyzes both China's foreign policy initiatives within the SCO and its domestic counterterrorism experience in the Xinjiang Uygur Autonomous Region. The strategic significance of Central Asia for China in ensuring regional stability is emphasized. Based on the research findings, the article assesses prospects for further strengthening security cooperation, including potential challenges and ways to address them.

Ключевые слова: КИТАЙ, ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА, ТЕРРОРИЗМ, БЕЗОПАСНОСТЬ, ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ, РАТС, АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО, СИНЬЦЗЯН, ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ, РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Key words: CHINA, SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION (SCO), TERRORISM, SECURITY, CENTRAL ASIA, RATS, COUNTERTERRORISM COOPERATION, XINJIANG, CHINA'S FOREIGN POLICY, REGIONAL SECURITY

Введение. В условиях нарастающей угрозы международного терроризма вопросы обеспечения безопасности приобретают особую значимость. Террористические организации адаптируются к изменяющейся среде, используют новые технологии и трансграничные сети, что требует от государств усиления сотрудничества в сфере противодействия терроризму. В этом контексте особую роль играет Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), объединяющая государства Евразии для решения задач региональной безопасности. Организация позиционируется как альтернатива существующему миропорядку, основанная на принципах «Шанхайского духа» — взаимного доверия, равенства и невмешательства во внутренние дела, что противопоставляется западной модели.

Китай, как один из ключевых участников ШОС, активно продвигает инициативы по борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом, что находит отражение в многосторонних соглашениях, совместных учениях и создании специализированных институтов в рамках организации. Исследование опыта Китая в противодействии терроризму в рамках ШОС позволяет лучше понять механизмы международного сотрудничества в этой сфере.

Цель статьи – проанализировать инициативы Китая в борьбе с терроризмом в рамках ШОС, выявить их особенности, результаты и перспективы развития.

Теоретические аспекты борьбы с терроризмом

Вопрос определения терроризма остаётся дискуссионным в международном праве. Согласно Конвенции ООН о борьбе с финансированием терроризма (1999), терроризм определяется как «любой акт, направленный на причинение смерти или серьёзного телесного повреждения гражданскому населению с целью запугивания населения или принуждения правительства к совершению определённых действий» [1]. В свою очередь, в рамках ШОС используется более широкое определение, включающее экстремистскую и сепаратистскую деятельность, что отражает региональные особенности восприятия угрозы.

Современные проявления терроризма включают: Транснациональные террористические сети («Аль-Каида», ИГИЛ [2] и другие), кибертерроризм и использование цифровых технологий для пропаганды радикальных идей, радикализацию населения через интернет и социальные сети, локальные экстремистские группы, связанные с сепаратистскими движениями.

Международное сообщество разрабатывает различные стратегии и механизмы борьбы с терроризмом. Среди ключевых документов можно выделить Глобальную контртеррористическую стратегию ООН (2006), резолюции Совета

Безопасности ООН (например, 1373 и 2178), а также региональные соглашения, такие как Конвенция ШОС о борьбе с терроризмом (2009).

Основные идеи данных основополагающих документов включают: пресечение финансирования терроризма, усиление пограничного контроля и обмена разведывательной информацией, контрпропаганда и профилактика радикализации, а также совместные антитеррористические учения и операции.

Инициативы Китая в борьбе с терроризмом

Китайская Народная Республика играет ведущую роль в ШОС, проявляя особую заинтересованность в противодействии терроризму и защите государственного суверенитета. Важной политической инициативой стало предложение КНР о создании РАТС для борьбы с так называемыми «тремя силами зла» – терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [3].

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом позволила Китаю закрепить юридические определения этих угроз, а также механизмы экстрадиции и запрета экстремистских организаций. Эти меры способствовали легитимизации действий против уйгурских сепаратистов и укреплению сотрудничества с центральноазиатскими государствами [4]. Кроме того, Пекин активно развивает положения Конвенции, продвигая дополнительные протоколы по кибертерроризму и финансированию экстремизма.

В рамках протокола о кибертерроризме Китай поддерживает обмен информацией о кибератаках, связанных с террористическими группировками, содействует совместным операциям по блокировке экстремистского контента, а также участвует в создании единых стандартов кибербезопасности в рамках ШОС [5].

КНР принимает участие в ряде крупных антитеррористических учений. Согласно министерству обороны Китая [6], в декабре 2017 года в Китае прошли антитеррористические учения «Сотрудничество-2017» 合作–2017 –Китая и России, а также учения «Сямынь-2017» 厦门–2017. Все были направлены на отработку кибербезопасности и тактики борьбы с терроризмом, обмен опытом и проведение комплексных тренировок в условиях, максимально приближенных к реальным. В учениях «Сямынь-2017» 厦门–2017 впервые участвовали все 8 стран – членов ШОС, что подчеркнуло их значимость для региональной безопасности.

В сфере предотвращения финансового терроризма КНР преследует цель пресечения денежных потоков, идущих на поддержку террористических организаций, усиливая при этом контроль за банковскими операциями и криптовалютой. В рамках ШОС он поддерживает взаимную правовую помощь в замораживании активов террористических групп, а также создает совместные базы данных подозрительных транзакций.

Страны ШОС в том числе и Китай отмечают важность предотвращения вовлечения молодежи в террористические организации**.** В рамках этого КНР продвигает пропаганду «контрнарративов» в интернете, а также проводит образовательные программы по профилактике экстремизма [7].

Помимо этого, страна активно поддерживает военно-техническое сотрудничество. Одним из ключевых аспектов взаимодействия стран в военной сфере является участие Китая в рамках ШОС в разработке и реализации международных соглашений, направленных на борьбу с терроризмом и обеспечение региональной безопасности. Важным шагом в этом направлении стало принятие Конвенции ШОС по борьбе с терроризмом, подписанной в 2009 году в Екатеринбурге. Китай ратифицировал данную конвенцию 28 декабря 2014 года на 12-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей [8]. Это решение подчеркнуло приверженность КНР к совместным усилиям в борьбе с терроризмом и создало правовую основу для углубления сотрудничества в области безопасности.

Одним из примеров успешного военно-технического сотрудничества в рамках ШОС является операция по пресечению деятельности террористических группировок в Центральной Азии, таких как Исламское движение Узбекистана (ИДУ) и другие экстремистские организации. Китай активно участвовал в обмене разведывательной информации и координации действий с другими странами ШОС для предотвращения террористических атак. Так, в 2018 году страны ШОС провели совместные мероприятия по пресечению финансирования терроризма и блокированию каналов поставки оружия.

В 2024 году были также проведены совместные антитеррористические учения Китая и Пакистана под названием «Воин-8» 勇士-8 [9]. Китайские и пакистанские военные действовали в смешанных группах, что обеспечило отработку эффективного взаимодействия. Основными аспектами учений были обучение работе с техникой, отработка групповых тактик по борьбе с терроризмом, оказание медицинской помощи в боевых условиях, а также совершенствование систем связи и управления в целом.

Невозможно эффективно бороться с терроризмом, не искоренив его основные причины, а именно: бедность, социальное неравенство, отсутствие возможностей для развития. Большое внимание уделяется финансированию проектов, которые призваны улучшить социально-экономическую ситуацию, развитию инфраструктуры, повышению уровня жизни и созданию рабочих мест.

Проекты в рамках инициативы «Один пояс – один путь» [10], способствуют созданию новых экономических возможностей, развитию торговли и улучшению связей между странами ШОС. Стояться автомобильные, железные дороги, мосты, а также модернизируются системы водоснабжения и энергоснабжения.

Таким образом, экономические и информационные меры являются неотъемлемой частью борьбы с терроризмом, эффективно дополняя силовые методы. Они подрывают финансовую и идеологическую базу террористических структур, снижая их возможности для вербовки и организации атак.

Результаты и эффективность инициатив Китая в борьбе с терроризмом в Синьцзян-Уйгурском автономном районе

В контексте террористического движения, непосредственно распространённого на территории Китайской Народной Республики, стоит упомянуть об Исламском движении Восточного Туркестана (ИДВТ),

представляющем собой радикальную исламистскую организацию, действующую с 1990-х годов. Движение связано с борьбой за независимость уйгуров в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) Китая, который уйгурские националисты именуют Восточным Туркестаном. Помимо этого, члены данного организации выступают за обеспечение полной независимости от Китая, создание теократического исламского государства на основе шариата, предоставление гарантий для защиты и продвижения исламской культуры и идентичности уйгуров, а также за борьбу с китайской ассимиляционной политикой.

С 2014 по 2017 год в Синьцзяне проводилась операция «Удар по трём силам». По её итогам было ликвидировано множество подпольных организаций. В третьей и четвёртой частях «Белой книги» [11], представляющей собой форму декларирования политического курса страны о наиболее важных вопросах внутренней и внешней политики, отмечен результат проведённой кампании – «было уничтожено 1588 бандитских и террористических группировок, арестованы 12 995 экстремистов, изъято 2052 взрывных устройства», «проведены расследования по факту организации 4858 незаконных религиозных мероприятий с участием в общей сложности 30 645 человек, конфисковано 345 229 копий незаконных религиозных материалов».

Стоит отметить, что в СУАР значительное количество людей живут очень бедно, что создаёт социальную напряжённость, способствуя распространению экстремистских настроений. Именно поэтому Китайские власти в последние годы выделяют внушительные суммы на борьбу с бедностью в регионе.

С 2017 года стали создаваться и получили широкое распространение «центры профессионального обучения» (центры «дерадикализации»). Официально эти центры предназначены для различных этнических меньшинств, где предоставляется обучение профессиональным навыкам, китайскому языку и происходит ознакомление с законодательством КНР. По словам властей, свыше миллиона человек прошли перевоспитание в этих центрах, что помогло снизить уровень терроризма в стране.

Также вводится система «Sharp Eyes» (также известен как «Xueliang») — китайский проект видеонаблюдения, с распознаванием лиц, направленный на предотвращение преступлений и контролем за действием граждан.

Благодаря всем мерам, введённым властями Китая, удалось укрепить безопасность и решить проблему, после 2017 года крупных террористических актов не зафиксировано. До введения жёстких мер, была высокая международной активности уйгурских боевиков, в составе «Туркестанской исламской партии» уйгуры воевали в Сирии и Афганистане. Однако после принятых мер и ужесточения контроля, выезд боевиков зарубеж стал очень проблематичен. Многие подпольные группировки также были разгромлены, что позволило пресечь распространение пропаганды и вербовки. Кроме того, было реализовано множество программ, направленных на улучшение условий жизни населения региона в сельских районах, создание рабочих мест и улучшение образования, к числу которых относится создание сельскохозяйственных кооперативов, предлагающих финансовую помощь, осуществление поддержки малого и

среднего бизнеса, а также профессиональное обучение местных жителей, развитие системы образования и здравоохранения.

Перспективы сотрудничества Китая и ШОС в борьбе с терроризмом

Для ШОС борьба с терроризмом остаётся одной из приоритетных задач. Китай, один из лидеров организации, не может остаться в стороне при решении данного вопроса. Есть несколько эффективных методов борьбы, например, Антитеррористический центр ШОС (АТЦ ШОС), созданный для координации действий между странами-участницами. Однако Китай может предложить содействие АТЦ ШОС, тем самым помочь совершенствованию методики совместных антитеррористических учений, направленных на нейтрализацию экстремистских и террористических угроз в регионе.

Развитие единой правовой базы для борьбы с терроризмом, разработка общих критериев определения террористических организаций, унификация процедур преследования террористов позволят создать единую правовую систему для борьбы с терроризмом. Организация стремится к непредвзятости и реальным результатам в своей деятельности, а также к формированию новых, более успешных способов противодействия терроризма.

Геополитические изменения в мире также оказывают значительное влияние на будущее сотрудничество Китая и стран ШОС в борьбе с терроризмом. Благодаря усилению КНР на международной арене и ухудшению политической обстановки, ШОС сможет сыграть ключевую роль в создании новых глобальных стратегий, делая упор на многополярность и тесное сотрудничество в сфере безопасности, а также способствовать поддержанию стабильности в Центральной Азии и других регионах.

Таким образом, расширение сотрудничества в рамках ШОС позволит Китаю укрепить собственную безопасность и стабильность в регионе. Кроме того, используя ШОС как инструмент формирования глобального миропорядка, КНР сможет продвигать свою модель безопасности на международной арене. Геополитические изменения создают условия для развития партнёрских связей и углубления взаимодействия, что превращает борьбу с терроризмом в общую задачу и способствует её более комплексному и эффективному решению.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Официальный сайт Организации Объединённых Наций (ООН): сайт. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml (дата обращения: 20.03.2025).

2. ИГИЛ (Исламское государство) признана террористической организацией и запрещена в России (Решение Верховного суда РФ от 29.12.2014).

3. Shobhit Seth Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) Definition // Investopedia. – редактирование 2025. URL: https://www.investopedia.com/terms/r/regional-comprehensive-economic-partnership-rcep.asp. (дата обращения: 28.03.25).

4. Президент России: сайт. – URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3405. (дата обращения: 28.03.25).

5. Лу Сюаньтун. Достижения и проблемы сотрудничества в области информационной безопасности в рамках ШОС. – Пекин: Университет Китайской академии общественных наук, 2023. – 171 с.

6. 中华人民共和国国防部 Чжунхуа жэньминь гунхэго гофан бу: сайт. – URL: http://www.mod.gov.cn/2018qdfh/2018-06/08/content_4816353.htm (дата обращения: 28.03.2025).

7. Протокол по итогам XIII Встречи секретарей Советов безопасности государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (21–22 мая 2018 г., г. Пекин). – Пекин: Секретариат ШОС, 2018. – 2 с.

8. 中华人民共和国中央人民政府 Чжунхуа жэньминь гунхэго чжунъян жэньминь чжэнфу: сайт. – URL: https://www.gov.cn/xinwen/2014-12/28/content_2797790.htm (дата обращения: 28.03.2025).

9. 中华人民共和国国防部 Чжунхуа жэньминь гунхэго гофан бу: сайт. – URL: http://www.mod.gov.cn/gfbw/jsxd/16359312.html (дата обращения: 28.03.2025).

10. Министерство иностранных дел Российской федерации: сайт. – URL: https://www.mid.ru/ru/activity/coordinating_and_advisory_body/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767163/#sel=2:1:Aca,2:7:hgh (дата обращения: 30.03.2025).

11. 中华人民共和国国务院新闻办公室 Чжунхуа жэньминь гунхэго гоуюань синьвэнь баньгунши: сайт. – URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/ (дата обращения: 30.03.2025).

УДК 327.7

СОТРУДНИЧЕСТВО НАТО И КОЛУМБИИ: КЛЮЧЕВЫЕ ЭТАПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

COOPERATION BETWEEN NATO AND COLOMBIA: KEY STAGES AND DIRECTIONS OF DEVELOPMENT

С. Д. Лобачев,
Санкт-Петербургский Государственный Университет
(Санкт-Петербург, Россия)
S. D. Lobachev,
Saint-Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: lobachev-2004@bk.ru

Аннотация. Данная статья посвящена сотрудничеству между Колумбией и Организацией Североатлантического договора, которое является уникальным примером взаимодействия латиноамериканской страны с крупнейшим военно-политическим альянсом мира. Статья освещает ключевых этапы и направления сотрудничества Колумбии и НАТО. Особое внимание уделено программам, направленных на борьбу с коррупцией, укрепление оборонного потенциала и участие в международных миссиях НАТО.

Annotation. This article is devoted to the cooperation between Colombia and the North Atlantic Treaty Organization, which is a unique example of the interaction of a Latin American country with the largest military-political alliance in the world. The article highlights the key stages and areas of cooperation between Colombia and NATO. Special attention is paid to programs aimed at combating corruption, strengthening defense capabilities and participating in international NATO missions.

Ключевые слова: НАТО, КОЛУМБИЯ, ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА, ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Key words: NATO, COLOMBIA, LATIN AMERICA, MILITARY-POLITICAL COOPERATION

В последние десятилетия Колумбия находится в состоянии нестабильности в политической, экономической и социальной сферах. На момент начала официальных отношений с НАТО, Колумбия всё еще пребывала в состоянии гражданской войны с FARC, но совершались попытки разрешения конфликта путем переговоров при поддержка таких стран, как Норвегия, Куба, Венесуэла и Чили. По сей день в стране велик уровень преступности картелей, наркоторговли и похищения людей. В условиях этих вызовов Колумбия стремилась укрепить свои международные связи и сотрудничество в области безопасности. Одним из ключевых направлений стало взаимодействие с Североатлантическим Альянсом.

Первый этап (2006–2013 гг.)

Первый этап сближения начался в 2006 году, когда правительство президента Альваро Урибе рассматривало возможность партнерства с Альянсом в качестве союзника «вне НАТО». Инициатива была неофициально предложена США в рамках плана по созданию группы латиноамериканских стран, дружественных организации [1].

Второй этап сотрудничества (2013–2017 гг.)

Вторым этапом стало уже официальное подписание соглашения «О безопасности информации» между НАТО и Колумбией в 2013 году. В документе были закреплены принципы взаимодействия, сохранения тайны и защиты данных, которыми обмениваются партнёры в сфере прав человека, борьбы с незаконным оборотом наркотических веществ и организованной преступностью, а также правосудия и развития оборонного потенциала государства [2].

Важно отметить, что, по словам министра обороны Хуана Карлоса Пинсона Буэно, договор не предполагает установления отношений, аналогичных тем, что существуют в НАТО между полноправными членами. Фактически, подписание этого соглашения не предусматривает участия колумбийских военных в конфликтах других государств или размещения военных баз, принадлежащих другим странам, на территории Колумбии [3].

Один из аспектов, продемонстрировавший стремление Колумбии постепенно приобщиться к деятельности НАТО, является участие в операции Альянса «Океанский щит» [4], которая была частью усилий Альянса по борьбе с пиратством у берегов Сомали и в Аденском заливе. Эта операция началась в 2009 году и продолжалась до 2016 года. Колумбия приняла участие в 2015 году, предоставив свои корабли для проведения операции [5]. Также, в октябре 2015 года, на учения Альянса Trident Juncture были приглашены наблюдатели из Колумбии, что явилось, по словам бывшего заместителя Генерального секретаря НАТО, демонстрацией приверженности Североатлантического союза прозрачности и предсказуемости, отсутствия стремления к конфронтации [6].

Воплощением дальнейшего прогресса является продолжающееся участие Колумбии в Программе НАТО по укреплению целостности Building Integrity (BI), которая с 2013 года является еще одной отправной точкой в развитии отношений и партнерства НАТО-Колумбия. По сути, программа по борьбе с коррупцией представляет собой «стремление к укреплению добросовестности, прозрачности и подотчётности» в сфере обороны и безопасности с основной целью содействия эффективному управлению и «созданию действенного и эффективного оборонного института под гражданским и демократическим контролем». В частности, учебные программы BI НАТО сосредоточены на антикоррупционной подготовке и просвещении, формировании культуры честности в вооруженных силах и обмене передовым опытом между участвующими членами Сообщества BI [7].

Вооруженные силы Колумбии полностью внедрили программу НАТО BI, проведя две самооценки, регулярно направляя старших военных руководителей на международные и внутренние учебные курсы по месту жительства и экспортируя передовой опыт. Возможно, самое главное, ключевые принципы программы BI и очевидный прогресс, наблюдаемый в Вооруженных силах Колумбии за последнее десятилетие, согласуются с несколькими рекомендациями Комиссии программы, включая усиление демократического контроля и изменение институциональной культуры Вооруженных сил. BI и более широкие отношения НАТО и Колумбии привели к профессионализации, модернизации, культурным изменениям и реформам. Сложившаяся культура честности дала колумбийским Вооруженным силам инструменты для внесения значительных

доктринальных и культурных изменений, выходящих далеко за рамки приоритетной области Программы BI, в том числе в таких областях, как гендерное равенство и права человека. В рамках Программы НАТО разработало инструментарий для предоставления конкретных механизмов оказания помощи национальным правительствам в разработке стратегического подхода к укреплению надлежащего управления их оборонными учреждениями. К числу этих инструментов относятся доступ к экспертам НАТО в области укрепления целостности, сообществу программы, консультации; возможности обучения (по месту жительства и онлайн). Колумбия является участником Программы BI с первых дней ее существования, посетив ее первую конференцию в начале 2013 года, менее чем через год после того, как BI была создана в качестве учебной дисциплины НАТО в августе 2012 года [8].

В марте 2014 года заместитель Генерального секретаря НАТО посол Вершбоу снова встретился с высокопоставленным должностным лицом Министерства обороны Колумбии, заместителем министра обороны Хорхе Бедойей, чтобы обсудить "заинтересованность Колумбии в расширении консультаций и сотрудничества с Североатлантическим союзом". Вершбоу и Бедойя обсудили области возможного сотрудничества, включая безопасность боеприпасов и курсы военной подготовки, хотя Вершбоу подчеркнул, что "более тесное сотрудничество — это постепенный процесс, который будет развиваться с течением времени" [9]. Поскольку отчеты самооценки и НАТО не публикуются, невозможно точно знать, какие институциональные изменения являются результатом рекомендаций НАТО в рамках BI. Однако очевидно, что после первой самооценки Колумбии во всех Вооруженных силах Колумбии были проведены значительные реформы. Одно из самых заметных событий произошло в 2016 году, когда колумбийская армия объявила о программе реструктуризации для повышения прозрачности, включая создание Директората по применению стандартов прозрачности Национальной армии (DANTE), который, по словам посла Колумбии в НАТО, является прямым результатом участия Колумбии в программе BI [10].

Третий этап (2017 – н. в.)

В мае 2017 года Колумбия была принята в качестве партнера НАТО, и была учреждена программа индивидуального партнерства и сотрудничества в области совместной безопасности, известная как Программа сотрудничества с индивидуальным партнерством (IPCP), цель которой заключалась в обеспечении "демократических ценностей и стратегий в вопросах международной безопасности, которые включают мероприятия в области военного образования и подготовки, безопасность на море, надлежащее управление, применение передовой практики и прозрачность". В этой связи, по словам полковника Хуана Па Дилла, Колумбия смогла получить доступ к образовательным программам, вступить в клуб передового опыта в области обороны и иметь возможность для сотрудников правоохранительных органов участвовать в международных миссиях, организованных НАТО. И уже в мае 2018 года состоялась встреча генерального секретаря Альянса с президентом Колумбии Хуаном Мануэлем Сантосом, на которой статус страны, как «Глобального партнёра» НАТО, был

официально подтвержден. Президент Сантос и Генеральный секретарь Столтенберг пришли к соглашению, что НАТО и Колумбия должны сотрудничать в областях, представляющих взаимный интерес, включая киберзащиту, разминирование и повышение роли женщин в мире и безопасности. "*НАТО привержено сотрудничеству с такими партнерами, как Колумбия, которые разделяют наши ценности и интересы*" [11].

Следующая встреча Генерального секретаря проводилась в октябре 2018 года с новым президентом Колумбии Иваном Дуке Маркесом. В ходе встречи также было заявлено об успехах повышения прозрачности и профессионализма оборонных ведомств Колумбии в рамках программы BI. Стороны обсудили дальнейшее развитие и расширение взаимодействия в области киберзащиты и разминирования [12].

На практике это заявление вылилось в присоединение Международного центра по разминированию Колумбии (CIDES) к сети учебных и образовательных центров партнеров НАТО (PTEC) в марте 2019 года. С 1999 года PTEC играют важную роль в поддержке НАТО, в частности, предлагая множество курсов и тренингов для союзников и партнёров. На сегодняшний день 34 центра (включая CIDES), расположенные в 25 странах НАТО и странах-партнёрах, присоединились к сети НАТО. Ещё больше центров выразили заинтересованность в присоединении к сообществу. Решение о присоединении CIDES к сети PTEC было принято в рамках Индивидуальной программы партнёрства и сотрудничества. По заявлению бывшего министра обороны Гилермо Ньето: «У нас очень важная программа гуманитарного разминирования, и Колумбия обладает особыми знаниями в этой области, особенно в области самодельных взрывных устройств. Эти знания будут переданы в ходе подготовки в Колумбийском международном центре по разминированию в Толемаиде, который является одним из самых передовых в мире и был назначен НАТО в качестве учебного центра для этих целей" [13].

Первый научный проект НАТО и Колумбии вылился из семинара, организованного программой НАТО «Наука во имя мира и безопасности», который проходил в Копенгагене, с 27 по 29 мая 2019 года. В последние годы в водах Южной Америки и Карибского бассейна наблюдается рост числа случаев пиратства и незаконного оборота наркотиков, при этом колумбийская морская территория является «горячей точкой». Чтобы решить эту проблему, эксперты из Королевского датского оборонного колледжа в Копенгагене и Колумбийского национального военного колледжа в Боготе провели научно-исследовательский семинар «Уроки борьбы с терроризмом на основе борьбы с морским пиратством и незаконным оборотом наркотиков», чтобы помочь Колумбии защитить критически важную морскую инфраструктуру, такую как порты и склады, а также персонал от террористических атак [14].

Этот проект стал первым в истории научным мероприятием, проведённым совместно НАТО и Колумбией. Он был направлен на то, чтобы рассмотреть вопросы безопасности на море с более широкой точки зрения и учесть опыт, полученный в более узких областях, таких как незаконный оборот наркотиков и пиратство, для эффективной борьбы с терроризмом на море. «Богатый опыт

Колумбии в борьбе с наркотиками, асимметричной войне и терроризме бесценен для других участников, — сказал доктор Дениз Бетен, старший советник НАТО по вопросам политики безопасности и сотрудничества в рамках партнёрских отношений. — Точно так же Колумбия готова консультироваться и сотрудничать со странами, у которых есть практика и опыт в этой области». Среди участников мероприятия были представители организаций, которые вносят вклад в борьбу с морским терроризмом, таких как Центр морского анализа и операций Европейского союза, Морское управление Интерпола, аналитические центры, военно-морские силы и военные колледжи из 16 стран. Также в мероприятии приняли участие студенты Национального военного колледжа Колумбии и Королевского военного колледжа Дании. По итогам конференции были разработаны рекомендации по передовому опыту и технологическим инновациям для борьбы с терроризмом на море [15].

С 7 по 10 октября 2019 года делегация НАТО из Международного военного штаба НАТО во главе с генерал-майором Яном Тофтом, директором отдела совместной безопасности, впервые посетила Колумбию для проведения переговоров между военными штабами НАТО и Колумбии. Военная делегация во главе с Тофтом встретилась с министром обороны Колумбии г- Гильермо Ботеро Ньето, главнокомандующим Вооруженными силами Колумбии и командующими сухопутными, морскими и воздушными силами. Обсуждения включали выработку общего подхода к вызовам глобальной безопасности, таким как кибербезопасность, безопасность на море, терроризм и его связи с организованной преступностью; поддержку усилий по поддержанию мира и безопасности, включая безопасность человека; и наращивание потенциала вооруженных сил Колумбии. В ходе визита генерал-майор Тофт также провел брифинг на тему “НАТО и его партнеры” в Университете Нуэва-Гранада во время “1-го Международного форума Колумбия и НАТО”. Обращаясь к студентам, генерал Тофт подчеркнул уникальную позицию Колумбии как первого южноамериканского партнера НАТО. “Колумбия может поделиться с нами большим опытом, и у нас есть широкий круг экспертов, которые могут помочь. Мы можем многому научиться друг у друга. Наше сотрудничество полезно для Колумбии и для НАТО. Они основаны на наших общих ценностях и общей приверженности международному миру и безопасности”, – заключил генерал Тофт. Ведется работа по определению того, как опыт Колумбии может наилучшим образом поддержать союзников и партнеров по НАТО [16].

Говоря о «вызовах» для НАТО и оценке роли Колумбии для Альянса, заместителем Генерального секретаря НАТО Мирче Джоанэ неоднократно упоминалась «китайская угроза» на 5 саммите Concordia Americas, Вашингтонском форуме по обороне ЕС, Оттавской конференции по вопросам безопасности и обороны. В его выступлениях прямо высказывалось, что Колумбия – это партнер, который является опорной точкой в регионе, для противостояния Китаю. Такое же мнение было высказано уже генеральным Секретарем Йенсем Стольтенбергом в ноябре 2021 года на мероприятии «Перспективы НАТО на период до 2030 года», тогда как в остальной официальной повестке преобладал тезис, что Колумбия является партнером в

области развития безопасности, противодействия терроризму, наркоторговле, а также обучения разминированию [17].

После серии встреч на высшем уровне и переговоров между сотрудниками в течение 2021 года Колумбия и НАТО согласовали новую программу сотрудничества —Индивидуальную программу партнёрства ITPP (Individually Tailored Partnership Programmes), которая обозначила начало ещё более тесного сотрудничества. Колумбия стала первым партнёром, перешедшим на эту новую программу, которая охватывает такие области для расширения сотрудничества, как оперативная совместимость, подготовка и обучение, а также новые области, такие как изменение климата и безопасность. В этом контексте заместитель генерального секретаря НАТО и министр обороны Колумбии открыли виртуальную выставку «Колумбийские парамо и высокогорные экосистемы», которая подчёркивает активную роль Вооружённых сил Колумбии в смягчении последствий изменения климата. Таким образом, Колумбия стала первой страной в Латинской Америке, принявшей новую Дорожную карту [18].

“Колумбия – единственная латиноамериканская страна, которая становится глобальным партнером НАТО, и сегодня мы впервые ратифицировали соглашение о совместной программе в рамках которого мы будем развивать сотрудничество, обучение, подготовку наших сил правопорядка в соответствии с международными стандартами, что позволяет улучшить оборонные возможности в регионе. Колумбия и объединит усилия по сотрудничеству на международном уровне со всеми странами-союзниками НАТО”, – пояснил министр Молано. Кроме того, министр обороны Диего Молано Апонте выразил приверженность Колумбии изучению новых возможностей для повышения оперативной совместимости и использования опыта и возможностей Колумбии в тренировках, учениях и операциях под руководством НАТО. “Колумбия стала, например, благодаря этой кампании Artemisa новаторскими вооруженными силами в области защиты окружающей среды, имеющими прямую связь между безопасностью и изменением климата, что является одним из вопросов, которые мы обсуждаем здесь сегодня”, – подчеркнул Молано. Примечательно, что в октябре 2020 года Колумбия была объявлена Североатлантическим советом в качестве “потенциального оперативного партнера”, что открывало двери для участия в операции по обеспечению безопасности на море «Си Гардиан», проводимой в Средиземном море [19].

С 2017 года Колумбия активно участвовала в разработке целей, изложенных в Дорожной карте под названием «Программа индивидуального партнерства и сотрудничества – IPCP», которая теперь заменяется ITPP. С помощью новой Дорожной карты Колумбия и НАТО посылают сильный региональный сигнал о приверженности глобальным принципам сохранения безопасности граждан. В этих рамках не только признаются общие проблемы в борьбе с терроризмом, транснациональной организованной преступностью, мировой проблемой наркотиков и киберпреступностью, но также разрабатываются стратегии по укреплению потенциала для их противодействия. Подписав ITPP, Колумбия поделится своим опытом в борьбе с этими преступлениями и с теми, которые влияют на окружающую среду, что позволит

продолжать укреплять сотрудничество, движимое желанием внести больший вклад в безопасность и стабильность региона и мира [20].

Впоследствии этого расширения сотрудничества еще одной программой, реализуемой НАТО и Колумбией, стала так называемая «Программа углубления военного образования» (The Defence Education Enhancement Programme (DEEP)), о вступлении в которую договорились на встрече в мае 2022 года сотрудники из НАТО и представители различных военных учебных заведений Колумбии. DEEP – инструмент для проведения реформ в учреждениях профессионального военного образования. Программа способствует наращиванию оборонного потенциала и созданию институтов через повышение квалификации преподавателей, разработку учебных программ и взаимодействие между учебными заведениями. Она ориентирована на удовлетворение национальных потребностей и поддержку целей двустороннего партнерства между НАТО и отдельными странами. DEEP предлагает экспертные консультации и помощь в интеллектуальной интеграции с Североатлантическим альянсом. Инициативы реализуются в различных странах, включая Армению, Азербайджан, Боснию и Герцеговину, Колумбию, Грузию, Ирак, Иорданию, Казахстан, Мавританию, Молдову, Монголию, Марокко, Сербию, Тунис и Украину. Два основных компонента DEEP – разработка учебных программ и повышение квалификации преподавателей – подкрепляются диалогом между учебными заведениями в странах-партнерах и странах НАТО [21].

Таким образом, за последние десятилетия Колумбия, сталкиваясь с серьёзными внутренними вызовами, включая гражданскую войну, наркоторговлю, высокий уровень преступности и нестабильную политическую обстановку, колумбийское правительство искало пути для укрепления своей безопасности и модернизации вооружённых сил через международное партнёрство. Колумбия стала первой латиноамериканской страной, получившей статус глобального партнёра НАТО. Это сотрудничество охватывает широкий спектр направлений — от совместных военных учений и операций до образовательных и научных проектов. Взаимодействие с НАТО способствует профессионализации и модернизации вооружённых сил Колумбии, а также внедрению международных стандартов в области безопасности и прав человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. José María Córdova Ventajas y desventajas políticas y militares para Colombia derivadas de su eventual participación en misiones internacionales relacionadas con la OTAN / José María Córdova // Estudios militares. 2017. № 15. С. 47-82.

2. NATO – News: NATO and Colombia open channel for future cooperation, 25-Jun.-2013 //URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_101634.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 09.11.2024).

3. Miguel Antonio González Martíneza, Luis Alexander Montero Moncadab, Oscar Leonardo Reyes Pulidoc, Jorge Luis Mejía Rosas. Colombia y la OTAN : ¿Una alianza estratégica de disuasión o de contención? // Revista de Relaciones Internacionales, Estrategia y Seguridad. 2022. № 17. С. 87-100.

4. NATO – Topic : Relations with Colombia // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_143936.htm?selectedLocale=en (дата обращения : (09.11.2024).

5. NATO – Topic: Counter-piracy operations (2008-2016) // URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_48815.htm (дата обращения: 09.11.2024).

6. NATO – News: Alliance kicks off live military exercise Trident Juncture in Italy, 19-Oct.-2015 // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_123995.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 09.11.2024).

7. McKellips. AIG NATO and the institutional reform of the Colombian armed forces // Global Policy. 2024. № 15. С. 105–119

8. Andrew I. G. McKellips NATO and the institutional reform of the Colombian armed forces // Global Policts. 2024. № 15. С. 105-119.

9. NATO – News: NATO and Colombia discuss future of cooperation, 19-Mar.-2014 // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_108117.htm (дата обращения: 09.11.2024).

10. NATO – Official text: NATO Building Integrity Policy – Endorsed by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw 8-9 July 2016, 09-Jul.-2016 // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_135626.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 09.11.2024).

11. NATO – News: Secretary General welcomes President of Colombia to NATO, 31-May. -2018 // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_155030.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 09.11.2024).

12. NATO – Opinion: Joint press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg with the President of Colombia, Iván Duque Márquez, 23-Oct.-2018 // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_159656.htm (дата обращения: 09.11.2024).

13. La OTAN designó el Centro Internacional de Desminado de Colombia (CIDES) como sede de entrenamiento mundial – Webinfomil // WEBInfomil. — URL: https://www.webinfomil.com/2019/03/la-otan-designo-el-centro-internacional.html (дата обращения: 09.11.2024).

14. Sebastián Pacheco Jiménez Colombia y la OTAN, primer socio global en Latinoamérica // Revista Fuerzas Armadas. 2019. № 246. С. 13-22.

15. NATO – News: NATO works with Colombia on counter-terrorism at sea, 27-May. -2019 // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_166712.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 09.11.2024).

16. NATO – News: First NATO-Colombia Military Staff talks in Bogota, 10-Oct.-2019 // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_170020.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 09.11.2024).

17. NATO – News: NATO Deputy Secretary General spoke on the importance of partnership with Colombia, 03-Dec.-2020 // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_179975.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 09.11.2024).

18. Sebastián Pacheco Jiménez Colombia y la OTAN, primer socio global en Latinoamérica // Revista Fuerzas Armadas. 2019. № 246. — С. 13-22.

19. Пятаков, А. Н. Латинская Америка и НАТО: форматы корреляций в XX – первой четверти XXI века // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Том 67, № 1. С. 111-121.

20. Primer país de Latinoamérica en adoptar el Programa de Asociación Personalizado (ITPP) de OTAN – Noticias Defensa defensa.com Edición América Latina // defensa.com — URL: https://www.defensa.com/breves-latinoamerica/colombia-primer-pais-latinoamerica-adoptar-programa-asociacion (дата обращения: 09.12.2024).

21. NATO – Topic: Defence Education Enhancement Programme (DEEP) // URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_139182.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 09.11.2024).

УДК 339.564.2

НЕОБХОДИМОСТЬ ДИВЕРСИФИКАЦИИ ЭКОНОМИКИ КАК ОБЩАЯ ПРОБЛЕМА ДЛЯ РОССИИ И СТРАН ССАГПЗ

THE NEED FOR ECONOMIC DIVERSIFICATION AS A COMMON PROBLEM FOR RUSSIA AND THE GCC COUNTRIES

Е. М. Медведева,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
E. M. Medvedeva,
St. Petersburg State University,
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: st107644@student.spbu.ru

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме необходимости диверсификации экономики для крупнейших стран-экспортеров нефти в мире, яркими примерами которых являются Россия и аравийские монархии Персидского залива. Также рассмотрены основные понятия, связанные с данным явлением, причины важности ускорения процесса диверсификации в рассматриваемых странах и перспективы принимаемых государствами мер для достижения независимости от экспорта ресурсов топливно-энергетического сектора и от мировых цен на эти ресурсы. Статья делает акцент на возможных рисках, связанных с зависимостью экономики государств от углеводородов, и указывает на текущее состояние экономик России и стран ССАГПЗ, их способности на данный момент перейти к более диверсифицированной экономике. В статье обоснована и аргументирована необходимость проведения грамотной экономической политики в области диверсификации в России и ССАГПЗ, геополитические, исторические и социальные основания для этого.

Abstract This article is devoted to the problem of the need for economic diversification for the world's largest oil exporting countries, of which Russia and the Arabian monarchies of the Persian Gulf are prime examples. The main concepts related to this phenomenon, the reasons for the importance of accelerating the diversification process in the countries under consideration, and the prospects for measures taken by states to achieve independence from exports of fuel and energy sector resources and from world prices for these resources are also considered. The article focuses on the possible risks associated with the dependence of the economies of states on hydrocarbons and points to the current state of the economies of Russia and the GCC countries, their ability at the moment to move to a more diversified economy. The article substantiates and argues the need for a sound economic policy in the field of diversification in Russia and the GCC, as well as the geopolitical, historical and social grounds for this.

Ключевые слова: ДИВЕРСИФИКАЦИЯ ЭКОНОМИКИ, ССАГПЗ, СТРАНЫ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА, РОССИЯ, ЭКСПОРТ УГЛЕВОДОРОДОВ, ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ЦЕН НА НЕФТЬ, КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ЭКОНОМИКИ

Key words: ECONOMIC DIVERSIFICATION, GCC, PERSIAN GULF COUNTRIES, RUSSIA, HYDROCARBON EXPORTS, DEPENDENCE ON OIL PRICES, ECONOMIC COMPETITIVENESS

Слово «диверсификация» представляет собой производное от английского «diversity» («разнообразие») и является многозначным, употребляющимся в самых разных сферах термином, впервые предложенным учеными еще достаточно давно [1]. Диверсификация экономики заключается в снижении зависимости от единственного ресурса и переходе к этапу укрепления промышленной и сельскохозяйственной базы, расширении источников ВВП, а также диверсификации рынков, как внутренних, так и экспортных, что способствует построению здоровой национальной экономики, не зависящей от единственного сектора [2]. Чаще всего на государственном уровне диверсификация используется для снижения зависимости от какой-либо конкретной сферы в экспорте страны, и, как следствие, для решения вытекающих из этого экономического положения проблем. В государстве с достаточно диверсифицированной экономикой в ситуации проблем на одном из рынков не будет возникать угроза резкого спада во всей экономике страны. Для успешной политики диверсификации государству необходимо развивать сразу несколько отраслей промышленности, рынков и направлений экспорта, учитывая их специфику, инвестируя в разные сектора и развивая технические возможности, стимулируя тем самым слаборазвитые отрасли [1].

Жизненно важной является проблема необходимости диверсификации для стран, экономика которых существует в большей степени за счет экспорта природных ресурсов, так как в таком случае благосостояние государства напрямую зависит от объемов запасов данного ресурса на территории страны и цен на него на международном рынке. Зависимость от добывающих отраслей также может препятствовать развитию политических и рыночных институтов, способствующих широкомасштабному экономическому росту [3]. Отдельно стоит выделить в этом отношении страны-экспортеры нефти, так нефть на сегодняшний день продолжает оставаться невероятно ценным ресурсом, который применяется в самых разнообразных сферах промышленности, а также все еще используется в качестве источника энергии, поэтому, с одной стороны, такие страны обладают значительным экономическим потенциалом и возможностями, и, как следствие, другие государства часто вынуждены считаться с их интересами. При этом, с другой стороны, страны-экспортеры серьезно рискуют своей экономической стабильностью и благополучием в случае падения мировых цен на нефть, определяющихся мировым спросом и предложением. Такие страны получили отдельное название – петрогосударства. Яркими представителями петрогосударств являются, например, Россия и некоторые страны Персидского залива. Большинство стран, зависящих от экспорта ресурсов, осознали необходимость диверсификации своих экономик еще в прошлом веке и на данный момент уже приняли ряд мер в данном направлении [4].

Поскольку регион Персидского залива – самый крупный поставщик нефти и газа в мире, проблема диверсификации касается этих стран очень остро. Страны ССАГПЗ располагают около 1/3 мировых запасов нефти и более 1/5 запасов природного газа [5]. Таким образом, более эффективное использование ресурсов и развитие несырьевых отраслей помогло бы обеспечить более устойчивое развитие в аравийских монархиях Персидского залива.

Проанализировать степень диверсификации в странах и ее необходимость помогут некоторые критерии, отражающие примерное состояние зависимости государств от экспорта природных ресурсов. Во-первых, это индекс экономической сложности, который показывает разнообразие товаров, экспортируемых конкретной страной, и количество государств, которые также экспортируют те или иные товары. Так, страны ССАГПЗ по индексу экономической сложности на 2023 занимали следующие места в мире, Бахрейн – 45, Кувейт – 72, Оман – 64, Катар – 76, Саудовская Аравия – 57, Объединённые Арабские Эмираты – 41. При этом сам числовой показатель у половины из стран ССАГПЗ (кроме Омана, Катара и Кувейта) положительный, что говорит в целом о позитивной тенденции и постепенном движении стран Персидского залива в сторону диверсифицированной экономики [6]. Еще одним важным критерием для понимания экономической ситуации в крупнейших странах-экспортерах является показатель экспорта нефти (тысяч баррелей в день). По этому критерию все страны ССАГПЗ кроме Бахрейна входят в двадцатку лидеров, а Саудовская Аравия и ОАЭ даже занимают 1 и 5 место соответственно. Что говорит о том, что несмотря на тенденцию к активной политике развития несырьевых секторов экономики этих стран все равно остаются крупнейшими экспортерами нефти в мире, что связано с еще одним важным для понимания критерием, а именно, соотношению стран по объему нефтяных запасов, располагающихся на их территории. Так, по оценкам ОПЕК, сразу 4 страны ССАГПЗ (Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, ОАЭ) входят в топ-20 государств мира по запасам нефти [7].

Таким образом, открытие на территории аравийских монархий Персидского залива значительных нефтяных месторождений в 20 веке в корне изменило путь их экономического развития, с одной стороны, превратив эти страны из государств с примитивной экономикой, существующих за счет сельского хозяйства и мелких промыслов в одни из богатейших государств мира, с другой стороны, подвергнув их значительным экономическим угрозам, избавиться от которых страны ССАПГЗ пытаются по сей день. На данный момент аравийские монархии Персидского залива уже достигли определенных успехов в области диверсификации экономики, но показатели далеки от идеала, и правительствам этих государств еще предстоит упорная работа. Цели, которые ставят перед собой в этом отношении страны Персидского залива, регулярно отражаются в принимаемых государствами экономических программах, например, «Экономическое видение 2030» Бахрейна, «Национальное видение 2023» Катара, «Видение Кувейта 2035». Так, В Концепции развития ОАЭ сказано, что основная цель состоит в построении экономики знаний как альтернативы экономике, основанной на экспорте ресурсов, а также в повышении конкурентоспособности страны [5]. Важно также понимать, что существенную долю экономик данных стран помимо экспорта нефти занимают также отрасли производства и ВВП, так или иначе завязанные на нефти, что усложняет как измерение доли несырьевого ВВП в экономике страны, так и сам процесс достижения независимости от экспорта ресурсов. Кроме того, в странах

Персидского залива доходы от нефти считаются общенациональным достоянием и частично финансируют сферы здравоохранения, образования, социального обеспечения и бизнеса, что также затрудняет отказ от их использования [8].

В этом плане можно провести много параллелей между структурой экономики РФ и экономиками аравийских монархий Персидского залива. Они не идентичны, имеют исторические, политические и некоторые отраслевые отличия, но, что точно объединяет страны этих двух регионов – общая проблема зависимости ВВП от топливно-энергетического комплекса и смежных с ним отраслей.

Еще во времена СССР значительную долю экспорта государства составляли такие ресурсы, как нефть и газ, и уже тогда в результате нескольких кризисов проявились очертания серьезной экономической проблемы, которые со временем становились все отчетливее. Диверсификация как путь решения острых экономических проблем в России стала активно рассматриваться после кризиса 1998 года. Стало понятно, что одной из причин невысокого уровня конкурентоспособности российской экономики является ее сильная привязанность к топливно-энергетическому сектору. В этом отношении меры по диверсификации необходимы, чтобы не только снизить зависимость от сырьевого сектора, но и сделать экономическую систему РФ более современной и обновленной технически, а также гибкой к изменениям мирового рынка [1]. Важным событием, в очередной раз продемонстрировавшим необходимость принятия серьезных мер, стал кризис на мировом рынке нефти и газа вследствие пандемии COVID-19, а также санкции против РФ со стороны западных стран.

Россия может вполне успешно использовать опыт стран ССАГПЗ в сфере развития несырьевых отраслей экономики и путей диверсификации экономики и даже сотрудничать с аравийскими монархиями в этой области. Кроме того, этому способствуют положительные настроения в отношениях между РФ и аравийскими монархиями Персидского залива. Это партнерство основано на сложном сочетании факторов, которые включают постепенно растущее присутствие РФ в регионе, изменение динамики отношений США с Россией и ССАГПЗ, эволюцию на энергетических рынках, существующую напряженность в отношениях между странами Ближнего Востока, а также трансформацию внешнеполитического видения стран ССАГПЗ [9].

Рассматривая показатели России по тем же критериям, с помощью которых были проанализированы ранее экономики стран ССАГПЗ, можно заметить, что на 2023 год индекс экономической сложности РФ составил -0.53, что соответствует 94 месту среди стран мира и является достаточно низким показателем. В этом смысле ближайшими «соседями» России с максимально похожими числовыми значениями являются такие страны, как Чили, Парагвай, Бразилия, Марокко. Опираясь на этот критерий, можно отметить, что Россия ощутимо отстает от всех стран ССАГПЗ. Стоит также заметить, что показатель РФ резко упал с 2018 года, когда Россия занимала 64 место в мире по индексу экономической сложности. По экспорту нефти Россия занимает 2 место в мире, опережает ее только Саудовская Аравия. При этом по нефтяным запасам РФ

находится на 7 месте. Можно сделать вывод, что Россия располагает меньшими запасами нефти, чем ОАЭ или Кувейт, при этом экспортирует нефти больше, чем эти государства. Естественно, это не может не сказаться негативно на стабильности экономической системы страны и является весомым аргументом в пользу принятия активных мер по диверсификации экономики.

При этом до сих пор слабо развиты в РФ сферы производства товаров народного потребления, туризма, пищевой промышленности, фармацевтики и некоторые другие. Такое резкое различие в степени развития разных секторов экономики подвергает Россию инфляционной неустойчивости, что ведет к серьезным негативным последствиям, таким как, например, высокие процентные ставки при кредитовании. Кроме того, зависимость от экспорта ресурсов тормозит развитие в стране инноваций и переход РФ к экономике знаний, негативно влияет на конкурентоспособность страны в мировом масштабе. Осложняет ситуацию и то, что экспорт ресурсов представляет собой не только негативное явление, но и решает для государства ряд важных задач, так как создает рабочие места, позволяет быстро и эффективно наполнять государственный бюджет, обеспечивать социально-экономическое развитие регионов. Также процесс диверсификации экономики в России осложняется сложившейся на данный момент напряженной политической обстановкой и в дальнейшем потребует серьезных усилий и политической воли, так как процесс отказа от экспорта углеводородов не может пройти незаметно и безболезненно для государства и его населения.

Таким образом, в настоящий момент перед такими странами как Россия и аравийские монархии Персидского залива, большую долю в экономике которых составляет экспорт природных ресурсов, продолжают остро стоять вопросы диверсификации источников дохода и диверсификации экспорта, диверсификации предлагаемых рабочих мест, диверсификации стратегических отношений и диверсификации способности к инновациям, которые государствам предстоит решить в ближайшем будущем для развития здоровой и эффективной экономической системы [11].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. اقتصاد المستقبل القائم على المعرفة والابتكار // URL: https://www.moec.gov.ae/future-economy#:~:text=مرتكزات%20الاقتصاد%20المستقبلي%20هي%20العائلية%20%الشركات,القطاعات%20وتحفيز%20الاستثمار%20وحماية%20 (дата обращения 12.03.25).

2. Бурлаков В. В., Головин Е. В., Дзюрдзя О. А. Диверсификации российской экономики: необходимость ускорения, зарубежный опыт и возможность его использования // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. № 3. С. 72–90.

3. Осипова Е. М., Горина А. П. Диверсификация экономики: сущность и значение в современных условиях // Контентус. Серия: Экономические науки. 2015. С. 1–6.

4. Addisu A Lashitew, Michael L Ross, Eric Werker What Drives Successful Economic Diversification in Resource-Rich Countries? // The World Bank Research Observer. 2021. Volume 36. Issue 2. P. 164–196.

5. Fattouh B., Sen A. Economic Diversification in Arab Oil-Exporting Countries in the Context of Peak Oil and the Energy Transition // Luciani G., Moerenhout T. (eds) When Can Oil Economies Be Deemed Sustainable? 377 p. 2021.

6. Соловьева Е. А., Хачкизова Б. Р. Диверсификация и развитие экономики Объединенных Арабских Эмиратов // Актуальные исследования и разработки в области социально-экономических и технических наук. 2022. С. 124–131.

7. Country & Product Complexity Rankings // URL: https://atlas.hks.harvard.edu/rankings (дата обращения 1.03.25) .

8. Statistical Review of World Energy // URL: https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf (дата обращения 17.02.25).

9. Мастепанов А. М. Сумин А. М. Энергополитика монархий Персидского залива в преддверии энергоперехода 2021 // Энергетическая политика. 2021. №155. С. 56–77.

10. Issaev L., Kozhanov N. Diversifying relationships: Russian policy toward GCC // International Politics. 2021. Volume 58. pages 884–902.

11. عُمان .. نموذجًا في دول الخليج الاقتصادي التنويع مُحدِّدات // URL: https://www.omandaily.om/عمان-الاقتصادي-التنويع-محددات/na/عمان-الخليج-دول-في-الاقتصادي-التنويع-محددات#:~:text=ونستطيع%20أن%20نرصُد%20مُحدِّدات%20الحكومي,المُتحقَّق%20من%20تصدير%20النفط (дата обращения 1.03.25).

УДК 327.82

ФАКТОР ОТНОШЕНИЙ С РОССИЕЙ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЯХ ПАРТИЙ ФРГ НА ПРИМЕРЕ ХДС/ХСС И АЛЬТЕРНАТИВЫ ДЛЯ ГЕРМАНИИ

THE FACTOR OF RELATIONS WITH RUSSIA IN THE FOREIGN POLICY STRATEGIES OF GERMAN POLITICAL PARTIES: THE CASE OF CDU/CSU AND ALTERNATIVE FOR GERMANY

В. М. Нитецкий,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
V. M. Nitetskiy,
Saint-Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: vladimir.nitetskii@yandex.ru
Н. В. Проворов,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
N. V. Provorov,
Saint-Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: ProvorovwNV@yandex.ru
П. В. Матусяк,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
P. V. Matusiak,
Saint-Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: pvmatusiak@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена изучению российского направления внешнеполитических стратегий двух наиболее влиятельных партий бундестага — ХДС/ХСС и Альтернативы для Германии. Для большей теоретической обоснованности выводов исследовательский вопрос изучается авторами через призму неоклассического реализма МО, позволяющего объяснить различающиеся стратегии поведения внутригосударственных акторов на международной арене. В работе рассматриваются программы партий к парламентским выборам 2025 г., а также резонансные заявления их лидеров, посвященные отношениям с Россией. Кроме того, представлены возможные причины найденных расхождений в позициях партий.

Abstract. This paper examines the Russian dimension of the foreign policy strategies of two of the most influential parties in the Bundestag: the CDU/CSU and Alternative for Germany. To provide a stronger theoretical foundation, the research question is explored through the lens of neoclassical realism in International Relations, which helps explain the varying strategies of domestic actors on the international stage. The study analyzes the parties' programs for the 2025 parliamentary elections, as well as notable statements by their leaders regarding relations with

Russia. Furthermore, potential reasons for the identified discrepancies in the parties' positions are discussed.

Ключевые слова: ХРИСТИАНСКИЕ ДЕМОКРАТЫ, АЛЬТЕРНАТИВА ДЛЯ ГЕРМАНИИ, РОССИЯ, НЕМЕЦКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА, ВЫБОРЫ В БУНДЕСТАГ 2025, НЕОКЛАССИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Key words: CHRISTIAN DEMOCRATS, ALTERNATIVE FOR GERMANY, RUSSIA, GERMAN FOREIGN POLICY, BUNDESTAG ELECTIONS 2025, NEOCLASSICAL REALISM

Прошедшие выборы в бундестаг показали, что крупнейшими партиями в немецкой политике в настоящее время являются умеренно консервативный ХДС/ХСС и право-популистская Альтернатива для Германии. И хотя только первой из них предстоит вести переговоры о формировании нового правительства страны, вторая тем не менее станет значимой политической силой в бундестаге, имеющей существенное влияние на принятие решений. Подобное перераспределение ролей в партийно-политическом измерении не может не отразиться на внешней политике ФРГ и, в частности, на вопросе отношений с Россией. Германия является ведущим игроком в Европейском союзе, что проявляется и в выработке стратегии взаимодействия с Москвой. Несмотря на то, что в настоящий момент как двусторонние отношения ФРГ и РФ, так и России и ЕС находятся в самой низкой точке, в долгосрочной перспективе возврат к диалогу представляется неизбежным, ввиду чего выявление тактики ведущих политических сил Германии на российском треке представляется необходимым.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы определить основные различия в подходах к взаимоотношениям с РФ двух крупнейших партий бундестага и попытаться объяснить причины этих различий. Для этого авторы собираются решить следующие задачи:

1. Изучить манифесты к выборам 2025 г. ХДС/ХСС и АдГ, а также публичные выступления лидеров этих партий, посвященные вопросам отношений двух государств, а также выявить ключевые особенности официальной риторики о России и предлагаемого каждой из партий политического курса в отношении РФ.

2. Дать характеристику каждой из моделей отношений, используя теоретическую концепцию неоклассического реализма в международных отношениях.

В качестве теоретической основы настоящего исследования используется неоклассический реализм. Главное отличие этой ТМО от ее предшественников, классического и структурного реализма К. Уолтца — обращение не только к общим свойствам международной системы, но и к особенностям внутренней политики государств, в том числе изучение взглядов элит на проблемы безопасности и их восприятия внешних угроз [1]. Эта “вторгающаяся”, по определению неоклассиков [2], переменная модель формирования внешней политики дает возможность выяснить, почему при одинаковой конфигурации системных факторов различные акторы внутри государства предпочитают действовать на международной арене по-разному.

Поэтому важно оценить, какое место рассматриваемые партии отводят России во внешнеполитической стратегии ФРГ. Для этого был проведен качественный контент-анализ предвыборных документов партий и резонансных заявлений их лидеров, сделанных в период агитации 2024–2025 гг. Для обобщения позиций партий по отношениям с РФ и выявления возможных различий между ними в методологию исследования вошли общенаучные методы индукции и сравнения.

Так, основами внешней политики ФРГ для ультраправой Альтернативы для Германии являются приоритет дипломатии и мирного урегулирования конфликтов [3]. Наряду с этим подвергаются критике взятые на вооружение партиями истеблишмента (конкретно партией “Зелёные”, как раз получившей контроль над внешнеполитическим ведомством ФРГ) принципы “ценностной политики”, подразумевающей содействие поддержке национальных, сексуальных меньшинств, политическим заключенным, способствование переходу на возобновляемые источники энергии в рамках борьбы с изменением климата. На место этих принципов должен прийти примат Realpolitik. Следствием этого можно назвать стремление восстановить бесперебойную торговлю с Российской Федерацией (вместе с США и Китаем называется крупнейшей мировой державой) посредством отмены экономических санкций и ремонта газопровода “Северный поток”.

Логичным дополнением к документальному закреплению стратегии стали публичные заявления кандидата от партии в канцлеры Алис Вайдель. Например, в интервью газете Bild в феврале 2025 года сопредседательница АдГ объясняла необходимость возврата к поставкам энергоресурсов из России текущим неконкурентоспособным состоянием немецкой экономики, вызванным санкционным курсом Берлина. Финансовую, военную поддержку Киева со стороны ФРГ А. Вайдель охарактеризовывает как раскручивание спирали эскалации [4]. Комментируя решение Ф. Мерца передать Украине ракеты “Taurus”, второй сопредседатель партии Т. Хрупалла заявил, что лидер ХДС/ХСС “переступает красную черту”, пытаясь участвовать в опасной силовой политике. Это, по мнению Хрупаллы, чревато вовлечением Германии в крупный неконтролируемый конфликт [5]. Помимо этого, в интервью немецкому ресурсу SWR политик подчеркивал необходимость начать мирные переговоры и учесть геополитические интересы России, в том числе международное признание за РФ новых территорий и невхождение Украины в НАТО и ЕС [6]. В целом риторика Т. Хрупаллы и А. Вейдель в отношении конфликта в целом соответствует заявлениям российского руководства о целях СВО и условиях возможного соглашения [7]. Таким образом, по классификации неоклассика Р. Швеллера, партия привержена политике адаптивного небалансирования (non-balancing), заключающейся в намеренном избегании конфликтной ситуации за счет уступок и ради получения политических и экономических выгод [8].

Данную линию Альтернативы можно объяснить стремлением её руководства стать защитниками интересов граждан, которые негативно относятся к бескомпромиссной стратегии “светофорного” правительства, направленной на

разрешение украинского кризиса. Она выражается в тезисе: “поддерживать столько, сколько потребуется” (другим подобным “адвокатом” граждан стал Союз Сары Вагенкнехт). Так, согласно данным опроса от сентября 2024 г. исследовательского отдела Statista, среди сторонников АдГ 86% высказалось против дальнейшей отправки оружия Киеву (в рядах ХДС/ХСС — 40%) [9]. Помимо усталости немцев от конфликта и издержек, вызванных антироссийскими санкциями, значимую роль в поддержке АдГ играет и идеологический фактор. Позиционируя себя как социально-консервативную партию, выступающую против укрепления в стране глобалистской “воук” повестки, Альтернатива открыто симпатизирует политике российских властей по защите традиционных ценностей. Это подтверждает раздел предвыборной программы, посвященный вопросам демографии и семьи, где говорится о поддержке института брака, разделении полов исключительно на мужской и женский, защите детей от влияния неолиберальной пропаганды и т.д. [3].

Блок ХДС/ХСС является постоянным игроком на немецкой политической арене и, несомненно, наиболее успешным. Именно лидеры Союза сформировали те приоритеты внешней политики ФРГ (европейский, трансатлантический векторы), которые до сих пор остаются неизменными. Союз наряду с Зелёными исторически занимал наиболее жесткую позицию в отношении СССР и России, что, однако не исключало точечного диалога.

Начало специальной военной операции (СВО) ХДС/ХСС встретил, будучи крупнейшей оппозиционной силой в парламенте, и смог найти пространство для критики светофорного правительства и на российском направлении. Так, в январе 2023 на дебатах в Бундестаге, посвященных запланированной отправке Киеву танков “Leopard”, Фридрих Мерц, председатель христианских демократов, не только поддержал данное решение, пожаловавшись на колебания правительства Олафа Шольца, но и заявил о сохраняющемся отсутствии доверия к нему [10]. В вопросе предоставления ракет “Taurus” лидер немецкой оппозиции также высказался за, в отличие от канцлера [11].

Кроме устных заявлений лидеров и рядовых членов блока ХДС/ХСС, необходимо брать в расчёт и предвыборную программу партии. В ней подход к отношениям с Россией не сформулирован в отдельном пункте, как у АдГ, но этой теме также уделено не последнее место. Так, документ подтверждает курс на поддержку Украины всеми необходимыми дипломатическими, финансовыми и гуманитарными методами, в том числе и отправкой вооружений [12]. Это обосновывается тем, что Украина защищает не только саму себя, но и “нас”, то есть Европу и Германию. Заявленная цель партий в урегулировании конфликта — это мирный процесс, который Украина “сможет вести с позиции силы и на равных”. Однако, беря во внимание нынешнее положение дел на фронте, а также предыдущие этапы ведения переговоров между Россией и Украиной – которые последняя часто целенаправленно затягивала для получения передышки или вовсе не исполняла достигнутые договорённости, — сценарий, при котором Украина будет иметь статус равной стороны, кажется маловероятным.

В отношении Москвы Союз целенаправленно стремится расширить санкции, аргументируя это следующим образом: “Высокая экономическая цена

этой агрессивной войны призвана заставить Путина переосмыслить ситуацию, а затем положить конец военным действиям".

Кроме того, в программе отмечается намерение активизировать экономические связи в Африке, на всем глобальном Юге и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но не только для расширения своего собственного экономического пространства, но и для того, чтобы не "уступать" эти регионы Китаю и России. Этот тандем России и Китая блоком ХДС/ХСС, по всей видимости, рассматривается как главная угроза безопасности в военной и экономической сферах. Германия же в свою очередь в противовес должна укреплять сотрудничество в этом отношении с США и европейскими партнерами. Эти совместные действия должны быть направлены на "сдерживание геополитического влияния России и Китая" [12].

Ещё одним моментом, заслуживающим внимания, является благонамеренное отношение блока к заявлению США о размещении в Германии систем вооружения большой дальности, которое должно "в значительной степени способствовать надежному сдерживанию" России. Однако вполне очевидным кажется, что подобное развитие событий возымеет обратный эффект и будет способствовать лишь росту напряженности в регионе.

Таким образом, в программе о России говорится не как о важном партнёре, коим в силу объективных факторов она является для Германии, а лишь как о сопернике, чью экспансию и агрессию необходимо сдерживать. Соответственно, резко враждебная позиция в отношении РФ вкупе с намерением перевооружить Бундесвер, возглавив европейскую оборону [13], позволяют охарактеризовать стратегию блока как чрезмерное балансирование (over-balancing), выражающееся в непропорциональном наращивании мощи в ответ на мнимую угрозу.

Подобную внешнеполитическую стратегию можно объяснить исторической приверженностью христианских демократов трансатлантической и европейской солидарности, а также поддержанием курса на всеобъемлющую критику политики "светофорной" коалиции, где российский трек не является исключением. Жесткая линия в отношении РФ помогает ХДС/ХСС отделить себя от популистской АдГ, таким образом выдерживая конкуренцию с ней на правом поле. Дает о себе знать и ценностный аспект.

Выводы. На основании изложенной информации можно выделить следующие различия в подходах двух партий к взаимоотношениям с РФ:

1. ХДС/ХСС придерживается жёсткой, балансирующей стратегии (over-balancing), рассматривая Россию прежде всего как геополитического соперника и угрозу, которую необходимо сдерживать посредством санкций, военной поддержки Украины и укрепления трансатлантических и европейских союзов.

2. "Альтернатива для Германии" выступает за политику адаптивного небалансирования (non-balancing), ориентированную на диалог, снятие санкций и восстановление экономических связей с Россией, включая возобновление поставок энергоресурсов.

Причины различий. *Внутренняя политика и идеология***.** ХДС/ХСС, как традиционная консервативная партия, исторически ориентирована на трансатлантическую солидарность и жёсткую позицию в отношении России, что

усиливается желанием дистанцироваться от популистской АдГ и конкурировать с ней на правом фланге. Важную роль играет также ценностный аспект — поддержка либеральных и европейских норм. В свою очередь, АдГ, позиционируя себя как социально-консервативная и национал-популистская сила, симпатизирует российской политике традиционных ценностей.

Реакция на украинский кризис и влияние общественного мнения. ХДС/ХСС поддерживает оказание военной и дипломатической помощи Украине с целью сохранения европейской безопасности и давления на Россию для прекращения войны. АдГ, напротив, рассматривает поддержку Киева как эскалацию конфликта и призывает к переговорам с учетом геополитических интересов России, включая признание новых территорий и невступление Украины в НАТО и ЕС. Позиция АдГ отражает настроения значительной части её электората, который выступает против дальнейших поставок оружия Украине и устал от санкций и затянувшегося конфликта, что проявляется в критике "ценностной политики" и стремлении к прагматичной Realpolitik. В это время ХДС/ХСС ориентируется на более широкую европейскую и трансатлантическую коалицию. Именно поэтому она довольно прочно скована обязательством придерживаться единой точки зрения как одного из аспектов консолидации ЕС.

Таким образом, основные различия между ХДС/ХСС и АдГ в подходах к России обусловлены сочетанием идеологических ориентиров, восприятия внешних угроз, внутриполитических факторов и электоральных интересов, что хорошо объясняется теоретической рамкой неоклассического реализма. Эти различия отражают глубокие противоречия в немецкой политике по российскому направлению, которые временно решены в силу неучастия АдГ в правящей коалиции. Тем не менее, если она не оправдает доверие избирателей, следует ожидать еще большего сдвига общественного мнения в сторону правых сил.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Rose, G. (1998). Neoclassical realism and theories of foreign policy. World Politics 51(1), 144-172.
2. Lobell, S. E., Ripsman, N. M., & Taliaferro, J. W. (Eds.). (2009). Neoclassical Realism, the State, and Foreign Policy. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Zeit für Deutschland. Programm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum 21. Deutschen Bundestag. 12.01.2025 URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/2025/02/AfD_Bundestagswahlprogramm2025_web.pdf (дата обращения 16.04.2025).
4. AfD-Chefin Weidel fordert Russland-Verhandlungen – Putin wird in Kriegsfrage verteidigt // Münchner Merkur. 19.02.2025. URL: https://www.merkur.de/politik/afd-chefin-weidel-fordert-russland-verhandlungen-putin-wird-in-kriegsfrage-verteidigt-zr-93574913.html (дата обращения 16.04.2025)
5. Tino Chrupalla / Alice Weidel: Taurus-Lieferung ist ein gefährlicher Tabubruch – Deutschland darf nicht zur Kriegspartei werden // Alternative für Deutschland. 15.04.2025. URL: https://www.afd.de/tino-chrupalla-alice-weidel-taurus-lieferung-ist-ein-gefaehrlicher-tabubruch-deutschland-darf-nicht-zur-kriegspartei-werden/ (дата обращения 16.04.2025).

6. AfD-Chef Tino Chrupalla: «Lüge gehört zur Politik» // SWR Aktuell. URL: https://www.swr.de/swraktuell/radio/afd-chef-tino-chrupalla-luege-gehoert-zur-politik-100.html (дата обращения 16.04.2025).

7. Шварцман В., Васильева М., Постникова Е. Что означает мирное предложение Владимира Путина // РБК. 14.06.2024. URL: https://amp.rbc.ru/rbcnews/politics/14/06/2024/666c537a9a794780480c666a (дата обращения 16.04.2025).

8. Schweller, R.L. (2004). Unanswered Threats: A Neoclassical Realist Theory of Underbalancing. International Security 29(2), 159-201.

9. Umfrage zu deutschen Waffenlieferungen an die Ukraine im September 2024 // Statista Research Department. 17.09.2024. URL: https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1454716/umfrage/umfrage-zu-waffenlieferungen-von-deutschland-an-die-ukraine/ (дата обращения 16.04.2025)

10. Debatte über geplante Lieferung von Leopard-Kampf-panzern an die Ukraine // Deutscher Bundestag. 25.01.2023 URL: https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2023/kw04-de-aktuelle-stunde-mi-leopard-926986 (дата обращения 16.04.2025).

11. Merz wiederholt «Taurus» – Versprechen in Kiew // Tagesschau. 09.12.2024. URL: https://www.tagesschau.de/ausland/europa/merz-ukraine-108.html (дата обращения 16.04.2025)

12. Politikwechsel für Deutschland. Wahlprogramm von CDU und CSU. 17.01.2025. URL: https://www.cdu.de/app/uploads/2025/01/km_btw_2025_wahlprogramm_langfassung_ansicht.pdf (дата обращения 16.04.2025).

13. Cliffe, J., Puglierin J. The Merz doctrine: What a CDU-led government would mean for German foreign policy // European Council on Foreign Relations. 18.12.2024. URL: https://ecfr.eu/article/the-merz-doctrine-what-a-cdu-led-government-would-mean-for-german-foreign-policy/ (дата обращения 16.04.2025).

УДК 327

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА ВЕНГРИИ И КИТАЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

CRITICAL ANALYSIS OF THE STRATEGIC PARTNERSHIP BETWEEN HUNGARY AND CHINA AT THE PRESENT STAGE

А. С. Привалов,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
A. S. Privalov,
Saint-Petersburg State University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: AlexPriv1401@mail.ru

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка оценить, в какой степени современное сотрудничество Венгрии и КНР, находящееся на уровне «всепогодного всеобъемлющего стратегического партнерства», соответствует научным критериям или общим чертам подобных отношений. Осуществляется обзор точек зрения исследователей на явление «стратегического партнерства» в международных отношениях, а затем исследуются основные сферы сотрудничества стран. Автор приходит к выводу об отсутствии устойчивого определения «стратегического партнерства». В соответствии же с избранными для анализа характеристиками, несмотря на разноплановое сотрудничество, назвать партнерство Венгрии и КНР «стратегическим» мешают факторы его силовой и экономической асимметричности, при том, что экономические интересы являются его главным драйвером, при значительной роли и политических соображений.

Abstract. This article attempts to assess the extent to which the current cooperation between Hungary and China, presently at the level of an “all-weather comprehensive strategic partnership”, meets scientific criteria or common features of such relations. It reviews the views of researchers on the phenomenon of “strategic partnership” in international relations, and then examines the main areas of cooperation between the states. The author comes to the conclusion that there is no common definition of “strategic partnership”. In accordance with its characteristics selected for analysis, the factors of power and economic asymmetry, despite the diverse cooperation, prevent the partnership between Hungary and China from being called “strategic”, even though economic interests are its main driver, with political considerations also playing a significant role.

Ключевые слова: СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТЕРСТВО, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО, ВЕНГРИЯ, КИТАЙ, «ВСЕПОГОДНОЕ И ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕЕ», «ОТКРЫТИЕ НА ВОСТОК», «ПОЯС И ПУТЬ»

Key words: STRATEGIC PARTNERSHIP, ECONOMIC COOPERATION, HUNGARY, CHINA, «ALL-WEATHER COMPREHENSIVE», «EASTERN OPENING», «BELT AND ROAD»

Исходной точкой данного исследования стало совместное заявление председателя КНР Си Цзиньпина и премьер-министра Венгрии Виктора Орбана об установлении «всепогодного всеобъемлющего стратегического партнерства», сделанное в ходе встречи в Будапеште 9 мая 2024 года. Сигналы о стремительном укреплении сотрудничества между Китаем и Венгрией вписываются в логику развития трендов многополярности и выстраивания глобальных связей. Тем не

менее, наш исследовательский вопрос можно сформулировать следующим образом: отвечает ли современное состояние отношений Венгрии и КНР критериям декларируемого стратегического партнерства? В связи с этим необходимо определить существующие подходы к определению «стратегического партнерства», изучить основные сферы сотрудничества стран, его проблемные стороны, а также выявить удовлетворяемые посредством него интересы сторон. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы и работа с источниками, их качественный контент-анализ. Источниковую базу исследования составили публикации сайтов государственных ведомств стран, СМИ, экономическая статистика. Среди литературы по тематике исследования можно выделить работы отечественных авторов, К. С. Теремецкого [1] и Л. Н. Шишелиной [2], которые склонны оценивать это сотрудничество позитивно, отмечая его планомерно нарастающие темпы, в то время как зарубежные аналитики [3] в большей степени сосредоточены на вызовах, или даже угрозах, заложенных в нем для Европы в экономической и политической сферах. Тем не менее, отмечая поэтапную эволюцию формального уровня договорных отношений, исследователи не акцентировали внимание на его корреляцию с их практическим наполнением, в чем и заключается новизна нашего исследования.

Понятие «стратегического партнерства (СП)» часто используется в международно-политическом дискурсе, однако исследователи А. Тюшка и Л. Чеховска указывают, что оно фактически не определено как на уровне практической политики, так и на уровне теории, ввиду объективной сложности выработки его критериев [4]. Они отмечают, что СП является трендом пост-биполярного мира, гибким дипломатическим инструментом, допускающим «взаимодействие как между дружественными, так и между соперничающими или конкурирующими державами» [4]. Менее широкую трактовку понятия дает реалистический подход, согласно нему СП является новой, пост-блоковой формой балансирования. Его представитель, Т. Уилкинс, полагает, что СП основано на общей системной цели (интересе) безопасности или лидерства, ориентировано на решение определенных задач, а не на отражение угроз, неформально по структуре, а его ключевым драйвером является экономическое сотрудничество [4]. Конструктивистский же подход видит поиск определения несостоятельным, поскольку форма СП зависит от «контекста» и «восприятия партнера» [4]. В рамках конструктивизма и за его пределами часто подчеркивается статусное и дискурсивное значение СП, поскольку оно укрепляет авторитет крупных держав, а малым ассоциация с лидерами позволяет стать более включенными в международную политику [4]. Российские же исследователи разделяют, в общем, более консолидированные взгляды. А. Н. Михайленко считает СП промежутком между спорадическим партнерством и союзничеством, который подразумевает совместное планирование и переход к «проактивной долгосрочной внешней политике» [5]. Ю.Г. Жеглова определяет СП как консенсус об «общности стратегических интересов и целей», для него характерно отсутствие обязывающих соглашений при наличии «институционализированных каналов взаимодействия», а также примерный

паритет потенциалов и «равноправие партнеров» [6]. А. В. Воробьев добавляет, что СП должно носить «долгосрочный, непрерывный характер», а также осуществляться «в нескольких», или даже «во всех сферах общественной жизни» [7]. Таким образом, в отсутствие общепринятого определения, в данном исследовании мы будем в большей степени опираться на реалистическую трактовку стратегического партнерства, а также его отличительные черты, выделенные отечественными учеными.

Венгерско-китайское сотрудничество было в значительной степени простимулировано с приходом к власти правительства В. Орбана и принятием им госпрограммы «Открытие на Восток» в 2010 году. Как отмечает И. Н. Тарасов, она не была направлена исключительно на Китай, а скорее продиктована «прагматичным евроскептицизмом», стремлением диверсифицировать сферу внешней торговли [8]. В 2011 году Венгрия присоединилась к формату 17+1 (14+1), переговорной структуре с инвестиционным фондом, инициированной КНР с целью укрепления экономических связей со странами ЦВЕ [9]. Хотя формат стагнирует на фоне выхода из него Литвы, Латвии и Эстонии, а также нарастания общего антагонизма к Китаю в ЕС [10], Будапешт остается активным его участником. В 2015 году Венгрия первой из европейских стран подписала меморандум по инициативе «Один пояс, один путь», а в 2024 году Си Цзиньпин отметил её «синергию» с программой «открытости на Восток» [11]. Уровень отношений был сначала повышен до «всеобъемлющего стратегического партнерства» в 2017 году [12], а затем, в 2024 году, в ходе визита председателя КНР по случаю 75-летия дипломатических отношений стран, до «всепогодного» [13], как обозначается также партнерство с Пакистаном и Беларусью [14]. В практической плоскости, отношения стран включают регулярные встречи на министерском и высшем уровне с принятием меморандумов по отдельным отраслям сотрудничества, так встреча 2024 года завершилась подписанием 18 подобных документов [15]. Таким образом, договорно-институциональная сторона партнерства демонстрирует преемственность и наличие устойчивых каналов взаимодействия.

Наиболее выраженной, если не детерминирующей, сферой сотрудничества является экономика. Китай является главным торговым партнером Венгрии за пределами ЕС [16], за десять лет товарооборот вырос с 3 млрд евро до 9,4 млрд евро в 2023 году [17]. При этом выражен перевес сальдо в пользу Пекина, доля его импорта в Венгрию – 7,7 млрд евро в 2023 году [17]. Теперь КНР и основной инвестор, по подсчетам центра MERICS, в период 2012-2021 среднегодовая сумма инвестиций составляла 89 млн. евро, а затем резко возросла до 3 млрд на 2023 год, составив 44% от всех китайских прямых инвестиций в Европу, что превышает совокупно таковые во Францию, Германию и Британию [18]. Подавляющая доля вложений приходится на производителей автомобилей (BYD) и аккумуляторов для них (CATL), размещающих заводы в Венгрии, по причине близости к производственным линиям своих клиентов, Mercedes или BMW, или, в случае BYD, с целью выхода на европейский рынок на фоне роста спроса на электромобили [19]. Ранее в стране разместил производственный, складской комплексы и R&D отдел «гигант» Huawei. Приток инвестиций из Китая помог

Венгрии выдержать удары, нанесенные ковидным и энергетическим кризисами, а также заморозкой дотаций ЕС. В то же время, основным направлением экспорта Венгрии остаются страны Европы, по данным ОЕС в 2023 году лидировала Германия с 25%, в то время как на Китай пришлось всего 2,2% [20]. Следовательно, сложно говорить о равенстве партнеров в экономической сфере. При этом нужно заметить, что реализуемые бизнес-проекты являются долгосрочными.

Страны сотрудничают также в сфере инфраструктурного развития. В 2014 году, в рамках «Пояса и Пути», было согласовано строительство железной дороги Будапешт-Белград, звена логистической цепи, идущей из Греции. Несмотря на обоюдную заинтересованность сторон в реализации облегчающего доступ китайских товаров в Европу проекта, он задерживался, сначала согласованием его с Еврокомиссией, а затем пандемией, и пока не завершен [21]. Более того, высказываются критика будущей рентабельности и условий его финансирования китайским банком, подозрения в коррупции [3]. Иные проекты с участием Китая анонсированы, но пока находится на стадии подготовки [22]. Летом 2024 года Будапешт получил беспрецедентный займ суммой в 1 млрд евро от трех банков Китая на развитие инфраструктуры и энергетики [23]. Так, практическая реализация инициатив «Пояса и Пути» на деле сталкивается со сложностями, а займы, в отличие от дотаций ЕС, рано или поздно придется вернуть.

Сфера образовательного сотрудничества достаточно развита, включает взаимное открытие культурных и исследовательских центров, межвузовское сотрудничество и студенческие обмены. В Венгрии работает единственная в регионе двуязычная школа, по данным Л. Н. Шишелиной в стране проживает от 15 до 32 тыс. китайцев [2]. Тем не менее, проект строительства кампуса Фуданьского университета, который стал бы первым филиалом китайского ВУЗа в Европе, оказался замят по причине сопротивления представителей венгерской оппозиции, раздраженных, помимо прочего, «двойными стандартами» В. Орбана, в 2015 году закрывшего Центрально-Европейский университет, финансировавшийся из фонда Д. Сороса [24].

В связи членством Венгрии в НАТО сфера безопасности долго оставалось за скобками, однако в 2024 году Министр общественной безопасности КНР В. Сяохун подписал с венгерским коллегой соглашения о сотрудничестве в правоохранительной деятельности и выразил надежду на его углубление в борьбе с терроризмом и обеспечении безопасности «Пояса и Пути» [25]. Будапешт и Пекин обладают схожими взглядами и на проблемы международной политики, В. Орбан поддерживал мирный план Китая в отношении Украинского кризиса. Венгрия также умеренно лоббирует интересы Китая в Брюсселе, в период с 2016 по 2022 она 6 раз блокировала «осуждение» действий Китая, а также выступала против решений, затрагивающих его экономические интересы [3]. Можно выделить и общность политических ценностей: суверенитета и независимого развития [13].

Подводя итог, следует сказать, что сотрудничество стран поступательно, институционализировано, включает элемент планирования, охватывает ключевые сферы, наиболее динамична из которых экономика. Проблемой на сегодняшний

день является запоздалая реализация или срыв поставленных задач в сфере логистики и инфраструктуры. В наибольшей степени охарактеризовать это партнёрство как стратегическое мешает его силовая и экономическая асимметричность. Тем не менее, заинтересованность Китая в Венгрии носит не столько материальный, сколько политический характер: как дружественной страны в ЕС, экономического и имиджевого «окна» в Европу, а временами и полноценного брокера интересов. Будапешту же партнерство с КНР помогает поддерживать макроэкономическую стабильность, от которой зависят и электоральные успехи правящей партии, а также дает большую тактическую свободу в отношениях с ЕС, позволяя сбалансировать избыточное давление из Брюсселя. В то же время, интегрированность в европейскую систему, скрываемая за громкой критикой последней В. Орбаном, служит страховкой от потенциального попадания в зависимость от Пекина. Следовательно, интересы сторон можно назвать пересекающимися, но не всегда совпадающими. Таким образом, современное сотрудничество стран удовлетворяет лишь части выделенных нами критериев стратегического партнерства, однако если будет реализовано большинство декларируемых инициатив, этот вывод следует пересмотреть.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Теремецкий К.С. Лучший друг в любую погоду // Россия в глобальной политике. 20.05.2024 URL: https://globalaffairs.ru/articles/luchshij-drug-v-lyubuyu-pogodu/ (дата обращения: 12.04.2025).

2. Шишелина Л.Н. Центральная Европа в стратегии Китая // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. № 2. – с. 131-138

3. Ilona Gizińska, Paulina Uznańska China’s European bridgehead. Hungary’s dangerous relationship with Beijing. // CENTRE FOR EASTERN STUDIES, OSW Commentary, N. 590, 12.04.2024 URL: https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2024-04-12/chinas-european-bridgehead-hungarys-dangerous-relationship (request date: 12.04.2025)

4. Andriy Tyishka, Lucyna Czechowska Strategic partnerships, international politics and IR theory / States, international organizations and strategic partnerships, Edward Elgar Publishing, 2019, pp.8-43 URL: https://www.researchgate.net/publication/370344666_Strategic_partnerships_international_politics_and_IR_theory (request date: 12.04.2025).

5. Михайленко А. Н. Стратегическое партнерство и союзничество в международных отношениях // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. №183. – с. 9-21.

6. Жеглова Ю. Г. Стратегическое партнерство как формат межгосударственных отношений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2014. № 3 (35). – с. 115-122.

7. Воробьев А. В. Сущность стратегического партнёрства в международных отношениях // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 171. – с. 138-147

8. Тарасов И. Н. Эволюционный путь внешней политики современной Венгрии // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. № 3. – с. 115-127.

9. Цинь, С. Отношения Китая и Венгрии в начале XXI в. // Международные отношения: история, теория, практика: материалы XIII научно-практической конференции молодых ученых факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Минск, 2023. – с. 546-551.

10. Мельникова Ю. Что это было? Взлёт и осыпание формата «16+1» // РСМД. 26.01.2023 URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-eto-bylo-vzlyet-i-osypanie-formata-16-1/ (дата обращения: 08.02.2025).

11. Xi Jinping Embarking on a Golden Voyage in China-Hungary Relations // The state council of the People's Republic of China, 2024 URL: https://english.www.gov.cn/news/202405/08/content_WS663b1cdbc6d0868f4e8e6d9a.html (request date: 12.04.2025).

12. Political and diplomatic relations // Embassy of Hungary, Bejing URL: https://peking.mfa.gov.hu/eng/page/politikai-kapcsolatok (request date: 10.02.2025).

13. Full text: China-Hungary Joint Statement on the Establishment of an All-Weather Comprehensive Strategic Partnership for the New Era // The state council of the People's Republic of China, 2025 URL: https://english.www.gov.cn/news/202405/10/content_WS663d3b83c6d0868f4e8e6eb0.html (request date: 12.04.2025)

14. Мокрецкий А.Ч. О «Всепогодных и всесторонних отношениях стратегического партнерства» КНР и Республики Беларусь // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2023. №28. – с. 166-184

15. Full Text: Outcome list of President Xi Jinping's state visit to Hungary // The state council of the People's Republic of China, 2024 URL: https://english.www.gov.cn/news/202405/10/content_WS663db3c8c6d0868f4e8e6f18.html (request date: 10.02.2025).

16. Szintet léptek a magyar-kínai gazdasági kapcsolatok // Magyarország Kormánya. Aprilis 2, 2024 URL: https://kormany.hu/hirek/szintet-leptek-a-magyar-kinai-gazdasagi-kapcsolatok (request date: 06.02.2025)

17. MK-75: Kereskedelem Magyarország és Kína között // Pázmány Péter Katolikus Egyetem BTK. 2024.05.09 URL: https://btk.ppke.hu/hirek-kinai-tanszek/mk-75-kereskedelem-magyarorszag-es-kina-kozott (request date: 06.02.2025).

18. Dwindling investments become more concentrated – Chinese FDI in Europe: 2023 Update // MERICS. 06.06.2024 URL: https://merics.org/en/report/dwindling-investments-become-more-concentrated-chinese-fdi-europe-2023-update#msdynttrid=8aYi6_rShONylkNJkwm2s7vp1_jEcZd3uIWlJ4mT33o (request date: 11.02.2025)

19. Andrea Éltető, Tamás Peragovics, Magdolna Sass, Ágnes Szunomár China's European Bridgehead? The Chinese Economic Presence in Hungary // Friedrich-Ebert-Stiftung, Budapest, 2024. URL: https://library.fes.de/pdf-files/bueros/budapest/21458.pdf (request date: 14.02.2025)

20. Hungary // OEC. URL: https://oec.world/en/profile/country/hun?yearlyTradeFlowSelector=flow0 (request date: 11.02.2025).

21. Теремецкий К. О венгеро-китайском сотрудничестве в современных реалиях // Россия в глобальной политике. 24.05.2023 URL: https://globalaffairs.ru/articles/o-vengero-kitajskom/ (дата обращения: 12.04.2025).

22. Eighteen Agreements Signed during Chinese Presidential Visit // Hungary today. 2024.05.10 URL: https://hungarytoday.hu/eighteen-agreements-signed-during-the-chinese-presidential-visit/ (request date: 07.02.2025)

23. Hungary quietly takes €1B loan from Chinese banks // Politico. 25.07.2024. URL: https://www.politico.eu/article/budapest-hungary-took-1-billion-loan-chinese-banks-peter-szijjarto/ (request date: 13.02.2025).

24. Ágota Révész The Pandora's Box of Fudan Hungary // Daedalus 2024; 153 (2): 207–216. URL: https://direct.mit.edu/daed/article/153/2/207/121264/The-Pandora-s-Box-of-Fudan-Hungary (request date: 13.02.2025).

25. Hungary ready to deepen friendship with China: Orban // Xinhua. 18.02.2024 URL: https://english.news.cn/20240218/c824a651789d43368a32f51c75a71e53/c.html (request date: 13.02.2025).

УДК: 327

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ И ГЕРМАНИИ В ГАЗОВОЙ СФЕРЕ

ACTUAL PROBLEMS IN GAS RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND GERMANY

М. А. Провоторова,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия)
M. A. Provotorova,
State Institute Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: 13mar603@gmail.com

Аннотация. Актуальность данного исследования обусловлена трансформацией газовых отношений России и Германии в современных реалиях, возникших на международной арене. Бывшие надёжные партнёры претерпевают трудности и пока не находят способов возвращения былого успешного сотрудничества. Хотя оба государства несут экономические потери, которые стали причиной кризисов, стороны не могут возобновить диалог из-за влияния Европейского Союза и многочисленных санкций, наложенных на Российскую Федерацию и поддерживаемых немецким правительством. В научной статье рассмотрены способы, которые Германия использует для полной замены российского газа. При этом исследование показало, что голубое топливо из России до сих пор экспортируется на энергетический рынок Германии.

Abstract. The relevance of this study is due to the transformation of gas relations between Russia and Germany in the modern realities that have emerged in the international arena. Former reliable partners are experiencing difficulties and have not yet found ways to return to their former successful cooperation. Although both countries are suffering economic losses that have caused crises, the parties cannot resume dialogue due to the influence of the European Union and the numerous sanctions imposed on the Russian Federation and supported by the German government. The scientific article discusses the ways that Germany uses to completely replace Russian gas. At the same time, the study showed that natural gas from Russia is still exported to the German energy market.

Ключевые слова: ГАЗОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ И ГГЕРМАНИИ, ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КРИЗИС, СЖИЖЕННЫЙ ПРИРОДНЫЙ ГАЗ, СПГ-ТЕРМИНАЛ

Key words: GAS RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND GERMANY, ENERGY CRISIS, LIQUIFIED NATURAL GAS, LNG TERMINAL

Последнее десятилетие Германия следует климатической повестке и активно замещает угольную и атомную энергию другими альтернативными источниками, особый упор делая на использование импортного природного газа. Так, в 2021 году Германия стала страной-лидером по закупкам газа из России, импортировав 23,7 % от общего объёма экспортируемого российского природного газа. После начала специальной военной операции немецкое правительство заявило о намерении прекращения импорта газа из России, но осуществить полный отказ от российского топлива не получилось – дешёвой

замены, которая бы обеспечивала в прежних объёмах население и промышленность Германии, не нашлось. Президент Российской Федерации Владимир Путин в ответ на западные санкции распорядился о переводе сумм за импорт газа в рублях [1], для чего импортёры должны были открыть счёт в Газпромбанке. Такое решение российского президента не поддержали ни Олаф Шольц, канцлер Германии, ни Урсула фон дер Ляйен, председатель Еврокомиссии, апеллируя тем, что это противоречит условиям ранее заключённых контрактов о покупке российского газа в валюте евро. Однако официального отказа немецкая сторона не дала, а потому частные немецкие энергетические компании – VNG, согласились на российские условия и оплату в рублях. До конца августа 2022 года поставки также продолжали осуществляться и только из-за возникших трудностей на газопроводе Северный поток-1, а именно ввиду проблем с техническим обслуживанием, которые в дальнейшем привели к полному прекращению поставок, Россия не смогла экспортировать количество газа по контрактам, заранее уведомив германскую сторону. Германии удалось компенсировать отсутствие поставок из России газом из Норвегии, Бельгии и Нидерландов, но цена была слишком высока. Поэтому потребление газа в стране было сокращено на 17,6% в сравнении с 2021 годом [2]. Ещё одной рухнувшей надеждой на выгодные поставки стала диверсия на Северном потоке-2, виновных в которой так и не установили.

Энергетический кризис подтолкнул немецкое правительство к новым решениям его преодоления. В апреле 2022 года был принят закон о форсированном использовании СПГ (Gesetz zur Beschleunigung des Einsatzes verflüssigten Erdgases, LNGG [3]), чтобы заменить российский трубопроводный газ альтернативным источником. В конце 2022 года были открыты СПГ-терминалы в Брунсбюттеле и Вильгельмсхафене, в строительство которых инвестировало немецкое правительство. Ещё один плавучий терминал был инвестирован немецкой компанией ReGas и французской TotalEnergies в Мукране. Основные поставщики СПГ в Германию – США, Норвегия, Ангола, Испания [4]. Однако немецкая компания SEFE (создана после национализации немецкого подразделения «Газпром» в 2022 году) также продолжает закупку российского сжиженного природного газа через другие страны, такой газ в документах отмечен «бельгийским». Доля российского СПГ в немецком импорте составляет 3–9 %, а продукты «Ямал СПГ» импортируются в ЕС как по долгосрочным контрактам, так и на спотовом рынке, доля продаж на котором выросла на 10 % в сравнении с 2024 годом [5]. США по-прежнему остаётся крупнейшим поставщиком СПГ в Европу, в том числе в Германию. В прошлом году показатель импорта американского сжиженного природного газа составил 90 % всего импорта. Однако министр экономики Германии Роберт Хабек предупредил о возможных рисках такой энергозависимости от Соединённых Штатов в связи с новой администрацией Дональда Трампа. Президент США повысил торговые тарифы, в том числе пригрозил Европейскому Союзу «торговой войной», если не будут увеличены закупки газа [6]. Германия беспокоится о том, что энергетическое сотрудничество с Вашингтоном в дальнейшем будет сопровождаться манипуляциями и шантажом.

С 15 января 2023 года за эксплуатацию СПГ-терминалов в Федеральной Республике Германия ответственна компания Deutsche Energy Terminal GmbH, находящаяся в полной собственности Федерального правительства. Но не всё так гладко с СПГ терминалами на сегодняшний день. Загрузка у терминалов, контролируемых DET, значительно превышает загрузку частного терминала в Мукране. Так, в Брунсбюттеле и Вильгельмсхафене она составила 65–64 %, а в Мукране — 8,5 % [7]. Компания ReGas не способна конкурировать с государственными терминалами, поскольку DET пользуется государственными субсидиями, что позволяет ей предлагать свои услуги по более низким ценам. По этой причине регазификационный терминал прекращает свою работу, принося убытки компании. Таким образом, на действующие терминалы увеличится нагрузка, поскольку открытие первого наземного СПГ-терминала в Штаде планируется только в 2027 году. В этом же году будет запущен в работу аналогичного терминал в Брунсбюттеле, а в 2028 году – в Вильгельмсхафене [8].

6 ноября 2024 года Министерство экономики Германии вынесло запрет оператору DET на импорт российского СПГ, а именно не использовать немецкие терминалы для регазификации [9]. Россия имеет долгосрочное соглашение с немецкой SEFE о поставках сжиженного природного газа с «Ямал СПГ», теперь газ отправляется в терминал во Франции, где происходит регазификация и подача в объединённую газотранспортную систему Европы. Европейский союз намеревается ввести 16-й пакет санкции в отношении России, что может затронуть и поставки СПГ, но не все страны-члены объединения поддерживают такое решение. С 1 января 2025 года по истечении соглашения между российским Газпромом и украинским Нафтогазом был прекращён транзит российского газа через Украину [10], чему последовал не только очередной рост цен, но и перестрой транзита голубого топлива. На данный момент газ из России поставляется через трубопровод «Турецкий поток» в Европу: Словакию, Болгарию, Сербию, Боснию и Герцеговину, Румынию, Грецию, Северную Македонию.

Таким образом, в данной статье были рассмотрены актуальные вызовы и риски, стоящие перед российско-германскими газовыми отношениями. Несмотря на активные протесты правительства ФРГ против российского голубого топлива, Германия продолжает закупку СПГ из России, импортируя из соседних стран и документально прикрывая это. Заключённые контракты с Катаром, который будет осуществлять экспорт СПГ с 2026 года, и с ОАЭ – с 2028 года, могут закрыть потребность в российском газе, но в ближайшие полтора года прекращение импорта вряд ли прогнозируется. К тому же, если санкции в отношении импорта российского газа всё же будут введены, вполне реальна закупка через возможный газовый хаб в Турции, если таков будет создан. Также Правительство РФ продлило поставки сжиженного природного газа с «Ямал СПГ» в немецкую SEFE Marketing & Trading Singapore до 2040 года, чтобы не нарушать обязательств по заключённому контракту РФ с индийской компанией GAIL, что подчёркивает сотрудничество между российской и германской компаниями.

БИБЛИОГРАФИСЕКИЙ СПИСОК

1. Указ Президента РФ «О специальном порядке исполнения иностранными покупателями обязательств перед российскими поставщиками природного газа» [сайт].URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413296/ (Дата обращения 14.02.2025).

2. Bundesnetzagentur veröffentlicht Zahlen zur Gasversorgung 2022 [сайт].URL: https://smart-lab.ru/blog/868620.php (Дата обращения 14.02.2025).

3. Gesetz zur Beschleunigung des Einsatzes verflüssigten Erdgases, LNGG [сайт].URL: https://www.gesetze-im-internet.de/lngg/LNGG.pdf (Дата обращения 14.02.2025).

4. European natural gas imports [сайт].URL: https://www.bruegel.org/dataset/european-natural-gas-imports (Дата обращения 14.02.2025).

5. EU imports more Russian LNG in 2024 than ever before, mostly from Arctic [сайт].URL: https://www.highnorthnews.com/en/eu-imports-more-russian-lng-2024-ever-mostly-arctic (Дата обращения 14.02.2025).

6. Why Europe will struggle to buy more US gas [сайт].URL: https://www.ft.com/content/e33d9eec-b34c-4afc-8948-dda91ccbb70d (Дата обращения 14.02.2025).

7. В Германии началось строительство первого наземного СПГ-терминала [сайт].URL: https://itek.ru/news/v-germanii-nachalos-stroitelstvo-pervogo-nazemnogo-spg-terminala/ (Дата обращения 14.02.2025).

8. Терминал СПГ в Германии просит справедливости: гостерминалы демпингуют [сайт].URL: https://eadaily.com/ru/news/2025/01/31/terminal-spg-v-germanii-prosit-spravedlivosti-gosterminaly-dempinguyut (Дата обращения 14.02.2025).

9. Germany tells its ports to reject Russian gas cargoes [сайт].URL: https://www.ft.com/content/94bb16b8-b4b1-4360-b7d0-cecca1ebffaa (Дата обращения 14.02.2025)

10. Россия прекратила поставки газа в Европу через Украину [сайт].URL: https://www.rbc.ru/business/01/01/2025/677125659a79473f0809c3a2 (Дата обращения 14.02.2025).

УДК 327

РОССИЯ И АФРИКА: НОВАЯ ГЛАВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

RUSSIA AND AFRICA: A NEW CHAPTER OF EDUCATIONAL CO-OPERATION

М. Е. Смирнова
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
M. E. Smirnova
St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: st086822@student.spbu.ru

Научный руководитель:
Матвеевская А. С.
a.matveevskaya@spbu.ru

Аннотация. В статье представлена характеристика образовательного сотрудничества России и Африки на современном этапе. Отмечено, что расширение масштабов партнерства в интересах устойчивого развития может стать одной из долгосрочных стратегических целей России. Обозначено, что взаимодействие с отдельными африканскими странами в сфере образования развивается, несмотря на различные внешние факторы, тормозящие процесс. Исходя из этого делаются выводы, что для активизации образовательного сотрудничества необходим комплексный подход, подразумевающий унификацию взаимодействия, более активное распространение удачного опыта, использованного в отдельных странах.

Annotation. The article presents the characteristics of educational cooperation between Russia and Africa at the present stage. It was noted that the expansion of partnership in the interests of sustainable development could become one of Russia's long-term strategic goals. It is indicated that cooperation with individual African countries in the field of education is developing, despite various external factors that slow down the process. Based on this, it is concluded that in order to enhance educational cooperation, an integrated approach is needed, implying the unification of interaction and a more active dissemination of successful experience used in individual countries.

Ключевые слова. ОБРАЗОВАНИЕ, АФРИКА, УСТОЙЧИВОЕ ПАРТНЕРСТВО, КОНЦЕПЦИЯ

Key words. EDUCATION, AFRICA, SUSTAINABLE PARTNERSHIP, CONCEPT

В условиях современного мира, для обеспечения стабильного развития и более эффективного решения различных проблем, страны мира активно взаимодействуют во всех отраслях и сферах. Причем, касается это не только экономических и политических вопросов, но даже таких направлений, как образование. Особенно актуально образовательное сотрудничество в условиях повышенного глобального интереса к устойчивому развитию. Партнерства в интересах устойчивого развития активно развиваются между разными

государствами. Актуальны они и для современной России, которая стремится содействовать укреплению таких отношений со всеми участниками мирового сообщества. В последние годы повышенное внимание уделяется африканскому континенту, т.к. он открывает совершенно новые и уникальные экономические, политические, дипломатические возможности. В условиях конфликта России и стран Запада, активизировавшегося с 2022 года, активизация взаимосвязей с государствами, не вводившими санкции против нашей страны, становится всё более значимой. И образовательное сотрудничество повышает имидж России и способствует достижению целей устойчивого развития, что в свою очередь открывает дополнительные возможности с точки зрения улучшения своего положения на международной арене. Всё это подчеркивает актуальность темы исследования.

Устойчивое партнерство: понятие, истоки и развитие. Однако прежде, чем рассматривать образовательное сотрудничество России с отдельными африканскими государствами, в контексте устойчивого партнерства, видится логичным хотя бы кратко охарактеризовать саму концепцию такого характера взаимоотношений.

В середине XX столетия в научном сообществе начало укрепляться понимание того, что странам мира необходимо объединять усилия для решения различных глобальных проблем и трудностей, начиная от преодоления бедности и стимулирования экономического развития у отстающих государств, заканчивая защитой окружающей среды [1]. Всё чаще стало использоваться словосочетание «устойчивое развитие», которое подразумевало ответственный подход к развитию общества таким образом, чтобы потребности текущего поколения удовлетворялись без угрозы для будущих поколений.

В XXI веке это было закреплено на уровне ООН. В 2015 году было сформулировано 17 так называемых Целей устойчивого развития, подразумевающих решение множество задач, которые должны обеспечить расширение международного сотрудничества, помощь со стороны развитых государств догоняющим, глобальное объединение усилий для решения ключевых проблем современности [2].

Главная цель устойчивого партнерства состоит в том, чтобы обеспечить эффективное взаимодействие и сотрудничество между всеми стейкхолдерами, от национальных правительств разных стран до академических учреждений и гражданского общества [3]. Решение различных проблем сообща позволяет эффективнее использовать ресурсы, снижать риски, обмениваться опытом и быстрее находить, и реализовывать наиболее оптимальные решения.

Данная концепция активно используется разными странами мира в рамках своих международных отношений. Касается это и нашей страны. Как отмечают ряд исследователей, в частности А. К. Морозкина и В. Ю. Скрябина, устойчивое развитие стало одним из приоритетов взаимодействия России с другими странами. При этом традиционно отдается приоритет экономическим отношениям, но достаточно значима роль сотрудничества и в сфере образования [4]. Такое партнерство осуществляется и с африканскими государствами. Рассмотрим несколько конкретных примеров.

Анализ взаимоотношений России и Республики Мали в сфере образования. В последние годы Россия начала масштабную кампанию по укреплению своего влияния в Африке посредством образовательных инициатив, которые выступают одним из инструментов «мягкой силы» для углубления связей с континентом. Это стратегическое начинание восходит к первому саммиту Россия-Африка в 2019 году, где президент В. Путин заложил основу для более тесного сотрудничества. Мероприятие представило Россию как надежного стратегического союзника на континенте.

Одной из самых значимых инициатив, о которой было объявлено на саммите, стал запуск комплексного образовательного проекта по внедрению русского языка по всей Африке. Это амбициозное начинание, поддержанное российским министерством образования, направлено на создание широкой сети открытых образовательных центров по всему континенту. В конечном итоге планируется внедрить русский язык в более чем 50 странах. Проект также направлен на увеличение приема африканских студентов в российские университеты в рамках его более широкой цели по укреплению связей между двумя регионами.

Вместе с этим, масштабы и характер образовательного сотрудничества отличается, в зависимости от конкретного африканского государства. Примером страны, с которой масштабы устойчивого партнерства в сфере образования крайне велики является Мали.

В июле 2020 года Россия запустила онлайн-программу «Дистанционный русский в Африке» для внедрения русского языка для африканцев. Активно программа начала реализовываться и в Мали. Но это стало лишь первым шагом для активизации партнерства в данной сфере. К примеру, можно отметить создание по инициативе Минобрнауки России в 2021 году проекта «Консорциум «Российско-Африканский сетевой университет». С самого начала в нем принимали участие восемь малийских университетов [5].

В 2023 году, после второго саммита Россия-Африка, Россия перешла к следующей фазе образовательного сотрудничества в виде полноценных образовательных центров, которые открывались разными российскими ВУЗами в африканских государствах [6].

Если говорить про Мали, то такой центр был там открыт Институтом русского языка РУДН (Центр «Русское пространство») в Университете искусств и гуманитарных наук Бамако. Кроме того, с 2023 года РУДН открыл Российский космический центр всё в том же малийском университете.

Активное взаимодействие с малийской образовательной системой осуществляют и многие другие российские ВУЗы. В частности, нужно отметить, что в ноябре 2023 года Санкт-Петербургский технический университет подписал соглашения с различными высшими учебными заведениями Мали, включая Национальную школу инженерии, Университет гуманитарных и социальных наук и Частный университет Ахмеда Бабы, все из которых базируются в Бамако.

При этом, соглашения нацелены на достижение различных целей устойчивого развития. В частности, планируется обучать жителей Мали природопользованию и охране окружающей среды охрана, специфике сохранения культурного наследия, вопросам разработки и внедрению чистой энергии и т. п.

Активную деятельность в Мали ведет и СПбГУ [7]. В 2023 году ректором ВУЗа и министром высшего образования и научных исследований Республики Мали было подписано соглашение о сотрудничестве в образовательной сфере. Планируется реализация, как совместно разработанных образовательных программ и различных научных проектов, так и обмен студентами и преподавательским составом, для лучшего взаимного изучения языка и культуры.

Что интересно, было заявлено даже об открытии официального представительства российского ВУЗа в Мали, чтобы обеспечить российским студентам и ученым более простой доступ в страну для изучения традиций, культуры, особенностей развития Мали. Полученный опыт должен обеспечить написание совместных научных трудов.

В образовательные программы, посвященные изучению культуры и языка включаются представители российских и малийских компаний. Это позволяет студентам из обеих стран эффективнее развивать коммуникативные навыки путем взаимодействия с носителями языка.

Специалисты положительно высказались о перспективах обучения малийской молодежи в российских университетах и повышения квалификации учителей в РФ. По мнению экспертов, такой сценарий позволит укрепить взаимоотношения между двумя странами.

Сотрудничают даже региональные ВУЗы, где учится много малийских студентов и осуществляются прямые контакты на уровне руководство вуза – министерство образования и науки Республики Мали [8]. Примером выступает ДГТУ.

Образовательное сотрудничество России и Мали в целях устойчивого развития реализуется не только путем межвузовского взаимодействия, но и другими способами. В частности, проводятся различные конференции, на которых представители властных структур, образовательных учреждений и молодежи контактируют и взаимодействуют, обмениваются мнениями о том, как осуществляется партнерство в сфере образования, какие есть слабые и сильные стороны и т.п. [9].

В 2025 году состоялось первое заседание российско-малийской рабочей группы по образованию и науке [10]. В ходе заседания стороны обсудили вопросы, связанные с развитием образовательных систем, подготовкой специалистов для экономики Мали, совместной работой над созданием новых университетов в республике и продвижением изучения русского языка в Республике Мали, которые станут основными направлениями дальнейшего сотрудничества.

Анализ взаимоотношений России и Кении в сфере образования. Однако, если российско-малийские отношения крайне интенсивно развиваются во всех направлениях, в том числе и в образовательном, то с той же Кенией сотрудничество не так многогранно. В целом, информации не так много, как отмечают в некоторых исследований, русский язык, как и образование в России среди кенийцев очень высокой популярностью не пользуются (за исключением инженерно-технических специальностей) [11].

Однако, несмотря на это, за последние несколько лет сотрудничество России и Кении в сфере образования всё же развивается. В частности, с 2021 года Санкт-Петербургский университет в рамках деятельности Центра языкового тестирования СПбГУ ведет работу по популяризации русского языка в Африке. Университет проводит бесплатные дистанционные курсы русского языка в ЮАР, Алжире, Нигере и в том числе в Кении.

А уже в 2023 году, как и во многих других африканских странах был открыт соответствующий Центр в столице Кении – городе Найроби, который должен обеспечить распространение русского языка в стране [12]. Отвечает за реализацию Томский университет (ТГПУ). Всего, в рамка первого потока более 300 кенийцев изучили базовые разделы русского, а также много узнали о культуре и истории России. В 2024 заявки подали около 500 граждан Кении.

Кроме стандартного обучения русскому, преподаватели ТГПУ осуществляют организацию различных мероприятий просветительского и научного характера.

Постепенно сотрудничество расширяется, увеличивается число учебных заведений из России, сотрудничающих с кенийскими университетам. В частности, в 2024 году «Синергия» и Университет Найроби объявили о запуске двойных дипломов [13]. Кроме того, были заключены договоренности об обмене студентов, повышении квалификации сотрудников, реализации различных научных и культурных проектов на совместной основе.

Образовательное сотрудничество осуществляется не только на межуниверситетском уровне. В 2025 произошел визит Дирекции Всемирного фестиваля молодёжи (ВФМ) в Кению [14]. И одной из самых важных тем обсуждения было образование.

Прошедший визит показал заинтересованность как самой молодёжи, так и представителей различных госструктур в укреплении сотрудничества с Россией, особенно на образовательном треке. Обучающие программы на базе Круглогодичных молодёжных образовательных центров «Сенеж», «Машук», «Меганом» и «ШУМ» вызвали особый интерес у кенийских коллег с точки зрения развития кадрового резерва для своей страны. Поступило предложение, чтобы студенты из кенийских университетов могли приезжать в Россию для повышения уровня образования в таких центрах.

Но в целом, взаимоотношения России и Кении в контексте образования не так значительны, как отношения с Мали. Конечно, предпринимаются шаги для расширения партнерства, но предстоит еще очень многое сделать в данной сфере.

Анализ взаимоотношений России и Нигерии в сфере образования. Еще одной страной, с которой сотрудничество в сфере образования осуществляется, но пока в недостаточных объемах является Нигерия. Кейсы в целом схожие с упомянутыми выше государствами. В 2022 году проректор ВШЭ отмечала перспективное направление взаимодействия – подготовка в России инженеров, IT специалистов, экономистов и других высококвалифицированных кадров из числа нигерийских студентов [15].

Сегодня, по неофициальным данным, в России обучаются около 1000 студентов из Нигерии. Часть из них приезжает по квоте в рамках

двустороннего соглашения об образовании. В 2022 году эта квота для Нигерии составляла 120 мест. При этом в марте 2023 года президент РФ В. В. Путин заявил о намерении увеличить вдвое квоту на прием африканских студентов в вузы России [16]. Примерно 70% иностранных студентов, включая нигерийцев, обучаются в России на контрактной основе

Также, как и в других африканских странах, в 2023 году на базе Университета Лагоса был открыт Центр образования на русском языке. Курирующим ВУЗом со стороны России был московский Государственный университет просвещения.

Несмотря на существующий интерес к русскому языку в Нигерии, русский язык как иностранный уступает по популярности многим другим языкам. В Нигерии русский язык преподается в трех ВУЗах, и лишь в одном из них присутствует официальная поддержка от Фонда «Русский мир». Изучение русского языка сопряжено со многими трудностями, которые могут снизить мотивацию студента.

Томский политехнический университет стал первым российским вузом, подписавшим меморандум о взаимопонимании с Комиссией по атомной энергии Нигерии [17]. Вместе стороны планируют сотрудничать в сфере ядерного образования и развития атомной отрасли Федеративной Республики Нигерия.

Что интересно, реализуются в том числе и частные образовательные инициативы, расширяющие форматы взаимоотношений между странами. В том же 2023 году российская технологическая компания Robbo, известная разработкой роботизированных комплектов образовательных технологий, запустила два образовательных предприятия в Нигерии, инвестировав 20 000 долларов. Эти проекты, реализуемые в Highlander Open School в Лагосе и Национальном институте информации в Порт-Харкорте, предоставляют студентам практический опыт обучения в области передовых технологий, таких как 3D-моделирование и 3D-печать, а также основы микроэлектроники и схемотехники.

В 2024 уже упомянутый выше ДГТУ официально подписал соглашения сразу с тремя университетами из Нигерии [18]. Перечень сотрудничества очень разнообразный от естественных наук до дисциплин, связанных с агропромышленным комплексом. Эта работа должна привести к повышению качества образования, а также росту академической мобильности преподавателей и студентов.

Выводы и заключение. В целом, подытоживая представленную информацию, можно сделать следующие выводы. Образовательный рынок Африки имеет большие перспективы. К России там относятся благосклонно, в последние годы активизировались контакты по всем трекам, в том числе и образовательному [19].

Россия, как следует из взаимоотношений с рассмотренными в работе странами, стимулирует реализацию совместных программ обучения, научных проектов, обеспечивает обмен студентами и преподавателями. Кроме того, открываются многочисленные центры, позволяющие популяризовать русский язык в Африке. Оказывается образовательная, методическая и технологическая поддержка.

С каждым годом масштабы сотрудничества растут, увеличиваются квоты на африканских студентов в российских ВУЗах. Что интересно, практикуется так называемое «курирование» разными учебными заведениями России различных африканских стран. Это позволяет не распылять силы, а акцентировать внимание на повышении эффективности взаимодействия. Большинство актуальных двусторонних соглашений в последние годы между Россией и африканскими странами связаны с образовательным сектором. Фактически, образование становится инструментом «мягкой силы» России в Африке с целью оказания влияния на африканских политиков и образованных граждан.

Благодаря образовательному сотрудничеству, осуществляемому с уважением к традициям, ценностям и целям африканских стран, Россия создает социальный ресурс в этих государствах. Многие политики из Мали, Кении и Нигерии обучались в СССР или России. Очевидно, что при увеличении количества африканских студентов в российских ВУЗах и сближении стран в культурном аспекте, в будущем тенденция сохранится. А такие чиновники будут достаточно благосклонно настроены к России, что особенно важно в условиях геополитического соперничества с Западом.

При этом и для стран Африки есть отчетливые выгоды. В частности, благодаря образовательному сотрудничеству повышается человеческий капитал в национальных экономиках, появляются специалисты, способные решать очень значимые социальные проблемы, от бедности до защиты окружающей среды. Это принципиально важно для устойчивого развития. И сотрудничество в сфере образования только наращивается, т.к. есть отчетливое понимание, что это с одной стороны крайне эффективный инструмент «мягкой силы», а с другой стороны необходимый на современном этапе механизм, создающий возможность для устойчивого развития по всем направлениям, от экологии до культуры.

БИБЛИОГРАФИСЕКИЙ СПИСОК

1. Цвиль М.П. Устойчивое развитие: определение, история развития, цели // Universum: экономика и юриспруденция. 2024. №8 (118). – с. 5-9.
2. Балашов Н.А., Годван Д.Ф., Суслов Д.А., Тюленева В.Е. Партнёрство в интересах устойчивого развития на примере деятельности компании EN+ GROUP // Бизнес-образование в экономике знаний. 2021. №1 (18). – с. 5-7.
3. Матвеевская А.С., Погодина В.Л. Академический туризм как инструмент формирования международного образовательного пространства // Труды института Бизнес-коммуникаций. 2017. – с. 115-127.
4. Морозкина А.К., Скрябина В.Ю. БРИКС и партнерство в интересах устойчивого развития: перспективы расширения торговли с наименее развитыми странами // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2021. №1. – с. 85-106.
5. Россия и Мали расширяют сотрудничество в сфере образования и науки. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/96436/ (дата обращение: 12.04.2025).
6. Сиссоко И. Г. Генезис и современное состояние системы образования в Мали // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. 2024. №20. – с. 54-65.
7. СПбГУ и Министерство высшего образования и научных исследований Республики Мали договорились о сотрудничестве. – URL: https://spbu.ru/news-

events/novosti/spbgu-i-ministerstvo-vysshego-obrazovaniya-i-nauchnykh-issledovaniy-respubliki (дата обращение: 11.04.2025).

8. ДГТУ делится опытом с Министерством образования и науки Республики Мали. – URL: https://news.donstu.ru/news/dgtu-delitsya-opytom-s-ministerstvom-obrazovaniya-i-nauki-respubliki-mali (дата обращение: 11.04.2025).

9. В Мали дали старт конференции «Российско-малийское образование: билет в будущее». – URL: https://riamo.ru/news/politika/v-mali-dali-start-konferentsii-rossijsko-malijskoe-obrazovanie-bilet-v-buduschee/ (дата обращение: 20.03.2025).

10. Россия и Мали укрепляют партнерство в сфере образования и науки. – URL: https://edu.gov.ru/press/9520/rossiya-i-mali-ukreplyayut-partnerstvo-v-sfere-obrazovaniya-i-nauki/ (дата обращение: 19.04.2025).

11. Курьянович А.В. Обучение на русском языке в кенийской общеобразовательной школе: основные вопросы методического сопровождения // Научно-педагогическое обозрение. 2023. № 5 (51). – с. 58-69.

12. ТГПУ готовится к новому образовательному сезону в Центре открытого образования на русском языке и обучения русскому языку в Кении. – URL: https://tspu.ru/en/blog/30063-tgpu-gotovitsya-k-novomu-obrazovatelnomu-sezonu-v-tsentre-otkrytogo-obrazovaniya-na-russkom-yazyke-i-obucheniya-russkomu-yazyku-v-kenii.html (дата обращение: 12.03.2025).

13. Университет «Синергия» запустит программу двойных дипломов с крупнейшим университетом Кении. – URL: https://vestniknews.ru/novosti/14575-universitet-sinergiya-zapustit-programmu-dvojnykh-diplomov-s-krupnejshim-universitetom-kenii.html (дата обращение: 17.04.2025).

14. Дирекция Всемирного фестиваля молодёжи и госструктуры Кении обсудили развитие молодёжного сотрудничества. – URL: https://wyffest.com/news/the-directorate-of-the-world-youth-festival-and-kenyan-government-agencies-discussed-the-development-of-youth-cooperation (дата обращение: 18.03.2025)

15. Диалог с Африкой: как Нигерия и Россия могут нарастить взаимовыгодное сотрудничество // HSEdaily. Jn 06.10.2022. – URL: https://daily.hse.ru/post/dialog-s-afrikoy-kak-nigeriya-i-rossiya-mogut-narastit-vzaimovygodnoe-sotrudnichestvo (дата обращение: 12.04.2025).

16. Авдалян М.Р. Русский язык и сотрудничество в сфере образования как ресурс «мягкой силы» России в Нигерии // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2023. №4. – с. 144-156.

17. Томский политех станет опорным вузом для подготовки кадров для атомной отрасли Нигерии. – URL: https://alumni.tpu.ru/news/TomskiypolitekhstanetopornymvuzomdlyapodgotovkikadrovdlyaatomnoyotrasliNigerii/ (дата обращение: 17.04.2025).

18. ДГТУ заключил договоры о сотрудничестве с вузами Нигерии. – URL: https://news.donstu.ru/news/dgtu-zaklyuchil-dogovory-o-sotrudnichestve-s-vuzami-nigerii (дата обращение: 17.04.2025).

19. Евсеева Л.И., Тараканова Т.С., Матвеевская А.С. Научная коммуникация в образовательном пространстве университетов // Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы. X Юбилейные Санкт-Петербургские социологические чтения. Сборник материалов Международной научной конференции. 2018 Изд-во: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого» СПб. 2018 – с. 421-425.

УДК 327

ИДЕЙНОЕ ОБОСНОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ШВЕДСКОЙ ПОЛИТИКИ ПОМОЩИ РАЗВИВАЮЩИМСЯ СТРАНАМ

IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF CONTEMPORARY SWEDISH DEVELOPMENT ASSISTANCE POLICY

Д. Р. Федоренко,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
D. R. Fedorenko,
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: st089432@student.spbu.ru
Е. Д. Гришко,
Московский государственный институт международных отношений
(Москва, Россия)
E. D. Grishko,
Moscow State Institute of International Relations
(Moscow, Russia)
E-mail: Grishko_Y_D@my.mgimo.ru

Аннотация. Швеция занимает лидирующие позиции в международной помощи развивающимся странам, активно поддерживая гуманитарное сотрудничество, устойчивое развитие и права человека. В статье рассматривается идейное обоснование шведской политики помощи, основанное на гуманитарных, социально-экономических и экологических принципах. Особое внимание уделяется ключевым стратегиям и инструментам, таким как деятельность Шведского агентства по развитию и сотрудничеству (Sida) и Агентства по вопросам мира, безопасности и развития (FBA). На примере Афганистана рассматривается практическая реализация шведского подхода в условиях гуманитарного и политического кризиса: поддержка гражданского общества, прав женщин, образования и медицинской помощи при одновременном отказе от сотрудничества с правящим режимом.

Abstract. Sweden holds a leading position in providing international aid to developing countries, actively promoting humanitarian cooperation, sustainable development, and the protection of human rights. This article explores the ideological foundations of Sweden's aid policy, which is based on humanitarian, socio-economic, and environmental principles. Special attention is given to key strategies and instruments, such as the work of the Swedish International Development Cooperation Agency (Sida) and the Folke Bernadotte Academy (FBA). Using Afghanistan as a case study, the article examines the practical implementation of Sweden's approach in the context of a humanitarian and political crisis, focusing on support for civil society, women's rights, education, and healthcare, while deliberately avoiding cooperation with the ruling regime.

Ключевые слова: ШВЕЦИЯ, ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА, МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОМОЩЬ, ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО, УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА, РАВЕНСТВО ПОЛОВ, НЕРАВЕНСТВО, АФГАНИСТАН, ГЛОБАЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

Key words: SWEDEN, FOREIGN POLICY, INTERNATIONAL AID, HUMANITARIAN COOPERATION, SUSTAINABLE DEVELOPMENT, HUMAN RIGHTS, GENDER EQUALITY, INEQUALITY, AFGHANISTAN, GLOBAL INITIATIVES

Современная шведская политика помощи развивающимся странам формировалась под влиянием уникального сочетания внутренних идеологических установок и внешнеполитических приоритетов, которые были сформированы в том числе в ходе исторического развития страны. Одной из основ для внешнеполитических инициатив, направленных на поддержку развивающихся стран, можно по праву назвать Лютеранское наследие с его акцентом на справедливости и служении ближним. Эти ценности способствовали формированию моральных норм, ориентированных на социальную ответственность и помощь нуждающимся [1]. Разумеется, одной из главных основ являются принципы социал-демократической модели, гуманизма, интернационализма и активного нейтралитета, которые эволюционировали в ответ на глобальные вызовы и внутренние трансформации шведского общества. Социал-демократические ценности, заложенные в концепции Folkhemmet (Народный дом), предполагают активную роль государства в обеспечении социальной справедливости и равенства. Эти принципы были экстраполированы на внешнюю политику, включая помощь развивающимся странам, рассматриваемую как моральный долг и проявление глобальной солидарности. Швеция активно позиционирует себя как посредника в международных конфликтах и участвует в миротворческих операциях. Это подчеркивает её стремление к глобальной стабильности и интернационализму, а также желание делиться своим опытом в области социально-экономического развития с другими странами. Многие эксперты считают, что такой подход позволяет продвигать скандинавские социально-демократические ценности на мировой арене. В этом контексте шведы стремятся поддерживать развитие менее обеспеченных стран, что также отражает успехи их собственной модели социального устройства [2].

Гуманизм в качестве идеологической основы находит свое выражение в усилиях Швеции по защите прав человека, обеспечению гендерного равенства и содействию устойчивому развитию. Эти принципы встроены в международные программы помощи, реализуемые через Шведское агентство по международному развитию (Sida), что демонстрирует систематический подход к распространению шведских ценностей на глобальной сцене [2]. Интернационализм и активный нейтралитет составляют важнейшие аспекты шведской внешней политики. Швеция исторически сочетает свой нейтралитет с активным вовлечением в международные инициативы, направленные на миротворчество и развитие. В рамках ООН шведские власти стремятся увеличить поддержку наименее развитых стран и содействовать быстрой интеграции новых независимых государств в мировую политическую арену, возникшую в результате деколонизации [3].

Среди международных структур, осуществляющих политику помощи, ключевую роль занимает вышеупомянутая ООН, которая координирует реализацию Повестки дня в области устойчивого развития, продвигает демократию, права человека, равенство, а также разрабатывает нормативные стандарты и базовые соглашения.

Министерство иностранных дел Швеции реализует государственную стратегию помощи развитию и стратегию целей устойчивого развития (ЦУР)

ООН через две подведомственные организации: Шведское агентство по развитию и сотрудничеству (Sida) и Агентство по вопросам мира, безопасности и развития «Академия Фольке Бернадотта» (FBA) [4].

Агентство по вопросам мира, безопасности и развития (FBA) — шведское государственное агентство по вопросам мира, безопасности и развития, функционирующее с 2002 года. В контексте международной помощи Швеция активно способствует установлению мира в государствах, пострадавших от конфликтов. Данная организация занимается просветительской деятельностью, обучением, а также проводит консультации и исследования, направленные на укрепление мира. Шведское агентство FBA направляет своих сотрудников в качестве наблюдателей на избирательные участки и участвует в миротворческих операциях, организованных под эгидой ООН, ЕС и ОБСЕ.

Агентство работает по 7 направлениям: диалог и мирный процесс, международное сотрудничество, разоружение, защита демократии, верховенство закона и прав человека, защита женщин, работа с молодым поколением [5]. С целью привлечения молодежи к миротворческой деятельности в 2020 году по поручению правительства Швеции агентством была учреждена стипендия, направленная на поддержку реализации резолюции Совета Безопасности ООН о женщинах, мире и безопасности. На сегодняшний день организация работает в таких странах, как Афганистан, Палестина, Украина, Демократическая Республика Конго, Ирак, Сомали и другие государства Восточной Европы и Африки.

В рамках целей устойчивого развития FBA специализируется на цели 16 (мир, правосудие и эффективные институты) и цели 5 (гендерное равенство). Шведское агентство по развитию и сотрудничеству (Sida) — правительственное учреждение, нацеленное на работу в целях улучшения условий жизни в развивающихся странах. Среди основных направлений работы выделяют гуманитарную помощь, содействие демократии и равноправию, защиту прав человека, климатическую повестку. Агентство предоставляет правительству отчеты о работе в сфере помощи развитию, участвует в разработке государственных стратегий в данной сфере.

В стратегии на 2024-2026 годы Агентство определяет ряд ключевых целей, среди которых: создание новых рабочих мест, содействие развитию торговли и образовательных инициатив, улучшение системы здравоохранения для наиболее уязвимых групп населения, расширение прав и возможностей женщин и девочек, а также укрепление связи между гуманитарной помощью и миграционной политикой [6].

Шведское агентство по развитию и сотрудничеству проводит свою деятельность в 48 странах в Африке, Азии, на Ближнем Востоке, в Европе и Латинской Америке [7]. Обе организации работают от имени Швеции, тесно сотрудничают друг с другом и финансируются за счет налогов.

Работу шведских правительственных организаций в рамках помощи развивающимся странам можно рассмотреть на примере политики в отношении Афганистана. В 2021 году исламистская военизированная организация Талибан (запрещенная в России террористическая организация) де-факто установила свою

власть на всей территории Афганистана и отменила Конституцию 2004 года, что полностью перевернуло правовое положение женщин в стране. Лидер организации, Хайбатулла Ахундзада, заявил, что права женщин не будут ущемляться, но будут реализовываться в рамках шариата – системы исламских правил, регулирующих социальные отношения и основанных на Коране и Сунне. Однако сразу после получения власти Талибаном в Афганистане права человека стали нарушаться. Были ограничены возможности женщин замещения должностей в государственном и частном секторе, почти все женщины были уволены из структур безопасности, упразднены Независимая комиссия по правам человека, Комиссия по надзору за выполнением Конституции и Министерство по делам женщин, введен запрет на выход из дома с непокрытым лицом и запрет на поездки для женщин без сопровождения мужчины, закрыты все приюты и убежища для жертв домашнего насилия [8]. Также законодательством Афганистана более не предусмотрен минимальный возраст согласия на вступление в брак. Среднее образование для девочек было запрещено и ограничивалось 6 классами, из-за чего право на образование более миллиона афганских детей было нарушено. Более того, в стране отмечается глубокий экономический кризис и неблагоприятные климатические условия, которые приводят к ослаблению продовольственной безопасности. Положение населения еще более усугубилось после землетрясения в провинции Герат в 2023 году и массовой депортации афганцев из Пакистана.

Государственной стратегией помощи Афганистану 2022-2024 предусматривается финансирование Шведского агентства по развитию и сотрудничеству (Sida) на 2 436 миллионов крон и Агентства по вопросам мира, безопасности и развития (FBA) на 30 миллионов крон. В стратегии ставятся следующие задачи: укрепление потенциала организаций гражданского общества и других неправительственных организаций в интересах женщин; борьба с гендерным насилием; расширение доступа к образованию и качественному медицинскому обслуживанию; повышение адаптивности к изменению климата [9].

Признавая критическое положение жителей Афганистана, особенно женщин и девочек, Швеция продолжает оказывать поддержку афганскому народу через Шведское агентство по развитию и сотрудничеству без прямого сотрудничества с Талибаном. Швеция поддерживает работу таких международных организаций, работающих в Афганистане в интересах пострадавшего населения, как Международный комитет Красного Креста, Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, Исламская помощь, ЮНИСЕФ, Всемирная продовольственная программа ООН, Норвежский совет по делам беженцев, Международная поддержка медиа, Сеть аналитиков Афганистана, ООН-Женщины.

Шведское агентство по развитию и сотрудничеству поддерживает проекты финансовой помощи гражданам Афганистана с целью поддержки малого бизнеса, создания новых рабочих мест и трудоустройства для женщин. Одним из таких проектов является Специальный целевой фонд для Афганистана, деятельность которого дала работу более 29 000 граждан по программе “Cash for Work”;

позволила увеличить доход более 14 000 человек; большая часть предприятий малого и среднего бизнеса, которым была оказана финансовая помощь в рамках программы, управлялась женщинами [10].

Поддержка сельских общин Афганистана осуществляется через Шведский комитет по Афганистану (SCA). Организация построила 31 сооружение для адаптации к изменению климата, предоставила возможность 127 000 афганских студентов получать образования в школах Организации, проводила обучение детей с ограниченными возможностями и предоставила более 18 000 пациентов ортопедические приспособления [11]. SCA проводит кампании по сбору средств для жителей Афганистана, влияет на общественное мнение, продвигает солидарность в отношении афганского населения и проводит просветительскую работу. Организация также сотрудничает с аналитическими центрами, чтобы информировать общественность и правительство об изменении ситуации в стране.

Результаты работы шведских правительственных учреждений помощи развивающимся странам должны быть изложены в ежегодных отчетах о реализации стратегий помощи. Организации проводят анализ полученных за год результатов и мониторинг эффективности государственных и международных действий в данных регионах.

Заключение. Шведская политика помощи развивающимся странам представляет собой устойчивую модель внешнеполитического участия, сочетающую идеологическую приверженность гуманизму и равенству с институциональной последовательностью. Пример Афганистана показывает, как ценностный подход может адаптироваться к сложным политическим условиям: отказ от легитимизации режима, нарушающего права человека, не препятствует оказанию адресной поддержки наиболее уязвимым слоям населения через международные и неправительственные организации. Королевство Швеция демонстрирует способность реализовывать политику развития даже в условиях острого кризиса, сохраняя при этом принципиальность и прозрачность действий. Несмотря на вызовы, такие как необходимость постоянного мониторинга эффективности и согласования помощи с национальными интересами, шведская модель остаётся примером этически ориентированной, гибкой и долгосрочной стратегии в области международного сотрудничества.

БИБЛИОГРАФИСЕКИЙ СПИСОК

1. Strang J. Nordic Political and Economic Cooperation: Context, History and Outlook // Forum paper, ASEAN ENERGY MARKET INTEGRATION (AEMI), Energy Security and Connectivity: The Nordic and European Union Approaches. – Centre for Nordic Studies, University of Helsinki, 2016. – С. 19.

2. Растольцев С. В. Скандинавская специфика в содействии международному развитию // Современная Европа. 2019. №5 (90). – с. 176-184.

3. Смирнова А. А., Федоров В. В. Соотношение понятий «мир» и «нейтралитет» во внешней политике Швеции // Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования. 2016. № 1. С. 16–27.

4. Strategi för multilateralt utvecklingssamarbete och humanitärt bistånd – Effektivitet, ansvarsutkrävande och resultat // Regeringen URL: https://www.regeringen.se/contentassets/0a68874ce6b747489caaddb35bd60df2/241212-strategi-for-multilateralt-utvecklingssamarbetet-och-humanitart-bistand.pdf (дата обращения: 13.04.2025).

5. Areas of Expertise // Folke Bernadotteakademien URL: https://fba.se/en/areas-of-expertise/ (дата обращения: 13.04.2025).

6. Sida is guided by strategies // Sida URL: https://www.sida.se/en/about-sida/how-we-are-governed (дата обращения: 13.04.2025).

7. Countries and regions // Sida URL: https://www.sida.se/en/sidas-international-work/countries-and-regions (дата обращения: 13.04.2025).

8. The situation in Afghanistan and its implications for international peace and security // General Assembly Security Council URL: https://unama.unmissions.org/sites/default/files/220615_sg_report_on_afghanistan_s.2022.485.pdf (дата обращения: 13.04.2025).

9. Strategi för Sveriges utvecklingssamarbete med Afghanistan 2022–2024 // Regeringen URL: https://www.regeringen.se/contentassets/5ef30d82dd25404091cfc3be4fe4b976/strategi-for-sveriges-utvecklingssamarbete-med-afghanistan-20222024/ (дата обращения: 13.04.2025).

10. Sida's work in Afghanistan // Sida URL: https://www.sida.se/en/sidas-international-work/countries-and-regions/afghanistan (дата обращения: 13.04.2025).

11. Target groups // Solidarity Committee for Afghanistan URL: https://solidaritycommittee.org/our-work/target-groups-women-children-disabilities/ (дата обращения: 13.04.2025).

УДК 327

УЧАСТИЕ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

THE PARTICIPATION OF THE UNITED STATES OF AMERICA IN THE ACTIVITIES OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN THE FIELD OF REGULATING THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES

П. С. Шавкерова,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
P. S. Shavkerova,
St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: st134292@student.spbu.ru

Аннотация. Процесс развития новых технологий предоставил для мирового сообщества новые инструменты и возможности, что привело к появлению иных форм международного взаимодействия. В нынешних реалиях основной спектр внимания направлен на феномен искусственного интеллекта, на фоне развития которого, возникли не только новые способы применения современных технологий, но и новые угрозы. Развитие ИИ открывает огромные возможности в самых разных областях жизнедеятельности общества и подводит к необходимости решить сложную сложившуюся ситуацию.

Annotation. The process of developing new technologies has provided new tools and opportunities for the world community, which has led to the emergence of other forms of international cooperation. In the current realities, the main range of attention is focused on the phenomenon of artificial intelligence, against the background of the development of which, not only new ways of using modern technologies have arisen, but also new threats. The development of AI opens up huge opportunities in various areas of society and leads to the need to solve a difficult situation.

Ключевые слова. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ; США; УПРАВЛЕНИЕ ИИ; МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО; ЭТИЧНЫЙ И ОТВЕТСТВЕННЫЙ ИИ; УГРОЗЫ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ; СОПЕРНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ РАЗРАБОТКИ

Key words. ARTIFICIAL INTELLIGENCE; USA; REGULATION AND MANAGEMENT OF AI; INTERNATIONAL COOPERATION; ETHICAL AND RESPONSIBLE AI; THREATS OF NEW TECHNOLOGIES; RIVALRY IN THE FIELD OF DEVELOPMENT

Впервые Соединённые Штаты Америки начали фокусироваться на рисках, исходящих от искусственного интеллекта, и необходимости регулирования систем ИИ в 2016 г. В октябре 2016 г. Администрация Барака Обамы опубликовала Доклад «Подготовка к будущему искусственного интеллекта». Публикация документа на сайте Белого дома сопровождалась следующим комментарием: «Под руководством президента Барака Обамы Америка продолжает оставаться самой инновационной страной в мире. С целью подготовки Соединённых Штатов Америки к будущему, в котором искусственный интеллект играет важную роль, Белый дом публикует Доклад о

будущих направлениях и соображениях в отношении ИИ. Достижения в области технологий искусственного интеллекта имеют невероятный потенциал, чтобы помочь США оставаться первыми в области передовых технологий» [1]. Одним из наиболее важных разделов документа стал раздел, посвящённый угрозам искусственного интеллекта. Администрация президента США определила в качестве главной цели Доклада адаптацию существующих нормативных актов к влиянию систем ИИ. Были обозначены и основные цели регулирования новых технологий: они должны быть направлены на защиту благосостояния общества и в то же время создавать условия для инноваций и развития области ИИ.

В Докладе Администрация президента Обамы позиционирует Соединённые Штаты Америки как лидера в области исследований и разработок ИИ, которые могут продолжать играть ключевую роль в глобальной координации научных исследований на базе межгосударственных диалогов и партнёрств. Участие США в исследованиях и разработках в области ИИ, а также двусторонних дискуссиях с другими странами обуславливается в докладе следованием приоритетам американской внешней политики – обеспечением международного лидерства Соединённых Штатов Америки в этой сфере [2].

В документе было рассмотрено не только текущее на тот момент состояние искусственного интеллекта вместе с потенциальными угрозами, но и необходимость построения международного сотрудничества в данной области. Так, рекомендация 20 документа гласит: Правительству США следует разработать стратегию международного сотрудничества в области ИИ и определить перечень областей ИИ, требующих мониторинга со стороны государств. Согласно рекомендации 21: Правительству США следует углубить взаимодействие с ключевыми заинтересованными сторонами, включая иностранные правительства, международные организации, научные сообщества по обмену информацией и сотрудничеству в области исследований на тему ИИ. В разделе документа, посвящённом международному сотрудничеству и глобальной безопасности, также говорится о том, что Соединённые Штаты Америки привержены сотрудничеству с международными организациями по вопросу стандартизации с целью способствования разработке международных стандартов на основе принципов прозрачности и консенсуса [3].

В конце 2023 г. Соединёнными Штатами Америки была внесена резолюция «Использование возможностей безопасных, защищённых и надёжных систем искусственного интеллекта для устойчивого развития». Резолюция была принята в конце марта 2024 г. Генеральной Ассамблеей (ГА) Организации Объединённых Наций (ООН) единогласно 193 странами-участницами, соавторами выступили 120 государств. Это первая резолюция в области ИИ и его регулирования [4].

Советник по национальной безопасности США Джейк Салливан заявил, что на переговоры о Резолюции потребовалось почти четыре месяца, но это дало миру «базовый набор принципов для руководства в развитии и использовании ИИ».

В ходе пресс-конференции американские чиновники также заявили, что в ходе работы было много споров с представителями Китая и России, но несмотря на это, делегации активно взаимодействовали между собой.

На сайте Государственного департамента США после принятия резолюции было опубликовано сообщение: «Лидерство Соединённых Штатов Америки

позволило всем государствам-членам одобрить принципы, которые будут способствовать безопасным, защищённым и надёжным системам ИИ для продвижения устойчивого развития» [5]. Резолюция призывает страны-участницы продвигать безопасные, защищённые и надёжные системы ИИ путём сотрудничества и оказания технической и финансовой помощи развивающимся странам; устранения цифрового разрыва и разрыва в потенциале систем ИИ, которые существуют, как на внутригосударственном уровне, так и на международном; содействия равноправному доступу к преимуществам систем искусственного интеллекта; уважения, защиты и поощрения прав человека и основных свобод на протяжении всего жизненного цикла систем ИИ; защиты людей от всех форм дискриминации, предвзятости, неправильного использования или другого вреда от систем ИИ; разработки подходов и рамок регулирования и управления новыми технологиями; тестирования систем ИИ перед развёртыванием и использованием; повышения осведомлённости людей о надлежащем использовании технологий ИИ; поощрения разработки инструментов, которые способны идентифицировать цифровой контент, созданный ИИ, и его происхождение; защиты конфиденциальности и защиты персональных данных; уважения прав интеллектуальной собственности; смягчения негативных последствий для рынка труда; поощрения соблюдения частным сектором международного и государственного законодательств.

Резолюция поощряет использование технологий ИИ, направленное на благо общества. В качестве примера приведена работа приложений в области здравоохранения, образования, продовольственной безопасности, энергетики и климата. Резолюция признаёт право на разработку систем ИИ и последующее извлечение выгод из них, например, для повышения сельскохозяйственной производительности, для прогнозирования экстремальных погодных условий и смягчения последствий климатических катастроф, а также для предотвращения вспышек болезней.

Положения Резолюции направлены на усиление безопасности искусственного интеллекта посредством улучшения защиты конфиденциальности и минимизации рисков, вызванных новыми технологиями. Стоит отметить, что документ также обращает внимание и на содержание контента, генерируемого ИИ.

Резолюция основывается на нескольких международных инициативах по формированию общего подхода к безопасным, надёжным и заслуживающим доверия системам ИИ. В их число входит Декларация Блетчли по безопасному применению искусственного интеллекта, разработанная в ноябре 2023 г. в ходе Саммита по безопасности ИИ в Великобритании. Также был взят во внимание Международный кодекс поведения для организаций, разрабатывающих передовые системы ИИ, разработка которого прошла в мае 2023 г. в Японии в рамках встречи G7 в Хиросиме, Принципы надёжного ИИ от G20, а также Принципы ИИ ОЭСР.

Государственный Департамент сопроводил публикацию на сайте, посвящённую принятию Резолюции, следующими словами: «США «твёрдо» привержены этим многосторонним усилиям и уже принимают меры на государственном уровне для поддержки целей Резолюции. Президент Джозеф Байден предпринял «беспрецедентные» шаги для обеспечения того, чтобы США

являлись лидером в выполнении рекомендаций и управлении рисками искусственного интеллекта. Так, содержание Резолюции ГА ООН совпадает с Указом администрации Байдена от 30 октября 2023 г. «О безопасном, надёжном, заслуживающем доверия развитии и использовании ИИ», который призывает к расширению двусторонних и многосторонних обязательств с целью создания международных рамок по использованию преимуществ ИИ, управлению его рисками и обеспечению безопасности. Резолюция, инициированная США, также отражает приверженность американского правительства защите своих граждан от потенциальных рисков систем ИИ, при одновременном продвижении развития этичных инноваций».

В сентябре 2023 г. Государственный секретарь США Энтони Блинкен в ходе работы Конгресса объявил о планах предоставить 15 млн долл. США в качестве помощи для содействия ответственному использованию и управлению ИИ по всему миру. Кроме этого, частный сектор США выделил 21 млн долл. на использование ИИ для поддержки ЦУР, что позволило обучить 4 млн человек навыкам работы с технологиями искусственного интеллекта.

Агентство США по международному развитию (АМР США) разработало План действий по искусственному интеллекту, который определяет курс ответственного использования ИИ в программах Агентства. Наряду с этим высший федеральный орган сотрудничает с Государственным департаментом и Национальным институтом по разработке стандартов для Руководства по развитию ИИ. Помимо этого, АМР США проводит работу над построением экономического партнёрства с другими международными донорами в области развития новых технологий, чтобы заранее сформировать финансирование для сферы ИИ, которое потребуется в будущем.

Глобальный консенсус по резолюции «Использование возможностей безопасных, защищённых и надёжных систем искусственного интеллекта для устойчивого развития» рассматривается Государственным департаментом США, как прочная основа для дальнейшего развития управления ИИ и для будущей многосторонней, международной работы в области искусственного интеллекта, в том числе в рамках ООН.

Соединённые Штаты Америки также оказали содействие в разработке Глобального Цифрового Договора (ГЦД), нулевой проект которого в начале апреля 2024 г. представил Секретариат ООН. Данный договор, как заявляется, призван установить основы сотрудничества в цифровой среде с целью обеспечения равных возможностей и безопасности для всего мирового сообщества. Проект документа охватывает широкий спектр вопросов, связанных с ИКТ-средой, в частности, цифровую грамотность, управление новыми технологиями, включая искусственный интеллект, а также обеспечение доступности и устойчивости цифровой инфраструктуры.

Договор включает такие разделы, как цели, принципы, последующая деятельность ГЦД, а также шаги и обязательства по таким аспектам, как:

1. Преодоление цифрового разрыва и ускорение прогресса в достижении Целей устойчивого развития.

2. Расширение участия в цифровой экономике.

3. Создание инклюзивного, открытого, безопасного цифрового пространства.

4. Продвижение справедливого международного управления данными.

5. Управление новыми технологиями, включая искусственный интеллект, в интересах человечества.

Одним из ключевых аспектов документа является разработка стандартов, направленных на предотвращение и устранение предвзятости, дискриминации и нарушений прав человека на всех уровнях разработки новых технологий, а также реализации программ обучения для взрослого населения и повышение навыков использования ИИ. Глобальный цифровой договор также подчеркивает важность управления новыми технологиями на благо человечества.

В апреле 2023 г. американское правительство предоставило письмо, в котором содержалось видение приоритетов ГЦД. Данное сообщение было дополнено вторым письмом, вышедшим в конце марта 2024 г. На сайте Представительства США при Организации Объединённых Наций было заявлено о внесённых дополнениях во второе письмо, включающих положения, требующих включения в ГЦД: «Мы твёрдо убеждены, что участие заинтересованных сторон имеет важное значение для составления договора и последующей его реализации. Таким образом, Соединённые Штаты Америки продолжают активно участвовать в процессе разработки ГЦД в качестве заинтересованной стороны».

В тексте письма уделяется внимание продвижению ответственного управления данными. Так, американское правительство выдвинуло следующие рекомендации по тексту договора: вместо того, чтобы уделять особое внимание «содействию ответственному управлению данными» стоит определить конкретные области управления ими с целью создания надёжных трансграничных потоков данных. Требуется включение таких гарантий, как защита конфиденциальности, защита данных, прав интеллектуальной собственности, учитывая, что ГЦД рассматривает использованию данных для ускорения прогресса в области ЦУР. Также подход к управлению данными должен включать в себя уважение прав человека, инклюзивность, репрезентативность. Использование данных должно быть направлено на улучшение благосостояния человечества.

В письменном сообщении затрагивается и вопрос управления новыми технологиями, включая искусственный интеллект. Соединённые Штаты Америки признают текущую работу по искусственному интеллекту, проводимую ООН, и оптимистично настроены в отношении того, что резолюция Генеральной Ассамблеи ООН по ИИ внесёт существенный вклад в разработку ГЦД; ГЦД может признать большие перспективы использования технологий ИИ для решения глобальных проблем в таких областях, как медицина, образование и многих других; ГЦД должен подчёркивать роль новых технологий в прогрессе достижения ЦУР и способствовать созданию благоприятных условий для развития инноваций; ГЦД может признать принципы искусственного интеллекта, которые имеют широкую поддержку международного сообщества, включая Принципы ИИ Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Рекомендации ЮНЕСКО по этике ИИ; Глобальный цифровой договор может подчеркнуть важность безопасных систем ИИ, которые ориентированы на человека, а также поощряют и защищают права человека и международное право, сохраняют конфиденциальность и

направлены на поддержание устойчивого развития; в соответствии с принципами ответственного искусственного интеллекта, ГЦД должен продвигать такой инструмент, как оценка рисков, содействовать разработке и внедрению механизмов мониторинга и управления рисками, в том числе в отношении прав человека, и рассматривать подходы по снижению рисков [6].

Можно сделать вывод, что в последние годы произошёл прорыв в области развития генеративного искусственного интеллекта, усугубляющийся широкой доступностью услуг ИИ обществу по всему миру. Соединённые Штаты Америки, чтобы решить проблемы, вызванные развитием технологий ИИ, сосредоточили усилия на разработке и распространении концепции надёжного ИИ, требующего также надёжные инструменты управления и правового регулирования. При этом в процессе создания данной системы привлекаются все заинтересованные стороны мирового сообщества.

Кроме этого, США издают национальные нормативные акты – Указ № 14110 «О безопасном, надёжном и заслуживающим доверия искусственном интеллекте» и занимаются разработкой и продвижением своих международных инициатив на базе ООН, такие как Резолюция «Использование возможностей безопасных, защищённых и надёжных систем искусственного интеллекта для устойчивого развития», чтобы закрепить за собой лидерство в сфере управления рисками ИИ. Американский истеблишмент стремится установить новые более надёжные стандарты безопасности ИИ для защиты конфиденциальности американцев, также для продвижения равенства и гражданских прав, отстаивания прав рабочего персонала и расширение лидерства Соединённых Штатов Америки во всём мире.

БИБЛИОГРАФИСЕКИЙ СПИСОК

1. The Administration’s Report on the Future of Artificial Intelligence // The White House: [сайт]. 2016. 12 октября. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2016/10/12/administrations-report-future-artificial-intelligence (дата обращения: 15.03.2025).
2. Мамедьяров З.А. Регулирование искусственного интеллекта: первые шаги // Наука. Технологии. Инновации., 2024. С. 2–6. URL: https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/886272540.pdf (дата обращения 10.03.2025).
3. Preparing for the Future of Artificial Intelligence // The White House: [сайт]. 2016. октябрь. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2016/10/12/administrations-report-future-artificial-intelligence (дата обращения: 21.03.2025).
4. ГА ООН приняла первую резолюцию о регулировании искусственного интеллекта // ТАСС: [сайт]. 2024. 21 марта. URL: https://tass.ru/ekonomika/20309919 (дата обращения: 21.03.2025).
5. United Nations General Assembly adopts by Consensus U.S.-Led Resolution on Seizing the Opportunities of Safe, Secure and Trustworthy Artificial Intelligence Systems for Sustainable Development // U.S. Department of State: [сайт]. 2024. 21 марта. URL: https://www.state.gov/united-nations-general-assembly-adopts-by-consensus-u-s-led-resolution-on-seizing-the-opportunities-of-safe-secure-and-trustworthy-artificial-intelligence-systems-for-sustainable-development/ (дата обращения: 10.03.2025).
6. 2nd Contribution of the United States of America for the Global Digital Compact // United States Mission to the United Nations: [сайт]. 2024. 22 марта. URL: https://usun.usmission.gov/2nd-contribution-of-the-united-states-of-america-for-the-global-digital-compact/ (дата обращения: 29.03.2025).

УДК 339.9

САНКЦИИ ПРОТИВ РОССИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКО-ЭМИРАТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

SANCTIONS AGAINST RUSSIA AND THEIR IMPACT ON RUSSIA–UAE RELATIONS

М. А Ярков,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
M. A. Yarkov,
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
yarkov@mokar23.ru
А. С. Шапин,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
A. S. Shapin,
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
aleksey.shapin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние санкционной политики на трансформацию внешнеэкономических связей России, с акцентом на торгово-финансовое сближение с Объединёнными Арабскими Эмиратами (ОАЭ). Проанализированы виды санкций и их последствия для российской экономики. Особое внимание уделено этапам развития российско-эмиратских отношений до и после 2022 года. Выявлены ключевые направления взаимодействия: энергетика, инвестиции, торговля и логистика. Сделан вывод о том, что ОАЭ стали важным партнёром России в условиях санкционного давления, обеспечив переориентацию внешнеэкономической стратегии.

Abstract. This article examines the impact of sanctions policy on the transformation of Russia's foreign economic relations, with a focus on trade and financial convergence with the United Arab Emirates (UAE). The types of sanctions and their consequences for the Russian economy are analyzed. Special attention is given to the stages of development in Russia–UAE relations before and after 2022. Key areas of cooperation are identified, including energy, investment, trade, and logistics. The study concludes that the UAE has become a significant partner for Russia under sanction pressure, facilitating the reorientation of its foreign economic strategy.

Ключевые слова: САНКЦИИ, ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА, ОБЪЕДИНЁННЫЕ АРАБСКИЕ ЭМИРАТЫ, РОССИЯ, ТОРГОВО-ФИНАНСОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО, ГЕОЭКОНОМИКА

Key words: SANCTIONS, FOREIGN ECONOMIC POLICY, UNITED ARAB EMIRATES, RUSSIA, TRADE AND FINANCIAL COOPERATION, GEOECONOMICS

Введение. Санкции, как инструмент международного давления, стали важнейшей частью внешнеэкономической и внешнеполитической стратегии западных стран в отношении России. С каждым годом санкционные меры против Российской Федерации становились все более комплексными и многогранными, затрагивая ключевые отрасли экономики — от финансов и технологий до

энергетики и обороны. В ответ на эти ограничения, Россия была вынуждена пересмотреть свои внешнеэкономические приоритеты, что привело к переориентации внешней торговли и активному поиску новых партнёров. Одним из таких партнеров стали Объединённые Арабские Эмираты (ОАЭ), которые, благодаря своей нейтральной внешнеполитической позиции и высокоразвитой экономической инфраструктуре, оказались важным хабом для российских товаров и капитала.

Цель данной статьи — исследовать влияние санкционной политики на внешнеэкономическую стратегию России с особым акцентом на развитие торгово-финансового сотрудничества с ОАЭ. Мы рассмотрим, как российско-эмиратские отношения трансформировались до и после введения санкций, а также выявим ключевые направления сотрудничества, такие как энергетика, инвестиции, торговля и логистика. Кроме того, статья анализирует последствия санкций для российской экономики и позволяет сделать вывод о том, что ОАЭ стали значимым стратегическим партнёром для России в условиях новых глобальных вызовов.

В результате проведённого анализа мы покажем, как ОАЭ в качестве одного из немногих стран, не поддержавших санкции против России, играют важную роль в обеспечении переориентации внешнеэкономической политики России, а также продемонстрируем перспективы дальнейшего углубления двустороннего сотрудничества в будущем.

Понятие и виды санкций. В последние годы санкционная политика стала одним из ключевых инструментов международного давления на Россию. Санкции оказывают комплексное воздействие не только на внутреннюю экономику страны, но и на её внешнеполитические и внешнеэкономические приоритеты. В данной главе рассматриваются понятие санкций, их классификация, последствия для российской экономики, а также влияние санкций на трансформацию внешнеэкономической стратегии государства.

Санкции — это ограничительные меры, принимаемые с целью изменения внешней или внутренней политики другого государства. Они делятся на несколько видов: экономические, торговые, финансовые, персональные и секторальные [1]. В случае с Россией были введены все эти категории санкций. Например, США и ЕС запретили экспорт в Россию высокотехнологичного оборудования, особенно того, что используется в нефтегазовой отрасли. Российские банки — такие как Сбербанк, ВТБ, Альфа-Банк — были отключены от системы международных межбанковских расчетов SWIFT, что осложнило международные платежи. Также были введены ограничения на поставку в Россию микроэлектроники, программного обеспечения, авиазапчастей и другого стратегического импорта.

Отдельной категорией стали персональные санкции. Они коснулись множества российских чиновников, бизнесменов, членов их семей и активов за рубежом. Было заморожено имущество, арестованы счета, введены визовые ограничения. Секторальные санкции также были нацелены на ограничение доступа России к мировым финансовым рынкам: государственным компаниям и банкам было запрещено привлекать капитал на западных биржах.

Все эти меры нанесли ощутимый удар по российской экономике. Уже в 2022 году в стране зафиксировался отток капитала в объеме более 250 млрд долларов, инфляция ускорилась до 11,9% [2], а курс рубля колебался под влиянием нестабильности и ограничений на валютные операции. Особенно уязвимыми оказались сферы, зависимые от импорта — автомобилестроение, авиация, медицина и IT-сектор. В то же время Россия начала адаптироваться, предпринимая меры по импортозамещению, развитию внутренних производств и выстраиванию новых логистических и торговых цепочек.

Санкции, введённые странами Запада против России после 2014 года и особенно в 2022 году, стали ключевым фактором, повлиявшим на трансформацию внешнеэкономической политики страны. Ограничения охватили широкий спектр сфер: от финансовых и энергетических до технологических и логистических. В результате Россия столкнулась с необходимостью переориентации своих внешнеэкономических связей и поиска новых партнёров, способных компенсировать утрату традиционных рынков и каналов поставок.

Согласно теориям международной торговли, в частности модели открытой экономики, внешнеэкономическая политика государства строится на оптимальном распределении ресурсов с учётом внешнего спроса, доступных внешних рынков и международного разделения труда [3]. Однако в условиях санкций экономическая свобода государства-объекта ограничивается искусственными барьерами, что требует пересмотра стратегий внешнеэкономической деятельности. С позиций кейнсианства и неомеркантилизма санкции могут рассматриваться как стимул к усилению государственного вмешательства в экономику, к импортозамещению и переориентации внешнеэкономических связей. Также срабатывает теория адаптации: под давлением внешних ограничений страна стремится выстроить новые торговые маршруты, переформатировать цепочки добавленной стоимости и наладить финансовые схемы с альтернативными партнёрами. Санкции становятся триггером трансформации внешнеэкономической политики, вынуждая государство смещать фокус с традиционных партнёров на те страны, которые не поддерживают ограничительные меры.

Таким образом, санкционная политика, проводимая в отношении России с 2014 года и особенно усилившаяся после 2022 года, кардинально изменила ландшафт её международных экономических связей [4]. Ограничения, затронувшие финансы, технологии, энергетику и другие ключевые отрасли, стали не просто временным препятствием, а стратегическим вызовом, на который страна вынуждена была оперативно ответить. В этих условиях внешнеэкономический курс России подвергся значительной трансформации: акцент сместился в сторону расширения сотрудничества с незападными странами, прежде всего с теми, кто не присоединился к санкционному давлению. Это привело к формированию новых логистических и торговых цепочек, появлению альтернативных финансовых маршрутов и укреплению взаимодействия с партнёрами из Азии, Латинской Америки, Африки и Ближнего Востока. Особое значение среди новых направлений внешнеэкономической политики приобрёл Ближний Восток, а в особенности Объединённые Арабские

Эмираты. Благодаря своей нейтральной внешнеполитической позиции, развитой экономической инфраструктуре и открытому деловому климату, ОАЭ стали для России не только торговым партнёром, но и важным логистическим и финансовым узлом. Укрепление российско-эмиратских экономических связей демонстрирует потенциал для диверсификации внешнеэкономических отношений России в условиях санкционного давления, а также служит примером успешной адаптации к новым международным реалиям.

Российско-эмиратские отношения до введения санкций. Торгово-экономические отношения между Россией и Объединёнными Арабскими Эмиратами начали активно развиваться с конца 1990-х годов, после установления дипломатических связей в 1971 году. С начала 2000-х годов Россия и ОАЭ начали выстраивать более тесные связи, особенно в сферах торговли и инвестиций. Главным фактором, способствовавшим углублению сотрудничества, стало признание обеими странами друг друга как стабильных и надежных партнеров на международной арене, что обеспечивало возможность для интенсивного развития многогранных экономических и политических отношений [5].

Основным направлением двустороннего сотрудничества в первый период стало развитие торговли. Россия начала активно поставлять в ОАЭ продукцию высоких технологий, машины, оборудование и оборонную продукцию, что является логичным шагом в контексте углубления экономических связей между странами [6]. В свою очередь, ОАЭ поставляли в Россию нефть, нефтехимические продукты, драгоценные металлы и строительные материалы. Также важной составляющей торговли стали сельскохозяйственные товары, что позволило значительно увеличить товарооборот, особенно начиная с 2000-х годов. Динамичный рост взаимных поставок подтверждается увеличением объемов торговли между странами [3].

Энергетика сыграла ключевую роль в развитии двусторонних отношений. Россия, как крупнейший поставщик природных ресурсов, и ОАЭ, значимый игрок на рынке углеводородов, выработали эффективные механизмы взаимодействия, включая участие в ОПЕК+ и других международных организациях. Взаимодействие в энергетической сфере позволило укрепить экономические связи и стабилизировать мировые энергетические рынки. Энергетические проекты и совместные инвестиции стали важной частью двусторонних соглашений.

До 2022 года ОАЭ играли важную роль в экономике России, являясь ключевым партнером в регионе Ближнего Востока и Центральной Азии. ОАЭ выступали как связующее звено для России с региональными рынками, а также играли роль финансового хаба, через который Россия могла диверсифицировать источники финансирования и получать инвестиции. Роль ОАЭ в качестве финансового центра для России подтверждается их значимостью как площадки для крупных международных сделок и инвестиций [7].

Эмиратские инвестиции в российскую экономику играли важную роль в развитии таких секторов, как недвижимость, инфраструктура и строительство. Эмиратские компании активно инвестировали в проекты в Москве и Санкт-

Петербурге, строя жилые комплексы, торговые и бизнес-центры. Эти инвестиции стали значительным источником капиталовложений, способствуя не только экономическому росту, но и созданию новых рабочих мест. В ответ, российские компании также начали рассматривать ОАЭ как перспективный рынок для капитала, особенно в секторах технологий и недвижимости.

В сфере энергетики ОАЭ играли важную роль в поставках нефтехимической продукции и сырья в Россию, что стабилизировало внутренний рынок и способствовало развитию высокотехнологичных производств. Российская сторона, в свою очередь, активно сотрудничала с ОАЭ в области добычи и переработки углеводородов, предоставляя эмиратам доступ к российским энергетическим ресурсам.

Одним из приоритетных направлений также оставалась оборонная отрасль. ОАЭ стали одним из крупнейших покупателей российской военной техники, включая системы ПВО, авиацию и корабли. Оборонное сотрудничество продолжало расширяться, являясь одним из ключевых компонентов двусторонних отношений [8].

Торговля товарами и услугами также была важной частью российско-эмиратских отношений. Россия поставляла в ОАЭ продукцию машиностроения, сельскохозяйственные товары, а также продукцию оборонной промышленности. В свою очередь, ОАЭ обеспечивали Россию нефтью, нефтехимическими продуктами, металлами и строительными материалами, что обеспечивало стабильность и развитие двусторонней торговли.

Таким образом, до 2022 года торгово-экономическое сотрудничество между Россией и ОАЭ развивалось динамично и стабильно. Взаимодействие в сферах энергетики, торговли, инвестиций и обороны способствовало углублению экономических связей и подготовило почву для дальнейшего углубления партнерства в условиях новых глобальных вызовов.

Влияние санкций на российско-эмиратские отношения и их будущее. После введения масштабных санкций против России в 2022 году Объединённые Арабские Эмираты (ОАЭ) стали одним из ключевых направлений переориентации внешнеэкономической политики России. Санкции, ограничившие доступ к западным рынкам, технологиям и финансовым системам, вынудили российский бизнес искать новые партнёрства и логистические маршруты. ОАЭ, благодаря своей нейтральной позиции и развитой инфраструктуре, стали важным хабом для российской внешней торговли.

В 2022 году товарооборот между Россией и ОАЭ достиг рекордных $9 млрд, увеличившись на 68% по сравнению с предыдущим годом. Экспорт из России в ОАЭ составил $8,5 млрд, показав рост на 71%, в то время как импорт из ОАЭ вырос на 6%, достигнув $500 млн. ОАЭ сохранили за собой первое место среди стран арабского мира по объёму товарооборота с Российской Федерацией.

Одним из значимых изменений стало увеличение поставок российского золота в ОАЭ. В 2022 году Россия экспортировала в Эмираты 96,4 тонны золота, что составляет примерно треть её годовой добычи. Это более чем 15-кратный рост по сравнению с предыдущим годом. ОАЭ стали крупнейшим импортёром

российского золота, заменив традиционные рынки, такие как Лондон, которые закрылись для России из-за санкций.

Кроме того, ОАЭ стали привлекательным направлением для релокации российского бизнеса. В стране зарегистрировано более 4000 российских компаний, что свидетельствует о растущем интересе к эмиратскому рынку. Развитие туризма, открытие первой российской школы и активизация культурных обменов также способствуют укреплению двусторонних отношений [9].

Таким образом, санкции стали катализатором для углубления российско-эмиратских экономических связей. ОАЭ выступают не только как торговый партнёр, но и как стратегический союзник, способствующий адаптации России к новым международным реалиям. В будущем ожидается дальнейшее расширение сотрудничества в различных сферах, включая финансы, технологии и инвестиции.

В условиях продолжающегося санкционного давления и глобальной геополитической трансформации Россия и Объединённые Арабские Эмираты демонстрируют устойчивую тенденцию к укреплению стратегического партнёрства. Эта динамика объясняется рядом факторов: взаимной заинтересованностью в диверсификации экономических связей, комплементарной структурой экономик, а также стремлением обеих стран играть более заметную роль в формировании многополярного мирового порядка [10].

Одной из ключевых перспектив дальнейшего сближения является наращивание сотрудничества в высокотехнологичных отраслях. ОАЭ активно инвестируют в развитие цифровой экономики, искусственного интеллекта, зелёной энергетики и логистических технологий — всё это открывает возможности для российско-эмиратских проектов с участием как государственных структур, так и частного бизнеса. Россия, в свою очередь, предлагает компетенции в сфере атомной энергетики, машиностроения, ИТ и агропромышленного комплекса.

Инвестиционное сотрудничество также может выйти на новый уровень. Российский капитал уже представлен в экономике ОАЭ, особенно в сферах недвижимости, энергетики и туризма. Эмиратские инвесторы, в свою очередь, проявляют интерес к российскому рынку, особенно в условиях снижения конкуренции со стороны западных компаний. Создание совместных инвестиционных платформ, фондов и промышленных зон — один из наиболее перспективных векторов взаимодействия [11].

Отдельное внимание заслуживает участие ОАЭ в БРИКС. Присоединение страны к этому объединению (с января 2024 года) открывает новые горизонты для многостороннего взаимодействия. Для России это важная возможность углубить координацию с ОАЭ в рамках международных платформ, ориентированных на альтернативу западным институтам. В рамках БРИКС могут быть созданы общие механизмы расчётов в нацвалютах, кредитные линии, программы технологического обмена и кооперации в сфере устойчивого развития.

Также перспективным направлением остаётся логистика. Географическое положение ОАЭ, наличие развитой портовой инфраструктуры (Джебель-Али, Хамрия и др.) и авиахаба в Дубае позволяют использовать Эмираты как

транзитный узел для торговли с Азией, Африкой и Латинской Америкой. Россия может использовать этот потенциал для диверсификации экспортных маршрутов и сокращения зависимости от традиционных европейских логистических каналов.

Важно и политическое измерение: ОАЭ выступают как надёжный посредник и партнёр в международных вопросах. Эмираты не присоединились к санкциям против России и сохраняют сбалансированную внешнюю политику, что создаёт прочную основу для дальнейшего сотрудничества на фоне растущей турбулентности в мировой политике.

Таким образом, в ближайшие годы Россия и ОАЭ могут не только сохранить высокий уровень экономических связей, но и существенно их углубить за счёт интеграции в многосторонние форматы, расширения инвестиционного диалога, кооперации в технологической сфере и совместного участия в формировании новых правил международной экономики.

Выводы. Санкционная политика, направленная против России, радикально изменила векторы её внешнеэкономического взаимодействия и заставила Москву искать новые опоры вне традиционного западного мира. На этом фоне Объединённые Арабские Эмираты стали не просто временным экономическим партнёром, а одним из ключевых узлов в переориентации российской внешнеэкономической стратегии. Благодаря своему прагматичному и нейтральному курсу, ОАЭ не только не присоединились к антироссийским ограничениям, но и предоставили бизнесу, финансам и логистике России новые точки опоры. Российско-эмиратские отношения прошли путь от стандартного торгового партнёрства до полноценного стратегического взаимодействия, охватывающего энергетику, инвестиции, оборонную промышленность и финансовую сферу. Стремительный рост товарооборота, расширение делового присутствия российских компаний в Эмиратах и масштабные поставки золота подтверждают высокую степень адаптивности и взаимной заинтересованности. На фоне продолжающегося санкционного давления и глобальной нестабильности роль ОАЭ как экономического хаба и надёжного партнёра России будет только возрастать. В перспективе можно ожидать ещё более глубокого взаимопроникновения экономик, появления совместных проектов в области высоких технологий, зелёной энергетики, цифровых финансов и логистики. Таким образом, кейс российско-эмиратских отношений демонстрирует, как внешние ограничения могут стать импульсом для диверсификации и укрепления внешнеэкономических связей вне западноцентричной парадигмы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Братерский М. В. Торгово-экономические санкции: эффективность, цена, проблемы использования //Безопасность Евразии. – 2009. – Т. 2. – №. 36. – С. 335-347.

2. Инфляция и ключевая ставка Банка России // Банк России URL: https://cbr.ru/hd_base/infl/ (дата обращения: 14.04.2025)

3. Viner J. Studies in the theory of international trade. – Routledge, 2016.

4. Морозенкова О. В. Экономические последствия западных санкций и контрсанкций РФ //Российский внешнеэкономический вестник. – 2017. – №. 6. – С. 58-74.

5. Шкваря Л. В., Русакович В. И. Взаимная торговля России и ОАЭ: необходимость и возможность развития // Управление экономическими системами: электроннный научный журнал. – 2015. – №. 3 (75). – С. 27.

6. Бунякова А. В., Альшеххи М. М. Расширение экономического сотрудничества между Россией и ОАЭ за пределами энергетического сектора //Международный бизнес. – 2024. – №. 2 (8). – С. 44-54.

7. ميخائيل جورباتشوف. النظام العالمي الجديد – Emirates Center for Strategic Studies and Research, 2014. – Т. 24.

8. Ramani S. Russia and the UAE: An Ideational Partnership //Middle East Policy. – 2020. – Т. 27. – №. 1.

9. Arrif M., Nourallah M. W. تحليل تنافسية الإمارات العربية المتحدة في ضوء مؤشرات تقرير التنافسية العالمية(Analyzing the Competitiveness of United Arab Emirates in Light of the Indicators of the Global Competitiveness Report). – 2019.

10. Сапронова М. А. Вопросы энергетики в российско-арабском сотрудничестве //Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2020. – №. 1 (838). – С. 67-93.

11. Руденко Л. Н. Объединённые арабские эмираты: состояние и перспективы экономики и внешнеэкономических связей // Российский внешнеэкономический вестник. – 2020. – №. 1. – С. 60-72.

РАЗДЕЛ IV. МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 341.232.7

РУССКОЕ КИНО В БРАЗИЛИИ В 2020-Е ГГ.

RUSSIAN CINEMA IN BRAZIL IN THE 2020 S.

Н. М. Боголюбова,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
N. M. Bogolyubova,
St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)
E-mail: bogoliubovanm@gmail.com
Ю. В. Николаева,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
Yu. V. Nikolaeva,
St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)
E-mail: j.nikolaeva@spbu.ru

Аннотация. Настоящее исследование посвящено вопросу презентации российского кино в Бразилии в 2020-х гг., ее сильным и слабым сторонам. Авторы анализируют формы представления российского кино на киноэкранах Бразилии, рассматривают кинорепертуар, жанровую представленность российского кино. Отдельное внимание уделяется «Фестивалю русских фильмов», который проводится государственной организацией «Роскино» онлайн и офлайн в различных городах Бразилии и имеет значительный интерес со стороны бразильских зрителей. Авторы приходят к выводу, что продвижение российского кино в Бразилии соответствует национальным интересам РФ, т. к. это может улучшить восприятие нашей страны в мире. В статье сформулированы некоторые рекомендации, направленные на повышение эффективности деятельности по продвижению отечественного киноконтента на бразильские кинорынки.

Abstract. This study is dedicated to the presentation of Russian cinema in Brazil in the 2020s, highlighting its strengths and weaknesses. The authors analyze the forms of representation of Russian cinema on Brazilian cinema screens, examining the film repertoire and the genre representation of Russian films. Special attention is given to the «Russian Film Festival» organized by the state organization «Roskino» both online and offline in various Brazilian cities, which has garnered significant interest from Brazilian audiences. The authors conclude that the promotion of Russian cinema in Brazil aligns with the national interests of the Russian Federation, as it can improve the perception of the country worldwide. The article also provides several recommendations aimed at enhancing the effectiveness of activities related to promoting domestic film content in the Brazilian film markets

Ключевые слова: РОССИЯ, БРАЗИЛИЯ, КИНО, КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ, СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ КИНО, КИНОФЕСТИВАЛЬ.

Key words: RUSSIA, BRAZIL, CINEMA, CULTURAL RELATIONS, COOPERATION IN THE FIELD OF CINEMA, FILM FESTIVAL

Введение. Цель статьи – определить основные формы презентации российского кинематографа в Бразилии, делая при этом акцент на сильных и слабых сторонах этой деятельности. В качестве хронологических рамок взяты 2020-е гг. Это период, когда в ряде стран были предприняты попытки отменить русскую культуру. С другой стороны, в то же самое время Бразилия радушно приняла довольно много различных культурных мероприятий, подготовленных Россией, в т.ч. и в области кино, что придает указанному периоду особый интерес.

В настоящее время Россия и Бразилия активно развивают культурное сотрудничество как по линии двустороннего обмена, так и в рамках многостороннего партнерства в формате БРИКС. Страны объединяют давние и крепкие связи в политической, экономической и культурной сферах. После образования БРИКС в июне 2006 г. отношения России и Бразилии вышли на новый уровень, характеризующийся нарастающей динамикой и поиском новых направлений и форм партнерства. Культурное сотрудничество в этом плане создает странам широкие возможности для взаимодействия, т.к. на данный момент существует определенный дефицит взаимных знаний двух народов о культуре друг друга.

Кинематограф как значимый ресурс внешней культурной политики России. В сентябре 2022 г. в России была принята новая концепция гуманитарной политики за рубежом, в центре которой лежит культура как символ российской нации. Именно культура, как отмечается в концепции, способна укрепить позиции Российской Федерации в мире, обеспечить условия для ее дальнейшего развития и объективного восприятия за рубежом [1]. А для этого нужно организовать работу по активному продвижению национальной российской культуры за рубежом, в т.ч. знакомить мир с российским кино.

Что известно бразильцам о русской культуре? Во-первых, русская классическая литература. «Война и мир» Л. Н. Толстого и «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского – самые читаемые произведения русских писателей в Бразилии. Во-вторых, русский балет. В основном, это балеты на музыку П. И. Чайковского «Лебединое озеро», «Щелкунчик» и «Спящая красавица», представленные в репертуаре практически всех бразильских театров оперы и балета. В-третьих, классическая русская музыка. Широко известна симфоническая музыка великих русских композиторов С. С. Прокофьева, С. В. Рахманинова и П. И. Чайковского. Как мы видим, кино не относится к тем сторонам русской культуры, о которых бразильцы хорошо осведомлены: большинству известны лишь имена двух выдающихся русских режиссеров А. А. Тарковского и А. Н. Сокурова. При этом продвижение национального кинематографа и расширение сотрудничества в области кино является приоритетом культурной политики нашей страны. Об этом, и, в частности о необходимости продвигать российские фильмы и сериалы в мире, сказано в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. [2].

То, что в стратегии кинематограф назван одним из приоритетов внешней культурной политики РФ, вполне объяснимо. Кино, благодаря своей особой зрелищности, яркости образов, эмоциональной насыщенности закрепляет в

сознании людей определенные знания и представления. И от того, какими будут это знания и какими будут представления, зависит образ страны и живущего в ней народа в глазах огромного числа людей. Поэтому продвижение национального кинематографа выполняет важнейшую имиджеформирующую функцию. А для России, столкнувшейся с серьезной информационной войной, развязанной против нее коллективным Западом, вопросы формирования благоприятного имиджа в мире весьма актуальны. Благодаря универсальной и демократичной природе искусства кино связи в этой области сближают, укрепляют весь спектр культурных контактов. Не лишним будет напомнить и об экономической выгоде продвижения национального кино за границей. Приведем в качестве примера Францию, одну из ведущих кинодержав мира. По данным, полученным на декабрь 2024 года от агентства Unifrance, занимающегося экспортом французского кино, от продажи своих кинофильмов Пятая Республика получила 222,84 млн евро [3].

Формы репрезентации российского кино в Бразилии в 2020-е гг. Исследование показало, что сегодня русское кино присутствует в Бразилии скорее в формате различных фестивалей или недель кино, нежели в коммерческом прокате. Поэтому назвать его массовым явлением пока еще нельзя. Тем не менее, это не мешает бразильцам знакомиться с российским кинематографом во всем его многообразии. Крупным культурным событием стал ежегодный «Фестиваль русских фильмов», проводимый «Роскино» с 2019 г. для популяризации российского киноискусства за рубежом. Задача фестиваля – как можно шире и разнообразнее показать бразильцам российское кино. Этому способствует сочетание онлайн и офлайн форматов, включение в программу разножанровых картин: сериалов, документальных и художественных фильмов, комедий, драм, детективов, фильмов ужасов и др. Этому же способствует и доступность мероприятия: онлайн фильмы можно посмотреть бесплатно.

Насыщенность программы и гибридный формат фестиваля делают его довольно востребованным: только в первые два года работы фестиваля (2020-2021) более 36 тыс. зрителей из Бразилии посмотрели российские фильмы онлайн [4]. Но и «живые», офлайновые показы собрали довольно внушительную аудиторию. Например, в Сан-Паулу, где в 2020 г. фестиваль проходил в течение недели в кинотеатре «Petra Belas Artes», российские фильмы посмотрело более 9 000 тыс. зрителей [4]. Фильмы демонстрировались на русском языке с португальскими субтитрами, что, на наш взгляд, является еще одним удачным способом продвижения русской культуры в Бразилии, а именно, показав красоту и звучность русского языка.

Представленные в Бразилии российские фильмы разнообразны. Например, в 2022 г. в офлайн-программу вошли спортивная драма Елены Хазановой «Один вдох» с Викторией Исаковой в главной роли, трагикомедия «Первый снег» Наталии Кончаловской, романтическая комедия «Хочу замуж» Сони Карпуниной с Милошем Биковичем и Кристиной Асмус. В онлайн-формате были показаны сериал Анны Меликян «Нежность» с Викторией Исаковой, Евгением Цыгановым и Константином Хабенским, мелодрама «Кто-нибудь видел мою девчонку?» Ангелины Никоновой с Анной Чиповской, а также два фильма

ужасов «Ледяной Демон» Ивана Капитонова и «Побочный эффект» Алексея Казакова.

Как мы видим, в жанровом плане подборка фильмов довольно разноплановая. Представлена даже некоторая русская «зимняя экзотика» в виде фильмов «Ледяной демон» и «Первый снег». Большой интерес у бразильцев вызвал документальный биографический фильм, посвящённый 90-летию А. Тарковского: «Андрей Тарковский. Кино как молитва» [5]. В программе фестиваля 2023-2024 гг. были показаны еще 5 российских фильмов: «Брат», «Дунай», «Наводнение», «Туман», «Сердце мира». Фестиваль 2025 г. приурочен к празднованию 80-летия Великой Победы, поэтому в программу вошла военная драма «Красные ленты» и ряд других фильмов: всего 7 разножанровых кинокартин. Показы проходят на онлайн-платформе Belas Artes a la carte. Акцент делается на многожанровость, большое внимание уделяется новинкам, молодежному кино, а также российской-советской киноклассике.

Кроме того, российские фильмы в Бразилии можно увидеть в рамках кинофестиваля стран БРИКС, который проводится с 2015 г. в странах-участницах этого объединения. Организаторы российской программы, представляя российский кинематограф, также стремятся показать его многообразие. Например, в 2019 г. для показа было выбрано несколько новых фильмов: «Ваш репетитор» Антона Коломееца, «Калифорния» Дастана Мадалбекова, «Старуха» Николая Савельева, «Мой друг Буало» Софьи Фёдоровой. Но наряду с ними была показана и классика отечественного кинематографа: «Был месяц май» Марлена Хуциева и «Обломок империи» Фридриха Эрмлера.

Русское кино постепенно проникает в культурное пространство Бразилии. Фестивальная форма, которая преимущественно используется для продвижения нашего кинематографа, способствует сближению культур двух стран, позволяет увидеть русские фильмы во всем их многообразии, а через их посредничество приобщиться к нашей истории, нашей культуре, нашему языку.

Продвижение киноискусства в раках мега-проектов. В июне 2024 г. в Бразилии при поддержке МИД и Минкульта РФ начата реализация крупного международного проекта «Русские сезоны». Он проводится в рамках работы по продвижению русской культуры и языка за рубежом. «Русские сезоны» – масштабный проект, цель которого – познакомить зарубежных зрителей с русской культурой. Проект включает гастроли российских творческих коллективов, выставки из собраний крупнейших музеев, фестивали циркового искусства, премьеры российского кино и др. мероприятия [6]. Министр культуры России О. Любимова, открывая проект, отметила взаимную заинтересованность РФ и Бразилии в продвижении национального кино на рынки друг друга. На полях «Русских сезонов» между российской и бразильской сторонами была достигнута договоренность продолжать обменные кинофестивали и наращивать сотрудничество в киносфере. Сейчас рассматривается возможность подписания соглашения о совместном производстве аудиовизуальной продукции [7].

Исследование позволяет сделать вывод, что основной формой презентации российского кино в Бразилии остается самая распространенная форма – форма фестиваля. Использование онлайн-технологий в сочетании с «живыми»

просмотрами, многожанровость представляемого кинорепертуара, рассчитанного на максимально широкую и разнообразную зрительскую аудиторию, включение в программы и нового российского кино, и отечественной киноклассики – всё это является сильными сторонами работы по продвижению отечественного кино в Бразилии. Не случайно, что по итогам 2024 г. Бразилия вошла в ТОП-3 зарубежных рынков для российского кино по кинотеатральным сборам: в бразильских кинотеатрах показали более 10 картин из России [8]. Бразильцы отмечают интерес к российскому авторскому кино, российским драмам, комедийным и романтическим кинофильмам и триллерам.

В то же время, заметен недостаток фильмов для детей, анимационных фильмов, фильмов о русской природе, истории и культуре. Для продвижения российского кино в Бразилии следует активно использовать возможности совместного кинопроизводства, а также площадки БРИКС. Необходимо обеспечить постоянное присутствие российского кино в Бразилии. Что касается фестивалей российского кино в Бразилии, можно отметить, что данная форма открывает большие возможности для развития широкого культурного диалога России и Бразилии. Прежде всего, стоит проводить фестивали на периодической основе, что будет способствовать формированию круга друзей российского кинематографа в Бразилии. При этом необходимо сами фестивали российского кино сделать площадкой широкого, содержательного рассказа о русском кинематографе и русской культуре. В рамках проведения кинофестивалей российского кино в Бразилии можно организовать ретроспективные показы фильмов советских/российских режиссеров, создать дискуссионные клубы, проводить семинары, конференции, мастер-классы. Сами фестивали могут включать секции экспериментального, молодежного, документального кино. В рамках фестивалей стоит организовавывать тематические показы. Причем в новых условиях фестивали можно проводить и в онлайн формате. Очень важно сегодня поддержать интерес к русскому кинематографу в Бразилии, воспользоваться сложившейся ситуацией, которая открывает новые возможности для российской культуры и российского кинематографа. Но фестивали не единственная форма кинематографического сотрудничества и России следует подумать и о новых, креативных формах продвижения русского кино на бразильские киноэкраны.

Заключение. Кинематограф имеет все возможности для того, чтобы стать основой для создания будущего российско-бразильского культурного пространства. В одном из интервью генеральный директор «Роскино» Эльза Антонова назвала Бразилию «важным направлением для популяризации российского кинематографа и одним из стратегических направлений для российских экспортеров контента» [9]. И работа в этом направлении ведется. Популяризация русского кино в Бразилии, одной из крупнейших латиноамериканских стран, безусловно, поможет в продвижении русской культуры во всей Латинской Америке и будет способствовать формированию более современного, более привлекательного образа нашей страны, что соответствует национальным интересам России.

В завершение хотелось бы подчеркнуть, что в современном непредсказуемом мире культурное партнерство Бразилии и России, которое отвечает наивысшим интересам обеих стран, способствует поддержанию мира и безопасности во всем мире. И роль киноискусства в этом партнерстве достаточно высока и, безусловно, очень перспективна [10].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. Утверждена 5 сентября 2022 г. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405140851/ (дата обращения: 29.03.2025)
2. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года URL: https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-11092024-n-2501-r/ (дата обращения: 29.03.2025)
3. Россия стала вторым международным рынком для французского кино в 2024 году /Новости. Кинопортал «Кинобизнес сегодня». URL: https://www.kinobusiness.com/news/rossiya-stala-vtorym-mezhdunarodnym-rynkom-dlya-frantsuzskogo-kino-v-2024-godu/ (дата обращения: 29.03.2025)
4. Russian Film Festival пройдет в Бразилии в расширенном формате //РИА Новости. 2022. 22 июня. URL: https://ria.ru/20220622/festival-1797257083.html (дата обращения 03.02.2023)
5. Альперина С. Бразильские зрители оценили российские драмы и творчество Андрея Тарковского// Российская газета. 2020. 10 июля. URL: https://rg.ru/2022/07/30/brazilskie-zriteli-ocenili-rossijskie-dramy-i-tvorchestvo-andreia-tarkovskogo.html (дата обращения: 03.02.2023)
6. В Бразилии 17 июня откроются «Русские сезоны» //ТАСС, 2024. 16 июня. URL: https://tass.ru/kultura/21113175 (дата обращения: 29.03.2025)
7. Бразилию ждут на культурном форуме в России. URL: https://smotrim.ru/article/4008546 (дата обращения: 29.03.2025)
8. В Бразилии пройдут показы российского кино. URL: https://culture.gov.ru/press/news/v_brazilii_proydut_pokazy_rossiyskogo_kino/ (дата обращения: 29.03.2025)
9. Романов Р. Россия и Бразилия могут к концу года согласовать совместное кинопроизводство//Ведомости. 2024. 22 ноября. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/11/22/1076656-rossiya-i-braziliya?from=copy_text (дата обращения: 29.03.2025)
10. Стратегическое партнерство Бразилии и России //Международная жизнь. 2018. 25 июня. URL: https://interaffairs.ru/news/show/20092 (дата обращения: 29.03.2025)

УДК 327

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАЗАХСТАНА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

CULTURAL DIPLOMACY OF KAZAKHSTAN IN THE POST-SOVIET SPACE

Д. Д. Горковец,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
D. D. Gorkovets,
Saint Petersburg State University,
(Saint-Peterburg, Russia)
E-mail: dianagorkovets903@gmail.com

Научный руководитель:
Матвеевская А. С.
E-mail: a.matveevskaya@spbu.ru

Аннотация. Научная статья посвящена исследованию культурной дипломатии Республики Казахстан на постсоветском пространстве. Автор анализирует эволюцию культурно-дипломатических практик Казахстана с момента распада СССР, рассматривая нормативно-правовую базу, стратегические документы и практические инициативы в сфере межкультурного взаимодействия. В работе представлен комплексный подход к изучению культурной дипломатии как инструмента международных отношений, раскрыты ключевые механизмы культурного сотрудничества в рамках СНГ. Особое внимание уделяется анализу таких направлений, как образовательные обмены, проведение международных мероприятий, сохранение общего историко-культурного наследия и развитие креативных индустрий. Автор доказывает, что культурная дипломатия Казахстана выступает не только инструментом «мягкой силы», но и стабилизирующим фактором регионального взаимодействия, способствующим укреплению межгосударственных отношений на постсоветском пространстве.

Abstract. This article investigates the cultural diplomacy of the Republic of Kazakhstan within the post-Soviet space. The author examines the evolution of Kazakhstan's cultural-diplomatic practices following the dissolution of the USSR, analyzing the legal framework, strategic documents, and practical initiatives in intercultural engagement. Adopting a comprehensive approach to cultural diplomacy as a tool of international relations, the research highlights key mechanisms of cultural cooperation within the Commonwealth of Independent States (CIS). Special emphasis is placed on areas such as educational exchanges, the organization of international events, the preservation of shared historical and cultural heritage, and the advancement of creative industries. The study argues that Kazakhstan's cultural diplomacy not only functions as an instrument of «soft power» but also serves as a stabilizing factor in regional cooperation, fostering stronger interstate relations across the post-Soviet sphere.

Ключевые слова: КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ, КАЗАХСТАН, МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, СНГ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, МЯГКАЯ СИЛА, КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН

Key words: CULTURAL DIPLOMACY, KAZAKHSTAN, INTERCULTURAL INTERACTION, CIS, INTERNATIONAL RELATIONS, SOFT POWER, CULTURAL EXCHANGE

После распада СССР страны постсоветского пространства столкнулись с необходимостью формирования новых межгосударственных отношений, где культурная дипломатия стала ключевым инструментом сохранения исторической общности и выстраивания конструктивного диалога. В этом контексте Республика Казахстан демонстрирует интересную модель культурно-дипломатического взаимодействия, основанную на принципах многовекторности, инклюзивности и стратегической преемственности.

За период, превышающий тридцать лет, была сформирована и существенно расширена правовая основа для взаимодействия в культурной сфере между государствами Содружества. Этот процесс включал разработку широкого комплекса нормативных актов, включая межгосударственные соглашения, стратегические документы и целевые программы, направленные на регулирование различных аспектов культурного обмена. Важность культурного сотрудничества и развитие гуманитарных связей получили официальное закрепление в статье 3 Устава, где подчеркивается, что фундаментом деятельности Содружества служат уважение к культурному многообразию народов-участников, совместные усилия по сохранению культурного наследия, а также укрепление культурных контактов [1].

Основополагающим документом в области развития и налаживания культурного диалога является Соглашение о сотрудничестве в области культуры от 1992 года. Целью настоящего документа является предоставить все условия для развития культурных связей, обмена, сотрудничества во всех областях, начиная от театрального искусства, заканчивая музейным делом, а также, создание единого информационного пространства [2]. Таким образом, данный документ предоставляет всем государствам-участникам благоприятную среду для использования инструментов публичной, а, следовательно, и культурной дипломатии, для улучшения национального имиджа и формирования узнаваемого имиджа не только в рамках СНГ, но и на международной арене.

Последующие соглашения, такие как Соглашение о создании системы межбиблиотечного абонемента государств-участников СНГ (1999) [3], Соглашение о вывозе и ввозе культурных ценностей (2001) [4], Соглашение о совместном фильмопроизводстве (2008) [5], сформировали комплексный механизм гуманитарного взаимодействия. Нормативные акты объединяет стремление к формированию общего культурного пространства, в котором сохраняется доступ к национальным ресурсам, поощряется совместное создание культурного продукта и обеспечивается свободное движение культурных ценностей. Совокупное влияние этих соглашений выразилось в институциональном укреплении межгосударственного диалога, формировании устойчивых каналов культурного обмена и в постепенном преодолении фрагментации культурного пространства.

Важную роль в координации культурных процессов сыграли специализированные институты: Совет по культурному сотрудничеству (1995), Совет по гуманитарному сотрудничеству (2006) и Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества (2006) [6], который играет особую роль в развитии культурных процессов в СНГ. За период своей деятельности только

фонд поддержал более пятисот масштабных программ с участием около трехсот тысяч человек, что демонстрирует значительный потенциал межкультурной коммуникации.

Одно из ключевых мест в системе культурного сотрудничества СНГ занимает Казахстан, выступая как активный участник гуманитарных инициатив и один из инициаторов интеграционных проектов в сфере культуры. С первых лет существования Содружества республика демонстрировала стремление к сохранению культурных связей, сложившихся в советский период, при этом последовательно выстраивая модель многонационального и межкультурного диалога внутри страны и на межгосударственном уровне. Казахстан регулярно участвует в реализации программ по межбиблиотечному обмену, совместному производству фильмов, проведению выставок, фестивалей и научно-культурных форумов [7]. Особое внимание уделяется сохранению общего историко-культурного наследия, а также продвижению казахской культуры в международном пространстве через механизмы СНГ. Благодаря своей геополитической позиции, этнокультурному многообразию и государственной политике в сфере культурной дипломатии, Казахстан стал своего рода мостом между различными культурными моделями стран Содружества, способствуя укреплению культурной интеграции и расширению гуманитарного диалога.

Закон Республики Казахстан «О культуре» от 15 декабря 2006 года № 207-III стал основополагающим нормативно-правовым актом, регулирующим культурную сферу страны. Его ключевыми положениями являются обеспечение прав граждан на участие в культурной жизни, сохранение и развитие историко-культурного наследия, поддержка профессионального и народного искусства, а также установление механизмов государственной политики в области культуры [8]. Примером применения данной нормы является включение мавзолея Ходжи Ахмета Яссави в перечень особо охраняемых памятников национального значения, что обеспечило не только его реставрацию, но и продвижение как объекта ЮНЕСКО на международной арене.

Активная деятельность Республики Казахстан в культурной сфере начинается с утверждения концепции культурной политики в 2014 году, которая исходит из необходимости модернизации общественного сознания [9]. Одной из центральных задач в документе выступало укрепление национального единства и обеспечение конкурентоспособности казахстанской культуры на международной арене. Документ был ориентирован на реализацию национальной идеи «Мәңгілік Ел» (в переводе «Вечное Государство») и программы «Рухани жаңғыру» (в переводе «Духовное Возрождение»), что подчёркивало её роль в укреплении духовно-нравственных принципов общества. Данный правовой акт утратил силу 25 августа 2023 года в связи с принятием новой концепции.

Следующим важным документом является концепция культурной политики Казахстана на 2023-2039 годы, разработанная министерствами культуры и спорта [10]. Концепция представляет собой стратегический документ, направленный на модернизацию культурной сферы в условиях глобальных вызовов и внутреннего запроса на устойчивое развитие. Основная цель — формирование инклюзивной, устойчивой и конкурентоспособной

культурной среды, обеспечивающей сохранение национального наследия, развитие креативной экономики и повышение международного культурного авторитета Казахстана. Документ акцентирует внимание на цифровизации инфраструктуры, поддержке региональных инициатив, продвижении казахстанской идентичности и расширении культурной дипломатии. Особое значение придается развитию креативных индустрий как драйвера экономического роста, а также внедрению механизмов государственно-частного партнёрства и меценатства. При этом сохраняются вызовы, связанные с неравномерностью доступа к культурным ресурсам, дефицитом кадров и ограниченностью финансирования. Тем не менее, концепция демонстрирует переход к более гибкой и инновационной модели культурной политики, ориентированной на участие всех слоёв общества.

Казахстан позиционирует себя как активный субъект культурной дипломатии, используя многоуровневый подход. Среди ключевых векторов можно отметить образовательный и научно-исследовательский компоненты. Так, одним из самых первых выдающихся достижений культурной дипломатии Казахстана в рамках СНГ стало открытие Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева (ЕНУ) в 1996 году. В 2017 году он был признан лучшим молодым вузом в СНГ [11].

В стране неоднократно проводились крупные спортивные мероприятия, такие как VII Азиатские зимние игры, которые проводились в 2011 году (участие приняло более тысячи спортсменов из 28 стран региона) [12] и Зимняя Универсиада 2017 года в Алматы (участники из 57 стран) [13]. Эти мероприятия укрепили статус Казахстана как регионального лидера Центральной Азии, способного организовывать международные события. Построенные современные спортивные объекты продемонстрировали технологический потенциал страны, а успешное проведение соревнований улучшило международный имидж Казахстана, повысило инвестиционную привлекательность и стало важным аргументом при заявках на другие мероприятия, включая EXPO-2017. Оба события способствовали интеграции страны в глобальное сообщество и формированию образа динамично развивающегося государства с амбициозной стратегией развития.

Летом 2017 года Астана стала локацией для проведения международной специализированной выставки «Энергия будущего» в рамках ЭКСПО-2017. Мероприятие посетило около полумиллиона человек за три месяца, а участие приняло 115 государств и 22 международные организации [14]. Проведение такого рода мероприятия дало толчок развитию туристической сферы. Общее количество посещений объектов ЭКСПО превысило 29 миллионов, что свидетельствует о высоком интересе как со стороны казахстанских граждан, так и иностранных туристов. Существенное влияние оказало ЭКСПО и на восприятие Казахстана за рубежом. Повышенное внимание со стороны международных СМИ, расширение культурного и делового туризма, а также укрепление имиджа страны как безопасного и современного туристического направления — всё это стало долгосрочным результатом культурной и экономической интеграции в глобальное пространство через призму туризма.

Республика Казахстан участвует в ряде практических инициатив, среди которых особо выделяются: программа «Культурные столицы Содружества» (Астана в 2012 году, Алматы в 2014 году) [15]; развитие образовательных связей посредством предоставления стипендиальных программ для студентов из стран Содружества; сохранение общего историко-культурного наследия через совместное празднование значимых исторических дат и организацию Форума переводчиков и издателей стран СНГ и Балтии; проведение масштабных культурных мероприятий международного уровня, включая фестиваль «Астана — сердце Евразии», Международный кинофестиваль «Евразия» в Алматы и регулярные Дни культуры Казахстана в странах-партнерах по Содружеству [16]; реализацию современных проектов культурной направленности и организация Международного форума «Евразийская культура в новом мире» [17], что в совокупности формирует эффективный инструментарий культурной дипломатии для укрепления межгосударственных отношений, продвижения национальных культурных ценностей и создания благоприятного имиджа страны на постсоветском пространстве.

Анализируя влияние культурной дипломатии на межгосударственные отношения, необходимо выделить несколько ключевых аспектов: формирование общего коммуникативного пространства, преодоление исторически сложившихся стереотипов, институционализацию культурных связей и диверсификацию каналов культурного взаимодействия [18].

Значимым инструментом культурной дипломатии стали «Дни культуры», регулярно проводимые с государствами-участниками СНГ. Только в 2022-2024 годах состоялись масштабные мероприятия в России, включавшие гастроли театральных коллективов, концерты и кинофестивали [19]. Параллельно развиваются проекты, направленные на актуализацию общего историко-культурного наследия, такие как «Наследие Великой степи», который объединяет усилия исследователей из Центральной Азии. Важным результатом данной инициативы стало формирование институциональной основы для сотрудничества между музеями, архивами и исследовательскими центрами Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана [20].

Особое место занимает международная стипендиальная программа «Болашак», которая эволюционировала от классической программы подготовки кадров до комплексного механизма международного сотрудничества. Статистика последних лет показывает устойчивый рост числа стипендиатов из стран постсоветского пространства: если в 2017 году их доля составляла 12%, то к 2023 году достигла 27% [21].

Синергетический эффект от реализации рассмотренных инициатив проявляется в формировании многоуровневой системы культурной дипломатии, охватывающей различные сферы социокультурного взаимодействия: от массового восприятия культуры до интеллектуальных и образовательных обменов. Данная система, характеризующаяся внутренней согласованностью и концептуальным единством, позволяет Казахстану эффективно использовать потенциал культурной дипломатии для решения внешнеполитических задач и

укрепления своих позиций в системе межгосударственных отношений. Культурная дипломатия Казахстана на постсоветском пространстве реализуется в контексте сложной геополитической динамики и трансформации региональной архитектуры безопасности. В этих условиях культурно-дипломатические инициативы Казахстана выступают не просто инструментом «мягкой силы», но и стабилизирующим фактором регионального взаимодействия, создающим основу для конструктивного диалога и сотрудничества. Влияние культурной дипломатии Казахстана на межгосударственные отношения на постсоветском пространстве характеризуется многоаспектностью, системностью и ориентацией на долгосрочные результаты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Устав Содружества Независимых Государств. Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. – URL: http://cis. minsk.by/reestr/ru/index.htmlreestr/view/text?doc=187 (дата обращения: 16.04.2025).
2. Соглашение о сотрудничестве в области культуры. – URL: https://docs.cntd.ru/document/1900122 (дата обращения 16.04.2025).
3. Соглашение о создании системы межбиблиотечного абонемента государств – участников СНГ (с изменениями на 30 мая 2012 года). –URL: https://docs.cntd.ru/document/901771000/titles/65C0IR (дата обращения 16.04.2025)
4. Соглашение о вывозе и ввозе культурных ценностей. – URL: https://docs.cntd.ru/document/901861858 (дата обращения 16.04.2025).
5. Соглашение о совместном фильмопроизводстве. – URL: https://docs.cntd.ru/document/902178624 (дата обращения 16.04.2025).
6. Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств. – URL: http://www.mfgs-sng.org/mfgs/smi/ (дата обращения 17.04.2025).
7. Сборник: Казахстан в СНГ: 30 лет интеграции и сотрудничества. — Алматы, 2021.
8. Закон Республики Казахстан от 15 декабря 2006 года № 207-III «О культуре» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 2024 год). – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z060000207_ (дата обращения 17.04.2025).
9. О Концепции культурной политики Республики Казахстан [Электронный ресурс] // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1400000939 (дата обращения 14.03.2025)
10. Концепция культурной политики Республики Казахстан на 2023 – 2029 годы. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000250#z231 (дата обращения 14.03.2025)
11. Шайхинов Б. ЕНУ признан лучшим молодым вузом СНГ// Sputnik Казахстан. 13.07.2017. – URL: https://ru.sputnik.kz/20170713/ enu-priznan-luchshim-molodym-vuzom-sng-2742341.html (дата обращения: 17.04.2025).
12. Almaty is a Rightful Host of 2011 Asian Winter Games. – URL: https://web.archive.org/web/20110119165651/http://www.almaty.kz/page.php?page_id=673&lang=2 (дата обращения: 17.04.2025).
13. XXVIII Всемирная зимняя Универсиада 2017 г. в Алматы. – URL: https://almaty2017.com/assets/templates/file/download/Media Guide.pdf., 2017. -172 с. (дата обращения: 17.04.2025).
14. Сыймык Э.У. «Публичная дипломатия» в контексте дипломатического инструментария Казахстана // Вестник Казахской Академии труда и социальных отношений. 2020. N° 4. С. 64-67.

15. Межгосударственная программа «Культурные столицы Содружества». – URL: https://eccis.org/page/19155/mezgosudarstvennaa-programma-kulturnye-stolicy-sodruzestva (дата обращения 17.04.2025).

16. Культурно-гуманитарное сотрудничество. – URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-muscat/press/article/details/155693 (дата обращения 17.04.2025).

17. Выступление на открытии международного форума «Евразийская культура в новом мире». – URL: https://www.akorda.kz/ru/secretary_of_state/secretary_of_state_speeches/vystuplenie-na-otkrytii-mezhdunarodnogo-foruma-evraziiskaya-kultura-v-novom-mire (дата обращения 17.04.2025).

18. Матвеевская А.С., Дьякова С.А. Публичная дипломатия и национальный брендинг Российской Федерации // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 1. С. 73–91. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.1.4

19. Дни культуры Казахстана в России проходят в Астрахани, Казани и Москве. – URL: https://culture.gov.ru/press/news/dni_kultury_kazakhstana_v_rossii_prokhodyat_v_astrakhani_kazani_i_moskve/ (дата обращения 18.04.2025).

20. Статья Главы государства «Семь граней Великой степи». – URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi (дата обращения 18.04.2025).

21. Болашак. Годовой отчет за 2023 год. – URL: https://bolashak.gov.kz/storage/app/media/Godovye%20Otchety/%20%D0%90%D0%9E%20%D0%A6%D0%9C%D0%9F%202023.pdf (дата обращения 18.04.2025).

УДК 327

МЯГКАЯ СИЛА ЯПОНИИ В США В XXI ВЕКЕ

SOFT POWER OF JAPAN IN THE USA IN THE 21ST CENTURY

С. Д. Елисеева,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
S. D. Eliseeva,
St. Petersburg State University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: sonya.eliseeva.2015@bk.ru

Научный руководитель:
Матвеевская А. С.
E-mail: a.matveevskaya@spbu.ru

Аннотация. Данная статья исследует концепцию «мягкой силы» Японии в контексте её влияния на США в XXI веке, анализируя стратегии, которые укрепляют позиции страны как глобального культурного и инновационного лидера. В работе раскрываются особенности применения японской мягкой силы через призму двусторонних отношений, включая культурный обмен и публичную дипломатию. Рассматриваются теоретические аспекты концепции, её ключевые признаки и специфика реализации в условиях глобализации, с акцентом на уникальные инструменты Японии – от популяризации аниме, манги и кухни до продвижения культурных инициатив и образовательных программ. Особое внимание уделяется причинам роста значимости мягкой силы Японии: стремление к укреплению международного имиджа, использование креативных индустрий для преодоления языковых и географических барьеров, а также усиление роли в глобальном управлении через доверие и культурную привлекательность.

Abstract. This article explores the concept of Japan's soft power in the context of its influence on the United States in the 21st century, analysing strategies that strengthen the country's position as a global cultural and innovation leader. The paper reveals the specifics of the use of Japanese soft power through the prism of bilateral relations, including cultural exchange and public diplomacy. The theoretical aspects of the concept, its key features and the specifics of its implementation in the context of globalization are considered, with an emphasis on the unique tools of Japan – from the popularization of anime, manga and cuisine to the promotion of cultural initiatives and educational programs. Special attention is paid to the reasons for the growing importance of Japan's soft power: the desire to strengthen its international image, the use of creative industries to overcome linguistic and geographical barriers, as well as strengthening its role in global governance through trust and cultural attractiveness.

Ключевые слова: ЯПОНИЯ, МЯГКАЯ СИЛА, США, ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК, ЯПОНСКАЯ КУЛЬТУРА, ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Key words: JAPAN, SOFT POWER, USA, JAPANESE CULTURE, PUBLIC DIPLOMACY

«Soft power» – понятие, которое вывел выдающийся американский политолог Джозеф Най в 1990-х. Под концепцией «Soft Power» подразумевается форма политической власти, способная привлекать и убеждать. Она возникает на фоне привлекательности образа страны, ее культуры и политики. Джозеф Най утверждает, что воздействие с применением мягкой силы может осуществляться с помощью трех основных компонентов: культуры, идеологии и внешней политики. Позднее к этим компонентам также стали добавляться притягательность внутренней политики, экономические успехи, а также образ жизни и многообразие ценностей народа [1].

Первоначально использовавшийся для опровержения утверждений об американском перенапряжении и упадке, Най утверждал, что в мире растущей сложной взаимозависимости традиционные ресурсы «жесткой силы», (экономическая и военная мощь), окажутся «слишком дорогостоящими и опасными» для эффективного использования. Успех в быстро меняющейся международной обстановке все больше зависит от применения «мягкой силы»; сила, связанная с привлечением других и побуждением их к тому, чтобы «они хотели того, чего хотите вы» [2].

В то время как концепция мягкой силы первоначально применялась к США, особенно при анализе современной американской внешней политики, она была принята в качестве политического инструмента различными правительствами по всему миру, в том числе правительствами с совершенно разными политическими, культурными и ценностными системами: от обещания премьер-министра Китая Си Цзиньпина (2014 г.) «продвигать мягкую силу Китая через его систему ценностей и культурное обаяние», до заявления министра иностранных дел Великобритании Бориса Джонсона (2016) о том, что Соединенное Королевство (Великобритания) является «сверхдержавой мягкой силы».

Япония же всегда представлялась страной загадок, тайн и огромных богатств для других государств на международной арене. Она всегда старалась использовать свои таинственный образ для ведения внешней политики. После окончания Второй мировой войны военная мощь Японии была серьезно ограничена мировым сообществом. В таком положении Япония была вынуждена применять в своей внешней политике инструменты «мягкой силы». Развитие этой концепции в Японии приобрело большую важность в конце 1990-х гг. – начале 2000-х гг. Этот период был связан с возросшей необходимостью Японии в поиске своего места в меняющейся международной системе, в связи с окончанием холодный войны и развалом биполярного мироустройства.

В 2004 г. в Японии был создан Консультативный совет для разработки основы концепции «мягкой силы». Одной из приоритетных задач совета являлось улучшение репутации и имиджа Японии на мировой арене. В 2008 г. тогдашний министр иностранных дел Таро Асо представил «Новую стратегию Японии в условиях современной эпохи», выделяя в ней важнейшую задачу продвижения «мягкой силы», в качестве одного из перспективных путей развития Японии в ближайшие годы, фокусируясь на распространении японской поп-культуры [3]. В 2013 г. в Японии была создана специальная консультативная группа, с целью

создания японского бренда «Cool Japan». С помощью этого проекта должно было повыситься распространение японской культуры в Франции, Китае, Японии, США, Южной Корее и др., а также увеличиться поток иностранных туристов в Японию. Реализация политики мягкой силы Японии преимущественно является обязанностью Министерства иностранных дел. В официальном отчете, ежегодно выпускаемым министерством, звучит особый для Японии тезис, не коррелирующий для традиционно закрытой Японии от внешнего мира. В нем сказано, что для эффективной реализации внешней политики, опирающейся на национальные интересы Японии, необходимо заинтересовывать партнеров в сближении с Японией с помощью предоставления информации как правительствам, так и обычным гражданам, с помощью общественной или публичной дипломатии [4].

На сегодняшний день момент Япония является одним из мировых лидеров по реализации и ресурсного применения «мягкой силы». По данным агентства «Brand Finance», Япония находится на четвертом месте в мире с оценкой 71,5 баллов по применению «мягкой силы» [5]. П.А. Мошняга, рассматривая понятие «внешней культурной политики» через концепцию «мягкой силы», проводит анализ деятельности японских властей по распространению японского языка среди иностранцев и продвижению поп-культуры в мире [6]. В настоящее время, особенное значение для Японии имеет распространение японского языка, с целью дальнейшего создания сферы культурного влияния.

Постоянное совершенствование и развитие поп-культуры делает ее более богатой и разнообразной, привлекая все больше людей со всего мира. С каждым днем японская культура и самобытность приобретает все большую популярность по всему миру, и США не являются исключением. Мы можем проследить это как в голливудских фильмах, например, «Mémoires of Geisha», так и в распространении японской анимации среди американской молодежи. Согласно «Anime popularity by country 2024» в Соединенных Штатах примерно 72% людей регулярно смотрят аниме. Это означает, что в США в целом больше людей смотрят аниме-шоу, чем в Японии, но в Японии больше население, из-за чего и отмечается высокий процент людей, которые смотрят аниме в целом [7].

Известная американская студия по производству фильмов и сериалов «Netflix» решила создавать собственную анимацию в японском стиле, с целью увеличения спроса на продукцию. Начиная с 2015 года, компания стала активно сотрудничать с различными японскими анимационными компаниями. Американцы признают мастерство японской анимации и хотят развиваться в этом направлении и дальше. В сегодняшних условиях большой популярности массовой культуры, постоянно увеличивается количество мероприятий, включающих косплей в программу. Японский косплей повлиял на дальнейшее создание аниме-выставок в США.

Крупнейшая аниме-конференция в Северной Америке «Anime Expo» проводится ежегодно, начиная с 1992 года [8]. Конференция продолжает процветать из-за растущей популярности аниме и японской поп-культуры, она пользуется большой популярностью благодаря множеству известных японских гостей, которых она принимает. В настоящее время «Anime Expo» носит звание

крупнейшего аниме-конвента Северной Америки. С 1750 участников в 1992 году численность «Anime Expo» увеличилась до более чем 392 тыс. человек в 2023 году.

«Anime Expo» организовано при поддержке некоммерческой организации «Society for the Promotion of Japanese Animation» (SPJA). Корни этой организации уходят из «Cal Animage Alpha» – аниме-клуба Калифорнийского университета в Беркли, который выступил соавтором первой выставки «Anime Expo» в 1992 году, а также ее предшественницы «Anime Con» в 1991 году.

Еще одним важным аспектом концепции мягкой силы Японии является реализация образовательных обменов и грантов. В структуре Японского фонда существует «Японо-американский центр» (Centre for Global Partnership, CGP) [9]. Он был создан в 1991 году, с целью расширения сфер сотрудничества и взаимовлияния между США и Японией. Японо-американский центр сотрудничает с аналитическими и исследовательскими центрами, высшими учебными заведениями, а также с неправительственными организациями, занимающихся изучением и анализом отношений между США и Японией. CGP обеспечивает финансирование совместных проектов, осуществляемых жителями США, Японии и других стран по глобальным проблемам, в дополнение к проблемам, общим для развитых индустриальных обществ, а также по другим вопросам, относящимся к американо-японским отношениям.

В 2024 году в рамках Японского фонда была утверждена программа «US-Japan Network For The Future». Эта программа помогает выявлять и развивать сеть американских и японских интеллектуалов в области публичной политики, привносящей разнообразный опыт и перспективы в процесс формирования двусторонней политики в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Стоит также упомянуть The Japan Exchange and Teaching (JET) Programme – наиболее известную программу привлечения иностранцев, владеющих английским языком, в Японию для последующего трудоустройства. В Японии до сих пор остро стоит проблема низкого уровня владения английским языком [10]. Для того, чтобы Токио могло налаживать международные отношения в разных сферах, ему требуется повышать вовлечение японцев к изучению английского языка. По мнению исследователей, преподаватель-носитель английского языка в Японии пользуется огромным уважением и преимуществом «как в глазах учеников, так и с точки зрения администрации» [11]. Большинство участников программы JET являются гражданами США. Отделение международной ассоциации выпускников программы в США (JET Alumni Association of the United States of America – JETAA USA) является огромным сообществом, имеющим представительство в 19 городах Соединенных Штатов [12].

Несмотря на описанную раннее реализацию мягкой силы Японии, в ней существует и ряд проблем в ее применении. Сам Най говорил о японской мягкой силе, что важнейшим ограничителем распространения культуры является внутренняя ориентация Японии на сохранение культуры и ее консервативные особенности. Это препятствует ее популяризации как во всём мире, так и в США [13]. Хотя Япония является одной из ведущих экономических держав мира и

имеет значительное влияние в сферах технологий, культуры и искусства, ее консервативные ценности не так легко принимаются в западном обществе.

По мнению социолога Сугимото Есио из Университета Ла Троб (Австралия), причина неэффективности Cool Japan заключается в двойных стандартах. За пределами Японии люди со всего мира погружаются в японский контент (музыка, аниме, манга), но несмотря на это, могут сохранять негативное отношение к Японии из-за ее исторического военного прошлого. Они могут выражать свою отрицательную позицию к Японии, тем самым, не обращая внимания на ту «мягкую силу», которую продвигает Япония. Это происходит из нежелания действительно понять и изучить культуру, далекую от европейской [14].

Японский язык является важнейшим проводником развития отношений между Японией и США. Американцы считают, что Япония – главный союзник Соединенных Штатов, открывающий двери к другим азиатским культурам. Многие американцы превозносят японский язык, так как его нелегко выучить, но впоследствии они смогут похвастаться знанием такого сложного языка и применить его в своей работе [15].

Проблема изучения английского языка японцами действительно оказывает негативное влияние на японо-американские отношения. Недостаточное владение английским языком создает преграды в коммуникации, взаимопонимании и укреплении взаимовыгодных отношений между Японией и другими странами, включая США. Молодое поколение Японии, не достигает желаемого уровня владения английским языком несмотря на то, что на него возлагаются большие надежды.

Основные причины такой ситуации заключаются в неэффективных методах обучения языку. Студентам в учебных заведениях предоставляются только данные по грамматике и письму, не уделяя достаточного внимания разговорной речи. Основной упор делается на материал, необходимый для сдачи экзаменов, что ограничивает знания учеников. Когда возникает возможность встретиться с носителями языка, японцам часто бывает сложно понимать речь или выразить свои мысли на английском языке из-за недостаточной практики. Английский – мировой язык, и для большего распространения идей японской культуры все больше граждан Японии должны обучаться английскому языку. Впоследствии стремительно возрастет коммуникация и усилятся каналы распространения культурных кодов Японии не только в США, но и по всему миру.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Nye J.S., Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. -192 p.

2. Keohane, R. O., & Nye, J. S. (1987). ‘Power and Interdependence Revisited’. International Organization 41(4): 725–753. URL:https://edisciplinas.usp.br/pluginfile.php/4093127/mod_resource/content/1/Keohane%20%20Nye%201987.pdf (Дата обращения 22.02.2025).

3. Катасонова Е.Л. Япония и ее инструментарий мягкой силы. URL: http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=391&Itemid=1 (дата обращения: 30.02.2025).

4. Diplomatic Bluebook (2013) Japan’s Foreign Policy in Major Diplomatic Fields. Minister for Foreign Affairs of Japan. URL: http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2013/html/chapter3/4efforts.html. (Дата обращения 22.01.2025).

5. Brand Finance's global soft power index 2025 (Japan). https://brandirectory.com/softpower/nation?country=64&fromRegion=1 (Дата обращения 23.03.2025).

6. Мошняга П. А. Внешняя культурная политика Японии // Власть. 2009. №6. – с. 159-161.

7. Anime Popularity by Country 2024. World population review URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/anime-popularity-by-country (Дата обращения 11.03.2025).

8. Anime Expo. Los Angeles Anime Convention. URL: https://www.anime-expo.org/ (Дата обращения 11.03.2025).

9. The Japan Foundation Center for Global PartnershipURL: https://www.jpf.go.jp/cgp/e/fellow/abe/index.html (Дата обращения 15.03.2025).

10. The world’s largest ranking of countries and regions by English skills URL: https://www.ef.com/wwen/epi/regions/asia/japan/ (Дата обращения 16.03.2025).

11. Tang C. The Identity of the Nonnative ESL Teacher: On the Power and Status of Nonnative ESL Teachers / C. Tang // TESOL Quarterly. — 1997. — № 31 (3). — P. 577—583. (Дата обращения 18.03.2025).

12. JETAA USA URL: https://jetaausa.com/ (Дата обращения 17.04.2024).

13. Трибрат, В. В. «Мягкая безопасность» по Джозефу Наю / В. В. Трибрат // Международные процессы. – 2005. – Т. 3, № 1(7). – С. 117-120.

14. Sugimoto Y. An introduction to Japanese society. Cambridge University Press, 2014. URL: https://polpemjepangsmjhiugm2015.files.wordpress.com/2015/09/yoshio_sugimoto-an-introduction-to-japanese-society.pdf (Дата обращения 19.04.2024).

15. Why study Japanese? Ten reasons. URL: http://www.aatj.org/resources/advocacy/WhyStudyJapanese.pdf (Дата обращения 18.04.2025).

.

УДК 327

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В РЕАЛИЗАЦИИ ГУМАНИТАРНОЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

CURRENT CHALLENGES IN THE IMPLEMENTATION OF TURKEY'S HUMANITARIAN POLICY IN CENTRAL ASIA

Э. И. Мильдзихова,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
E. I. Mildzikhova,
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: st096014@student.spbu.ru

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам и вызовам, которые стоят перед Анкарой в вопросах реализации гуманитарной политики на ключевом направлении во всей внешнеполитической стратегии страны – Центральной Азии. Автор полагает, что среди всех преград в этом направлении три, представленные в тексте аспекта, заслуживают особенного внимания, поскольку являются основными. Среди них — хронические проблемы в экономике Турецкой Республики, внутриполитическая нестабильность, а также активность более крупных и экономически стабильных акторов: Китайской Народной Республики, Российской Федерации, Европейского Союза и других. Представляется, что главным уникальным рычагом Анкары остается её тюркская идентичность и культурная близость к региону, позволяющие выстраивать доверительный диалог, продвигать мягкую силу и укреплять долгосрочное сотрудничество с тюркскими государствами.

Abstract. This article focuses on the problems and challenges faced by Ankara in implementing its humanitarian policy in one of the most strategic directions of its foreign policy — Central Asia. The author argues that among the many obstacles in this area, three key aspects discussed in the text deserve particular attention, as they represent the main barriers. These include the chronic economic problems of the Republic of Turkey, domestic political instability, and the growing activity of larger and economically more stable actors such as the People's Republic of China, the Russian Federation, the European Union, and others. Turkey's unique advantage appears to be its Turkic identity and cultural affinity with the region, which enable it to build trust-based dialogue, promote soft power, and foster long-term cooperation with Turkic states.

Ключевые слова: ТУРЕЦКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА, ГУМАНИТАРНАЯ ПОЛИТИКА, ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ, ЕВРАЗИЯ

Key words: TURKISH FOREIGN POLICY, HUMANITARIAN POLICY, CENTRAL ASIA, EURASIA

Культурно-гуманитарная политика Турции в Центральной Азии является комплексной и системной программой, имеющей историю, сформированную из множества этапов и собственных специфических черт. Ее старт начался с закатом СССР, а перспективы очевидны, однако за внешним лоском скрываются и важные проблемы, стоящие перед лидерами, которые формируют внешнюю политику Турецкой Республики. Представляется, что основными вызовами гуманитарной политики Анкары в регионе являются:

1) **Нестабильность экономики Турецкой Республики.** Для многих исследователей и наблюдателей феномен турецкой экономики уже давно является объектом пристального внимания. Последние годы страна живет при двузначной инфляции, хронически отрицательным торговым сальдо, большом влиянии доллара и крайне слабой лире. Очевидно, экономическая слабость сильно сказывается на внешнеполитических возможностях страны. Специфика гуманитарной политики состоит именно в том, что деятельность нуждается в большом и постоянном финансировании, иначе ожидаемого эффекта не будет. В истории культурно-гуманитарной политики Турции уже были периоды плохого финансирования, а именно во второй половине 90-х годов прошлого века. В 1999 году экономика страны пережила спад на 3,4%, вызванный резким обвалом внешнего финансирования и катастрофическими последствиями разрушительного землетрясения в Измите [1]. Следующие кризис пришелся на банковский сектор в 2001 году, что, по данным МВФ, связано с плохим регулированием, высокая степень зависимости от государственных и внешних вливаний, который сократились из-за предыдущего кризиса. Как результат, спад в активности с сокращение многих программ, в особенности в работе ТИКА. По оценкам Центрального банка Турции, на преодоление последствий кризиса было израсходовано средств, сопоставимых с третью ВВП страны.

Более детально разберем недавнее обострение в экономике страны. Особенно ярко запомнился многим новый виток кризиса, который начался в 2018 году и продолжается до сих пор. На данный момент, его пиком был 2024 год, когда были побиты многие отрицательные рекорды, например, к декабрю 2024 года государственный долг Турции достиг 9,250,800 млн турецких лир [2], а в мае 2024 года уровень инфляции превысил 75%, что значительно снизило покупательную способность населения и привело к ухудшению уровня жизни многих граждан[3]. Все это неразрывно связано с возможностями Анкары поддерживать программы и филиалы государственных учреждений в Центральной Азии и сказывается на объемах оказываемой помощи. Этот аспект неразрывно связан со следующим пунктом.

2) **Политическая нестабильность и волнения в Анкаре.** Партия справедливости и развития с ее бессменный лидер президент Эрдоган находятся у власти страны с 2002 года, в 2017 году Эрдоган из премьер-министра стал президентов, поскольку провел конституционную реформу. Отметим, что уже тогда часть электората высказывалась против расширения полномочий инкумбента и его нахождения у власти в целом: “за” реформу высказалось чуть более 51% голосовавших, одновременно с этим в стране проходили беспорядки: несмотря на усиленные меры безопасности, в некоторых районах все же произошли инциденты. Так, в Диярбакыре, расположенном на юго-востоке Турции, в ходе конфликта была открыта стрельба, в результате которой погибли два человека, а один получил ранения. Как сообщает турецкое издание Hurriyet, причиной происшествия стали разногласия по политическим вопросам [4]. Следовательно, эту меру можно рассматривать как свидетельство о том, что позиции Эрдогана нуждаются в укреплении.

Отдельного внимания заслуживает попытка вооруженного государственного переворота в 2016 году, которая также была вызвала ростов недовольства турецких элит несменяемым лидером и доказывает предыдущий тезис. Его подробности детально рассмотрены ранее, но влияние этого события можно найти и в статистических данных. Например, брендинговое агентство Brand Finance зафиксировало падение бренда Турции в 2016 году с 19 места в 2015 до 26, среди причин авторы выделяют именно политическую ситуацию и авторитарные реформы Эрдогана [5]. Ситуация на выборах 2024 года не кажется более стабильной, несмотря на заверения сторонников ПСР о том, что реформа 2017 года сделает страну более процветающей и спокойной. ПСР потерпели поражение на муниципальных выборах в основных городах и получили худшие результаты в истории. НСР выиграли почти в половине муниципалитетов (36 из 81), мэром столицы стал оппозиционный кандидат с отрывом в 30% от кандидата ПСР [6].

Активная кампания оппозиции в преддверии президентских выборов заслуживает не меньшего внимания. «Стол шести» — это политическое объединение оппозиционных партий Турции, созданное перед президентскими выборами 2023 года. В его состав вошли Народно-республиканская партия, Партия добродетели, Партия счастья, Партия демократии и прогресса, Партия будущего и Демократическая партия. Основной целью было объединение усилий, чтобы противостоять правящей Партии справедливости и развития и её лидеру Реджепу Тайипу Эрдогану, а общим кандидатом стал Кемаль Кылычдароглу.

Турция, Османская империя, известны своими сменами власти и режимов, поэтому гарантировать, что общественное движение в поддержку задержанного мэра Стамбула, известного как основной противник Эрдогана на следующих выборах, не перерастет в государственный переворот или цветную революцию нельзя. 23 марта Экрема Имамоглу должен был быть объявлен кандидатом от РНП на партийном съезде в Анкаре, в 19 марта прокуратура сообщила об аресте по подозрению в коррупции, также был аннулирован диплом о высшем образовании, который является обязательным для выдвижения в президенты. Более 1000 задержанных по всей стране, в основном – в крупных городах. Нарушения в работе интернета, силовой разгон протестующих и массовое недовольство граждан – последствия этого задержания [7]. Поэтому в контексте внешней политики и ее приоритетности над внутренней необходимо учитывать положение дел, которое в представленном случае является не однозначным

3) Рост влияния других акторов в регионе. Помимо Турции, еще целый ряд международных акторов интересуется Евразией, в особенности Центральной Азии, поскольку: быстрорастущее население, богатые природные залежи, большие территории в геостратегическом месте – причины интереса Китая, ЕС, России, США, Ирана, Японии, Саудовской Аравии и другими Центральной Азией. Почти все из этих стран, кроме, пожалуй, Ирана, обладают большими ресурсами (как человеческим ресурсом, так и материальным), которые позволяют более активно, эффективно и результативно проводить аналогичную политику. Рассмотрим детальнее и оценим результаты.

Экономическая составляющая политики Китая в регионе заслуживает внимания, поскольку она наглядно демонстрирует стремление Пекина закрепить свои позиции в Центральной Азии не только на дипломатическом, но и на инфраструктурно-финансовом уровне. Так, по итогам прошедшего в 2023 году саммита Китай – Центральная Азия [8], КНР пообещала предоставить странам региона кредиты и гранты на общую сумму 3,7 млрд долларов — шаг, направленный на усиление их потенциала развития. Если обратиться к двусторонним соглашениям, то Казахстан сообщил о подписании 22 документов на сумму свыше 22 млрд долларов, Кыргызстан — о проектах на сумму более 1 млрд, а Узбекистан — о договоренностях по 41 документу на сумму более 25 млрд долларов, Таджикистан, в свою очередь, заключил 25 соглашений, правда, без уточнения финансовых объемов [9]. Особо стоит отметить и то, что Кыргызстан, демонстрируя курс на углубление связей с Китаем, поднял уровень двусторонних отношений до всеобъемлющего стратегического партнерства. Предполагается, что экономическое сотрудничество между Китаем и странами Центральной Азии продолжит набирать обороты: если в 2022 году объем взаимной торговли достиг 70 млрд долларов, то к 2030 году, по прогнозам, он может увеличиться до 100 млрд. Такая динамика служит еще одним подтверждением углубляющейся экономической интеграции региона в орбиту китайских интересов, а также свидетельствует о системной и долгосрочной стратегии Пекина в отношении Евразии. Конечно, Пекин активно развивает и инфраструктурные направления сотрудничества, инвестируя в жизненно важные и стратегические проекты. Например, в 2024 году, после практически двадцати лет переговоров, было подписано Соглашение о строительстве железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан [10]. Строительство новой железнодорожной линии открывает Китаю возможности для диверсификации транзитных коридоров, позволяя снизить зависимость от традиционных маршрутов, проходящих через Россию и Казахстан. Это, в свою очередь, обеспечит более устойчивую торговлю по железной дороге со странами Европейского союза и Ближнего Востока в долгосрочной перспективе. Примечательно, что маршрут Китай–Кыргызстан–Узбекистан станет одним из кратчайших, сокращая сроки доставки на семь-восемь дней. Помимо внешнеэкономических выгод, проект способен стимулировать развитие западных и центральных регионов Китая, особенно Синьцзяна, где ожидается рост производственного сектора за счет расширения транспортной инфраструктуры и привлечения инвестиций. Ожидается, что дорога будет готова к эксплуатации в ближайшие 3-5 лет. Китай вложил значительные средства в строительство газопровода «Центральная Азия — Китай», который стал ключевым звеном энергетической инфраструктуры, обеспечивая транспортировку природного газа из Туркменистана, Узбекистана и Казахстана в Китай. Проект был реализован поэтапно с 2009 года, и общие инвестиции Китая составили около 7,3 миллиарда долларов США. Газопровод протяженностью 1 800 километров включает несколько этапов строительства, и в 2020 году по нему было доставлено более 50 миллиардов кубометров газа [11].

Рассмотрим и активное гуманитарное сотрудничество. Во всех странах региона, кроме Туркменистана, открыты филиалы Институтов Конфуция [12].

Недавно был открыт филиал Северо-Западного политехнического университета на базе Казахского национального университета имени аль-Фараби, а Городской университет Гонконга планирует открытие своего филиала на базе Казахского национального исследовательского технического университета имени К. И. Сатпаева в Алматы [13]. В январе 2022 года Китай пообещал предоставить 500 млн долларов США в течение трех лет для финансирования проектов, связанных с улучшением условий жизни в странах Центральной Азии [14].

Менее активный, но все же заслуживающий внимания актор, который поддерживает свое положение в регионе и стремиться удержать имеющиеся позиции. 4 апреля в Самарканде прошел саммит ЕС-Центральная Азия [15], по итогам которого не было подписано какого-то соглашения, однако в данном случае важен сам факт такого взаимодействия. Представляется, что общего между ЕС и странами региона очень мало: тезисы о демократии и либерализме никак не соответствуют реалиям политической жизни стран, взять тот же Туркменистан, поддерживающий принцип нейтралитета; вопросы экологии также имеют, к сожалению, небольшое значение, поскольку Центральная Азия это регион только развивающихся экономик, в которых сохранением природы часто пренебрегают; вопросы религии или прав человека не стоят на повестке. В данном случае нельзя сказать о наличии угрозы со стороны Европы позициям Анкары, однако существование еще одного актора, заинтересованного в сотрудничестве, хотя бы и на декларативном уровне – стоящее замечание.

В целом очевидно, что роль РФ значительна. Несмотря на то, что СССР распался более 30 лет назад это общее историческое прошлое остается важным. Русский дом, программы Россотрудничества, русские школы и общие школы (например, в Туркменистане), огромные русские диаспоры (20% населения Казахстана), общая граница и межличностные контакты – основные факторы поддержания положения Москвы. Именно позиции Россия Турция, по сути, активно пыталась занять все 90-е годы, однако сегодня образ России представляется более привлекательным населению региона, что влияет на результативность проводимой политики. Таким образом, среди угроз гуманитарной политики Турции в Центральной Азии основной представляется активность более сильных акторов, в особенности Пекина, с которым Анкара не может идти ни в какое сравнение. Большие экономические проблемы Турции уже имеют негативное влияние на бюджеты таких государственных организаций как ТИКА.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Архив Российской академии наук. Гуманитарная политика России в Центральной Азии. URL: https://ac.gov.ru/archive/files/publication/a/22293.pdf дата обращения: 10.04.2025).

2. Турция – Государственный долг // URL: https://ru.tradingeconomics.com/turkey/government-debt (дата обращения: 08.04.2025).

3. Dark days for Turks as Erdogan atones for economic errors / Reuters // URL: https://www.reuters.com/world/middle-east/dark-days-turks-erdogan-atones-economic-errors-2024-07-18 (дата обращения: 08.04.2025).

4. Итоги референдума в Турции // РИА Новости / URL: https://www.rbc.ru/politics/16/04/2017/58f3875c9a79473b9a237502 (дата обращения: 08.04.2025).

5. Brand Finance. URL: https://brandirectory.com/reports/nation-brands/2015 (дата обращения: 08.04.2025).

6. Поражение партии Эрдогана на выборах в Турции // Ведомости / URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/04/01/1029110-pravyaschaya-partiya-vpervie-proigrala (дата обращения: 08.04.2025).

7. Протесты в Турции / ТАСС / URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23646217 (дата обращения: 10.04.2025).

8. Си Цзиньпин провозгласил «новую эру» на саммите Китай – Центральная Азия // Ведомости / URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/05/22/976122-na-sammite-kitai-tsentralnaya-aziya-si-tszinpin-provozglasil-novuyu-eru (дата обращения: 10.04.2025).

9. Евразийский исследовательский институт / Центральная Азия во внешней политике Китая: Сианский саммит // URL: https://www.eurasian-research.org/publication/central-asia-in-chinas-foreign-policy-xian-summit/?lang=ru (дата обращения: 10.04.2025).

10. Евразийский исследовательский институт // Новая эра сотрудничества Центральной Азии и Китая: пример железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан/ URL: https://www.eurasian-research.org/publication/the-new-era-of-central-asia-china-cooperation-the-case-of-the-china-kyrgyzstan-uzbekistan-railway/?lang=ru (дата обращения: 10.04.2025).

11. Китай получил туркменский газ в обход России / Российская газета // URL: https://rg.ru/2009/12/15/gas.html (дата обращения: 10.04.2025).

12. Чу Чэнчэн Институты Конфуция и их деятельность в странах Центрально-Азиатского региона // Социально-гуманитарные знания. 2022. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/instituty-konfutsiya-i-ih-deyatelnost-v-stranah-tsentralno-aziatskogo-regiona (дата обращения: 09.04.2025).

13. Eurasian Research Institute // Expanding China’s Education Diplomacy in Central Asia / URL: https://www.eurasian-research.org/publication/expanding-chinas-education-diplomacy-in-central-asia/ (дата обращения: 10.04.2025).

14. Xi Jinping pledges US$500 million in aid for Central Asian nations // URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3164711/xi-jinping-pledges-us500-million-aid-central-asian-nations (дата обращения: 10.04.2025).

15. Какие цели преследует саммит ЕС-Центральная Азия // РИА Новости/ URL: https://www.rbc.ru/politics/03/04/2025/67ed24839a79475449dd8f34

УДК 394

ОСОБЕННОСТИ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ФИНЛЯНДИИ

PECULIARITIES OF NON-VERBAL COMMUNICATION IN FINLAND

А. А. Нельга,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия)
A. A. Nelga,
State Institute Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: anelga505@mail.ru
Д. Е. Колесников,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)
D. E. Kolesnikov,
State Institute Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: kolesn_de@spbstu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности невербальной коммуникации в Финляндии, такие как простота, минимизация жестикуляции и стремление к уважению личного пространства. Проведен анализ влияния протестантской этики на культуру невербального общения в Финляндии. В статье исследуются важные аспекты невербального поведения финнов, такие как сдержанность и дистанцированность, а также рассматриваются отличительные черты финской невербальной коммуникации и особые инструменты невербального общения, присущие финской культуре. Особенности отношения финнов к коммуникации отражены в приведенных в работе финских пословицах. На основе высказываний финских исследователей проанализировано отношение финнов к специфике невербальной коммуникации в Финляндии и ее элементам. Также отмечено постепенное изменение традиционных моделей невербального общения под влиянием западной культуры. В заключение подчеркнута важность учета культурных различий для успешного взаимодействия с представителями финской культуры.

Abstract. The article considers the features of non-verbal communication in Finland, such as simplicity, restraint, minimization of gestures and respect for personal space. The article analyzes the influence of Protestant ethics on the culture of non-verbal communication in Finland. The article analyzes important aspects of non-verbal behavior of Finns, such as restraint, distancing, and also examines the distinctive features of Finnish non-verbal communication and special tools of non-verbal communication in Finnish culture. The peculiarities of the Finns' attitude to self-expression are reflected in the Finnish proverbs presented in the work. Based on the statements of Finnish researchers, the attitude of Finns to the specifics of non-verbal communication in Finland and its elements are analyzed. There is also a gradual change in traditional models of non-verbal communication under the influence of Western culture. In conclusion, the importance of taking cultural differences into account for successful interaction with representatives of Finnish culture is emphasized.

Ключевые слова: НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ, МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ, КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ
Key words: NON-VERBAL COMMUNICATION, INTERCULTURAL COMMUNICATION, CULTURAL DIFFERENCES

Невербальная коммуникация относится к самой древней форме межличностного общения и включает в себя систему знаков и символов, которые используют для передачи информации и более детального выражения мыслей. Главной отличительной особенностью невербальной коммуникации является ее спонтанный, бессознательный и искренний характер. Невербальный способ передачи информации является индикатором душевного и психологического состояния личности [1, с. 200-201]. Соответственно, невербальная коммуникация представляет особый интерес для исследователя как уникальный способ передачи информации, позволяющий выражать эмоции, намерения и отношение без использования слов, что делает её важным компонентом межличностного взаимодействия.

Способы и средства невербальной коммуникации могут различаться в зависимости от культуры, в которой рос и воспитывался человек. Различные выражения лица, взгляд, положение тела, жесты и мимика (кинесика), использование пространства и времени (проксемика и хронемика) по-разному интерпретируются в разных культурах. В настоящее время невербальное взаимодействие становится все более значимым аспектом межкультурной коммуникации, следовательно, перед общением с представителем другой культуры необходимо ознакомиться с особенностями невербальной коммуникации, принятыми в той или иной стране [2]. В данной работе представлен анализ особенностей невербальной коммуникации в Финляндии.

Традиционно финская культура известна своей простотой, сдержанностью и скромностью. Способы невербальной коммуникации финнов в значительной мере обусловлены протестантским влиянием, проявляющемся в минимизации физического выражения эмоций и упрощении материальных средств коммуникации. Финны стараются минимизировать невербальные проявления в общении, осознанно контролируя свое поведение и учитывая возможное восприятие со стороны. Таким образом, финны не используют жестикуляцию без необходимости [3, с. 224-225]. Складывается впечатление, что финны как будто упускают из виду выразительные возможности языка тела. Они описывают свой традиционный стиль общения выражениями *luonteva tapa olla* (естественный способ поведения) или *että on luontevaa* (непринужденное и естественное поведение) [4, с. 10].

Протестантская этика исторически учит финнов сосредоточиваться именно на духовных и когнитивных, а не на физических аспектах жизни, что делает их менее тактильными, поэтому финская культура является дистантной. Более того, поскольку Финляндия является государством всеобщего благосостояния, финны ощущают свою политическую и социальную защищенность, что влияет на их восприятие и контроль за невербальным поведением, как своим, так и собеседника [3, с. 224-225].

Финские культурные ценности основаны на свободе, демократии, равенстве, справедливости и социальной ответственности. Например, финны доверяют властям и считают, что женщины и мужчины полностью равны согласно законодательству страны. По этой причине индивидуализм в Финляндии более ярко выражен, чем в других культурах, что также влияет на сдержанность и скромность финнов в общении [5, s. 5-6].

Финны выражают свои мысли кратко и лаконично. Традиционное отношение финнов к самовыражению прослеживается во многих финских пословицах:

- *«Puhuminen on hopeaa, vaikeneminen on kultaa» – «слово – серебро, молчание – золото»;*
- *«Mies se tulee räkänokastakin, vaan ei tyhjän naurajasta»* – дословно *«даже из сопливого мужчина получится, а из пустосмеха – никогда»*. В русском языке существует аналог: *«смех без причины – признак дурачины»* [6, s. 49].
- *«Ei sanottu sana suuhun palaa»* – дословно *«сказанное слово в рот не вернется»*. Аналог в русском языке – *«слово не воробей, вылетит – не поймаешь»*;
- *«Sanasta miestä, sarvesta härkää» – «быка держат за рога, а человека – за слова»*, т.е. обещанное нужно выполнять [7, с. 111-112].

Исследователь в области культурологии, преподаватель Туркуского университета Катриина Сиивонен отмечает: «Безмолвное, бессловесное общение — это тоже общение, причем дружелюбное и вежливое. Очень важно уметь слушать и обращать внимание на небольшие послания» [8]. Также Сиивонен подчеркивает, что данной форме общения довольно сложно научиться, поскольку она «незаметна и бесшумна» [8].

Необходимо отметить, что финская культура включает в себя как западные, так и восточные черты. Невербальное общение финнов отличается сдержанностью. Эмоции редко проявляются на публике. В Финляндии принято стоять в типичной западной позе: прямая спина и отведенные назад плечи. Походка финнов размеренная. Также финны не привыкли использовать чрезмерную жестикуляцию в разговоре. Чаще всего финны не размахивают руками и не показывают непристойные жесты. Чрезмерное размахивание руками служит для финна символом наигранности и излишнего драматизма.

Однако в настоящее время финская невербальная коммуникация постепенно меняется, что обусловлено влиянием западной культуры. Финская молодежь в особенности ориентирована на изменение традиционных моделей невербальной коммуникации из-за ощущения, что со стороны ее поведение может показаться безэмоциональным и вызывать отторжение у собеседника [4, с. 10].

Зрительный контакт для финнов также является довольно противоречивым инструментом невербальной коммуникации. Благодаря западным чертам, присущим финской культуре, зрительный контакт является признаком уважения к собеседнику. Например, финская исследовательница Анико Лехтинен утверждает, что прямой взгляд является способом «приближения» к человеку, привлекающим внимание собеседника и позволяющим легко определить, стоит ли начинать разговор [9]. С другой стороны, многие финны, подобно представителям восточной культуры, опасаются пристального взгляда, возможно,

из-за нежелания «заглядывать в душу» к собеседнику и стремления держать дистанцию во взаимоотношениях.

Такая позиция обусловлена тем, что значительную часть территории Финляндии занимают леса и озёра, а также низкой плотностью населения страны. Географический фактор повлиял на формирование такой особенности финской культуры, как любовь к свободе и личному пространству. Приемлемое личное пространство для финна составляет 1,2 метра. Следовательно, финны избегают прикосновений во время разговора. В знак приветствия некоторые могут использовать объятия, однако поцелуй часто считается неприемлемым [10, p. 35-36].

Среди особенностей финской невербальной коммуникации следует также выделить некоторые атрибуты, присущие исключительно финской культуре.

В финской культуре существует интересное явление, которое имеет символическое значение и называется по-фински «katseluasento» – взгляд, символизирующий сосредоточенность, восхищение увиденным, уединение в пределах личного пространства и психологический отдых. Такой взгляд направлен не наружу, а внутрь, то есть на то, что человек видит своим внутренним взором. Человек пребывает в этом состоянии около 15–20 секунд, психологически дистанцируясь от окружающих [3, с. 227-228].

Еще одним интересным жестом является финское «kädenpuristus», которое переводится дословно как «сжатие руки» и имеет более выраженный эмоциональный фон, нежели простое вялое рукопожатие. Данный жест является способом выражения особой благодарности и признательности собеседнику [5, с. 10-11].

Теперь рассмотрим особенности финской невербальной коммуникации в деловой сфере. Финский переговорщик прямолинеен и в то же время сдержан и вежлив. Он безэмоционален, поэтому распознать мысли и чувства финнов нередко представляется довольно трудной задачей. Чрезмерное проявление эмоций воспринимается финнами как непрофессионализм и неуместное поведение в деловой сфере. Частая улыбка может означать для финнов наличие скрытых мотивов у собеседника, что вызывает подозрения. Это объясняется тем, что финны верят, что улыбаться можно только тогда, когда для этого есть причина.

Невежливыми жестами также считаются закрытая поза, руки в карманах, закидывание лодыжки на другую ногу, покачивание ногами, излишние прикосновения (исключением является рукопожатие при встрече).

Говоря о зрительном контакте, отметим, что финны стараются поддерживать его в начале деловой встречи, однако не одобряют пристальные взгляды собеседника на протяжении длительного времени. В целом, финны предпочитают тесно не сближаться с собеседником и не разговаривать на личные темы. Представители финской культуры ценят тишину и молчание, которое они не считают неловким. В понимании финна молчание дает собеседнику возможность подумать и высказаться, поэтому оно представляет собой жест вежливости [10, p. 36-39].

Также следует отметить пунктуальность финнов. Финны ценят не только личное пространство, но и время, поэтому у них принято приходить в точно назначенное время как на формальные, так и на неформальные встречи.

В заключение следует отметить, что особенности невербальной коммуникации в Финляндии имеют глубокие культурные корни, отражая протестантские ценности, такие как уважение к личному пространству и сдержанность. Финны демонстрируют сдержанность в использовании невербальных средств общения, что связано с традицией минимизации физического выражения эмоций. Соответственно, не следует воспринимать молчание финнов, а также отсутствие мимики, частой улыбки и постоянного зрительного контакта как проявление неуважения. Отсутствие активной жестикуляции и эмоциональных проявлений в публичных ситуациях особенно заметно в деловой сфере. Однако влияние западной культуры постепенно изменяет эти традиционные нормы, особенно среди молодежи. Наконец, финская невербальная коммуникация включает некоторые жесты и черты, присущие только финской национальной культуре, с которыми необходимо ознакомиться, чтобы процесс межкультурной коммуникации проходил легко и непринужденно. Особенности невербальной коммуникации в Финляндии подчеркивают важность учета культурного контекста в межличностной коммуникации и необходимость обращать внимание на нюансы при взаимодействии с представителями финской культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ретюнских М.Е., Холодов О.М., Устинов И.Ю., Караванов А.А. Речь как средство вербальной коммуникации. Средства невербальной коммуникации // Медико-биологические и педагогические основы адаптации, спортивной деятельности и здорового образа жизни: сборник научных статей V Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием. Воронеж, 27 апреля 2016 года / Министерство спорта РФ; Воронежский государственный институт физической культуры. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2016. С. 197–202.
2. Nonverbaalinen viestintä eri kulttuureissa // Puheen palo – [Электронный ресурс]. URL: https://puheenpalo.fi/nonverbaalinen-viestinta-eri-kulttuureissa/ (дата обращения: 13.09.2024).
3. Крейдлин Г.Е. Невербальное поведение людей разных культур в диалоге I: Финская и русская жестовые системы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог 2009»). М.: Изд-во РГГУ, 2009. Вып. 8 (15). С. 224–229.
4. Крейдлин Г.Е. Русские и финские модели невербального поведения – проблемы интерпретации одного класса жестов // Понимание в коммуникации: Сборник статей. В 2 т. / Составитель и автор предисловия Е.Г. Борисова. М.: Московский городской педагогический университет, 2009. Т. 2. С. 6–14.
5. Julin L. Suomalainen viestintäkulttuuri eurooppalaisten ekspattien näkökulmasta. Helsinki: Haaga-Helia ammattikorkeakoulu, 2024. 67 s.
6. Vartiainen-Ora P. Ymmärräks sää? Työyhteisöjen monikulttuurisuuskoulutus. Helsinki: Työväen Sivistysliitto TSL ry., 2005. 122 s.
7. Храмцова О.А. Азбука финских пословиц и поговорок. Петрозаводск, 2024. 157 с.
8. Suomalainen elekieli: «Eino rakasti vaimoaan niin paljon, että melkein kertoi sen hänelle» // YLE [Электронный ресурс]. URL: https://yle.fi/a/3-8641947 (дата обращения: 15.01.2025).
9. Anikó Lehtinen: Suomalainen asiakaspalvelija on kehittynyt hurjasti, mutta vielä olisi yksi juttu: sanaton viestintä // AVEC [Электронный ресурс]. URL: https://avecmedia.fi/ihmiset/kolumnit/aniko-lehtinen-sanaton-viestinta/ (дата обращения: 15.01.2025).
10. Kaunismaa A. The role of nonverbal communication in japanese-finnish negotiations' prospective. Pori: Satakunta University of Applied Sciences: 2014. 65 p.

УДК 341.24

КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ФИНЛЯНДИИ И КИТАЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ И НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

CULTURAL COOPERATION BETWEEN FINLAND AND CHINA IN HISTORICAL RETROSPECTIVEAND AT THE CURRENT STAGE

А. В. Останин,
Санкт-Петербургский университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)
A. V. Ostanin,
State Institute Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: ostanin.av@edu.spbstu.ru

Аннотация. Данная статья посвящена истории развития и современному состоянию культурных связей Китая и Финляндии. В работе рассматриваются исторические периоды с точки зрения формирования отношений между Финляндией и Китаем. Также рассмотрен вклад представителей науки и искусства в развитие финляндско-китайских культурных отношений. Целью статьи является анализ культурного взаимодействия Финляндии и Китая на современном этапе. Задачами являются: изучить исторический контекст, повлиявший на формирование культурного сотрудничества между финским и китайским народами, рассмотреть организации по продвижению китайской культуры в Финляндии. Объектом исследования являются финляндско-китайские отношения, предметом–культурное сотрудничество Финляндии и Китая. Методологической основой исследования является метод индукции, заключающийся в изучении современного состояния культурного сотрудничества Финляндии и Китая на основе частных явлений (таких как исторические моменты пересечения финских и китайских культур, а также мероприятия и организации, популяризирующие китайскую культуру в Финляндии и финскую культуру в Китае). Автор приходит к выводу, что в современном мире Финляндия и Китай благодаря определённым историческим событиям смогли сформировать организации для культурного сотрудничества.

Abstract This article is devoted to the history of development and current state of cultural relations between China and Finland. The work examines historical periods from the point of view of formation of relations between Finland and China. The contribution of representatives of science and art to development of Finnish-Chinese cultural relations is also considered. The purpose of the article is to analyze cultural interaction between Finland and China at the present stage. The tasks are: to study the historical context that influenced formation of cultural cooperation between Finnish and Chinese people, to consider organizations for promotion of Chinese culture in Finland. The object of the research is Finnish-Chinese relations, the subject is cultural cooperation between Finland and China. The methodological basis of the research is the induction method, which consists in studying the current state of cultural cooperation between Finland and China on the basis of private phenomena (such as historical moments of intersection of Finnish and Chinese cultures, as well as events and organizations popularizing Chinese culture in Finland and Finnish culture in China). The author comes to the conclusion that in the modern world Finland and China, thanks to certain historical events, were able to form organizations for cultural cooperation.

Ключевые слова: КИТАЙСКО-ФИНЛЯНДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ
Key words: FINNO-CHINESE RELATIONS, INTERCULTURAL COMMUNICATION, PUBLIC DIPLOMACY

История взаимоотношений Финляндии и Китая начинается с XVIII в. В тот период Финляндия не имела статуса самостоятельного государства, а была территорией Шведского королевства. В 1731 году была основана Шведская Ост-Индская компания. Приоритетным направлением данной компании являлся китайский город Кантон (в настоящее время известный как Гуанчжоу). Главной задачей Шведской Ост-Индской компании была закупка чая в Китае. Хотя Китай также экспортировал шелк и фарфор, наибольшую прибыль приносил экспорт чая: чай являлся дорогим продуктом, однако его загрузка и транспортировка не вызывала затруднений. Только Шведская Ост-Индская компания имела право импортировать чай в Швецию. Торговля чаем была частью мировой торговли XVIII в., когда в Европу со всего мира завозились новые предметы роскоши, такие как чай, кофе, какао и сахар. Кроме того, из Китая импортировались шелк и фарфор. Большая часть привезённого Швецией из Китая чая экспортировалась в страны Западной Европы, а также контрабандным путём в Англию. Шведская Ост-Индская компания работала до 1813 года, но уже к концу XVIII в. прибыль компании начала уменьшаться из-за отмены импортных пошлин на британский чай, что сделало контрабанду чая в Англию невозможной.

Также Шведская Ост-Индская компания сыграла важную роль в распространении знаний о китайском языке в Швеции. Рассказы о путешествиях, речи, письма, бортовые журналы и географические справочники тех, кто работал в компании, описывали широкий спектр впечатлений от китайской природы и необычной для представителей европейской цивилизации XVIII века культуры. Также вернувшиеся из морского путешествия снабжали новой информацией о Китае или «Срединной империи» (эндоэтноним Китая). Первые газеты также распространяли рассказы о дальних странах среди более широкой аудитории, а коллекции растений, привезенные учеными из торговых поездок, расширили представление натуралистов о природных условиях дальних стран.

Экипажи судов нанимались со всей территории Швеции и из-за рубежа, так что состав команды на судах носил интернациональный характер. Финны служили на кораблях и выполняли различные задачи. Большинство из них занимались задачами моряка. Другими должностями являлись боцман, юнга, штурман, мичман и старший помощник. Финских жителей привлекала более высокая заработная плата на иностранных судах. Сельская местность Финляндии, не обеспечивала всех средств к существованию. а периодические неурожаи делали население еще беднее. Некоторых из них также вдохновляли приключения, а самые юные могли присоединиться к судам, даже не имея опыта работы. Юношам предоставлялась возможность продвигаться по карьерной лестнице, благодаря чему спустя одно плавание юнга мог быть повышен до звания моряка [1]. В течение XVIII в. финские путешественники были первыми людьми западного мира, задокументировавшие контакт с китайской

цивилизацией. Одним из таких был кадет Израэль Рейниус (финский священник и исследователь), находившийся на службе в Шведской Ост-Индской компании. С 1746 по 1748 годы он со своим братом Германом находился на корабле «Кронпринц Адольф Фридрих», пунктом назначения которого был город Кантон. В ходе данного рейса Израэль Рейниус вёл дневник, в котором тщательно анализируется китайское общество и культура. Спустя некоторое время владелец недвижимости Питер Йохан Блад отправился в Китай в качестве омбудсмена Шведской Ост-Индской компании и прожил там с 1777 по 1784 гг. [2]. Другим известным путешественником в Китай был Карл Густав Маннергейм, который прибыл туда в качестве офицера Российской императорской армии по заданию Генерального Штаба в целях изучения китайской военно-политической обстановки. К тому же Маннергейм имел поручение Финно-угорского общества собрать, по возможности, археологические и этнографические коллекции для создававшегося в Гельсингфорсе Национального музея Финляндии [3]. Также в период Великого княжества Финляндия строила корабли для России, которые впоследствии направлялись в Порт-Артур и на Амур, находящиеся на границе с Китаем [4].

В начале XX века Финляндия была молодым независимым государством, стремившимся занять свое место в международном сообществе. Поэтому приоритетным направлением в финской внешней политике стало открытие консульских учреждений и посольств. После обретения Финляндией независимости, профессор Густав Йон Рамстедт был назначен посланником в азиатские страны, в том числе и в Китай. К началу 1930-х годов Финляндия имела консульские представительства в Шанхае, Гонконге, Гуанчжоу, Ханькоу, Циндао, Даляне, Харбине и Тяньцзине [5]. Деятельность генерального консула финского посольства в Шанхае Густава Вяхямяки в 1924-32 годах были периодом наиболее активного привлечения внимания международного сообщества к финской культуре, так как День независимости регулярно отмечался приемами, где атмосферу создавали финская музыка и финские фильмы. Во время пребывания в Шанхае вице-консул Вилле Нисканен выступал в качестве защитника финской культуры и самобытности. Он считал, что празднование дня рождения Сибелиуса и дня «Калевалы» принесет Финляндии столь необходимую известность. На мероприятиях, организованных 32 консульствами, оркестр Шанхайской международной колонии исполнял произведения Сибелиуса. Финская национальная музыка успешно выполнила свою миссию, найдя отклик у китайских националистов и иностранцев, тоскующих по своей родине. Национальная история, культура и искусство были духовным экспортом молодого государства, который использовался для создания положительного имиджа, что было особенно важно в период националистических настроений в Финляндии в начале XX века, которые также в тот период были актуальны и в Китае [6]. Для продвижения финской культуры, Министерство иностранных дел Финляндии публиковало информацию о Финляндии на нескольких языках в различных государствах, в том числе и в Китае, а письменные материалы дополнялись фотографиями, фильмами и музыкой. Литературная пропаганда

включала в себя литературу о культуре, брошюры, рекламирующие туристические возможности, и публикации об экономическом развитии, по крайней мере, на французском, шведском, английском, эсперанто, немецком и финском языках. В сообществе экспатриантов особенно востребованными были издания на английском языке. Материалы на китайском языке были менее распространены, поскольку в начале XX в. большинство китайцев не обладали навыками чтения и письменности, а основные заинтересованные группы китайцев, образованные люди и торговцы в Финляндии, как правило, также понимали английский. Государственная националистическая риторика включала в себя мощный маркетинг финской культуры, политики и экономики, а клиентской базой, естественно, были иностранные и китайские колонии. Изображения наиболее важных достижений финнов, спроецированные при помощи фильмоскопа, дали представление о современной жизни в скандинавском регионе, основанной на давних национальных традициях [5].

Для поддержания культурного сотрудничества было необходимо обеспечить возможность для ознакомления с религией другого государства, так как религия является неотъемлемой частью культуры народа. Летом 1899 г. Финское Миссионерское общество на ежегодном собрании приняло решение начать работу в Китае. Первым миссионером в Китае был финн шведского происхождения Ханнес Шёблом, который в 1900 году получил диплом священника. Его жена Эллен последовала за ним. Ещё на момент отъезда Шёблома предполагалось, что целью его миссионерской деятельности будет Маньчжурия на севере Китая. Прибыв в Китай, Ханнес Шёблом узнал, что провинция Хунань, которая до тех пор была закрыта и не допускала иностранцев, открывается. Шёблом начал исследовать район реки Ли, притока Янцзы. В декабре 1902 года он прибыл в городской уезд Цзиньши, который предложил сделать центром миссионерской деятельности в Китае. С точки зрения духовной сферы, наиболее важным вкладом Миссионерского общества стало начало женского образования в Китае: Эллен Шёблом начала обучать девочек в Цзиньши в 1906 году. Школа для девочек вызвала недоумения в регионе. В то время у китайцев было стойкое убеждение, что девочки не должны получать образование, а выполнять функции домохозяйки. Однако школа имела большой успех, и десять лет спустя в ней обучалось уже 1200 учеников. С началом революции под руководством Мао Цзэдуна в 1949 году западные миссионерские организации отозвали своих работников из Китая. Пяйво Парвиайнен и Вяйно Кантеле остались в Китае под свою ответственность после того, как остальные уехали. Кантеле покинул страну в 1951 году, а Парвиайнен — в 1953 году [7].

Отношения между Финляндией и Китаем наладились сразу после образования Китайской Народной Республики. Доброжелательное отношение Китая к Финляндии обусловлено тем фактом, что Финляндия была одной из первых стран, признавших Китайскую Народную Республику. Дипломатические отношения между двумя странами были установлены 27 октября 1950 года. Финляндия была восемнадцатой страной, установившей дипломатические отношения с Китаем. На раннее признание КНР, повлияла позиция Советского Союза. Советский Союз был первым государством, признавшим Китайскую

Народную Республику. Признание КНР также было необходимо для обеспечения контроля за коммерческими интересами Финляндии в Китае со стороны СССР. Политика мирного сосуществования Финляндии с социалистическими государствами, особенно с Советским Союзом, также заложила основы хороших отношений с Китаем. Кроме того, Финляндия начала торговые отношения с Китаем ещё на раннем этапе формирования Китайской Народной Республики, подписав торговые соглашения в 1952 и 1953 годах. Также 5 июня 1953 года была организована первая поездка финской культурной делегации в Китай [8].

Через шесть месяцев после установления Финляндией дипломатических отношений с Китайской Народной Республикой, в июне 1951 г. было основано Финляндско-китайское общество. В 1950-х годах общество привезло в Финляндию китайских акробатов и артистов Пекинской оперы. В то время Финляндия, как западная страна, налаживала культурные связи с Китаем. Начиная с 1961 года общество организовывало поездки в Китай. Культурная революция прервала китайско-финляндские связи и привела к изоляции Китая. В конце 1960-х – начале 1970-х годов деятельность общества приобрела политическую окраску. В 1970-х годах благодаря социальному интересу молодежи в обществе стало больше членов, и культурные обмены между Финляндии и Китаем возобновились. В конце 1970-х годов политика и идеология в Финляндско-китайском обществе снова стали менее важными. С 1971 по 1994 год клуб регулярно организовывал поездки в Китай. Демонстрация на площади Тяньаньмэнь в 1989 году привела к тому, что члены общества прекращали своё участие. В 2000-х годах деятельность общества вновь активизировалось. На сегодняшний день Финляндско-китайское общество является одной из главенствующих организаций в сфере культурного сотрудничества Финляндии и Китая [9].

Другой важной организацией, поддерживающие культурные связи Финляндии и Китая, является Финское Миссионерское общество. Сегодня Миссионерское общество сотрудничает с Китайским христианским советом и добровольной организацией Amity Foundation. В Специальном административном районе Гонконг партнерами Миссионерского общества являются Евангелическо-лютеранская церковь Гонконга, Гонконгская лютеранская семинария и Институт китайско-христианских исследований. На Тайване Миссионерское общество сотрудничает с Лютеранской церковью Тайваня [7].

15 апреля 2021 г. правительство издало постановление о вступлении в силу соглашения между Финляндией и Китайской Народной Республикой о создании Китайского культурного центра в Финляндии. Соглашение обсуждалось несколько лет и было подписано в Пекине осенью 2019 года. Целью Китайского культурного центра является содействие культурному сотрудничеству между странами, взаимопониманию и знанию китайской культуры в Финляндии [10].

Таким образом, культурное взаимодействие Китая и Финляндии берёт своё начало ещё в период, когда Финляндия не была суверенным государством, а входила в состав Швеции. Финны были одними из первых европейских людей, начавшие сотрудничество с Китаем в период активности Ост-Индской компании. Одной из точек соприкосновения финского и китайского общества стал рост в

начале XX века националистических настроений в данных государствах. В тот период государством распространялись на китайскую аудиторию достижения финского общества. Также Финляндия была одним из первых государств, подписавшее торговое соглашение с Китайской Народной Республикой. Впоследствии было создано Финляндско-китайское общество, обеспечивающее культурное сотрудничество данных государств и по сей день. Также свою деятельность на настоящий момент осуществляет Финское Миссионерское общество, знакомя китайское население с культурой евангелическо-лютеранской веры. Несмотря на происходившие в XX веке и происходящие в настоящее время обострения политической ситуации, Финляндия и Китай продолжают сохранять сотрудничество в культурной сфере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Frigren P. Merenkulkijoiden siirtolaisuus: näkökulmia 1700-luvulta nykypäivään. – Siirtolaisuusinstituutti, 2019. – 272 s.

2. Airaksinen T. H. Forming an anti-imperialist national identity in Republican China: The Finnish interpretation // Nations and Nationalism. 2023. №29(1). pp. 364–379.

3. Granberg L. Vakoilija vai tutkimusmatkailija? Mannerheimin matka Keski-Aasiaan ja Kiinaan. //Idäntutkimus. 2024. №3(31). pp. 99-101.

4. Uola M. Suomi ja keskuksen valtakunta: Suomen suhteet Kiinan tasavaltaan 1919-1949: väitöskirja – Kangasalan kirjapaino, 1995. – 360 s.

5. Airaksinen T.H. Suomalaisuus 1900-luvun alun Kiinassa // Historiallinen Aikakauskirja. 2008. №3(106). pp. 241-254.

6. Bickers R. «The Greatest Cultural Asset East of Suez»: History and Politics of the Shanghai Municipal Orchestra and Public Band, 1881-1946. // Taipei: Institute of Modern History, Academica Sinica. 2001. pp. 835-875.

7. Suomen Lähetysseura toimi Kiinassa vuosina 1902-1953 // Suomen Lähetysseura [sivusto]. URL: https://felm.suomenlahetysseura.fi/suomen-lahetysseura-toimi-kiinassa-vuosina-1902-1953/ (дата обращения: 07.04.2025).

8. Heikinheimo A. Suomi-neito ja Idän Jätti käyvät tanssiin: Kiinan kansantasavallan ja Suomen välinen kulttuurivaihto 1950-ja 1960-luvuilla: pro gradu- tutkielma – Helsingin yliopisto, 2016. – 91 s.

9. Litukka S. Suomi-Kiina -seuran ja sen kirjaston rooli kulttuurisen tiedon välittäjänä: pro gradu- tutkielma. – Tampereen yliopisto, 2008. 88 s.

10. Kiina perustaa kulttuurikeskuksen Suomeen – sopimus voimaan huhtikuussa // Valtioneuvosto [sivusto]. URL: https://valtioneuvosto.fi/-/1410845/kiina-perustaa-kulttuurikeskuksen-suomeen-sopimus-voimaan-huhtikuussa (дата обращения: 10.04.2025).

УДК 327

ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОДА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИИ, КИТАЯ, США, ГЕРМАНИИ И ИТАЛИИ

BEHAVIORAL PATTERNS AS A REFLECTION OF CULTURAL CODES: A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIA, CHINA, THE USA, GERMANY, AND ITALY

Е. О. Платова,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
E. O. Platova,
Saint Petersburg State University,
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: st101596@student.spbu.ru

Научный руководитель:
Матвеевская А. С.
E-mail: a.matveevskaya@spbu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности поведения как отражение культурного кода на примере пяти стран: России, Китая, США, Германии и Италии. Основное внимание уделено анализу таких аспектов, как отношение ко времени, коммуникативные практики, восприятие иерархии, деловое поведение и повседневные привычки. Показано, что поведенческие паттерны напрямую связаны с историко-культурным развитием и этнопсихологическими особенностями каждой нации. Выявлена связь между менталитетом и социокультурными моделями, закреплёнными в массовом сознании. Также подчёркнута роль межкультурной компетентности как ключевого навыка эффективной коммуникации в глобальном контексте. Работа основана на современных исследованиях в области межкультурной психологии и культурологии, включая труды Хофстеде, Холла, Тромпенаарса, а также отечественных исследователей. Полученные выводы могут быть полезны в области образования, бизнеса и дипломатии.

Abstract. This article explores behavioral patterns as a reflection of cultural codes using a comparative analysis of five countries: Russia, China, the United States, Germany, and Italy. Key areas of focus include attitudes toward time, communication styles, perception of hierarchy, workplace behavior, and everyday conduct. The study demonstrates that behavioral tendencies are deeply rooted in the historical and cultural contexts as well as ethnopsychological characteristics of each nation. It highlights the connection between mentality and culturally shaped social models. Special emphasis is placed on intercultural competence as a crucial skill for effective communication in a globalized world. The article draws upon contemporary research in intercultural psychology and cultural studies, referencing the works of Hofstede, Hall, Trompenaars, and leading Russian scholars. The findings are relevant for education, international business, and diplomacy.

Ключевые слова: КУЛЬТУРНЫЙ КОД, ЭТНОПСИХОЛОГИЯ, ПОВЕДЕНИЕ, МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ, МЕНТАЛИТЕТ, ДЕЛОВАЯ КУЛЬТУРА, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ, ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Key words: CULTURAL CODE, ETHNOPSYCHOLOGY, BEHAVIOR, INTERCULTURAL COMMUNICATION, MENTALITY, BUSINESS CULTURE, NATIONAL CHARACTERISTICS, HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT

Понимание культурных различий и их влияния на повседневное поведение людей становится особенно актуальным в условиях глобализации, когда взаимодействие между представителями разных культур происходит всё чаще — как в деловой, так и в частной сферах. Поведение человека во многом определяется не только индивидуальными психологическими чертами, но и глубинными установками, сформированными в рамках определённого культурного кода. Культурный код, в данном случае, понимается как совокупность устойчивых норм, ценностей и символических смыслов, характерных для конкретного общества [1].

Культурный код проявляется не только в символах и традициях, но и в поведении индивида, отражая менталитет народа — глубинные установки, исторически сложившиеся способы мышления и эмоционального реагирования. Исследования показывают, что различия в менталитете находят выражение в повседневных действиях: от форм приветствия и стиля общения до восприятия личного пространства и отношения к авторитету.

Анализ поведенческих особенностей представителей различных культур невозможен без обращения к фундаментальным теориям культурных измерений, разработанным Э. Холлом, Г. Хофстеде, Ф. Тромпенаарсом и Р. Льюисом. Эти исследователи заложили теоретическую основу для интерпретации различий в мышлении, ценностях и поведенческих паттернах между народами.

Герт Хофстеде выделил шесть ключевых измерений национальных культур, которые позволяют выявить системные различия в общественном поведении: дистанция власти, индивидуализм–коллективизм, избегание неопределенности, маскулинность–фемининность, ориентация на долгосрочную перспективу и снисходительность–сдержанность. Например, высокая дистанция власти, характерная для России и Китая, предполагает принятие иерархии и вертикальных социальных структур, что отражается в уважительном отношении к авторитету и подчинённости в деловом общении. Напротив, в странах с низкой дистанцией власти, таких как Германия и США, доминирует ориентация на равенство и горизонтальные формы взаимодействия [2].

Фонс Тромпенаарс, в свою очередь, предложил семь дихотомий культурных ориентаций, среди которых особенно значимыми являются универсализм/партикуляризм, индивидуализм/коммунитаризм и нейтральность/эмоциональность. Так, в США доминирует универсалистская установка, акцентирующая значение общих правил и норм, тогда как в Италии и России распространён партикуляристский подход, допускающий гибкость норм в зависимости от контекста или личных связей. Это напрямую влияет на поведенческие сценарии в деловой среде, правоприменении и социальных взаимодействиях [3].

Модель Ричарда Льюиса дополняет эти подходы, вводя типологию линейно-активных, мультиактивных и реактивных культур. США и Германия

относятся к линейно-активным культурам — организованным, планирующим и ориентированным на задачи. В то время как Италия и Россия демонстрируют мультиактивность — склонность к многозадачности, гибкому графику и эмоциональной вовлечённости. Китай же представляет реактивную культуру, сосредоточенную на слушании, уважении и ненарушении гармонии, что сказывается на стиле коммуникации и построении межличностных отношений [4].

Эдвард Холл предложил разделить культуры в зависимости от характера использования ими пространства и времени на высококонтекстные и низкоконтекстные, а также культуры с преобладающим монохромным или полихромным использованием времени [1].

Сравнительный анализ теорий показывает, что поведенческие различия между культурами систематичны и поддаются типологизации. Эти различия обусловлены не столько индивидуальными особенностями личности, сколько глубинными культурными установками, передающимися из поколения в поколение. Таким образом, модели Холла, Хофстеде, Тромпенаарса и Льюиса обеспечивают теоретическую рамку для интерпретации и предсказания культурно-обусловленного поведения.

Отношение ко времени — один из самых ярких индикаторов культурных различий. Как отмечал Эдвард Холл, культуры можно условно делить на монохронные и полихронные [1]. Германия и США — яркие представители монохронного типа. В этих странах высоко ценится пунктуальность, чёткое планирование и следование графику. В Германии задержка может рассматриваться как проявление непрофессионализма, а в США — как неуважение к партнёру. Ричард Льюис отнёс эти культуры к линейно-активным: они структурируют свою деятельность последовательно и рационально. Китай — культура с долгосрочной временной ориентацией по Хофстеде. Здесь время рассматривается скорее как цикл, чем как линейная последовательность. При этом стратегическое мышление и терпеливость являются ценными качествами. Россия и Италия демонстрируют полихронность, особенно в повседневной жизни. В этих странах отношение ко времени более гибкое: дела могут решаться параллельно, возможны отклонения от графика ради личных или контекстуальных факторов. Такая установка коррелирует с высокой терпимостью к неопределенности и партикуляристской культурой по Тромпенаарсу [3].

Коммуникативные особенности. Коммуникативный стиль тесно связан с культурной дистанцией, контекстуальностью и эмоциональностью общения. США и Германия — страны с низким контекстом по Холлу. Коммуникация здесь прямолинейна, чётка, основана на логике и аргументации. Ценится ясность и прозрачность намерений. Особенно в немецкой культуре важна точность формулировок — «что сказано, то и имеется в виду». Россия и Италия — культуры более высококонтекстные. Здесь важную роль играют невербальные сигналы, интонация. Общение может быть эмоционально насыщенным, особенно в Италии, где выражение чувств является социальной нормой. Китай — пример высококонтекстной и реактивной культуры [4]. Здесь предпочтение отдаётся

косвенным, дипломатичным формам выражения. «Сохранение лица» (mianzi) является ключевым элементом межличностного общения. Недосказанность — не недостаток, а форма уважения.

Отношение к иерархии и авторитету. По Хофстеде, отношение к власти и социальной дистанции варьируется в зависимости от культурного кода. Китай и Россия обладают высокой дистанцией власти. В этих странах авторитет основывается на статусе, возрасте, должности. Решения часто принимаются сверху, иерархичность считается естественной и даже необходимой. США и Германия демонстрируют низкую дистанцию власти. Здесь важна горизонтальность взаимодействия, лидер рассматривается как партнёр, а не как носитель абсолютной власти. В американской культуре акцент на инициативе «снизу», а в немецкой — на компетентности и структурной логике. Италия занимает промежуточную позицию. Формально иерархия важна, особенно в государственных структурах, однако в межличностном плане она может быть гибкой, особенно в рамках «семейного» бизнеса или неформального взаимодействия.

Рабочие привычки и поведение в деловой среде. Германия отличается строгостью к процедурам, вниманием к деталям и ориентацией на качество. Как пишет Льюис, это типичная «линейно-активная» культура: план, дедлайн и чёткая ответственность. США — динамичные, целеустремлённые, с акцентом на результат. Индивидуальная инициатива и соревновательный дух — движущие силы деловой культуры. Типичный принцип — «быстро, эффективно, прибыльно». Китай — здесь рабочие отношения строятся на основе доверия, которое формируется медленно. Решения принимаются коллективно и после длительных переговоров. Особую роль играет иерархия и концепция «гуаньси» — сети личных связей. Россия — комбинация формальной и неформальной структур. С одной стороны, присутствует уважение к иерархии, с другой — высокая роль личных отношений и гибкость в соблюдении формальных процедур. Италия — деловая среда может показаться внешне хаотичной, однако на практике она строится на плотной сети личных контактов и высоком уровне адаптивности. Креативность и импровизация ценятся выше формальной строгости.

Поведение в повседневной жизни. Американцы — ориентированы на индивидуализм, соблюдение личного пространства и позитивную открытость. Стандарты вежливости формализованы, но не всегда предполагают глубокую эмоциональную вовлеченность. Немцы — прагматичны, дисциплинированы, уважают общественные нормы (например, соблюдение тишины в транспорте, сортировка мусора). Часто кажутся сдержанными, но это не признак холодности, а культурной установки на сдержанность. Китайцы — коллективистски ориентированы, поведение в обществе регулируется нормами конфуцианства: уважение к старшим, сдержанность, стремление к гармонии. Россияне — демонстрируют одновременно черты коллективизма (поддержка близких, акцент на сообществе) и индивидуализма (инициативность, личная гордость). В повседневной жизни нередко сочетаются открытая эмоциональность и

прагматизм. Итальянцы — экспрессивны, общительны, легко вступают в контакт. Общество высоко ценит эстетику, еду, общение. Повседневность часто воспринимается как пространство для выражения себя и наслаждения жизнью.

Чтобы глубже понять культурно обусловленные особенности поведения, важно не ограничиваться только наблюдением внешних форм — коммуникации, отношения ко времени или иерархии. За этими паттернами стоят сложные исторические процессы, ценностные установки и этнопсихологические архетипы, формировавшиеся столетиями. Каждая культура несёт в себе «историческую память», которая воплощается в коллективных установках, передаваемых из поколения в поколение [6]. Рассмотрим, как исторические обстоятельства отразились в поведении и менталитете народов пяти стран.

Российский культурный код во многом сформирован суровыми климатическими условиями, исторической непредсказуемостью, длительной авторитарной властью и коллективистскими практиками выживания. Постоянные внешние угрозы (нашествия, войны), резкие перемены власти и экономика дефицита способствовали формированию паттерна адаптивности, терпения и внутренней устойчивости. В посттоталитарных обществах, таких как Россия, доминируют стратегии «ситуационного реагирования» и высокая зависимость от неформальных связей. Это объясняет акцент на личных отношениях в деловой и бытовой сферах, а также склонность к недоверию к институциям. Этнопсихологически важными чертами становятся выносливость, эмоциональная глубина, прямолинейность, смекалка, терпение, а также двойственность поведения: внешняя закрытость при внутренней отзывчивости.

Китай: конфуцианская стабильность и коллективная иерархия. Многовековая история китайской цивилизации, сохранявшей культурную непрерывность даже сквозь смену династий, сформировала уникальный менталитет, базирующийся на конфуцианской этике, культе предков и иерархической социальной структуре. Конфуцианство пропагандирует социальную гармонию, уважение к старшим и долг перед семьёй и обществом. Эти установки объясняют высокую степень самоконтроля, низкую выраженность эмоций и подчёркнутое стремление к «сохранению лица» [7]. Столетиями в китайском обществе поощрялись дисциплина, долгосрочное мышление и уважение к знанию, что сохранилось и в современных трудовых практиках. Этнопсихологически — это культура внутренней сдержанности, усердия, трудолюбия, осторожности, стратегичности, уважения к авторитету и контекстуальности поведения.

Американская культура формировалась на основе протестантской трудовой этики, идей Просвещения и принципов либеральной демократии. Эти установки легли в основу представления о человеке как самостоятельном, рациональном и способном к самоосуществлению [8]. Становление США как нации иммигрантов также сформировало акцент на достижениях и инициативности, а не на происхождении. Социокультурная динамика стимулировала ориентацию на результат, короткий временной горизонт и позитивное мышление. Американцы склонны к самостоятельности, уверенности

в себе, открытости, высокой самооценке, рациональности и ориентации на личный успех.

Германская культурная модель восходит к философским традициям Канта и Гегеля, протестантской дисциплине и бюргерской этике, а также к опыту формирования федеративного государства с сильными региональными идентичностями. Исторический опыт модернизации, индустриализации и строгих правовых систем сформировал культуру структурированности, нормативности и рационального подхода к жизни. Как отмечал Хофстеде, Германия — страна с низкой терпимостью к неопределённости, где ценятся чёткие правила и контроль над процессами [2]. Важными являются такие черты, как интроверсия, высокая ответственность, пунктуальность, честность стремление к объективности и порядку.

Итальянская культура уходит корнями в античность, католицизм, эпоху Возрождения и опыт городов-государств. На протяжении веков Италия существовала как мозаика независимых регионов, что сформировало сильную локальную идентичность и акцент на личных связях. Католическая этика вкупе с эстетизмом Возрождения создала культуру эмоциональности, телесности и чувственного восприятия мира. Итальянцы склонны к гибкости в социальной жизни, высокой экспрессии в общении, импровизации и стремлению к жизненному удовольствию. Итальянцам характерны эмоциональность и экспрессивность, дружелюбие, креативность, высокая социальная чувствительность.

Проведённый сравнительный анализ поведенческих и этнопсихологических особенностей России, Китая, США, Германии и Италии позволил выявить, насколько глубоко поведение людей в повседневной и профессиональной жизни укоренено в историко-культурном контексте и ментальных установках, сложившихся в ходе формирования нации.

Во-первых, показано, что различия в таких аспектах, как отношение ко времени, коммуникативные стратегии, восприятие иерархии, деловые привычки и модели повседневного поведения, обусловлены не просто текущими социальными нормами, но и историческим опытом, господствующими философскими системами, религиозными традициями и типами социального устройства.

Во-вторых, проанализированные поведенческие паттерны демонстрируют тесную связь с ключевыми культурными измерениями (по моделям Хофстеде, Тромпенаарса, Льюиса, Холла), такими как уровень индивидуализма/коллективизма, дистанция власти, контекстуальность коммуникации и отношение к неопределённости. Эти различия не только формируют уникальные национальные стили взаимодействия, но и становятся определяющим фактором в межкультурной коммуникации и международных отношениях.

В-третьих, было выявлено, что эффективное взаимодействие в глобализированном мире требует высокого уровня межкультурной компетентности, предполагающей не столько механическое знание культурных

различий, сколько развитие эмпатии, гибкости, открытости и готовности к адаптации.

Таким образом, особенности поведения — это не произвольный набор привычек, а отражение культурного кода, сложной системы коллективного опыта. Их осознание и уважение — основа конструктивного диалога между народами, построения доверительных отношений и успешного международного сотрудничества. В условиях растущей взаимосвязанности мира такая культурная грамотность становится неотъемлемой частью профессиональной и личной эффективности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Hall, E.T. (1976). Beyond Culture. Anchor Books. – 281c.
2. Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M. Cultures and Organizations Software of The Mind. – 3d edition. – 2010. – 561 с.
3. Trompenaars, F., & Hampden-Turner, C. (2012). Riding the Waves of Culture: Understanding Diversity in Global Business. Nicholas Brealey Publishing. – 259 с.
4. Льюис Р. Столкновение культур. Путеводитель для всех, кто делает бизнес за границей. – М: МИФ, 2013. – 630 с.
5. Маслов А. А. Китай и китайцы. О чем молчат путеводители. – Рипол-Классик, 2014. – 288 с.
6. Matsumoto, D., & Juang, L. (2016). Culture and Psychology (6th ed.). Belmont, CA: Cengage Learning. 532 с.
7. Сюй Х. Особенности китайского национального характера // Молодой ученый. – 2011. – № 2. Т.2. – С. 180–192.
8. Голубь О.В., Тимофеева Т.С., Долгова В.Ю. Особенности этнической идентичности американцев и россиян // Мир науки. Педагогика и психология. – 2022. – №2. – 50 с.
9. Chiu, C.-Y., Gelfand, M. J., Yamagishi, T., Shteynberg, G., & Wan, C. (2010). In search of multicultural competence. Annual Review of Psychology, 61, – С. 499–525.
10. Брайнин И. М. Этнопсихология: Учебник для вузов. – М.: Академический проект, 2004. – 400 с.
11. Соколова Е. Т. Психология индивидуальности: теория и практика психодиагностики. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 384 с.
12. Крушельницкий В. А. Межкультурная коммуникация: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. – 210 с.
13. Садовникова Е. Н. Этническая идентичность и этническое сознание: психолого-социологические аспекты. – М.: ИЭА РАН, 2009. –296 с.
14. Баронин, А.С. Этническая психология. – Киев: Тандем, 2000. – С. 130-173.

УДК 327

ЗНАЧЕНИЕ ПЕРЕКРЕСТНЫХ ГОДОВ ДЛЯ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ И ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И КИТАЯ

THE SIGNIFICANCE OF THE CROSS-YEARS FOR CULTURAL DIPLOMACY AND RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND CHINA

Е. А. Смирнова,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
E. A. Smirnova,
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: st089504@student.spbu.ru

Научный руководитель:
Матвеевская А. С.
E-mail: a.matveevskaya@spbu.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль Перекрестных Годов в развитии культурной дипломатии и укреплении отношений России и Китая. Анализируется исторический контекст культурных связей между странами и их эволюция, начиная с советского периода, и до современности. Особое внимание уделяется значению Перекрестных Годов как эффективного инструмента культурной дипломатии, который способствует углублению взаимопонимания, разрушению стереотипов и формированию позитивного имиджа государств. Исследуется влияние Перекрестных Годов на различные сферы сотрудничества, включая культуру, туризм, спорт, СМИ, образование и экономику. Подчеркивается, что Перекрестные Годы стали уникальной моделью межцивилизационного диалога, которая основана на принципах взаимоуважения и равноправия, а также они способствовали переходу культурного сотрудничества в «реальную экономику». В заключение делается вывод о значимости Перекрестных Годов для двусторонних отношений и их потенциале для дальнейшего развития.

Abstract. The article examines the role of the Cross-Years in the development of cultural diplomacy and the strengthening of relations between Russia and China. The article analyzes the historical context of cultural ties between the countries and their evolution, starting from the Soviet period and up to the present. Special attention is paid to the importance of Cross-Years as an effective tool of cultural diplomacy, which contributes to the deepening of mutual understanding, the destruction of stereotypes and the formation of a positive image of states. The impact of Cross-Years on various areas of cooperation, including culture, tourism, sports, media, education, and economics, is being investigated. It is emphasized that the Cross-Years have become a unique model of inter-civilizational dialogue, which is based on the principles of mutual respect and equality, and they also contributed to the transition of cultural cooperation into the «real economy.» In conclusion, it is concluded that the Cross-Years are important for bilateral relations and their potential for further development.

Ключевые слова: РОССИЯ, КИТАЙ, КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ, ПЕРЕКРЕСТНЫЕ ГОДЫ, РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, СОТРУДНИЧЕСТВО, НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Key words: RUSSIA, CHINA, CULTURAL DIPLOMACY, RUSSIAN-CHINESE RELATIONS, COOPERATION, PUBLIC DIPLOMACY

Советско-китайские, а затем российско-китайские культурные связи прошли через периоды горячей дружбы, идеологического противостояния и, наконец, возрождения сотрудничества. Культурная дипломатия всегда была важным инструментом сближения двух стран, даже в самые сложные годы. Этот процесс достиг своего символического завершения в 2001 г., когда был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, закрепивший новую эпоху взаимодействия. Срок действия Договора составлял 20 лет, однако, доказав свое значение в укреплении российско-китайских отношений, в 2021 г. Он был продлен еще на 5 лет [1].

Культурный диалог между государствами сложился еще в советский период. После Октябрьской революции 1917 г. Советская Россия стала поддерживать революционные движения в Китае. Культурные связи развивались через обучение китайских студентов в Москве и переводы книг русских писателей на китайский язык.

После образования Китайской Народной Республики (КНР) в 1949 г. начался расцвет советско-китайских отношений и культурная дипломатия стала системной, что характеризовалось подписанием Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи в 1950 г., Соглашения о культурном сотрудничестве в 1956 г. и созданием Общества советско-китайской дружбы (ОСКД) в 1957 г., сыгравшее важную роль в советско-китайских культурных отношениях. Кроме того, в период 50-60-х гг. XX в. Китай и СССР обменивались делегациями, большое количество специалистов из Советского Союза отправлялись в Китай по рабочим вопросам, студенты из Китая продолжали приезжать в СССР с целью обучения, проводились научные мероприятия, поскольку советское образование особенно ценилось в Китае [2].

В 1960-1980-е гг. в советско-китайских отношениях из-за ряда проблем случился раскол, в связи с чем культурные связи почти прекратились и только после того, как М. С. Горбачев пришел к власти в СССР, произошел поворот в сторону конструктивного межгосударственного диалога. В 1989 г. Горбачев совершил официальный визит в Китай, в ходе которого глава СССР и Дэн Сяопин обменялись мнениями о том, что двусторонние отношения нормализованы. Данный визит советского лидера в Пекин свидетельствовал о завершении конфронтации.

В 1991 г. после распада СССР Китай признал Россию правопреемницей и заявил о готовности развивать двусторонние отношения. Культурные связи также стали быстро развиваться. Так, уже в 1992 г. было подписано Соглашение о культурном сотрудничестве, а в 1997-1998 гг. проходили Дни культуры Китая в различных городах России при поддержке министерств культуры двух государств.

16 июля 2001 года в Москве был подписан ключевой документ – Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР. В нём, помимо политических и экономических аспектов, особое внимание уделялось углублению и культурных связей и развитию сотрудничества в сфере образования, спорта и туризма. Этот договор закрепил стратегическое партнёрство и открыл новую эру в культурной дипломатии двух стран.

В XXI в. культурное сотрудничество России и Китая стало выходить на новый уровень и приобретать новые формы [3]. Несмотря на то, что оба государства тщательно охраняют свою идентичность, они все равно открыты к межкультурному диалогу. Координирует это взаимодействие, постоянно развивая его, Российско-китайская комиссия по гуманитарному сотрудничеству.

В культурной дипломатии России и Китая есть множество проектов, которые играют особую роль в ее развитии. Одним из таких проектов являются перекрестные Годы. Такая практика стала совершенно новым этапом в двусторонних отношениях. Успешно были реализованы Годы России и Китая в 2006-2007 гг., Годы китайского и русского языков в 2009-2010 гг., Годы туризма в 2012-2013 гг., Годы молодежных обменов в 2014-2015 гг., Годы СМИ в 2016-2017 гг., Годы межрегионального сотрудничества в 2018-2019 гг. и Годы физической культуры и спорта в 2022-2023 гг. 2024 и 2025 гг. были объявлены Годами культуры России и Китая.

До того, как весь мир накрыла пандемия COVID-19, культурные связи были особенно интенсивны и имели большой географический размах, поскольку их развитие происходило не только на федеральном уровне, но и на региональном, вовлекая множество участников, что способствовало росту заинтересованности в дальнейшем сотрудничестве и укреплению взаимного доверия.

В 2006-2007 гг. Россия и Китай впервые провели масштабные перекрестные Годы. Данный проект заложил основу для долгосрочного культурного и гуманитарного сотрудничества между двумя странами, и не только укрепил народную дипломатию, но и стал важным этапом в развитии стратегического партнерства Москвы и Пекина.

Идея проведения перекрестных Годов возникла в рамках углубления российско-китайских отношений, которые к началу XXI в. перешли на качественно новый уровень. В 2001 г. был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, закрепивший курс на всестороннее взаимодействие, но для настоящего сближения народов двух стран требовались не только политические и экономические соглашения, но и живой культурный обмен. Перекрестные Годы России и Китая стали ответом на эту потребность. Проект позволил миллионам граждан двух стран познакомиться с традициями, искусством и современными достижениями друг друга, разрушая стереотипы и формируя устойчивые гуманитарные связи.

В рамках проекта прошли более 500 мероприятий в культурной, торгово-экономической, научно-технической гуманитарной и военной сферах, а также в сфере межрегионального сотрудничества. Кроме того, за два года было наибольшее количество встреч двух государств, за этот период их было десять. Также, правительство КНР приняло решение о вручении российским ученым, политическим и культурным деятелям специальной награды за совершение особого вклада в проведение этого события [4].

Первый опыт перекрестных годов стал одним из успешных в истории российско-китайских отношений. Проект показал, что народная дипломатия может быть такой же эффективной, как политические и экономические механизмы.

В 2009-2010 гг. прошли Годы китайского и русского языков. Идея этих перекрестных годов была основана на понимании того, что именно язык является ключом к взаимопониманию среди народов. Кроме того, проведение года русского языка в Китае совпало с 60-летней годовщиной установления российско-китайских дипломатических отношений. За два года в обеих странах прошли более 400 мероприятий, охватившие образовательные проекты, культурные события и научное сотрудничество, в которых наиболее активное участие принимала молодежь. В рамках годов языков специального были изданы множество книг и пособий, широко практиковались студенческие обмены, проводились литературные вечера и выставки, концерты с участием детей, а также были разработаны программы подготовки научных кадров [5]. В год китайского языка в России планировалось открыть 5 Институтов имени Конфуция в России и 5 Центров русского языка в Китае. Также, более 100 вузов в Китае открыли специальность «русский язык», по которой обучались более 10 тыс. студентов, аналогичные результаты были и в России [6].

Годы национальных языков – это не просто развитие лингвистической базы, а сотрудничество в различных сферах, поэтому данный проект можно назвать торжеством связей России и Китая, так как он имел важные последствия: создание устойчивых механизмов образовательного обмена и укрепление позиции русского языка в Китае и китайского языка в России.

Вслед за успехом Годов России и Китая и Годов национальных языков, в 2012-2013 гг. по инициативе правительств двух стран прошли Годы туризма. Туризм рассматривался в качестве стратегического направления [7], которое способно укрепить взаимопонимание между народами России и Китая, создать новые рабочие места, а также показать реальный, нестереотипный образ страны. За два года в обеих странах прошли более 600 мероприятий. Самым масштабным из них является автопробег «Пекин-Москва» длинной в 12 тыс. км и охвативший более 20 городов. Кроме того, прошли медиапроекты «Здравствуй, Россия» и «Здравствуй, Китай», форум по инвестиционным проектам в области туризма, ряд фотовыставок, конкурсов, был организован тур по изучению китайской культуры «Прекрасный Китай», а также прошел товарищеский футбольный матч ЦСКА в Китае. В 2012 г. российско-китайский взаимный турпоток составил 3,3 млн человек, а за период с января по октябрь 2013 г. – примерно 2,7 млн человек [8].

Перекрестные Годы туризма стали поворотным моментом, который позволил двум странам закрепиться в качестве стратегических партнеров в туристской сфере, а также превратить туризм в реальный инструмент народной дипломатии.

Незадолго до 15-летия со дня подписания Договора о добрососедстве, дружбы и сотрудничества Россия и Китай решили сделать ставку на молодежное сотрудничества и объявили 2014 и 2015 гг. Годами молодежных обменов. За эти два года успешно прошли около 800 мероприятий, среди которых летние лагеря, фестивали, встречи молодых ученых и т. д. Кроме того, были реализованы различные образовательные программы, научно-техническое сотрудничество, культурно-гуманитарные проекты, а также спортивные инициативы. Также были проведены мероприятия в сфере СМИ, археологии, здравоохранения и общественной безопасности. Перекрестные годы также имели экономический

эффект: были привлечены инвестиции в реализацию молодежных стартапов, созданы новые рабочие места и реализованы крупные международные проекты. Особо значимым является то, что перекрестные годы проводились в тот период, когда в отношении России были наложены санкции со стороны Запада. Проведение перекрестных годов и участие китайской молодежи в мероприятиях рассматривались как поддержка России. Именно тогда произошел ключевой перелом в отношении россиян к Китаю [9].

В эпоху информационных войн и современных научно-технических достижений в 2016-2017 гг. прошли Годы обменов СМИ, в рамках которых были проведены более 400 мероприятий, среди которых форумы медиа, круглые столы, кино- и теленедели и др. Важным событием перекрестных годов является создание общей площадки для противодействия лидерства западных СМИ и других недружественных государств в мировом информационном пространстве. Также были реализованы журналистские обмены и взаимные стажировки корреспондентов. В рамках перекрестных годов состоялся официальный визит Си Цзиньпина в Россию, во время которого был подписан ряд документов, а именно Соглашение о сотрудничестве между «ИТАР-ТАСС» и китайским холдингом «Жэньминь жибао», Соглашение между «Первым каналом» и CNV-Satellite TV Program Co Ltd. о выходе в эфир телеканала «Катюша», который стал окном в Россию для телезрителей из Китая и Меморандум о намерениях по взаимодействию в области развития информационного пространства. Помимо этого, сотрудничество китайских телеканалов и российских ВГТРК и RT продолжало развиваться [10]. Перекрестные Годы обменов СМИ стали поворотным моментом в информационном взаимодействии России и Китая, поскольку проект создал механизмы противодействия западной медиагегемонии, доказав, что можно создавать новостную повестку, которая не зависит от стандартов недружественных стран.

На фоне западного давления на Россию и Китай, 2018 и 2019 гг. были объявлены перекрестными Годами межрегионального сотрудничества. Период углубления межрегиональных связей представлял новый этап сотрудничества – переход к системной интеграции региональных экономик. Только за 2018 г. лидеры регионов встречались более 100 раз и подписали более 100 документов, было установлено более 300 дружественных контактов. Созданы успешные механизмы сотрудничества «Янцзы-Волга» и «Северо-Восток Китая и Дальний Восток России». По итогам перекрестных годов между Россией и Китаем значительно вырос взаимный товарооборот: за период с января по июль 2018 г. прирост составил 5,1%, а за аналогичный период 2019 г. – 4,7%. Кроме того, китайский бизнес стал присутствовать в 74 субъектах РФ, а Россия, в свою очередь, заключила договоры о сотрудничестве с 59 регионами Китая [11]. Годы межрегионального сотрудничества стали не просто успешным дипломатическим проектом, а настоящим прорывом в двусторонних отношениях, поскольку доказали, что прочность связей может определяться не только подписанием договоров на высшем уровне, но и настоящим взаимодействием городов и провинций [12].

2022-2023 гг. были объявлены Годами физической культуры и спорта, сделав таким образом акцент на спортивную дипломатию двух стран. За два года

прошли более 200 мероприятий, охвативших массовый спорт, студенческий спорт и спортивную науку. Среди главных спортивных событий, прошедших за этот период, можно выделить зимние и летние Российско-китайские игры, а также Международный фестиваль студенческого спорта в Екатеринбурге, в котором китайские студенты заработали 10 золотых медалей. Также в Москве прошел фестиваль китайских видов спорта и искусств «Кубок Конфуция» и Российско-китайский форму здорового образа жизни. Различные спортивные федерации также поддерживали сотрудничество: российская женская национальная команда провела сборы в Китае и сыграла матчи против китайской сборной, в Пекине прошли шоу и мастер-классы известных российских фигуристов, а тренером национальной сборной Китая по художественной гимнастике стала россиянка Анастасия Близнюк [13]. Годы физической культуры и спорта стали важным инструментом культурной дипломатии, не просто сохранив связь двух народов, а открыв новую главу в сотрудничестве.

2024-2025 гг. стали периодом культурного сближения России и Китая и были объявлены перекрестными Годами культуры по решению Владимира Путина и Си Цзиньпина. Особую актуальность данному проекту придает 75-летие установления российско-китайских дипломатических отношений. На данный момент уже реализованы почти все мероприятия из запланированных 230 в различных сферах искусства: театра, кино, музыки и т. д. В Китае уже состоялись гастроли ведущих российских театров, а именно Большого, Мариинского, Александринского, театра им. Е. Вахтангова и других творческих коллективов [14]. Также успешно проходят и музейные обмены. Свои выставки в Китае показали Третьяковская галерея, Русский музей и музеи Московского кремля. В 2024 г. в Китае прошел «Фестиваль культуры», где со своим концертом выступил русский народный ансамбль «Россия» им. Л. Зыкиной, а Гонконге прошли концерты «Ночь Мастеров», где китайская публика тепло встретила Дениса Мацуева, Ильдара Абдразакова и других выдающихся российских артистов [15].

Всего в перекрестных Годах культуры принимают участие 44 российских региона, мероприятия пройдут в 38 городах России и 51 городе Китая. Данный проект направлен на то, чтобы еще глубже изучить культуру друг друга и познакомиться с достижениями национальных творческих коллективов двух стран.

Перекрестные Годы культуры стали поворотным моментом в культурных отношениях двух стран. Проект доказал возможность формирования независимой системы культурного обмена, которая основана на принципах взаимоуважения и равноправия. Российско-китайское сотрудничество также продемонстрировало пример диалога при сохранении собственной идентичности. Также, проект позволил совершить переход культурного сотрудничества из «мягкой силы» в «реальную экономику», показав коммерческий потенциал творческих коллективов и способствовав привлечению инвестиций и созданию новых рабочих мест в культурной сфере. Кроме того, перекрестные Годы культуры стали своеобразным мостом между прошлым и будущим: соединение культурного наследия двух стран с современными технологиями создала новую модель искусства, укорененного в истории, но обращенного в будущее.

Перекрестные годы России и Китая сформировали уникальную модель межцивилизационного диалога, который выходит далеко за рамки двусторонних

отношений. Проект перекрестных годов показал совершенно новый подход к культурной дипломатии. Вместо навязывания единого стандарта было доказано, что государства могут создавать что-то вместе, а не говорить друг другу, что надо делать, уважать культурные различия и не пытаться всех делать одинаковыми, а также создавать реальные проекты и не ограничиваться обещаниями. За 19 лет модель доказала свою эффективность, став примером для других стран, желающих сохранить свою культуру и при этом активно сотрудничать. В этом и заключается основная цель такого подхода к культурной дипломатии – строить диалог на равных без унификации и давления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Россия и Китай продлили Договор о добрососедстве и дружбе на пять лет URL: https://rg.ru/2021/03/23/rossiia-i-kitaj-prodlili-dogovor-o-dobrososedstve-i-druzhbe-na-piat-let.html (дата обращения: 29.03.2025).
2. Завидовская Е. А. Культурные связи СССР и Китая в 1949-1960 гг. Сборник архивных документов // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. №3. С. 127-135.
3. Жэнь С., Матвеевская А.С., Тараканова Т.С. Китайско-российское сотрудничество и культурные обмены в рамках программы «Один пояс – один путь» // Современные процессы глобализации и регионализации: к новой пространственной организации общества. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2024. – с. 138-143
4. Подведены итоги Года Китая в России URL: https://rg.ru/2007/11/06/kitaj-rossia.html (дата обращения: 29.03.2025).
5. Международное обозрение: Результаты Года китайского языка в России и Года русского языка в Китае поистине значительны URL: http://russian.china.org.cn/news/txt/2010-11/26/content_21431442.htm (дата обращения: 30.03.2025).
6. Справка: Год русского языка в Китае и Год китайского языка в России URL: http://russian.china.org.cn/news/txt/2010-09/25/content_21003040.htm (дата обращения: 30.03.2025).
7. Матвеевская А.С. Исследования международного туризма как фактора мировой политики // Актуальные проблемы мировой политики. Научный альманах. Юбилейный выпуск. 30-лет кафедре мировой политики СПбГУ. СПб. 2024. – С. 110-118.
8. Более 600 мероприятий Годов туризма в Китае и России успешно завершились URL: http://russian.china.org.cn/international/txt/2013-11/23/content_30684557.htm (дата обращения: 01.04.2025).
9. Годы молодежных обменов между КНР и РФ укрепили взаимопонимание стран URL: https://rg.ru/2015/12/11/obmen.html (дата обращения: 01.05.2025).
10. Верченко А. Л. Культурная дипломатия как одна из основ российско-китайских двусторонних отношений. Значение перекрестных годов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2023.
11. Практическое сотрудничество КНР и РФ открыло новую страницу истории URL: https://rg.ru/2019/09/29/prakticheskoe-sotrudnichestvo-knr-i-rf-otkrylo-novuiu-stranicu-istorii.html (дата обращения: 03.04.2025).
12. Matveevskaya A.S., Pogodin S.N., Wang Jun Tao (2020) Russia and China in the field of international tourism. Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies, 2020, vol. 35, issue 2, pp. 384-393. https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.214
13. Россия и Китай провели более 200 спортивных мероприятий в рамках годов сотрудничества URL: https://tass.ru/sport/19022257 (дата обращения: 06.04.2025).
14. Подведены предварительные итоги Года культуры России и Китая URL: https://journal.rhm.agency/news/podvedeny-predvaritelnye-itogi-goda-kultury-rossii-i-kitaya/ (дата обращения: 06.04.2025).
15. Посол РФ: в 2024 году прошло более 115 мероприятий Годов культуры России и Китая URL: https://tass.ru/kultura/22713565 (дата обращения: 06.04.2025).

УДК 327

АМЕРИКАНСКИЕ СМИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ “МЯГКОЙ СИЛЫ”

AMERICAN MEDIA AS A TOOL OF “SOFT POWER” POLICY

Е. М. Хмара,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
E. M. Khmara,
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: st090996@student.spbu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются американские СМИ как инструмент политики “мягкой силы”. Проведен анализ, как медиаконтент, создаваемый США, влияет на восприятие иностранной аудитории, распространяет ценности демократического общества и способствует укреплению культурных связей. В статье также рассматриваются вызовы и ограничения, с которыми сталкиваются американские СМИ в процессе реализации своей “мягкой” политики, включая отсутствие цифровых законодательств и изменение медийного ландшафта в эпоху цифровых технологий. В современном мире регулирование становится затруднительным из-за недостаточного числа обязательств, направленных на защиту цифровых пользователей. Разнообразие участников цифрового пространства приводит к увеличению конфликтов среди пользователей, что, в свою очередь, значительно отражается на политических процессах. Таким образом, указанные факторы создают основу для модернизации и трансформации информационного компонента политики «мягкой силы».

Abstract. Statues are classified in the American way as a tool of soft power policy. The analysis is conducted on how media content created by the United States influences the perception of foreign audiences, spreads the values of democratic society and promotes the development of cultural ties. In these cases, they are divided into two categories: the difficulties of implementing their soft policy, including the lack of digital legislation and the change of the media state shaft in the digital era. In most cases, regulation is necessary due to the insufficient number of obligations aimed at protecting digital users. The diversity of participant spaces leads to an increase in opinion among users, which, in turn, does not necessarily refer to political processes. Also, certain factors are associated with the modernization and information transformation of the component of political soft power.

Ключевые слова: МЯГКАЯ СИЛА, СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ЦИФРОВАЯ ЭПОХА, ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ, ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Key words: SOFT POWER, MASS MEDIA, INTERNATIONAL RELATIONS, DIGITAL AGE, PUBLIC DIPLOMACY, SOCIAL NETWORKS, INFORMATION POLICY, CULTURAL IDENTITY

В современном обществе роль СМИ играют значимую роль, так как они оказывают огромное воздействие на различные процессы. Благодаря стремительному развитию информационно-коммуникационных технологий, возможно быстро искать, анализировать и распространять информацию.

В особенности, пандемия covid-19 качественно изменила потребляемый людьми контент, ускорила получение информации, а также оказала воздействие на количество проведенного времени в Интернете.

В политической сфере прогресс ИКТ привел к таким феноменам, как развитие цифровой дипломатии, медиатизация политики, цифровая трансформация радио- и телевещания. Ряд государств использует средства массовой информации в своих внешне- и внутренне политических интересах. К примеру, создание определенного имиджа страны на международной арене или воздействие на общественное сознание. Подобные методы влияния СМИ можно отнести к политике “мягкой силы”.

СМИ выступают несомненным лидером в формировании мировоззрения и политической культуры общества, а в особенности молодого поколения. Довольно часто можно услышать высказывание, что СМИ – “четвертая ветвь власти”. Фактически, СМИ не обладают настолько независимым положением в информационном пространстве. К примеру, средства массовой информации имеют множество ограничений. Во-первых, существует цензура, которая ограничивает свободу слова СМИ. Так, наиболее жесткая цензура наблюдается в таких странах, как Эритрея, Северная Корея, Туркменистан и другие. Несмотря на то, что согласно статье 19 Всеобщей декларации прав человека, “каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их” [1], правительства вышеперечисленных стран нарушают международный стандарт и запрещают или ограничивают деятельность независимых СМИ. Во-вторых, существуют индивидуальные законодательные ограничения в различных странах. Например, в России 14 июля 2022 года были внесены изменения в закон “О средствах массовой информации”. Отныне деятельность СМИ может быть прекращена, в связи с рядом положений (информация, оскорбляющая человеческое достоинство; призыв к несанкционированным массовым мероприятиям и т. д.) согласно статье 56² закона “О средствах массовой информации” [2]. В-третьих, в некоторых странах существует контроль и монополизация СМИ. Так, в вышеприведенных Эритрее, Северной Корее и Туркменистане средства массовой информации абсолютно подконтрольны государству и осуществляют пропаганду искаженных новостей. Таким образом, термин “четвертая ветвь власти” является лишь метафорой для выражения возрастающего влияния СМИ.

Как известно, политика “мягкой силы” активно реализуется во внешней концепции США. Именно в Америке в 20 веке впервые был использован концепт “soft power”. Основные инструменты “мягкой силы” США основываются на привлекательности американской культуры и внешней политики, также немаловажными аспектами являются американские демократические принципы и национальные ценности.

Считается, что именно с появлением “эффекта CNN” в 1960-х годах информационный фактор “мягкой силы” выходит на первый план, а роль американских СМИ заметно увеличивается, поскольку впервые информационная повестка дня не соответствовала канонам Белого дома. Далее, в период с 1970-1990-е года возрастает роль телевидения на политические процессы США.

Появляются новые “глобальные СМИ”, которые заняли важное место во внешнеполитической деятельности США.

В США существует государственная организация под названием “Агентство глобальных СМИ США”, основной миссией которого является “информирование, вовлечение и объединение людей по всему миру в поддержку свободы и демократии” [3]. В структуру организации входят такие вещательные платформы, как «Голос Америки», радио «Свободная Европа», Управление по иновещанию на Кубу, радио «Свободная Азия», а также Ближневосточные сети вещания, которые включают теле- и радиослужбы на арабском языке.

Двумя основными долгосрочными стратегическими целями агентства являются, во-первых, расширение свободы информации и выражение мнений, а, во-вторых, обмен демократическими ценностями и опытом США.

Согласно статистике, представленной на официальном веб-сайте U. S. Agency for Global Media, в 2019 году еженедельно количество зрителей программ данного Агентства составляло 350 млн человек, 280 млн из которых приходились на программу “Голос Америки” [4].

Агентство обучает специалистов в области средств массовой коммуникации в различных странах для поддержки свободы информации во всем мире. Следовательно, посредством данной организации происходит транслирование национальных ценностей Соединенных Штатов на другие государства. Таким образом, информационная деятельность Агентства глобальных медиа США осуществляет значительное воздействие на различные аспекты зарубежных стран, в том числе продвигая политику “мягкой силы” США.

США являются первыми по количеству телеканалов международного вещания. Согласно рейтингу мировых телеканалов, первое место занимает английский телеканал BBC, однако дальнейшие ведущие позиции сохраняются за американскими телеканалами, такими как CNN, ESPN, HBO и CW [5]. Рейтинг основан на данных о зрителях, собранных BARB (Совет по исследованию вещательной аудитории) в период с 2010 по 2020 года. Популярность американских каналов можно легко объяснить, поскольку США используют ребрендинг канала для определенной страны, а именно каждый канал имеет свое название в разных странах. К примеру, существует американская международная радиокомпания под названием “Голос Америки”, которая в Иране называется Персидская служба новостей, а в Афганистане – Свободный Афганистан. Однако, в Афганистане вещание “Голоса Америки” было прекращено с 1 декабря 2022 года. Касательно Ирана, в 2018 году госсекретарем Майклом Помпео было объявлено о создании круглосуточного телеканала на фарси, предназначенного для распространения вещания на Иран. Основанием для подобного предположения послужил тот факт, что по словам госсекретаря “14 млн иранцев в неделю слушают или смотрят передачи США” [6]. Целью данного предприятия стало намерение развивать отношения между Ираном и США.

Таким образом, успешность данного направления, а именно международной деятельности американских телеканалов, обусловлена, во-первых, наличием возможности напрямую поддерживать связь с зарубежной

аудиторией, при этом получая от них обратную связь. Во-вторых, посредством данной методики возможно формировать общественное мнение на определенные темы, необходимые США [7]. К примеру, телеканал “Голос Америки” осуществляет вещание на 45 языках, что дает возможность американским средствам массовой коммуникации определять международную повестку и подчеркивать определенные проблемы, привлекая к ним международное внимание.

Наиболее внушительного влияния политика “мягкого влияния” США добилась с появлением социальных сетей. Особое развитие в данной сфере произошло в период нахождения на посту Государственного секретаря США Хиллари Клинтон (2009-2013 гг.), которая преобразовала цифровую дипломатию в эффективный инструмент политики. Она положила начало программе обновления традиционной дипломатии США под названием “Государственное управление в 21 веке” [8]. Ключевыми задачами стали информационное противоборство с идеологиями террористических группировок Аль-Каиды, Талибана и др., в том числе установление демократических режимов в ближневосточных странах, таких как Иран, Ливия, Ирак и др., посредством информационной пропаганды в Интернете и мобилизации в социальных сетях активной молодежи.

Пик развития социальных сетей и их становление приходится на 2010-е гг. Как раз в это время начинаются серии протестов на Ближнем Востоке, которые впоследствии будут называться “Арабской весной”. Именно в это период роль социальных сетей заметно усиливается, поскольку мобилизация людей происходит посредством сети Интернет. К примеру, во время протестов в Египте впервые были задействованы социальные сети, благодаря которым на улицы вышли тысячи молодых людей. Использование сети Интернет в организации протестных движений стало важным инструментом в ряде стран Ближнего Востока, Северной Африки и на постсоветском пространстве, однако остальные действия по мобилизации активной молодежи, создание различных интернет-организаций и сообществ, которые создавались с целью пропаганды демократических ценностей, были частью деятельности Государственного департамента США. Для ведения работы из-за рубежа Соединенные Штаты использовали множество подходов, в том числе работа аналитических центров, к примеру, Управление по цифровой дипломати, занимающееся разработкой различных проектов (Диплопедия, TechCamps); исследовательские институты и НПО/НКО [9].

Политический кризис в Венесуэле 2019 года служит отличным примером для описания политического воздействия современных средств массовой информации в осуществлении политики “мягкого влияния”. Международное вещание Государственного департамента США посредством сети Интернет всегда было популярно среди граждан Венесуэлы. Однако, когда 23 января 2019 года правительство США признало Хуана Гуайдо временным президентом Венесуэлы, сразу после призыва вице-президента США Майка Пенса к смене режима Мадуро, по всей стране начались митинги. Некогда популярные американские СМИ потеряли свою аудиторию, а интернет-СМИ Венесуэлы,

наоборот, ее приобрели. В период кризиса произошел резкий рост активности цифровой деятельности в стране. Таким образом, информационное противоборство в интернете может иметь серьезные последствия, в случае с Венесуэлой – смена режима.

На современном этапе роль СМИ значительно возросла, а отдельные акторы социальных сетей (блогеры, инфлюэнсеры) могут создавать новую политическую и медиареальности. В любой момент пост в социальных сетях или организация единомышленников в Твиттере может уничтожить четко спланированную стратегию каналов международного вещания.

Однако, с появлением новых медиа, становится сложно регулировать новую информационную реальность, где на данный момент не заключено нужное количество обязательств для обеспечения безопасности цифровых пользователей [10]. Именно из-за разнообразия акторов цифрового пространства нарастает конфликтность среди пользователей, которая непосредственно влияет на реальную жизнь и политические процессы. Следовательно, эти факторы служат основанием к модернизации и трансформации информационного аспекта политики “мягкой силы”.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Всеобщая декларация прав человека от 10.12.1948. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 09.03.2025)
2. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. N 277-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: https://rg.ru/documents/2022/07/20/document-fz277.html (дата обращения: 06.02.2025)
3. U.S Agency for Global Media. – URL: https://www.usagm.gov/who-we-are/ (дата обращения: 06.02.2025)
4. USAGM Research & Evaluation. – URL: https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2020/02/USAGM-Research-and-Evaluation-02-11-20.pdf (дата обращения: 12.02.2025)
5. Top 10 Most Popular TV Channels in the World 2023. – URL: https://webbspy.com/most-popular-tv-channels-in-the-world/ (дата обращения: 08.02.2025)
6. Выступление Государственного секретаря Майкла Помпео «Поддерживая голос иранского народа» в Президентском фонде и библиотеке Рональда Рейгана. – URL: https://uz.usembassy.gov/ru/supporting-iranian-voices-ru/ (дата обращения: 06.03.2025)
7. Костарева Е. А. СМИ как фактор «мягкой силы» США // Система образования и научных исследований в университетах. 2011. С. 57-73.
8. Непогодин А., Сотак Д. Мир вступает в эпоху информационных войн. Какие угрозы таит цифровое будущее. – URL: https://lenta.ru/articles/2022/10/28/bezrukov/ (дата обращения: 06.02.2025)
9. Сурма И. В. Генезис «цифровой дипломатии» // Дипломатическая служба. – 2017. – № 1 (70). – с. 17-41
10. Цветкова Н., Сытник А., Гришанина Т. Цифровая дипломатия и Digital International Relations: вызовы и новые возможности // Международные отношения № 15. 2022, – с. 174-196.

РАЗДЕЛ V. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

УДК:341.24

ПРОГРЕССИВНОЕ РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА КАК НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ООН

PROGRESSIVE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LAW AS A FOCUS AREA FOR UN SPECIALIZED AGENCIES

Е. А. Борисова,
Тверской государственный университет,
(Тверь, Россия)
E. A. Borisova,
Tver State University,
(Tver, Russia)
E-mail: borisovaa41@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена роли специализированных учреждений ООН в прогрессивном развитии международного права. На примере Международной организации труда (МОТ), Международной организации гражданской авиации (ИКАО), Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и Международной морской организации (ИМО) рассмотрены ключевые направления их нормотворческой деятельности. Анализируются важнейшие конвенции и стандарты, разработанные этими организациями, а также их влияние на национальные правовые системы. Особое внимание уделено адаптации международного права к современным вызовам, включая цифровизацию, экологические угрозы и глобальные пандемии. Делается вывод о значимости многостороннего сотрудничества в формировании устойчивого правового порядка.

Abstract. The article examines the role of UN specialized agencies in the progressive development of international law. Using the examples of the International Labour Organization (ILO), the International Civil Aviation Organization (ICAO), the World Health Organization (WHO), and the International Maritime Organization (IMO), it explores key aspects of their norm-setting activities. The analysis covers major conventions and standards developed by these agencies and their impact on national legal systems. Special attention is given to the adaptation of international law to contemporary challenges, including digitalization, environmental threats, and global pandemics. The article concludes by emphasizing the importance of multilateral cooperation in establishing a sustainable legal order.

Ключевые слова: МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО, ООН, МОТ, ИКАО, ВОЗ, ИМО, ТРУДОВЫЕ СТАНДАРТЫ, АВИАЦИОННОЕ ПРАВО, ГЛОБАЛЬНОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ, МОРСКОЕ ПРАВО, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ, КОНВЕНЦИИ, ПРАВОВЫЕ НОРМЫ, УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ, ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, БЕЗОПАСНОСТЬ, ЦИФРОВИЗАЦИЯ, ПАНДЕМИИ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ

Key words: INTERNATIONAL LAW, UN, ILO, ICAO, WHO, IMO, LABOR STANDARDS, AVIATION LAW, GLOBAL HEALTH, MARITIME LAW, INTERNATIONAL ORGANIZATIONS, CONVENTIONS, LEGAL NORMS, SUSTAINABLE DEVELOPMENT, ENVIRONMENTAL REGULATION, SAFETY, DIGITALIZATION, PANDEMICS, INTERNATIONAL TREATIES

Международное право постоянно эволюционирует, реагируя на глобальные вызовы и потребности современного мира. Важную роль в этом процессе играют специализированные учреждения ООН, которые не только разрабатывают новые правовые нормы, но и обеспечивают их имплементацию на национальном уровне. Среди ключевых организаций, способствующих прогрессивному развитию международного права, выделяются Международная организация труда (МОТ), Международная организация гражданской авиации (ИКАО), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и Международная морская организация (ИМО). Их деятельность «охватывает широкий спектр вопросов — от трудовых стандартов до безопасности транспорта и глобального здравоохранения» [1].

Международная организация труда (МОТ), основанная в 1919 году, является одной из старейших структур, занимающихся регулированием социально-трудовых отношений. Ее уникальность заключается в трипартистной структуре, объединяющей представителей правительств, работодателей и работников. За время своего существования МОТ разработала более 190 конвенций и 200 рекомендаций, устанавливающих минимальные стандарты в сфере труда.

Одним из ключевых достижений МОТ стало принятие Конвенции № 182 о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда (1999 год), которая была ратифицирована всеми странами-членами ООН. Этот документ демонстрирует, как «международное право может влиять на национальные законодательства, приводя их в соответствие с глобальными нормами» [2].

Кроме того, МОТ активно участвует в решении современных проблем, таких как регулирование труда в условиях цифровой экономики. В 2021 году организация приняла Резолюцию о включении безопасных и здоровых условий труда в число основополагающих принципов и прав в сфере труда, что «подчеркивает ее роль в адаптации международного права к новым реалиям» [3].

Международная организация гражданской авиации (ИКАО), созданная в 1944 году, играет ключевую роль в унификации правил воздушного сообщения. Ее основная задача — обеспечение безопасности, эффективности и экологической устойчивости авиации. За десятилетия своей деятельности ИКАО разработала более 12 000 стандартов и рекомендаций, закрепленных в Чикагской конвенции и ее приложениях.

Важным шагом в развитии международного авиационного права стало принятие в 2016 году первого в истории глобального рыночного механизма сокращения выбросов CO_2 в гражданской авиации (CORSIA). Этот механизм, обязательный для всех стран-членов ИКАО, демонстрирует, как «международные организации могут способствовать решению экологических проблем через правовые инструменты» [4].

Еще одним примером прогрессивного регулирования является внедрение стандартов биометрической идентификации пассажиров, направленных на усиление безопасности полетов. ИКАО также активно работает над «правовыми аспектами использования беспилотных летательных аппаратов, что особенно актуально в контексте развития коммерческих дронов и аэротакси» [5].

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) играет системообразующую роль в формировании международно-правовых норм в сфере глобального здравоохранения, осуществляя свою деятельность через разработку нормативных актов, координацию международных усилий и мониторинг соблюдения установленных стандартов. «Особое значение в этом контексте приобретают Международные медико-санитарные правила (2005 г.), представляющие собой юридически обязывающий инструмент, который регламентирует действия государств при возникновении чрезвычайных ситуаций санитарно-эпидемиологического характера» [6]. Данный документ, подвергшийся существенной ревизии после пандемии COVID-19, закрепляет механизмы раннего оповещения, оценки рисков и координации ответных мер, что подчеркивает адаптивность международного права к новым вызовам.

Важным аспектом нормотворческой деятельности ВОЗ является разработка Рамочной конвенции по борьбе против табака (2003 г.), ставшей первым в истории международным договором, полностью посвященным вопросам общественного здоровья. Этот документ «не только установил комплексные меры по сокращению потребления табачной продукции, но и создал прецедент для последующего развития «права глобального здоровья» как самостоятельной отрасли международного права» [7]. В настоящее время ВОЗ активно участвует в разработке нового международного соглашения по пандемической готовности и реагированию, что свидетельствует о ее ключевой роли в формировании посткризисных правовых механизмов.

Особого внимания заслуживает деятельность ВОЗ в области регулирования фармацевтического рынка и контроля за оборотом психоактивных веществ. Через систему международных фармакопей и стандартов качества лекарственных средств Организация осуществляет гармонизацию национальных законодательств, что способствует созданию единого правового пространства в сфере обращения медицинских препаратов. При этом ВОЗ последовательно развивает концепцию «здоровья как права человека», что «находит отражение в ее руководящих принципах и резолюциях, принимаемых Всемирной ассамблеей здравоохранения» [8].

Деятельность ВОЗ в области международного права здравоохранения характеризуется комплексным подходом, сочетающим разработку жестких нормативных инструментов с созданием мягкого права в виде рекомендаций и руководящих принципов. «Эта двуединая стратегия позволяет Организации эффективно реагировать как на текущие вызовы, так и на долгосрочные тенденции развития глобального здравоохранения, укрепляя тем самым правовые основы международного сотрудничества в данной сфере» [10].

Международная морская организация (ИМО) отвечает за создание универсальных стандартов в области судоходства. Ее конвенции охватывают вопросы безопасности мореплавания, предотвращения загрязнения морской среды и защиты прав моряков.

Одним из наиболее значимых достижений ИМО является Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов (МАРПОЛ 73/78), которая установила строгие экологические стандарты для морского транспорта. «В 2020

году ИМО ввела глобальное ограничение на содержание серы в судовом топливе, что привело к значительному снижению вредных выбросов» [11].

Кроме того, организация активно работает над правовыми аспектами автономных судов и кибербезопасности в судоходстве. В 2021 году ИМО утвердила руководство по использованию беспилотных технологий, что свидетельствует о ее способности адаптировать международное право к технологическим инновациям.

Специализированные учреждения ООН играют ключевую роль в прогрессивном развитии международного права, оперативно реагируя на новые вызовы. МОТ, ИКАО, ВОЗ и ИМО демонстрируют, как международные организации могут формировать универсальные стандарты, влияющие на национальные правовые системы. Их работа охватывает широкий спектр вопросов — от трудовых отношений до экологии и здравоохранения, что подчеркивает многогранность современного международного права.

В условиях глобализации и технологических изменений деятельность этих организаций становится еще более значимой, поскольку только совместные усилия государств и международных структур могут обеспечить устойчивое развитие и безопасность в будущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Байков А. А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. – М.: Аспект Пресс, 2012 – 256 с.

2. Бирюков П. Н. Право международных организаций: учебное пособие для вузов / П. Н. Бирюков. – М.: Издательство Юрайт, 2021 – 170 с.

3. Зуева В.Н. Глобальные институты регулирования: учебник М.: Магистр, НИЦ ИНФРА-М, 2016 – 576 с.

4. Кирильченко Д. А. Правовые формы сотрудничества специализированных учреждений с Организацией Объединенных Наций: диссертация ... кандидата Юридических наук: 12.00.10 / Кирильченко Дарья Александровна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»], 2020.- 173 с. – С. 65.

5. Костюнина Г. М. Деятельность специализированных институтов ООН / Г. М. Костюнина // Международные экономические отношения в глобальной экономике: учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. И. Н. Платоновой. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – С. 463-470.

6. Никитин А. И. Миротворчество ООН: обновление принципов, реформирование практики. // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 3. С. 16 – 26.

7. ICAO. (2022). Standards for biometric identification. https://www.icao.int

8. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945). URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121087/6c059cdd6a995ae42b7c633cabdf3d47c9f18fb6/

9. Всеобщая декларация прав человека (Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года). URL:http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

10. Федоров В. Н. Организация Объединенных Наций, другие международные организации и их роль в XXI веке / В. Н. Федоров; МГИМО(У) МИД РФ; ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование). – М.: Логос, 2005 – 940 с.

11. Цыганков П. Политическая социология международных отношений, URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/cugan/02.php

УДК 004.056

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ВЛИЯНИЕ КИТАЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА СТАНДАРТЫ ЗАЩИТЫ ДАННЫХ

CYBERSECURITY IN GLOBALISATION: CHINESE LEGISLATION'S IMPACT ON DATA PROTECTION STANDARDS

Д. Р. Васильева,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)
D. R. Vasileva,
State Institute Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: dariyvas2005@gmail.com
Д. Ю. Филимонова,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)
D. Yu. Filimonova,
State Institute Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: phil_dasha04@mail.ru

Аннотация. В данной статье было рассмотрено законодательство Китая в сфере кибербезопасности, которое усиливает контроль над критической инфраструктурой, локализацией данных и цифровым суверенитетом. Эти меры обеспечивают национальную безопасность, но вызывают международные споры из-за ограничений трансграничных потоков данных и рисков цифрового разделения, требуя глобальной кооперации для выработки единых стандартов. Также в статье рассмотрено лидерство Китая в сфере развития сетей 5G, активно экспортируя технологии через компании вроде Huawei. Обладая огромным рынком, КНР навязывает законы о локализации данных крупным зарубежным компаниям, укрепляя контроль над информацией и усиливая влияние на глобальную кибербезопасность.

Abstract. This article examined China's cybersecurity legislation, which has been shown to strengthen controls over critical infrastructure, data localisation and digital sovereignty. The efficacy of these measures in ensuring national security is not in doubt; however, they have also given rise to significant international controversy due to the restrictions they impose on cross-border data flows and the risks they present to the establishment of a digital divide. The necessity for global cooperation in the development of common standards is therefore paramount. The article further explores China's pioneering role in the development of 5G networks, emphasising the nation's proactive involvement in the exportation of technological capabilities through prominent enterprises such as Huawei. The nation's vast market size has prompted the implementation of data localisation laws for major foreign companies, thereby enhancing its oversight of information and augmenting its influence on global cybersecurity.

Ключевые слова: КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КИТАЯ, ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, 5G ТЕХНОЛОГИИ, ЛОКАЛИЗАЦИЯ ДАННЫХ

Key words: CYBERSECURITY, CHINESE LAW, INFORMATION SECURITY, NATIONAL SECURITY, 5G TECHNOLOGIES, DATA LOCALISATION

С развитием цифрового пространства мировое сообщество всё чаще начало внедрять различные технологии не только в промышленную среду, но и в повседневную жизнь. Несмотря на все плюсы технологического прогресса люди столкнулись с проблемой в сфере безопасности в киберпространстве. Понадобились инструменты для регулирования и контроля не только за технологиями, но и за безопасностью на социальных платформах. Влияние на международную кибербезопасность оказывают многие страны с развитыми технологиями. Одной из технологически развитых стран является Китайская Народная Республика. Государство активно продвигает инициативы и разрабатывает законы по регулированию своего киберпространства, что затрагивает в итоге и мировое сообщество.

В условиях стремительной цифровизации экономики и социальной сферы Китай активно формирует правовую базу, направленную на минимизацию киберугроз и укрепление национального цифрового суверенитета. Центральное место в этой системе занимают три ключевых законодательных акта: «Закон о кибербезопасности», «Закон о защите персональных данных» и «Закон о государственной безопасности».

В первом упомянутом законе можно выделить несколько главных полномочий и требований: локализацию данных, контроль над критической информационной инфраструктурой, суверенитет данных и борьбу с киберугрозами. Локализация данных подразумевает под собой Обязательное хранение критически важных данных и персональной информации граждан КНР на серверах, расположенных на территории страны. Также стоит упомянуть, что трансграничная передача данных требует одобрения от государственных органов. Ещё одним требованием, прописанным в статьях 31 и 38 «Закона о кибербезопасности» является контроль над критическими секторами, к которым можно отнести государственные онлайн-сервисы, цифровые коммуникации, экономику, финансы и транспорт. Вследствие данного требования операторы обязаны проводить ежегодные проверки безопасности и предоставлять её результаты высшим органам власти. Суверенитет данных в контексте китайского законодательства подразумевает безусловный приоритет государственного контроля над киберпространством, что обеспечивается через централизованное регулирование цифровых процессов и инфраструктуры. Этот принцип выражается в установлении жёстких ограничений на использование технологий, которые могут потенциально угрожать национальной безопасности, включая запрет на внедрение иностранных решений, не соответствующих стандартам КНР. Государство сохраняет исключительное право определять допустимые рамки работы с данными, минимизируя влияние внешних факторов на критически важные информационные системы. Борьба с киберугрозами предусматривает классификацию информационных систем по степени важности, обязательное внедрение мер безопасности, соответствующих уровню риска, и реализуется через нормативные акты и методические рекомендации [1, 2].

«Закон КНР о защите персональных данных взаимодействует с «Законом о кибербезопасности». Данные законы требуют хранения критически важных данных, включая персональные, на территории КНР для обеспечения национальной безопасности. «Закон о защите персональных данных» закрепляет права пользователей, такие как информированное согласие на обработку данных, право на исправление и удаление данных, право на прозрачность [3, 4].

Контроль над критической информационной инфраструктурой в рамках Закона КНР «О государственной безопасности» реализуется через защиту ключевых секторов: экономики, финансов, энергетики, продовольственной безопасности, культурно-духовной сферы, экологии и ядерной безопасности. Данные секторы признаны критически важными для суверенитета и устойчивого развития страны. Закон обязывает государство разрабатывать профилактические меры, совершенствовать механизмы защиты и обеспечивать централизованное управление безопасностью под руководством Коммунистической партии Китая. Защита информационной инфраструктуры интегрирована в общую систему безопасности, включая обеспечение информационно-сетевой безопасности, что подразумевает под собой контроль над данными и сетями для предотвращения внутренних и внешних угроз, а также координацию социально-экономического развития с требованиями, продиктованными национальной безопасностью [5].

Цифровое пространство Китайской Народной Республики имеет свою специфику. Политика Китая направленна на независимость страны в сфере информационных технологий и IT. Эта страна занимает лидирующие позиции в мире по внедрению технологии связи пятого поколения 5G, опережая многие развитые страны, включая Великобританию, США, Южную Корею, Японию и государства Евросоюза. По имеющимся данным на конец 2021 года, в КНР было развернуто более 1,425 млн базовых станций 5G, что составляло свыше 60% от их общемирового количества. К августу 2022 года их число превысило 2,1 млн, при этом только за первые восемь месяцев года было построено 677 тыс. новых станций [6, 7]. Активное развитие инфраструктуры обеспечило стремительный рост пользователей. Но Китай также активно содействует распространению 5G за рубежом. Ключевую роль в этом играют национальные технологические компании, прежде всего Huawei. В 2019 году Huawei заключила более 60 контрактов на строительство сетей 5G в 28 странах Евросоюза, а также в государствах Азии, Африки, Латинской Америки и Ближнего Востока. Несмотря на политическое давление со стороны США и их союзников, китайские компании сохраняют сильные позиции на глобальном рынке телекоммуникаций [8, 9].

Китай имеет колоссальное влияние на международную сферу безопасности в киберпространстве из-за второго по величине потребительского рынка в мире и может оказывать давление на зарубежные корпорации, устанавливая правила на своих условиях. Например, такие компании как Disney, предоставляют свои фильмы, кино, мультфильмы переснятыми специально для китайской аудитории, чтобы их допускали в прокат по Китаю. Тоже касается и таких крупных производителей как Apple и Tesla. Так в 2018 г. компания Apple передала в управление местной компании GCBD, которая была под контролем китайского правительства, iCloud-данные китайских пользователей, потому что в КНР

существуют законы о кибербезопасности и защите персональных данных в которых написано, что все личные данные о пользователе, принадлежащий к китайскому гражданству, должны находиться только в Китае. А в 2021 г. компания Tesla открыла центр обработки данных в Шанхае, чтобы не нарушать этого закона о локализации информации о китайских пользователях [10].

В результате можно сделать выводы о том, что законодательство Китая о кибербезопасности, в частности Закон 2017 года, значительно влияет на международную кибербезопасность. Увеличенные полномочия властей обеспечивают больший доступ к данным, что вызывает опасения по поводу конфиденциальности. Это законодательство также имеет геополитические последствия, так как ужесточение правил может привести к цифровому разделению между Китаем и Западом, а также к конфликтам интересов. В целом, китайское законодательство создает новые вызовы для глобального бизнеса и безопасности, подчеркивая необходимость международной кооперации для выработки единых стандартов в области кибербезопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Балакин Д. А., Аликберова А. Р. Особенности Закона о кибербезопасности Китайской Народной Республики 2017 г. и международная реакция на его принятие // Modern oriental studies. 2023. № 2. С. 152-163.
2. Трубицын С. Д., Остапенко А. А., Чекменёва Т. Г. Особенности информационной политики и способы обеспечения информационной безопасности Китая: исторический и философский аспекты // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2020. № 1. С. 222-234.
3. Чернусь Н. Ю., Сунь Юйпэн. Проблемы защиты персональных данных в России и Китае: сравнительно-правовой анализ // Юридическая наука и практика. 2023. № 3. С. 69-77.
4. Гун Нань. Защита персональных данных в китае: законодательство в цифровую эпоху // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2023. №1. С. 159-172.
5. Рожкова А. К., Черных А. Б. К вопросу о сущности государственной безопасности: опыт российской федерации и китайской народной республики // Социология и право. 2021. №3. С. 63-70.
6. Китай отказывается от иностранных компьютерных технологий // Ведомости URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/12/10/818320-kitai-inostrannih-tehnologii (дата обращения: 10.04.2025).
7. Опыт Китая в защите национального киберсуверенитета // Международная жизнь URL: https://interaffairs.ru/news/show/38218 (дата обращения: 10.04.2025).
8. В Китае устойчиво растет число базовых станций 5G // RG.RU URL: https://rg.ru/2022/09/22/v-kitae-ustojchivo-rastet-chislo-bazovyh-stancij-5g.html (дата обращения: 10.04.2025).
9. Официально: почти миллиард пользователей Интернета в Китае // ixbt.com URL: https://www.ixbt.com/news/2021/02/28/oficialno-pochti-milliard-polzovatelej-interneta-v-kitae.html (дата обращения: 10.04.2025).
10. Apple’s China Dependency Spooks Investors After Ban // The Wall Street Journal URL: https://www.wsj.com/tech/apples-china-dependency-spooks-investors-after-ban-3ad4f23c?mod=Searchresults_pos8&page=1 (дата обращения: 10.04.2025).

УДК 327

ВЛИЯНИЕ ТУРЦИИ НА ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЧЕРНОМОРСКИХ ПРОЛИВОВ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВА

TURKEY'S INFLUENCE ON THE LEGAL REGIME OF THE BLACK SEA STRAITS: INTERNATIONAL LEGAL ANALYSIS OF SECURITY AND COOPERATION

А.И. Житенева,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)
A.I. Zhiteneva,
State Institute Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: zhtnva@icloud.com
А.А. Коровникова,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)
A.A. Korovnikova,
State Institute Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: kiillerqueen@mail.ru

Аннотация. Вопрос о проливах Босфор и Дарданеллы имеет многовековую историю. Данная статья посвящена режиму Черноморских проливов, который имеет решающее значение для международной безопасности и сотрудничества в регионе. В статье также анализируется история режима водных артерий. Исследование основано на международно-правовом анализе последнего договора, закрепившего положение проливов Босфор и Дарданеллы и Мраморного моря, а именно – Конвенции Монтре. Подробно рассматриваются условия договора и ограничения для черноморских и нечерноморских держав. Кроме того, в статье уделяется внимание вопросу о безопасности региона и роль Турции в ее обеспечении. Обсуждение вышеперечисленных вопросов дает возможность проанализировать текущее правовое положение Черноморских проливов.

Abstract. The issue of the Bosphorus and Dardanelles Straits has a centuries-old history. This article is devoted to the regime of the Black Sea Straits, which has a key importance for international security and cooperation in the region. The article also briefly analyzes the history of waterway regime. The study is based on the international legal analysis of the last treaty that established the status of the Bosphorus and Dardanelles and the Sea of Marmara, namely the Montreux Convention. The terms of the treaty and restriction for Black Sea and non-Black Sea powers. In addition, the article pays attention to the issue of regional security and Turkey's role in ensuring it. Discussion of the above issues provides the opportunity to analyze the current legal status of the Black Sea Straits.

Ключевые слова: ТУРЦИЯ, БОСФОР, ДАРДАНЕЛЛЫ, ПРОЛИВ, КОНВЕНЦИЯ МОНТРЕ, ЧЕРНОЕ МОРЕ, МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Key words: TURKEY, BOSPHORUS, DARDANELLES, STRAIT, MONTREUX CONVENTION, BLACK SEA, INTERNATIONAL LAW

Босфор и Дарданеллы – черноморские проливы, имеющие важное стратегическое значение в глобальной политике и международной торговле. Тот факт, что проливы расположены в самой оживленной точке мировых транспортных и торговых путей, делает их ключевыми факторами в вопросах региональной безопасности, военно-морского контроля и экономического взаимодействия. Важность международной торговли, экономических, социальных, культурных и военных связей сделали Босфор и Дарданеллы незаменимым транспортным маршрутом не только для прибрежных стран, но и для государств, не имеющих выхода к Черному морю. Влияние международных договоров определяет их правовой статус, что делает тему регулирования данных водных путей актуальной в условиях современной геополитической ситуации.

В период существования Османской Империи турецкие проливы, включающие в себя Босфор, Дарданеллы, а также соединяющее их Мраморное море, играли стратегически важную роль, поскольку они представляли собой единственный в своем роде проход между Черным и Средиземным морями. После взятия османами Константинополя в 1453 году они усилили проливы, построив укрепления Анадолухисары и Румелихисары. В период расцвета Османской Империи в XVI-XVIII веках султаны и паши рассматривали акваторию Черного моря как «османское озеро» и использовали проливы для еще большего расширения своего влияния. Международные договоры, такие как Лондонская конвенция 1841 года, регулировали проход военных кораблей через проливы, ограничивая доступ для держав, не являвшихся союзниками Османской Империи [1]. Во время Первой мировой войны османы блокировали проливы, что существенно повлияло на положение некоторых стран, в том числе Российской Империи. Дарданелльская операция, проведенная странами Антанты в 1915 году, завершилась неудачно, поэтому османы смогли сохранить прежний контроль над своими проливами. Однако в 1918 году было подписано соглашение о перемирии между Великобританией и Османской Империей, согласно которому последняя была вынуждена освободить проливы для занятия их войсками стран Антанты [2]. Следующим документом, определившим режим Черноморских проливов, стала Лозаннская конвенция 1923 года. Она предусматривала свободный проход военных судов всех стран, что ставило черноморские страны в затруднительное положение. Данная конвенция так и не была ратифицирована СССР [2].

Лозаннская конвенция была заменена Конвенцией Монтре в 1936 году. С тех пор режим Черноморских проливов определяется именно этим документом, который был подписан такими странами как Турция, СССР, Австралия, Болгария, Великобритания, Греция, Румыния, Югославия, Франция и Япония. В 1938 году к Конвенции присоединилась Италия, а позже – Кипр. Этот международный договор закрепил за Турцией суверенитет над этими стратегически важными водными артериями, что является важным аспектом международного права, однако и другие государства получили некоторые преимущества. В мирное время торговые суда имеют право пользоваться проливами [3], за что взимается определенная плата, которая повышалась очень редко, а с 1980-х и вовсе оставалась неизменной. Однако в 2023 году Турция подняла стоимость пользования проливами до 4,42 долларов за франк, а в 2024 году – до 5,07 долларов за франк,

дабы обеспечить приток валюты в государство [4]. Кроме того, каждое судно подвергается санитарному осмотру. В период военных действий, в которых не участвует Турция, судам также разрешено пользоваться проливами. В случае, если Турция является участником войны, воюющим против нее странам запрещен проход по данному водному пути, остальные государства вправе продолжать использование проливов только в дневное время суток, тот же порядок актуален для случаев, когда Турция находится на грани военного конфликта. Для военных кораблей Конвенция Монтре устанавливает похожие, но не идентичные условия. Черноморские государства имеют право проводить свои военные корабли любого класса в мирное время при условии предварительного уведомления Турции, а именно за восемь суток до прибытия. Нечерноморские государства, напротив, имеют ограничения по классу – только мелкие надводные корабли, небольшие боевые суда и вспомогательные суда; тоннажу – не более 30 тыс. тонн; и по сроку пребывания на территории проливов – не более 21 дня [3]. Вместе с тем такие государства обязаны сообщить о своем прибытии за 15 суток. Следует отметить, что во время войны или ее угрозы Турция может запретить транзит военных судов в любой момент, не уведомляя об этом заблаговременно.

Вопрос безопасности Черноморских проливов традиционно остается ключевым аспектом в регулировании международных отношений региона. Турция играет ключевую роль в обеспечении стабильности и безопасности данных проливов, так как она обладает определенным суверенитетом над Босфором и Дарданеллами. Одним из ключевых вызовов для безопасности региона является военное присутствие России и стран НАТО в Черном море. Турция, как член НАТО, стремится укрепить свое положение, соблюдая свои обязательства перед союзниками и придерживаясь принципа нейтралитета, закрепленного в Конвенции Монтрё. В данном контексте особую значимость имеет статья 19 Конвенции, предоставляющая Турции право закрыть проливы для военных судов в случае войны или ее угрозы, в которой сама Турция не принимает участие. После кризиса в Крыму в 2014 году Турция усилила контроль над проходом российских военных судов, одновременно подтверждая приверженность нормам международного права [5].

В последние десятилетия Анкара приняла ряд и других односторонних мер, направленных на ужесточение прохода судов через проливы, мотивируя это необходимостью предотвращения экологических катастроф и обеспечения безопасности в регионе. Среди таких мер можно выделить следующие: принятие новых версий Регламентов (в 1982, 1994, 1998 годах) и Инструкций по их применению (в 2001 и 2018 годах), а также введение обязательной лоцманской и буксирной проводок (в 1999 и 2018 годах) [5]. Данные действия вызывают споры с точки зрения международного права, так как Конвенция Монтрё предусматривает, что Турция обязана консультироваться с другими участницами конвенции перед введением подобных мер. В противном случае подобные односторонние действия Анкары могут рассматриваться как нарушение норм международного права, в частности, положений конвенции.

Таким образом, Конвенция Монтре, подписанная в 1936 году, сыграла значительную роль в регулировании прохода судов через проливы Босфор и

Дарданеллы, обеспечивая баланс интересов черноморских и нечерноморских держав. Однако, в условиях современных геополитических изменений, конвенция вызывает споры и дискуссии. Невзирая на то, что Конвенция Монтре, с точки зрения международного права, имеет приоритет над другими договорами в регионе, она обязана учитывать принципы международного морского права, такие как, например, свобода судоходства [6]. Конвенция Монтре нарушалась и вызывала споры несколько раз. Особое внимание на нарушения договоренностей Турция обращала в годы Второй мировой войны. Кроме того, возникали трудности с проходом американских кораблей, например, в 2014 году фрегат США USS Taylor значительно превысил лимит пребывания в Черном море. В то время как кораблям нечерноморских держав разрешено проводить на территории проливов не более 21 дня, американский фрегат пробыл в черноморской акватории 32 дня [7].

Несмотря на то, что Конвенция Монтре функционировала относительно стабильно в течение многих лет, в последнее время наблюдается растущее давление на ее пересмотр, особенно со стороны западных держав. Важно учитывать исторический контекст и международно-правовые последствия любых изменений в конвенции, чтобы сохранить региональную стабильность и обеспечить соблюдение принципов международного права.

С точки зрения регионального взаимодействия, Турция активно участвует в Организации Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). Поле вступления в силу Устава 1 мая 1999 года данная инициатива приобрела международную правовую идентичность и превратилась в полноценную региональную экономическую организацию, стремящуюся наладить взаимодействие между своими членами, а также обеспечить мир, стабильность и процветание в регионе, поощряя добрососедские отношения между странами-участницами. В рамках данной организации особое внимание уделяется вопросам экологической безопасности и борьбы с нелегальной деятельностью, включая контрабанду и незаконный промысел [8].

К тому же одним из ключевых направлений внешней политики Турции в Черноморском регионе является развитие трехстороннего сотрудничества с Грузией и Азербайджаном. Данный формат взаимодействия получил официальный статус в 2012 году после проведения трехстороннего саммита министров иностранных дел указанных государств. В ходе встречи обсуждались широкие спектры вопросов, охватывающие как политическое взаимодействие, так и экономическую кооперацию и сотрудничество в рамках сферы энергетики. Также особое влияние было уделено реализации совместных проектов, направленных на укрепление региональной безопасности и транспортной системы стран-участниц [9].

Таким образом, Черноморские проливы продолжают играть стратегически важную роль в международных отношениях, обеспечивая баланс сил в регионе. Конвенция Монтре 1936 года остается основополагающим документом, регулирующим положение Черноморских проливов, однако современные геополитические вызовы порождают дискуссии о необходимости ее пересмотра. Турция, обладая суверенитетом над Босфором и Дарданеллами, выступает

ключевым гарантом стабильности и безопасности региона, одновременно используя правовые механизмы Конвенции Монтре для защиты собственных интересов. В условиях растущих противостояний Турция стремится сохранить баланс между союзническими обязательствами перед НАТО и принципами нейтралитета, что подтверждается усиленным контролем над проходом военных кораблей. Активное участие Турции в региональном взаимодействии может свидетельствовать о ее стремлении не только укрепить свое влияние в регионе, но и способствовать его экономическому развитию и безопасности. Следует отметить, что, несмотря на значительный прогресс, в настоящее время в конвенциях нет четкого определения проливов, что остается ключевой проблемой в международном морском праве. На основе анализа можно сделать вывод, что регулирование Черноморских проливов остается актуальной темой в международном праве, требующей адаптации к новым реалиям мировой политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ирхин А.А. Модели функционирования режима Черноморских проливов: 1783-2018 гг. И национальные интересы России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2018. – №4(40). – С. 70-80.
2. Борков А.В., Ильин А.В. Черноморские проливы и советско-турецкие отношения в 1917-1923 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – С. 36-46.
3. Конвенция «О режиме проливов» от 20.07.1936 // Официальный интернет-портал правовой информации.
4. Турция повысит цены на проход судов через Босфор и Дарданеллы // LENTA.RU URL: https://lenta.ru/news/2024/06/13/turtsiya-povysit-tseny-na-prohod-sudov-cherez-proliv-bosfor (дата обращения: 10.03.2025).
5. Аватков В.А., Гудев П.А Геополитика российско-турецких отношений в Черноморском регионе // Вестник РУДН. – 2021. – №3. – С. 355.
6. Черноморские проливы: работает ли конвенция Монтре? // BBC NEWS русская служба URL: https://www.bbc.com/russian/international/2015/12/151210_turkish_straits_law (дата обращения: 10.03.2025).
7. Конвенция о режиме проливов (Конвенция Монтре) 1936 года // Риа новости URL: https://ria.ru/20140708/1015160137.html (дата обращения: 11.03.2025).
8. Organization of the Black Sea Economic Cooperation // BSEC URL: https://bsec-organization.org/ (дата обращения: 16.03.2025).
9. Делитель Н. Влияние внешней политики Турции в Черноморском регионе на политику глобальных и региональных акторов современного мира // Известия Саратовского университета. – 2020. – №2. – С. 236-241.
10. Гекхан А., Реджеп С. Турецкие проливы и концепция турецких проливов // Этносоциум и межнациональная культура. – 2023. – №7(181). – С. 80-87.

УДК 341

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА УНИТАРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ С ПОЗИЦИИ КОМПОРАТИВИСТИКИ

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF UNITARY ENTERPRISES FROM THE POSITION OF COMPORATIVISM

А. К. Иванисенко,
Северо-Западный институт управления — филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
(Санкт-Петербург, Россия)
A. K. Ivanisenko,
North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: andrey.ivanisenko@mail.ru

Аннотация. Унитарные предприятия в данном историческом периоде во многом стремятся самостоятельно участвовать в экономическом и гражданско-правовом обороте страны. В компоративистском ключе, зарубежные аналоги унитарных предприятий могут различаться по странам и отраслям, но в целом их можно назвать государственными предприятиями или государственными корпорациями. Эти типы организаций работают в собственности правительства и встречаются в различных отраслях, таких как энергетика, транспорт, здравоохранение и так далее. По сравнению с унитарными предприятиями в России зарубежные аналоги могут обладать большей автономией и независимостью, когда речь идет о принятии решений и управлении финансами, хотя их конкретные правила и положения могут различаться в зависимости от страны. Как правило, государственные предприятия создаются для достижения стратегических целей, которые правительство считает важными, таких как национальная безопасность и экономическое развитие. Государственными унитарными предприятиями монопольно осуществляются определенные, чаще всего уставные виды экономической деятельности (например, хранение денежных знаков, посредничество в торговле продукцией военного назначения, производство, изготовление и переработка наркотических средств и психотропных веществ, производство алкогольной продукции, а также транспортировка объектов, изъятых из гражданско-правового оборота). Осуществляя социально приоритетные функции в области производства и общественного потребления, выступая в качестве обязательного подрядчика по государственным заказам, тем самым участвуя в научно-техническом поддержании экономики и менеджмента страны, становятся основным ретранслятором воли государства в гражданско-правовом обороте. То есть, можно констатировать, что таким образом государство осуществляет публичные интересы в имущественной сфере в условиях рынка и влияния частнопредпринимательских рисков.

Abstract. Unitary enterprises in this historical period are in many ways to independently participate in the economic and civilian turnover of the country. In a comporativism, foreign analogues of unitary enterprises can vary in countries and industries, but in general they can be called state-owned enterprises or state corporations. These types of organizations work in the

property of the government and are found in various industries, such as energy, transport, health and so on. Compared to unitary enterprises in Russia, foreign analogues can have more autonomy and independence, when it comes to decision -making and financial management, although their specific rules and provisions may vary depending on the country. As a rule state enterprises are created to achieve strategic goals, which the government considers important, such as national security and economic development. State unitary enterprises monopolinely carry out certain, most often statutory types of economic activity (for example, storage of banknotes, mediation in the trade in military purposes, the production, manufacture and processing of narcotic drugs and psychotropic substances, the production of alcoholic beverages, as well as the transportation of objects withdrawn from civil law circulation). Carrying out socially priority functions in the field of production and public consumption, acting as a compulsory contractor for state orders, thereby participating in the scientific and technical maintenance of the country's economy and management, become the main retranstlator of the state of the state in civil law turnover. That is, It can be stated that in this way the state carries out public interests in the property sphere in the conditions of the market and the influence of private entrepreneurial risks.

Ключевые слова: КОМПОРАТИВИСТИКА, УНИТАРНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ, МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Key words: COMPORATIVISM, UNITARY ENTERPRISES, INTERNATIONAL LAW

Унитарные предприятия (далее – «УП») в России функционируют на основе специфического правового статуса, установленного Гражданским кодексом [1]. Они не обладают правом собственности на имущество, что определяет их уникальную роль в корпоративной структуре и требует особого подхода к управлению и контролю.

В романо-германской правовой системе унитарное предприятие (или единоличное предприятие) — это организация, не имеющая правосубъектности и не считающаяся отдельным от своего собственника лицом. Концепция унитарного предприятия уникальна для систем гражданского права и не имеет прямого эквивалента в юрисдикциях общего права.

Некоторые примеры зарубежных аналогов унитарных предприятий в юрисдикциях гражданского права включают «entreprise individuelle» во Франции, «Einzelunternehmen» в Германии и «impresa Individuale» в Италии. Эти типы организаций также не являются юридическими лицами, и их владелец несет личную ответственность по долгам и обязательствам бизнеса.

Еще в древнеримском праве, которое признавало «societas universorum bonorum» — тип товарищества, в котором каждый партнер нес солидарную ответственность по обязательствам товарищества, можно проассоциировать данную институцию с неким аналогом унитарного предприятия в целях сравнения. В средние века подобные партнерства использовались в Северной Италии, особенно в городах: Венеция, Флоренция и Генуя. Эти товарищества зачастую участвовали в международной торговле и стали отчасти римскими предшественниками современных унитарных предприятий.

История выведения специальных аналогов унитарного предприятия в различных областях хозяйствования весьма актуальна у отдельных представителей романо-германской правовой семьи.

Так, например, Российская Федерация к сочинской олимпиаде 2014 года учредила государственную корпорацию «Олимпстрой» при помощи принятия

отдельного федерального закона [3], который унифицировал статус данного предприятия.

С одной стороны, метод создания, организации и ликвидации очень схож с механиками, прописанными в Федеральном законе «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» [1]. Также указано на то, что государственная корпорация не отвечает по долгам и обязательствам Российской Федерации, справедливо и наоборот, то, что Российская Федерация не отвечает по долгам и обязательствам государственной корпорации, также, как и в правоотношениях унитарных предприятий с Российской Федерацией.

Но существенно то, что государственная корпорация создана в целях контроля и постройки объектов недвижимого имущества в городе Сочи и является некоммерческой структурой с исключениями, не распространяющимися на государственную корпорацию положений Федерального закона «О некоммерческих организациях» [4]. Заимствована была из Федерального закона «Об акционерных обществах» [5] структура правления, представленная коллегиальным органом, и, в то же время, есть и президент корпорации, который также является единоличным исполнительным органом, что сильно роднит ее с устройством унитарного предприятия.

Данная государственная корпорация – особенный пример квази-предприятия и необычна она тем, что к 2014 году она набрала критическую массу обязательств, не смогла исполнять обязательства перед третьими лицами, но исполнила свои уставные задачи и цели. После принятия Федерального закона [6] был установлен процесс ликвидации государственной корпорации, а также сроки предъявления требований кредиторов.

Основным интересным моментом в банкротном деле государственной корпорации является то, что ввиду прямого ограничения взыскания имущества, относящегося к объектам, построенным государственной корпорацией к олимпийским и параолимпийским играм в Сочи, денежных средств на счетах и иных ценностей, хранящихся на счетах в банках, таким образом, оставив всего лишь одну категорию для взыскания – иное имущество государственной корпорации.

Беспрецедентно и то, что п. 5 ст. 2 Федерального закона № 210-ФЗ [6] постулировал автоматическое удовлетворение всех требований кредиторов – государственных корпораций и в принципе отсутствие права у таких кредиторов на предъявление иска в отношении государственной корпорации «Олимпстрой».

Более того, имущество «Олимпстроя», на которое нельзя обратить взыскание, поступает в казну муниципалитета или государства (п. 6 ст. 2 Федерального закона № 210-ФЗ [6]), которые не отвечают по долгам государственной корпорации «Олимпстрой». Данный факт вызывает парадоксальную коллизию, когда имущество выводится прямо перед кредиторами другому лицу (если смотреть с точки зрения частного права), а они, в свою очередь, не имеют права получить хотя бы какое-либо законное удовлетворение по долгам должника, хотя по законодательству, если юридическое лицо принимает имущество на основании связи с должником, то оно и перенимает его долги в качестве правопреемника, то есть становится его

правопреемником как в отношении его имущества, так и в отношении долгов. Невозможно разделение, и принятия правопреемником только имущества, или только долгов. С точки зрения частного права – это экстраординарная ситуация. В соответствии с банкротным законодательством – это невозможно. Международное право – трактует данную процедуру также как не законную, и в принципе не приемлет отсутствия ответственности публично-правового образования по долгам учрежденного им юридического лица [16].

В целях сравнения, во Франции действует «Électricité de France» и «GDF Suez», являющиеся крупнейшими поставщиками электроэнергии, а также «Commissariat à l'énergie atomique et aux énergies alternatives», занимающийся научной разработкой стратегического назначения в сфере атомной энергетики.

«British Broadcasting Corporation», являющаяся ключевой корпорацией радиовещания в Великобритании обладает статусом статутной корпорации, что позволяет ей иметь особые полномочия, установленные специальным актом парламента и закрепленные в уставе корпорации. Управление угольной промышленностью в Великобритании осуществляется «UK Coal Plc.», которая по организационно-правовой структуре своей является публичной компанией с индивидуализированным статусом.

Для Германии, вышеназванная форма хозяйствования свойственна в финансово-экономическом секторе. «Deutsche Bundesbank» – основной пример. Банк, осуществляющий основные операции по кредитно-финансовой политике Германии.

Интересен тот факт для англосаксонской системы, что государство не отвечает по долгам «своего предприятия». Это довольно необычный постулат для англосаксонского права. Так, во многих англосаксонских прецедентных системах права господствует положения об обязательной ответственности собственника унитарного предприятия или его аналога. Зачастую это достигается простым судебным выведением предприятия из подконтрольности государством. Французский прецедент: дело Radio France et autres c. France [9] – последовательно судом выводится то, что «Radio France» не является сильно зависимой от государства, а подотчетность государственной структуре не приводит к тому, что собственником является государство. К тому же, по закону если организация получает от государства финансирование и имеет общественные задачи (очень похоже на уставные задачи в романо-германской правовой семье), то в отношении этой компании должен быть установлен режим, который будет гарантировать независимость юридического лица [10]. И, следовательно, суд приравнивает такую компанию к прочим коммерческим частным компаниям.

Похожая практика имеется в Великобритании – case of Costello-Roberts v. The United Kingdom [7]. Судьи, рассуждая о наказаниях в школах, перешли к рассуждениям относительно ответственности государства за школьные государственные и школьные частные организации. Единогласно судьи, в том числе помимо судебного решения еще и в прилагаемых особых позициях к делу (совместное мнение судей Rolv Einar Rasmussen Ryssdal, Thór Vilhjálmsson, Franz Matscher и Luzius Wildhaber, а также мнение Sir John Freeland) сходятся во

мнениях на том, что государство не может путем частичной передачи управления над организацией снять с себя ответственность, ввиду конвенциональных гарантий, прав и свобод человека. Причем в судебном решении отражено что есть как частные школы, так и государственные, но ввиду того, что цель каждой из них – реализация права на образование, которое гарантируется государством, то и контроль, а, следовательно, и ответственность за нарушения лежат на государстве.

Рассмотрим судебное решение, в рамках которого по прецедентному праву будет рассматриваться спор между гражданами России и Российской Федерацией. Дело Лисейцевой и Маслова против России [8] вызывает спорные вопросы ввиду того, что суд использует то, что предприятием управляет государство, и оно в значительной степени влияет на его деятельность, участвует в принятии коммерческо-хозяйственных решений, управляет недвижимым имуществом и существенным количеством активов юридического лица. Из-за этих фактов удовлетворение требований кредиторов муниципальных унитарных предприятий, где они работали вызваны законным интересом и обеспечены трудовым законодательством Российской Федерации. Следовательно, если должники (МУП «Автоколонна 1126» и МУП «Жилищно-коммунальное хозяйство г. Мезени») банкротятся и, в том числе, если их имущественный комплекс передается обратно государству, то не могут их обязательства по отношению к бывшим сотрудникам испариться, если у них есть активы. Однако, если эти активы нельзя получить кредиторам, и их хотят передать государству, то в таком случае государство должно отвечать по долгам своего предприятия, так как имущество, переданное предприятию, возвращается обратно государству. Примерно такова была логика Европейского суда по правам человека ну и основываясь на том, что данная процедура реализуется в том случае, если должник коммерческое предприятие, то было бы справедливо применять такой подход к государственным предприятиям или предприятиям с государственным участием.

Интересно то, что судейский подход к решению проблемы субсидиарной ответственности юридического лица с государственным участием по прецедентному праву решается по-разному в зависимости от страны. То есть если в судебном деле Лисейцевой и Маслова [8] суд старался вывести на то, что государство значительно влияет на стратегические решения предприятия. Аналогично в деле Costello-Roberts v. The United Kingdom [7]. Но, в то же время, суд в деле Radio France et autres c. France [9] наоборот старается приравнять предприятие к коммерческой структуре, несмотря на государственное участие. Все дело в специальном законодательстве Франции, которое постулирует, что такая организация должна быть независима от государства. В России нет специализированного закона, который бы гарантировал независимость в данной ситуации, даже скорее устанавливается обязанность зависеть в определенной степени от государства и государственной структуры: начиная с того, что она является учредителем такого предприятия, и заканчивая тем, что для того, чтобы производить сделки с недвижимостью требуется согласование и одобрение собственника имущества. В Великобритании такая же система, ввиду этого

разница в судебных подходах. При сравнении, подход к великобританским кейсам напоминает больше подход к российским, чем к французским, что удивляет, так как Россия и Великобритания – разные государства с точки зрения принадлежности к правовым семьям. Сильный упор при решении международным судом происходит на национальное законодательство в синергии с международным.

Таким образом, сравнивая представителей правовых систем можно сделать вывод, что для представителей романо-германской правовой семьи аналоги предприятия используются помимо стратегически важных секторов, также в банковской сфере и кредитной, а для англосаксонской свойственно выделение таких предприятий в статус особенных с индивидуализированными правами, обязанностями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022). – URL: www.kremlin.ru/acts/bank (дата обращения: 19.03.2022).
2. Федеральный закон № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» от 14.11.2002 (ред. от 30.12.2021). – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 19.03.2025).
3. Федеральный закон № 238-ФЗ «О Государственной корпорации по строительству олимпийских объектов и развитию города Сочи как горноклиматического курорта» от 30.10.2007 г. / Собрание законодательства Российской Федерации от 5 ноября 2007 г. № 45 ст. 5415.
4. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» / Собрание законодательства Российской Федерации от 15 января 1996 г. № 3 ст. 145.
5. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 07.10.2022, с изм. от 19.12.2022) «Об акционерных обществах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) / Собрание законодательства Российской Федерации от 01.01.1996 г. № 1 ст. 1.
6. Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 210-ФЗ «О ликвидации Государственной корпорации по строительству олимпийских объектов и развитию города Сочи как горноклиматического курорта, внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» / Собрание законодательства Российской Федерации от 28.07.2014 г. № 30 (часть I) ст. 4211.
7. Case of Costello-Roberts v. The United Kingdom – 13134/87. – URL: https://hudoc.echr.coe.int (дата обращения: 01.04.2023).
8. European Court of Human Rights. Liseytseva and Maslov. Case Nos.39483/05 and 40527/10, 9 October 2014. – URL: https://hudoc.echr.coe.int (дата обращения: 01.04.2023).
9. Radio France et autres c. France (déc.) – 53984/00. – URL: https://hudoc.echr.coe.int (дата обращения: 01.04.2023)
10. Loi n° 86-1067 du 30 septembre 1986 relative à la liberté de communication (Loi Léotard, telle que modifiée jusqu'au 6 août 2018). – URL: https://www.legifrance.gouv.fr (дата обращения: 15.03.2023).

УДК 341.24:339.9(510)

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КИТАЙСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»: ВЛИЯНИЕ НА МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

LEGAL ASPECTS OF CHINA'S «ONE BELT, ONE ROAD» INITIATIVE: IMPACT ON INTERNATIONAL LAW

К. А. Коломейцева,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)
K. A. Kolomeitseva,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: ksukoll@mail.ru
Д. М. Черненок,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)
D. M. Chernenok,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: darina.chernenok2705@mail.ru

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ правовых аспектов китайской инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП) и ее влияния на современное международное право. Исследуются нормативно-правовые основы реализации инициативы в Китае, включая конституционные положения, законодательство о внешней торговле и иностранных инвестициях, а также международные договоры, заключенные КНР с партнерами в рамках проекта. Особое внимание уделяется роли многосторонних институтов, таких как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), в формировании правовой базы ОПОП. Анализируются ключевые механизмы разрешения споров, включая международный коммерческий арбитраж, а также проблемы, связанные с предоставлением суверенных гарантий. В данном исследовании рассматриваются вызовы, которые инициатива представляет для международного права, такие как фрагментация правовых систем и противоречия между различными правовыми традициями участников проекта. Исследование подчеркивает двойственную роль ОПОП: с одной стороны, она способствует развитию новых правовых инструментов и практик, адаптированных к условиям глобальной экономики, а с другой — создает правовую неопределенность и риски, требующие совершенствования международных механизмов регулирования. В статье также рассматриваются возможности ОПОП как альтернативы западным экономическим институтам и роль «мягкого» права в координации интересов участников проекта.

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the legal aspects of China's Belt and Road Initiative (BRI) and its impact on contemporary international law. It examines the legal framework for the implementation of the initiative in China, including constitutional provisions, legislation on foreign trade and foreign investment, and international treaties concluded

between China and its partners within the framework of the project. Particular attention is paid to the role of multilateral institutions, such as the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), in shaping the legal framework of the BRI. Key dispute resolution mechanisms, including international commercial arbitration, and issues related to the provision of sovereign guarantees are analyzed. This study examines the challenges that the initiative poses for international law, such as the fragmentation of legal systems and contradictions between the different legal traditions of the project participants. The study emphasizes the dual role of the BRI: on the one hand, it promotes the development of new legal instruments and practices adapted to the conditions of the global economy, and on the other hand, it creates legal uncertainty and risks that require improving international regulatory mechanisms. The article also examines the possibilities of the OBOR as an alternative to Western economic institutions and the role of soft law in coordinating the interests of the project participants.

Ключевые слова: ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ, МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО, АРБИТРАЖ, СУВЕРЕННЫЕ ГАРАНТИИ, СТАНДАРТЫ МЯГКОГО ПРАВА, МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ, АЗИАТСКИЙ БАНК ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ (АБИИ), ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА (ШОС)

Key words: ONE BELT, ONE ROAD, INTERNATIONAL LAW, ARBITRATION, SOVEREIGN GUARANTEES, SOFT LAW STANDARDS, INTERNATIONAL AGREEMENTS, ASIAN INFRASTRUCTURE INVESTMENT BANK (AIIB), SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION (SCO)

В современном мире экономическое сотрудничество между государствами играет ключевую роль в развитии международных отношений. Одной из наиболее значимых инициатив в этой области является китайская инициатива «Один пояс – один путь», имеющая не только экономическое, но и правовое значение. Она затрагивает различные аспекты международного права, включая торговые отношения, инвестиции, защиту окружающей среды, права человека и другие. В связи с этим возникает необходимость анализа правовых аспектов этой инициативы и их влияния на международное право.

Инициатива «Один пояс – один путь» (далее – ОПОП), выдвинутая Китаем в 2013 году, представляет собой масштабный инфраструктурный и экономический проект, который направлен на укрепление связей между странами Евразии, Африки и Латинской Америки. Центральная Азия обладает стратегическим значением для достижения плодотворных результатов после реализации инициативы. Старт данной инициативы был дан в городе Астана (Казахстан), во время визита Си Цзиньпина, в ходе которого он отметил особую роль Казахстана в качестве транзитного коридора, который соединяет Китай и Европу. Как для Центральной Азии, так и для Китая проекты ОПОП выгодны. Например, страны данного региона могут расширить область торговли, усовершенствовать транспортную и производственную инфраструктуру. Китаю инициатива дает возможность содействовать глобальной координированности, играть большую роль в международной системе [1].

В Китае регулирование деятельности инициативы ОПОП осуществляется через систему законодательных актов, стратегических документов и международных соглашений. Например, Конституция КНР закрепляет принципы внешней политики, включая международное сотрудничество. В Конституции говорится, что Китай является социалистическим государством под руководством

Компартии Китая. Этот принцип отражается в ОПОП, где Китай стремится укреплять свои позиции на мировой арене, сохраняя при этом свою независимость и защиту национальных интересов. Закреплено, что Китай привержен политике мирного сосуществования и развития дружественных отношений с другими странами. Это положение стало одной из ключевых идеологических основ для ОПОП, которая направлена на укрепление экономического сотрудничества, культурного обмена и инфраструктурного развития между регионами [2].

Закон КНР о внешней торговле регулирует торговые отношения Китая с другими странами. В контексте инициативы ОПОП этот закон становится важным инструментом для обеспечения легальности, прозрачности и устойчивости торговых операций между Китаем и странами-участницами проекта. Закон используется для легализации торговых соглашений, защиты интересов китайских компаний, работающих за рубежом, снижения барьеров для торговли, предотвращения дискриминации и несправедливой конкуренции и так далее [3].

Закон КНР об иностранных инвестициях регулирует приток иностранных инвестиций в Китай и их использование. Данный нормативно-правовой акт способствует укреплению доверия между Китаем и странами-партнерами, а также обеспечивает правовую основу для реализации масштабных проектов. Закон направлен на создание благоприятный среды для инвестиций, в рамках ОПОП это особенно важно, так как многие страны-участницы инициативы рассматривают возможность сотрудничества с Китаем через совместные проекты (защита прав иностранных инвесторов, минимизация бюрократических барьеров). Более того, закон об иностранных инвестициях предусматривает механизмы государственной поддержки для зарубежных проектов (финансирование через банки развития (например, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций), страхование рисков для иностранных инвесторов, льготы для стратегических проектов) [4].

Закон КНР о международном коммерческом арбитраже играет ключевую роль в разрешении споров, возникающих в рамках международных торговых и инвестиционных отношений. Международные проекты, реализуемые в рамках ОПОП, часто сопровождаются сложными юридическими вопросами, такими как нарушение контрактов, невыполнение обязательств и другие конфликты между сторонами. Закон устанавливает правила проведения арбитражных разбирательств, обеспечивает признание и исполнение арбитражных решений, снижает вероятность затягивания судебных процессов, способствует интеграции китайской правовой системы с мировыми нормами [5].

Китайская инициатива ОПОП, как уже говорилось ранее, регулируется через систему международных соглашений, которые регулируют инвестиции, торговлю, инфраструктурное и финансовое сотрудничество. Пример таких соглашений – меморандумы о взаимопонимании (соглашения, определяющие общие принципы сотрудничества). С 2013 года Китай подписал сотни таких меморандумов с различными странами (США, страны ЕС, Африка, Латинская Америка, АСЕАН) [6]. Одним из успешных примеров реализации меморандума о

взаимопонимании – проект железнодорожной линии Китай – Лаос. В 2015 году было подписано соглашение о строительстве железной дороги. На основе меморандума были разработаны детальные контракты и планы финансирования. В 2022 году железнодорожная линия была успешно запущена, что значительно улучшило транспортную доступность Лаоса и способствовало экономическому развитию страны [7].

Следующим примером международных соглашений – это соглашения о свободной торговле, которые расширяют экономическое взаимодействие между Китаем и странами-участницами соглашения. Одним из таких соглашений является соглашение о свободной торговле между Китаем и Пакистаном. Переговоры начались еще в 2006 году, подписано в 2007, а в 2019 оно было обновлено. Пакистан является важным партнером Китая в рамках ОПОП, особенно в контексте Китайско-Пакистанского экономического коридора. Основными положениями договора являются: отмена тарифов на более чем 80% товаров, расширение доступа к рынкам сельскохозяйственной продукции, текстиля и других товаров, укрепление сотрудничества в сфере услуг и инвестиций [8].

Экспортно-импортный банк Китая является одним из главных финансовых институтов, который поддерживает реализацию инициативы ОПОП. Банк предоставляет кредиты для финансирования инфраструктурных проектов, таких как строительство дорог, портов и других объектов. Проект железной дороги Момбаса-Найроби в Кении (дорога открыта с 2017 года) – это яркий пример кредитных соглашений с этим банком, так как это один из крупнейших инфраструктурных проектов в Восточной Африке, финансируемых Китаем. Железная дорога Момбаса-Найроби связывает крупнейший порт региона (Момбаса) со столицей Кении (Найроби). Объем кредита был около 3,6 млрд долларов, предоставлен он на льготных условиях с длительных сроком погашения [9].

Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) – еще одна международная финансовая организация, основанная в 2014 году. Его создание было инициировано годом ранее, в Индонезии на встрече лидеров форума АТЭС. Одним из проектов, одобренных банком – проект расширения порта Коломбо (Шри-Ланка). Порт Коломбо является одним из крупнейших портов в Южной Азии и важным узлом для судоходства между Европой и Азией. Расширение порта направлено на повышение его пропускной способности. Финансирование было утверждено в 2019 году объемом в 200 млн долларов. Главная цель проекта – строительство новых терминалов и модернизация существующей инфраструктуры [10].

Проекты ОПОП часто связаны с крупномасштабными инвестициями, что увеличивает вероятность возникновения споров между государствами, инвесторами и компаниями. Для разрешения таких споров используются международные арбитражные механизмы. Однако их применение сталкивается с рядом сложностей. Во-первых, участники инициативы представляют различные правовые традиции (континентальную, англо-саксонскую, мусульманскую и др.), что создает трудности в выборе применимого права и арбитражной площадки.

По мнению профессора, факультета права и правосудия университета Нового Южного Уэльса Вэйхуань Чжоу, различия в правовых системах участников ОПОП требуют создания новых механизмов гармонизации подходов к арбитражу, чтобы обеспечить равноправие сторон [11]. Во-вторых, Китай активно продвигает собственные арбитражные центры, такие как Международный арбитражный суд при Китайской торговой палате (CIETAC). Это вызывает вопросы о независимости и беспристрастности данных институтов, особенно в спорах с участием китайских компаний или государственных органов. Растущая роль CIETAC в разрешении споров ОПОП может привести к конфликтам интересов, поскольку этот институт часто рассматривается как «прокитайский». Наконец, многие проекты ОПОП имеют стратегическое значение, что может ограничивать публичное раскрытие информации о спорах, противореча современным тенденциям в международном арбитраже, где прозрачность становится все более важной.

Суверенные гарантии играют ключевую роль в обеспечении защиты инвестиций в рамках ОПОП. Однако их предоставление сопряжено с рядом правовых и экономических рисков. Во-первых, суверенные гарантии часто предоставляются правительствами стран-участниц без четко регламентированных условий, что создает почву для интерпретационных конфликтов и судебных разбирательств. Во-вторых, высокая долговая нагрузка, связанная с проектами ОПОП, может привести к дефолту или отказу от выполнения обязательств по суверенным гарантиям. Такие ситуации уже наблюдались в некоторых странах, таких как Шри-Ланка и Пакистан, что подрывает доверие к инициативе. Наконец, предоставление суверенных гарантий может ограничивать способность государств принимать самостоятельные решения в области экономической политики, вызывая опасения относительно потери суверенитета и усиления зависимости от внешних игроков, прежде всего Китая.

Реализация ОПОП требует выработки новых стандартов и принципов, которые могли бы гармонизировать интересы всех участников. Это стимулирует развитие международного частного и публичного права, включая договорное право, инвестиционное право и международное торговое право. В условиях отсутствия единого правового регулирования ОПОП активно используются «мягкие» правовые инструменты, такие как декларации, меморандумы о взаимопонимании и рекомендательные стандарты. Это изменяет традиционное понимание международного права как системы обязательных норм. Однако разнообразие правовых систем и подходов к решению споров может привести к фрагментации международного права, что затрудняет создание универсальных правил для глобальных инициатив, подобных ОПОП. По мнению Вэйхуань Чжоу, такая фрагментация требует разработки новых механизмов координации между участниками инициативы [11].

Арбитражные механизмы и проблема суверенных гарантий демонстрируют, что инициатива ОПОП оказывает двойственное влияние на международное право. С одной стороны, она способствует развитию новых правовых инструментов и практик, адаптированных к современным условиям глобальной экономики. С другой стороны, она порождает правовую

неопределенность и риски, которые требуют внимательного анализа и регулирования. Для минимизации этих рисков необходимо дальнейшее совершенствование международных правовых механизмов с учетом интересов всех участников инициативы. Будущее ОПОП зависит от создания независимых и прозрачных механизмов разрешения споров, которые будут восприниматься всеми сторонами как справедливые.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лексютина Я. В. Китай как ответственная великая держава // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 2 (53). С. 60–72.

2. Чжунхуа жэньминь гунхэго сяньфа 中华人民共和国宪法 [Конституция КНР] // Чжунхуа жэньминь гунхэго чжунян жэньминь чжэнфу 中华人民共和国中央人民政府 [Государственный Совет КНР]. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/guoqing/2018-03/22/content_5276318.htm (Дата обращения: 10.04.2025).

3. Чжунхуа жэньминь гунхэго дуй вай маои фа中华人民共和国对外贸易法 [Закон КНР о внешней торговле] // Гоцзя фалю фагуй шуцзюй ку 国家法律法规数据库 [База данных национальных законов и нормативных актов КНР]. [Электронный ресурс]. URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?MmM5MDlmZGQ2NzhiZjE3OTAxNjc4YmY4MmQ2MjA5NWI (Дата обращения: 10.04.2025).

4. Чжунхуа жэньминь гунхэго вайшан тоуцзы фа шиши тяоли 中华人民共和国外商投资法实施条例 [Имплементационные положения Закона КНР об иностранных инвестициях] // Чжунхуа жэньминь гунхэго чжунян жэньминь чжэнфу 中华人民共和国中央人民政府 [Государственный Совет КНР]. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2019-12/31/content_5465449.htm (Дата обращения: 10.04.2025).

5. Чжунхуа жэньминь гунхэго чжунцай фа 中华人民共和国仲裁法 [Закон об арбитраже КНР] // Гоуюань цяоу баньгунши 国务院侨务办公室 [Канцелярия Госсовета по делам китайцев за рубежом]. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gqb.gov.cn/node2/node3/node5/node9/node110/userobject7ai1384.html (Дата обращения: 10.04.2025).

6. Пименова А. О. «Один пояс – один путь» как глобальный экономический проект Китая // Концепт. 2020. № 5. С. 1–7.

7. Ван Лэпин. Роль инициативы «Один пояс, один путь» в сотрудничестве Китая и стран АСЕАН в сфере реализации инфраструктурных проектов // Международное право и международные отношения. 2023. № 1 (104). С. 10–16.

8. Дмитренко А. План китайско-пакистанского экономического коридора // Казанский вестник молодых ученых. 2019. Т. 3. № 4 (12). С. 121–125.

9. Инь Цюнь. От железной дороги Уганды до железной дороги Момбаса-Найроби: «Воображаемое сообщество» и экспорт китайской модели через инициативу «Один пояс, один путь» // Казачество. 2022. № 64 (7). С. 65–78.

10. Шри-Ланка: Поддержка проекта по возрождению городов Коломбо // АБИИ. [Электронный ресурс]. URL: https://www.aiib.org/en/projects/details/2019/approved/Sri-Lanka-Support-to-Colombo-Urban-Regeneration-Project.html (Дата обращения: 10.04.2025).

11. Weihuan Zhou, Xiaomeng Qu. Confronting the ‘Non-Market Economy’ Treatment: The Evolving World Trade Organization Jurisprudence on Anti-Dumping and China’s Recent Practices // International Dispute Settlement. 2022. № 13 (3). P. 510–531.

РАЗДЕЛ VI. ТРЕНДЫ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

УДК 87.51

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА НЕФТЯНЫХ РАЗЛИВОВ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

A COMPARATIVE ANALYSIS OF OIL SPILLS IN THE UNITED STATES OF AMERICA AND THE RUSSIAN FEDERATION

О. Ю. Ваганова,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)
O. U. Vaganova,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: olgavanova8899@gmail.com
С. В. Кади
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)
S. V. Kadi
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: svetlanakadi@gmail.com

Аннотация. В данной статье представлен сравнительный анализ крупнейших разливов нефти и нефтепродуктов на территории Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации в период с 2000 по 2024 гг. Исследование основано на данных из официальных источников: из экологических отчетов государственных электронных ресурсов, из официальных средств массовой информации. Для анализа использовались методы сравнительной оценки, статистические расчеты выборочного среднего и стандартного отклонения. Это позволило выявить основные закономерности и наиболее частые причины аварий, такие как износ оборудования, ошибки персонала и внешние воздействия. На основании проведенного анализа сформулированы практические рекомендации по снижению рисков разливов. Они включают меры по модернизации трубопроводных систем, усилению контроля за эксплуатацией и внедрению современных методов профилактики. Результаты исследования могут быть полезны для специалистов в области промышленной и экологической безопасности.

Abstract. This article presents a comparative analysis of the largest oil and petroleum product spills in the United States of America and the Russian Federation between 2000 and 2024.

The study relies on data from official sources, including environmental reports from government electronic resources and official media outlets. The methodology incorporates comparative assessment techniques, as well as statistical calculations of sample means and standard deviations. The analysis reveals key patterns and the most frequent causes of accidents, such as equipment deterioration, human error, and external factors. Based on the findings, practical recommendations for reducing spill risks are proposed. These include measures to modernize pipeline systems, enhance operational oversight, and implement advanced preventive methods. The results of this study may be valuable for professionals in the fields of industrial and environmental safety.

Ключевые слова: СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ, РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ, РАЗРЫВ НЕФТЕПРОВОДОВ, РАЗЛИВЫ НЕФТИ, СТАТИСТИКА, ЭКОЛОГИЯ, СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА

Key words: UNITED STATES OF AMERICA, RUSSIAN FEDERATION, PIPELINE RUPTURES, OIL SPILLS, STATISTCS, ECOLOGY, COMPARATIVE ASSESSMENT

Введение. Аварийные выбросы нефти и нефтепродуктов относятся к числу наиболее опасных антропогенных воздействий на окружающую среду. Ликвидация последствий таких аварий требует значительных финансовых затрат, а полное восстановление окружающей среды может занять десятилетия. Несмотря на усилия по предотвращению таких инцидентов, крупные разливы продолжают происходить по всему миру, что подчеркивает необходимость совершенствования мер безопасности и технологий контроля.

Соединенные Штаты Америки (США) и Российская Федерация (РФ) являются одними из крупнейших нефтедобывающих стран мира, что делает их особо уязвимыми к риску нефтяных разливов. Оба государства имеют разные климатические условия, природные ландшафты и инфраструктурные особенности, влияющие на характер и последствия аварий. Кроме того, различия в экологической политике и системах реагирования позволяют провести содержательный сравнительный анализ эффективности мер по предотвращению вероятности и ликвидации разливов.

США, обладающие развитой инфраструктурой нефтяной промышленности и длительной историей индустриального прогресса, создали как передовые системы мониторинга экологической обстановки, так и ряд сложных экологических вызовов вследствие интенсивной индустриализации. Страна демонстрирует применение комплексного экологического законодательства, однако, несмотря на это, она является одним из крупнейших источников глобального загрязнения. Данная ситуация обусловлена значительными масштабами промышленного производства и высоким уровнем потребительской активности [1].

Однако и Российская Федерация является крупнейшей нефтедобывающей страной, которая также сталкивается с экологическими проблемами, напрямую связанными с добычей, переработкой и транспортировкой нефти. Значительное количество аварийных разливов, вызванных износом оборудования и недостаточной эффективностью планов по ликвидации последствий, остается одной из наиболее актуальных и критических проблем [2].

Стоит отметить, что нефтяные разливы оказывают разрушительное воздействие на экосистему, представляя смертельную опасность для живых организмов. Токсичные компоненты нефти, проникая в организмы животных и растений, вызывают тяжелые отравления, а при попадании в почву приводят к длительному экологическому ущербу, делая территории непригодными для обитания [3].

Загрязнение водоемов нефтепродуктами приводит к значительному экономическому ущербу, затрагивая ключевые отрасли, такие как туризм, рыболовство и сфера коммунальных услуг. В частности, после значительных инцидентов, связанных с разливом нефти, вводятся ограничения на вылов рыбы, поскольку водные биологические ресурсы могут представлять потенциальную угрозу для здоровья человека. Особую обеспокоенность вызывает тот факт, что загрязнение нефтью непосредственно угрожает населению, поскольку токсичные вещества могут аккумулироваться в продуктах питания, включая морепродукты, рыбу и сельскохозяйственную продукцию [4].

К числу основных причин аварийных ситуаций при транспортировке и хранении нефти относятся технические, организационные и человеческие факторы. Прежде всего, серьезную опасность представляет физический износ оборудования и нарушение герметичности технологических систем вследствие несвоевременного проведения технического обслуживания. Кроме того, нарушения требований промышленной безопасности, отклонение от установленных технологических регламентов добычи сырья и несоблюдение правил эксплуатации объектов также имеют важное значение [5].

В возникновении аварийных ситуаций основополагающее значение имеет человеческий фактор, проявляющийся в недостаточной профессиональной подготовке сотрудников, нарушении трудовой дисциплины и ошибках, допущенных в процессе принятия оперативных решений. В большинстве случаев инциденты являются результатом комплексного воздействия нескольких факторов, когда технические неисправности усугубляются организационными просчётами и некорректными действиями персонала [6].

В ходе проведённого сравнительного анализа рисков удалось систематизировать и сопоставить однородные характеристики аварий, произошедших в двух государствах. Применение статистического метода выборочного среднего позволило оценить среднюю причину возникновения аварии и среднюю массу разлива.

На основании полученных результатов были разработаны рекомендации, направленные на минимизацию причин аварий в обеих странах.

Основываясь на доступных данных о датах аварий, местах происшествий, причинах и массы разливов в Соединенных Штатах Америки и Российской Федерации с 2000–2024 гг., дана сравнительная оценка и графическое отображение поиска выборочного среднего (см. табл. 1) для Российской Федерации, и (см. табл. 2) для Соединенных Штатов Америки [7, 8, 9].

Таблица 1

Крупнейшие разливы нефти в Российской-Федерации с 2000-2024 гг.

Дата аварии	Место аварии	Причина аварии	Масса выброса (тонн)
29.01.2003	Пензенская область	Прорыв трубы	10000
09.07.2003	Ханты-Мансийский автономный округ	Прорыв нефтепровода	10000
22.11.2004	Иркутская область	Утечка нефти	1500
15.11.2004	Иркутская область	Разрыв магистрального нефтепровода	4500
11.11.2007	Керченский пролив	Шторм	2000
20.01.2010	Якутия	Разрыв трубы	346
20.04.2012	Ненецкий автономный округ	Расконсервация	2200
28.11.2015	Сахалин	Штормовой ветер	786
14.03.2020	Приморский край	Взрыв	2500
29.05.2020	Норильск	Просадка опор фундамента	1600
07.08.2021	Краснодарский край	Неправильная погрузка причального устройства	690
15.12.2024	Керченский пролив	Нарушение правил безопасности эксплуатации морского транспорта	3000

Таблица 2

Крупнейшие разливы нефти в Соединенных Штатах Америки с 2000-2024 гг.

Дата аварии	Место аварии	Причина аварии	Масса выброса (тонн)
28.11.2000	Бурас	Танкер	1799
2004	Сан-Франциско	Авария на нефтяной платформе	3247.54
30.08.2005	Луизиана	Ураган	2273.24
11.11.2005	Мексиканский залив	Препятствие	6170.46
19.06.2006	Лейк-Чарльз	Утечка	7365.5
23.01.2010	Порт-Артур	Танкер	1500.4
20.04.2010	Мексиканский залив	Разведочная скважина	435116
26.07.2010	Мичиган	Разрыв трубопровода	3572.31
13.10.2017	Оффшорная Луизиана	Разрыв трубопровода	2182.4
10.05.2019	Хьюстонский судоходный канал	Столкновение	1500.4
07.12.2022	Девон	Разрыв трубопровода	1909.6
-.08.2023	Северная Каролина	Разрыв трубопровода	204.6

Распределения значений массы разливов (см. рис. 1) указаны в тоннах (см. табл. 1). Значения разбиты на 10 интервалов.

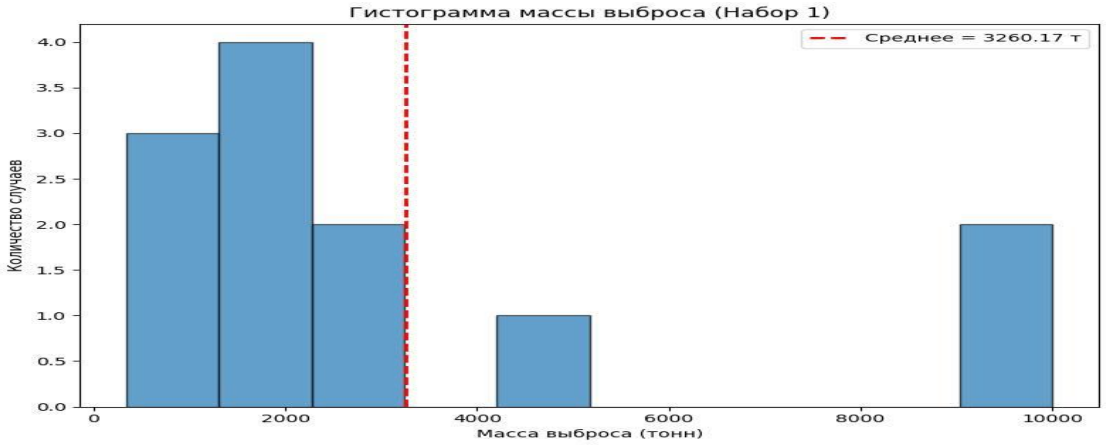

Рисунок 1: Гистограмма средней массы разлива (РФ)

Распределение массы разливов аварий указаны: по оси X, где отложена масса разливов нефти, а по оси Y – количество аварий, соответствующих каждому интервалу. Выделенная вертикаль обозначает среднее арифметическое значение разлива, рассчитанное по данным. Это позволяет сравнить распределение с центральной тенденцией.

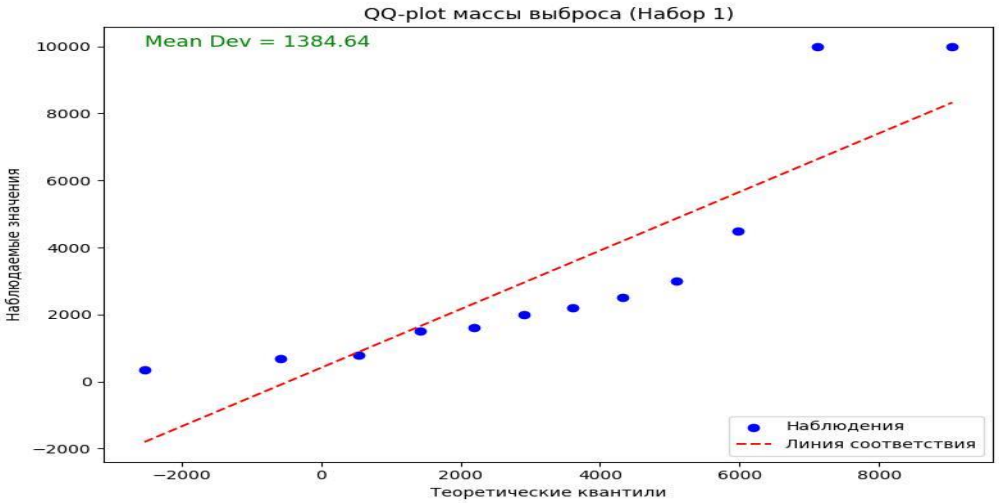

Рисунок 1: Среднее отклонение от нормального распределения (РФ)

На квантиль графике (QQ-plot) сравниваются эмпирические и теоретические квантили масс разлива нормального распределения, параметризованного по выборке (см. рис. 2). Выделенные точки соответствуют наблюдаемым значениям массы разлива, упорядоченным по величине и сопоставленным с теоретическими квантилями. Линия наилучшего соответствия отражает соответствие данных нормальному распределению. Показано значение среднего абсолютного отклонения между наблюдаемыми и теоретическими квантилями, что позволяет оценить степень отклонения данных от нормальности.

Рисунок 2: Причины аварий (США)

Частота встречаемости каждой причины аварии из набора данных (см. рис. 3) показывает, что наиболее распространенной причиной является разрыв трубы (см. табл. 2).

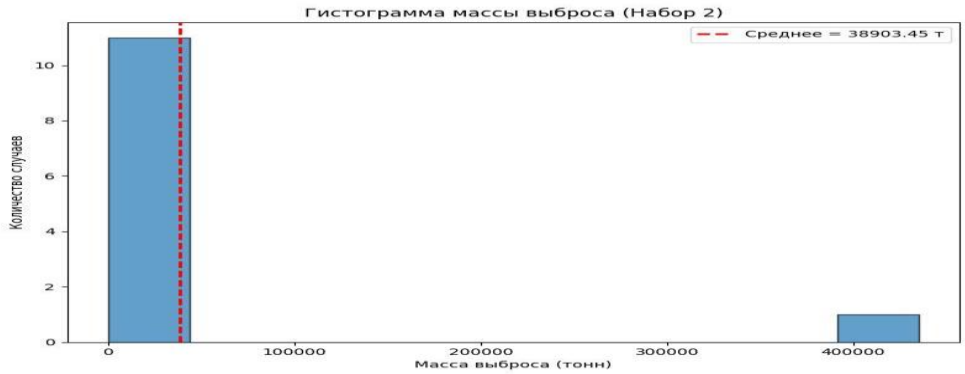

Рисунок 4: Массы разливов (Америка)

Распределение значений массы разливов нефти позволяет оценить степень их соответствия нормальному распределению относительно среднего значения (см. рис. 4).

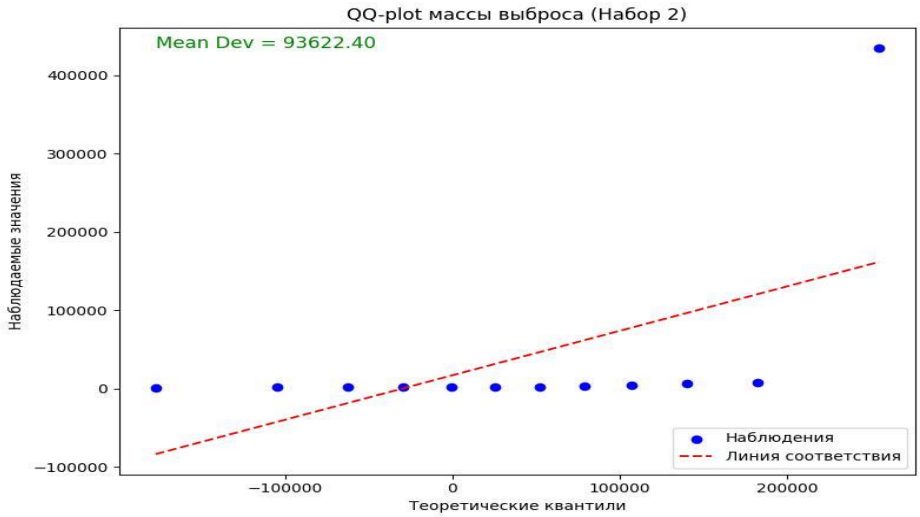

Рисунок 2: Среднее отклонение от нормального распределения (Америка)

Значение среднего абсолютного отклонения, характеризуется степенью отклонения данных от нормального распределения (см. рис. 5). Выявлено два средних значения массы разливов и соответствующие им средние абсолютные отклонения для обеих стран (см. табл. 3).

Таблица 3

Численные результаты анализа

Результат	Российская Федерация	Соединенные Штаты Америки
Средняя масса	3260,17 тонн	38903,45 тонн
Среднее абсолютное отклонение	1384,64	93622,40
Частая причина разлива	Разрыв трубы	Разрыв трубы

В этой связи между средними значениями массы разливов нефти и нефтепродуктов в РФ и США наблюдается значительное расхождение (см. табл. 3). Это объясняется, в частности, аварией в Мексиканском заливе 20.04.2010 года – одной из крупнейших в мировой истории, существенно повлиявшей на результаты анализа. Следует отметить, что проведенное исследование основано на ограниченном массиве данных, характеризующихся значительной вариативностью и наличием экстремальных значений.

Учитывая выявленные риски и масштабы последствий аварийных разливов, предлагается комплекс мер, направленных на снижение вероятности подобных инцидентов. Последующие рекомендации разработаны на основе анализа статистики предыдущих инцидентов и соответствуют требованиям государственного стандарта (ГОСТ). Они включают следующие меры по минимизации риска разливов:

– мониторинг состояния трубопроводов: применение инлайн-инспекционных технологий (например, «умный пиг»), а также ультразвукового и магнитного контроля для своевременного выявления дефектов, коррозии и повреждений [10];

– защита от коррозии: использование катодной защиты, современных антикоррозийных покрытий и ингибиторов для предотвращения разрушения труб [11];

– усиление конструкций: повышение надежности трубопроводов за счет укрепления узлов соединений и критических участков [12];

– автоматическое обнаружение утечек: внедрение датчиков давления, вибрации и акустических сенсоров для оперативного выявления разливов [13];

– дублирование защитных систем: установка двойных барьеров, резервного оборудования или защитных кожухов в зонах повышенного риска (например, на участках предыдущих аварий).

Заключение. Проведенный сравнительный анализ разливов нефти и нефтепродуктов в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки в период с 2000 по 2024 гг. выявил значительные различия в масштабах аварий. Так, в Российской Федерации средняя масса разлива составила 3260,17 тонны, тогда как в Соединенных Штатах Америки она достигла 38903,45 тонны. Это свидетельствует о том, что в Соединенных Штатах Америки аварийные разливы происходят в значительно больших масштабах, что отчасти обусловлено колоссальными событиями, например, аварией в Мексиканском заливе 20 апреля 2010 года.

Анализ также показывает, что значения среднего абсолютного отклонения существенно различаются: для России оно составляет 1384,64, а для Америки – 93622,40. Указанные различия свидетельствуют о высокой вариативности данных, присутствии экстремальных значений и необходимости учета масштабных аварийных событий при проведении оценки рисков.

Основной причиной аварий на трубопроводных системах является повреждение трубопровода, обусловленное износом оборудования, недостаточной квалификацией персонала и воздействием неблагоприятных внешних факторов. Несмотря на ограниченный объём исходных данных, результаты проведённого исследования акцентируют внимание на значимости системного подхода к мониторингу и предотвращению аварийных ситуаций на объектах трубопроводной инфраструктуры.

Практические рекомендации, вытекающие из анализа, включают меры по регулярному техническому контролю с использованием современных методов неразрушающего контроля, внедрение систем коррозионной защиты, усиление конструктивных узлов и установку автоматизированных систем обнаружения утечек. Все эти меры соответствуют требованиям государственного стандарта и направлены на минимизацию вероятности возникновения новых инцидентов.

Таким образом, результаты проведенного исследования предоставляют эмпирические данные, которые возможно могут быть использованы экспертами в области промышленной и экологической безопасности для разработки стратегий, направленных на повышение надежности трубопроводных систем и снижение риска утечек нефти и нефтепродуктов как в Российской Федерации, так и на территории Соединенных Штатов Америки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Казыева А.Р. Вопросы экологии и охраны природы в контексте современной экологической политики США // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 4-2 (43). – С. 6-10.

2. Кунгурцев, П. И., Стороженко, Л. А. Разливы нефти и нефтепродуктов в России: причины и последствия // Наука, образование, производство в решении экологических проблем (экология 2021). – Уфа: Уфимский государственный авиационный технический университет, 2021. – С. 293-296.

3. Старцева, Е. Д. Аварийные разливы нефти и нефтепродуктов: понятие, причины и виды // «Правовое регулирование деятельности топливно-энергетического комплекса в современных условиях». – Москва: Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, 2021. – С. 349-352.

4. Дудаев Д.Б. Совершенствование технологии ликвидации аварийных разливов нефти // Актуальные вопросы обеспечения пожарной безопасности объектов различного назначения: сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2023. – С. 53-56.

5. Соловьянов А.А. Аварийные разливы нефти и нефтепродуктов – актуальная проблема России // Защита окружающей среды в нефтегазовом комплексе. – 2021. – № 1 (298). – С. 5-7.

6. Лисичкин, Г. В., Кулакова, И. И. Ликвидация аварийных разливов нефти: состояние и проблемы (обзор) // Журнал прикладной химии. – 2022. – № 9. – С. 1082-1110.

7. Крупные экологические катастрофы в России. Ведомости: URL: vedomosti.ru/society/galleries/2024/12/19/1082257-ekologicheskie-katastrofi-rossii#140737497469051 . (дата обращения: 12.04.2025).

8. Крупные разливы нефти и нефтепродуктов в России в 1994-2021 годах. РИА НОВОСТИ: URL: https://ria.ru/20210811/razliv-1745316414.html. (дата обращения: 12.04.2025).

9. Largest oil spills affecting U.S. Waters Since 1969. Office of Response and Restoration: URL: https://response.restoration.noaa.gov/oil-and-chemical-spills/oil-spills/largest-oil-spills-affecting-us-waters-1969.html#:~:text=Every%20year%2C%20the%20Office%20of,property%2C%20and%20public%20natural%20resources . (дата обращения: 12.04.2025).

10. ГОСТ 34181-2017. Международный стандарт. Магистральный трубопроводный транспорт нефти и нефтепродуктов / Техническое диагностирование (утв. в действие Приказом Росстандарта от 30 июня 2017г.) // Магистральный трубопроводный транспорт нефти и нефтепродуктов: сб. ГОСТов – М.: Стандартинформ, [2018].

11. ГОСТ 34182-2017. Межгосударственный стандарт. Магистральный трубопроводный транспорт нефти и нефтепродуктов / Эксплуатация и техническое обслуживание (утв. в действие Приказом Росстандарта от 30 июня 2017г.) // Магистральный трубопроводный транспорт нефти и нефтепродуктов: сб. ГОСТов. – М.: Стандартинформ, [2019].

12. ГОСТ Р 202. Национальный стандарт Российской Федерации. Узлы трубные стальные для трубопроводов нефтяной и газовой промышленности. (утв. в действие Приказом Росстандарта от 30 июня 2017г.) // Трубопроводная арматура и оборудование: сб. ГОСТов. – М.: Стандартинформ, [2019].

13. ГОСТ 34950-2023. Межгосударственный стандарт. Магистральный трубопроводный транспорт нефти и нефтепродуктов / Участки магистрального нефтепродуктопровода, прокладываемые на территории городов и других населенных пунктов. (утв. в действие Приказом Росстандарта от 31 марта 2023г.) // Магистральный трубопроводный транспорт нефти и нефтепродуктов: сб. ГОСТов. – М.: Стандартинформ, [2023].

УДК 316.4/327

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ МИГРАНТОВ В ШВЕЦИИ

THE SOCIO-ECONOMIC INTEGRATION OF MIGRANTS FROM THE MIDDLE EAST IN SWEDEN

Е. И. Демина,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
E. I. Demina,
St. Petersburg State University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: st119861@student.spbu.ru

Научный руководитель:
Матвеевская А. С.
E-mail: a.matveevskaya@spbu.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу социально-экономического аспекта в интеграции ближневосточных мигрантов в шведское общество. В статье рассматривается, какие проблемы существуют при таком типе интеграции, какие трудности претерпевают как сами мигранты, так и принимающая сторона, а также делается акцент на религиозном факторе, который также может играть роль катализатора социальной напряженности в данной ситуации. В статье также анализируются некоторые конкретные примеры проявлений этой напряженности, преимущественно взятые из средств массовой информации.

Abstract. This article is devoted to the analysis of the socio-economic aspect of the integration of Middle Eastern migrants into Swedish society. It examines the challenges inherent in this type of integration, the difficulties experienced by both the migrants themselves and the host society and places particular emphasis on the religious factor that can also serve as a catalyst for social tension in this context. The article further analyzes specific examples of such tensions primarily drawn from media sources.

Ключевые слова: МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА, АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ, РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР, БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ МИГРАНТЫ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МИГРАЦИИ

Key words: MIGRATION POLICY, MIGRANT ADAPTATION, RELIGIOUS FACTOR, MIDDLE EAST MIGRANTS, SOCIO-ECONOMIC ASPECTS OF MIGRATION

Одной из самых обширных групп мигрантов в Швецию составляют граждане, приезжающие с Ближнего Востока. Значительную часть из них занимают беженцы, что обусловлено не всегда стабильной политической и социально-экономической ситуацией в регионе, что осложняется частыми вспышками острых военных столкновений и других конфликтов. Представляется достаточно целесообразным рассмотреть социально-экономический аспект миграции более подробно в контексте данной группы мигрантов из конкретного региона, так как уклад жизни арабских стран, который включает в себя культуру, религию, и другие важнейшие сферы жизни общества, очень отличается от

общепринятого в европейских странах. Учитывая вышеперечисленные обстоятельства, интеграция данной группы мигрантов может проходить с некоторыми осложнениями и предполагает наибольшую поддержку государства в трудные переходные периоды.

Ближневосточная миграция в Швецию представляет собой достаточно сложное явление, которое имеет далеко уходящие исторические корни. На современном этапе этот процесс претерпел значительные изменения и приобрел новые характерные черты (особенно после миграционного кризиса 2015 года), которые влияют на ситуацию в стране по сей день.

Одним из проявлений трудностей, с которыми сталкиваются ближневосточные мигранты являются проблемы с трудоустройством. Несмотря на все усилия правительства по интеграции вновь прибывших в страну, уровень занятости среди лиц из-за границы, в особенности из стран Азии, Африки и Ближнего Востока. В 2023 году уровень безработицы среди местного населения составил примерно 4-5%, в то время как по этому же показателю мигранты, особенно из вышеперечисленных стран, демонстрируют статистику в 15-16% [1].

Основными трудностями на пути трудоустройства являются: различия в требованиях к профессиональным навыкам и компетенциям кандидатов, а также проблема с валидацией дипломов об уже полученном образовании мигрантами в своих странах; недостаточный уровень владения шведским языком; слабее развитые социальные связи; проживание в сегрегированных районах иммигрантов и так далее. Также присутствует элемент осознанной или неосознанной дискриминации. Существуют исследования, которые отражают данную картину [2]. Из нее, например, становится ясно, что соискатели с именами арабского происхождения получают гораздо меньше приглашений даже на собеседование, чем кандидаты со шведскими именами при идентичных резюме [3]. Стереотипы, формирующиеся на этнической почве по отношению к мигрантам не всегда беспочвенны. Например, в 2021 году официальные источники Европарламента опубликовали информацию о том, что шведские исследования подтверждают, что между наплывами мигрантов и ростом преступности все же есть реальная связь [4]. Однако средства массовой информации склонны очень активно и не всегда избирательно распространять подобную информацию, что способствует формированию негативного облика мигрантов в социальных сетях и не только. В свою очередь, это становится катализатором социальной напряженности между группами населения.

Также, важным пунктом, который стоит осветить является специфика отдельных групп мигрантов из разных стран Ближнего Востока, которая позволяет понять, что опыт, а иногда и потребности беженцев и других мигрантов из одного региона могут розниться. Существуют некоторые прослеживающиеся тенденции.

Самую крупную группу мигрантов с Ближнего Востока составляют беженцы из Сирии. Особый наплыв приезжих из этой станы произошел в период 2015-2016 года [5]. Многие из них позже решили воспользоваться программой по воссоединению семей, которая с недавнего времени была ужесточена, что осложнило ситуацию и чуть сократило миграционный поток.

В 2021 году произошло обострение политической ситуации в Афганистане. К власти пришли представители военно-политического движения Талибан, что привело к массовой иммиграции населения всевозможными путями. Также, остро встал вопрос о правах женщин, которые по сей день претерпевают жесткие нарушения в современном Афганистане. В связи с этим в Швецию также грянул новый поток беженцев [6]. Шведское правительство же, в свою очередь, приостановило депортации в Афганистан [7]. Аналогичная процедура по прекращению депортаций из Швеции была проведена для беженцев из Газы в 2023 году [8]. После сирийских беженцев второе место по численности составляют мигранты из Ирака. Приезд в Швецию с целью постоянного места жительства для иракских граждан имеет долгую историю и уже оформился в несколько полноценных миграционных волн. Поэтому, иракцы, приехавшие в страну в одними из первых, изначально имели более высокий уровень образования и лучшее финансовое положение, что помогло им успешнее интегрироваться в шведское общество и найти работу. В то время как, современные мигранты из Ирака испытывают все те же базовые трудности с доступным жильем, трудоустройством и интеграцией в целом [9]. Также одной из крупных этнических групп, иммигрирующих в Швецию, являются иранцы. Как правило, мотивы для их иммиграции не слишком отличаются от выходцев из остальных стран Ближнего Востока. Однако в связи с тем, что в стране проводится достаточно жесткая политика в отношении как религиозных, так и других меньшинств, их представители часто бегут из страны, в том числе в Швецию, в поисках политического убежища [10].

Так, миграция практически из каждой отдельно взятой страны Ближнего востока имеет свои уникальные особенности и часто является ответом на нестабильную политическую ситуацию в регионе. В свою очередь, мигранты, особенно из арабских стран, имеют очень весомые культурные различия, по сравнению с общепринятыми нормами социальной жизни в Швеции, что еще больше затрудняет их адаптацию и интеграцию и вызывает поляризацию общества по отношению к вопросам равенства, а также часто формирует негативное или просто предвзятое отношение к мигрантам в стране.

Одним из самых весомых вышеупомянутых культурных различий между шведским обществом и этническими группами мигрантов, въезжающих в Швецию, является религиозный фактор. Именно он часто является камнем преткновения в возникающих общественных конфликтах [11].

Прежде всего, стоит отметит, что после миграционного кризиса 2015 года и по сей день наблюдаются учащенные случаи протестов против исламизации Швеции и Европы в целом. Люди выходят на пикеты и митинги с антииммигрантскими плакатами и лозунгами. Многие из подобных активистов убеждены, что активные миграционные потоки из арабских стран и засилье мусульман в стране разрушительно воздействуют на годами складывающуюся систему современных понятий и ценностей шведского общества [12]. Безусловно, прежде всего под основополагающими ценностями имеются в виду понятия «толерантность» и «демократия, которые крайне трудно представить функционирующими в полной мере в странах, где право основано на нормах

шариата [13]. Несмотря на то, что приезжие мусульмане пытаются изменить взгляд европейцев на ислам и разрушить множественные стереотипы, мусульманская религия часто воспринимается воинствующей из-за некоторых радикальных группировок, а также пропаганды некоторыми исламскими последователями его крайних форм.

Отсюда возникают неприятные ситуации на бытовом уровне, которые только подпитывают социальную напряженность.

Например, в 2018 году мусульманке Фарах Альхадже в городе Уппсала было отказано в проведении собеседования из-за того, что, придя на него она по религиозным убеждениям отказалась пожать руку интервьюеру-мужчине (при этом она положила руку на сердце, что символизирует уважительное и вежливое приветствие). Она обратилась в суд с жалобой на дискриминацию по религиозному признаку и суд вынес решение в ее пользу [14]. Однако существуют аналогичные случаи в других европейских странах, где на государственном уровне суды не усматривают в подобных действиях нарушений прав человека. В шведском обществе очень ярко выражена повестка гендерного равенства, поэтому людям трудно принять, что мигранты из других стран отказываются внедрять в свою жизнь такие, казалось бы, для местных, основополагающие ценности.

Также, в Швеции распространена практика школ с религиозным уклоном (religiösa friskolor), которые пользуются спросом в основном в семьях иммигрантов. Шведские политические акторы относятся к этому крайне скептически. Политические партии Швеции активно выступают против школ с религиозным уклоном, говоря о том, что они усиливают сегрегацию мигрантов и оказывают на детей излишнее идеологическое давление, которому не место в школе [15]. Само же правительство регулярно проводит проверки таких школ на отсутствие нарушения равенства между обучающимися детьми и соблюдение их прав [16].

На современном этапе происходили несколько резонансных моментов, которые очень широко разошлись по средствам массовой информации и вызвали бурную общественную реакцию.

Один из таких, это серия публичных сожжений Корана, чаще всего ультраправыми активистами. Делалось это для того, чтобы выразить недовольство миграционной политикой государства и исламизацией страны [17]. Однако действия некоторых иммигрантских групп также могут вести к усилению напряженности. Например, за последнее время Арабская партия Швеции публично заявила, что коренному населению, которое не готово принимать мигрантов в обществе (в ответ на резкий рост уровня насилия, преступности и антисемитизма), а вместе с ними идеи равноправия и мультикультурализма вообще стоит уехать из страны самим [18].

Учитывая все вышеперечисленные факторы, можно сделать вывод о том, что религиозный фактор является крайне важным при обсуждении вопроса социальной адаптации мигрантов и нередко выступает катализатором поляризации общества и усиления социальной напряженности, что еще больше усиливает как дискриминацию мигрантов, так и смену привычного уклада жизни и возникновение неудобств для местного населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Arbetsmarknadssituationen för befolkningen 15–74 år AKU 2024 // Sveriges officiella statistik URL: file:///C:/Users/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C/Downloads/am0401_2024a01_br_amftbr2501.pdf (дата обращения: 17.04.25).

2. Матвеевская А.С. Исследования миграционных процессов на кафедре мировой политики // Актуальные проблемы мировой политики. Научный альманах. Юбилейный выпуск. 30-лет кафедре мировой политики СПбГУ. СПб. 2024. – С. 101-109

3. Discrimination: Swedish study shows job applicants with foreign names receive far fewer responses // The Conversation URL: https://theconversation.com/discrimination-swedish-study-shows-job-applicants-with-foreign-names-receive-far-fewer-responses-182389 (дата обращения: 17.04.25).

4. Swedish study confirms the connection between migration and criminality // European Parliament URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-9-2021-003972_EN.html (дата обращения: 17.04.25).

5. Сарабиев А.В. Labour migrants from the Middle East Arab countries in Sweden: a paradigm shift // Baltic Region. – 2021. – №13(4). – С. 95-110.

6. Afghanistan Refugee Crisis Explained // The UN refugee Agency URL: https://www.unrefugees.org/news/afghanistan-refugee-crisis-explained/#Afghanistan (дата обращения: 18.04.25).

7. AIDA 2021 Update: Sweden // ECRE URL: https://ecre.org/aida-2021-update-sweden/ (дата обращения: 18.04.25).

8. Differential treatment of specific nationalities in the procedure Sweden // AIDA ECRE URL: https://asylumineurope.org/reports/country/sweden/asylum-procedure/differential-treatment-specific-nationalities-procedure/ (дата обращения: 18.04.25).

9. Iraqi Arab in Sweden // Joshua Project URL: https://joshuaproject.net/people_groups/12247/SW (дата обращения: 18.04.25).

10. In Iran, persecuted minorities can also turn into persecutors // Global Voices URL: https://globalvoices.org/2024/07/12/in-iran-persecuted-minorities-can-also-turn-into-persecutors/ (дата обращения: 18.04.25).

11. Matveevskaya A. S., Pogodin S.N. (2018) Integration of migrants as a way to diminish proneness to conflict in multinational communities Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология Т. 34. № 1. С. 108–114. DOI:10.21638/spbu17.2019.210

12. Хахалкина Е.В, Вячистый Д.Д., Мунько А.В. Мусульманский фактор миграционной проблемы в ведущих странах ЕС в начале XXI века // История и современное мировоззрение. – 2019. – №3. – С. 107-113.

13. В Швеции мусульманка, чье собеседование прервали из-за отказа от рукопожатия, выиграла дело о дискриминации // RTVI URL: https://rtvi.com/news/v-shvetsii-musulmanka-vyigrala-delo-o-diskriminatsii/ (дата обращения: 18.04.25).

14. Religiösa friskolor // Socialdemokraterna URL: https://www.socialdemokraterna.se/var-politik/a-till-o/religiosa-friskolor (дата обращения: 18.04.25).

15. Konfessionella skolor // Friskolornas riksförbund URL: https://www.friskola.se/konfessionella-skolor/ (дата обращения: 18.04.25).

16. Sweden: Far-right activists burn copy of Quran, plan more stunts // Aljazeera URL: https://www.aljazeera.com/news/2020/9/10/sweden-far-right-activists-burn-copy-of-quran-plan-more-stunts (дата обращения: 18.04.25).

17. Шведов выгоняют из Швеции // Взгляд/деловая газета URL: https://vz.ru/world/2020/9/16/1060581.html (дата обращения: 18.04.25).

УДК 341.24

ВЛИЯНИЕ МИЛИТАРИЗАЦИИ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В МЕКСИКЕ

THE IMPACT OF MILITARIZATION ON PUBLIC SECURITY IN MEXICO

Л. Л. Камалетдинов,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
L. L. Kamaletdinov,
St. Petersburg State University,
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: levkamaletdinov@mail.ru

Аннотация. В данной статье анализируются процессы милитаризации общественной безопасности в Мексике на фоне политики, проводимой президентом Андресом Мануэлем Лопесом Обрадором. Особое внимание уделяется созданию Национальной гвардии и передаче её под контроль армии, что вызвало критику со стороны правозащитников. Исследуются последствия таких шагов для безопасности страны, в том числе рост насилия и нарушение прав человека. Также рассматривается позиция будущего президента Клаудии Шейнбаум, которая продолжит политику Лопеса Обрадора, но с акцентом на усиление гражданского контроля и реформирование системы безопасности. Изучаются важные вопросы о последствиях милитаризации для общества, эффективности Национальной гвардии и путях решения проблемы преступности в Мексике.

Abstract. This article analyzes the processes of militarization of public security in Mexico within the framework of the policies implemented by President Andrés Manuel López Obrador. Particular attention is given to the creation of the National Guard and its placement under military control, which has drawn criticism from human rights advocates. The consequences of these measures for the country's security, including the rise in violence and human rights violations, are examined. The stance of future president Claudia Sheinbaum, who will continue López Obrador's policies but with an emphasis on strengthening civilian oversight and reforming the security system, is also discussed. Key issues regarding the societal impacts of militarization, the effectiveness of the National Guard, and potential solutions to Mexico's crime problem are explored.

Ключевые слова: МЕКСИКА, МИЛИТАРИЗАЦИЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ГВАРДИЯ, ВОЕННЫЕ, ПРЕСТУПНОСТЬ

Key words: MEXICO, MILITARIZATION, PUBLIC SECURITY, NATIONAL GUARD, MILITARY, CRIME

Процесс милитаризации общественной безопасности в Мексике можно проследить с прихода к власти президента Висенте Фокса в 2000 году. Во время его правления на ключевые посты в этой сфере начали назначать военных. Кроме того, при нем был принят «Закон о национальной безопасности» [1]. Данный законопроект начал закладывать не только базу для последующего внедрения военных в гражданские дела в мирное время, но и началось повсеместное расширение полномочий военных.

Следующим этапом милитаризации общественной безопасности можно считать приход к власти президента Фелипе Кальдерона в 2006 году и его так называемая «война с наркотиками». Данная политика выделялась уже прямым присутствием вооруженных сил Мексики на улицах городов, которые пытались контролировать действия наркокартелей [2]. По разным оценкам число военнослужащих, задействованных в борьбе с наркокартелями до 2018 года, варьировалось от 30 до 50 тыс. человек. Тем не менее, это не привело к положительным результатам. К началу правления президента Андреса Мануэля Лопеса Обрадора в 2018 году было убито или пропало без вести более 250 тыс. человек. Количество наркокартелей и более мелких группировок со временем не уменьшалось, а только увеличилось: в 2006 году количество крупных наркокартелей составляло около 7–10, а более мелких группировок от 50–100. В 2018 году количество крупных наркокартелей составило 11. Общее число группировок, включая мелкие, достигло 198 [3].

Преемник Кальдерона Энрике Пенья Ньето также выступал за повышение милитаризации в стране. В 2017 году он продвигал так называемый «Закон о внутренней безопасности», который должен бы значительно расширить полицейские полномочия военных, хотя это и создавало ряд серьезных проблем, например, недостаток прозрачности и контроля за этими структурами, неясна была и позиция по поводу подотчётности этих подразделений [4]. В итоге данный законопроект был признан неконституционным Верховным судом Мексики, хотя его и одобрил мексиканский Конгресс [5].

В 2018 году к власти пришел Андрес Мануэль Лопес Обрадор. Его позиция по поводу милитаризации была прозрачна, по крайней мере до его прихода к власти. Он всегда выступал противником такого широкого применения военных сил для решения проблем общественной безопасности. Тем не менее, в ноябре 2018 года, буквально за месяц до вступления в должность президента, Лопес Обрадор представил так называемый «Национальный план мира и безопасности», разработанный на 2018-2024 года, который, официально, был создан в ответ на высокое количество насильственных смертей. Здесь стоит напомнить, что за 2018 год было совершенно 44 489 убийств (29,6 на 100 тыс. человек, рекордный показатель с 1997 года) [6]. Некоторые причины роста не только количества самих группировок, но и количества людей в этих самых группировках, действительно пытались устранить этим планом, например: появление большого количества социальных программ, как способ борьбы с бедностью, тем самым ликвидация одной из основных причин, по которым население шло в картели: бедности; борьба с коррупцией, так как большинство полицейских были, что называется, «в кармане у наркокартелей»; пытались усилить координацию между властями (федеральными, штатными и муниципальными), чтобы повысить эффективность правоохранительных органов; ужесточился контроль над текучкой оружия по стране. Однако, более всего, выделялся пункт про создание так называемой «Национальной гвардии» [7].

Итак, планировалось, что Национальная гвардия будет специальным военным образованием, которое, соответственно, будет состоять исключительно из военных не только армии, но и флота. Тем не менее, под давлением

оппозиционных политических сил, было принято несколько поправок. Во-первых, данное образование не будет состоять только из военных, преимущественно без военного состава командования, подготовки и подчинения. Во-вторых, Национальная гвардия будет находиться под надзором Министерства национальной безопасности и защиты граждан. В-третьих, было добавлено условие, что, постепенно, все военные силы должны быть выведены, а остаться должна исключительно профессионализированная гражданская полиция. Однако, несмотря на эти поправки, Национальную гвардию все равно возглавил военный, хоть и отставной, также военный состав образования президенту Лопесу Обрадору сохранить удалось, а срок использования военных сил растянется минимум на 5 лет.

Таким образом, Национальная гвардия была официально создана в 2019 году, [8] количество служащих в данном образовании достигло уже около 90 тыс. человек в 2020 году, что является рекордным количеством военных, принимающих участие в общественной безопасности страны за все время до этого, хотя объединение находилось лишь на стадии формирования. В последующие годы число военнослужащих в Национальной гвардии только росло. На 2024 год количество служащих составило около 140 тыс. человек, к 2025 году число выросло примерно к около 150 тыс. человек [9].

Здесь также важно подметить одну из составляющих «Национального плана мира и безопасности»: так называемая политика «объятий, а не пуль» (Abrazos, no balazos) [7]. Она выражается, прежде всего, в том, что правительство Мексики при Лопесе Обрадоре не собирается воевать с картелями, как это было при том же Фелипе Кальдероне, а договариваться с ними. На данном этапе сразу возникает несколько противоречий. Прежде всего, сама идея договариваться или «обниматься» с картелями выглядит крайне неуместно, поскольку, в глазах людей, это братание с преступниками. Другой момент: видится некое противоречие с созданием Национальной гвардии. Возникает вопрос, зачем тогда вообще создавать это образование, однако правительство Лопеса Обрадора объясняет это следующим образом: Национальная гвардия создается исключительно для защиты населения, в основном бедных слоев, поскольку большинство социальных программ направлены именно на эту категорию граждан, а исполнение реформ нужно контролировать. Кроме того, администрация Трампа давила на Мексику, угрожая тарифами, если проблема с незаконной миграцией с Латинской Америки не будет решена, таким образом Национальная гвардия стояла и на границе, хотя и изначально это не предполагалось.

Теперь рассмотрим примеры использования бойцов Национальной гвардии правительством. Операция по борьбе с наркотрафиком с 2019–2021 год в штате Чиуауа. За эти два года было конфисковано несколько тонн различного рода наркотиков, также шла борьба с контрабандой оружия [10]. Операция по охране нефтепроводов (2019–2020) – проводилась во множестве штатов, было пресечено более 4000 незаконных врезок, организованных преступными группами [11]. Поддержка общественного порядка в Кульякане (2019) – Национальная гвардия и армия попытались арестовать Овидио Гусмана, сына лидера картеля Синалоа

Хоакина «Эль Чапо» Гусмана. Как результат: погибло 14 человек, включая мирных жителей, Овидио Гусман не был арестован [12]. Обеспечение безопасности выборов (2024) – в целом успешная, поскольку, несмотря на нападения и большое количество угроз, жертв среди кандидатов и мирных жителей не было [13]. Операции в Нижней Калифорнии против картеля «Новое поколение Халиско» – операция восстановила общественный порядок в регионе [14].

Тем не менее, важно понимать, что это лишь некоторые примеры операций, большинство из них не разглашалось, да и найти точные результаты действий и итогов даже этих операций проблематично, однако некоторые выводы сделать можно. Прежде всего, Национальную гвардию активно не используют для борьбы с картелями, то есть, в некотором роде, обещания оправдались. Однако видны и проблемы с координацией и командованием. Стоит отметить, что и не было таких ужасных прецедентов, как в 1968 году, когда солдаты и полицейские застрелили, по некоторым оценкам, 300 студентов. Или как в 2014 году, когда войска казнили без суда и следствия 22 человека в штате Герреро. Военные также были причастны к одному из самых печально известных злодеяний последних лет: исчезновению 43 студентов педагогического училища Айотцинапы в 2014 году [15], которых коррумпированная полиция и боевики картеля сняли с автобуса.

Все-таки, основная цель Национальной гвардии состояла в снижении уровня убийств в стране. Здесь прослеживается следующая динамика: в 2006 году, когда только началась политика войны с картелями, количество насильственно убитых составило 10452 человека (9,8 на 100 тыс. населения), в 2018 году количество убитых составило 44 489, в 2019 году 44 576, в 2020 году 43 265, в 2021 году 43 978, в 2022 году 42 885, в 2023 году 42017 в 2024 году 43 118, для сравнения в 2016 году количество убийств составило 35 234 [9]. Можно сделать вывод, что проблема явно не решилась, в первые годы образования Национальной гвардии стало только хуже, хотя и в 2023 году был достигнут некий минимум за президентский срок Лопеса Обрадора, однако с 2016 годом не сравниться, а уж тем более с 2006 годом. Точно не таких результатов ожидало население от политики, которая должна привести к уменьшению насилия и общественной безопасности.

Таким образом, создание Национальной гвардии не решило проблему высокой криминальной активности, в некоторые годы положение даже ухудшилось, тем не менее это не означает, что политику милитаризации начинали как-либо сворачивать, а скорее даже наоборот. В 2020 году было издано так называемое «Милитаристское соглашение», которое, как предполагалось, снизит степень милитаризации страны, посредством установления юридической основы для эффективного гражданского контроля и постепенного и окончательного вывода вооруженных сил из штатов и гражданской сферы, однако это привело лишь к большей автономизации руководства вооруженных сил на территориях [16]. Теперь появилась новая «идеология» – продвигать милитаризацию вообще во все сферы жизни государства. Военные получили контроль над гражданскими задачами (инфраструктура, таможни, образование),

что увеличило их власть и бюджет. Это сопровождалось нарративом о военном превосходстве. Военные вмешивались в строительство сооружений, в управление и прибыль от крупномасштабных проектов. Все это оправдывалось тем, что, якобы, гражданские службы коррумпированы и некомпетентны. С 2021 года SEMAR (военно-морские силы Мексики) начали контролировать морские порты и таможни, тем самым прибыль также проходила через них, причем произошло это с подачи президента, оправдывалось снова низким уровнем коррупции среди военных и их компетенцией, хотя такие суждения не были обоснованы. Можно отметить также следующие переданные функции в руки военных: посадка деревьев и строительство питомников, доставка бесплатных учебников, морские коммуникации, строительство общественных объектов, охрана энергетических объектов, управление милитаризованными старшими школами, хранение вакцин и даже руководство некоторыми аспектами национальной политики в области науки и технологий.

Всё это представляет особые риски для демократической стабильности. Когда правительство представляет вооруженные силы как превосходящие гражданские структуры во всех видах задач и как важного союзника своего политического проекта, оно создаёт нарратив, который, если будет принят населением, может привести к сценариям авторитаризма. Утечки военных документов показали, что ВС систематически совершают преступные действия — продажу оружия преступным группам, минимизацию сексуального насилия в отношении женщин-военнослужащих, сокрытие других преступлений и серьёзных нарушений прав человека. В этом контексте, учитывая также непрозрачность и отсутствие подотчётности в их действиях, очевидна опасность продолжения текущего курса. Как очередной пример сомнительности честности военных можно вспомнить случай ареста бывшего министра обороны Сальвадора Сьенфуэгоса [17]. Он был арестован в США в октябре 2020 года по обвинению в содействии наркокартелю Н-2. Его подозревали в контрабанде наркотиков, отмывании денег и получении взяток за обеспечение безопасного транзита наркотиков в США в период его службы.

Ситуация с милитаризацией в стране не нравится и многим экспертам. «Нигде в мире размещение вооружённых до зубов солдат не приводило к умиротворению страны», — сказала эксперт по безопасности Каталина Перес Корреа. Она также считает, что расширение военных полномочий часто приводит к росту числа нарушений прав человека. А мексиканские военные имеют долгую историю массовых убийств в стране [18]. Ее слова также подтверждаются статистикой: количество военных на местах росло с каждым годом, как и количество убийств. Алехандро Хоуп, аналитик в сфере безопасности, считает, что «Расследовательская работа практически отсутствует». По его мнению, правительство Мексики стремиться вызвать привыкание к присутствию военных в стране, что также подтверждается тем, как много различных проектов и контроля перешло в руки военных [19]. Военный аналитик Хуан Ибарра считает, что военные становятся политическим инструментом влияния Лопеса Обрадора, а не средством решения проблем с преступностью, хотя прецедентов давления на других политиков обнаружено не было [20]. Директор мексиканского офиса

Washington Office on Latin America Стефани Брюэр утверждает, что милитаризация в стране уничтожает демократическую основу Мексики, увеличивая авторитарные тенденции, она также обличает непрозрачность действий армии в гражданских институтах [21]. Директор Института безопасности и демократии Эрнесто Лопес Портильо обращает внимание на то, что с увеличением милитаризации не происходит снижения уровня преступлений и убийств в стране, что в целом подрывает эффективность таковой направленности администрации президента Лопеса Обрадора [22].

Теперь рассмотрим причины, по которым введение военнослужащих в полицейскую сферу деятельности может быть проблематичным для страны. В первую очередь это, конечно, разница подходов и подготовки. Солдаты, которые прошли через военную подготовку, не обучены взаимодействию с гражданскими, не подготовлены противодействию угрозам общественной безопасности, не способны решать подобные угрозы минимальным применением силы, сотрудничая при этом с другими службами и с мирным населением. Солдаты лишь обучены применять грубую силу для уничтожения врага, что совсем не подходит под условия работы обычных полицейских служб.

Одна из важнейших проблем: коммуникация и координация. Ситуация с подотчетностью до сих пор не скоординирована. Разные службы: Национальная гвардия, военные других ведомств, полиция тратят много времени на распределение дел и обязанностей и все это не проходит гладко. Одно преступление можно попасть сразу к нескольким группам общественной безопасности, таким образом они будут расследовать одно и то же, постоянно сталкиваясь друг с другом и теряя в эффективности.

1 октября 2024 года к власти в Мексике пришла Клаудия Шейнбаум Пардо, президенство которой, на данный момент времени, можно считать последним этапом милитаризации. Она является прямым продолжателем политики Андреса Мануэля Лопеса Обрадора, являясь выходцем из той же партии. Хотя она и обещала снизить уровень милитаризации в стране, она полностью поддерживает его реформы. Например, Национальную гвардию она не собиралась ни распускать, ни снижать количество военных, задействованных в ней, количество таковых наоборот увеличилось до числа примерно 150 тыс. человек. Она также абстрагирует себя от Фелипе Кальдерона, заявляя, что страна под ее началом не собирается воевать с картелями. Тем не менее, Национальная гвардия будет продолжать консолидироваться, увеличиться количество расследований, а также будет решена главная проблема: проблема координации подразделений различных служб со всеми учреждениями [23]. Таким образом, остается крайне неясным вопрос, каким именно образом Клаудия Шейнбаум собирается снижать уровень милитаризации в стране, когда ее действия говорят об обратном.

Можно сделать вывод, что милитаризация Мексики не решила проблему преступности и насилия, а лишь усилила власть военных, подорвала гражданские институты и создала риски для демократии. Высокий уровень убийств, коррупционные скандалы и отсутствие подотчётности подтверждают неэффективность этой политики, несмотря на отдельные достижения Национальной гвардии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Закон о национальной безопасности. – URL: https://www.gob.mx/cms/uploads/attachment/file/963446/Ley_de_Seguridad_Nacional.pdf (дата обращения 10.04.2025).

2. La guerra de Felipe Calderón contra el narcotráfico fue una farsa / La Opinión. 2020. – URL: https://laopinion.com/2020/02/01/anabel-hernandez-la-guerra-de-felipe-calderon-contra-el-narcotrafico-fue-una-farsa/ (дата обращения 10.04.2025).

3. Данные о количестве вооруженных группировок. – URL: https://www.mn.ru/smart/narkokarteli-voshli-v-top-5-krupnejshih-rabotodatelej-meksiki-v-nih-trudoustroeny-175-tys-zhitelej-strany (дата обращения 10.04.2025).

4. Закон о внутренней безопасности. – URL: https://www.policinglaw.info/assets/downloads/2017_Interior_Security_Law_(Spanish_original).pdf (дата обращения 09.04.2025).

5. Suprema Corte declara inconstitucional Ley de Seguridad Interior / Mexico Forbes. 2017. – URL: https://forbes.com.mx/suprema-corte-declara-inconstitucional-ley-de-seguridad-interior/ (дата обращения 10.04.2025).

6. Данные о количестве военнослужащих в Национальной гвардии безопасности. – URL: https://cnnespanol.cnn.com/2024/06/26/que-es-guardia-nacional-mexico-como-opera-de-quien-depende-orix (дата обращения 10.04.2025).

7. Данные о количество убийств в Мексике. – URL: https://es.statista.com/estadisticas/1337034/mexico-numero-de-homicidios/ (дата обращения 10.04.2025).

8. Закон о национальной гвардии. – URL: http://www.ordenjuridico.gob.mx/Documentos/Federal/html/wo120948.html (дата обращения 11.04.2025).

9. Как «война картелей» повлияла на всеобщие выборы в Мексике / РБК. 2024. – URL: https://www.rbc.ru/politics/02/06/2024/66588b749a794726e74a0ed7 (дата обращения 10.04.2025)

10. Guardia Nacional ‘se muda’: cambia sede a avenida Casa de Moneda / El financiero. 2021. – URL: https://www.elfinanciero.com.mx/nacional/2021/10/01/guardia-nacional-se-muda-cambia-sede-a-avenida-casa-de-moneda/ (дата обращения 10.04.2025).

11. Милитаристские соглашения 2020 года. – URL: https://www.dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=5593105&fecha=11/05/2020#gsc.tab=0 (дата обращения 10.04.2025).

12. На север Мексики направят нацгвардию из-за беспорядков / РИА. 2022. – URL: https://ria.ru/20220813/meksika-1809436880.html (дата обращения 10.04.2025)

13. One Year After National Guard’s Creation, Mexico is Far from Demilitarizing Public Security / Wola. 2020. – URL: https://www.wola.org/analysis/one-year-national-guard-mexico/ (дата обращения 10.04.2025).

14. Mexico is sending its new national guard to the Guatemala border. The mission is unclear. / The Washington Post. 2019. – URL: https://www.washingtonpost.com/world/the_americas/with-border-deployment-mexicos-new-national-guard-gets-its-first-big-mission/2019/06/10/91564d14-8ad2-11e9-b6f4-033356502dce_story.html (дата обращения 10.04.2025).

15. Marcha del silencio a tres años de la desaparición de 43 estudiantes en México / SPUTNIK Mundo. 2017. – URL: https://noticiaslatam.lat/20170927/ayotzinapa-justicia-escuela-1072677466.html (дата обращения 10.04.2025).

16. Национальный план мира и безопасности. – URL: https://lopezobrador.org.mx/wp-content/uploads/2018/11/Plan-Nacional-de-Paz-y-Seguridad_.pdf (дата обращения 10.04.2025).

17. Former Mexican Defense Minister Salvador Cienfuegos Zepeda Arrested by U.S. Officials / Justice in Mexico. 2017. – URL: https://justiceinmexico.org/cienfuegos-arrested-us/ (дата обращения 10.04.2025).

18. ¿Más militarización o mero formalismo? López Obrador firma decreto para que el Ejército siga en tareas de seguridad pública hasta 2024 / Actualidad. 2020. – URL: https://actualidad.rt.com/actualidad/352793-lopez-obrador-fuerzas-armadas-seguridad-publica (дата обращения 10.04.2025).

19. Alejandro Hope: La Guardia Nacional es lo mismo y obtenemos los resultados de siempre / CNN México. 2021. – URL: https://cnnespanol.cnn.com/video/funciona-guardia-nacional-amlo-aniversario-perspectivas-mexico (дата обращения 10.04.2025)

20. ¿México militarizado? / Nacional. 2020. – URL: https://www.milenio.com/opinion/juan-ibarrola/cadena-de-mando/mexico-militarizado (дата обращения 10.04.2025).

21. El ejército mexicano dispara fatalmente a 6 migrantes / The New York Times en Español. 2024. – URL: https://www.nytimes.com/es/2024/10/02/espanol/america-latina/ejercito-mexicano-dispara-migrantes.html (дата обращения 10.04.2025)

22. De la militarización al militarismo, ¿ciclo incontenible? / Este país. 2024. – URL: https://estepais.com/home-slider/de-la-militarizacion-al-militarismo-ciclo-incontenible/ (дата обращения 10.04.2025).

23. Claudia Sheinbaum rechaza que exista militarización en México / El Economista. 2024. – URL: https://www.eleconomista.com.mx/politica/Claudia-Sheinbaum-rechaza-que-exista-militarizacion-en-Mexico-20240624-0064.html (дата обращения 10.04.2025).

УДК 327

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БРЕНДИНГ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

NATIONAL BRANDING IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL INSTABILITY

Д. С. Килочкина,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
D. S. Kilochkina,
St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: st101604@student.spbu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации национального брендинга в условиях геополитической нестабильности. В работе рассматривается, как национальный бренд становится инструментом не только внешней коммуникации, но и внутренней мобилизации, легитимации политических решений, преодоления изоляции и восстановления репутации государства. Отмечается, что в кризисных ситуациях брендинг приобретает стратегическую значимость через адаптацию государства к внешнему давлению, укрепление идентичности, выстраивание альтернативных каналов взаимодействия и формирование позитивных символических нарративов. Особое внимание уделено связи между брендом и такими категориями, как мягкая сила, публичная дипломатия и безопасность. Сделан акцент на том, что гибкий, многослойный и ценностно нагруженный национальный бренд может стать важнейшим ресурсом устойчивости и международной субъектности государства в условиях политической нестабильности.

Abstract. This article is devoted to the analysis of the transformation of nation branding in the context of geopolitical instability. The study explores how the national brand becomes a tool not only for external communication, but also for internal mobilization, legitimization of political decisions, overcoming isolation, and restoring the state's reputation. It is noted that in times of crisis, branding gains strategic significance through a state's adaptation to external pressure, the strengthening of national identity, the construction of alternative channels of interaction, and the formation of positive symbolic narratives. Special attention is given to the relationship between branding and such categories as soft power, public diplomacy, and security. The article emphasizes that a flexible, multilayered, and value-laden national brand can become a key resource for the resilience and international agency of a state under conditions of political instability.

Ключевые слова: НАЦИОНАЛЬНЫЙ БРЕНДИНГ, ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ, МЯГКАЯ СИЛА, ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ, РЕПУТАЦИЯ ГОСУДАРСТВА, СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ, МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИМИДЖ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА, БЕЗОПАСНОСТЬ

Key words: NATION BRANDING, GEOPOLITICAL INSTABILITY, SOFT POWER, PUBLIC DIPLOMACY, STATE REPUTATION, STRATEGIC COMMUNICATION, INTERNATIONAL IMAGE, POLITICAL IDENTITY, SYMBOLIC POLITICS, SECURITY

Ввиду неких резких изменений в политической, экономической и социальной сфере состояние мировых или региональных отношений переходит в критическое, что сопровождается как правило неопределённостью, конфликтами, угрозами безопасности, нарушением международных норм и правопорядка, что, в свою очередь, приводит к геополитической нестабильности. Причины подобного

явления могут иметь как внутренний, так и внешний характер возникновения и охватывать как отдельные государства, так и целые регионы. Как правило это может происходить из-за трансформации мировой и региональной архитектуры безопасности, изменения баланса между ведущими державами, усиления конкуренции за ресурсы и влияние, идеологического раскола и эрозии норм международного права.

Государство, оказавшееся в центре международных конфликтов, может столкнуться с негативным восприятием в глазах мировой общественности, которая будет воспринимать эту страну и даже её народ как угрозу. В настоящий момент этот эффект имеет очень яркую окраску за счет развития передачи информации в каком-либо виде. Благодаря СМИ, интернету, социальным сетям общественность быстро и остро реагирует на события, которые, по их мнению, угрожают безопасности и устойчивости мирных отношений. Это, в свою очередь, может снизить привлекательность национального бренда, ограничивая возможности в различных важных секторах. Ограничения в экономической сфере, такие как санкции, которые приводят к международной изоляции, сказывается на привлекательности национального бренда для инвесторов и предпринимателей, что, в свою очередь, снижает экономический потенциал страны. Также распространены и культурные санкции, которые ограничивают возможность для культурных обменов, туризма и образовательных инициатив, что снижает вероятность для развития ценного и качественного человеческого капитала внутри страны и ограничивает экспорт культуры, искусства и других национальных ценностей [1].

Ярким примером влияния геополитической нестабильности на восприятие страны на мировой арене служит нынешний конфликт России с Украиной. До всем известных событий образ России крутился вокруг ассоциаций с великой энергетической державой с богатым культурным наследием, интеллектуальным и технологическим центром Евразии благодаря участию в БРИКС и активным участником глобальной дипломатии благодаря роли в иранской сделке и Олимпиаде в 2014 году. Это подтверждается в Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 года, где подчеркивается идея многополярного мира, дипломатического баланса, равного партнёрства и диалога [2]. После присоединения Крыма в 2014 году восприятие бренда России резко поменялось. Мировое сообщество стало воспринимать Россию как агрессора, который не считается с международным правом, что привело к исключению из G8 и введению экономических санкций. С углублением конфликта начиная с февраля 2022 года внешний образ можно охарактеризовать как изоляционистский, милитаризированный, основанный на противопоставлении «русского мира» с опорой на традиционные ценности и православие Западу. В официальной стратегии, описанной в Концепция внешней политики РФ 2023 года, прослеживается приоритетное сотрудничество с Азией, Африкой, Латинской Америкой и впервые чётко закрепляется идеологический раскол с Западом [3]. Сейчас Россия активно транслирует образ борца с колониализмом на Глобальном Юге, продвигает риторику борьбы с гегемонией США и НАТО. В контексте примера Российской Федерации развитие национального бренда не столько

инструментом «мягкой силы», сколько оружием внутренней легитимации и внешнеполитической мобилизации [4].

В то же время влияние может быть обратным, то есть бренд страны может помочь справиться ей со сложной геополитической ситуацией [5]. Дело в том, что он, бренд, становится неким стратегическим ресурсом, который может способствовать сохранению доверия на международной арене, минимизированию последствий конфликтов, адаптированию к изменяющемуся глобальному контексту. Например, бренд может выступать как средство международной легитимизации, то есть благодаря грамотной стратегии страна может доказать, что действует в рамках ценностей, разделяемых международным сообществом. Кейс Украины очень показателен. Был создан героический образ сопротивляющегося государства во главе с харизматичным лидером из народа и близким к нему [6]. Благодаря этому Украине удалось не только добиться военной, финансовой и гуманитарной помощи, но и на контрасте создать угрожающий образ России в глазах мировой общественности. Также бренд может выступать как некая защита от изоляции. Страны, находящиеся под санкциями или в международной изоляции, используют культурную дипломатию как «обходной путь». Такой стратегии придерживается Иран. Несмотря на политическую и экономическую изоляцию, он последовательно развивает бренд древней цивилизации, высокого духовного наследия и научного потенциала. Продвижение иранского кино, персидской поэзии, исламской архитектуры позволяет государству сохранять «культурные мосты» даже с теми странами, с которыми отсутствует политический диалог. Это в свою очередь позволяет ему участвовать в международных культурных форумах и привлекать человеческий капитал в виде интеллектуальных и гуманитарных элит [7]. На примере России же можно рассмотреть бренд как мобилизационный инструмент внутри страны. С 2014 года в заявлениях политических деятелей, Концепциях внешней политики и непосредственных действиях властей прослеживается идея некой суверенной державы, борющейся с коллективным Западом. Стабильность в многонациональной стране обеспечивается транслированием традиционных ценностей, что создает исторические нарративы, объединяющие огромный народ, укрепляет его самоощущение, и способствует легитимизации международных действий [8]. Также продуманный бренд может использоваться для некой «перезагрузки» страны после тяжелых конфликтов. Безусловно, это было необходимо Германии после окончания Второй Мировой войны. Послевоенное ребрендинг Германии строился на ценностях покаяния, демократии, технологичности и европейской солидарности. Создание образа «новой Германии» позволило в течение всего двух десятилетий вернуться в европейскую политику, восстановить доверие союзников и в последствии даже стать лидером ЕС и экономическим флагманом Европы. Стратегия оказалась невероятно удачной с учетом того, что сейчас Германия занимает верхние строчки в рейтинге национальных брендов. Через призму аспектов, которые выделил Саймон Анхольт, она была страной с самым высоким рейтингом NBI в 2008, 2014, 2017 и 2018 годах, а в 2024 году заняла вторую строчку [9]. Например, с точки зрения экспорта можно выделить успех товаров с маркировкой «Made in Germany», которая согласно исследованию, проведённому социологическим институтом YouGov и Кембриджским

университетом в Великобритании, занимает первое место по популярности среди потребителей во всем мире [10]. Одной из сильных сторон Германии является ее система государственного управления. Более того, деятельность всем известного канцлера А. Меркель также влияет на имидж нации, что можно отнести к аспекту, связанным с государственным управлением. В то же время Германия немного отстает в рейтинге в измерении «люди». Дело в том, что на сегодня немецкая национальная идентичность находится в кризисном состоянии ввиду довольно «темного» исторического прошлого [11]. Правительству не стоит недооценивать этот аспект и активно работать в этом направлении, ведь это не только подрывает внешний имидж страны, но и лишает нацию уверенности в собственных силах. А нация, не уверенная в своих силах, обречена на деградацию.

Таким образом, национальный бренд в условиях нестабильной и неопределённой обстановки на мировой арене становится политико-коммуникационным механизмом, интегрирующим ценности, стратегию и репутационные интересы. Страны, способные гибко адаптировать свой бренд, оказываются в более выигрышном положении — как во внешнеполитическом, так и во внутреннем измерении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Глушко К. А. Особенности формирования национального брендинга как основы государственного имиджа / К. А. Глушко // Фундаментальные научные исследования: теория и практика : сб. науч. тр. по материалам XXVI Междунар. науч.-практ. конф., Анапа, 14 июня 2024 г. – Анапа: ООО «НИЦ ЭСП», 2024. – С. 88–92.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом РФ 12.02.2013 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 13.04.2025).
3. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Президент России: официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811 (дата обращения: 13.04.2025).
4. Kaneva N. Ukraine and the war of images: nation branding in times of crisis // Critical Studies on Security. – 2022. – Vol. 10, № 2. – P. 107–124.
5. Матвеевская А.С., Дьякова С.А. Публичная дипломатия и национальный брендинг Российской Федерации // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 1. С. 73–91. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.1.4
6. Данилова Е. А. Поиск идеи российского национального брендинга в логике построения многополярного глобального миропорядка // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2016. – № 2.
7. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: PublicAffairs, 2004. – 191 p.
8. Щербаков А. П. Цивилизационная дипломатия и брендинг России // Вестник МГИМО-Университета. – 2020. – № 6(75). – С. 40–51.
9. The Place Brand Observer. Anholt Nation Brands Index (NBI) 2024: Key Highlights and Trends..– 17 декабря 2024 г. – URL: https://placebrandobserver.com/anholt-nation-brands-index-nbi-2024/, свободный. — (дата обращения: 20.04.2025).
10. Немецкие товары оказались самыми популярными среди потребителей во всем мире // Ин терфакс. – URL: https://www.interfax.ru/world/678520 (дата обращения: 20.04.2025).
11. Плоцких А. С. Национальный брендинг Германии как инструмент мягкой силы / А. С. Плоцких // Студенческие научные исследования: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 17 июня 2020 г. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2020. – С. 343–345.

УДК 327

ЭВОЛЮЦИЯ РАЗВИТИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В АВСТРИИ В ПЕРИОД С 2000 ПО 2024 гг.

THE EVOLUTION OF AUSTRIA'S PARTY SYSTEM FROM 2000 TO 2024

О. М. Куликова,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
O. M. Kulikova,
Saint-Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: olya.kulikova22@gmail.com

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа изменений, которые претерпела партийная система Австрии в период с 2000 по 2024 год, а также определяются тенденции, характерные для нее. Автор делает акцент на факторах, обусловивших электоральные успехи Австрийской партии свободы (АПС), с целью оценки политических настроений граждан Австрии. В ходе исследования был сделан вывод, что дальнейшая траектория австрийской политики будет зависеть от баланса сил между центристами и укреплением позиций АПС, а также от способности политических акторов эффективно реагировать на вызовы современности.

Abstract. The article attempts an analysis of the changes undergone by Austria's party system between 2000 and 2024, and identifies prevailing trends. The author focuses on the factors behind the electoral successes of the Freedom Party of Austria (FPÖ) to gauge the political sentiment of Austrian citizens. The research concludes that the future trajectory of Austrian politics will depend on the balance of power between centrist forces and the FPÖ's strengthening position, as well as the ability of political actors to effectively respond to contemporary challenges.

Ключевые слова: АВСТРИЙСКАЯ ПАРТИЯ СВОБОДЫ, СИСТЕМА PROPORZ, «БОЛЬШАЯ КОАЛИЦИЯ», СОЦИАЛЬНЫЙ ШОВИНИЗМ, ЕВРОИНТЕГРАЦИЯ, ПОПУЛИСТСКИЕ МЕХАНИЗМЫ

Key words: FREEDOM PARTY OF AUSTRIA (FPÖ), PROPORZ SYSTEM, THE GRAND COALITION, SOCIAL CHAUVINISM, EUROPEAN INTEGRATION, POPULIST MECHANISMS

Настоящее исследование представляет собой анализ развития партийной системы Австрии, а также условий роста электоральных показателей ультраправой политической партии на парламентских выборах 2024 года. На фоне усиливающихся беспокойств политических сил, выступающих за тесную интеграцию с Западом и противодействие российскому влиянию по поводу пророссийской тенденции в политике Центральной Европы наблюдался устойчивый рост популярности Австрийской партии свободы (АПС), что сопровождалось неудовлетворительной оценкой работы лидеров крупных Австрийской народной партии (АНП) и Социал-демократической партии (СДПА). Актуальность исследования обусловлена изменениями, которые претерпела партийная система Австрии за последние два десятилетия, включая

кризис традиционных партий АНП и СДПА, усиление правопопулистских сил и появление новых политических акторов. Анализ этих изменений позволяет понять текущую структуру политической конкуренции и ее динамику.

Целью исследования является выявление факторов, определяющих эволюцию австрийской партийной системы и электоральные успехи Австрийской партии свободы на современном этапе (2000-2024 годы). Для достижения цели работы был выделен ряд задач:

1. Выявить тенденции, присущие развитию австрийской партийной системы;
2. Выявить обстоятельства, повлиявшие на результаты парламентских выборов в Австрии в 2024 году;
3. Оценить вклад различных факторов в формировании имиджа партии АПС и привлечении электоральной поддержки.

Методологическая база исследования – качественный контент-анализ. В ходе исследования были сформулированы выводы, затрагивающие тенденции австрийской партийной системы, характерные для периода с 2000 года по 2024 год. Также были выделены основные факторы, повлиявшие на усиление крайне правого течения в Австрийской Республике в этот же период.

Консенсусная демократия в послевоенной Австрии. Послевоенное партийное строительство в Австрии характеризовалось преемственностью довоенным политическим традициям. Под влиянием внутри- и внешнеполитических факторов, включая кризис послевоенного периода и угрозу коммунистической экспансии, сформировалась правительственная «большая коалиция» на основе компромисса между АНП и СДПА [1]. Данная модель, укорененная в традиции консенсусной демократии, институционализировала систему *Proporz*, обеспечивавшую распределение власти и ресурсов между доминирующими партиями, что, в свою очередь, обеспечивало стабильность политической системы до середины 1980-х годов.

В послевоенной Австрии доминирование «большой коалиции» АНП и СДПА в партийной системе детерминировалось взаимосвязанным действием нескольких факторов. Во-первых, коалиционное взаимодействие институционализировало интересы обеих партий в государственном аппарате [2]. Распределение сфер влияния обеспечивало электоральную стабильность: АНП контролировала финансы, образование, а СДПА – промышленность и инфраструктуру. Во-вторых, политическое влияние партий усиливалось за счет интеграции общественных организаций, представители которых занимали министерские посты. В частности, профсоюзные деятели играли важную роль в поддержании коалиционного формата, о чем свидетельствует Габсбургский кризис 1961 года [3]. В-третьих, австрийская политическая система характеризовалась гиперполитизацией социальной сферы, проявлявшейся в идеологизации образования и использовании партийными элитами административных ресурсов для укрепления политической лояльности. Контроль над СМИ и жесткая иерархия препятствовали формированию политической оппозиции. Таким образом, совокупное действие указанных факторов обусловило устойчивость «большой коалиции» на протяжении послевоенного периода.

Трансформация партийной системы Австрии, начавшаяся в середине 1980-х годов, характеризовалась упадком традиционных партий («большой коалиции») и подъемом «Зеленых», либералов и, особенно, Австрийской партии свободы, прошедшей эволюцию от центристского либерализма к радикальному антиистеблишменту под руководством Й. Хайдера [4]. Социально-экономические сдвиги постиндустриальной эпохи, выразившиеся в изменении профессиональной структуры и переоценке ценностей, подорвали влияние системы *Proporz* и ослабили традиционные электоральные базы АНП и СДПА. В условиях роста сектора услуг коалиция АНП-СДПА, ориентируясь на интересы «белых воротничков», проводила либерализацию австрийской экономики, что, несмотря на умеренный характер, стало значительным отклонением от традиционной ориентации на индустриальный сектор. Данные реформы, предоставив определенные преимущества «белым воротничкам», привели к ослаблению социальной защиты рабочих, что сделало их уязвимыми для политической конкуренции со стороны оппозиционных сил [5].

В период 1986-1999 гг. в Австрии наблюдалась электоральная нестабильность, обусловленная снижением партийной идентификации вследствие кризиса «большой коалиции», усилением позиций Й. Хайдера и Австрийской партии свободы, евроинтеграцией и трансформацией экономики в сторону сектора услуг. Размывание электоральных баз АНП и СДПА, вызванное этими процессами, создало пространство для политической конкуренции, бенефициаром которой стала АПС. Разочарование в «большой коалиции» СДПА-АНП создало электоральную базу для Австрийской партии свободы, сочетавшей в программе элементы как «правой», так и «левой» направленности, апеллируя к протестному электорату за счет антииммиграционной риторики, либерализации рынка и социальной демагогии, обращенной к рабочим [6]. АПС дестабилизировала традиционные партийные связи, мобилизуя как рабочих на основе ксенофобии и авторитаризма, так и представителей малого бизнеса под прорыночными и антиэтатистскими лозунгами. Используя риторику социального шовинизма и свободы предпринимательства, АПС апеллировала к ценностям, игнорируемым «большой коалицией». Неспособность АНП к последовательному проведению неолиберальной политики также способствовала укреплению позиций АПС, в то время как политическая повестка определялась реформами СДПА.

Фактором роста популярности Австрийской партии свободы стало продвижение программы «Третьей республики» с отказом от корпоративизма и внедрением популистских механизмов, включая усиление президентской власти и элементы плебисцитарной демократии. Позиционирование в качестве альтернативы политическому истеблишменту, а также постиндустриальный характер, гибкость и отсутствие жесткой привязки к традиционным электоральным группам позволили АПС разработать стратегию, нацеленную на широкий спектр избирателей и адаптироваться к изменяющимся политическим условиям, в отличие от АНП и СДПА, ограниченных необходимостью согласования решений с элитой и структурами, ориентированными на традиционные промышленные группы интересов.

Тенденции партийной системы Австрии с 2000 по 2024 год. В настоящее же время традиционное доминирование правоцентристской Австрийской народной партии и левоцентристской Социал-демократической партии Австрии сменилось вновь приобретенной популярностью Австрийской партии свободы, о чем свидетельствуют результаты прошедших в сентябре 2024 года парламентских выборов. Однако это вызвало ряд сложностей формирования новой правительственной коалиции, обусловленных провалом переговоров лидеров Партии свободы и Народной партии.

На современном этапе общая обстановка способствует правым популистам, в то время как СДПА на протяжении последних нескольких лет погрязла в борьбе за лидерство и утратила доверие. Исходя из опросов и последних результатов выборов, реакцию на смену смены руководства можно охарактеризовать как безразличную [7]. Слишком сдержанная предвыборная кампания привела к потерям голосов для СДПА. Основным лицом кампании стал ведущий кандидат Андреас Шидер, который и на выборах 2019 года не стал сильной фигурой в понимании населения. Партия не акцентировала внимание на своем лидере во время выборов в Европарламент. Вопросы, касающиеся доступного жилья и пенсий, рассматривались только через призму Евросоюза. Также вызвала критику техническая реализация кампании. Представители СДПА не допустили явных ошибок, но и не добились впечатляющих результатов. Иммиграция как наиболее обсуждаемая тема предвыборных кампаний избегалась представителями СДПА и АНП, которые столкнулись с трудностями в ответах на эмоциональные опасения избирателей. Народная партия заняла второе место на выборах в сентябре, так как население выразило недовольство ее действиями, связанными с несколькими коррупционными скандалами, произошедшими раньше [8]. В результате, электорат проявил равнодушие и предпочел партию, обещающую более радикальные изменения, направленные исключительно в русло интересов граждан Австрии.

Поддержка обществом крайне правой партии была вызвана рядом факторов. Одним из них является недовольство австрийцев миграционным наплывом и связанным с этим падением уровня безопасности. Миграционный кризис проявляется в качестве увеличения преступности в Европе. Например, теракт в Магдебурге, в Германии или нападение сирийским мигрантом на прохожих в австрийском городе Виллах. Поэтому население Австрии стало более открытым к идее внедрения новой, более радикальной миграционной политики, которая прослеживается в цели Герберта Кикля и заключается в отсутствии у беженцев возможности обосноваться в Австрии. На это также воздействовала приверженность Кикля невмешательству наднациональных институтов во внутренние дела австрийского государства, что соответствовало интересам граждан. Более того, сама фигура харизматичного лидера Партии свободы может привлекать избирателей, а, учитывая его хладнокровность и рациональность при решении актуальных проблем, население может с большей вероятностью выбирать именно такого главу [9].

В настоящее время партийная система Австрии характеризуется созданием нового правительства, в котором отсутствуют представители радикальных

правых. Это стало завершающим аккордом пятимесячных переговоров, начавшихся после выборов прошлой осенью. Австрийские центристы приложили все усилия, чтобы отстранить ультраправых евроскептиков от власти вследствие того, что государство играет ключевую роль в Европейском Союзе и обладает правом представлять блок на международной арене. Господин Штокер возглавил первую трехпартийную коалицию в австрийском правительстве, которая объединила Австрийскую Социал-демократическую партию, либеральную партию Новая Австрия и Народную партию. Партия свободы, напротив, заметно укрепила свои позиции с осени прошлого года, завоевав поддержку трети населения страны. По опросам, австрийцы по-прежнему недовольны экономической ситуацией, которая последние два года характеризуется рецессией, и озабочены иммиграцией, особенно из в основном мусульманских стран [10]. АПС сделала эти вопросы центральными в своей последней предвыборной кампании, пообещав массовые депортации и запрет на политические проявления ислама. После своей победы в осенних выборах Австрийская партия свободы оказалась в изоляции из-за отказа других партий от сотрудничества. Возможности СДПА, АНП и Новой Австрии формирования нового правительства увязли в вопросах сочетания сокращения расходов и повышения налогов для снижения государственного дефицита. Разногласия внутри новой коалиции будут замедляться за счет негативных стимулов, например, выгоды другим партиями из-за неудачи коалиции. Партия Новая Австрия не в состоянии свергнуть правительство, выйдя из него, в силу своего небольшого влияния, так как две ведущие партии имеют достаточно мест в Национальном совете Австрии для обеспечения большинства. Этот аспект позволит сделать коалицию стабильной.

Таким образом, можно сделать вывод, что Австрийская народная и Социал-демократическая партии Австрии долгое время оставались основными политическими акторами, обеспечивая стабильность. Тем не менее, изменения в обществе спровоцировали формирование новых политических структур, а также выход на первый план иных политических партий. Возвышение Австрийской партии свободы на фоне миграционного кризиса демонстрирует, как социальные и экономические факторы влияют на политические предпочтения граждан. Растущее недовольство миграционными потоками и связанные с ними проблемы безопасности создали почву для успеха крайне правых политических сил. Существующая экономическая рецессия и социальные протесты усилят политическую напряженность и могут привести к росту недовольства населения, что правые популисты постараются использовать в своих интересах. Таким образом, текущая политическая конъюнктура в Австрии характеризуется борьбой за лидерство, внутренними конфликтами партий и нарастающим влиянием правых популистов на фоне экономических трудностей.

Выводы. В послевоенной Австрии политические партии играли ключевую роль в развитии демократии и формировании национальной идентичности. Двумя доминирующими силами являлись АНП и СДПА, сформировавшие «большую коалицию» для обеспечения консенсуса. Однако, социальные изменения 1970-80х гг. привели к появлению новых политических акторов, таких как «Зеленые», и

смещению электорального внимания с идеологии на решение актуальных социальных проблем. Несмотря на первоначальное возвращение к консенсусной модели, СДПА ослабевала из-за внутренних противоречий, а АНП – из-за коррупционных скандалов. На этом фоне АПС, эксплуатируя общественное недовольство, демонстрировала рост влияния. Хотя центристам удалось сформировать коалиционное правительство без АПС, его устойчивость остается под вопросом. Дальнейшая траектория австрийской политики будет зависеть от баланса сил между центристами и укреплением позиций АПС, а также от способности политических акторов эффективно реагировать на вызовы современности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Anton Pelinka, Fritz Plasser. An Empirical Long-term Analysis // The Austrian Party System between Erosion and Innovation. Chapter 3. 2019. PP. 41-60.

2. Laura A. Jeltema. The Significance of Austrian National Identity in the Rise of the FPÖ // Politics for the People. 2001. Honors Theses. 910.

3. Tim Kirk. Ideology and Politics in the State that Nobody Wanted: Austro-Marxism, Austrofascism, and the First Austrian Republic // Global Austria. Austria's Place in Europe and the World. Vol. 20. PP. 81-99.

4. Manfried Rauchensteiner, The "Big Two": The Grand Coalition, 1945-1966 and 1987-2000 // Austria in the Twentieth Century. PP. 235-263э

5. Ruth Wodak, Markus Rheindorf. The Austrian Freedom Party. The new Authoritarism // A Risk Analysis Of The European Alt-Right Phenomenon. Vol.2. 2019. Chapter 6. PP.171-193.

6. Anthony Murphy. An historical and political study of Haider's FPO with a case-study giving a cultural perspective // The Rise Of The Austrian Freedom Party Under Jörg Haider And Right Wing Populism In Austria 1986-2000. Chapter 3. PP. 55-72.

7. Wolfgang C. Müller. Austria: A Complex Electoral System with Subtle Effects // The Politics of Electoral Systems. Part V. PP. 397-414.

8. Günther Sandner. From State Party to Party Crisis. The Social democratic Party of Austria (SPÖ) // The Resistible Corrosion of Europe`s Center Left After 2008. 2022. PP.128-147

9. Frank Decker. Die FPÖ unter Jörg Haider: Erfolgsbedingungen einer rechtspopulistischen Partei // Zeitschrift für Parlamentsfragen, Vol. 28, No. 4. 1997. PP. 649-664

10. Anton Pelinka. Die FPÖ in der vergleichenden Parteienforschung: zur typologischen Einordnung der Freiheitlichen Partei Österreichs // Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft, 31(3), PP. 281-290.

УДК 32.324

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВО ФРАНЦИИ 2024 ГОДА: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

POLITICAL CRISIS IN FRANCE 2024: CAUSES AND COSEQUENCES

А. А. Куцин,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
A. A. Kucin,
Lomonosov Moscow State University,
(Moscow, Russia)
E-mail : a.kutcin@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается политический кризис во Франции в 2024 г., ставший судьбоносным для всего партийно-политического ландшафта страны. Автор анализирует причины кризиса, включая неудачные реформы и провальную деятельность прошлых премьеров страны. Особое внимание уделено таким процессам как роспуск Национального собрания, отставка правительства Барнье, а также деятельности Эмманюэля Макрона. Автор подчеркивает рост политической поляризации общества, ослабление традиционных партий и усиление крайних политических сил. Статья также акцентирует внимание на необходимости консенсуса между партиями для предотвращения дальнейшей политической нестабильности и ухудшения социально-экономической ситуации в стране. Автор приходит к выводу, что политическая стабильность Франции будет зависеть от деятельности нового премьер-министра – Франсуа Байру и желания лидирующих партий прийти к консенсусу.

Abstract. The article examines the political crisis in France in 2024, which has become fateful for the entire party-political landscape of the country. The author analyzes the causes of the crisis, including failed reforms and the failure of past prime ministers. Special attention is paid to such processes as the dissolution of the National Assembly, the resignation of the Barnier government and the activities of Emmanuel Macron. The author emphasizes the growing political polarization of society, the weakening of traditional parties and the strengthening of extreme political forces. The article also emphasizes the need for a consensus among the parties to prevent further political instability and deterioration of the socio-economic situation in the country. The author concludes that France's political stability will depend on the activities of the new prime minister, François Bayrou, and the desire of the leading parties to reach consensus.

Ключевые слова: ФРАНЦИЯ, ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА, ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС, ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ

Key words: FRANCE, PARTY SYSTEM, PARLIAMENTARY ELECTIONS, POLITICAL CRISIS, PRESIDENTIAL ELECTIONS

В 2024 году Франция столкнулась с глубоким политическим кризисом. Впервые с 1997 года президентом было принято решение распустить нижнюю палату парламента страны – Национальное собрание. Главной причиной этому послужили неудачные для блока центристов («Потребность в Европе») итоги выборов в Европарламент, где они получили лишь 13 мест из 81, в то же время лидирующие позиции заняло правое движение – «Франция возвращается»

(31 мандат). По итогам парламентских выборов, прошедших 30 июня и 7 июля, ни одна из ключевых политических сил – левый альянс «Новый народный фронт», центристский блок Эммануэля Макрона «Вместе» и правая партия «Национальное объединение» – не получила абсолютного большинства. Это привело к беспрецедентной политической нестабильности, усугублённой отставкой правительства Габриэля Атталя и задержкой формирования новой исполнительной власти. Кризис поставил под вопрос эффективность политической системы Пятой республики, что вызвало обеспокоенность относительно стабильности европейской политики. Таким образом, крайне важно определить причины, которые привели к кризису, а также последствия данного кризиса для партийно-политического ландшафта Франции как в краткосрочной перспективе, так и для президентских выборов 2027 г. Актуальность исследования подчеркивается той ролью, которую играет Пятая Республика как в Европе, так и на мировой арене в целом. Нестабильность во Франции может иметь далеко идущие последствия для всей европейской интеграции и международных отношений, данный процесс также отражает глобальные тенденции к поляризации общества и ослаблению традиционных партийных систем.

Предпосылки к политическому кризису 2024 г. определились сразу же после парламентских выборов 2022 г., по итогам которых президентская коалиция «Вместе» получила лишь относительное большинство – 248 мандатов. Данный факт значительно затруднил любые внутриполитические преобразования в стране, особенно те, которые наиболее рьяно стремился реализовать сам президент – социальные и экономические. Самый яркий пример – проведение пенсионной реформы, речь о которой шла еще с самого начала первого президентского срока Эммануэля Макрона. Однако, правительству не удалось реализовать повышение пенсионного возраста с 62 до 64 лет из-за обширных социальных протестов «Желтых жилетов» и пандемии COVID-19.

Избираясь на второй президентских срок Макрон, неоднократно подчеркивал важность проведения пенсионной реформы и не раз заявлял о своей решимости, даже несмотря на всеобщее недовольство. Вследствие отсутствия абсолютного большинства голосов в парламенте премьер-министру Элизабет Борн пришлось прибегнуть к крайне непопулярной мере – использовать статью 49.3 Конституции Пятой республики, позволяющую правительству проводить законопроект через Национальное собрание без голосования. В то же время оппозиция имеет право в течение 24 часов подать вотум недоверия и в случае поддержки абсолютного большинства депутатов действующее правительство отправляется в отставку.

В условиях распределения сил в парламенте оппозиция имела математические шансы на роспуск правительства, однако каждый раз одна из политических сил отказывалась принять окончательное решение. Например, в октябре 2022 г. было внесено три вотума недоверия правительству Борн после обращения к статье 49.3 для принятия бюджета на 2023 г. и законопроекта о финансировании социального обеспечения. Каждое предложение было отклонено из-за отсутствия поддержки со стороны правых «Республиканцев».

Представители партии объяснили это нежеланием создавать политический «хаос» в стране [1].

Парламент еще не раз пытался выдвинуть вотум недоверия правительству Борн, однако каждый раз попытки терпели крах. Правительство продолжало проводить непопулярную социально-экономическую политику без оглядки на оппозицию. По итогам своей работы Элизабет Борн даже получила прозвище «мадам 49.3», ведь за два года своей работы на посту премьер-министра прибегла к конституционной поправке 23 раза. Таким образом, обозначилась явная предпосылка к падению рейтинга поддержки Макрона и его партии (с 42% до 27%) и проигрышу его блока на Европейских парламентских выборах 2024 г. [2].

Последовавшее за этим решение Макрона распустить Национальное собрание Франции застало врасплох как президентскую коалицию, так и оппозицию, а также интеллектуальные и экономические элиты страны. Новый электоральный цикл предвещал для ряда депутатов поражение и потерю мандатов, что особенно касалось нового премьер-министра – Габриэля Атталя, назначенного на пост в январе 2024 г. Часть СМИ видели в нем потенциального преемника Макрона, однако после провальных Европарламентских выборов шансы Атталя на президентский пост представлялись призрачными [3].

Сам Эмманюэль Макрон объяснил столь рискованный шаг своим нежеланием допустить еще большего раскола между «народом и теми, кто управляет страной» [4]. По мнению действующего президента, его политический блок являлся лучшей альтернативой как партии Ле Пен, так и блоку Меланшона, объединившего социалистов, коммунистов и «зеленых».

Принимая данное решение, Макрон скорее всего ориентировался на исторические прецеденты в истории Пятой республики. Его действия напоминают аналогичные решения Шарля де Голля (в 1962 и 1968 гг.) и Франсуа Миттерана (в 1981 и 1988 гг.). После роспуска Национального собрания они укрепили свои позиции в парламенте. Последний же прецедент (1997 г.) наоборот – не увенчался успехом для тогдашнего президента Жака Ширака [5]. Это привело к третьему в истории Республики «сожительству» – периоду, когда президент принадлежит к другой политической партии, чем парламентское большинство, и, таким образом, вынужден назначить премьер-министра от победившей партии.

Помимо этого, Макрон рассчитывал на поддержку умеренного электората, который не захотел бы поддержать крайних «популистов» и проголосовал бы не «за» Макрона, а «против» Национального объединения. Также в пользу макроновской коалиции сыграла бы система униноминального мажоритарного голосования в два тура. Кандидаты, набравшие более 12,5% голосов в первом туре 30 июня, пройдут во второй тур голосования 7 июля. Во втором туре, как правило, участвуют два или три кандидата. Ключевую роль во втором туре играют не программа или партийная принадлежность кандидата, а поддержка других кандидатов, проигравших в первом туре.

Стратегия действующего президента оправдалась лишь отчасти – по итогам второго тура выборов Национальное объединение собрало 32,05% голосов, однако получило лишь 126 депутатских мест. Новый народный фронт во главе с

Жан-Люком Меланшоном получил 193 мандата, а блок центристов – 148 мандатов. Таким образом, впервые с парламентских выборов 1958 г. ни одна партия не получила даже относительного большинства голосов и сформировались три противодействующих силы – блок «Вместе», партия Национальное объединение, коалиция Новый народный фронт. Данная ситуация требует, чтобы законодатели постоянно вырабатывали консенсус между партиями для согласования позиций правительства и законотворческой деятельности [6].

После обнародования результатов Габриэль Атталь сразу же подал в отставку, однако президент попросил его остаться до окончания Олимпийских игр в Париже. Результаты выборов сделали формирование нового правительства фактически невозможным без создания коалиций, а действующий президент значительно ослабил свои позиции во внутренней политике страны, потеряв даже относительное большинство в парламенте. Конечно, в соответствии с Конституцией он по-прежнему обладает обширными полномочиями в области внешней политики, европейских дел и обороны, однако до окончания своих президентских полномочий (2027 г.) ему придется постоянно лавировать между интересами левых и правых для проведение успешного внутриполитического курса [7].

Итоги выборов показали очередной виток развития партийно-политического ландшафта страны, где центростремительные силы уступают центробежным тенденциям. Идеи «центристов» постепенно исчерпывать себя, что объясняется неустойчивым социально-экономической ситуацией в стране. На авансцену выходят крайние силы, поддерживающие диаметрально противоположные друг другу идеи. Происходит поляризация партийно-политической системы Франции, что затрудняет достижение компромиссов и создание межпартийных альянсов. Помимо этого, продолжается кризис традиционных партий (Республиканцы и Социалистическая партия) французской политической системы начала XXI в. Также прослеживается тенденция к фрагментации электората, характерная для политической системы Четвертной республики. Граждане начинают отдавать свой голос за множество различных партий, что ставит под угрозу политическую стабильность [8].

Дальнейшие действия Макрона продемонстрировали всю полноту политического кризиса во Франции. На пост премьер-министра был назначен член партии Республиканцы – Мишель Барнье. Президент отказался от диалога с левыми силами, хотя блок представил своего единого кандидата – Люси Кастетс, ранее не занимавшую какой-либо высокий государственный пост. Приоритетом её программы была отмена пенсионной реформы и «большая» налоговая реформа, затрагивавшая транснациональные корпорации и отдельные лица [9]. Назначенный премьер-министр представлял партию, получившую во втором туре выборов лишь 5,41% голосов – Макрон, таким образом, нарушил традицию «сожительства», что подорвало хрупкое доверие оппозиционных сил. Мишель Барнье продержался на посту лишь на три месяца. В декабре 2024 г. правительству был вынесен вотум недоверия, после того как премьер обратился к статье 49.3 Конституции страны для того, чтобы провести законопроект о

финансировании социального обеспечения без голосования [10]. Предложение левых сил было поддержано Национальным объединением – 311 депутатов проголосовало «за» отставку правительства. Срок пребывания Барнье стал самым коротким среди всех премьер-министров Пятой республики.

Финалом политического кризиса 2024 г. стало назначение Франсуа Байру на пост премьер-министра, политического «тяжеловеса» и союзника Макрона. Байру возглавляет либеральную партию «Демократическое движение» и поддерживает президента с момента его победы на выборах в 2017 г. [11]. Осознавая ошибки своего предшественника, он сразу же пошел на уступки как левым силам, так и правым. Во-первых, в своей программной речи Байру согласился пересмотреть итоги пенсионной реформы 2022 г. Во-вторых, он предложил рассмотреть переход на пропорциональную избирательную систему, что является уступкой левым силам, ведь при данной системе партия Ле Пен получила бы значительно большее количество мандатов на прошедших выборах. Особенно данное предложение актуально на фоне приближающихся региональных и парламентских выборов 2027 г. В-третьих, значительное сокращение бюджетных расходов, ведь дефицит бюджета за 2024 г. составил 5,1%, а госдолг страны за год вырос на 69 миллиардов евро и достиг 112% ВВП [12]. Также, несмотря на усилия Макрона по проведению реформ в пользу бизнеса, уровень безработицы во Франции остается высоким, а неравенство доходов по-прежнему является одной из главных проблем. Таким образом, назначение Франсуа Байру представляет себе новую главу во французской политике, которая будет зависеть от будущих действий правительства. Ему придется действовать крайне осмотрительно и постоянно искать консенсус, ведь любое радикальное социально-экономическое изменение будет негативно воспринято одной или двумя доминирующими силами в парламенте.

Французский кризис 2024 года стал наивысшей точкой социальной и политической поляризации французского общества. Впервые с 1997 года президентом было принято решение распустить нижнюю палату парламента страны – Национальное собрание и впервые за почти 60 лет правительство было отправлено в отставку после успешного вотума недоверия. Данные процессы, а также отказ от компромиссов между основными силами, парализовали работу парламента и правительства, обострив социально-экономические проблемы. Хотя назначение Мишеля Барнье ненадолго стабилизировало ситуацию, неоднократное обращение премьер-министра к статье 49.3 и последующий вотум недоверия показали уязвимость современных политических институтов Пятой республики перед лицом политической нестабильности.

Политическое устройство современной Франции начинает напоминать Четвертую республику, когда в парламенте главенствовали несколько разрозненных сил, а новый премьер-министр назначался с разницей в несколько месяцев. На фоне роста влияния Национального объединения и левого блока будущее Франции зависит от способности политических лидеров, а в частности премьер-министра, найти консенсус — в противном случае страну ждёт новый виток нестабильности и еще большая поляризация сил в парламенте. В перспективе можно спрогнозировать еще большую поляризацию электората и

усиление крайних сил – Национального объединения и Непокоренной Франции. На выборах 2027 г. представители именно этих сил будут бороться за Елисейский дворец.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Motions de censure : « Nous n’avons pas sauvé le gouvernement, nous avons agi en responsabilité «, défend la LR Annie Genevard // Public Senat URL: https://www.publicsenat.fr/actualites/politique/motions-de-censure-nous-n-avons-pas-sauve-le-gouvernement-nous-avons-agi-en (дата обращения: 10.04.2025).
2. Рейтинг Макрона рухнул до исторического минимума времен «желтых жилетов» // RTVI URL: https://rtvi.com/news/rejting-makrona-ruhnul-do-istoricheskogo-minimuma-vremen-zheltyh-zhiletov/ (дата обращения: 10.04.2025).
3. Чернега В.Н. Франция после парламентских выборов 2024 года: проблемы и перспективы // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2024. №74 (90). С. 28–35.
4. Макрон объяснил роспуск Нацсобрания стремлением избежать беспорядка // РБК URL: https://www.rbc.ru/politics/24/06/2024/6678f9a99a7947695673be00 (дата обращения: 10.04.2025).
5. France's dissolution of parliament, snap elections: What happens next? // France 24 URL: https://www.france24.com/en/europe/20240611-france-dissolution-parliament-snap-elections-how-it-works-what-next-macron (дата обращения: 10.04.2025).
6. French Prime Minister to Resign After Left-Wing Coalition Wins Most Seats in Election // NTD URL: https://www.ntd.com/french-head-to-polls-for-deciding-runoff-election_1003503.html (дата обращения: 10.04.2025)
7. 2024 French election results no big win for far-right, but next steps unclear. Here's what could happen. // SBC News URL: https://www.cbsnews.com/news/2024-french-election-results-next-steps-macron/ (дата обращения: 10.04.2025).
8. Рубинский, Ю. И. Французские выборы 2022: особенности, итоги, последствия // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2022. – № 6(30). – С. 135–146.
9. La gauche propose Lucie Castets pour Matignon, Emmanuel Macron dit qu'il ne nommera personne avant mi-août // RTS URL: https://www.rts.ch/info/monde/2024/article/la-gauche-propose-lucie-castets-pour-matignon-emmanuel-macron-dit-qu-il-ne-nommera-personne-avant-mi-aout-28578511.html (дата обращения: 11.04.2025).
10. French PM to resign after government falls while Macron seeks solution to crisis // The Guardian URL: https://www.theguardian.com/world/2024/dec/05/french-pm-to-resign-after-government-falls-while-macron-seeks-solution-to-crisis (дата обращения: 11.04.2025)
11. François Bayrou, Emmanuel Macron's centrist ally and France's new PM // France 24 URL: https://www.france24.com/en/europe/20241213-who-is-françois-bayrou-the-centrist-ally-that-macron-named-prime-minister (дата обращения: 11.04.2025).
12. France National Government Debt // CEIC Data URL: https://www.ceicdata.com/en/indicator/france/national-government-debt (дата обращения: 11.04.2025).

УДК 327

ФЕНОМЕН ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО БРЕНДИНГА. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ФИЛИПА КОТЛЕРА И САЙМОНА АНХОЛЬТА

THE PHENOMENON OF PLACE BRANDING. THEORETICAL APPROACHES OF PHILIP KOTLER AND SIMON ANHOLT

Е. В. Матюшечкина
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
E. V. Matiushechkina
Saint-Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: ekaterinamatyus@gmail.com

Аннотация. Территориальный брендинг, также известный как брендинг территорий, представляет собой стратегический маркетинговый подход, направленный на продвижение и улучшение имиджа и репутации определенного географического местоположения, например, города, региона или страны. Начиная с конца XX века многие политологи, экономисты и маркетологи выдвигали свои подходы относительно брендинга территорий, однако до сих пор книг по маркетингу территорий крайне мало, поэтому каждая теория и исследование заслуживает отдельного внимания. Более того, специалистам в области международных отношений важно понимать разницу в подходах различных теоретиков территориального брендинга для того, чтобы оценить и в дальнейшем грамотно применять те или иные подходы в практике своего государства. В данной статье представлен результат сравнительного анализа концепций двух выдающихся теоретиков территориального брендинга – Филипа Котлера и Саймона Анхольта, чьи подходы привнесли весомое значение в развитие территориального брендинга, как науки, а также включают в себя элементы, отличающие эти подходы друг от друга.

Abstract. Territorial branding, also known as place branding, is a strategic marketing approach aimed at promoting and enhancing the image and reputation of a specific geographical location, such as a city, region, or country. Since the end of the 20th century, many political scientists, economists, and marketers have proposed their approaches to place branding; however, there are still very few books on territory marketing, making each theory and study worthy of individual attention. Moreover, it is essential for specialists in international relations to understand the differences in the approaches of various territorial branding theorists in order to assess and subsequently apply these strategies effectively in their country's practice. This article presents the results of a comparative analysis of two prominent territorial branding theorists—Philip Kotler and Simon Anholt—whose approaches have significantly contributed to the development of territorial branding as a science and include elements that distinguish these approaches from one another.

Ключевые слова: МАРКЕТИНГ МЕСТ, ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ БРЕНДИНГ, КОНКУРЕНТНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, ИМИДЖ ГОСУДАРСТВА

Key words: MARKETING PLACES, TERRITORIAL BRANDING, COMPETITITVE IDENTITY, IMAGE OF THE STATE

В современном глобализированном и конкурентном мире территориальный брендинг, стратегический маркетинговый подход, направленный на продвижение и улучшение имиджа и репутации определенного географического местоположения, например, города, региона или страны, становится все более важным по различным причинам. На сегодняшний день существует тысячи примеров маркетинговых стратегий, разработанных для улучшения имиджа той или иной территории. Однако первые попытки систематизации маркетинговых программ для регионов возникли на Западе относительно недавно, в конце XX века. Предпосылкой к этому было ускорение процессов глобализации, прерванных двумя мировыми войнами и экономическим кризисом: «С одной стороны, глобализация давала регионам новые экономические возможности, ставшие следствием децентрализации. С другой стороны, одним из ее последствий стала «гонка на дно» (термин *race to the bottom* впервые употребил судья Верховного суда США Луис Брандейс в 1933 году) – снижение государственного регулирования, социальных гарантий и торговых ограничений, ведущее к обострению бедности» [1].

Таким образом, дух времени призывал представителей различных регионов найти инструмент для дальнейшего успешного политического, экономического и социального развития. Этим инструментом и стал территориальный брендинг, первые исследования которого появились в конце 1990-х годов. Причин на использование именно этого подхода было достаточно.

Во-первых, территориальный брендинг способствует привлечению инвестиций и стимулированию экономического роста. Сильный и позитивный имидж бренда может сделать место более привлекательным для бизнеса, инвесторов, туристов и жителей. Это может привести к повышению экономической активности, созданию рабочих мест и общему процветанию региона. Национальные бренды становятся важными векторами имиджа государства и ее репутации [2].

Во-вторых, территориальный брендинг может помочь отличить местоположение от конкурентов. На переполненном рынке, где города и регионы постоянно борются за внимание и ресурсы, отличительный и привлекательный бренд может выделить место и выделить его в сознании потребителей и лиц, принимающих решения.

В-третьих, территориальный брендинг может способствовать развитию у жителей чувства гордости и идентичности. Продвигая уникальную культуру, наследие и ценности места, территориальный брендинг может укрепить чувство общности и принадлежности среди местных жителей.

Кроме того, брендинг территории может помочь улучшить качество жизни жителей за счет привлечения талантов, стимулирования инноваций и повышения общей репутации места. Сильный бренд также может помочь привлечь квалифицированных работников, предпринимателей и творческих специалистов, которые необходимы для стимулирования экономического роста и развития.

Говоря об оформлении территориального брендинга, как науки, можно упомянуть о таких исследованиях, как «Маркетинг территорий» (Marketing Places) под авторством Дональда Хайдера, Филиппа Котлера и Ирвинга Рейна, где впервые было введено понятие территориального маркетинга (place

marketing), «Продажа территорий: маркетинг и продвижение городов и мегаполисов в 1850-2000 годах» (Selling Places (Planning, History and Environment Series) под авторством Стефана Варда, а также о различных публикациях Кейт Динни, одного из крупнейших специалистов в области брендинга территорий. Например, в своей книге «Брендинг государств: понятия, проблемы, практика» (Nation branding: Concepts, Issues, Practice) К.Динни использовал принцип case-study – детального изучения лучших практик в области маркетинга территорий разных стран мира, а в своей следующей публикации «Брендинг территорий. Лучшие мировые практики» (City branding. Theory and cases) автор привел, как удачные, так и неудачные попытки брендинга территорий.

Однако в данной статье хотелось бы уделить особое внимание двум теоретикам территориального брендинга – Филипу Котлеру и Саймону Анхольту, поскольку их концепции внесли весомое значение в развитие территориального брендинга, как науки, а также включают в себя элементы, отличающие подходы друг от друга.

Филип Котлер – знаменитый американский маркетолог, автор множества книг и статей по маркетингу, которые стали библией для многих специалистов в этой области. Его вклад в развитие маркетинга в целом неоценим, однако особое внимание заслуживает его вклад в развитие территориального маркетинга.

Термин «территориальный маркетинг» или «маркетинг мест» был впервые введен Ф. Котлером и коллегами в 1993 в книге «Маркетинг территорий» («Marketing Places»). Наиболее точное определение данного термина было представлено исследователем А.П. Панкрухиным: «Маркетинг территорий – маркетинг, рассматривающий в качестве объекта внимания и продвижения территорию в целом, осуществляемый как внутри, так и за ее пределами и нацеленный на создание, развитие, эффективное продвижение и использование конкурентных преимуществ данной территории в ее интересах, в интересах ее внутренних, а также тех внешних субъектов, в сотрудничестве с которыми она заинтересована» [3].

Филип Котлер определил, что основная задача территориального маркетинга состоит в том, чтобы подойти к планированию стратегии развития той или иной страны со стороны оценки ее уже существующих преимуществ и недостатков и нахождения путей их решения: «…выявление и диагностика состояния общества, его основных проблем и забот, причин их возникновения; создание видения перспектив решения этих проблем на основе реалистичного осмысления ценностей сообщества, его ресурсов и возможностей; выработка долгосрочного поэтапного плана инвестиций и трансформации общества» [4].

Таким образом, успешная маркетинговая стратегия должна быть адаптирована к конкретному месту и целевой аудитории. Также Ф. Котлер выделил четыре основных компонента, необходимых для продвижения территории:

1. Имидж территории: разработка для территории крепкого и привлекательного позиционирования и имиджа.

2. Инвестиционная привлекательность: создание стимулов для существующих и потенциальных покупателей и пользователей товаров и услуг.

3. Туристическая привлекательность: поставка продуктов и услуг данной территории в эффективной и доступной форме.

4. Социальная привлекательность: пропаганда привлекательных и полезных качеств данной территории с целью полноценного информирования пользователей о ее отличительных преимуществах» [4].

Таким образом, территориальный маркетинг, согласно трудам Филиппа Котлера, является неотъемлемой частью успешной маркетинговой стратегии, который позволяет компаниям учитывать особенности конкретного региона и эффективно взаимодействовать с целевой аудиторией. Понимание специфики территории, анализ конкурентной среды и правильная сегментация рынка – ключевые компоненты успешного территориального маркетинга, который способствует достижению поставленных целей и увеличению конкурентоспособности компании.

Саймон Анхольт – известный британский исследователь и эксперт в области территориального брендинга. Его подход к созданию и продвижению местных брендов является уникальным и успешным, и заслуживает внимания и изучения.

Одним из главных достижений С.Анхольта и отличий его теории от теории Филиппа Котлера можно считать то, что в 2002 году Саймон Анхольт ввел понятие «территориальный брендинг», отличное от прежнего «территориального маркетинга». Существует такое определение данного термина: «Брендинг территорий – стратегия повышения конкурентоспособности городов, областей, регионов, географических зон и государств с целью завоевания внешних рынков, привлечения инвесторов, туристов, новых жителей и квалифицированных мигрантов» [5]. Исходя из определения территориального брендинга, основная идея подхода Саймона Анхольта заключается в том, что каждая территория, будь то город, регион или страна, имеет свой уникальный имидж, который формируется за счет множества различных факторов – истории, культуры, природных ресурсов, экономического потенциала и других аспектов. Именно на основе этих уникальных особенностей он предлагает создавать и продвигать бренд территории.

Здесь стоит отметить, что несмотря на то, что термин «image» в английском языке объединяет понятия образа и имиджа, в российском подходе их принято разделять. Так, исследователи Н. М. Боголюбова и Ю. В. Николаева предлагают такие определения: «Образ – адекватно отраженная в человеческом сознании реальность, формирующаяся естественным путем в процессе познания и восприятия объективной действительности. Имидж – впечатление, мнение о лице, предмете, коллективе, государстве и т. д., создаваемое заинтересованными лицами в соответствии с определенными целями» [6]. Данное определение термина «имидж» еще раз подчеркивает задумку Саймона Анхольта, ведь он считает формирование территориального бренда не чем-то естественным, а скорее рассматривает его, как некий процесс, требующий разработки стратегических планов на длительный период и уверенности в лояльности потребителей.

Еще одной отличительной особенностью подхода Саймона Анхольта к территориальному брендингу является введенное им в 2007 году в книге

«Competitive Identity — the New Brand Management for Nations, Cities and Regions» («Конкурентная идентичность — новое в вопросах управления брендом нации, города, региона») понятие «конкурентная идентичность», которое должно было разъяснить и расширить конструкт территориального брендинга. Отвечая на вопрос: «Что такое конкурентная идентичность», исследователь пишет: «Конкурентная идентичность — это термин, который я использую для описания синтеза управления брендом с публичной дипломатией, а также с торговлей, инвестициями, туризмом и продвижением экспорта. Конкурентная идентичность — это новая модель повышения национальной конкурентоспособности в глобальном мире, которая уже начинает приносить дивиденды ряду стран, городов и регионов, как богатых, так и бедных» [7].

Стоит обратить внимание и на те элементы, синтез которых С.Анхольт применяет для определения конкурентной идентичности – государственное управление и госструктуры; культура и историческое наследие; люди и человеческий капитал; туризм; инвестиции и иммиграция; экспорт. Шесть перечисленных элементов известны в профессиональных кругах, как «шестиугольник национального бренда Саймона Анхольта» («The Nation Brand Hexagon Simon Anholt»): «Анхольт считает, что развитие именно этих шести факторов создает для бренда государства или любой территории идентичность, позволяющую конкурировать в современном глобальном мире» [8].

Помимо своего теоретического подхода, Саймон Анхольт также является автором и соавтором многих практических методов изучения национального брендинга на примере разных стран мира. Так, начиная с 2005 года, коммуникационная группа Саймона Анхольта проводит опрос «Рейтинг национальных брендов» (Anholt GfK Roper Nation Brands Index), в рамках которого ежегодно собирает более 60 000 онлайн-интервью в 20 странах, в которых участвуют взрослые в возрасте 18 лет и старше. Данные взвешиваются с учетом ключевых демографических характеристик, включая возраст и пол. В основе измерения качества каждой брендинг программы лежит «шестиугольник национального бренда Саймона Анхольта», упомянутый выше [9].

Помимо вышеупомянутого рейтинга, С.Анхольт также является автором таких исследований, как «Рейтинг брендов городов» (Anholt GfK Roper City) Brands Index, «Рейтинг государственных брендов» (Anholt State Brands Index), «Рейтинг брендов различных штатов Америки» (Anholt State Brands Index), «Рейтинг хороших сран» (The Good Country Index). Идея последнего рейтинга состоит в том, чтобы измерить, какой вклад вносит каждая страна на Земле в общее благо человечества и что она отнимает у него, в зависимости от ее размера [10].

В целом, подход Саймона Анхольта к территориальному брендингу можно охарактеризовать как целостный и стратегический подход, ориентированный на создание уникального и привлекательного имиджа территории на основе ее сильных сторон и реальных достоинств. Благодаря его методам и принципам многие регионы и города смогли значительно улучшить свой имидж и привлечь больше внимания и инвестиций.

Таким образом, хотя у Анхольта и Котлера есть общие цели в развитии территориального брендинга – улучшение качества жизни и экономического развития местности, их подходы к этой области маркетинга различны. В то время

как Филип Котлер в своем подходе предлагает проанализировать преимущества и недостатки той или иной территории и исходя из этих данных строить маркетинговую стратегию, Саймон Анхольт предлагает использовать отличительные особенности местности в качестве базы для построения ее имиджа, и в дальнейшем использовать данный имидж для разработки стратегии продвижения бренда на мировой арене.

Также стоит отметить, что Филип Котлер в своем подходе использует традиционные маркетинговые инструменты и стратегии для достижения бизнес-целей, опираясь на четыре важных компонента для продвижения территорий – имидж, инвестиционную привлекательность, туристическую привлекательность и социальную привлекательность. В случае Саймона Анхольта, теоретик выдвигает некий «шестиугольник Анхольта», состоящих из шести элементов – туризма, экспорта, политики, бизнеса и инвестиций, культуры, человеческого капитала, а также выдвигает концепцию «конкурентной идентичности», призванную сочетать в себе, как традиционные стратегии управления брендом, так и инструменты публичной дипломатии.

Оба подхода имеют свои сильные и слабые стороны и могут быть эффективны в зависимости от конкретной ситуации и целей территориального брендинга.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Брендинг территорий как стратегия повышения конкурентоспособности малых городов // Ливенский филиал ОГУ им. И.С. Тургенева URL: https://goo.su/C6QkWM (дата обращения: 25.03.2025).

2. Логунцова И.В. Продвижение национального и региональных брендов отечественного производства как государственная задача //Государственное управление. Электронный вестник. 2010. №23. С. 1–6.

3. Панкрухин А. П. Муниципальное управление: маркетинг территорий. М.: Логос, 2002. – С. 55.

4. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. – Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. – С. 12.

5. Тафинцева, М. С. Маркетинг и брендинг малых территорий как стратегия повышения конкурентоспособности региона в целом / М. С. Тафинцева // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2014. – No 3 (11). – С. 77.

6. Боголюбова, Н. М. Межкультурная коммуникация: учебник для вузов / Н. М. Боголюбова, Ю. В. Николаева. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – С.51

7. Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. Palgrave Macmillan, 2006. P. 3

8. Бударина О.А. Конкурентная идентичность как основа успешного развития регионов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 5 (73). С. 72.

9. Nation Brands Index 2023: Japan takes the lead for the first time in NBI history | Ipsos. – URL: https://www.ipsos.com/en/nation-brands-index-2023 (дата обращения: 17.03.2024)

10. The Good Country Index. – URL: https://index.goodcountry.org/ (дата обращения: 17.03.2024).

УДК 327

ПРОБЛЕМЫ ЭТИКИ В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

ETHICAL ISSUES IN THE FIELD OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: ISSUES OF RESPONSIBILITY AND DECISION-MAKING

А. А. Песчанская,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
A. A. Peschanskaia,
Saint Petersburg State University,
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: alina_pes@mail.ru
А. А. Пешкина,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
A. A. Peshkina,
Saint Petersburg State University,
(Saint Petersburg, Russia)
E-mail: peshkina.anna04@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию этических и правовых аспектов развития и применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в условиях стремительной цифровизации и глобальной трансформации общества. Особое внимание уделяется вопросам распределения ответственности за действия автономных систем, прозрачности алгоритмических решений, защите персональных данных и обеспечению справедливости в принятии решений с участием ИИ. В центре анализа — необходимость формирования универсальных этико-правовых стандартов, способных обеспечить баланс между технологическим прогрессом и защитой фундаментальных прав человека. Исследуются особенности национальных стратегий регулирования ИИ в США, Китае и Российской Федерации, демонстрируя различие в подходах, обусловленных политико-экономическими, культурными и правовыми традициями. Кроме того, рассматриваются ключевые международные инициативы, направленные на выработку глобальных норм в сфере ИИ, включая деятельность ООН, ЮНЕСКО, ЕС и Группы двадцати. В статье подчёркивается важность межгосударственного диалога и международного сотрудничества как основы для устойчивого и этически ориентированного развития технологий искусственного интеллекта в XXI веке.

Abstract. This article is devoted to the study of ethical and legal aspects of the development and application of artificial intelligence (AI) technologies in the context of rapid digitalization and global transformation of society. Particular attention is paid to the issues of responsibility sharing for the actions of autonomous systems, transparency of algorithmic decisions, protection of personal data and ensuring fairness in decision-making involving AI. The analysis focuses on the need to create universal ethical and legal standards that can ensure a balance between technological progress and the protection of fundamental human rights. The peculiarities of national AI regulation strategies in the USA, China and the Russian Federation are investigated, demonstrating the difference in approaches due to political, economic, cultural and legal traditions. In addition, key international initiatives aimed at developing global norms in the field of AI are

being considered, including the activities of the United Nations, UNESCO, the EU and the G20. The article highlights the importance of interstate dialogue and international cooperation as the basis for the sustainable and ethically oriented development of artificial intelligence technologies in the 21st century.

Ключевые слова: ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, ЭТИКА, ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, АВТОНОМНЫЕ СИСТЕМЫ, ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ, МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО, ПРОЗРАЧНОСТЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА, ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕХНОЛОГИЙ, ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ, ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Key words: ARTIFICIAL INTELLIGENCE, ETHICS, LEGAL REGULATION, AUTONOMOUS SYSTEMS, DIGITAL SOVEREIGNTY, INTERNATIONAL COOPERATION, TRANSPARENCY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE, HUMANITARIAN ASPECTS OF TECHNOLOGIES, DIGITAL TRANSFORMATION, TECHNOLOGICAL SECURITY

Развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) в последние годы демонстрирует стремительный рост, что приводит к фундаментальным изменениям во всех сферах общественной жизни [1]. Автономные системы на основе машинного обучения всё чаще заменяют человека в принятии решений в экономике и общественных институтах [2]. В этой связи актуальны вопросы этики, ответственности и прозрачности ИИ. Необходимы эффективные регуляции, балансирующие технологический прогресс и права человека.

Одной из ключевых проблем является то, что рост автономности ИИ, обрабатывающего огромные данные и принимающего самостоятельные решения, создаёт сложные этические и юридические проблемы [3]. Кроме того, ИИ всё активнее используется в экономике, логистике, медицине и правосудии, что требует пересмотра норм ответственности. Ошибки систем порождают правовые и этические дилеммы, так как ответственность может распределяться между разработчиками, пользователями и самой системой [4]. Однозначное распределение ответственности в условиях, когда искусственный интеллект действует автономно, требует не только пересмотра существующих законодательных норм, но и разработки совершенно новых подходов к юридической оценке действий интеллектуальных агентов [5].

Вопрос распределения ответственности занимает ключевое место в этике ИИ. Неясно, кто должен отвечать за вред от решений ИИ — разработчики, эксплуатирующие организации или сами системы. Традиционно ответственность связана с субъектом, обладающим волей и сознанием, чего ИИ лишён, что усложняет правовую оценку его действий [6]. Например, если автономный автомобиль попадает в аварию из-за сбоя системы распознавания изображений, вопрос о виновном — разработчике, производителе или водителе — остаётся открытым [7]. Решение подобных вопросов требует комплексного подхода, включающего правовые, технические и этические аспекты. В данном контексте актуальной становится проблема создания юридической базы, позволяющей адекватно учитывать специфику работы ИИ и распределять ответственность между всеми заинтересованными сторонами.

Бурное развитие ИИ делает его регулирование приоритетом международной политики и права. Из-за трансграничного характера ИИ

необходимы согласованные усилия для обеспечения его этичного и безопасного использования. Это направление сочетает конкуренцию за технологическое лидерство с международным сотрудничеством по выработке единых подходов к контролю и применению технологий [8].

Подходы к регулированию ИИ зависят от политических, экономических и культурных особенностей стран. В США преобладает модель минимального вмешательства государства, с акцентом на инновации и поддержку бизнеса [9]. Это обеспечивает гибкость регулирования для повышения конкурентоспособности американских компаний. Примером является исполнительный указ [10], подписанный в январе 2025 года, направленный на устранение барьеров для лидерства США в ИИ. Китай, в свою очередь, использует более централизованный подход, с высоким уровнем государственного участия в разработке и внедрении технологий. ИИ рассматривается как элемент национальной безопасности и экономического планирования. В сентябре 2024 года был опубликован документ «AI Safety Governance Framework» [11], регулирующий безопасность ИИ и укрепляющий стратегию цифрового суверенитета. В китайской модели важна концепция «цифрового социализма», направленная на контроль над социальной стабильностью и информационным пространством [12].

Россия выстраивает собственное регулирование ИИ, сочетая правовые традиции и инновационные подходы. Модель включает не только адаптацию законодательства, но и создание новых механизмов, учитывающих гуманитарные и этические аспекты. В феврале 2024 года были приняты поправки к стратегии развития ИИ до 2030 года [13], предусматривающие увеличение инвестиций, совершенствование нормативной базы и развитие исследований в области этики и права [14]. Особое внимание уделяется прозрачности алгоритмов и участию гражданского общества в обсуждениях, что отражает стремление к сбалансированной модели, основанной на правах личности и верховенстве права [15].

Разнообразие подходов к регулированию ИИ в различных странах создает предпосылки для возникновения сложностей в международном сотрудничестве [16]. С одной стороны, необходимы универсальные нормы для безопасного применения технологий, с другой — национальные интересы и культурные различия часто мешают согласованным решениям, особенно в сферах, затрагивающих права и свободы человека [17]. В связи с этим в 2024 году представители США, Европейского союза и Великобритании инициировали переговоры, направленные на формирование международного соглашения, регулирующего использование ИИ в тех сферах, где велик риск нарушения прав граждан. Предлагаемый документ должен установить четкие принципы прозрачности, подотчетности и ответственности в области алгоритмического управления. Такая инициатива свидетельствует о росте осознания необходимости глобального правового диалога по вопросам этики и права в контексте цифровых технологий.

Еще одной важной составляющей глобальной повестки является влияние ИИ на международные отношения и перераспределение сил на мировой арене. Искусственный интеллект становится не только фактором технологического развития, но и инструментом геополитического влияния. Государства,

инвестирующие значительные ресурсы в ИИ, рассматривают его как средство укрепления национального суверенитета и получения стратегических преимуществ [18]. США продвигают модель цифрового капитализма, формируя выгодные технологические стандарты и поддерживая науку, стартапы и глобальные альянсы с бизнесом. Китай же делает ставку на интеграцию ИИ в государственное управление и социальную стабильность, усиливая влияние в странах, предпочитающих государственное регулирование [19]. Россия же стремится создать суверенную инфраструктуру ИИ, способную конкурировать на международной арене без зависимости от внешних технологий. Эта модель направлена на использование ИИ как элемента цифрового суверенитета для защиты от внешних угроз и санкций.

В условиях глобальной конкуренции за лидерство в ИИ важна координация международных усилий по разработке этических и правовых стандартов. ООН, ЮНЕСКО, Группа двадцати и ЕС в 2024–2025 годах инициировали проекты для выработки согласованных подходов к регулированию ИИ [20]. Они включают защиту прав человека, прозрачность алгоритмов, безопасность данных и независимый надзор. Предлагается оценка рисков при разработке ИИ, раскрытие логики решений и право граждан на обжалование решений алгоритмов, что подчеркивает необходимость международного регулирования для баланса между прогрессом и правами личности.

Таким образом, регулирование ИИ выходит за пределы правовых и политических дискуссий, затрагивая философские вопросы будущего человечества в цифровую эпоху. Важно учитывать не только технические, но и гуманитарные аспекты, такие как справедливость, равенство, автономия и ответственность. Устойчивая глобальная модель возможна при комплексном подходе, сочетая национальные интересы и международное сотрудничество.

Несмотря на прогресс, применение ИИ сопровождается проблемами, особенно в вопросе ответственности за ошибки. В медицине, транспорте и финансах сбои могут привести к опасным последствиям. Причины ошибок варьируются от технических сбоев до некачественного обучения моделей. Сложность заключается в том, что трудно определить виновных: разработчиков, пользователей или организации [21]. Для эффективного регулирования необходима система ответственности, учитывающая особенности ИИ и позволяющая чётко распределять вину при негативных последствиях. Вопрос остаётся в центре внимания экспертов, подчеркивая его глобальную значимость.

Следует отметить, что автоматизация с использованием ИИ приносит экономические и социальные выгоды, оптимизируя производство, снижая издержки и повышая конкурентоспособность. В здравоохранении ИИ улучшает диагностику и позволяет быстрее реагировать на изменения в состоянии пациентов. Однако риски включают сокращение рабочих мест и новые формы социальной незащищенности [22]. Широкое применение ИИ в принятии решений может угрожать демократии, лишая граждан контроля. Поэтому важно сохранить контроль за ИИ и роль человека в ключевых решениях, чтобы избежать концентрации власти и минимизировать риски для прав человека.

Международное сообщество уже предпринимает шаги для регулирования ИИ. В 2024 году ведущие державы и международные организации инициировали правовой и этический пакт, направленный на унификацию стандартов, защиту прав человека, прозрачность алгоритмов и подотчетность разработчиков. Такие меры снижают цифровое неравенство и способствуют справедливому распределению выгод технологий. Конференции под эгидой ООН и ЮНЕСКО становятся важной платформой для выработки общих принципов этичного использования ИИ.

Таким образом, вопросы этики ИИ становятся ключевыми как в теории, так и на практике, поскольку развитие ИИ изменяет социальные, экономические и правовые структуры. Это требует от международного сообщества разработки новых механизмов контроля. Успешное внедрение ИИ возможно только при комплексном подходе, включающем диалог между правовыми экспертами, техническими специалистами и гражданским обществом. Важно не только регулировать функционирование ИИ, но и обеспечить прозрачность его разработки и внедрения, включая аудит решений, что критично для распределения ответственности за ошибки [23]. Необходимы механизмы выявления и коррекции системных отклонений, чтобы минимизировать негативные последствия для общества. Для защиты прав человека и предотвращения цифрового неравенства требуется международное этико-правовое регулирование и постоянная адаптация к новым технологиям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Коробков А.Д. Влияние технологий искусственного интеллекта на международные отношения // Вестник МГИМО-Университета. – 2021. – С. 1-25.

2. Искусственный интеллект: масштабные возможности и вызовы современности. Взгляд социолога // Росконгресс. URL: https://roscongress.org/materials/iskusstvennyy-intellekt-masshtabnye-vozmozhnosti-i-vyzovy-sovremennosti-vzglyad-sotsiologa/ (дата обращения: 10.04.2025).

3. AI Systems and Respect for Human Autonomy // National Library of Medicine. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC8576577/ (дата обращения: 10.04.2025).

4. El Makhloufi A. AI Application in Transport and Logistics: Opportunities and Challenges [Electronic resource] / A. El Makhloufi. – Amsterdam: Amsterdam University of Applied Sciences, 2023. – 124 p. – URL: https://pure.hva.nl/ws/portalfiles/portal/35567013/AI_Application_in_TL_Final_Report_8_05_23.pdf. (дата обращения: 10.04.2025).

5. TASS. «Российские организации присоединяются к Кодексу этики для ИИ», 2024. URL: https://tass.com/economy/1776591 (дата обращения: 10.04.2025).

6. UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence [Electronic resource]. – Paris, 2021. – Mode of access: https://www.unesco.org/en/legal-affairs/recommendation-ethics-artificial-intelligence. (дата обращения: 10.04.2025)

7. Accident Liability Determination of Autonomous Driving Systems Based on Artificial Intelligence Technology and Its Impact on Public Mental Health // National Library of Medicine. URL: https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9451969/ (дата обращения: 10.04.2025).

8. Хамдамова Ф.У. Международно-правовое регулирование искусственного интеллекта: эволюция и особенности развития // Журнал правовых исследований. – 2024. – С. 109-116. URL: https://www.tadqiqot.uz/index.php/law/article/view/9420/8981 (дата обращения: 10.04.2025).

9. Матюк Ю.С. Правовое регулирование искусственного интеллекта: зарубежный опыт // Российский журнал правовых исследований. – 2022. – №2. – С. 107-115.

10. White House. (2025, January 23). Executive Order: Removing Barriers to American Leadership in Artificial Intelligence. Retrieved April 13, 2025, from https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/removing-barriers-to-american-leadership-in-artificial-intelligence/ (дата обращения: 10.04.2025).

11. AI Safety Governance Framework//National Technical Committee 260 on Cybersecurity of SAC.URL: https://www.tc260.org.cn/upload/2024-09-09/1725849192841090989.pdf (дата обращения: 10.04.2025).

12. Китай вводит 24 новых правила регулирования ИИ. Среди них обязательные ярлыки и регистрация алгоритмов // CNews. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2023-08-15_kitaj_vvodit_24_novyh_pravila (дата обращения: 10.04.2025).

13. Президент РФ обновил стратегию развития искусственного интеллекта // ComNews. URL: https://www.comnews.ru/content/231631/2024-02-19/2024-w08/1008/prezident-rf-obnovil-strategiyu-razvitiya-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 10.04.2025)

14. Digital Policy Alert. «Поправки к Национальной стратегии развития ИИ в РФ», февраль 2024. URL: https://digitalpolicyalert.org/event/17715-adopted-amendments-to-the-national-strategy-for-the-development-of-artificial-intelligence-in-russia-until-2030 (дата обращения: 20.03.2025).

15. Искусственный интеллект: достижения 2024 года, планы на 2025 год // Росконгресс. URL: https://roscongress.org/materials/iskusstvennyy-intellekt-dostizheniya-2024-goda-plany-na-2025-god/ (дата обращения: 10.04.2025).

16. Регулирование искусственного интеллекта // Tadviser. URL: https://www.tadviser.ru/index.php (дата обращения: 10.04.2025)

17. США, ЕС и Британия подпишут международный договор о регулировании ИИ // Telesputnik.ru. URL: https://telesputnik.ru/materials/tech/news/ssa-es-i-britaniya-podpisut-mezdunarodnyi-dogovor-o-regulirovanii-ii (дата обращения: 10.04.2025).

18. Волков А. Искусственный интеллект и международные отношения: социальные аспекты и влияние на международную безопасность [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. — 2024. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/a-volkov/iskusstvennyy-intellekt-i-mezhdunarodnye-otnosheniya-sotsialnye-aspekt/ (дата обращения: 10.04.2025).

19. Искусственный интеллект в международных отношениях: эпоха «цифровой дипломатии» // Клуб Валдай. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/iskusstvennyy-intellekt-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyah/ (дата обращения: 10.04.2025).

20. Доклад ООН о регулировании искусственного интеллекта. На что он повлияет // РБК. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/22/09/2024/66eecdd89a7947583b40da43 (дата обращения: 10.04.2025).

21. Апостолова Н. Н. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-za-vred-prichinennyy-iskusstvennym-intellektom (дата обращения: 10.04.2025)

22. Ивановский Б. Г. Экономические эффекты от внедрения технологий «искусственного интеллекта» // Социальные новации и социальные науки. 2021. №2 (4). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-effekty-ot-vnedreniya-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 10.04.2025).

23. Жарова А.К. Достижение алгоритмической прозрачности и управление рисками информационной безопасности при принятии решений без вмешательства человека: правовые подходы // Journal of Digital Technologies and Law.. – 2023. – № 1(4). – С. 973-993.

УДК 341.24

МОСТЫ ИНТЕГРАЦИИ: КАК ФРГ АДАПТИРУЕТ ТУРЕЦКИХ МИГРАНТОВ

BRIDGES OF INTEGRATION: HOW GERMANY ADAPTS TURKISH MIGRANTS

Д. М. Тюкалова,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
D. M. Tiukalova,
Saint-Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: st089180@student.spbu.ru

Научный руководитель:
Матвеевская А. С.
E-mail: a.matveevskaya@spbu.ru

Аннотация. Статья исследует процесс интеграции турецкой диаспоры в Германии, начиная с прибытия гастарбайтеров в 1960-х годах до современных вызовов. Автор анализирует исторический контекст, меры государственной поддержки (языковые курсы, программы трудоустройства, социальные инициативы) и сохраняющиеся проблемы, такие как культурная изоляция и дискриминация. Особое внимание уделено роли образования и экономической адаптации, а также влиянию миграционного кризиса на немецкое общество. Исследование основано на статистических данных, научных публикациях и отчетах немецких институтов, что позволяет сделать вывод о необходимости комплексного подхода к интеграции, сочетающего усилия государства и самих мигрантов.

*Abstract***.** The article examines the integration process of the Turkish diaspora in Germany, from the arrival of *Gastarbeiter* (guest workers) in the 1960s to contemporary challenges. The author explores the historical context, state-supported measures (language courses, employment programs, social initiatives), and persistent issues such as cultural isolation and discrimination. Special attention is paid to the role of education and economic adaptation, as well as the impact of the migration crisis on German society. The study relies on statistical data, academic publications, and reports from German institutions, concluding that successful integration requires a holistic approach combining government efforts and migrant agency.

Ключевые слова: ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ, ТУРЕЦКАЯ ДИАСПОРА, ГЕРМАНИЯ, ГАСТАРБАЙТЕРЫ, ОБРАЗОВАНИЕ, РЫНОК ТРУДА, СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ, КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ, МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА, ГРАЖДАНСТВО

Key words: MIGRANT INTEGRATION, TURKISH DIASPORA, GERMANY, GUEST WORKERS, EDUCATION, LABOR MARKET, SOCIAL ADAPTATION, CULTURAL DIFFERENCES, MIGRATION POLICY, CITIZENSHIP

Интеграция — это процесс объединения отдельных элементов в единую систему, обеспечивающий их взаимодействие и взаимную адаптацию. Вопрос интеграции турецких мигрантов в Германию продолжает оставаться актуальным и многогранным. Согласно данным Министерства иностранных дел Турции, в Германии проживает около 3,5 млн турок, из которых 1,5 млн имеют немецкое гражданство [1]. Несмотря на длительное пребывание в стране, многие из них

сталкиваются с трудностями интеграции, включая культурные различия, социальную изоляцию и дискриминацию [2].

Миграционный кризис последних лет усугубил эти проблемы, создавая дополнительные вызовы для немецкого общества [3]. Общеевропейский миграционный кризис оказывает значительное влияние на внутригосударственную ситуацию в Германии, затрагивая социальные, экономические и политические аспекты. Проблемы, связанные с адаптацией мигрантов, влияют на демографическую ситуацию в стране, особенно учитывая снижение рождаемости и старение населения [4].

Таким образом, эффективная интеграция турецких мигрантов является ключевым фактором обеспечения социальной стабильности и экономического процветания Германии. Рассмотрение исторического контекста, анализ текущих проблем и оценка предпринимаемых мер интеграции помогут глубже понять сложившуюся ситуацию и выработать рекомендации для дальнейших действий.

Методология и эмпирический материал. В данном исследовании применяются сравнительно-исторический и структурно-функциональный подходы, позволяющие проследить эволюцию интеграционной политики Германии в отношении турецких мигрантов.

Эмпирическая база включает статистические данные Федерального статистического ведомства Германии (Statistisches Bundesamt), отчёты Министерства иностранных дел Турции, а также аналитические материалы Европейского союза и немецких исследовательских центров. Для анализа интеграционных мер использованы исследования Германского института экономических исследований (DIW Berlin), публикации фонда Bertelsmann Stiftung и научные статьи.

Исторический контекст: турецкие мигранты в Германии. История турецкой миграции в Германию началась в 1961 году с подписания межправительственного соглашения между ФРГ и Турцией о привлечении иностранных рабочих (гастарбайтеров). Германия, переживавшая экономическое чудо (Wirtschaftswunder), нуждалась в дешёвой рабочей силе для промышленности, строительства и сферы услуг. Первоначально предполагалось, что турецкие рабочие будут находиться в стране временно и после выполнения контракта вернутся на родину [5].

К 1973 году, когда в ФРГ начался экономический кризис и программа привлечения гастарбайтеров была свёрнута, в стране уже находилось более 800 тысяч турецких мигрантов. Однако многие из них не вернулись в Турцию, а остались в Германии, привезли семьи и начали обустраивать свою жизнь на новом месте. Так начался процесс постепенного превращения временной трудовой миграции в долговременную.

В 1980-е годы число турок в Германии продолжило расти за счёт так называемой семейной миграции. Женщины и дети переезжали к уже осевшим в стране мужчинам. Началась трансформация турецкой диаспоры в устойчивую общину со своими институтами — мечетями, культурными центрами, магазинами и школами [6]. В этот же период возникли первые дискуссии о проблемах интеграции и культурной замкнутости турецкой общины.

Особую роль в истории турецкой диаспоры сыграли политические события в самой Турции. Военные перевороты 1971 и 1980 годов, репрессии против политических оппонентов, курдов и представителей религиозных меньшинств стали причинами новых волн миграции в Германию. Среди прибывших были не только рабочие, но и политические беженцы.

В 1990-е годы, на фоне объединения Германии и ужесточения миграционной политики, обострились и социальные конфликты. Турецкая община становилась объектом дискриминации и ксенофобии, что выразилось в серии поджогов и нападений, включая трагедии в Мёлне (1992) и Золингене (1993), где погибли турецкие семьи [7].

С принятием в 2000 году нового закона о гражданстве ситуация начала меняться. Германия сделала шаг к признанию себя страной миграции, открыв возможность для детей мигрантов получать немецкое гражданство по праву рождения, а не только по происхождению [8]. Это стало поворотным моментом в становлении интеграционных процессов турецкой диаспоры.

Сегодня в Германии проживает около 3,5 млн человек турецкого происхождения, из которых более 1,5 млн имеют немецкое гражданство [9]. Они представляют собой неоднородную группу: потомки гастарбайтеров, новые мигранты, политические беженцы и высококвалифицированные специалисты. Тем не менее, интеграция турецкой общины остаётся сложным и многослойным процессом, на который влияют исторические корни миграции, культурные особенности и политические реалии как Германии, так и Турции.

Меры интеграции. Интеграция турецких мигрантов в Германию представляет собой сложный и многоуровневый процесс, включающий меры в области образования, рынка труда и социальной поддержки. Несмотря на многочисленные программы и инициативы, направленные на облегчение адаптации, турецкая диаспора по-прежнему сталкивается с рядом трудностей.

Образование и языковая адаптация. Одним из важнейших аспектов интеграции является доступ мигрантов к системе образования. Немецкие власти осознают, что успешная интеграция начинается с раннего возраста, поэтому государство активно развивает программы дошкольного образования для детей мигрантов. С 2000-х годов федеральные и региональные власти стали уделять особое внимание обучению немецкому языку еще в детских садах. Например, в некоторых федеральных землях введено обязательное языковое тестирование детей перед поступлением в школу, и если ребенок не владеет немецким на достаточном уровне, он обязан пройти подготовительный курс (Statistisches Bundesamt, 2023) [10].

Школьное образование также играет ключевую роль. Исследования, такие как «PISA-2022» и «Chancenspiegel» показывают, что дети из семей с миграционным прошлым, особенно турецкого происхождения, в среднем демонстрируют более низкие академические результаты, чем их сверстники без миграционного бэкграунда. Разрыв особенно заметен в чтении и математике, что частично объясняется языковыми барьерами и социально-экономическими факторами. Для решения этой проблемы в школах расширяются программы интенсивного изучения немецкого языка (например, *Deutsch als Zweitsprache* –

DaZ), внедряются менторские проекты, такие как *«Balu und Du»*, где студенты сопровождают детей из мигрантских семей, а также усиливается поддержка социальных педагогов и школьных психологов [11]. Тем не менее, несмотря на позитивные сдвиги, данные «Министерства образования Германии (2023)» свидетельствуют, что только около 35% турецких мигрантов получают «Abitur», тогда как среди немцев без миграционного фона этот показатель превышает 50% [12]. Это указывает на сохраняющиеся структурные проблемы, включая неравный доступ к гимназиям и недостаточную вовлечённость родителей в образовательный процесс.

В высшем образовании ситуация неоднозначна. Хотя число студентов турецкого происхождения в немецких университетах растет, их доля остается невысокой. Согласно отчету Немецкого института экономических исследований (DIW Berlin, 2023), молодежь из мигрантских семей чаще выбирает профессиональное образование (Ausbildung), чем академическое, что влияет на их карьерные перспективы [13]. В ответ на это немецкие университеты внедряют программы стипендий и менторской поддержки для студентов-мигрантов.

Интеграция на рынке труда. Рынок труда Германии традиционно испытывает трудности с интеграцией мигрантов. Исторически сложилось так, что многие турецкие мигранты первой волны работали на низкоквалифицированных должностях, что привело к их социально-экономической изоляции. В последние десятилетия ситуация улучшается, но проблемы сохраняются: уровень безработицы среди турецких мигрантов остается выше, чем в среднем по стране (OECD, 2022).

Государственные программы содействия занятости включают в себя профессиональные курсы, языковую поддержку на рабочем месте и консультационные центры. Например, программа «Job Turbo», запущенная Федеральным агентством по труду (Bundesagentur für Arbeit) в 2023 году, направлена на ускоренное трудоустройство мигрантов, включая поддержку в признании иностранных дипломов и профессиональную переподготовку (BA, 2023) [14].

Дополнительную роль играют инициативы по развитию предпринимательства среди мигрантов. Турецкая община активно развивает малый бизнес: рестораны, магазины, сервисные услуги. В крупных городах, таких как Берлин, Кёльн и Гамбург, существуют специальные бизнес-инкубаторы для мигрантов, предоставляющие финансовую и юридическую поддержку (Migration Policy Institute, 2022) [15].

Социальная поддержка и интеграционные программы. Немецкое правительство реализует широкий спектр интеграционных программ, направленных на поддержку турецких мигрантов. Одной из ключевых инициатив является Интеграционный курс (Integrationskurs), включающий изучение немецкого языка и основ немецкого законодательства и культуры. Этот курс стал обязательным для большинства вновь прибывающих мигрантов с 2005 года.

Кроме того, существуют специальные проекты по адаптации женщин-мигрантов, поскольку они сталкиваются с дополнительными трудностями на рынке труда и в социальной жизни. Например, программа «Migrantinnen einfach

stark im Alltag» (MESA) предлагает курсы для женщин, включающие обучение языку, правовым аспектам жизни в Германии и профессиональные тренинги (BAMF, 2023) [16].

Также действуют программы, направленные на укрепление связей между мигрантскими общинами и немецким обществом. Например, инициативы, связанные с межкультурным диалогом, такие как «Interkulturelle Woche», способствуют обмену культурным опытом между местными жителями и мигрантами. За последний год в рамках инициативы «Interkulturelle Woche» прошли сотни мероприятий по всей Германии, включая кулинарные мастер-классы, где мигранты и местные жители вместе готовили блюда разных кухонь, концерты с участием музыкантов из разных культур, выставки, посвящённые миграционным историям, а также дискуссионные панели о преодолении стереотипов и укреплении взаимопонимания [17]. В некоторых городах организовывались совместные спортивные турниры, например, футбольные матчи между смешанными командами, а также литературные чтения, где авторы с миграционным прошлым делились своими произведениями. Хочется отметить, что особое внимание уделялось работе с молодёжью: в школах и культурных центрах проводились театральные постановки, направленные на развитие межкультурной коммуникации [18]. Эти мероприятия помогли не только познакомить немцев с традициями мигрантских общин, но и создать платформу для совместного решения локальных проблем, таких как интеграция в трудовую среду или доступ к образованию [19].

Заключение. Проведенное мною исследование позволило проанализировать процесс интеграции турецких мигрантов в Германию, выявить ключевые проблемы и оценить эффективность принимаемых мер. На основании изученных данных можно перейти к следующим выводам. Во-первых, несмотря на длительное присутствие турецкой диаспоры в Германии, ее интеграция остается сложным и неоднородным процессом. Исторические факторы, такие как изначальная установка на временное пребывание гастарбайтеров, повлияли на формирование замкнутых общин, что впоследствии затруднило адаптацию. Во-вторых, образование и языковая адаптация играют решающую роль в интеграции. Хотя государственные программы (например, обязательные языковые курсы для детей и Integrationskurs для взрослых) демонстрируют положительную динамику, разрыв в успеваемости между детьми мигрантов и коренными немцами сохраняется. Это требует дальнейшего совершенствования образовательных инициатив, включая индивидуальную поддержку учащихся. В-третьих, на рынке труда сохраняются барьеры, связанные с признанием квалификаций, дискриминацией и недостаточной профессиональной подготовкой. Однако такие программы, как «Job Turbo» и поддержка мигрантского предпринимательства, постепенно улучшают ситуацию [20]. В заключении хочется отметить, что интеграция турецких мигрантов остается актуальной задачей для Германии. Успешная интеграция не только улучшит качество жизни мигрантов, но и будет способствовать стабильности и развитию немецкого общества в условиях демографических изменений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Министерство иностранных дел Турции, 2020. Турецкая диаспора в мире. – URL:https://www.mfa.gov.tr/turkish-diaspora.en.mfa (дата обращения: 17.03.2025).

2. Аюпова Н.И. Турецкая диаспора в ФРГ: успехи и проблемы интеграции в западное общество // История и историческая память. № 22/23. 2021. - 165-168 с.

3. Матвеевская А.С. Исследования миграционных процессов на кафедре мировой политики // Актуальные проблемы мировой политики. Научный альманах. Юбилейный выпуск. 30-лет кафедре мировой политики СПбГУ. СПб. 2024. – С. 101-109.

4. Надеждин А.Е. Внутриполитическая ситуация в Германии в условиях миграционного кризиса // Обозреватель. №7 (330). 2017. – с. 40-44.

5. Федеральное статистическое ведомство Германии. – URL: https://www.destatis.de (дата обращения: 17.03.2025).

6. Немецкий институт экономических исследований «DIW Berlin». – URL: https://www.diw.de (дата обращения: 10.04.2025).

7. Погосян А., Матвеевская А.С. Проблема адаптации мусульман в современной Европе // Международные отношения в глобальном измерении. Сб. науч. тр. СПб. 2024. – с. 79-85.

8. Танай Эфе Динамика турецкой миграции: социальный аспект // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 6. – с. 51-55.

9. «Germany mass stabbing: police hunt suspect after three killed at festival in Solingen». – URL:https://www.theguardian.com/world/article/2024/aug/23/people-killed-and-injured-at-festival-in-solingen-in-germany-report (дата обращения: 22.03.2025).

10. Основания для получения гражданства. (дата обращения: 17.03.2025)URL: https://germania.diplo.de/ru-ru/service/05-staatsangehoerigkeit/1613460-1613460 (дата обращения: 11.04.2025)

11. Statistisches Bundesamt. «Bevölkerung mit Migrationshintergrund – Ergebnisse des Mikrozensus 2022» // Destatis. 2023. – URL: https://www.destatis.de/DE/Themen/Gesellschaft-Umwelt/Bevoelkerung/Migration-Integration/_inhalt. (дата обращения: 17.03.2025).

12. Matveevskaya A. S., Pogodin S.N. (2018) Integration of migrants as a way to diminish proneness to conflict in multinational communities Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология Т. 34. № 1. С. 108–114. DOI:10.21638/spbu17.2019.21

13. Филоненко Е.В. Обучение второму языку как основа языковой интеграции школьников-мигрантов в Германии // Современные тенденции развития системы подготовки обучающихся по иностранному языку в неязыковом вузе: региональная практика. Материалы всероссийской (национальной) научной конференции. Красноярск. 2022. – с. 78-81.

14. Министерство образования Германии – BMBF. – URL: https://www.bmbf.de/DE/Home/home_node.html (дата обращения: 11.04.2025)

15. Немецкий институт экономических исследований- DIW Berlin. – URL: https://www.diw.de/english/ (дата обращения: 11.03.2025).

16. Институт миграционной политики Германии- Migration Policy Institute. -URL: https://www.migrationpolicy.org/country-resource/germany (дата обращения: 17.03.2025)

17. Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. – URL: https://www.bamf.de/DE/Themen/Integration/ZugewanderteTeilnehmende/AngeboteFrauen/Kursprogramm-MiA/kursprogramm-mia-node.html (дата обращения: 12.04.2025).

18. Interkulturelle Woche. – URL: https://www.interkulturellewoche.de (дата обращения: 17.03.2025).

19. Getting started with Job-Turbo // BMAS URL: https://www.bmas.de/DE/Arbeit/Migration-und-Arbeit/Flucht-und-Aysl/Turbo-zur-Arbeitsmarktintegration-von-Gefluechteten/Informationen-Englisch/Informationen-fuer-Gefluechtete-EN/informationen-fuer-gefluechtete-en-art.html (дата обращения: 17.03.2025).

УДК 327

ВЛИЯНИЕ ОСНОВНЫХ ДОКУМЕНТОВ И ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ НА РАЗВИТИЕ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ В ЕС

THE IMPACT OF KEY DOCUMENTS AND HISTORICAL EVENTS ON THE DEVELOPMENT OF GENDER POLICY IN THE EU

Д. В. Шаманская,
Санкт-Петербургский государственный университет,
(Санкт-Петербург, Россия)
D. V. Shamanskaya,
St. Petersburg State University,
(Saint-Petersburg, Russia)
E-mail: dsamanskaya@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу эволюции гендерной политики Европейского Союза, выделяя ключевые правовые акты и исторические процессы, которые внесли весомый вклад в формирование текущей гендерной политики ЕС. Основное внимание уделяется взаимосвязи интеграционных процессов в регионе, а также расширению гендерной повестки. Гендерная политика ЕС направлена на обеспечение равных политических прав через комплекс мер и институтов. Однако экономические и миграционные кризисы оказывают негативное влияние на достижение поставленных целей. Сегодня ЕС находится на пути достижения гендерного равенства посредством создания системы институтов и правовых механизмов, направленные на борьбу с гендерной дискриминацией несмотря на то, что реализация этих инициатив на практике сталкивается с серьезными препятствиями и трудностями.

Abstract This article analyzes the evolution of the European Union's gender policy, highlighting key legal acts and historical processes that have made a significant contribution to shaping the current EU gender policy. The main focus is on the interconnection of integration processes in the region, as well as the expansion of the gender agenda. The EU's gender policy is aimed at ensuring equal political rights through a set of measures and institutions. However, economic and migration crises have a negative impact on the achievement of these goals. Today, the EU is on the path to achieving gender equality through the creation of a system of institutions and legal mechanisms aimed at combating gender discrimination, despite the fact that the implementation of these initiatives in practice faces serious obstacles and difficulties.

Ключевые слова: ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО, ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ, НОРМАТИВНЫЙ АКТ, РИМСКИЙ ДОГОВОР, ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА ЕС, АМСТЕРДАМСКИЙ ДОГОВОР, ХАРТИЯ

Key words: GENDER EQUALITY, EUROPEAN UNION, NORMATIVE ACT, ROME TREATY, EU GENDER POLICY, AMSTERDAM TREATY, CHARTER

Основой формирования Европейского подхода к гендерному равенству стали как экономические инициативы, так и проблемы в социальной сфере. Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) на этапе своего создания и дальнейшего развития рассматривало принцип равной оплаты труда мужчин и женщин в качестве ключевого инструмента предотвращения приоритетности в конкуренции, а также мотивации к формированию единого европейского рынка. Соответственно, включение принципа равной оплаты труда в Римский договор

было направлено на недопущение, так называемой, социальной неконкурентоспособности в областях экономики, полагающихся в большей мере на женский дешевый труд [1].

Тем не менее, это положение, несмотря на уклон в экономический сектор, имело и достаточно значительное социальное значение, ведь благодаря ему проблема неравного статуса женщин в обществе освещалась всё больше, чем активно пользовалось движение за права женщин в труде. Движение уделяло внимание проблеме дискриминации и выдвигало особые требования, направленные на предоставление более широких прав женщинам. Такой подход стал основой разработки Европейским союзом мер по борьбе с гендерным неравенством и отсюда продвижения принципов равноправия во всех сферах, включая занятость, профессии, социальное обеспечение [2] и т.д. Первые шаги в этом направлении предпринял Суд Европейского союза (CJEU). В связи с неспособностью, а иногда с отказом ввиду нежелания, государств-членов включить положения Договора о равной оплате труда в их национальные законодательства, многие профсоюзы подавали иски в Европейский суд, что в результате послужило тому, что граждане имеют право и возможность ссылаться на вышеупомянутый принцип как по отношению к государству, так и к частным организациям, а также постепенному расширению сфер внедрения принципа равной оплаты. Подобная судебная практика развивалась в контексте усиления социальной политики государств-членов вместе с ростом и усилением движения за права женщин по всей Европе и во всем мире, что, в свою очередь, помогло добиться включения вопроса по правам женщин в политическую повестку дня на локальном, региональном и международном уровнях.

Как уже упоминалось ранее, Римский договор (1957) был одним из первых документов, который упоминал о равенстве мужчин и женщин в контексте экономических прав, став основой для дальнейшего развития гендерной политики в ЕС. Однако стоит также отметить и Договор о Европейском Союзе (Маастрихтский договор, 1992) [3], который включил в себя положения о равенстве полов, установил уже конкретные обязательства для стран-членов по обеспечению равных прав и возможностей для обоих полов. Протоколы и соглашения, входящие и исходящие из Маастрихтского договора, способствовали поддержке Европейским сообществом местных усилий на государственном уровне сфер обеспечения равных прав и возможностей на рынке труда для мужчин и женщин. В связи с этим Европейским Союзом были приняты более обширные и инклюзивные законодательные инициативы. Более того, становление Европейского парламента полноправным участником процесса принятия решений способствовало большему прогрессу в этой области и уже, например, в рамках Европейской комиссии были созданы отдельные комитеты, нацеленные на продвижение и решение вопросов о гендерном неравенстве. Особую роль тут сыграла и «Программа действий по обеспечению равных возможностей» [4], принятая Европейским парламентом в 1982 году.

Важно упомянуть, что вопрос о гендерном равенстве приобрел больший вес после ратификации Амстердамского договора в 1997 году [5], следовавший

после Пекинской конференцией ООН по положению женщин (1995 год). Договор был неким катализатором кардинального пересмотра комплексного подхода Европейского союза к проблемам, возникающим по принципу гендерного неравенства. Вместе с чётким обозначением гендерного равенства как одного из главнейших принципов направления деятельности Европейского общества, Амстердамский договор также послужил точкой начала существенного реформирования социальной политики в области предоставления расширенных прав женщинам на рынке труда. То есть Договором закреплялась концепция учёта гендерного аспекта, призывавшая к включению вопросов о гендерном неравенстве как институтами ЕС, так и государствами-членами во все сферы политики Союза. Это, в свою очередь, создало чёткую правовую базу по разработке ЕС нормативных актов и законов, направленных на борьбу с дискриминацией по признаку пола, расы или этнического происхождения, вероисповедания, инвалидности, возраста и др.

В декабре 2000 года Европейский Союз провозгласил о учреждении Хартии основных прав Европейского Союза (Хартия ЕС) [6], которая закрепляла ряд положений, посвященных гендерному равенству, запрет на дискриминацию фундаментальных прав, а также являлась приоритетным и большим шагом вперед на пути к развитию и укреплению гендерного равенства в ЕС.

В нововведённом законодательстве давалось более широкое определение феномену дискриминации, включающее как прямую, так и косвенную дискриминацию, сексуальные домогательства рассматриваются в качестве одной из главной формы дискриминации, более того, предусмотрены положения, направленные на содействие соблюдению защиты прав женщин, обеспечиваемых законодательством ЕС, куда входит создание органов и институтов по вопросам гендерного равенства. Новое законодательство также способствовало принятию мер, получившее положительный отклик, заключавшихся в проведении мероприятий по улучшение баланса между работой и личной жизнью, а также установление корпоративного гендерного баланса в числе директоров [7].

Важно добавить, что гендерная проблематика и связанные с ней вопросы также постепенно включались в законодательную и политическую деятельность ЕС в различных областях, среди них включение гендерной проблематики в вопросы по борьбе с торговлей людьми, признание гендерной идентичности в соответствии с законами и ценностями ЕС для достижения международной огласки. Также немаловажным остается то, что термин «гендерное насилие» [8] вносится в директиву о правах жертв, принятую в 2012 году. Согласно данной директиве, гендерное насилие следует понимать как “насилие, направленное против человека на основе его пола, гендерной идентичности” [9].

В рамках реализации политики Европейского Союза в области гендерного равенства были предприняты многочисленные шаги, отражающие приверженность объединения принципам равноправия. Начиная с первой комплексной стратегии Комиссии по гендерному равенству (2000-2005 годы) [10] и вплоть до Женской хартии 2010-го года и соответствующей стратегии обеспечения гендерного равенства на 2010-2015 годы [11]. После них следует Стратегическая программа действий по обеспечению гендерного равенства на

2016-2019 годы [12], что определенно говорит о последовательной приверженности Европейского Союза тематике гендерного равенства. Однако еще в 2007 году создается Европейский институт по вопросам гендерного равенства (EIGE), начавший свою деятельность в 2010 году. Включение гендерного равенства в мандат Генерального директора по вопросам занятости, социальным вопросам и интеграции, а затем и в сферу деятельности Комиссии в области правосудия, свидетельствует о комплексном подходе ЕС к решению поставленных перед собой проблем и задач.

В настоящее время план действий по гендерному равенству на 2020-2025 годы [13] установил новые цели и меры для достижения гендерного равенства, включая в себя борьбу с насилием в отношении женщин, а также улучшение баланса между работой и личной жизнью. Обновление мандатов институтов Евросоюза после европейских выборов в 2019-ом году, вошедших в историю как выборы, в результате которых была назначена первая женщина – председатель Еврокомиссии, придало новый импульс для разработки всеобъемлющей политики ЕС в области гендерного равенства. В политической повестке и рекомендациях для ЕС новоизбранный президент Комиссии указала: «равенство для всех и равноправие во всех его смыслах» [13], что является одним из основных приоритетов Комиссии. Стратегия гендерного равенства ЕС, представленная органом в 2020 году, как одна из серии инициатив и стратегий, касающихся равенства, разнообразия и инклюзивности, объединяет прилагаемые усилия по дальнейшему прогрессу в ключевых областях политики. Стратегия направлена на «достижение гендерного равенства в Европе» [13], учитывая как проявления дискриминации и насилия, так и социальное неравенство, стереотипы и предрассудки. Она также учитывает рост дискриминации по таким признакам, как пол, расовое или этническое происхождение, религия или убеждения, инвалидность, возраст.

В контексте расширения деятельности Европейского Союза в области защиты прав человека, Комиссия предприняла шаги по укреплению ряда мер на региональном уровне в нескольких областях, ранее не охваченных или недостаточно эффективно регулируемых. Так, была разработана стратегия, направленная на совершенствование системы “долгосрочного ухода и раннего развития детей” [13], предприняты важные действия по усилению борьбы с гендерным насилием. В частности, в марте 2022 года Комиссия представила проект общеевропейских правил борьбы с насилием в отношении женщин и в семье. Благодаря ему были установлены минимальные стандарты для стран – членов ЕС, которых они должны в идеале достичь в ближайшей перспективе. Данный проект продемонстрировал широкое понимание гендерного насилия как проблемы, определяя «насилие в отношении женщин» как «насилие по признаку пола, направленное против женщины или девочки только потому, что она женщина или девочка» [13], и охватило практически все акты гендерного насилия, причиняющие или способные причинить физический, сексуальный, психологический или даже экономический ущерб, включая и угрозы совершения таких действий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Commission Communication of 7 June 2000: «Towards a community framework strategy on gender equality (2001-2005)» //COM (2000) 335 final//URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM:c10932

2. European Comission Civil Society Landscape in the European Union / Marion Bywater, Irina Jefferies and Melanie Kitchener / Tetra Tech International Development August 2022: Research in support of the Citizens, Equality, Rights and Values (CERV) Programme. – URL: https://www.cerv.at/dam/jcr:3a2020a9-8fc5-4052- 20EU.pdf

3. Treaty on European Union – Maastricht Treaty //Signed: 7 February 1992//URL:https://eurlex.europa.eu/legalcontent/EN/TXT/?uri=celex%3A11992M%2FTXT

4. Всемирная программа действий в отношении инвалидов // Резолюция 37/52 Генеральной Ассамблеи от 3 декабря 1982 года. URL:https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prog1

5. Treaty of Amsterdam Signed: 2 October 1997//Founding agreements//URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A11997D%2FTXT

6. Хартия Европейского союза об Основных правах //Право Европейского Союза//URL: https://eulaw.ru/treaties/charter/

7. Европейская комиссия. Доклад о равенстве мужчин и женщин в Европейском союзе за 2019 год// URL: https-entre-mujeres-y-hombres-en-la-ue/

8. Sustainable Development Goals (SDGs). United Nations Conference on Sustainable Development .2015 URL: https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/

9. Commission Staff Working Document on the evaluation of Directive 2012/29/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012//URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/policies/justice-and-fundamental-rights

10. Commission Communication of 7 June 2000: «Towards a community framework strategy on gender equality (2001-2005)» // COM (2000) 335 final//URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM:c10932

11. Strategy for equality between women and men 2010-2015// European Commission// 2011-08-03// URL: https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/

12. European Commission Strategic Engagement for Gender Equality 2016-2019/ Luxembourg: Publications Office of the European Union, Brussels /2016/URL: https://commission.europa.eu/document/download/89af673e-daf5-455d-b4f0-948b7fae01f0_en?filename=strategic_engagement_en.pdf

13. European Comission a Union of Equality: Gender Equality Strategy 2020-2025/ Brussels, 5.3.2020. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0152

УДК 341.24

ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ ИНТЕГРАЦИИ ВЫНУЖДЕННЫХ ИММИГРАНТОВ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИЯ

PROBLEMS AND CHALLENGES BEFORE THE INTEGRATION OF FORCED IMMIGRANTS IN THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY

Б. О. Шумков,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
(Санкт-Петербург, Россия)
B. O. Shumkov,
State Institute Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
(Saint-Petersburg, Russia)
Email: st107799@student.spbu.ru

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам и вызовам интеграционной политике Федеративной Республики Германия, направленной на облегчение адаптации беженцев и лиц, ищущих убежище. В работе рассматриваются прибывающие в Германию волны вынужденных мигрантов с 2015 года, оцениваются, как их национальная и культурная приверженность может повлиять на успех интеграции в немецкое общество. Также рассмотрены во взаимосвязи экономические, социальные, культурные и политические вызовы, которые неизбежно остаются перед правительством Федеративной Республики Германия вне зависимости, будет ли ужесточена политика приема соискателей убежища после заявлений недавно избранного канцлера Фридриха Мерца (Христианско-демократический союз). В работе изложены также соображения автора о возможностях решения возникающих проблем интеграции.

Abstract. This article is devoted to the problems and challenges of the integration policy of the Federal Republic of Germany aimed at facilitating the adaptation of refugees and asylum seekers. The work examines the waves of forced migrants arriving in Germany since 2015, and assesses how their national and cultural commitment can affect the success of integration into German society. The economic, social, cultural and political challenges that inevitably remain before the Government of the Federal Republic of Germany, regardless of whether the policy of accepting asylum seekers becomes stricter after the statements of the newly elected Chancellor Friedrich Merz (Christian Democratic Union) are also explored in interrelation. The paper outlines the author's thoughts on the possibilities of solving emerging integration problems.

Ключевые слова: БЕЖЕНЦЫ, ПРОСИТЕЛИ УБЕЖИЩА, ВЫНУЖДЕННАЯ МИГРАЦИЯ, ИНТЕГРАЦИЯ, ФРГ, ДУБЛИНСКИЙ РЕГЛАМЕНТ

Key words: REFUGEES, ASYLUM SEEKERS, FORCED MIGRATION, INTEGRATION, THE FRG, DUBLIN REGULATION

Начиная с 2015 года наметился резкий рост численности прибывающих в ФРГ лиц, ищущих убежище. Контроль их количества стал, вероятно, одним из серьёзнейших вызовов правительства ФРГ. Рост численности людей, нуждающихся в помощи и проживающих на территории Германии, увеличивает нагрузку на все сферы жизни общества: политическую, экономическую, социальную. Логичным представляется обозначить численность и национальный состав категории лиц, ищущих убежище, для более наглядной демонстрации проблемы.

В первые месяцы 2015 г. в общей сложности было подано почти 203 тысячи заявлений, из них 170 тыс. было отправлено впервые. Лидерами по странам происхождения лиц, ищущих убежище, стали: Сирия, Эритрея, Афганистан, Ирак, балканские страны: Албания, Босния и Герцеговина, Северная Македония и территория Косово [1]. Уже за январь-октябрь количество заявок увеличилось еще на 362 тыс., вновь названные выше страны заняли лидирующие позиции по категории «страна происхождения» [2].

По данным центра AIDA, на 31 декабря 2016 г. общее число поданных заявлений перевалило за отметку 745 тысяч, большинство из них снова из Сирии (почти 269 тыс. заявок), Афганистана (127 тыс.), Ирак (97 тыс.). Общий рейтинг положительных решений по выдаче любого из статусов защиты составил 62.4 %. Активно стали работать центры для новоприбывших (arrival centres) [3]. 2016 год стал пиковым годом по показателю количества поданных заявок на предоставление убежища.

За 2017 год число заявок снизилось до 222 тыс., но главные страны-источники беженцев не изменились, все также Сирия, Ирак, Афганистан, Эритрея. Согласно отчету, скорость процедуры выдачи убежища сократилась до 3-4 дней в каждом конкретном случае, из различных СМИ последовали обвинения в сторону должностных лиц BAMF о том, что многие решения были сделаны поспешно. Вероятно, имел место кадровый голод в структуре, ответственной за рассмотрение заявок на убежище [4].

2018 год показал довольно существенное уменьшение численности заявок на предоставление убежища, зарегистрировано почти 186 тыс. прошений. Сирийцы также лидируют по числу кандидатов, за ними идут иракцы, афганцы, представители Турции и Ирана. В соответствии с коалиционным соглашением правящих партий, попытались создать так называемые Arrival, Decision and Return (AnkER) centres (центры прибытия, ожидания и возвращения), которые содержат новоприбывших, ограничивая их передвижение и доступ на рынок труда [5].

2019 год знаменовал тяжелый период для Бюро по делам миграции и беженцев, федеральной полиции и пограничников, а также для самих просителей убежища с началом пандемии COVID-19. Число просителей убежища снизилось до 165 тысяч, в марте полмесяца не рассматривали заявки вообще. Последовали масштабные изменения миграционного законодательства: в июле изменены Asylgesetz, Aufenthaltsgesetz, Asylbewerberleistungsgesetz и другие, введены меры по изоляции лиц, ищущих убежище в центрах приема, продлено их пребывание в таких центрах до 18 месяцев и ограничение в доступе на рынок труда до 9 месяцев, получателей пособий могли лишить выплат за покидание установленного места жительства или отказ в дачи персональных данных [6].

В 2021 году помимо увеличения числа заявок до 190 тысяч, Германия все еще находилась в кризисе, вызванном пандемией, этот год был и годом выборов в немецкий Бундестаг, когда офис канцлера занял лидер социал-демократов Олаф Шольц. За этим последовали различные изменения в интеграционной политике в отношении соискателей убежища: усиление работы по программе переселения Агентства ООН по делам беженцев (UNHCR), обещание не использовать центры

прибытия, ожидания и возвращения, улучшение доступности интеграционных курсов, возможность выдачи разрешения на проживание для людей со статусом Geduldete (лица с документом об отсрочке высылки) при определенных условиях и др. Было также зафиксировано массовое незаконное пересечение польско-белорусской границы (около 11 тысяч человек), их точкой назначения стала Германия [7].

2022 год также знаменовал рост числа вынужденной миграции в Европе, выразившийся в массовом исходе граждан Украины, страну покинуло 6.1 млн человек, согласно данным Управления верховного комиссара по делам беженцев ООН, немалая их часть оказалась в Германии [8].

На данный момент, согласно данным Федерального агентства по статистике, в Германии проживает 14,1 млн иностранцев [9], из них число лиц, ищущих защиту, по состоянию на 31 мая 2024 года составляет 3173,135 человек (приблизительно 25% от числа всех иностранцев), с признанным статусом временной или постоянной защиты на данный момент приблизительно 2,5 млн человек. Наибольшая их часть прибыла из Украины (976,905 человек по данным Агентства по статистике, 1 млн 142 тыс. согласно данным УВКБ ООН) после начала конфликта на Донбассе; далее идут страны, где большая часть населения исповедует ислам – Сирия (711,650 человек), Афганистан (322 000 человек), страны Африки (270 000 человек), Ирак (200 000 человек), Турция (151 000 человек).

Анализируя влияние прибытия крупных потоков лиц, ищущих убежище, в Германию с 2015 по 2025 гг., можно сделать следующие выводы: 1) верхние места списка стран-происхождения лиц, ищущих убежища, занимали страны с преимущественно мусульманским населением, значит, основные трудности интеграции неизбежно связываются с представителями ислама; 2) уже в 2017 году система рассмотрения заявок, руководимая Бюро по делам миграции и беженцев, показала сильную загруженность и не редки были случаи, когда статусы выдавали, не соблюдая все процессуальные нормы. Кроме того, согласно данным, указанным в отчетах центра AIDA по Германии, средний процент выдачи статуса «беженец», к примеру, сирийцам за 2015-2021 гг. составил не менее 40–50 % от общего числа поданных ими заявок. То есть Германия оказалась перед проблемой правового определения статуса «беженца» либо выдача статусов было вопросом политики, а не права. Едва ли граждане Сирии, которые столкнулись, вероятно, в большей степени с неизбирательным насилием во время гражданской войны, могли доказать персонализированный и устойчивый характер преследования по признаку пола, расы, социальной группы или религии, который является основанием для получения политического убежища в ФРГ, согласно Конвенции о статусе беженцев 1951 года, производных от неё актов: Директивы ЕС о стандартах квалификации 2011/95/ЕС от 13 декабря 2011 г. и Закона ФРГ об убежище (Asylgesetz (AsylG)), а также статьи 16а Основного закона ФРГ о предоставлении политического убежища. Следовательно, важнейшие проблемы интеграции выявляются непосредственно на ее начальном этапе. Далее вопрос количества вынужденных мигрантов затрагивает практически все общественные сферы ФРГ.

Однако в 2025 г., согласно подсчетам Европейского агентства по вопросам убежища, Германия перестала быть лидером среди стран ЕС, принимающих большее число заявок о предоставлении убежища, уступив Франции и Испании. В новостных сводках часто можно слышать о том, как новоизбранный канцлер ФРГ от партии ХДС Фридрих Мерц обещает ужесточить миграционную политику, сократить финансовую помощь нелегальным мигрантам, увеличить депортации и предлагает другие меры по более жесткому урегулированию [10]. Вероятно, снижение количества заявок связано с тем, что все больше немецких политиков говорят об ограничениях и депортация. Но даже если это изменение произойдет, Германия все равно стоит перед трудностями в интеграции людей, за которых уже взята ответственность. Обозрев численность новоприбывших в ФРГ с 2015 года, можно выделить первый вызов, касающийся экономики, с которым сталкивается Германия – эффективное использование средств в условиях существенной нагрузки на бюджет федерации и особенно на бюджеты федеральных земель, так как интеграция беженцев и получателей иных видов защиты (с учетом их немалой численности) требует значительных финансовых вложений. Продемонстрируем это тезис.

В Законе о пособии для лиц, ищущих убежище (Asylbewerberleistungsgesetz (AsylbLG)) определены минимальные размеры пособий на человека, они могут варьироваться от 100 до 200 евро в зависимости от возраста, трудоустройства и категорий, согласно которым индивид имеет право на это пособие [11].

Федеральным землям также выделяются средства на содержание и медицинскую помощь новоприбывшим переселенцам. Так, например, в постановлении правительства федеральной земли Северная Рейн-Вестфалия (касающегося Закона о размещении и приёме беженцев – Flüchtlingsaufnahmegesetz – FlüAG) [12] говорится, что муниципалитету выделяется на поддержку 1 человека со статусом беженца до 1013 евро, городскому округу – до 1303 евро и разумная часть этих средств может пойти на социальные нужды. В соответствии с тем же нормативным актом Северной Рейн-Вестфалии, беженцы получают ежемесячное пособие в размере 330 евро. Земля предоставляет муниципалитетам дополнительное финансирование для покрытия медицинских расходов беженцев до 25000 евро в течение календарного года.

Другим примером, показывающим траты на поддержку вынужденных мигрантов – материальная помощь украинцам, имеющим статус временной защиты: выделяется ежемесячно по 449 евро на человека по данным на июнь 2022 г. (это самый высокий показатель среди стран Европы) [13]. А эти показатели непосредственных выплат усреднены и не включает затраты на интеграционные курсы, различные интеграционные программы. Учитывая количество беженцев и получателей других видов международной помощи, можно сказать, что финансовая нагрузка на государство достаточно велика. В связи с этим правильным шагом со стороны правительства видится как можно более широкое распределение беженцев и просителей убежища по территории ФРГ, чтоб снизить общую нагрузку на федеральные земли, отдельные города, округа и муниципалитеты. Но с этим появляется и другая проблема – обеспечение равных условий на местах при уже существующих дисбалансах.

Важно также учесть сложность трудоустройства на немецком рынке, и, исходя из упомянутой численности мигрантов, обеспечение занятости становится сложной задачей. Согласно исследованию Института исследований рынка труда и профессиональной деятельности (Institut für Arbeitsmarkt- und Berufsforschung), существуют корреляции между различными переменными [14]: а) длительностью проживания беженца или просителя убежища в Германии и трудоустройством (в первый год жизни трудоустраиваются только 10 %, на 8 год жизни уже 68 %), б) половой принадлежностью: после 8 лет проживания 86 % беженцев-мужчин устроены на работу, а женщин только 33 %, в) наличием права на пособие (уровень трудоустройства женщин также ниже, потому что они чаще получают пособия), г) институциональным запретом на трудоустройство и процентом трудоустроенных. Это исследование в целом подтвердило тот факт, что любые законные ограничения, а также ограничения, связанные с образованием, квалификацией беженцев негативно влияют на их интеграцию на рабочий рынок в ФРГ. Здесь для Германии целью становится обеспечить занятость беженцев и лиц, ищущих убежище, на профессиональном рынок, при этом не нарушая устоявшуюся конкуренцию, не проводя «положительной дискриминации» и защищая интересы своих граждан. Можно сделать также упор на искоренение иждивенческих настроений среди получателей пособий, так как существует обратная корреляция между получением пособий и процентом трудоустройств. Проблемой является и тот факт, что скорость прибытия новых вынужденных мигрантов и скорость интеграции их на рынок труда неравномерны (интеграция занимает годы, а потоки обновляются постоянно).

Вызовом представляется и культурная интеграция вынужденных мигрантов. Существенную часть из них представляют мусульмане, которые не только имеют множество различий с христианским или атеистическим немецким населением, но и отличаются большой степенью неоднородности в своей среде. С. В. Погорельская справедливо замечает, насколько отличаются поколения турецких гастарбайтеров 1950-1970-х гг., их детей и внуков, которые уже являются гражданами Германии, и мусульманами, бегущими в Германию из стран Ближнего Востока и Северной Африки. Первые и вторые отличаются от третьих меньшей степенью закрытости сообществ и радикальностью [15]. Это в немалой степени объясняется тем, что турецкие рабочие, несмотря на их низкий уровень образования, приверженность исламу, прошли (вернее – проходили на протяжении десятилетий) через социальную систему, систему трудоустройства и корпоративную систему Германии. Новоприбывшие, которых встретили с должным вниманием и всесторонней помощью и не обделили пособием, менее склонны адаптироваться в социально-культурную и корпоративную систему, наоборот имеет место куда более сильное отмежевание. Несомненно, важным представляется обеспечение мирного культурно-религиозного сосуществования немцев и лиц, ищущих убежище, которые в немалой степени, как мы уже выяснили, представлены мусульманами. Немало уже было сказано о крушении мультикультурализма, в первую очередь самими немцами (вспоминая выступление Ангелы Меркель в 2010 году в Потсдаме, которые были близки также премьер-министру Баварии от ХДС Хорсту Зеехоферу) [16]. И едва ли с тех

пор ситуация кардинально изменилась. Недавние выборы в Бундестаг в феврале 2025 г. показали рост популярности правых партий, наиболее ярко это выразилось крупным успехом партии Альтернатива для Германии (AfD), которая заняла 24.1 % мест парламента [17]. Одной из важнейших идей Альтернативы для Германии выступает как раз ужесточение миграционной политики, и эта идея, если считать выборы показателем, встретила интерес граждан. Граждане Германии не без оснований переживают за свою культурную идентичность, они имеют право ее защищать. Для государства стоит задача не допустить роста ксенофобских настроений в сторону лиц, получивших приют, и раскола среди немцев по линии бывших ГДР-ФРГ (на новостной странице Reuters можно увидеть результаты партийных предпочтений избирателей по географическому принципу, AfD лидирует в землях бывшей ГДР). Эти вызовы касаются уже вопросов культурного сосуществования.

Говоря о выборах и избирательном праве в целом, можно отметить еще один вызов правительству ФРГ – обеспечение участия в гражданской жизни новоприбывших мигрантов. А. С. Матвеевская считает, что вовлеченность новых переселенцев в формы политического и гражданского участия – важнейшая задача политико-правовой адаптации [18]. И действительно, согласно Краткому анализу причин натурализации и политических интересов беженцев, составленному Федеральным бюро по вопросам миграции и беженцев, для 79,1 % респондентов основной причиной желания получить гражданство стала возможность уравнять политические права с гражданами Германии [19]. В ФРГ же, как и во многих государствах мира, полноправное политическое участие может осуществляться только гражданами. Необходимо выработать иные формы гражданского и политического участия беженцев, это позволит им ощущать близость со страной пребывания и их личную важность для этой страны. И для этого многое уже сделано, такие положения о трудоустройстве в государственные, муниципальные, некоммерческие организации представлены в §5 Закона о пособии для лиц, ищущих убежище (Asylbewerberleistungsgesetz (AsylbLG)) [11]. Трудностью становится также побудить иностранцев к участию.

Отсутствие занятости, вовлеченности, культурная обособленность и бедность [20] часто обостряют различные социальные проблемы, такие как ухудшение криминогенной обстановки. Например, за 2024 год, согласно отчету Федерального управления уголовной полиции (учитываются только уголовные преступления), было задержано 913 тысяч преступников-иностранцев, из них 383 тысячи человек являлись мигрантами. Статистика указывает, что на 100 000 иностранного населения Германии преступниками становятся 5091 человек [21]. Для правительства Германии, безусловно, является вызовом как локализация преступлений и борьба с преступностью (в частности, в среде иммигрантов), так и работа над делигитимацией складывающихся в кругу граждан предубеждений о том, что мигранты – либо уже совершали преступления, либо в будущем точно совершат. На политические предпочтения граждан ФРГ, в частности в большей степени на положительную реакцию на программные заявления представителей партии AfD или на жесткую риторику новоизбранного канцлера Фридриха Мерца в отношении иммиграции, ничего не

оказывает такого влияния, как громкие преступления террористического характера, совершенные представителями лиц, искавших убежище в Германии. За прошлый год можно выделить серию трагедий в городах Золинген [22], Магдебург [23], Мюнхен, Мангейм и др. В этом отношении нельзя прибегать к популистским идеям об опасности, исходящей от мусульман. Положительное восприятие иностранцев – важный атрибут удачной интеграции. В то же время от иностранцев также необходимо требовать соблюдения законов и достойного поведения в обществе, въезжающих граждан необходимо тщательно проверять на предмет участия в запрещенных группировках и совершения преступлений в других государствах. Процедура расследования в отношении действий соискателя убежища за границей и передача им всей информации в ответственное ведомство упоминается, в частности, в Директиве 2011/95/ЕС и в национальных законах ФРГ, но, если такие громкие трагедии происходят, значит есть все основания для необходимости модернизации системы проверки въезжающих.

Нельзя обходить стороной и международный фактор. В первую очередь разумно затронуть Дублинское регулирование. Страны Европейского союза выбрали для себя принцип защиты прав человека, право всех людей на территории стран-членов должно быть защищено. Об этом говорится в Европейской конвенции по правам человека [24]. Справедливо было бы разделить потоки лиц, ищущих убежище таким образом, каким это не создавало бы сильного давление на экономику государства-реципиента. И такие предложения на тему модернизации системы распределения ответственности выдвигаются, например, 23 сентября 2020 года Европейская комиссия приняла Новый пакт о миграции и предоставлении убежища после консультаций с Европейским парламентом, государствами-членами и различными заинтересованными сторонами [25]. Новая система распределения лиц, ищущих убежище, должна быть основана на принципе взаимопомощи и взаимной ответственности. Важным интересом ФРГ является запуск этой новой системы, так как она позволит сократить нагрузку на национальную систему приёма лиц, ищущих убежище, и в перспективе (в случае достижения консенсуса) сократить число пребывающих беженцев.

Вопросы интеграции беженцев и лиц, ищущих убежище, необходимо рассматривать комплексно, так как зачастую они тесно связаны, и один проистекает из другого. Проблемы исходят из большой численности иностранцев, принимаемых с 2015 г., они обостряется экономической сложностью интеграции, которая порождает и социальные вызовы. Сложность культурной адаптации стоит особняком и наравне с социально-экономическими вызовами, перетекает в сферу политики. Сокращение численности прибывающих во взаимодействии в рамках нового более справедливо модернизированному Дублинскому регламенту, вероятно, ключ к решению наслаивающихся проблем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Country report: Germany // AIDA | Asylum Information Database, January 2015. – URL: https://asylumineurope.org/wp-content/uploads/2015/08/report-download_aida_-_germany_thirdupdate_final.pdf (дата посещения:11.04.2025).

2. Country report: Germany // AIDA | Asylum Information Database, November 2015. – URL: https://asylumineurope.org/wp-content/uploads/2015/11/report-download_aida_de_update.iv__0.pdf (дата посещения: 11.04. 2025).

3. Country report: Germany // AIDA | Asylum Information Database, 31 December 2016. – URL: https://asylumineurope.org/wp-content/uploads/2017/03/report-download_aida_de_2016update.pdf (Дата посещения: 11.04. 2025).

4. Country report: Germany // AIDA | Asylum Information Database 31 December 2017. – URL: https://asylumineurope.org/wp-content/uploads/2018/03/report-download_aida_de_2017update.pdf (Дата посещения: 11.04. 2025).

5. Country report: Germany // AIDA | Asylum Information Database 31 December 2018. – URL: https://asylumineurope.org/wp-content/uploads/2019/04/report-download_aida_de_2018update.pdf (Дата посещения: 11.04. 2025).

6. Country report: Germany // AIDA | Asylum Information Database 31 December 2019. – URL: https://asylumineurope.org/wp-content/uploads/2020/07/report-download_aida_de_2019update.pdf (Дата посещения: 11.04. 2025).

7. Country report: Germany // AIDA | Asylum Information Database 31 December 2021. – URL: https://asylumineurope.org/wp-content/uploads/2022/04/AIDA-DE_2021update.pdf (Дата обращения: 11.04. 2025).

8. The UN Refugee Agency | UNHCR 2025. [электронный ресурс]. URL: https://www.unhcr.org/refugee-statistics (дата посещения: 11.04. 2025).

9. Persons seeking protection by protection status, regions and countries of origin (citizenship) // Statistisches Bundesamt (Destatis) | 2025 – [электронный ресурс]. – URL: https://www.destatis.de/EN/Themes/Society-Environment/Population/Migration-Integration/Tables/protection-countries-of-origin-status.html (дата посещения: 11.04. 2025).

10. В. Вишнякова Берлин не резиновый. Германия теряет привлекательность для беженцев на фоне призывов к ужесточению миграционной политики // Газета «Коммерсантъ». 2025. №64. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7640608 (дата посещения: 19.04.2025).

11. Asylbewerberleistungsgesetz (AsylbLG) in der Fassung der Bekanntmachung vom 5. August 1997 (BGBl. I S. 2022), das zuletzt durch Artikel 8 Absatz 3 des Gesetzes vom 23. Dezember 2024 (BGBl. 2024 I Nr. 449) geändert worden ist [электронный ресурс] // Bundesministeriums der Justiz 2025. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/asylblg/ (дата посещения: 19.04.202025)

12. Geltende Gesetze und Verordnungen (SGV. NRW.) mit Stand vom 10.4.2025 (Gesetz über die Zuweisung und Aufnahme ausländischer Flüchtlinge (Flüchtlingsaufnahmegesetz – FlüAG)) [электронный ресурс] // Recht.NRW.de. URL: https://recht.nrw.de/lmi/owa/br_bes_text?anw_nr=2&gld_nr=2&ugl_nr=24&bes_id=5141&aufgehoben=N&menu=1&sg=0 (дата посещения: 09.04.2025).

13. Financial support for a single Ukrainian refugee in accommodation per month in Europe as of June 2022, by selected country (in euros) [электронный ресурс] / Statista 2025. URL: https://www.statista.com/statistics/1321509/monthly-support-per-ukrainian-refugee-europe-by-country/ (дата посещения: 12.04. 2025).

14. H. Brücker, M. Ehab, Ph. Jaschke Verbesserte institutionelle Rahmenbedingungen fördern die Erwerbstätigkeit // Institut für Arbeitsmarkt- und Berufsforschung der Bundesagentur für Arbeit, 90327 Nürnberg – 10.2024. – URL: file:///C:/Users/dns/Downloads/kb2024-10.pdf (дата посещения: 12.04. 2025).

15. С. В. Погорельская, Мусульмане в Германии: специфика интеграции // Актуальные проблемы Европы: науч. журн. 2008. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/musulmane-v-germanii-spetsifika-integratsii Доступна на сайте cyberleninka.ru (дата посещения: 12.04.25).

16. K. Connolly Angela Merkel declares death of German multiculturalism // The Guardian, 17 Oct 2010: эл. газета. URL: https://www.theguardian.com/world/2010/oct/17/angela-merkel-germany-multiculturalism-failures (дата посещения: 12.04. 20255).

17. Live German election results // Reuters published Feb. 23, 2025: эл. газета. URL: https ://www.reuters.com/graphics/GERMANY-
ELECTION/RESULTS/movaynkgova/ (дата посещения: 12.04. 2025)

18. Матвеевская А. С. Миграционные процессы в современном мире: учеб. Пособие. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021. 62 с.

19. BAMF Brief Analysis Naturalisation and political interest of refugees (Issue 07|2024 of the Brief Analyses of the Research Centre Migration, Integration and Asylum of the Federal Offic e for Migration and Refugees) [электронный ресурс] // Federal Office for Migration and Refugee s, 07.2024 URL: https://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/EN/Forschung/Kurzanalysen/kurzana lyse7-2024-einbuergerung.pdf?__blob=publicationFile&v=5 (дата посещения: 10.04.2024).

20. Migrant integration statistics – at risk of poverty and social exclusion // Eurostat – extracted in 26 September 2024 [электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statist ics-explained/index.php?title=Migrant_integration_statistics_-
_at_risk_of_poverty_and_social_exclusion (дата посещения: 12.04. 2025).

21. Polizeiliche Kriminalstatistik 2024: Polizei registriert über 5,83 Millionen Straftaten im Jahr 2024 // Bundeskriminalamt 2025 [электронный ресурс]. URL: https://www.bka.de/DE/Aktu elleInformationen/StatistikenLagebilder/PolizeilicheKriminalstatistik/PKS2024/Polizeiliche_Krim inalstatistik_2024/Polizeiliche_Kriminalstatistik_2024.html (дата посещения: 12.04. 2025).

22. Н. Портякова Немецкие правые воспользовались терактом. Резня в Золингене поз волила »Альтернативе для Германии» активизировать предвыборную кампанию // Газета » Коммерсантъ», 25.08.2024. [электронный ресурс] URL: https://www.kommersant.ru/doc/69182 26 (дата посещения: 19.04.2025).

23. Н. Портякова Германия докапывается до истины. Теракт в Магдебурге оставил м ного вопросов // Газета »Коммерсантъ», 22.12.2024. [электронный ресурс] URL: https://www .kommersant.ru/doc/7400680 (дата посещения: 19.04.2025).

24. Европейская конвенция по правам человека (измененная и дополненная Протоколами № 11 и № 14 в сопровождении Дополнительного протокола и Протоколов № 4, 6, 7, 12 и 13, подписана странами-членами Совета Европы 4 ноября 1950 года, вступила в силу в Риме 3 сентября 1953 года) [электронный ресурс] // to59.minjust.gov.ru URL: https://to59.minjust.gov.ru/uploaded/files/konvenciya27.pdf (дата пос ещения: 19.04.2025)

25. Country responsible for asylum application (Dublin Regulation № 604/2013) // Europe an Commission. [электронный ресурс]. URL: https://home-
affairs.ec.europa.eu/policies/migration-and-asylum/asylum-eu/country-responsible-asylum-application-dublin-regulation_en (дата посещения: (10.04.2025).

УДК 316.774:321.7

TELEGRAM КАК ИНСТРУМЕНТ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ

TELEGRAM AS A TOOL OF RUSSIAN DIGITAL SOVEREIGNTY

А. А. Юрченко,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
A. A. Yurchenko,
St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)
Email: a.ochunkery@gmail.com

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию мессенджера Telegram как альтернативного инструмента установления цифрового суверенитета России. В отличие от традиционного подхода, основанного на усилении государственного контроля над цифровой инфраструктурой, рассматривается возможность реализации суверенитета через развитие независимых каналов, пользующихся доверием и популярностью пользователей. В статье анализируется функциональный потенциал Telegram, включая возможности для коммуникации, трансляции информации и формирования публичной повестки. Особое внимание уделено динамике роста российской аудитории и появлению устойчивых медиасообществ внутри платформы. Эмпирическую основу исследования составляют результаты глубинных интервью. В результате автор приходит к выводу, что Telegram способствует формированию новой модели цифрового суверенитета, основанной не на изоляции, а на децентрализации и вовлеченности граждан в цифровые процессы.

Abstract. This article examines the role of Telegram – a privately owned messenger, as an alternative means of advancing digital sovereignty in Russia. Departing from conventional state-centered approaches that emphasize control over digital infrastructure, the study explores a platform-driven model grounded in public trust and engagement. Particular attention is given to Telegram's functional capabilities — its capacity to support communication, spread information, and shape public discourse. The article also highlights the platform's growing popularity in Russia and the formation of stable, self-organized media communities. The empirical basis of the study is formed by in-depth interviews. The findings suggest that Telegram enables a new vision of digital sovereignty—one rooted not in isolation or centralized control, but in decentralization and civic engagement in the digital sphere.

Ключевые слова: ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ, ЦИФРОВАЯ ПОЛИТИКА, TELEGRAM, РОССИЯ, ЦИФРОВАЯ ПЛАТФОРМА, РОССИЙСКИЙ ИНТЕРНЕТ, СУВЕРЕННЫЙ ИНТЕРНЕТ, ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

Key words: DIGITAL SOVEREIGNTY, DIGITAL POLICY, TELEGRAM, RUSSIA, DIGITAL PLATFORM, RUSSIAN INTERNET, SOVEREIGN INTERNET, INFORMATION POLICY

Введение. В 2017 году в правительстве Российской Федерации впервые появилась идея о выделении российского сегмента сети Интернет в отдельную сущность, причем как юридическую, так и физическую. В 2019 году вступил в силу закон «О суверенном Рунете», что положило начало активным действиям со стороны государственных органов и частных провайдеров по отделению

российского сегмента от глобального Интернета. Центральной идеей концепции цифрового суверенитета и суверенного Интернета является создание возможностей для того, чтобы государство самостоятельно формировало информационную политику и управляло потоками информации независимо от внешнего влияния. С учетом этого неудивительно, что основные усилия были направлены на защиту от внешнего влияния: контроль над трансграничными потоками информации и ограничение доступа к иностранным ресурсам. Тем не менее, спустя шесть лет после принятия закона в России до сих пор не выработан стабильный механизм формирования информационной политики, не установлены централизованные каналы для получения информации, а главное — аудитория не консолидирована в единой платформе или инфраструктуре.

На взгляд автора, именно объединение аудитории в одном месте является ключевым аспектом, который даст возможность для управления государством цифровыми потоками и упростит выполнение остальных задач, в том числе защиту от внешнего вмешательства. Примером успеха такого подхода является китайская платформа WeChat, которая стала основным двигателем технонационализма Китая, оставаясь частной компанией. WeChat ежедневно используют более 80% граждан [1], обращаясь к ней не только для общения, но и для поиска информации, приобретения товаров и услуг и чтения новостей. В 2024 году 51% россиян также ежедневно используют одну платформу, оснащенную аналогичным WeChat функционалом – мессенджер Telegram [2]. Гипотеза данной статьи в том, что именно Telegram обладает наибольшим потенциалом для реализации идей цифрового суверенитета РФ.

Целью данной статьи является разработка стратегической основы использования Telegram для укрепления цифрового суверенитета России путем выявления и анализа ключевых факторов, определяющих исключительную способность Telegram к привлечению и удержанию пользователей. В рамках поставленной цели были исследованы два вопроса. Во-первых, как Telegram удается столь успешно привлекать и удерживать аудиторию, несмотря на отсутствие внешней рекламы? Во-вторых, как можно воспользоваться ростом популярности Telegram для создания централизованной информационной политики РФ?

Методология. Для ответа на поставленные выше вопросы были использованы следующие научные методы. В первую очередь, мы изучили документы, опубликованные Telegram Messenger Inc. и сообщения в официальных блогах Telegram. Они были обработаны посредством контент-анализа. Всего было обработано 747 публикаций из трех Telegram-каналов, среди которых официальные блоги Telegram – Telegram Tips и Telegram News, а также блог основателя платформы Павла Дурова – Du Rove’s Channel. Для публикаций были установлены временные рамки с 2017 по 2024 год. Для отбора и обработки публикаций была использована специально адаптированная модель ИИ, на базе архитектуры ChatGPT, которая выполняла количественный анализ частотности ключевых слов, публикаций с определенной тональностью, а также качественный анализ семантики публикаций.

Во-вторых, в исследовании применялся метод **глубинного интервью.** Участниками интервью были пользователи Telegram и владельцы Telegram-

каналов. Автором было проведено 10 интервью с гражданами России, из которых 5 – владельцы каналов с аудиторией от 500 до 8000 человек, 1 – администратор публичного чата в Telegram с 3000 участников, и 4 – пользователи платформы. Интервью были направлены на изучение личного опыта взаимодействия с Telegram.

В-третьих, мы обработали отраслевые отчеты, сообщения в прессе, обсуждения в блогах и источники, которые рассказывают о том, как строится отношение общества к платформе. Эти документы помогли составить хронологию роста платформы и извлечь информацию об официальной позиции РФ в отношении Telegram.

Результаты. 950 миллионов пользователей – ни единой рекламы

Телеграм впервые появился на рынке мобильных приложений в Августе 2013 года [3]. Первым уникальным функционалом мессенджера стало сквозное шифрование и ряд элементов пользовательского интерфейса, обеспечивающих секретность переписок. В последующие два года мессенджер регулярно расширял функционал, следуя логике платформизации, характерной для уже существующих платформ для обмена сообщениями через Интернет.

В 2015 году Telegram впервые представил каналы — публичные страницы для размещения контента от лица брендов, организаций или личностей с возможностью подписки, уведомлений и просмотра истории публикаций. В последующие годы функционал расширялся: появились реакции, комментарии и настройки приватности. На начало 2025 года в мире насчитывается около 2 млн каналов [4], 1229 млн из которых – российские[1]. Крупнейшая категория в российском сегменте — блоги (126 тыс. каналов), за ней следуют новости и СМИ (62 тыс.) [5]. Крупнейший российский канал на февраль 2025 года насчитывает аудиторию в 5,6 млн подписчиков и относится к категории криптовалюты, как и 11 других в 20 первых позициях рейтинга [6]. Еще 7 позиций из рейтинга занимают новостные каналы и 1 – канал в тематике юмор и развлечения. Если исключить криптовалютные каналы, ведущие позиции мирового рейтинга в категориях блогов, новостей, развлечений и технологий занимают российские авторы. Из этих данных видно, что Telegram как социальная сеть не только получила большое распространение, но и что большую часть авторов и аудитории на платформе – российские. В этом отношении интересно, что механика взаимодействия с контентом в Telegram отличается от традиционных социальных сетей: Instagram[2], X[3] (ранее – Twitter), «Вконтакте». Вместо единой алгоритмической ленты, где отображаются публикации, и *пассивного* получения контента, в Telegram разделение на каналы предполагает *активный* выбор контента для изучения.

Интервьюентам, владеющим или администрирующим публичные каналы и чаты в Telegram был задан вопрос о выборе именно этой платформы. *32-летняя директор по маркетингу,* отмечает: «Сначала мы думали, что будет неудобно,

[1] По географической привязке размещаемой информации – *прим. автора*.

[2] Продукт компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена в РФ.

[3] Запрещен в РФ.

хотели написать свой сайт для размещения информации. Потом поняли – аудитории проще сидеть в “телеге”, потому что они и так ежедневно ей пользуются, им удобно, когда все под рукой и в одном месте».

25-летняя администратор канала бренда на 3 тыс. подписчиков, также добавила: «Я не знаю, по какой причине, но аудитория в телеграм взаимодействует с публикациями в разы активнее, чем в других социальных сетях. К тому же, без акцента на визуал, получается гораздо лучше публиковать действительно качественный контент, хорошие тексты, и людям это нравится».

В интервью отдельно обсуждалась тема новостных каналов. Крупнейшее российское агентство РИА Новости в среднем набирает более чем 600 тыс просмотров на публикацию в Telegram — в десятки раз больше, чем на своём сайте (3–5 тыс.)[4]. Другие ведущие новостные каналы, такие как Топор Live, Прямой Эфир и Москвач, охватывают по 500–800 тыс. человек на пост. Участники интервью отмечали, что получают новости преимущественно через Telegram благодаря высокой скорости обновлений и уведомлениям. Так, 59-летний предприниматель из Владивостока признался, что зарегистрировался в мессенджере именно ради оперативного доступа к региональным новостям, избавив себя от ожидания телерепортажей.

Тем не менее, ключевой причиной выбора Telegram 8 из 10 участников интервью назвали многофункциональность — возможность общаться, просматривать контент и публиковать свой в одном приложении. Для них Telegram стал основным социальным профилем. Таким образом, в большей степени, не уникальные механики взаимодействия, а именно платформизация стала причиной успеха Telegram в притягивании и удерживании аудитории. Консолидация российских пользователей в Telegram, безусловно, частично связана с введением санкций и запретом ряда глобальных социальных сетей в РФ, что подтверждается значительным скачком аудитории в 2022 году [7], когда и были введены запреты.

Данные выводы коррелируют с исследованием, проведенным в отношении китайской интернет-платформы WeChat. Авторы статьи пришли к выводу, что «Китайская модель» платформизации приложения, где сначала происходит консолидация аудитории посредством добавления необходимого и удобного функционала, а уже потом внедряются государственные инициативы по контролю за потоками информации, сработала разительно лучше, чем полностью государственные проекты для построения цифрового суверенитета Китая [8]. Исследование истории «Золотого щита» (также известного как «The Great Firewall») также продемонстрировало, что переход к полностью китайскому интернету начался с построения «китаизированной» интернет-инфраструктуры или адаптацией существующих ресурсов под потребности граждан [9].

Самая независимая платформа в мире. В предыдущей части исследования автор намеренно опустил позиционирование Telegram на рынке социальных сетей. Из 747 проанализированных публикаций в официальных блогах компании и ее создателя, 86 раз освещалась тема «миссии» или «цели»

[4] Подсчитано Автором на основании открытых данных сайта https://ria.ru/

Telegram. Так, платформа транслирует следующие ценности как основу своего бренда (расположены по убыванию частотности упоминания):

1. Приватность и безопасность данных
2. Свобода слова и противостояние цензуре
3. Ориентирование на пользователя, а не акционеров
4. Инновации и развитие
5. Глобальная доступность
6. Противостояние давлению корпораций и правительств

Несложно заметить, что как минимум два пункта в данном списке могут стать препятствием для сотрудничества государств с Telegram. Павел Дуров неоднократно заявлял, что не нарушит политику конфиденциальности платформы даже под угрозой её блокировки в отдельном государстве [10]. Тем не менее, анализ его публикаций показывает, что Telegram не придерживается радикальной политики неразглашения. Так, по информации из блога Павла, за три квартала 2024 года Telegram удовлетворил несколько тысяч заявок на разглашение информации о преступниках [10]. Эти действия демонстрируют, что платформа противостоит экстремизму и другой нелегальной деятельности. Этот же аргумент использовался властями при принятии решения о разблокировке Telegram в РФ [11].

Создатель Telegram делится данными о взаимодействии платформы с правительствами. В публикации о лидерах, имеющих официальные страницы в Telegram, он объяснил позицию платформы: «В отличие от других сетей, Telegram не использует непрозрачные алгоритмы, решающие, увидит ли подписчик контент. В результате каналы Telegram — это единственный прямой способ для лидеров мнений надежно связаться со своей аудиторией» [12]. На наш взгляд, именно в этом высказывании содержится ключевой механизм, который можно использовать государству для формирования своей информационной политики на базе Telegram. Хотя система верификации каналов и пользователей в социальных сетях не нова, принципиальная особенность Telegram в том, что после выбора каналов для чтения, контент ограничен ими. Соответственно, риск случайного получения недостоверной или нежелательной информации в этой социальной сети снижается.

Интервьюентам, которые назвали Telegram основной для себя социальной сетью, был задан вопрос о причинах выбора именно этой платформы над остальными, *22-летняя студентка, отмечает*: «Я очень не люблю, как алгоритмы засоряют для меня поток информации различным побочным контентом, который я совсем не хочу видеть. В каналах лента хронологическая и нет лишних вставок. Я читаю только то, что хочу читать».

Данное мнение разделяли и другие участники интервью – его результаты показали, что активный выбор контента и доверие аудитории к выбранным источникам как раз становится причиной, почему Telegram удается успешно формировать личные «информационные пузыри» у пользователей.

Информационный пузырь или «пузырь фильтров» — это среда в сети, где человеку доступна только информация, соответствующая его взглядам [13].

В научном дискурсе присутствуют обсуждения данного термина в негативном ключе, однако важно понимать, что его последствия зависят от сущности распространяемой информации [14]. Механики Telegram упрощают создание таких пузырей: здесь не нужно формировать ленту публикаций для воздействия на пользователей. Учитывая формат Telegram-каналов и отсутствие алгоритмических рекомендаций, достаточно инициировать подписки на определенные каналы для того, чтобы получаемая информация соответствовала системе взглядов пользователя. Инструмент для форсирования подписок на каналы в Telegram также уже присутствует – возможность цитирования публикаций из других каналов, что может происходить естественно или на рекламной основе. Такой подход к созданию единого информационного потока государством не только более эффективен в частных случаях, но и более устойчив в долгосрочной перспективе и в российской специфике.

Не стоит забывать, что вопрос регулирования информации в Интернете стоит и перед правительствами других стран, причем не первый год. Традиционно подходы к нему делились на две категории: протекционистских мер и законодательного сотрудничества. Для взгляда на первую можно вернуться, к примеру, WeChat: китайское правительство выбрало тактику монополизации информационного поля, сначала закрыв рынок для иностранных платформ, а затем и национализировав часть материнской компании мессенджера [15]. Вторая же характерна для США, где управление социальными сетями происходит через сотрудничество их владельцев с правительством и принятие регуляторных законов в обмен на налоговые, трудовые или иные послабления [16], приводя не к монополии на информацию, но к существенной ее унификации. Слабой стороной этих методов является его публичность: об изменениях в структуре или политике социальных сетей гражданам становится известно, что освещается в СМИ [17] и блогах [18], как правило, в негативном ключе. Подход, который настоящая статья предлагает осуществлять по модели Telegram, предполагает не публичную монополизацию или унификацию информации, а создание естественного ее стечения в единый ресурс. После анализа результативности такого подхода в РФ, он может стать основой для политик информационной безопасности и других стран.

Заключение. Данная статья подробно освещает тренд роста популярности Telegram среди российских пользователей. Рассматривая Telegram как социальную сеть, мы выяснили, что именно платформизация стала толчком к увеличению и удержанию аудитории внутри платформы. Уникальная механика взаимодействия с контентом через каналы нашла отклик у аудитории и дала возможность формирования устойчивых и крепких информационных пузырей. На наш взгляд, именно эта особенность в совокупности с продолжающимся процессом перехода российской аудитории в Telegram открывает перспективы для проведения на платформе единой информационной политики России, а в последствии и других стран. В рамках планов правительства РФ по установлению цифрового суверенитета сейчас как никогда важно сместить фокус с защиты Интернета от внешнего влияния на развитие собственных источников информации и каналов её распространения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Statista Leading apps in China 2024, by monthly active users // Statista. – URL: https://www.statista.com/statistics/1032630/china-leading-apps-by-monthly-active-users/ (дата обращения: 18.02.2025).

2. Mediascope: Аудитория Telegram: статистический сборник / Mediascope, 2024. Ред. А.Лукьянова. – URL: https://mediascope.net/upload/iblock/2ee/bdbcymunn4gcxjwcgjgjzsw74nrqtmz6/Mediascope_%D0%9D%D0%A0%D0%A4_Telegram.pdf

3. The evolution of Telegram // Telegram. – URL: https://telegram.org/evolution?setln=de#2013 (дата обращения: 09.02.2025).

4. Каталог Telegram-каналов и чатов — Весь мир — TGStat // TGStat.com. – URL: https://tgstat.com/ru (дата обращения: 10.02.2025)

5. Каталог Telegram-каналов и чатов — Россия — TGStat // TGStat.com. – URL: https://tgstat.ru (дата обращения: 10.02.2025).

6. Рейтинг Telegram-каналов — Россия — TGStat // TGStat.com. – URL: https://tgstat.ru/ratings/channels (дата обращения: 10.02.2025).

7. Statista Telegram messenger global MAU 2014-2024 // Statista. – URL: https://www.statista.com/statistics/234038/telegram-messenger-mau-users/ (дата обращения: 18.02.2025).

8. Plantin J.-C., De Seta G. WeChat as infrastructure: the techno-nationalist shaping of Chinese digital platforms // Chinese Journal of Communication. 2019. № 3 (12). С. 257–273.

9. Plantin J.-C., De Seta G. WeChat as infrastructure, с. 267-277.

10. Du Rove’s Channel // Telegram. – URL: https://t.me/durov/342 (дата обращения: 18.02.2025).

11. Почему власти решили разблокировать Telegram. Главное // РБК. – URL: http://rbc.ru/technology_and_media/18/06/2020/5ee211609a79473d9eccbc4c (дата обращения: 08.02.2025)

12. Du Rove’s Channel // Telegram. – URL: https://t.me/durov/148 (дата обращения: 16.02.2025)

13. Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You / E. Pariser, 2011.

14. Echo chambers, filter bubbles, and polarisation: a literature review // Reuters Institute for the Study of Journalism. – URL: https://dx.doi.org/10.60625/risj-etxj-7k60 (дата обращения: 18.02.2025).

15. Plantin J.-C., De Seta G. WeChat as infrastructure: the techno-nationalist shaping of Chinese digital platforms // Chinese Journal of Communication. 2019. № 3 (12). С. 268.

16. Li J. An Ethical Evaluation of Corporate Lobbying Practices: A case study on Facebook Inc’s lobbying strategies // Deep Blue (University of Michigan). 2021.

17. Leetaru K. Facebook as the ultimate government surveillance tool? // Forbes. – URL: https://www.forbes.com/sites/kalevleetaru/2018/07/20/facebook-as-the-ultimate-government-surveillance-tool/ (дата обращения: 15.04.2025).

18. 中国推“微信十条”严格控制即时通信工具 // 纽约时报中文网. – URL: https://cn.nytimes.com/china/20140808/c08wechat/ (дата обращения: 15.03.2025).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ……... 3

РАЗДЕЛ I. МИР ВОКРУГ НАС: ИСТОРИЯ И ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ……. 4

Делеган Е. И. Анализ влияния миграции населения на формирование коллективной идентичности Европейского Союза ……. 4

Есина Н. Н. История формирования американо-мексиканской границы и политики США в отношении мексиканских мигрантов …… 10

Ефименко М. К. Африканская стратегия Италии на современном этапе …… 16

Злуницын В. А. Фактор военной политики НАТО в Югославском конфликте 22

Капранов Д.С., Цыб А.В. Гибралтарский вопрос до XXI века ……. 31

Киселев В. Становление и развитие белорусской дипломатии: от БНР до независимости (1918-1991) …… 39

Лу Фэн. Оптимизация транспортной логистики Китая, Казахстана и России в рамках «Одного пояса – одного пути» …….. 46

Монахов И. А. У истоков расширения НАТО: роль администрации президента США У. Клинтона …….. 50

Овчинникова А. Северный морской путь как ледокол глобальной нестабильности в контексте кризиса в Красном море …… 55

Пешева М. А. Исторические условия членства Китая в Организации Объединенных Наций до 1971 года …….. 63

Романов Т. Л. Конфликт в Западной Сахаре. История и инициативы по разрешению конфликта …….. 68

Рулёв Б. Е. Исламский радикализм как фактор динамики конфликта на Северном Кавказе …… 74

Сартакова Д. И. Перспективы атомного ренессанса в Европе ……. 80

Уйман Е. С. От Barkhane до Вагнера: почему Франция отступает, а Россия укрепляется в Сахеле? …… 85

Хомякова А. Л. Аспекты миграционного конфликта между США и Мексикой ……. 93

РАЗДЕЛ II. МИРОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ …… 102

Арзуманян А. А. ***В***лияние интеграционных процессов на роль Восточноазиатского региона в мировой экономике в XXI веке …… 102

Астров Р. И. Последствия демаркации и делимитации границ во франкофонных постколониальных государствах Западной Африки …… 108

Бурим К. К. Международное регулирование в области информационной безопасности …… 116
Вебер Э. Концептуальные подходы стран БРИКС к видению мирового порядка: сравнительный анализ …… 121
Винникова Е. А. Влияние научного прогресса на глобальные миграционные процессы …….. 130
Дай Ли Инструмент космической дипломатии - Проект «Чанъэ» …… 135
Песчанская А. А. Глобальная гонка за лидерство в области искусственного интеллекта: лидеры и аутсайдеры …… 140
Федорова А. С. Специфика и перспективы делового и конгрессно-выставочного туризма в международных отношениях на примере России …. 147
Чжан Цзинкай. Влияние «технологического национализма» на внешнюю политику США (на примере китайско-американских отношений) …… 151
Чурбанова М. А. Анализ геополитических интересов РФ и КНР в контексте БРИКС …… 160

РАЗДЕЛ III. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ …… 166

Бурханов К. Участие России в преодолении дефицита водных и энергетических ресурсов в Центральной Азии …… 166
Воякина М. С., Иванова Т. Д., Мачульская П. Г. Инициативы Китая в борьбе с терроризмом в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС) …….. 172
Лобачев С. Д. Сотрудничество НАТО и Колумбии: ключевые этапы и направления развития …… 179
Медведева Е. М. Необходимость диверсификации экономики как общая проблема для России и стран ССАГПЗ …… 187
Нитецкий В. М., Проворов Н. В., Матусяк П. В. Фактор отношений с Россией во внешнеполитических стратегиях партий ФРГ на примере ХДС/ХСС и Альтернативы для Германии …… 193
Привалов А. С. Критический анализ стратегического партнерства Венгрии и Китая на современном этапе …….. 200
Провоторова М. А. Актуальные проблемы в отношениях России и Германии в газовой сфере …… 206
Смирнова М. Е. Россия и Африка: Новая глава образовательного сотрудничества …… 210
Федоренко Д. Р., Гришко Е. Д. Идейное обоснование современной шведской политики помощи развивающимся странам …….. 218
Шавкерова П. С. Участие Соединённых Штатов Америки в деятельности международных организаций в сфере регулирования развития технологий искусственного интеллекта …… 224
Ярков М. А, Шапин А. С. Санкции против России и их влияние на Российско-эмиратские отношения …… 230

РАЗДЕЛ IV. МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ …… 238

Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Русское кино в Бразилии в 2020-е гг. …. 238
Горковец Д. Д. Культурная дипломатия Казахстана на постсоветском пространстве …… 244
Елисеева С. Д. Мягкая сила Японии в США в XXI веке …… 251
Мильдзихова Э. И. Современные проблемы в реализации гуманитарной политики Турции в центральной Азии …….. 257
Нельга А. А., Колесников Д. Е. Особенности невербальной коммуникации в Финляндии …… 263
Останин А. В. Культурное сотрудничество Финляндии и Китая в исторической ретроспективе и на современном этапе …… 268
Платова Е. О. Особенности поведения как отражение культурного кода: сравнительный анализ России, Китая, США, Германии и Италии …… 274
Смирнова Е. А. Значение перекрестных годов для культурной дипломатии и отношений России и Китая …….. 281
Хмара Е. М. Американские СМИ как инструмент политики “мягкой силы” ... 288

РАЗДЕЛ V. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА 293
Борисова Е. А. Прогрессивное развитие международного права как направление деятельности специализированных учреждений ООН …… 293
Васильева Д. Р., Филимонова Д. Ю. Кибербезопасность в эпоху глобализации: влияние китайского законодательства на стандарты защиты данных …….. 297
Житенева А. И., Коровникова А. А. Влияние Турции на правовой режим черноморских проливов: международно-правовой анализ безопасности и сотрудничества …… 301
Иванисенко А. К. Особенности правового статуса унитарных предприятий с позиции компаративистики …… 306
Коломейцева К. А., Черненок Д. М. Правовые аспекты китайской инициативы «Один пояс – Один путь»: влияние на международное право …. 312

РАЗДЕЛ VI. ТРЕНДЫ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ …… 318
Ваганова О. Ю., Кади С.В. Сравнительная оценка нефтяных разливов в Соединенных Штатах Америки и Российской Федерации …… 318
Демина Е. И. Социально-экономическая адаптация ближневосточных мигрантов в Швеции …….. 327
Камалетдинов Л. Л. Влияние милитаризации на общественную безопасность в Мексике …… 332
Килочкина Д. С. Национальный брендинг в условиях геополитической нестабильности …… 340

Куликова О. М. Эволюция развития партийной системы в Австрии в период с 2000 до 2024 гг. …… 344
Куцин А. А. Политический кризис во Франции 2024 года: причины и последствия …… 350
Матюшечкина Е. В. Феномен территориального брендинга. Теоретические подходы Филипа Котлера и Саймона Анхольта ……. 356
Песчанская А. А., Пешкина А. А. Проблемы этики в сфере искусственного интеллекта: вопросы ответственности и принятия решений ……. 362
Тюкалова Д. М. Мосты интеграции: как ФРГ адаптирует турецких мигрантов 368
Шаманская Д. В. Влияние основных документов и исторических событий на развитие гендерной политики в ЕС ……. 374
Шумков Б. О. Проблемы и вызовы интеграции вынужденных иммигрантов в Федеративной Республике Германия ……. 379
Юрченко А. А. Telegram как инструмент цифрового суверенитета России …. 388

СОДЕРЖАНИЕ …… 395

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Сборник научных трудов

Выпуск 8

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93, т. 2; 95 3004 – научная и производственная литература

Подписано в печать 29.05.2025. Формат 60×84/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 25,0. Тираж 500. Заказ 2678.

Отпечатано с готового оригинал-макета,
предоставленного ответственным редактором,
в Издательско-полиграфическом центре Политехнического университета.
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
Тел.: (812) 552-77-17; 550-40-14.